БИБЛИОТЕКА
ОТЦОВ И УЧИТЕЛЕЙ
ЦЕРКВИ

ТВОРЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ КИРИЛЛА ЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Книга 1

О ПОКЛОНЕНИИ И СЛУЖЕНИИ В ДУХЕ И ИСТИНЕ

МОСКВА
2000

По благословению
архиепископа Тернопольского и Кременецкого
СЕРГИЯ

Святитель Кирилл Александрийский — один из тех великих архипастырей, тончайших умозрителей и выдающихся толкователей Священного Писания, которыми столь богата почти двухтысячелетняя история святоотеческой письменности. Его имя как борца за Православие против ереси Нестория запечатлено в анналах истории Церкви и неистленными письменами внесено в «книгу жизни» (Откр. 3, 5). Свт. Кирилл является плодовитейшим писателем. К сожалению, перевод его творений на русский язык, начатый в Московской Духовной Академии, был прерван революцией. Переведены преимущественно экзегетические творения святителя. Некоторые из них: «О поклонении и служении в духе и истине», «Глафиры, или искусные объяснения избранных мест из Пятикнижия» и «Толкование на Евангелие от Иоанна» решено переиздать в серии «Библиотека отцов и учителей Церкви». Обширная вступительная статья профессора, доктора церковной истории А. И. Сидорова позволяет читателю представить основные факты жизни святителя, характерные особенности его творчества и богословского миросозерцания. Данное переиздание, возможно, стимулирует возобновление прерванного процесса переводов творений Александрийского святителя на русский язык.

Общая редакция: проф. А. И. Сидоров

IBSN-5-87468-097-7

А. И. Сидоров

СВЯТИТЕЛЬ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

его жизнь, церковное служение и творения

I. Жизнь и церковное служение св. Кирилла[1]

1) Период жизни до архиепископства (375/380–412)

Свидетельства о раннем периоде жизни будущего святителя весьма темны и глухи. Согласно «Хронике» Иоанна Никиусского (конец VI в.), дошедшей до нас лишь в переводе на эфиопский язык, родился он в небольшом городке Феодотион, расположенном в 120 км на восток от Александрии; время его рождения можно установить только приблизительно (375–380 гг.). Несомненен тот факт, что по матери св. Кирилл приходился племянником архиепископа Феофила Александ-

[1] На русском языке наиболее подробно жизнь и деятельность свт. Кирилла освещается в кн.: *Лященко Т.* Св. Кирилл, Архиепископ Александрийский. Его жизнь и деятельность. Киев, 1913. Книга написана ярко и талантливо, но, к сожалению, в выводах и суждениях ее автора иногда встречаются элементы произвольности и субъективности. Определенное значение имеет и старая работа: *Архимандрит Порфирий (Попов).* Св. Кирилл, Архиепископ Александрийский // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе, 1854, ч. 13, с. 250–322. Однако в целом она носит чисто описательный характер. Из западной литературы, посвященной личности и мировоззрению александрийского святителя, см. общий очерк в известной «Патрологии» Й. Кастена: *Quasten J.* Patrology, v. III. Utrecht–Antwerp, 1975, p. 116–142. Полезным представляется также предисловие к изданию избранных посланий св. Кирилла: *Cyril of Alexandria.* Select Letters. Ed. and transl. by *L. R. Wickham.* Oxford, 1993, p. XI–XLIII. См. также предисловия к изданиям: *Cyrille d'Alexandrie.* Lettres Festales, t. I. Ed. par *P. Evieux, V. H. Burns,* etc // Sources chrétiennes, N 372. Paris, 1991, p. 11–72; *Cyrille d'Alexandrie.* Deux dialogues christologiques. Ed. par *G. M. de Durand* // Sources chrétiennes, N 07. Paris, 1964, p. 7–34.

рийского, стяжавшего впоследствии печальную известность своими нечистоплотными действиями в отношении св. Иоанна Златоуста. Но в судьбе своего племянника Феофил сыграл весьма положительную и решающую роль. Вероятно, влиятельный архиепископ взял к себе в Александрию племянника в самом раннем его возрасте и руководил его воспитанием[2]. Детали этого образования и воспитания св. Кирилла стерлись из исторической памяти, а поэтому здесь остается высказывать только более или менее вероятные предположения. Сам он на Ефесском Соборе заявлял: «Мы никогда не держались мнений ни Аполлинария, ни Ария, ни Евномия, но с детства изучали Священное Писание и воспитаны под руководством православных и святых отцов»[3]. Вероятно, этими словами св. Кирилл указывает на свое домашнее христианское воспитание, которое было неразрывно связано с регулярным посещением храма и соответствующей катехизацией. Основной частью подобного воспитания было постоянное внимание, обычно уделяемое Слову Божию[4]. Далее, очень возможно, что св. Кирилл обучался и в знаменитом «огласительном училище»

---

[2] См. на сей счет замечание Т. Лященко: «Начальное воспитание и образование св. Кирилла, вероятно, протекало под руководством Феофила. Конечно, Феофил мог только наблюдать, руководить воспитанием и образованием своего племянника, а не был его непосредственным учителем, так как для этого у него не было даже и времени при обширности Александрийской архиепископии. Поэтому влияние Феофила могло отразиться скорее на воспитании, чем на образовании св. Кирилла» (*Лященко Т*. Св. Кирилл, с. 13). Впрочем, сам Феофил был достаточно образованным человеком. Во всяком случае, блаж. Иероним в послании к нему очень хвалит одно из пасхальных посланий архиепископа, говоря так: «Ты соединяешь философию с ораторским красноречием и совмещаешь для нас Демосфена с Платоном» (Творения *блаж. Иеронима Стридонскаго*, ч. 2. Киев, 1894, с. 383). Учитывая необходимый «политес», который блаж. Иероним должен был соблюдать в отношении к могущественному архиерею, вряд ли в этих словах можно видеть одну только лесть.

[3] Деяния Вселенских Соборов, т. I. Спб., 1996, с. 312.

[4] См.: «Учители Церкви внушали отцам и воспитателям, чтобы занятие Писанием непременно входило в состав христианского воспитания. Кроме того что отец семейства должен был заниматься Писанием в кругу своих детей, дети и сами должны были изучать Писание как науку самую важную и необходимую для них» (*Кастальский Д*. О домашнем чтении Слова Божия у христиан первых веков. М., 1876, с. 18).

Александрии, которое такие выдающиеся «дидаскалы», как Климент Александрийский и Ориген, подняли на уровень Богословской Академии. В дни молодости св. Кирилла здесь преподавал известный Дидим Слепец (ум. 398 г.). Церковный историк Сократ отзывается о нем так: «Тогда процветал дивный, красноречивый и славный всякою ученостью муж Дидим. Еще в молодых летах, знакомясь с первыми основаниями учения, он подвергался глазной болезни и, страдая глазами, потерял зрение. Но Бог, вместо чувственных очей, дал ему разумные, ибо чему не мог выучиться при помощи глаз, тому научился посредством слуха. Быв с детства весьма способен и имея прекрасную душу, он опередил и тех, у которых, кроме способностей, было еще острое зрение. Дидим легко изучил правила грамматики, риторике научился еще скорее. Перешедши же к наукам философским, он дивно усвоил диалектику, арифметику, музыку,— вообще, все науки философов слагал в душе так, что легко мог противостоять тем, которые изучали их при помощи глаз. Да и не только это, но и божественное учение Ветхого и Нового Завета знал он так хорошо, что издал много книг». Сократ передает и слова, сказанные преп. Антонием Великим Дидиму: «Не смущайся, Дидим, что лишился чувственного зрения, ибо у тебя не стало глаз, которыми смотрят комары и мошки; лучше радуйся, что имеешь глаза, которыми смотрят Ангелы, которыми созерцается Бог и воспринимается свет Его»[5]. Став во главе «огласительного училища», Дидим развил «необыкновенную деятельность по всем отраслям,— деятельность, поставляющую его почти наряду с Оригеном, защитником и последователем которого он был»[6]. Трудно предположить, что св. Кирилл не посещал лекций этого знаменитого экзегета и богослова, к которому стекались ученики со всего света и у которого учились св. Григорий Богослов, блаж. Иероним Стридонский и Руфин Аквилейский.

Однако обучение у Дидима требовало уже определенной подготовки, и св. Кирилл, несомненно, прошел обычную для того времени школьную «рутину»[7]. Исследователи

---

[5] См.: *Сократ Схоластик*. Церковная история. М., 1996, с. 192–193.

[6] *Дмитриевский В*. Александрийская школа. Очерк из истории духовного просвещения от I до начала V века по Р. Х. Казань, 1884, с. 261.

обнаруживают в творениях св. Кирилла вполне приличное знание многих дисциплин, составляющих предмет среднего образования того времени, и соответствующее этому этапу знание античных классиков (Гомера, Гесиода и проч.)[8], а поэтому с достаточным основанием можно предполагать, что школу ритора он закончил. Трудно сказать, изучал ли св. Кирилл круг философских дисциплин, знаменующих собой высшее образование той эпохи. В его время в Александрии блистала известная Ипатия, удивлявшая своих современников умом и познаниями, причем к этому «присоединялось удивление ее замечательной красоте, целомудрию и женственной скромности»[9]. Однако нет никаких сведений (и даже намеков на них) относительно того, что св. Кирилл каким-то образом поддался «философско-женственному обаянию» этой знаменитости, под которым, например, находился всю жизнь его современник Синесий. Но полностью исключать факт влияния Ипатии на св. Кирилла также нельзя; впрочем, если это влияние и имело место, то оно играло незначительную роль[10]. Что не подлежит сомнению,

---

[7] Обычно она состояла из четырех этапов: «для получения полного «свободного» образования грек должен был пройти следующие ступени обучения: во-первых, школу «грамматиста», где его учили грамоте, во-вторых, школу «грамматика», где его обучали литературе и вместе с тем сообщали элементарные сведения из всех ἐγκύκλια μαθήματα, в-третьих, школу ритора, которая занимала промежуточное положение между средним и высшим образованием и представляла аналогию средневековому «факультету искусств» (facultas artium), наконец, в-четвертых, школу философа, в которой кроме философии снова преподавались связанные с ней ἐγκύκλια μαθήματα, но уже в научной постановке» (*Дьяконов А. П.* Типы высшей богословской школы в древней Церкви III–VI вв. // Ученые Записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова, вып. 3, 1998, с. 9). На латинском Западе структура образования была аналогичной и многие западные отцы Церкви проходили (хотя и не полностью) ту же «рутину». См.: *Садов А.* Влияние образования и литературных вкусов времени на язык древних западных христиан // Христианское чтение, 1915, № 3, с. 285–303 (о структуре образования см. с. 294–295).

[8] Подробно см.: *Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 28–43; *Du Manoir de Juaye H.* Dogme et spiritualité chez saint Cyrille d'Alexandrie. Paris, 1944, p. 17.

[9] *Остроумов А.* Синезий Философ, Епископ Птолемаидский. М., 1879, с. 38.

так это достаточно серьезная философская культура св. Кирилла[11]. Он неоднократно цитирует античных философов (досократиков, Платона, Аристотеля и др.), хотя практически не ссылается на современных ему языческих мыслителей (исключение — Юлиан Отступник)[12]; и не просто цитирует, но активно использует арсенал их «всеоружия» в полемике с самим язычеством[13]. И выступая против язычников, святитель проявляет себя вполне компетентным апологетом, самостоятельно изучившим сочинения своих оппонентов, а не просто «плагиатором», почерпнувшим всю свою аргументацию из вторых рук[14]. Естественно, что центром всего миросозерцания св. Кирилла, как и всех отцов Церкви, являлось богословие, а философия (в узком смысле слова) находилась на периферии этого миросозерцания[15], но в качестве такого периферийного явления она со-

---

[10] Т. Лященко здесь, как и в некоторых других случаях, излишне категоричен: «ничто нам не препятствует допустить, что громадную эрудицию в области философии св. Кирилл приобрел от Ипатии» (*Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 47).

[11] Хотя ему иногда отказывают в праве называться «философом», считая, что он обладал качествами экзегета (bibliste) и богослова, но не эрудита (d'un lettre) и философа. См.: *Liebaert J.* Saint Cyrille d'Alexandrie et la culture antique // Mélanges de Science Religieuse, t. 12, 1955, p. 21.

[12] См.: *Labelle J. M.* Saint Cyrille d'Alexandrie. Témoin de la langue et de la pensée philosophique au Ve siècle // Revue des Sciences Religieuses, t. 52, 1978, p. 135–158.

[13] «В сочинениях св. Кирилла нередко можно встретить защиту христианства от нападения языческой философии, причем для защиты и для нападения на самих язычников он часто прибегает к тем же философам, которыми пользовались и язычники. Отвечая Юлиану в своем сочинении против него, почему христиане изучают греческих писателей, св. Кирилл развивает целую систему взаимоотношения языческой мудрости и христианского ведения: хотя Св. Писание заключает в себе все, что нужно знать христианину в области религиозно-нравственной, однако он должен изучать и языческих философов, чтобы языческой мудростью пользоваться для защиты христианских истин и для борьбы с языческой мудростью» (*Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 44–45).

[14] См.: *Grant R. M.* Greek Literature in the Treatise *De Trinitate* and Cyril's *Contra Julianum* // Journal of Theological Studies, v. 15, 1964, p. 269–279.

ставляла важный момент многих его умозрений. Безусловно, от природы св. Кирилл обладал мощным и глубоким умом «философического» характера, который он еще и постоянно упражнял навыком напряженной работы мысли. Поэтому, получив первоначальные философские знания, например, в той же школе Дидима, он мог в дальнейшем успешно пополнять эти знания путем самостоятельного изучения.

Но, конечно, в основе всего формирования личности св. Кирилла лежало Священное Писание и Предание отцов Церкви. Согласно констатации Т. Лященко, «можно сказать без особого преувеличения, что почти каждую свою мысль он старается подтвердить изречением из Слова Божия»[16]; как и многие святые отцы, Писание св. Кирилл знал, скорее всего, наизусть. Весьма обширна и начитанность св. Кирилла в древнецерковной письменности: его творения обнаруживают знакомство с произведениями многих не только восточных, но и западных отцов и учителей Церкви[17]. Не случайно Север ибн аль-Мукафа[18] в своей «Истории Александрийских патриархов», повествуя о Феофиле, говорит, что он весьма любил племянника и благодарил Бога за то, что Тот послал ему духовного сына, возросшего в благодати и мудрости. Далее Север замечает, что св. Кирилл никогда не прекращал изучать богословие и размышлять над словами учителей Православной Церкви: Афанасия, Дионисия, Климента Римского, Евсевия, Василия, епископа Армении (?), и Василия, еписко-

---

[15] См. диссертацию: *Herbensperger J. N.* Die Denkwelt des hl. Cyrill von Alexandrien. Eine Analyse ihres philosophischen Ertrags. München, 1924, S. 31.

[16] *Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 49.

[17] Там же, с. 54. Впрочем, знание латинского богословия у св. Кирилла ограничивается краткими цитатами из свв. Киприана и Амвросия; прослеживается также влияние толкований блаж. Иеронима. Насколько св. Кирилл был знаком с латинским языком, установить трудно, но вряд ли знание его было глубоким. См. предисловие Л. Р. Викхама: *Cyril of Alexandria.* Select Letters, p. XV–XVI.

[18] Об этом арабском христианском авторе второй половины X в. см.: *Архиепископ Лоллий (Юрьевский).* Александрия и Египет // Богословские труды, сб. 18, 1978, с. 163–168.

па Каппадокии[19]. Причем, «изучение Священного Писания и творений живших прежде отцов и учителей Церкви сопровождалось у Кирилла глубоким и серьезным размышлением. Кирилл обдумывал каждую строку Писания; всякую догматическую мысль он старался прочно и незыблемо утвердить на непререкаемом авторитете Откровения»[20]. Подобным серьезным отношением и к Священному Писанию, и к творениям древнецерковных писателей св. Кирилл во многом обязан, как можно предполагать, своим пятилетним пребыванием у нитрийских монахов. Об этом пребывании свидетельствует тот же Север ибн аль-Мукафа[21], который говорит, что Феофил послал племянника на «Нитрийскую гору», в «пустыню святого Макария». И св. Кирилл провел пять лет в монастырях, читая книги Ветхого и Нового Завета; Феофил вручил его мудрому Серапиону, которому вменялось в обязанность наставлять молодого человека в «церковных учениях», т. е. в «истинных учениях Божиих». Сомневаться в подлинности этого свидетельства нет серьезных оснований и можно предполагать, что в Нитрийскую пустыню св. Кирилл прибыл приблизительно в 394–395 гг. К этому времени преп. Макарий Египетский уже скончался (ум. 390 г.), но вполне возможно, что св. Кирилл застал еще в живых преп. Макария Александрийского (ум. 394 г.), пребывающего обычно в Келлиях[22]. Что же касается Серапиона, то у Севера подразумевается, скорее всего, Серапион Великий, упоминаемый Созоменом среди святых египетских подвижников[23]; о нем есть так-

---

[19] Правда, тут же Север отмечает, что св. Кирилл никогда не следовал учению Оригена и никогда не брал в руки его книги, а когда слышал, что какой-нибудь верующий читал Оригена, то осуждал и отлучал его от Церкви. Однако последнее предложение не вызывает никакого доверия в силу изложенных ниже причин. См.: *Severus ibn Al-Muqaffa*. History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria. Ed. by B. Evetts // Patrologia Orientalis, t. I, fasc. 4. Paris, 1948, p. 429.

[20] *Миролюбов А*. Проповеди св. Кирилла Александрийского. Киев, 1889, с. 15.

[21] *Severus ibn Al-Muqaffa*. Op. cit., p. 427–428.

[22] О них см.: *Сидоров А. И*. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998, с. 138–145.

[23] См. русский перевод: Церковная история *Эрмия Созомена Саламинскаго*. Спб., 1851, с. 192.

же краткие свидетельства у блаж. Иеронима и Палладия Еленопольского[24]. К сожалению, мало что известно об этом Серапионе: черты его личности и миросозерцания почти полностью стерлись в исторической памяти, оставшись запечатленными только в вечной Книге жизни на небесах[25].

Можно с достаточной долей вероятности предположить, что в Нитрии (понимая это монашеское поселение в широком смысле, т. е. включающем в себя Келлии и Скит) св. Кирилл общался и с теми выдающимися подвижниками, которые позднее были причислены к так называемым «оригенистам». Из них наиболее известным был, несомненно, Евагрий Понтийский (ум. 399 г.)[26]. Один из самых образованнейших людей своего времени, глубокий мыслитель и строгий подвижник, он являлся не только автором аскетических и богословских сочинений, но и был весьма тонким экзегетом[27]. Феофил явно благоволил к нему и, как свидетельствует коптская редакция «Лавсаика», собрался даже сделать его епископом Тмуисским, но Евагрий, считая себя недостойным подобной высокой чести, на некоторое время удалился из Египта[28]. Своего племян-

---

[24] Блаж. Иероним называет его, говоря о путешествии по Египту своего друга — подвижницы Павлы. См.: Творения *блаженнаго Иеронима Стридонскаго*, ч. 3. Киев, 1880, с. 33. Палладий говорит о нем, повествуя о своем посещении Нитрии и о пребывании там преп. Мелании Старшей. См.: The Lausiac History of *Palladius*, v. II. Ed. par *C. Butler*. Cambridge, 1904, p. 125, 134.

[25] В связи с распространенностью имени «Серапион» в Египте той эпохи трудно сказать, был ли старец, у которого проходил послушание св. Кирилл, тождественен тому подвижнику, с которым встречался преп. Иоанн Кассиан Римлянин, называющий его «особенно отличающимся даром рассуждения». См.: *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин*. Писания. Сергиев Посад, 1993, с. 240.

[26] Подробно о нем см. наше предисловие: Творения аввы *Евагрия*. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994, с. 5–74.

[27] Об этом свидетельствуют два недавно изданных его экзегетических произведения. См.: *Evagre le Pontique*. Scholies aux Proverbes. Ed. par *P. Géhin* // Sources chrétiennes, N 340. Paris, 1987; *Evagre le Pontique*. Scholies a l'Ecclesiaste. Ed. par *P. Gehin* // Sources chrétiennes, N 397. Paris, 1993. Толкования Евагрия выдержаны в традиционном для Александрийской школы духе с ее акцентами на значимости духовно-иносказательной («анагогической») экзегезы; они вполне созвучны толкованиям Климента Александрийского, Оригена и Дидима Слепца.

[28] См.: Quatre ermits égyptiens d'après les fragments coptes de l'Histoire Lausiaque. Ed. par *G. Bunge* et *A. de Vogüé*. Abbaye de Bellefontaine, 1994, p. 162.

ника архиепископ, безусловно, мог поручить опеке столь выдающегося мужа, бывшего к тому же учеником обоих Макариев (Египетского и Александрийского). Единомышленниками и друзьями Евагрия являлись братья-подвижники, прозванными за свой высокий рост «длинными братьями», которые также славились святостью своей жизни. Одного из них, Аммония, Созомен характеризует так: «Говорят, что этот Аммоний достиг высоты любомудрия, мужественно побеждал удовольствие и самоугождение и был весьма учен, так что перечитал Оригена, Дидима и других духовных писателей, и от юности до кончины не вкушал ничего, бывшего на огне, кроме хлеба». Феофил и Аммония хотел рукоположить во епископа, но тот отсек себе ухо, чтобы избежать этой участи (за что и был прозван «безухим»)[29]. Однако другого из «длинных братьев», Диоскора, Феофилу удалось приблизить к себе и сделать впоследствии епископом Гермополя. Подобная благосклонность Феофила к этим братьям-монахам позволяет думать, что и св. Кирилл не остался вне сферы влияния их.

Пятилетнее пребывание будущего святителя в Нитрийской пустыне наложило, вне всякого сомнения, сильнейший отпечаток на всю личность и мировоззрение его. Можно вполне согласиться с суждением Т. Лященко: «Под сильным и благотворным влиянием скитской жизни не только окрепла воля св. Кирилла, но и завершилось его образование, а именно — изучение Св. Писания»[30]. Прервано его пребывание здесь, вероятнее всего, разгоревшимися «оригенистскими спорами», начатыми еще в 70-х годах IV в. непримиримым оппонентом Оригена св. Епифанием Кипрским[31], к которому впоследствии присоединился и блаж. Иероним, бывший дотоле почитателем Александрийского богослова[32]. До Египта эти споры докатились позднее (в 399 г.) и обрели форму столкновения между

---

[29] См.: Церковная история *Эрмия Созомена Саламинскаго*, с. 449.

[30] *Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 68.

[31] Немалую роль в его оппозиции Оригену играло совсем иное понимание подвижничества и духовной жизни, чем то, которое прослеживается у александрийского мыслителя. См.: *Lyman J. R.* The Making of a Heretic: The Life of Origen in Epiphanius *Panarion* 64 // Studia Patristica, v. XXX, 1997, p. 445–451.

[32] См.: Histoire de l'Église, t. 4. De la mort de Théodose a l'élection de Grégoire le Grand. Paris, 1937, p. 31–46.

«антропоморфитами» и «оригенистами». В основе данного столкновения лежала глубинная проблема понимания образа Божия в человеке[33], но оно имело также евхаристический контекст и было связано с учением о молитве[34]. Феофил, державшийся первоначально стороны «оригенистов», затем резко изменил свою позицию, поддержав «антропоморфитов» (представляющих большинство нитрийских монахов), и осудил бывших своих сторонников, подвергнув их весьма суровым и жестоким гонениям[35]. Насколько Александрийский архиепископ был искренен в такой volte-face, приходится сомневаться[36]; скорее всего, он сделал подобный резкий поворот, исходя из чисто церковно-политических соображений[37]. Сам св. Кирилл также вряд ли был на стороне «антропоморфитов», ибо в своих позднейших сочинениях он достаточно резко полемизирует про-

---

[33] На сей счет см. две статьи отца Георгия Флоровского (хотя некоторые его положения и выводы, по нашему мнению, требуют определенной корректировки): *Протоиерей Георгий Флоровский*. Догмат и история. М., 1998, с. 303–353.

[34] См.: *Clark E. A*. The Origenist Controversy. The Cultural Construction of an Early Christian Debate. Princeton, 1992, p. 43–84. Отзвук этих споров раздался в Верхнем Египте в середине V в., когда известный коптский подвижник Шенуте также выступил против «оригенистов», учение которых, на самом деле, представляло экзотическую смесь отдельных идей Оригена с представлениями, заимствованными из маркионитства и манихейства. См.: *Grillmeier A*. La «peste d'Origène». Soucis du patriarche d'Alexandrie due a l'apparition d'origenistes en Haute Egypte (444–451) // ΑΛΕΞΑΝΔΡΙΝΑ. Hellenisme, judaisme et christianisme a Alexandrie. Melanges offerts au P. Claude Mondésert. Paris, 1987, p. 221–237.

[35] См.: *Болотов В. В*. Лекции по истории древней Церкви, т. IV. М., 1994, с. 160–162.

[36] Сократ сообщает, что спустя некоторое время после споров Феофил, «совсем не скрываясь, начал снова усердно читать Оригена. Кто-то спросил его, почему он с любовью занимается теперь книгами, которые прежде отвергал. На это Феофил дал такой ответ: “Сочинения Оригена подобны лугу, усеянному цветами всякого рода; если среди них я нахожу что-то хорошее, то срываю, а что кажется мне тернистым, то оставляю, как колючее”» (*Сократ Схоластик*. Церковная история, с. 260).

[37] В своих «Пасхальных посланиях» 401 и 404 гг. Феофил осудил лишь «аллегоризм» Оригена; по мнению одного исследователя, это был тот минимум уступок, на который мог пойти архиепископ пред грозной силой большинства нитрийских монахов. См.: *Favale A*. Teofilo d'Alessandria. Torino, 1958, p. 194.

тив их понимания образа Божия в человеке, придерживаясь в данном вопросе старой александрийской традиции, восходящей к Клименту Александрийскому и Оригену (образ Божий — в духовном и разумном начале человека)[38]. Во всяком случае, Нитрию он вынужден был покинуть (вероятно, в 399 г.): «положение его, как племянника Феофила, было бы здесь слишком неудобным; и если у него была мысль возвратиться в Александрию, то естественней всего ему было привести ее в исполнение именно в это время»[39].

События дальнейшей жизни св. Кирилла с трудом поддаются реконструкции. В «Александрийских синаксариях» содержится свидетельство, что Феофил поручил племяннику чтение и толкование Священного Писания[40], рукоположив его, вероятно, в сан чтеца. В свите своего дяди молодой Кирилл предпринимает путешествие в Константинополь, где участвует в печально известном Соборе «При дубе» (403 г.), низложившим св. Иоанна Златоуста, не играя здесь, естественно, по молодости лет и по скромному своему положению, никакой роли[41]. От периода жизни св. Кирилла в 403–412 гг. не сохранилось никаких известий и детали его биографии по-

---

[38] См.: *Burghardt W. J.* The Image of God in Man according to Cyril of Alexandria. Woodstock, 1957, p. 21–23.

[39] *Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 85. Отношение св. Кирилла к указанным спорам этот автор характеризует так: «Как питомец Александрийской школы, ученик Дидима, писавшего даже особое сочинение в защиту Оригена, св. Кирилл, конечно, не мог быть врагом Оригена, а тем более — сторонником антропоморфитов... Он не имел возможности открыто высказать свои убеждения по этому предмету, но не мог по своей натуре и убеждениям лицемерно соглашаться с Феофилом, а тем более поддерживать его своекорыстную деятельность. Он просто отошел от всей этой грязной истории» (Там же, с. 93). Север ибн аль-Мукафа свидетельствует, что св. Кирилл возвратился в Александрию по вызову Феофила. См.: *Severus ibn Al-Muquaffa.* Op. cit., p. 428.

[40] Это свидетельство приводится в предисловии: *Cyrille d'Alexandrie.* Lettres festales, t. I, p. 21.

[41] Вина этого осуждения обычно целиком возлагается на Феофила и обычно историки не жалеют черных красок для изображения его личности. См., например: «Хитрый, корыстный и мстительный, Феофил весьма ценил расположение гражданской власти и не останавливался ни перед чем, чтобы снискать его» (*Попов И. В.* Святый Иоанн Златоуст и его враги. Сергиев Посад, 1908, с. 91). Ср. также: «Феофил Александрийский с первого взгляда вполне верно понял св. Златоуста.

крыты мраком. Иногда предполагается, что ок. 405 г. он был рукоположен во пресвитера[42], но это остается только чистой гипотезой. Можно лишь высказать догадку, что св. Кирилл был помощником своего дяди, стяжая все возрастающий авторитет и влияние в египетской церкви. Дальнейшие события свидетельствуют об этом.

2) Архиепископское служение св. Кирилла в период до несторианских споров (412–428 гг.).

Феофил скончался в октябре 412 г. и его смерть сразу же породила раздоры в Александрийской церкви по поводу избрания нового архиепископа. Сократ описывает это так: «Одни хотели возвести на престол архидиакона Тимофея, а другие — Кирилла, сына сестры Феофила. Во время происшедшего по этому случаю народного смятения сторону Тимофея поддерживал военачальник Абунданций. Посему Кирилл возведен был на престол уже в третий день по смерти Феофила и вступил на епископство с большей властью, чем Феофил, ибо с его времени Александрийское епископство выступило за пределы священнического сана и начало самовластно распоряжаться делами»[43]. Как видно из этого сообщения, государственная власть в лице Абунданция, бывшего командующим военными силами Египта (вероятно, с титулом «комита военных дел Египта» — comes [rei militaris] Aegypti), не стояла на стороне св. Кирилла, но его поддерживала основная часть клира и мирян, которая и поспешила с хиротонией («в третий день по смерти Феофила»). Спорить было из-за чего, ибо издавна Александрийский архиепископ обладал самыми широкими полномочиями: «все епископы Египта и прилегающих

Этот царедворец и застарелый политик по первому впечатлению угадал в нем вечного врага себе подобных, человека независимого и идеалиста, и св. Иоанн был неизбежно осужден на борьбу и не менее неизбежно на поражение» (*Пюш Э.* Св. Иоанн Златоуст и нравы его времени. Спб., 1897, с. 26). Однако, при несомненной вине Феофила в деле Златоустого отца и его неблаговидной роли в деле осуждения его, вряд ли можно описывать личность этого Александрийского архиепископа в однотонных мрачных цветах: человеком он был, судя по всему, сложным и неодноплановым, а его деятельность в качестве архипастыря также не может быть подвергнута однозначной оценке.

[42] *Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 103.

[43] *Сократ Схоластик.* Церковная история, с. 273.

стран подчинялись Александрийскому епископу, как своему главе. Власть его была обширна и развилась весьма рано»[44]. Под управлением его находилось огромное количество епархий (и даже несколько митрополий), приходов и монастырей[45]; он был, по своему влиянию и значению, часто «первым человеком» в Египте и далеко не последним во всей империи. Подобная широкая власть таила в себе много соблазнов, а потому для подлинно христианского архипастыря возникала насущная необходимость умело и осторожно ею пользоваться. Бремя этой власти св. Кирилл взвалил на свои плечи, будучи еще сравнительно молодым человеком (32–37 лет).

Сам святитель в полной мере осознавал высокую ответственность своего служения. В этом плане примечательно его первое «Пасхальное послание», датирующееся 414 г.[46] Здесь он прежде всего воздает должное своему предшественнику и дяде, называя его «славной и всечестной памяти отцом нашим

---

[44] *Гидулянов П.* Митрополиты в первые три века христианства. М., 1905, с. 215.

[45] «Уже при Афанасии насчитывалось в Египте больше 10 епископов. Кирилл уже имел под своим ведением 10 митрополитов. Город был наполнен церквами и монастырями, священниками и монахами: его архипастырь, часто выступающий с именем архиепископа и папы, имел в своих руках также и широкую гражданскую власть». Православная богословская энциклопедия, т. I. Петроград, 1900, с. 510.

[46] О пасхальных посланиях в древности см. наблюдение А. Миролюбова: «Обычай возвещать пасхальными посланиями день празднования будущей Пасхи был общим обычаем в древней Церкви; он существовал в некоторых церквах (как, например, Александрийской) еще до Первого Вселенского Собора. Со времени же последнего, когда утверждено было единовременное по всем церквам мира празднование Пасхи, рассматриваемая обязанность возложена была на всех митрополитов и архиепископов. Но так как постановление о единовременном праздновании Пасхи требовало точного и правильного определения дня празднования Пасхи в каждом году (ибо предварительных пасхальных таблиц не было до Феофила), то тем же Никейским Собором было предписано Александрийским архиепископам... ежегодно определять день празднования следующей Пасхи и давать об этом знать Римскому епископу» (*Миролюбов А.* Указ. соч., с. 74–75). Однако, как считает Т. Лященко, сохранившиеся «Пасхальные послания» св. Кирилла, на самом деле являются проповедями, которые он «произносил ежегодно пред наступлением Великого поста с целью преподать пастве соответствующее времени наставление и оповестить пасомых о времени празднования Пасхи и связанных с нею праздников и церковных времен» (*Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 180).

Феофилом», а тем самым как бы намекает на определенную преемственность и связь своего архипастырства с его служением. Затем он говорит, что священническое служение, выпавшее на его долю, предполагает обязанность проповедничества (τὸ κηρύττειν), и он, внимая глаголам Апостола (1 Кор. 9, 16: *горе мне, если не благовествую!*), вынужден, преодолевая свой страх, выступить на этом поприще[47]. Таким образом, в качестве одной из основных обязанностей архипастыря св. Кирилл считал служение пастве словом; и следует отметить, что во все время своего архиепископства он усердно исполнял это служение. Но не только: Север ибн аль-Мукафа сообщает, что первым делом св. Кирилла после хиротонии было поставление священников в пустующие храмы своей обширной епархии, чтобы нигде паства не оставалась без духовного окормления[48]. Другим делом его были строгие меры против раскольников новациан (новатиан)[49]; по свидетельству Сократа, «Кирилл тотчас же запер бывшие в Александрии новацианские церкви и взял всю их священную утварь, а епископа их Феопемпта лишил всего, что имел»[50].

Тот же Сократ сообщает и об еще одном значительном событии, происшедшем в начале архиепископства св. Кирилла (ок. 414 г.), но на этот раз связанном с иудеями (александрийская диаспора их издавна была самой многочисленной и влиятельной в Римской империи)[51]. Согласно Сократу, между александрийской чернью и иудеями произошло столкновение, вызванное театральными зрелищами, происходящими часто в субботу — день, как известно, священный для правовер-

[47] См.: *Cyrille d'Alexandrie*. Lettres festales, t. I, p. 148–150.

[48] *Severus ibn Al-Muqaffa*. Op. cit., p. 430–431.

[49] Об этом расколе, восходящем еще к доникейской эпохе, см.: *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви, т. II. М., 1994, с. 380–383.

[50] *Сократ Схоластик*. Церковная история, с. 273. Кстати сказать, самого Сократа подозревают иногда в симпатиях к новацианам. См.: *Chesnut G. F.* The First Christian Histories. Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret, and Evagrius. Paris, 1977, p. 176. Правда, порой симпатии к данным раскольникам объясняют вообще широкой терпимостью и снисходительностью этого церковного историка к «гетеродоксии». См.: *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церковная историография. Спб., 1998, с. 140.

[51] Анализ данного происшествия см. в кн.: *Wilken R. L.* Judaism and the Early Christian Mind. A Study of Cyril of Alexandria Exegesis and Theology. New Haven–London, 1971, p. 54–68.

ных иудеев; но значительная часть александрийских евреев не могла устоять перед соблазном зрелищ и даже в этот день посещала их. В этот же день городской префект Орест имел обыкновение обнародовать свои распоряжения в театре. В один из таких дней среди толпы народа присутствовал некий Иеракс, школьный учитель («грамматик») и «пламенный слушатель епископа Кирилла», который чем-то возбудил находящихся в театре иудеев и они воззвали к присутствующему здесь же Оресту. А ему «и прежде ненавистно было владычество епископов — частью потому, что они отнимали много власти у поставленных от царя начальников, а особенно потому, что Кирилл хотел иметь надзор и над его распоряжениями. Итак, схватив Иеракса, он всенародно в театре подверг его мучениям. Узнав об этом, Кирилл позвал к себе знаменитейших из иудеев и, вероятно, грозил им, если они не перестанут возмущаться против христиан». Однако иудеи, «будучи всегда и везде врагами христиан», не успокоились: в одну из ночей, распространив по городу слух, что горит одна из александрийских церквей, и сделав для себя условные знаки, они устроили кровавое побоище выбежавших на улицу и ни о чем не подозревающих христиан. В ответ на такое злодейство архиепископ изгнал из Александрии иудеев, что повело к открытому конфликту его с префектом (оба отправили жалобы императору). Тем не менее, архиепископ делал попытки к примирению, но глава города отвергал их. «Тогда Кирилл взял и держал перед ним книгу Евангелие, думая хотя этим пристыдить его, однако и такая мера не смягчила префекта.» Конфликт разгорался все больше и больше; на помощь св. Кириллу пришли нитрийские монахи: вступив в город в числе около 500 человек, они встретили префекта и «называли его жертвопириносителем, язычником и многими другими позорными именами. Префект, подозревая в этом козни со стороны Кирилла, закричал, что он христианин и крещен Константинопольским епископом Аттиком. Но монахи не слушали слов его, — и один из них, по имени Аммоний, ударил Ореста камнем в голову, так что он весь облился кровью, текшей из раны, а его телохранители, кроме немногих, все разбежались и скрылись в толпе, боясь, что и их побьют камнями». На помощь Оресту сбежались горожане, разогнали монахов, а Аммония схватили и отдали в руки префекта, который, «на

основании законов», замучил его до смерти. Архиепископ же взял тело Аммония и «положил в одной из церквей и, переменив ему имя, назвал его Фавмасием, чтобы считали его мучеником и прославляли в Церкви его великодушие, как подвиг за благочестие. Однако люди скромные, хотя и христиане, не одобрили этой Кирилловой ревности, ибо знали, что Аммоний понес наказание за свое безрассудство и умер в мучениях не потому, что был принуждаем к отречению от Христа. Итак, сам Кирилл своим молчанием мало-помалу привел это дело в забвение. Но злая вражда между Кириллом и Орестом даже и здесь не остановилась. Угасил ее другой, подобный упомянутым случай». И Сократ переходит к повествованию об убийстве Ипатии, происшедшем в 415–416 гг. По его словам, против нее «вооружилась тогда зависть. Так как она часто беседовала с Орестом, то ее обращение с ним подало повод к клевете, будто бы она не дозволяла Оресту войти в дружбу с Кириллом. Посему люди с горячими головами под начальством некоего Петра, однажды сговорились и подстерегли эту женщину. Когда она возвращалась откуда-то домой, они стащили ее с носилок и привлекли к церкви, называемой Кесарион, потом, обнажив ее, умертвили черепками, а тело снесли на место, называемое Кинарон, а там сожгли. Это причинило немало скорби и Кириллу, и Александрийской церкви, ибо убийства, распри и все тому подобное совершенно чуждо мыслящим по духу Христову»[52].

В этом повествовании Сократа много неясностей и умолчаний относительно деталей (которых, возможно, он и сам не знал), но несомненно, что все три события, происшедшие в первые годы архипастырского служения св. Кирилла, объединяются им в едином контексте противостояния церковной и светской властей в Александрии. Сам этот церковный историк явно не симпатизирует св. Кириллу (хотя стремится соблюсти должную объективность) и следует признать, что его ви́дение смут в Александрии во многом определило и оценку их у современных ученых, которые довольно часто склонны обвинять св. Кирилла в узурпации гражданской власти и деспотизме[53]. Но подобного рода оценки зиждятся, как правило, на представлении о Церкви, как о некоем обществе, отличном от госу-

---

[52] См.: *Сократ Схоластик*. Церковная история, с. 277–280.

дарства,— представлении, характерном для нового времени, но совершенно чуждым для эпохи св. Кирилла. Ибо уже в эту эпоху активно шел процесс формирования «Христианского Содружества», завершившийся несколько позднее. А существенной чертой данного «Содружества» было, по словам отца Георгия Флоровского, то, что «Церкви и Государства как двух разных обществ просто не существовало». Если и происходил конфликт между светской и духовной властями, то он «происходил между двумя «силами» одного и того же общества, отчего и был таким напряженным и острым». Кроме того, «хотя Империя как таковая не подчинялась Иерархии, она все же подчинялась Церкви, которая была установлена Богом для хранения Его истины. Другими словами, царство было «законно» только *внутри* Церкви. Во всяком случае, оно было строго подчинено вере Христовой, определялось наставлениями апостолов и отцов и в этом смысле «ограничивалось» ими»[54]. Именно ориентируясь на подобную «законность» и действовал св. Кирилл, хотя его действия определялись во многом конкретной ситуацией с ее многими неизвестными для нас нюансами[55]. Нет сомнений в том, что прежде всего этими действиями руководила ответственность пастыря за свое словесное стадо, которое оказалось в сложном положении, когда пожар страстей охватил город.

Это чувство ответственности прослеживается в трех упомянутых случаях. Если обратиться к строгим мерам св. Кирилла в отношении к новацианам, то здесь прежде всего сле-

---

[53] См., например: *Griggs C. W.* Early Egyptian Christianity from its Origins to 451 C. E. Leiden, 1991, p. 190–192. См. также суждение русского византиниста Ю. А. Кулаковского о «властолюбии» Кирилла и о том, что он «раздражал иудейскую общину своими угрозами» (как будто она не раздражала его своими насилиями!); согласно этому ученому и убийство Ипатии «легло неизгладимым пятном на память Кирилла» (*Кулаковский Ю. А.* История Византии, т. I. Спб., 1996, с. 195–196). Число подобного рода отрицательных суждений о роли св. Кирилла в указанных событиях можно было бы значительно приумножить.

[54] См.: *Протоиерей Георгий Флоровский.* Догмат и история, с. 266–268.

[55] Например, неясна ситуация с убиенным монахом Аммонием: вполне возможно, что в свалке, происшедшей вокруг префекта, не он был тем, кто бросил роковой камень, а таким образом — был невинным. Тогда действия св. Кирилла становятся понятными.

дует учитывать весьма запутанную проблему границ, отделяющих раскол от ереси,— ту проблему, которая постоянно возникала и возникает в истории Церкви[56]. Древние ереси, появившиеся в первые века христианства, однозначно рассматривались Церковью как «нехристианство», однако такая ясность отсутствовала в вопросе о расколах. И именно «новацианство заставило Церковь дать себе ясный отчет по этому вопросу»[57]. Дан был он как раз ко времени св. Кирилла, ибо тогда «коренными пунктами своего учения (отрицанием покаяния, власти священства вязать и решить, учением о безусловной зависимости благодати священства от личных качеств его носителя) новацианство в корне разрушало законность иерархии и всей вообще церковной организации». Поэтому не случайно «законом Гонория новациане приравниваются к еретикам»[58]. А к еретикам в рассматриваемую эпоху относились

[56] См., например, рассуждения свт. Феолипта (XIV в.), считающего, что раскол бывает порой хуже ереси: *Сидоров А. И.* Святитель Феолипт Филадельфийский. Его эпоха и его учение о Церкви. (На материале «Двух Слов против арсенитов») // Альфа и Омега, № 3 (17), 1998, с. 101–103. Примечательно, что свт. Феолипт высказывал подобные мысли, имея дело с расколом арсенитов, типологически сходным с новацианским расколом.

[57] *Суворов И.* Объем дисциплинарного суда и юрисдикция Церкви в период Вселенских соборов. Ярославль, 1884, с. 33. См. дальнейшее рассуждение этого ученого: «В новацианстве Церковь имела пред собою партию, которая ни одного существенного пункта христианского не изменяла, отделение которой от кафолической Церкви было не чем иным, как отделением от отдельного епископа, уклонение которой от взгляда кафолического христианства состояло лишь в том, что она твердо настаивала на тех дисциплинарных принципах, за которые доселе сами кафолики высказывались, хотя и не с прямою решительностью. Спрашивалось: будет ли кафолическая Церковь утверждать свою исключительность и в отношении к этому, отделенному от нее, христианскому обществу? Ее понятие требовало этого; но христианское чувство, любовь и даже разум (который не мог указать реального различия между новацианским христианством и кафолическим) говорили против. Чему было следовать: понятию или чувству? Отказаться от исключительности Церкви значило, вместе с тем, отказаться от ее единства, а следовательно тем самым объявить и христианское общение само за нечто несущественное, а между тем в христианском общении, как во всяком общении, лежит требование единства, не только внутреннего, но и внешнего. Допущение подобного отказа Церковью было бы самоубийством» (Там же, с. 33–35).

весьма строго. Начиная с царствования Феодосия Великого они, как известно, постоянно урезывались в гражданских правах, а часто поставлялись фактически вне закона[59].

Что же касается столкновения иудеев и христиан в Александрии, то можно отметить, что «еврейский вопрос» имеет глубокие корни в античности. В целом, языческий Рим был терпим к иудаизму, ограждая его бытие законами, хотя материальное могущество евреев и их влияние на политическую жизнь империи периодически вызывали стихийные бунты язычников. Подобное терпимое отношение к иудаизму объяснялось во многом уважением к традиционным и национальным религиям, присущем римской государственности: его не поколебали даже известные иудейские восстания и разрушение Иерусалима[60]. Христианский Рим первоначально продолжал (с некоторыми колебаниями) данную традицию, и даже такой «христолюбивейший государь», как Феодосий Великий, «не отнял у евреев свободы религиозных обнаружений, не лишил их старых привилегий, хотя епископы побуждали императора перейти в наступательную политику против евреев и настраивали массы в таком же духе, что вело только к смутам. Феодосий решительно стал на

---

[58] *Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 123–124.

[59] См.: *Васильев А. А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.). Спб., 1998, с. 136.

[60] И после них Рим «продолжал смягчать в пользу синагог законы, направленные против обществ, и делать исключения для евреев касательно всех тех обязательств, какие были противны их совести. Один лишь прозелитизм был запрещен им более или менее. Эта терпимость, которая едва нарушалась иногда мерами прещения, более жестокими, нежели продолжительными, — удивляет с первого взгляда, но делается понятною после некоторых соображений. Так как у евреев религия была связана с племенем и, казалось, сливалась с ним, то поэтому именно такая всемирная империя, какою была Римская, и не должна была бояться этой религии. Такое основание иудейства было слишком узко, и на нем не могли держаться народы всех племен, над которыми парил римский орел. Это единобожие, которое было исполнено мелочных предписаний, составляющих вокруг него как бы терновую изгородь, — было слишком сурово, почему и не могло их прельщать. Таким образом, политика империи остерегалась прибегать к ненужным строгостям, которые возбудили бы едва угасший фанатизм и, не принося никакой пользы, могли бы угрожать общественному спокойствию» (*Аллар П.* Христианство и Римская империя от Нерона до Феодосия. Спб, 1898, с. 6–7).

сторону справедливости и только сила Церкви в некоторых случаях заставляла его идти на уступки»[61]. Однако, пользуясь покровительством светской власти, иудеи часто позволяли себе агрессивное поведение в отношении к христианам[62]. Судя по приведенному выше свидетельству Сократа, именно иудеи были в первую очередь зачинщиками указанной смуты в Александрии. И следует признать, что св. Кирилл в данном случае повел себя мудро и рассудительно: он не допустил кровавой мести со стороны христиан, которая безусловно последовала бы (учитывая накал страстей), а лишь изгнал иудеев (вероятно, не всех, а лишь главных «смутьянов») из города, предупредив тем самым новую бойню. На-

[61] *Чернявский Н. Ф.* Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. Сергиев Посад, 1913, с. 685. Подобной терпимостью императора к иудеям и вызван был его конфликт со св. Амвросием Медиоланским.

[62] По словам Т. Лященко, они «чувствовали себя в Византийской империи... господами и держали себя по отношению к христианам заносчиво и задорно. Насколько мало считались они с интересами и симпатиями христиан, видно из того, что до 418 г. они безнаказанно употребляли крест как предмет глумления вместе с именем Амана в праздник Пурим. Потребовалось издавать особый закон против этого, оскорбительного для государственной религии обычая. Но для евреев и закон не был страшен: его пришлось повторить в 421 году. Господство евреев в империи дошло до того, что современники задавали себе вопрос: кто в государстве хозяин — римлянин ли, или еврей? Поэт того времени Китилий, например, восклицает: «Да разве Иудея была покорена Помпеем и Титом! Эта чума, требующая истребления, все более и более заражает страну; побежденная нация теснит победителя». После этого понятно, почему евреев ненавидели всюду, почему то там, то сям вспыхивал народный гнев против них. Если же это было естественно для других городов Византии, то для Александрии, где евреев было 40 тысяч, тем более понятны те отношения, которые установились между христианами и евреями. Чернь александрийская ненавидела их. Эта ненависть еще более развивалась благодаря тому, что евреи находили себе поддержку в представителях гражданской власти и потому держали себя настолько заносчиво, что нередко позволяли себе насилия над христианами» (*Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 135). Подобными обстоятельствами объясняется тот факт, что чуть позднее светская власть ввела ряд ограничений юридических прав иудеев, в частности для них была закрыта (418 г.) государственная служба. См.: *Кулаковский Ю.* Указ. соч., с. 197.

конец, если обратиться к убийству Ипатии, то сообщение Сократа не дает никаких поводов подозревать причастность (пусть даже косвенную) святителя к нему[63].

Главное затруднение в описываемых трех случаях состоит, конечно, в конфликте св. Кирилла с Орестом, ибо создается впечатление, что архиепископ, принимая строгие меры против новациан и иудеев, присваивал себе полномочия префекта. Однако, помимо уже высказанного соображения о «Христианском Содружестве», следует заметить, что Орест, вероятно, принадлежал к новообращенным («прозелитам») и обвинения нитрийских монахов его в язычестве, быть может, свидетельствуют о сомнительной искренности его христианских убеждений. Со времени царствования Феодосия Великого, когда христианство было возведено в ранг государственной религии, принадлежность к ней сулило и немалые земные выгоды, перед соблазном которых многие из язычников не устояли, а поэтому число сомнительных верующих (особенно во «властных структурах») резко возросло[64]. Похоже, что и Орест принадлежал к ним, по крайней мере, действия и поступки префекта заставляют высказать подобное подозрение. А раз так, то идея «Христианского Содружества» вынуждала

---

[63] Правда, имеется еще и свидетельство философа-неоплатоника Дамаския (вторая половина V — первая половина VI вв.), гласящее: «Однажды шел Кирилл мимо дома Ипатии и увидел там большую толпу людей и экипажей. На вопрос, что означает такое стечение, ему отвечали, что это люди, которые посещают Ипатию. Это так сильно его огорчило, что он побудил чернь убить ее и притом самым злодейским образом». Однако, как убедительно показывает Т. Лященко в своем подробном анализе обстоятельств убийства Ипатии, этому свидетельству языческого философа, озлобленного на христиан и принципиального врага религии Христовой, нет никакой веры. См.: *Лященко Т*. Св. Кирилл, с. 152–164.

[64] Не случайно блаж. Августин, современник св. Кирилла, «рекомендует внушать прозелитам, что «вера не есть предмет *для спасения тела*, но есть дело сердца»: не обращались ли многие именно для этого, то есть для спасения тела, живота своего? Ответ на этот вопрос, если не в буквальном его значении, то в переносном Августин дает утвердительный: «есть такие (sunt qui), говорит Августин, кои обращаются из-за выгоды или из-за страха». О количестве таковых Августин в другом случае выражается так: «Как много ныне таких, которые ищут Иисуса для того только, чтобы Он даровал им блага века сего! Один

св. Кирилла усваивать себе некоторые полномочия, которыми должен был бы пользоваться префект для сохранения целостности данного Содружества.

Собственно говоря, тремя рассмотренными событиями и ограничиваются практически все наши сведения, касающиеся первого периода архипастырской деятельности св. Кирилла. Можно только упомянуть еще одно подобное событие — внесение в диптихи Александрийской церкви имени св. Иоанна Златоуста (ок. 418 г.), знаменующее собой примирение св. Кирилла с памятью почившего святителя, с которым столь несправедливо обошелся его дядя. После этого и до 428 г. источники хранят полное молчание о событиях в жизни св. Кирилла. Судя по всему, она целиком и полностью была посвящена заботам о духовном окормлении своей многочисленнейшей паствы, хлопотам по управлению огромной архиепископией, проповедничеству и литературным трудам. Эти заботы и хлопоты и поглощенность ими св. Кирилла говорят о том, что он вовсе не стремился стяжать известность и мирскую славу. Лишь угроза православной вере, которой святитель был предан всей душой, заставила его выйти на историческую сцену. И с 428 г. «начался новый период жизни для святителя. С сего времени его заботы

имеет тяжбу и ищет ходатайства клирика; другого притесняет сильный, и он прибегает к Церкви; третий желает получить доступ к тому, у которого теперь мало значит. Один — так, другой — иначе, но такими-то людьми теперь наполняется Церковь». Прозелиты времени Феодосия, в виду этого, едва ли могут быть названы во всем своем количестве, так сказать, доброкачественными прозелитами. И это не было виной Церкви» (*Кипарисов В.* О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области истории Церкви и государства с I по IX в. Вып. I. М., 1883, с. 290–291). Естественно, были и случаи совершенно противоположного характера. Пример тому — Синесий, единодушно избранный паствой во епископа Птолемаидского: хотя он не был крещенным и не разделял всех пунктов христианского вероучения (к тому же категорически отказался расстаться с любимой женой), Феофил совершил его хиротонию, и ни паства, ни Александрийский архиепископ не пожалели о своем выборе. Синесий был абсолютно искренним «и его обращение к христианству совершалось именно путем медленного усвоения христианских истин и проникновения ими, без всякой неожиданной и мгновенной аффектации, без быстрого перелома в душе» (*Остроумов А.* Указ. соч., с. 280).

устремлены преимущественно к охранению Церкви вселенской от нового лжеучения»[65].

3) Борьба св. Кирилла за Православие (428–444 гг.)

Обстоятельства возникновения несторианских споров и созыва Третьего Вселенского Собора, достаточно хорошо изучены и изложены в специальной литературе[66], а потому нет особой нужды останавливаться на всех деталях этих событий. Необходимо только наметить основные моменты их, оттенив, естественно, участие св. Кирилла в данных событиях. Прежде всего следует констатировать, что поставление на столичную кафедру Нестория (апрель 428 г.) серьезным образом повлияло на ход и течение древнецерковной жизни, и это отнюдь не связано с «великостью» его личности. Скорее наоборот, личностью он был совсем не великой, но как падение маленького камня иногда вызывает в горах обвал лави-

---

[65] *Архимандрит Порфирий (Попов).* Указ. соч., с. 258.

[66] Из литературы на русском языке, особенно переизданной в последнее время, следует отметить прежде всего: *Болотов В. В.* Лекции, т. IV, с. 175–236. Строго православным видением отличается популярная (но не в ущерб знанию предмета) книга: *Иоанн, епископ Аксайский.* История Вселенских Соборов. М., 1995, с. 68–142. К сожалению этого не скажешь о работе: *Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 1994, с. 195–241. Научные достоинства ее весьма скромны, а точность и верность оценок автора очень сомнительны. Не потерял своего значения блестяще и талантливо написанный очерк: *Тьерри А.* Кирилл Александрийский и Несторий, ересиарх V века. М., 1997. Однако он почему-то переиздан (в некоем издательстве «Путем зерна») весьма странным образом: на титульном листе отсутствует имя автора, но фигурирует только имя переводчика (Д. Поспехова). Публицистическая статья диакона Андрея Кураева, данная здесь в качестве предисловия, явно не соответствует своему назначению. К тому же она страдает, к сожалению, поверхностью и некомпетентностью суждений. В частности, ересь Аполлинария здесь каким-то непонятным путем выводится из учения Оригена, хотя христологические тезисы этих двух древних писателей исходят из совсем различных, и даже противоположных, посылок. Странным и искажающим всю перспективу святоотеческого богословия представляется и противопоставление здесь святых отцов, как «новаторов», еретикам, как «традиционалистам». Что касается многочисленнейших западных работ, посвященных рассматриваемой теме, то особо можно отметить фундаментальный труд: *Hefele Ch. J.* Histoire des conciles d'après les documents originaux, t. II, 1. Paris, 1908, p. 219–377.

ны, так и деятельность Нестория повлекла за собой подобный же «обвал» в истории древней Церкви[67]. Неглубокий мыслитель и богослов, но сладкозвучный ритор и увлекательный проповедник, любящий внешние эффекты, он уловил некоторые тенденции антиохийского богословия (присущие прежде всего Феодору Мопсуестийскому), но сформулировал их в предельно обнаженной форме. Подобная обнаженность формулировок свидетельствует об узости и как бы некоей «упертости» богословского мышления, что проявилось прежде всего в отрицании наименования Девы Марии «Богородицей» — наименовании, уже твердо воспринятым церковным Преданием[68]. В этом пренебрежении Преданием или церковной «Керигмой»[69] и коренится, как думается, основной и изначальный порок всего лжеучения Нестория[70]. Сократ обозначает это в качестве «необразованности»,

---

[67] О Нестории мы уже имели случай высказаться. См.: *Сидоров А. И.* Блаженный Феодорит Кирский — архипастырь, монах, богослов. Его значение в истории древнехристианской Церкви и православного богословия // В кн.: *Бл. Феодорит Кирский.* История боголюбцев. М., 1996, с. 35–50.

[68] Данное наименование (Θεοτόκος) широко употреблялось прежде всего в александрийской традиции (Ориген, Пиерий, свв. Петр Александрийский, Александр Александрийский, Афанасий Великий и др.), но оно также засвидетельствовано у св. Ипполита Римского, свв. каппадокийских отцов, Евсевия Кесарийского, св. Епифания Кипрского и, что очень важно, у св. Иоанна Златоуста. См.: *Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1978, p. 639. По словам С. Смирнова, «на основании учения Нового Завета, где говорится, что Сын Божий родился от Девы, или от Жены (Лк. 1, 31–35; Гал. 4, 4), древние отцы и учители выражали ясно мысль, что Мария родила Бога-Слово, что, следовательно, она есть Богородица, хотя этот термин не вдруг вошел в церковное употребление: в первом и во втором веках мы его не встречаем». Но в IV в. он становится общеупотребительным. См.: *Смирнов С.* Терминология отцов Церкви в учении о Боге // Прибавления к изданию творений святых Отцев в русском переводе, ч. 35, 1885, с. 572–573.

[69] См. наблюдение относительно употребления этого термина в древности: «Κήρυγμα на греческом Востоке употреблялось сначала в смысле наиболее общем, например: проповедь Евангелия, и κηρύσσειν значит проповедовать. Но очень скоро κηρύσσειν получило и условное значение не проповеди, а громкого произношения чего-либо для общего сведения... Вообще в понятии κήρυγμα потом выступала преимущественно та сторона, что все, обозначаемое этим именем, тем самым носило в себе признак, противоположный какой-то сокровенности: все, что было «про-

давая такую характеристику ересиарха: «Прочитав изданные Несторием сочинения, я нахожу его человеком несведущим и буду говорить о нем справедливо, ибо как не неприязнь к нему заставила меня упомянуть о его недостатках, так и не угождение кому-либо расположить — высказать все то, что я нашел в нем. Мне кажется, Несторий не подражал ни Павлу Самосатскому, ни Фотину, да и не называл Господа совершенно простым человеком. Он боялся, как призрака, одного названия Богородицы, и это с ним случилось от крайней необразованности. Быв от природы красноречив, Несторий считал себя образованным, а на самом деле не имел никакой учености, да и не хотел изучать книги древних толкователей. Ослепленный своим даром слова, он не показывал внимания к древним, но предпочитал всем самого себя»[71]. Не случайно все оппоненты Нестория — значительная часть константинопольского клира, св. Прокл (тогда — епископ Кизический, а в будущем — патриарх Константинопольский) и папа Целестин (Келестин) — имели единой основой Священное Предание. «Увидев в несторианстве искажение преданной веры, ... они *во имя этого Предания* сильно восстали против лжеучения. Выясняя противоречия несторианства преданной вере, они указывали на несогласие учения Нестория, архиепископа Константинопольского, с учением *преемственных пред ним иерархов* той же церкви Константинопольской, с верою церквей Александрии, Рима или во всей

поведью», или «возглашением», назначалось быть общеизвестным и распространенным. Поэтому можно встретить упоминание о том, что «определение о *святой вере* провозвещено всей Церкви; следовательно, и догма становится в этом отношении «κήρυγμα». Впрочем, «керигмой» становились также и церковные каноны. См.: *Кипарисов В.* О церковной дисциплине. Сергиев Посад, 1897, с. 44.

[70] См.: *Grillmeier A.* Christ in Christian Tradition, v. I. From the Apostolic Age to Chalcedon (451). London–Oxford, 1975, p. 447–449. Один из основных аргументов Нестория при этом состоял в том, что Святая Троица в Лице Бога Отца и Святого Духа произвела от Девы «человека, орудие Божества» (ἔτεκεν ἄνθρωπον, θεότητος ὄργανον) или «храм для Бога Слова» (Deo Verbo templum fabricatus est). См.: Nestoriana. Die Fragmenten des *Nestorius*. Hrsg. von *F. Loofs*. Halle, 1905, S. 252.

[71] *Сократ Схоластик.* Церковная история, с. 296–297.

вселенной, с верою древней, которой благоговейно покоряется каждый кафолический мыслитель (omnis catholicus disputator), с верою, везде проповедуемою, ясно преданною нами апостолами, "которую отцы сохранили в точности и предали нам как многоценную жемчужину"»[72].

Во имя той же «преданной веры» выступил против ересиарха и св. Кирилл. Вести о нестроениях в Константинополе быстро достигли Египта; вероятно, и экземпляры проповедей Нестория вскоре стали известны здесь. И уже в «Пасхальной проповеди» 429 г. Александрийский архипастырь, хотя и не называет имени Нестория, но явно полемизирует с ним, излагая православное учение о Лице Господа Иисуса Христа[73]. Дело усугублялось еще тем, что посланцы Нестория и сторонники его мнений стали распространять лжеуче-

---

[72] *Пономарев П. П.* Священное Предание, как источник христианского ведения. Учение о Св. Предании в древней, преимущественно восточной, Церкви. Казань, 1908, с. 356. Даже Иоанн Антиохийский, формальный глава «восточных», долгое время поддерживающих Нестория, в послании к нему высказывается, «что Несторий в своей христологии не далек от нового мнения». Поэтому он «усиленно убеждает Нестория, во избежание несогласия с Церковью, употребить термин: Θεοτόκος = Богородица, указывая в качестве основания для принятия его на то, что термин этот содержит в себе «благочестивую мысль» (εὐσεβῆ διάνοιαν) и имеет за себя большинство отцев и притом отцев знаменитых» (Там же, с. 355).

[73] См.: *Hefele Ch. J.* Op. cit., p. 248–249. Здесь он, в частности, говорит: «Не для того Единородное Слово Божие сделалось Человеком, чтобы перестать быть Богом, напротив, чтобы чрез восприятие плоти сохранить славу собственного превосходства... Хотя всегда Он был, как Слово, сопрестолен Своему Отцу и из Него и в Нем пребывал по природе, однако Он снова, будучи уже с плотию, услышал говорящего (Отца): *«седи одесную Мене, дондеже положу враги твоя под ногама твоима»* (Пс. 109, 1–2). Таким образом мы приписываем Ему поклонение от всех нас и от святых Ангелов, не сводя Его безрассудно к одной только человеческой природе, но согласно с Божественным Писанием, вводя в единение с нашей природой Слово, родившееся от Бога, и связывая воедино то, что принадлежит обеим (природам), чтобы Он мыслился не просто только человеком, носившим Божество, но, напротив, Богом вочеловечившимся, принявшим предопределенное Провидением единение, т. е. собственную плоть и рождение от Святой Девы. Так только в таком случае, а не в ином, может мыслиться единый Христос и единый Господь, не разделяемый после неизреченного соедине-

ние среди египетских иноков, что было уже прямым вызовом Александрийскому архиепископу[74]. И св. Кирилл вынужден был написать «Послание к монахам», где еще раз четко и ясно изложил православное учение о Воплощении Бога Слова[75]. Данное послание достигло Константинополя и вызвало гнев еретичествующего столичного архиерея. И тогда св. Кирилл обращается уже непосредственно к нему. В начале этого послания (первого) к Несторию подлинное развитие событий обозначается совершенно недвусмысленно: «В Александрию прибыли некоторые достопочтенные и заслуживающие доверия мужи. Они говорили мне, будто бы твое благочестие в великом негодовании и употребляет все средства огорчить меня. Когда я хотел узнать причину такого огорчения для твоего благочестия, они мне сказали, что некоторые из александрийцев распространили в народе по-

---

ния с одной стороны на человека, а с другой — на Бога. Но хотя и усматривается различие в природах, вступивших в единение, все-таки Он должен быть принимаем и считаем за единого Сына». Защищается здесь и понятие «Богородица», причем «проповедник показывает, что для Слова не было унизительно и презренно человеческое рождение, что Само по Себе Оно имеет довлеющим для Себя рождение от Бога, а если принимает человеческое рождение, то не как некое начало нового бытия». См.: *Миролюбов А.* Указ. соч., с. 193–194.

[74] «По мере того, как Несторий произносил одну за другою свои беседы, он немедленно публиковал их, затем рассылал по всем направлениям, клиру, городским судьям, — и повсюду, куда они доходили, возникали такие же горячие споры и раздоры, как и в Константинополе. Распространенные по всему Востоку, они дошли и до пустынных монастырей Египта и произвели на умы отшельников какое-то странное, потрясающее впечатление. Эти простые, но впечатлительные и пылкие умы, всецело разобщившиеся с миром и привыкшие во всем руководствоваться словами духовных отцов своих, узнавши в один прекрасный день, что Константинопольский архиепископ отказывает Деве Марии в наименовании Матери Божией, поражены были каким-то суеверным ужасом: им показалось, что все «небо их верований» разрушилось, что нет более ни искупления, ни Христа, ни спасения, некоторые из них дошли до отрицания бытия Божия и обезумели. Настоятели некоторых монастырей Верхнего Египта, устрашенные таким положением вещей, отправились в Александрию умолять своего патриарха, чтобы он оказал им свою помощь и авторитетом своих наставлений исправил сбившийся с правого пути ум киновитов» (*Тьерри А.* Указ. соч., с. 36–37).

[75] См.: *Hefele Ch. J.* Op. cit., p. 250–251.

слание, писанное мною к святым монахам, и что оно сделалось виною ненависти и озлобления. Я удивляюсь, что твое благочестие тщательнейшим образом не рассмотрело этого дела. Смущение в вере возникло не от послания, которое было написано мною прежде, но от некоторых поучений, сказанных твоим благочестием или кем другим. Напротив, когда писания или объяснения стали ходить по рукам, мы озаботились исправить это учение. Потому что некоторые дошли до того, что не хотят исповедовать Христа Богом, а исповедуют Его органом или орудием Бога и человеком богоносным, и еще что-то нелепее этого. Нас огорчают слова, которые сказаны твоим благочестием, или сказаны кем-либо другим: я не очень верю этим распространившимся между людьми ничтожным писаниям. Как же нам можно было молчать в то время, когда вера извращается, когда столько изменений в ней возникает?»[76] Таким образом, совершенно очевидно, что св. Кирилл был вынужден вступить в борьбу; единственным побудительным мотивом к этому послужило его радение о Православии и пастырская забота о сохранении своего словесного стада, подвергающегося опасности быть похищенными «лжемудрствующими волками». Поэтому, когда Несторий в своей позднейшей апологии («Книге Гераклида»), написанной уже в ссылке, говорит, что не страх Божий и не попечение о правой вере заставили св. Кирилла выйти на рать с ним, а личная ненависть и вражда[77], то он явно искажает факты.

Тем временем, борьба все более и более разгоралась. Между константинопольским и александрийским предстоятелями осуществился обмен еще несколькими посланиями, в которых антагонизм богословских позиций становился все резче. В подобной ситуации большое значение имела точка зрения римского первосвященника и всей вообще западной Церкви. Поэтому и св. Кирилл, и Несторий обращаются к папе Целестину (Келестину). Тот однозначно встает на сторону Александрийского архипастыря и Римский Собор 430 г. осуждает Нестория. Помимо всего прочего, два обстоятельства сыграли

---

[76] Деяния Вселенских Соборов, т. I, с. 142–143.

[77] См.: *Nestorius*. The Bazaar of Heracleides. Transl. and edited by *G. R. Driver* and *L. Hodgson*. Oxford, 1925, p. 101–102.

важную роль в таком осуждении. Первое: Несторий оказал гостеприимство и покровительство пелагианам, изгнанным с Запада, а тем самым вызвал гнев папы и единодушное недовольство западного епископата[78]. Второе: Запад незадолго до возникновения рассматриваемых споров обрел как бы «опыт встречи» с явлением, аналогичным несторианству. Около 418–421 гг. галльский монах Лепорий посеял немалую смуту в умах тамошних христиан своим учением о Лице Господа Иисуса Христа. В результате он вынужден был покинуть Галлию и оказался в Северной Африке, где блаж. Августину удалось убедить его в ложности взглядов, которых он придерживался. Правда, около 431 г. сходная ересь опять возникла в Испании, но и она была быстро нейтрализована[79]. Суть же заблуждений Лепория заключалась в том, что он отвергал принцип «взаимообщения свойств» (communicatio idiomatum) природ во Христе, тяготел к чрезмерному разли-

---

[78] См.: *Frend W. H. C.* The Early Church. From the Beginnings to 461. Worcester, 1991, p. 214. Причем, как констатирует данный исследователь, это покровительство вряд ли было случайным, ибо мотивировалось и некоторой близостью богословских позиций. Следует отметить, что при архиепископе Аттике пелагиане были осуждены на Константинопольском Соборе 422 г. и изгнаны из столицы. Но в 429 г. Юлиан Экланский и иже с ним опять появились здесь и обратились к Несторию, «настойчиво убеждая его в своей невинности и в своем правомыслии. Несторий принял их дружественно» (*Кремлевский А.* История пелагианства и пелагианская доктрина. Казань, 1898, с. 146–147). Что же касается идейной близости несторианства и пелагианства, то, как считает этот ученый, «христологическое учение Нестория естественно должно было склонять его более к пелагианской антропологии, чем к православной. Однако все это не дает права называть Нестория пелагианцем, так как ни из собственных сочинений Нестория, ни из свидетельств современников не видно, чтобы Несторий действительно разделял и высказывал пелагианские заблуждения» (Там же, с. 151).

[79] См.: Prénestorianisme en Occident. Dossier rassemble par *P. Glorieux.* Tournai–Paris–Rome–N.Y., 1959, p. 5–7. Об испанских еретиках (оставшихся безымянными) мы узнаем из послания Капреола Карфагенского. Судя по нему, «эти еретики не решались называть Deum natum, учили, что только homo purus родился от Девы Марии, что Бог только после этого стал обитать в нем; равным образом и ко кресту был пригвожден один homo purus, так как обитавший в нем Бог с этого момента оставил его. Это — несторианство, упрощенное до крайности». *Адамов И.* Христология западных писателей накануне и в эпоху несторианских споров // Труды Киевской Духовной Академии, 1911, № 1, с. 55.

чию (даже к разделению) этих природ (хотя, колеблясь, признавал их единство: perfectum cum Deo hominem) и излишне акцентировал идею «воспринятого [Богом] человека» (homo assumptus — сама идея, кстати, была в ходу у многих православных писателей той и предшествующей эпохи)[80]. Однако, в отличие от Нестория, Лепорий не упорствовал в своем заблуждении и искренне покаялся, т. е. «изменил ум свой»[81].

Вообще можно отметить, что западное богословие в лице лучших представителей своих развивалось в направлении ином, чем «христологическая траектория» Нестория, хотя порой казалось, что они достаточно близки друг к другу[82]. Уже св. Ириней Лионский, активно отстаивая против гностиков полноту человечества Христа[83], в то же время особо подчеркивал единство Богочеловека, опять в противоположность «христологическому дуализму», характерному для ряда гностических си-

---

[80] См.: *De Beer F.* Une tessère d'orthodoxie. Le «Libellus emendationes» de Leporius (vers 418–421) // Revue des Études Augustiniennes, t. 10, 1964, p. 145–185; *Grillmeier A.* Christ in Christian Tradition, v. I, p. 464–467.

[81] Впрочем, по мнению И. Адамова, «Лепорий в действительности никогда в глубине души не был еретиком, сознательно отвергавшим таинство Воплощения Господа; в нем мы должны видеть простую жертву неудачной формулы. Поэтому, когда епископы, стоявшие с ним в существенном на одинаковой почве, указали на абсурдность и опасность для веры его крайних выводов, то он не замедлил внести в свою формулу поправку, которой устранялись всякие недоразумения. Характерным для этой исправленной формулы является то, что, признавая полноту и неповрежденность Божества и человечества во Христе, она особенно настаивает на единстве Лица Воплотившегося» (*Адамов И.* Христология, с. 39–40).

[82] Согласно И. Адамову, «хотя древне-западная христология, совершенно в духе антиохийцев, резко разграничивала природы во Христе, однако она всегда была далека от антиохийской, особенно ярко выразившейся в несторианстве мысли о двух действующих субъектах в Воплотившемся. Западные писатели искони держались в сущности вполне православного взгляда на Христа Спасителя, как Бога, явившегося и действовавшего на земле во плоти. Беда только в том, что при той философской почве, на которой они вообще стояли, они не могли достаточно сильно выразить мысль о Единстве Воплотившегося, а при этом недостатке чисто терминологического характера их христология по внешности сильно напоминала христологию антиохийскую» (Там же, с. 35–36).

[83] См.: *Nielsen J. T.* Adam and Christ in the Theology of Irenaeus of Lyons. Assen, 1968, p. 13.

стем (их формуле: ἄλλος μὲν... ἄλλος δὲ — «один и другой» — св. Ириней противопоставлял совершенно иную: εἵς καὶ αὐτός, т. е. «единый и тот же самый [Христос]»)[84]. Антигностической и антидокетической полемикой во многом определялась также и христологическое учение Тертуллиана, который утверждал не только реальность плоти, но и человеческой души Господа[85]. При некоторой внешней схожести его основной христологической формулы («одно Лицо — две субстанции»; una persona — duae substantiae), предполагающей и признание свойственных и присущих каждой «субстанции» различных действий (distincte agere, distinguunt substantias opera), с тезисами Нестория, в богословии Тертуллиана отсутствовал всякий намек на наличие двух субъектов во Христе. Признавая «взаимообщение свойств» природ Господа, карфагенский богослов акцентировал их единство, используя стоическую идею «смешения» (κρᾶσις δι᾽ὅλων; у Тертуллиана обычно: coniunctio=concretio), предполагающую сохранение при соединении каких-либо элементов сущностных свойств этих элементов[86]. Столь же православной была и христология св. Ипполита Римского, утверждающего, что именно Бог Слово родился от Девы[87]. Лишь у Новациана (впавшего в раскол) исследователи иногда обнаруживают некоторые «протонесторианские оттенки» богословской мысли, сказавшиеся в из-

---

[84] См.: *Houssiau A.* La christologie de saint Irénée. Louvain–Gembloux, 1955, p. 143–256. Не совсем корректной представляется оценка христологии св. Иринея у А. Орлова, согласно которому эта христология, «не отрицая реальности и целостности человеческой природы Христа (в этом ее существенное отличие от докетических и позднейших монофизитских заблуждений), тем не менее не уделяла полного внимания человеческому моменту в личности Христа, как будто затерявшемуся в лучах Его сверхчеловеческого божественного "Я"» (*Орлов А.* Христология Илария Пиктавийского в связи с обзором христологических учений 2–4 вв. Сергиев Посад,, 1909, с. 21).

[85] См.: *Daniélou J.* Les origines du christianisme latin. Paris, 1978, p. 306–311.

[86] См.: *Cantalamessa R.* La cristologia di Tertulliano. Friborgo, 1962, p. 94–191. Как бы «антинесториански» звучит высказывание Тертуллиана о Пречистой Деве Марии в сочинении «О теле Христовом»: «Вечная премудрость приготовляла нас сначала к тайне Бога, рождающегося от Девы» (*Мазурин К. М.* Тертуллиан и его творения. М., 1893, с. 270–271).

[87] См.: *D'Ales A.* La théologie de saint Hippolite. Paris, 1906, p. 24–29.

лишне резком разграничении природ Господа и не всегда последовательно проводимом принципе «взаимообщения свойств» их[88], но эти догматические погрешности можно отнести на счет терминологической неточности, а не на счет сущностного содержания идей[89]. Следовательно, доникейское латинское богословие не обладало никаким сродством с христологическими постулатами Нестория.

Еще в большей степени это можно сказать о посленикейских западных отцах Церкви. Например, св. Илария Пиктавийского, миросозерцание которого находилось под определенным влиянием александрийской традиции (особенно Оригена и св. Афанасия)[90], даже иногда упрекают в своего рода «монофизитстве» за его сугубый акцент на Божественной природе Христа[91], что вряд ли справедливо. Ибо, даже при наличии данного акцента, при подчеркивании единства Богочело-

---

[88] См.: *D'Ales A.* Novatien. Étude sur la théologie Romain au milieu du IIIe siècle. Paris, 1924, p. 103–106.

[89] См.: *De Simone R. J.* The Treatise of Novatian the Roman Presbyter on the Trinity. Roma, 1970, p. 119–132. Попутно можно отметить, что подобная же нечеткость терминологии прослеживается и у Лактанция, который, однако, тяготеет скорее к «полюсу монофизитства», если применять категории позднейшего времени. Ср., например, его высказывание: «*Посему и Сыну нужно было родиться дважды,* чтобы и самому быть не имеющим отца и матери (ἀπάτωρ atque ἀμήτωρ). Ибо в первом своем рождении духовном Он был ἀμήτωρ, потому что был рожден одним Богом Отцом, без участия матери; во втором же, плотском, рождении Он был ἀπάτωρ, потому что без содействия отца родился из девственного чрева, чтобы, имея природу среднюю между природою Бога и человека, быть в состоянии как бы рукою вести эту нашу бренную и слабую природу к бессмертию. Он стал и Сыном Божиим и Сыном человеческим по плоти, т. е. и Богом и человеком. Сила Божия открылась в Нем из дел, которые Он совершил, бренность человеческая — из страдания, которое Он перенес... Что Он был и Бог и человек, состоя из соединения той и другой природы (ex utroque genere permixtum), об этом мы узнаем из провещаний пророков» (Цит. по: *Садов А.* Древнехристианский церковный писатель Лактанций. Спб., 1895, с. 152–153). Но и здесь такие «*подозрительные*» обозначения, как «средняя природа» или «смешение», явно уравновешиваются подчеркиванием различия естеств в Богочеловеке.

[90] Влияние Оригена при этом часто шло посредством трудов Евсевия Кесарийского. См.: *Newlands G. M.* Hilary of Poitiers: A Study in Theological Method. Bern–Frankfurt am Main–Las Vegas, 1978, p. 140–142.

века и оппозиции к любого рода «разделителям Христа», Пиктавийский святитель отнюдь не умаляет реальности «воспринятого человека» (homo assumptus), не признавая его, естественно, отдельным субъектом[92]. Весьма уравновешенным и взвешенным представляется также и учение св. Амвросия Медиоланского о Лице Господа Иисуса Христа, опирающееся преимущественно на Священное Писание и обладающее ярко выраженным «сотериологическим колоритом»[93]. Здесь совершенство и полнота обоих естеств Христа (Jesum Deum hominemque, in utroque perfectum) находится в гармоническом соотношении с указанием на Его единство (non divisus, sed unus), однако при этом констатируется, что эти естества не равнозначны: Господь — «больше Бог, чем человек». Теория «взаимообщения свойств» и идея «взаимопроникновения» («перихоресиса») природ Христа (Deus in homine et homo in Deo Christus) также совсем не чужда св. Амвросию[94]. В общем, Медиоланский епископ органично сочетал исконную традицию латинского богословия с идеями, идущими от греческих церковных писателей. Причем, «самое главное, что перешло к Амвросию от восточной христологии, это идея единства Спасителя. Правда, св. Амвросий не называет это единство единством Лица; он также не делает никакой попытки философски обосновать его; тем не менее он довольно часто употребляет ряд формул, сильно выдвигающих подобное единство»[95]. Наконец, можно отметить, что вполне солидарен со св. Амвросием в главных принципах своей христологии и блаж. Августин, который особое внимание обращал на развитие теории единения природ во Христе (una persona ex duabus

---

[91] Его христология «обнаруживает значительный уклон в сторону определенного монофизитства». *Орлов А.* Указ. соч., с. 167.

[92] См.: *Galtier P.* Saint Hilaire de Poitiers. Le premier docteur de l'Eglise latin. Paris, 1960, p. 108–158; *Burns P. C.* The Christology in Hilary of Poitiers' Commentary on Matthew. Roma, 1981, p. 83–112.

[93] См.: *Coppa G.* Christo in saint Ambrosio // Bessarione, 1979, N 1, p. 43–66.

[94] См.: *Schwerdt P. K.* Studien zur Lehre des heiligen Ambrosius von der Person Christi. Bückeburg, 1937, S. 41–109.

[95] *Адамов И. И.* Св. Амвросий Медиоланский. Сергиев Посад, 1915, с. 401.

ческий спор осложнился дворцовыми интригами и действием различных векторов политических сил.

При подобной ситуации большое значение имела позиция епископов Антиохийского округа (так называемых «восточных»), откуда происходил Несторий и где имел он много друзей и знакомых. Св. Кирилл, отдавая себе отчет в этом, обращается с посланием, но не непосредственно к предстоятелю Антиохийской церкви Иоанну (тогда еще сравнительно молодому архиепископу, недавно вступившему на престол), а к почитаемому на Востоке более чем столетнему архиерею Акакию Верейскому. Ответ почтенного старца был благожелательным: «Я читал писание, которое от твоего благочестия недавно доставлено мне смиренному, его содержание — слезы и скорбь по случаю смятения в Константинопольской церкви; но в нем также сила и теплота христианской веры». Далее Акакий пишет: «В настоящее время, когда возникло такое учение, которое может опечалить и смутить многих из благочестивых и христолюбивых, на твоем полном и дознанном благоразумии лежит долг успокоить это волнение». Он просит св. Кирилла «принять на себя дело учителя, как требует теперь обстоятельство, чтобы ослабить это учение (Нестория.— *А. С.*) в тех, которые его услышали и им отторгнуты от веры». Более того, старец сообщает александрийскому предстоятелю, что с его посланием он ознакомил и Иоанна Антиохийского: тот «слушал его с великим вниманием и сочувствием»[105]. Получив такой благожелательный ответ, св. Кирилл пишет уже достаточно деликатное послание к самому Иоанну Антиохийскому[106]. Реакция на него антиохийского предстоятеля опять же была положительной; по крайней мере, он отправляет своему старо-

---

Кирилл иное пишет мне — императору и иное — сестре моей Пульхерии, так, как бы он знал о разномыслии между нами? Если он ничего не знал об этом разномыслии, то зачем же поступал так, как бы хотел, чтобы оно возникло между нами? Если же знал, то дело ли это священника — шпионить за семейством своих государей, чтобы посевать в нем раздор?" Так думал и говорил Феодосий, и в гневе своем повторял всем окружавшим его, что Александрийский патриарх смутьян, дерзкий и злой человек, что он — Феодосий — хорошо проучит его за это» (*Тьерри А*. Указ. соч., с. 49).

[105] См.: Деяния Вселенских Соборов, т. I, с. 184–185.

[106] Там же, с. 182–184.

му знакомому Несторию послание, в котором увещевает его покаяться и не давать повода «внести в Церковь несогласие и разделение»[107]. Казалось, св. Кирилл был близок к наиважнейшей победе: привлечению на свою сторону «восточных» — главных потенциальных защитников константинопольского ересиарха и возможных его идейных сторонников.

Но здесь, как представляется, святитель совершает серьезную тактическую ошибку. В ноябре 430 г. он созывает поместный собор в Александрии, решительно осудивший Нестория. Опираясь на его решения, св. Кирилл пишет еще одно «Послание к Несторию» («Об отлучении»), к которому присовокупляет знаменитые «Анафематизмы» (или «Главы»). В них, содержащих 12 кратких тезисов, он в резком и обнаженном виде формулирует основные черты александрийской христологии[108]. Безусловно, по содержанию своему они вполне православны и, создавая их, св. Кирилл руководствовался лишь заботой о чистоте православного вероучения. Однако излишне сильный акцент на единстве Личности Богочеловека и некоторая терминологическая неясность (допущение, например, такого выражения, как «естественное единение» — ἕνωσις φυσικὴν) могли создать впечатление (и создали) у тех, кто не был глубоко знаком с миросозерцанием св. Кирилла, что он смешивает природы Христа. И не случайно, что посланные Несторием Иоанну Антиохийскому эти тезисы «вызвали на «Востоке» страшную бурю»[109]. Не только сам Несторий пишет «Анти-

---

[107] Там же, с. 187–191.

[108] Текст «Анафематизмов» и краткий комментарий к ним см. в кн.: *Hefele Ch. J.* Op. cit., p. 269–278. Довольно подробно «Анафематизмы» анализируются в кн.: *Пономарев П. П.* Священное Предание, с. 332–351.

[109] *Глубоковский Н. Н.* Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Его жизнь и литературная деятельность, т. I. М., 1890, с. 68. Ср. замечание Т. Лященко: «Иоанн Антиохийский, получив анафематизмы св. Кирилла, распространил их по всему Востоку. Везде они встречали самое неприязненное отношение. По антианафематизмам Нестория мы можем видеть, как трудно было получившему антиохийское образование понять александрийского богослова. Учение его о неизреченном соединении во Христе двух природ — Божеской и человеческой — в единую ипостась, личность, казалось для них учением о слиянии естеств или преложении одного естества в другое, каковому пониманию еще способствовала неустойчивость св. Кирилла в терминологии» (*Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 318).

анафематизмы», но против «Анафематизмов» выступают письменно такие ведущие богословы среди «восточных», как блаж. Феодорит и Андрей Самосатский[110]. И позднее данные «Главы» вызывали неоднозначную оценку; по крайней мере, на «разбойничьем синоде» 449 г. они фигурировали в качестве *одного из основных* документов монофизитствующих, а спустя некоторое время на них опирался в своем «Энотиконе» император Зинон[111]. Впрочем, и православные защитники Халкидонского Собора также опирались на «Анафематизмы» и в VI в. они были переведены на латинский язык Дионисием Младшим, получив высокую оценку у многих западных богословов и иерархов (в частности, у папы Вигилия)[112]. Но в конкретной ситуации начала несторианских споров опубликование «Анафематизмов» (повторяем — они по своей догматической сути совершенно православные), для св. Кирилл означало оттолкновение потенциальных союзников среди «восточных», что во многом определило и ход дальнейших событий.

В центре их, безусловно, находится Ефесский Собор. Как известно, в реальности было два Собора, ибо св. Кирилл, не дождавшись прибытия «восточных» во главе с Иоанном Антиохийским (подлинные причинные их задержки выявить трудно: то ли они специально тянули время, то ли действительно существовали объективные причины их опоздания), открыл Вселенский Собор[113]. «Восточные» же, обидевшись на такое поведение александрийского предстоятеля, составили в Ефесе свой отдельный Собор («отступнический»). Обстоятельства этого дела столь запутаны, что выяснить «каноническую законность» поступков обеих сторон не представляется воз-

---

[110] *Они были друзьями и единомышленниками;* позднее оба стали главными деятелями «партии мира» и активно содействовали примирению «восточных» со св. Кириллом. См.: *Évieux P.* André de Samosate. Un adversaire de Cyrille d'Alexandrie durant la crise nestorienne // Revue des Études Byzantines, 1974, t. 32, p. 253–300.

[111] См.: *Diepen H. M.* Les douzes Anathématismes au Concile d'Éphèse et jusqu'en 519 // Revue Thomiste, 1955, t. 55, p. 300–338; *Wickham L. R.* Cyril of Alexandria and the Apple of Discord // Studia Patristica, v. XV, pt. 1, 1975, p. 379–392.

[112] См.: *Diepen H. M.* Douze dialogues de christologie ancienne. Roma, 1960, p. 49–66, 95–115.

[113] Об обстоятельствах этого открытия см.: *Camelot P.-Th.* Éphèse et Chalcédoine. Paris, 1961, p. 44–60.

можным. Во всяком случае, переговоры между ними в Ефесе «не привели ни к каким прочным результатам и вместо желанного соединения и умиротворения вызвали гораздо сильнейшие разделение и волнение»[114]. Но подавляющее большинство епископов оказалось на стороне св. Кирилла и в конечном итоге победа осталась за ним. Именно это большинство, вероятно, и определило окончательную позицию императорского двора, который долго колебался, но все же отказался от поддержки Нестория[115]. Примечательно, что деятельность Ефесского Собора не кристаллизовалась ни в какое догматическое вероопределение, ибо отцы его рассматривали богословие св. Кирилла как органичное продолжение и полное выражение «никейской веры»[116]. Таким образом, соборное сознание Церкви признало это богословие **своим собственным**, отринув от себя лжеучение Нестория[117].

Хотя ересиарх был низложен и отправлен в ссылку, св. Кирилл ясно осознавал, что до окончательной победы Православия еще далеко. Нельзя сказать, что он совсем не торжество-

---

[114] *Глубоковский Н. Н.* Указ. соч., с. 96.

[115] Немалую роль, скорее всего, сыграла в этом Пульхерия, но вряд ли следует преувеличивать эту роль, как то делает А. Тьерри, пишущий: «Пульхерии принадлежала вся честь этой победы, и никто не ошибся, называя ту руку, которая всем заправляла в Халкидоне (Ефесе? — *А. С.*). Православные епископы поздравляли ее наперерыв друг перед другом, а один собор выразился о ней такими подлинными словами: "Она изгнала Нестория"». *Тьерри А.* Указ. соч., с. 168. Значительную роль в подобном изменении позиции высших столичных кругов оказало константинопольское монашество, в основной своей массе поддерживающее св. Кирилла. См.: *Frend W. H. C.* Religion Popular and Unpopular in the Early Christian Centuries. London, 1976; XVIII, p. 17.

[116] См.: *Lebon J.* Autour de la définition de la foi au concile d'Éphèse (431) // Ephemerides Theologicae Lovanienses, 1931, t. 8, p. 393–412.

[117] По мнению А. П. Лебедева, мысли св. Кирилла «по сравнению с несторианскими не столь ясны и наглядны — это несомненно. Происходит это от того, что в своих суждениях он стоит на точке зрения глубокой веры... Вера исключает собою рассудочную ясность» (*Лебедев А. П.* Вселенские соборы IV и V веков. (Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской). Спб., 1904, с. 187). Однако, при противопоставлении «веры» и «рассудочной ясности» следует помнить, что подобной антитезы нет между «верой» и «умной чистотой» догматического мышления, ибо они неотделимы друг от друга.

вал и не радовался победе правого дела[118], но перед ним стояла весьма сложная задача: убедить колеблющихся (число которых было еще значительным), что победил не **лично** он, Кирилл, а именно **Православие**. Руководствуясь подобным соображением, святитель пишет свою «Защитительную речь к императору Феодосию», где тактично просит у государя извинения за то, что в пылу схватки он, возможно, переступил должные пределы. По словам св. Кирилла, «если бы, забыв всякое приличие, стал я утверждать, и притом пред вами лично, что я ничем не увлекался, то сказал бы это, может быть, не безнаказанно. Я боюсь противиться вашему мнению не из опасения подвергнуться несправедливости или чему-нибудь такому, что постигло Израиля. Был ли кто-нибудь так невинен, чтобы не погрешил когда-нибудь? Много согрешаем все мы, и человеческая природа, как бы пораженная болезнию, удобопреклонна ко греху, так что и самый ревностный блюститель закона никогда не мог считать себя совершенно чистым и безгрешным пред Богом»[119].

Главной же задачей св. Кирилла в этот период было примирение с «восточными». Энергичные меры по такому примирению все еще враждующих сторон принимает сам император Феодосий II вкупе с вновь избранным константинопольским предстоятелем Максимианом, отличавшимся вообще миролюбивым характером[120]; содействовал им в этом и новый папа (с 432 г.) Сикст III[121]. Наконец, «большое влияние на самое начало хлопот о примирении с восточными нужно отне-

---

[118] Это торжество и эта радость явно звучат в «Пасхальной проповеди» 432 г., где он сравнивает Нестория с древним Амаликом, ибо ересиарх боролся «против славы Спасителя» и покушался «низвратить силу Его таинства. Но созвавши избранных со всего Израиля, Господь наш Иисус Христос ополчился и победил и “пагубою погубит память Амаликову от поднебесныя”» (*Миролюбов А.* Указ. соч., с. 207).

[119] Деяния Вселенских Соборов, т. I, с. 500.

[120] См. характеристику его у Сократа: «По образу жизни подвижник, облеченный также в достоинство пресвитера, он уже давно прослыл как человек набожный, потому что на свой счет устраивал гробницы для погребения в них покойников, славившихся в жизни набожностью. Впрочем, он был неискусен в слове и больше всего любил жить вдали от мирских хлопот» (*Сократ Схоластик.* Церковная история, с. 299).

[121] См.: *Hefele Ch. J.* Op. cit., p. 383–392.

сти на долю св. Кирилла»[122]. В результате, после долгих переговоров, состоялось и само примирение (433 г.), иногда неточно называемое в научной литературе «унией». Свое ликование по поводу столь желанного им церковного мира св. Кирилл выразил в послании к Иоанну Антиохийскому, которое начиналось словами: «*Да возвеселятся небеса и радуется земля* (Пс. 95, 11). Разрушено средостение (Еф. 2, 14), печаль прекратилась и всякие раздоры уничтожены, так как общий Спаситель наш Христос даровал мир Своим, а благочестивейшие и возлюбленнейшие Богу императоры призывали к тому». Здесь же он подписывается под исповеданием веры «восточных», ключевой фразой которого было то, что во Христе, единосущном Отцу по Божеству и единосущном нам по человечеству, «совершилось соединение двух естеств» δύο γὰρ φύσεων ἕνωσις γέγονε[123]. Признавая это вероисповедание, Александрийский архипастырь отнюдь не отступал от основных посылок своей христологии, а лишь уточнял их, ибо в данном исповедании речь шла о «неслитном единении» (τῆς ἀσυγχύτου ἑνώσεως) — а это было главным для св. Кирилла, хотя порой и колеблющегося в терминологии, но никогда не испытывающего колебаний относительно смысла православного учения о Лице Господа Иисуса Христа[124]. И сам св. Кирилл, и православные сторонники антиохийского направления, начертав-

---

[122] *Лященко Т* Св. Кирилл, с. 454

[123] См.: Деяния Вселенских Соборов, т. I, с. 540–541.

[124] Ср. характеристику: «В своей терминологии св. Кирилл, подобно каппадокийцам, не является ригористом и часто употребляет такие термины, которыми пользовались и его противники. У него мы можем встретить ἀνάληψις и πρόσληψις (восприятие Божеством человечества), ἐνοίκησις и κατοίκησις (вселение, обитание Божества в человечестве), даже συνάφεια (союз Божества с человечеством), хотя он и старается вообще избегать этого последнего термина. Но эта свобода в словоупотреблении не означает собою безличного или неопределенного отношения автора к тому, какой смысл он вкладывает в понимание единения природ во Христе. Повсюду он настаивает на одном понимании ипостасного единения (ἕνωσις καθ᾽ ὑπόστασιν). Такое единение состоит, по Кириллу, в том, что одна Личность (ἕν πρόσωπον, ἤγουν ὑπόστασις) и именно, Сын Божий, Бог Слово, возглавил Собою две природы — Божескую и человеческую, причем под человеческой здесь разумеется общая всем людям человеческая природа, т. е. соединение тела и души, *но не — личный человек, не — особый индивидуум»* (*Соколов В.* Леонтий

шие данное исповедание, рассматривали его лишь как истолкование сути Никейского символа веры, а не как некий новый «символ»[125]. Поэтому «нельзя сказать, что Кирилл или православные чем-то пожертвовали со своей стороны, когда снизошли к требованиям антиохийцев, как нельзя сказать, что антиохийцы вносили какое-либо неправославие в Православие, когда настаивали, чтобы Кирилл не отказался от тех обычных у них формул христологических, которые прежде казались подозрительными Кириллу. До этого времени, до унии Кирилла с антиохийцами, конечно, существовало и ясно сознавалось всеми православными истинное учение относительно Лица Богочеловека. Но доселе еще не было определенно, в каких именно словах выражать это учение. Одни выражали так, другие иначе. Со времен же унии исчезло всякое сомнение по этому поводу. И александрийцы и антиохийцы общими силами выработали ту терминологию, какая с тех пор живет в догматическом языке православных богословов»[126].

Безусловно, примирение 433 г., несмотря на его важнейшую роль в истории древней Церкви, отнюдь не решило всех вопросов, в том числе и догматических[127]. На Востоке еще оставалась группа «непримиримых» во главе с Александром

Византийский. Его жизнь и литературные труды. Сергиев Посад, 1916, с. 201–202). Ср. также мнение А. Чекановского, который, отметив подобную же текучесть терминологии святителя, замечает: «Безусловная выдержанность во всех творениях св. Кирилла существа содержимого Церковью учения о Лице Иисуса Христа, ясная для каждого непредубежденного читателя их, не позволяет на основании вышеуказанных оборотов речи предполагать различие точек зрения (христологического созерцания) или разности самих воззрений. Они свидетельствуют только о сравнительно слабейшей энергии выражений всегда равного себе богослова в одно время и об усилении ее в другое (под влиянием крайностей еретиков, в том или другом направлении извращавших церковную истину)» (*Чекановский А.* Современные задачи богословия по отношению к учению о Лице Господа Иисуса Христа // Труды Киевской Духовной Академии, 1911, № 2, с. 282).

[125] См.: *Young F. M.* The Making of the Creeds. London, 1991, p. 74.

[126] *Лебедев А. П.* Из истории Вселенских Соборов IV и V веков. Pendant к сочинению: Вселенские Соборы IV и V веков (М. 1879). М., 1882, с. 244–245.

[127] См.: *Meyendorff J.* Imperial Unity and Christian Divisions. The Church 450–680 A. D. N.Y., 1989, p. 166.

Иерапольским, были и колеблющиеся, к числу которых принадлежал, например, блаж. Феодорит[128]. С другой стороны, и среди сторонников св. Кирилла, стоявших в крайней оппозиции к антиохийской христологии, раздались голоса, осуждавшие его в «предательстве», и наметилась тенденция, породившая позднее монофизитство[129]. Св. Кирилл в связи с этим ведет напряженную переписку, стараясь отсечь обе крайности, одинаково опасные для Православия. Затем вспыхивает спор относительно учения Феодора Мопсуестийского, начатый Раввулой Эдесским еще в 432 г., но обретший особую остроту ок. 435 г., когда в этот спор вынужден был вмешаться св. Прокл, ставший уже константинопольским предстоятелем[130]. Св. Кирилл некоторое время прямо не участвовал в данном споре (судя по всему, исходя из тактических соображений и стараясь сохранить только что установленный мир), но затем поддержал Константинопольского архипастыря (вероятно, ок. 438 г.). Он «называет Феодора «отцом зломыслия Несториева» и видит в его сочинениях «хуления гораздо худшие несториевых», а потому «пишет против Диодора и Феодора сочинение, состоящее из трех книг, в которых горячо нападает на них, выставляя их виновниками несториевой ереси»[131]. Подобный шаг святителя опять вызвал ухудшение его отношений с «восточными»[132]. Правда, острого кризиса в этих отношениях на сей раз не наступило, ибо вскоре «сам св. Кирилл не мог не сознавать, что некоторые его приверженцы слишком усердно раздувают искру в пламя: он просит Прокла о снисхождении к «славному имени мужа, умершего в общении с Церковью», а пред Иоанном высказывает недо-

---

[128] По словам Н. Н. Глубоковского, «создав себе столь исключительное положение, Феодорит тяготел, с одной стороны, к св. Кириллу, а с другой — к Несторию; отсюда постоянная раздвоенность в его суждении, причинявшая ему крайнее неудобство» (*Глубоковский Н. Н.* Указ. соч., с. 124).

[129] См.: *Lebon J.* Le monophysisme sévèrien. Louvain, 1909, p. 2–3.

[130] Подробно об этом споре см.: *Devreesse R.* Essai sur Theodore de Mopsueste. Citta del Vaticano, 1948, p. 125–168.

[131] *Гурьев П.* Феодор, епископ Мопсуестский. М., 1890, с. 390.

[132] О хронологии и развитии событий в этот период см.: *Abramowski L.* Der Streit um Diodor und Theodor zwischen den beiden ephesinischen Konzilien // Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. 67, 1955/1956, S. 252–287.

вольство теми людьми, которые «поражают воздух и натягивают свои луки против праха». В свою очередь «восточные» отправили к императору прошение о «восстановлении мира», и Феодосий II особым указом повелел прекратить дело о Феодоре»[133]. Таким образом, в 438 г. только возникший спор волевым решением императора сразу же был прекращен, правда, для того, чтобы в следующем веке возникнуть опять с новой силой.

Последние годы святителя проходят относительно мирно: он окормляет свою паству, произносит проповеди и спокойно занимается литературными трудами. Естественно, св. Кирилл эпизодически выступает против различного рода еретических заблуждений, продолжавших существовать или недавно появившихся в Египте (например, против мессалиан, «антропоморфитов» и проч.), но прежнего жаркого накала борьбы в этих выступлениях уже нет. В 444 г. святитель тихо отходит ко Господу. Память его в Православной Церкви празднуется дважды: 18 января (вместе со св. Афанасием Великим) и 9 июня[134]. По словам отца Георгия Флоровского, «в церковной памяти его образ навсегда запечатлелся как образ глубокого и острого богослова»[135].

II. Литературная деятельность св. Кирилла

Литературное наследие святителя чрезвычайно обширно и не случайно владыка Филарет называет его «одним из плодовитейших писателей»[136]. По крайней мере, в известной «Патрологии» Миня сочинения св. Кирилла занимают десять томов (т. 68–77), хотя здесь собраны далеко не все творения его[137]. Хронологию их установить весьма трудно; обычно во-

---

[133] *Глубоковский Н. Н.* Указ. соч., с. 156–157. В указе предписывалось, «чтобы никто не дерзал предпачинать что-либо против умерших в мире с Церковью». См.: *Доброклонский А.* Сочинение Факунда, епископа Гермианскаго: «В защиту трех глав». Историко-критическое исследование из эпохи V Вселенского собора. М., 1880, с. 27.

[134] Об этих праздниках см.: *Архиепископ Сергий (Спасский).* Полный Месяцеслов Востока, т. III. М., 1997, с. 28–30, 216.

[135] *Флоровский Г. В.* Восточные отцы V–VIII веков. М., 1992, с. 50.

[136] *Архиепископ Филарет (Гумилевский).* Историческое учение об отцах Церкви, т. III. М., 1996, с. 81.

доразделом полагается 428 г., но вопрос о том, какое из конкретных произведений св. Кирилла можно считать относящимся к «донесторианскому» или «несторианскому» периоду его жизни, остается не до конца проясненным в патрологической науке и вызывает еще споры среди специалистов[138]. Творения святителя, подобно творениям многих других отцов Церкви, отличаются жанровым многообразием: здесь можно встретить и вероучительные трактаты, и диалоги, и проповеди, и послания, и т. д.; причем, границы, отделяющие один жанр от другого, довольно зыбки и часто бывают почти неразличимыми. Условно все сочинения св. Кирилла можно подразделить на следующие группы: 1) экзегетические произведения (составляющие большую часть литературного наследия святителя), 2) догматико-полемические творения, 3) проповеди и 4) послания.

1) Экзегетические творения.

В памяти последующих поколений образ св. Кирилла запечатлелся преимущественно как образ непреклонного полемиста и стойкого в вере догматиста, хотя, если судить по его произведениям, в первую очередь следовало бы выделить его деятельность как толкователя Священного Писания. Из большого количества экзегетических сочинений первым по времени было, скорее всего, *«О поклонении и служении в духе и истине»*, написанное в форме диалога. По мнению Т. Лященко, оно было создано «св. Кириллом в пустыне и является как бы отчетом в том, что он изучил в школе и самостоятельно и что он жизненным опытом приоб-

---

[137] Краткий обзор-справка всех творений св. Кирилла содержится в кн.: *Geerard M.* Clavis Patrum Graecorum, v. III Turnhout, 1979, p. 1-57.

[138] Еще Т. Лященко замечал: «Вопрос о начале литературной деятельности св. Кирилла и, вообще, хронологической последовательности его творений очень трудный и во всей полноте своей еще никем доселе нерешенный» (*Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 79). В новое время этот вопрос пытался решить: *Jouassard G.* L'activité littéraire de S. Cyrille d'Alexandrie jusqu'a 428 // Melanges E. Podechard. Lyons, 1945, p. 159-175. Но его аргументация была подвергнута критике и сомнению со стороны: *Liébaert J.* La doctrine christologique de S. Cyrille d'Alexandrie avant la querelle nestorienne. Lille, 1951, p. 19-76

рел в пустынном уединении, поэтому оно, вместе с тем, было для него как бы программой его религиозно-нравственных убеждений и как бы руководством к дальнейшей деятельности. Оно разделяется на 17 книг и представляет собою довольно стройную систему христианской морали с солидным историко-догматическим фундаментом»[139]. Беря за исходную точку своих толкований проблему соотношения Ветхого и Нового Заветов[140], св. Кирилл в дальнейшем затрагивает самый широкий спектр вопросов: сотериологических, антропологических, нравственно-аскетических и проч. Порой в этом сочинении звучат мотивы, напоминающие платоновского «Федра», или схожие с рассуждениями предшествующих представителей христианской Александрийской школы (Климента, Оригена, Дидима). Внутренним лейтмотивом всего произведения, несомненно, является устремленность от мира дольнего к миру горнему[141]. С этим связана и явная аскетическая тональность сочинения[142]. Безусловно, школа подвижничества, которую прошел святитель у нитрийских монахов,

---

[139] *Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 82.

[140] Которая решается в духе богословия св. апостола Павла и древних отцов Церкви (в частности, св. Иустина Мученика). Например: «Закон — образ и тень и изображение благочестия, как бы еще в муках рождения содержащее сокровенную в нем красоту истины». Также: «Закон детоводительствует и хорошо приводит к Христовой тайне (Гал. 3, 24). Заповеданное древним чрез Моисея мы называем первыми начатками провещаний Божиих (Евр. 5, 12). Если мы отвергнем детоводителя, кто же приведет нас к тайне Христовой?» (I, 4, 6). — Русские переводы творений св. Кирилла здесь и ниже цитируются по изданию: Творения *святаго Кирилла Александрийскаго*, ч. 1–15. М., 1880–1912. Римской цифрой обозначается номер тома, а арабскими — страницы.

[141] См., например: «Только имея ум спокойный и далеко отшедший от мирского омрачения, и отвративши взор от всего, что приводит к мертвенности и разрушению, мы будем приносить чистую жертву владычествующему над всем Богу. Мертвые же дела — суть дела плотские; а мирское омрачение есть потемнение, происходящее от дурных и суетных развлечений, загрязняющее чистый и прозрачный эфир разума» (I, 63).

[142] Например, в традиционно аскетическом ключе решается проблема брака и девства: «Честен брак, служащий к деторождению, и неповинен пользующийся им по закону, во Христе; однако не будет сие для кого бы то ни было иметь силу добродетели и не поставится наравне со славою воздержания» (II, 100).

наложила глубокий отпечаток на этот труд, где толкование Священного Писания выдержано преимущественно в мистико-аскетическом духе.

Органичным продолжением данного сочинения является другое — «*Глафиры (Γλαφυρά), или искусные объяснения избранных мест из Пятикнижия*». Сам автор по поводу связи двух произведений говорит так: «Должно знать также и то, что, составив семнадцать книг *О поклонении и служении в духе и истине* и собрав в них множество умозрений, мы намеренно опустили и оставили там без исследования поставленные в предлежащем сочинении главы, хотя быть может иногда и случалось по необходимости говорить о чем-либо из этого» (IV, 7). «Глафиры» по объему несколько меньше предшествующего произведения и содержат тринадцать книг, из которых семь посвящены «Книге Бытия», три — «Книге Исход» и по одной — остальным частям Пятикнижия. Как считает один исследователь, «Глафиры» более других ранних экзегетических сочинений св. Кирилла приближаются к жанру систематического комментария, хотя он и не толкует Пятикнижие целиком и сплошь, главу за главой[143]. Сотериологический мотив и в этом произведении определяет многие рассуждения св. Кирилла, который часто использует при этом типологию «Адама-Христа», восходящую к св. апостолу Павлу[144]. В частности, он говорит: «Зиждитель промышлял о созданиях Своих и устроил нам как бы второй корень рода, возводящий нас в прежнее нетление, чтобы как образ первого и земного назнаменовал нас необходимостию смерти и уловлением в сети тления, так, наоборот, второе после оного начало, то есть Христос и уподобление Ему духом назнаменовало нас свободою от погибели; и чтобы как в том (Адаме) непослушание привело нас к наказанию, так в этом (Христе) уступчивость и благопокорливость во всем явила нас причастниками благословения свыше и от Отца» (IV, 21)[145]. Вообще же, в этом

---

[143] См.: *Young F. M.* From Nicaea to Chalcedon. A Guide to the Literature and its Background. London, 1983, p. 247.

[144] Эта типология вообще занимала важное место в миросозерцании святителя. См.: *Wilken R. L.* Exegesis and the History of Theology: Reflections on the Adam-Christ Typology in Cyril of Alexandria // Church History, v. 35, 1966, p. 139–156.

сочинении, по характеристике Т. Лященко, «господствует не нравоучение, а догматический элемент»[146], хотя, естественно, и нравоучение не остается в небрежении[147].

Из других толкований на ветхозаветные книги св. Кирилла, сохранившихся полностью, особое внимание привлекает «*Толкование на пророка Исаию*» – обширное сочинение, содержащее пять книг. Свою задачу автор ясно формулирует в самом зачине произведения: «Речь пророков всегда не ясна, а исполнена прикровенных мыслей и содержит предсказание о Божественных тайнах. *Кончина бо закона* и пророков *Христос*, как написано (Рим. 10, 4). Но тем, которые намерены объяснить столь тонкий и прикровенный смысл (пророческих) созерцаний во всей полноте, полагаю, необходимо иметь весьма ясное представление, с одной стороны, о точном смысле исторического повествования, а с другой — о соответствующем ему духовном смысле, дабы читающие такое объяснение отовсюду получали пользу, и объяснение предмета, о котором идет речь, было полным, ни в каком отношении не имеющим недостатка. Впрочем, я знаю, что прежде нас некоторые писали об этом и составили обширные объяснения этих предметов. Думаю, что это обстоятельство может послужить для иных благовидным предлогом к праздности и может скорее расположить их молчать и не прибавлять ничего нового к тому, о чем другие говорили уже прежде; но лучше говорить хотя бы то же самое и излагать хотя бы те же самые мысли. Если бы пришлось говорить то же самое, то от этого не было бы ни малейшего вреда, напротив, вследствие согласия многих, слушатели утвердились бы в истине. Думаю, что и мне не следует теперь поддаваться праздности, в том убеждении, что усилия и труд в добрых занятиях гораздо лучше беспечной лености; и я не совсем отказался от надежды, что могу

---

[145] Ср. также: «Ибо в том (первом Адаме) мы были осуждены на смерть, но ради Христа мы помилованы и обновлены для жизни, так как Он был *послушлив* Отцу *до смерти* и положил душу (Свою) за нас и *язвою Его мы изцелехом* (Ис. 53, 5), как говорит Писание» (V, 178).

[146] *Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 90.

[147] См., например: «Если путь к добродетели тяжел, то путь, увлекающий нас к пороку, весьма удобен; для приобретения первой мы должны употреблять усилия, к последнему мы идем весьма легко» (V, 300).

открыть и что-нибудь новое и отличное (от сказанного другими), при содействии Бога, облегчающего труд толкования» (VI, 5–6).

В этих словах св. Кирилла, сказанных уже явно зрелым мужем, достаточно ясно намечается вся его «экзегетическая программа». Суть ее сводится, во-первых, к единству типологического (прообразовательного), духовного (анагогического) и буквального (исторического) толкований. Первое обозначается ссылкой на Рим. 10, 4 («конец закона – Христос»)[148], т. е. на место, основополагающее для любого святоотеческого толкования Священного Писания (особенно толкования ветхозаветных книг). Поэтому типология представляет собой сущностной элемент всей патристической экзегезы, в центре которой находится единство Домостроительства спасения, предполагающее единство двух Заветов[149]. Ей верны все древнецерковные толкователи, вне зависимости от «экзегетических школ» (Александрийской, Антиохийской и проч.). Верен ей и св. Кирилл, в своих творениях постоянно использующий прообразовательное толкование (как, например, отмеченную выше типологию «Адама-Христа»). В рассматриваемом произведении, помимо всего прочего, имеется и весьма интересный образец подобного толкования (предполагающего, что Ветхий Завет рассматривается в свете Нового Завета). Разъясняя Ис. 27, 11 («*Жены, грядущия с позорища, приидите*» и т. д.), экзегет обретает ключ к пониманию этого места в евангельском повествовании о женах-мироносицах (Мф. 28, 1–10), считая, что после отвержения ветхого Израиля мудрым женам велено было благовествовать о Вос-

---

[148] По толкованию свт. Феофана, «закон и устройством своим указывал на грядущего Христа, и словом своим возвещал о Нем. Почему Христос есть последняя цель закона, и кто верует во Христа, исполняет то, для чего дан закон, и делает то, что в нем закон достигает своей цели – приемлет кончину свою» (Творения иже во святых отца нашего *Феофана Затворника*. Толкование Посланий апостола Павла. Послание к Римлянам. М., 1996, с. 655).

[149] См.: *Daniélou J.* Message évangélique et culture hellénistique aux IIᵉ et IIIᵉ siècles. Paris, 1961, p. 183–184. Данный ученый отмечает еще, что христианская типология является «христологической». См.: *Danielou J.* From Shadows to Reality. Studies in the Bublical Typology of the Fathers. London, 1960, p. 25. Но мы бы назвали ее скорее «христоцентричной».

кресении Спасителя – на это и намекает пророк Исаия. Отвечая на вопрос, почему именно женам, а не Апостолам, была оказана такая великая честь, св. Кирилл говорит: «Единородное Словò Отца соделалось Человеком, дабы болящее исцелить и избавить человека от древних преступлений; поэтому-то и надлежало доставить женщинам радость – первым благовествовать Воскресение; ибо первая и древнейшая жена, послушавшись слов змия, ввела Адама в преступление и сделалась виновницей смерти. Как же не следовало апостольством уничтожить причину столь ужасного обвинения? *Идеже бо*, говорит, *умножися грех, преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20). Евангелие спасения дано было жене, послужившей причиною смерти» (VII, 110–112). Далее, следует отметить, что в святоотеческом богословии типологическое толкование, раскрывающее смысл Домостроительства спасения, как бы нерасторжимо объединяет в себе прошлое, настоящее и будущее, земное и небесное, будучи одновременно и «горизонтальным» и «вертикальным». А поэтому оно является и средоточием двух других видов толкования: буквального и духовного[150]. Обоим им св. Кирилл также уделяет достойное место в рассматриваемом произведении[151], выска-

---

[150] В этой связи хотелось бы заметить, что вряд ли следует противопоставлять христианскую типологию и христианскую аллегорезу, как это делает, например, О. Нестерова, считающая, что различие между ними «состоит не в том, что одна апеллирует к внеисторическим смыслам, а другая – к историческим, а в том, что одна обращается к разуму, а другая обращается исключительно к вере» (*Нестерова* О. Типологическая экзегеза: спор о методе // Альфа и Омега, № 4 (18), 1998, с. 77). Во-первых, при констатации определенного различия разума и веры, для любого христианского мыслителя и экзегета (если он, конечно, мыслитель и экзегет **христианский**) само собою предполагается постулат их неразрывной сопряженности, т. е. отсутствие какой-либо антитезы или дихотомии их. Этим постулатом определяется и теснейшее единство типологии и аллегорезы (если их можно сополагать с верой и знанием, что очень и очень сомнительно). Во-вторых, вряд ли следует отождествлять христианское духовное толкование с аллегорезой, хотя подобное отождествление стало общим местом в научной литературе. Ибо хотя христианские экзегеты иногда использовали в ограниченных размерах традиционное аллегорическое толкование (идущее от античной философии и Филона Александрийского), они обычно преображали его, сообщая ему иной смысл и звучание, как христианские богословы вообще преображали понятия и методы языческого любомудрия.

зываясь в приведенной выше фразе о их внутреннем соответствии друг другу.

Во-вторых, в той же фразе святитель четко определяет, ссылаясь на предшествующие толкования «Книги пророка Исаии», свое место в «экзегетическом Предании» Церкви. Необходимо, кстати, констатировать, что эта ветхозаветная книга в предшествующей христианской традиции уже неоднократно толковалась, как представителями Александрийской школы (Оригеном, Евсевием Кесарийским, Дидимом; от них во многом зависит и блаж. Иероним), так и школы Антиохийской (св. Иоанном Златоустом, Феодором Мопсуестийским и современником св. Кирилла — блаж. Феодоритом), хотя от их толкований ныне сохранилось очень немногое[152]. Несомненно, что св. Кирилл был знаком (как показывают его собственные слова), по крайней мере, с некоторыми из них. И примечательно, что святитель не боится повторять их, считая, что согласие экзегетов при толковании есть **свидетельство истины**, т. е. полагая в основу принцип cosensus patrum, являющийся одним из руководительных начал всего вообще святоотеческого Предания[153]. Лишь вторичным мо-

---

Поэтому аллегорическое толкование становилось у них **анагогическим**, т. е. возводящим к постижению высших тайн христианского Боговедения, **принципиально** отличающегося от умозрений языческих философов. Вследствие этого, при внешней схожести христианских и языческих иносказаний *между ними простирается непроходимая пропасть*. Не случайно со времен Оригена термин ἀλληγορία, как специфичное понятие для обозначения духовного смысла, *вытесняется и заменяется* термином ἀναγωγή и рядом других подобных терминов. См.: *Bienert W. A.* «Allegoria» und «Anagoge» bei Didymos dem Blinden von Alexandrien. Berlin–N.Y., 1972, S. 51–68.

[151] В частности, он замечает: «Желающие изъяснить содержащееся в богодухновенном Писании имеют необходимую нужду и в историческом повествовании, дабы отсюда истина следовала за Божественными словами» (VI, 209). С другой стороны, объясняя Ис. 43, 16–17, св. Кирилл говорит, что помимо исторического смысла (избавление Израиля из египетского рабства), это место имеет и духовный смысл, подразумевая тех, «которые решились вести благочестную жизнь и избегают рабства диаволу, удаляются от земных занятий и хотят как бы унестись от всякой нечистоты»; их «преследует лукавый, а Бог чудесно спасает» (VII, 421–424).

[152] См. предисловие к изданию: *Théodoret de Cyr.* Commentaire sur Isaie, t. I. Ed. par *J.-M. Guinot* // Sources chrétiennes, N 276. Paris, 1980, p. 19–24.

ментом и производным следствием данного принципа представляется «открытие чего-либо нового и отличного», которое возможно лишь при содействии Бога. В этих утверждениях проявляется духовная возмужалость св. Кирилла. Очень вероятным кажется предположение Т. Лященко, считающего, что «Толкование на пророка Исаию» написано святителем после его поездки в Константинополь в 403 г., позволившей ему расширить свой умственный кругозор, в том числе – ознакомиться с антиохийской экзегезой и несколько изменить свой «строго александрийский» тип толкования Священного Писания[154].

Примерно тем же характером отличается и серия комментариев на малых пророков. Как показывает, например, «*Толкование на пророка Осию*», принципиальные установки экзегета остаются теми же самыми, что и в предшествующем сочинении[155]. Крайне иносказательный тип толкования с сугубым

---

[153] Этот принцип (вкупе с принципами всеобщности и древности) ясно сформулировал, в качестве одного из главных критериев истинности Предания, современник св. Кирилла – преп. Викентий Леринский. См.: *Пономарев П.* Священное Предание, с. 274. Данный принцип преп. Викентий сформулировал, отталкиваясь от прошлых и современных ему ересей (в том числе, от несторианства), которые, по его словам, вносят в христианство «новшеский смрад» и «непотребные новизны». В противоположность им выдвигается идея «нормы древнего и вселенского понимания», сущность которого заключается в исповедании того, «во что верили повсюду, всегда и везде» (quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est). Поэтому критерием христианской истины служит «всеобщность, древность, согласие» (universitas, antiquitas, consensio). Следовать всеобщности значит «признавать истинною только ту веру, которую исповедует вся Церковь на земном шаре»; следовать древности означает «ни в коем случае не отступать от того учения (ab hic sensibus), которое несомненно одобряли наши святые отцы и предки»; наконец, следовать согласию, значит «в самой древности принимать определения и изъяснения *всех* или по крайней мере *почти всех* пастырей и вместе учителей». См.: Напоминания. Творение *преподобнаго Викентия Лиринскаго*. Перевод с латинскаго языка *П. Пономарева*. Казань, 1904, с. VI–VII.

[154] «Проезжая по Сирии и Малой Азии, св. Кирилл лично ознакомился с учеными представителями другого богословского направления – антиохийского; с ними же он прожил около месяца в Константинополе. И вот, его пытливый ум сразу заметил, чего не хватало для экзегесиса Александрийской школы» (*Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 99).

преобладанием акцента на одном только духовном смысле, вызывает у св. Кирилла здесь еще более резкое противление. Это, например, ясно чувствуется в объяснении Ос. 1, 2–3, где Бог повелевает пророку взять в жены блудницу Гомерь и родить от нее сына. Св. Кирилл приводит толкование этого места некоего «не безъизвестного мужа», который «неумеренно порицал историю», т. е. буквальный смысл. Поэтому, превращая «историческое событие в духовный смысл, он говорил, что Гомерь есть образ души, возлюбившей жизнь постыдную и непристойную, а пророк служит образом вышнего и небесного, то есть Слова, сущего от Бога Отца. Соединяясь духовно с нашими душами, Оно посевает в них семена добродетельной жизни». Возражая против подобного толкования (возможно, принадлежащего Оригену или Дидиму), св. Кирилл говорит, что Осия «берет Гомерь, совершая это не ради сладострастия, но исполняя дело послушания и служения» Богу. Вообще трудно осудить пророка, «ибо желание заключить брак и вступить в брачное соитие с женщиною и любить детей Боговдохновенное Писание нигде не запрещает, напротив, повсюду защищает это от порицания и хуления». Более того, как считает экзегет, пророк «спас и Гомерь; ибо женщину столь постыдную и общедоступную он склонил прилепиться к единому мужу, — и ту, которая прежде оскорбляла самую природу, ... склонил воздерживаться от столь презренных наслаждений и занятий и сделал ее почтенную матерью детей» (IX, 23–34). Следовательно, св. Кирилл, стремясь оттолкнуться от крайностей иносказательного толкования Пи-

[155] Даже зачин обоих произведений также во многом совпадает. Ср.: «Те, которые имеют обязанность толковать (Писание), если высказывают согласные между собою мысли, то внимательным слушателям сообщается самое твердое знание. Но если бы кем-нибудь из них и было высказано нечто новое и, быть может, не совсем правильно и с безукоризненною точностью дознанное, то какая беда в том, что это сообщается другому? Напротив, не вызовет ли это более полного и ясного раскрытия мыслей? Итак, хотя многие прежде нас написали толкования на святых пророков, мы не будем молчать по этой причине; но удалим от себя бессильную робость и постараемся явить и другим ту благодать, какую подал нам Освещающий глубокое и сокровенное, памятуя слова Христа: *туне приясте, туне дадите* (Мф. 10, 8)» (IX, 6).

сания, блюдет смысл буквальный («историю»), тесно сопрягая его со смыслом нравственным.

Сходным же характером отличаются и прочие комментарии *на малых пророков*. При чтении их создается впечатление, что позднейшее схоластическое выделение четырех смыслов Священного Писания (буквального, нравственного, аллегорического и типологического) и соответствующих им экзегетических методов является весьма искусственным и неадекватным. Для св. Кирилла типологический смысл есть, несомненно, смысл духовный. Например, в *«Толковании на пророку Иону»* он говорит: «Не все, что находится в Писании и образах, пригодно для духовного толкования; но если берется лицо какого-нибудь человека, изображающего нам в себе Христа, то по справедливости мы должны обходить человеческие недостатки и останавливаться на одних только существенно важных чертах, повсюду отыскивая то, что может быть полезно для цели предмета. Точно так же мы будем рассуждать и об Ионе. Он как бы предызображает нам таинство Христа; впрочем не все, случавшееся с ним можно считать пригодным и необходимым для этого... Посему, если мы не будем всякое слово исторического повествования обращать в предмет духовного созерцания, то пусть никто не ставит нам этого в вину. Как пчелы, облетая луга и цветы, всегда собирают потребное для приготовления сотов, так и мудрый толкователь, исследуя святое и богодухновенное Писание, всегда собирая и сочетавая необходимое для изъяснения таинств Христа, предложит благопристойное и неукоризненное учение» (X, 22–23). С другой стороны, в область духовного толкования непременно входит и раскрытие нравственного смысла, примерами чего пестрят названные комментарии[156].

---

[156] В частности, толкуя Иоил. 1, 5 (*Утрезвитеся, пиянии, от вина своего и плачитися*), св. Кирилл замечает: «Каждому из нас присуще как бы некое вино, опьяняющее сердце, именно, мы, так сказать, разделяемся по различным страстям: один из нас, помимо других недугов, необузданно стремится к сребролюбию; другой печется о мирском и страдает плотоугодием, будучи всемерно привязан к утехам и сластолюбию; иной наклонен к какому-либо другому греху. И стремимся мы к пагубным и богоненавистным страстям, – одни не очень усердно, другие изо всех сил и с неудержимым влечением ума. Поэтому-то пророк говорит: *утрезвитеся, пиянии, от вина своего*, и считает нужным

Таким образом, для св. Кирилла (как и для большинства отцов Церкви) существуют на самом деле всего два смысла Священного Писания: буквальный и духовный, которые как бы проникают друг в друга. Это связано с тем, что в христианском мироощущении нет истории как **только прошлого**, ибо она всегда — и настоящее, и будущее, а тем самым словно размыкает время в вечность, земное — в небесное и материальное — в духовное. Поэтому идеальное общение со Священным Писанием и толкование его состоит, по св. Кириллу, в том, что «ум святых», т. е. достигших духовного возмужания, «от телесного и подлежащего чувству благоразумно возвышаясь к духовному», вдумываясь «во внутренний и сокрытый смысл» написанного и «наслаждаясь созерцаниями богодухновенного Писания», просветляется и «наполняется как бы некоторым туком, практическою... и теоретическою добродетелью, щедро сообщая ее другим, не на краткое какое-либо и ограниченное время, но, как говорит пророк, *якоже дние века*, то есть на продолжительное и бесконечное. Это потому, что доставляющее удовольствие плоти с ними (удовольствиями) отпадает и засыхает и наподобие тени скоро преходит, а участие в высших и духовных благах продолжается на многие века, ибо обладание такими благами неотъемлемо» (X, 171).

Таковы полностью дошедшие до нас толкования св. Кирилла на ветхозаветные книги, в которых раскрываются многие сущностные грани его экзегезы и его миросозерцания. Все прочие толкования святителя на Ветхий Завет сохранились лишь во фрагментах. Имеются отрывки объяснений «Псалтири», «Книги Чисел», «Песни песней», толкований на пророков Иеремию, Варуха, Иезекииля, Даниила и проч. Однако, далеко не всегда можно с точностью установить аутентичность этих фрагментов, многие из которых дошли в так называ-

---

посоветовать пьющим вино до опьянения рыдать, потому что, как я сейчас сказал, не ограничивают любви к удовольствиям насыщением и удовлетворением, но напиваются допьяна и пьют выше всякой меры. От таких уст, говорит, отнимется радость и веселие: следовательно, прав Христос в том, что *плачущие* ныне наверно *утешатся* (Мф. 5, 4), а для привыкших роскошествовать настанет нужда проливать слезы, потому что конец наслаждения – плач и стоны, и оно низводит любящих его в область адову» (X, 333–334).

ваемых «катенах», т. е. в позднейших экзегетических сборниках, где имена авторов отрывков порой путаются.

Что же касается новозаветных комментариев, то почти полностью дошло обширнейшее *«Толкование на Евангелие от Иоанна»*, содержащее двенадцать книг; из них утеряны только книги VII–VIII, фрагменты из которых сохранились опять же в «катенах»[157]. Датировать сочинение достаточно трудно; некоторые из патрологов высказывают мнение, что оно было написано до 428 г.[158], однако в самом произведении имеются следы антинесторианской полемики[159]. Возможно, это обширное сочинение было начато еще в «донесторианский» период творчества св. Кирилла, а закончено уже после 428 г. Создавая его, святитель опирался на достаточно устойчивую традицию толкования четвертого Евангелия, восходящую к древним временам[160], хотя установить непосредственные источники этой традиции, которые питали в данном случае экзегезу св. Кирилла, в настоящее время весьма сложно[161]. Уважая это «экзегетическое предание», святитель, однако, отно-

---

[157] Они изданы: *Reuss J.* Johannes-Kommentare aus der griechischen Kirche. Berlin, 1966, S. 188–195.

[158] См.: *Quasten J.* Op. cit., p. 123; *Altaner B.–Stuiber A.* Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg–Basel–Wien, 1978, S. 285.

[159] См., например: «Никто, думаю, если он имеет здравый ум, не станет от Логоса Божия отделять храм (воспринятый им) от Девы, поскольку это относится именно к сыновству, ибо *один Господь Иисус Христос* (1 Кор. 8, 6), по слову Павла. А кто разделяет Единого и Единственного на двоицу сынов, тот да знает, что он совершенно отрицает веру» (XIV, 173–174).

[160] Особенно активно было усваиваемо богословие этого Евангелия греческими апологетами II в. (св. Иустином и др.) и св. Иринеем Лионским. См.: *Sanders J. N.* The Fourth Gospel in the Early Church. Its Origin and Influence on Christian Theology up to Irenaeus. Cambridge, 1943, p. 31–36, 66–86. Впрочем, первый комментарий на данное Евангелие был написан еретиком Гераклеоном, представителем валентиниановской гностической секты; в противовес ему Ориген выпустил в свет обширнейшее «Толкование на Евангелие от Иоанна» (в 20–30 гг. III в.). См.: *Wiles M. F.* The Spiritual Gospel. The Interpretation of the Fourth Gospel in the Early Church. Cambridge, 1966, p. 3.

[161] В частности, трудно установить, был ли знаком св. Кирилл с «Беседами на Евангелие от Иоанна» св. Иоанна Златоуста. Для последнего, как экзегета, было характерно «вникать в ясную логическую и предметную связь» мыслей священного текста. «Но наибольшею

сился к нему творчески, следуя более духу, чем букве его (хотя отнюдь не пренебрегая и буквой)[162]. Например, объясняя Ин. 8, 44 (*«Ваш отец диавол»*), он замечает: «Некоторые из древних толкователей, в объяснении этого места, прекрасно утверждали, что тот исконный сатана, который считается предстоятелем и всех других демонов, связан, как сказано, силою Божиею (Мф. 12, 29; 2 Пет. 2, 4; Иуд. 6) и ввержен в самый тартар для наказания за свою дерзость против Бога, а после него явился некоторый другой, однообразный со своим отцом по мерзостям, нынешний князь века сего». Но св. Кирилла подобное объяснение, хотя оно и кажется на первый взгляд «очень простым и естественным», совсем не удовлетворяет, ибо в таком случае сатана как бы освобождается от вины за все те злодеяния, которые творились и творятся в мире. Поэтому он обращается к другому объяснению: «Каин дан иудеям в отца, а самому Каину — сатана», ибо как Каин подло убил брата, так и иудеи не менее подло убили Господа. Другими словами, согласно святителю, диавол, действительно, есть отец иудеев, но через Каина, сына своего; вследствие

помощью Иоанну в изъяснении Св. Писания были его святое настроение, благоговение и чистое разумение христианского учения, а отсюда его способность мыслию и сердцем воспринимать смысл Слова Божия, воспринимать высшее озарение благодати, *отверзавшей ему ум разумети писания*, и вводить других в разумение его». Наконец, «нравственные применения составляют не только постоянную принадлежность истолковательных бесед его, но нередко превосходят обилием содержания и самим объемом собственно истолковательную часть их. Это происходило не только от общего взгляда его на нравственное преспеяние, как на венец всякого духовного развития, но и из того убеждения, что Священное Писание само в себе просто и понятно, а следовательно, что требуется более всего воспринимать его учение и применять к жизни». — См.: *Малышевский И.* Св. Иоанн Златоуст в звании чтеца, в сане диакона и пресвитера. Киев, 1892, с. 60–62. Многие эти черты были свойственны и экзегезе св. Кирилла, за исключением, пожалуй, сугубого акцента на «нравственных применениях».

[162] Такое следование духу этого предания предполагает, согласно св. Кириллу, строгое соблюдение «догматов истины», которые «любезны» ему, как и сама истина; соблюдение же этих догматов возможно только в том случае, если руководствоваться «разумением святых отцов наших» (XIV, 321, 398). Поэтому допустимы различные толкования, но приемлемо только то, «что не выходит из пределов правильного разума и не бесполезно будет для веры» (XV, 180).

чего, иудеи «совершенно никоим образом не подобными оказываются Аврааму или его потомкам, но носят образ своего собственного и действительно подобающего им отца» (XIII, 352–358)[163]. Это связано с глубоким убеждением св. Кирилла в том, что «все доброе в человеческой природе явилось чрез одного только Христа» (XIII, 346), а потому всякий отвергающий Его и восстающий против Него не может быть причастен этому «доброму», становясь «причастником лукавому», или «князю века» сего, который «осужден» (Ин. 16, 11)[164].

Вообще же следует отметить, что рассматриваемое сочинение раскрывает многие сущностные грани подхода св. Кирилла к Священному Писанию. Исходя из того, что оно, как Слово Божие, богодухновенно, он считает, что Писанию «не свойственно ошибаться» (XV, 74); а потому «в Божественных Писаниях ничего не говорится всуе» (XIII, 88)[165]. Будучи богодухновенным, оно является необходимейшей духовной пищей для всякого верующего; или, как говорит святи-

---

[163] Ср. толкование св. Иоанна Златоуста: «Он отстранил их от родства с Авраамом; но так как они отважились на большее, то Он уже наносит им удар, говоря, что они не только не чада Авраама, но что они сыны диавола» (Иже во святых отца нашего *Иоанна* Архиепископа Константина града *Златоустого* Избранные творения. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова, кн. I. М., 1993, с. 356).

[164] Толкуя это место, св. Кирилл говорит: «*Начальником* же *века сего* назвал его Бог (Господь) не потому, что он таков в действительности, и не потому, что имеет достоинство по существу своему, разумею силу владычествовать, но потому, что обманом и насилием приобретает эту славу себе, и потому что властвует и начальствует в продолжающихся заблуждаться, по присущей им порочнейшей наклонности, по которой они, предав свой ум заблуждению, впадают в неизбежную сеть плена, хотя избежать ее находится во власти у них, чрез веру во Христа приведенных к познанию Истинного Бога. Таким образом, имя начальника подложно у сатаны, как не присущее ему природно, но сохраняемое мерзостью заблуждающихся» (XIV, 417).

[165] Данная мысль, кстати сказать, была энергично отстаиваема и Оригеном, по убеждению которого в Священном Писании «нет и не может быть ничего лишнего и постороннего истине, потому что оно равно богодухновенно во всех частях своих — как в законе, так в пророках, Евангелиях и посланиях; и эта богодухновенность простирается не на мысли только, но и на слова, даже на самые буквы» (*Малеванский Г.* Догматическая система Оригена   Труды Киевской Духовной Академии, 1870, т. 1, с. 91).

тель, «мы учим в церквах, представляя догматы Священного Писания и как бы некую духовную пищу предлагая евангельское и апостольское слово», а «слово от Бога имеет питательнейшую силу и охраняет сердце человека» (XIII, 471, 475). Но предлагая эту духовную пищу, следует помнить, что Писание заключает в себе Откровение Божие, выраженное в слове человеческом, являющимся образом, символом и определением (ограничением) предмета, а Божественная природа и Божественные тайны по сути своей неограниченны и неизреченны (XII, 49, 72, 118). Тем не менее, хотя и недоступна во всей полноте Божия Премудрость, изреченная в немощном человеческом слове (XII, 487), и «тайны, содержащиеся в богодухновенном Писании, превышают наш ум», совсем «не бесславным даром является хотя бы даже и умеренное знание о Христе» (XV, 89). А имеющий такое «умеренное знание» и следующий по стопам Господних наставлений «отнюдь не будет во мраке, но приобретет *свет жизни* (Ин. 8, 12)», то есть откровение тайн о Господе, «могущее руководить его к жизни вечной» (XIII, 240–241). Соответственно, все истинные ученики Христовы, «приняв Его собственного Духа и имея Его обитающим в сердцах, будут иметь ум, не лишенный всякого блага и исполненный совершеннейшего знания» (XV, 15–16). Так решается св. Кириллом кажущаяся антиномия постижения Священного Писания, толковать которое, по его мнению, может не всякий, но только тот, кто просвещен горней благодатью (XII, 5). А эта просвещенность творит в человеке смиренный и благоговейный ум, отверзающий себя навстречу потокам благодатного Света, изливающегося свыше. Только смиренномудрый ум, оплодотворенный этой горней благодатью, способен стяжать то знание, которое «есть вечная жизнь, как матерь и кормилица вечной жизни, как бы рождающая собственною силою и природою то, что служит причиною жизни и ведет к ней» (XV, 42). Естественно, подобное знание не может быть пребывающим вне духовного опыта и бездеятельным[166]. В по-

---

[166] Как говорит святитель, «знающим подобает делать». Ибо «когда знание бывает спутником добрых дел, тогда несомненно получается не малая польза, а когда недостает одного из двух, тогда другое, конечно, будет хромым» (XIV, 127).

добных рассуждениях св. Кирилла опять, несомненно, чувствуется ученик египетских подвижников[167].

Именно смиренномудрие заставляет экзегета быть строгим и внимательным по отношению к тексту священных глаголов. А «желающим правильно понимать каждое слово (священного текста) надо, как полагаю я, обращать внимание на цель изречения и с великою тщательностию рассматривать, что имеет в виду изрекающий слово» (XIV, 321). Исходя из подобной установки, св. Кирилл самое пристальное внимание уделяет контексту того или иного места Евангелия (XII, 371, 393; XIII, 264–265), связи его с предшествующими и последующими местами (XIII, 469–471), конструкции речи (XIII, 494), размещению глав (XII, 318), времени и обстоятельству описываемых событий (XII, 267–268, 413–414), останавливается на разночтениях в тексте (XIV, 84–89) и т. д. Таким образом, самое уважительное отношение к «букве» («истории») Писания само собою разумеется для св. Кирилла и у него не раз встречаются высказывания типа: «Мы должны брать это изречение в историческом и простом (буквальном) смысле» (XIII, 418). По его мнению, «каждому из этих родов толкований (буквальному и духовному. — *А. С.*) свое время и место, благодаря чему и получается правильное понимание толкуемых изречений. Пытаться же насильственно и где не подобает облекать в духовное толкование то, что полезно в историческом смысле, значит не другое что, как просто смешивать без разбора полезное и по великому невежеству загрязнять получающуюся оттуда пользу» (XIII, 416–417).

Воздавая должное буквальному смыслу, святитель, тем не менее, подчеркивает, что он есть смысл простой, как бы лежащий на поверхности, от которого следует идти к смыслу более тонкому, сокровенному, т. е. духовному (XII, 384, 390–391), ибо одно только буквальное толкование, если его абсолютизировать, явно извращает смысл Писания (XII, 410–411). Вообще, проникновение в «таинственное» соответствует «неотвратимой потребности ума» (XV, 273). И Сам Господь, сказав: «*Аз есмь дверь*» (Ин. 10, 9), «от обычно случающегося преобразует речь как бы из истории в духовное созерцание и

---

[167] См.: *Сидоров А. И*. Священное Писание в египетском монашестве IV в. // Традиции и наследие христианского Востока. Материалы международной конференции. М., 1996, с. 356.

то, что едва не расстилается пред глазами и не представляет никакой трудности для понимания, делает образом предметов менее ясных» (XIII, 477). Поэтому и мы, отпечатлевая на самих себе тончайшими письменами значение духовных умозрений, должны «возвыситься отсюда к тайне Христовой. Ведь образ, заключающийся в низших предметах, часто дает возможность постигать и несравненно высшие предметы» (XV, 292–293). Также Апостол, объясняя в Евр. 3, 18 – 4, 10 смысл субботы, «премудро и весьма глубокомысленно показав прообраз и предзнаменование духовных предметов в исторических событиях, ... разъясняет таинственный и сокровенный смысл» (XIII, 147). Таким образом, типология органично входит в общий контекст духовного толкования. Благодаря этому грубость буквы закона утончается через духовное толкование и становится духовным умозрением (XII, 395–398). В целом же, тем, кто занимается Священным Писанием, должно у всех богодухновенных писателей его брать изречения, соответствующие цели, ради которой они были изречены; таким образом, собирая воедино разнообразные созерцания многих [авторов] и сводя их к одной цели и мысли, можно достичь должной меры знания и, подобно мудрой и трудолюбивой пчеле, соорудить сладостные соты Духа (XII, 12).

Таковы те сущностные черты подхода к Священному Писанию, которые раскрываются в «Толковании на Евангелие от Иоанна» св. Кирилла. Совсем не адекватным представляется обозначение этого подхода как «аллегорического»[168], ибо, не говоря уже о вообще неприемлемости слова «аллегориче-

[168] См. рассуждение епископа Кассиана: «Памятником аллегорического толкования Ин. остался в Церкви большой комментарий младшего современника Златоуста – св. Кирилла Александрийского. В отличие от Златоуста, св. Кирилл сосредоточивает внимание не на букве, не на факте, как таковом, а на том, что за этою буквою стоит. Толкователи Александрийской школы вообще подходили к Священному Писанию с аллегорическим методом. Но, если в других случаях аллегорическое толкование ощущается нами как насилие над толкуемым текстом, нельзя не признать, что Ин. к нему располагает. Читатель чувствует глубокое различие между Ин. и первыми тремя – синоптическими – Евангелиями, и у него естественно складывается убеждение, что он и к толкованию Ин должен подходить иначе, чем он подходит к толкованию синоптиков. Комментарии св. Иоанна Златоуста и св. Кирилла Александрийского сохранены Церковью как два типа толкования,

ский» в отношении древнецерковной экзегезы, в сочинении наблюдается должное соответствие «духовного» («анагогического») и «буквального» («исторического»). Это должное отношение определяется, в свою очередь, тем отношением духовного к материальному (телесному), которое вообще характерно для христианского миросозерцания и мироощущения: при сохранении значимости второго, первенство и преобладание первого является необходимым аксиологическим постулатом. Св. Кирилл верен данному постулату с вытекающей отсюда «асимметрией» духовного и буквального смыслов. Но подобно тому, как в своем учении о Лице Господа Иисуса Христа он, придерживаясь «асимметричной христологии», совершенно чужд докетизма, так и в толковании Священного Писания он чуждается «экзегетического докетизма». Кроме того, уделяя первенствующее значение духовному толкованию в своем комментарии на Евангелие от Иоанна, он верен и своеобразным чертам, присущим именно этому новозаветному сочинению (называемому иногда «духовным Евангелием»)[169], ибо «отличительную особенность четвертого Евангелия составляет то, что предметы Апостольской проповеди раскрываются в нем преимущественно с метафизической точки зрения, т. е. со стороны их вечного, идеального значения»[170].

которые оказываются представленными и в наше время» (*Епископ Кассиан Безобразов*. Водою и кровию и духом. Толкование на Евангелие от Иоанна. Париж, 1996, с. 188).

[169] Особое место данного Евангелия среди прочих богодухновенных книг отмечает еще Ориген, который говорит, что, если [четыре] Евангелия есть как бы «начаток» («первинок») всех Писаний (ὁ ἀπαρχὴν πασῶν γραφῶν εἶναι τὰ εὐαγγλία), то таким «начатком» среди самих Евангелий является Евангелие от Иоанна. См.: *Origène*. Commentaire sur saint Jean, t. I. Ed par *C. Blanc* // Sources chrétiennes, N 120. Paris, 1966, p. 70.

[170] *Знаменский Д*. Учение св. апостола Иоанна Богослова в четвертом Евангелии о Лице Иисуса Христа. Киев, 1907, с. 111. Помимо приведенного выше высказывания епископа Кассиана о своеобразии этого Евангелия, ср. также мнение одного западного библеиста, видящего в «Евангелии от Иоанна» сочинение богословское по своему сущностному характеру, а не «историю» (I regard the Fourth Gospel as being in its essential character a theological work, rather than a history), хотя и отмечающего, что элемент «истории» в этом сочинении также занимает значительный удельный вес. См.: *Dodd C. H*. The Interpretation of the Fourth Gospel. Cambridge, 1953, p. 444.

Естественно поэтому, что и св. Кирилл в своем толковании уделяет особое место этому вечному и идеальному. Осью всех рассуждений святителя в комментарии является Бог и мир Божественный. Бог «восседает на высоком и превознесенном престоле, увенчанный всем подобающим великолепием царского достоинства, а вышние силы, выше которых ничего нет среди тварей, стоят вокруг, занимая место слуг и восхваляя славословиями»; они «не помышляют, подобно нам, о низменном, но в невыразимых высотах мыслей имеют свой ум» (XIV, 98–99). Но и человек, будучи разумным (словесным) живым существом (ζῶον λογικὸν), обладая умом, познанием и разумением, причастен Божией Премудрости, ибо Творец уже при самом творении влагает в каждого человека семя этой Премудрости, являя его причастным Своей природе и посылая в его ум лучи Своего Света (XII, 80, 114–115). И даже грехопадение, ослепившее и как бы погасившее ум, не в состоянии было полностью лишить человека этой богодарованной силы (XII, 133–134). И хотя человек подпал под власть смерти, однако Слово, воплотившись, «из нашей природы изгнало тление и удалило смерть», а поэтому теперь мы имеем это Слово, Которое «есть Жизнь по природе» (XIII, 53–54). Тем самым мы, восходя через подобие с Ним в собственное Его благо, оказываемся через веру богами и чадами Божиими (XII, 145–146). Это усыновление осуществляется в Церкви и через Церковь, где «уверовавшие во Христа имеют единодушие между собою и усвоили как бы одно сердце, чрез всецелое сходство в религии, послушание в вере и добролюбивый ум» (XV, 107). Именно в Церкви «Христос приходит и является всем нам, как невидимо, так и видимо: невидимо как Бог, а видимо опять в теле. Дозволяет же и дает прикасаться Святой Своей Плоти, когда мы по благодати Божией приступаем к приобщению таинственной Евхаристии, принимая Христа в руки, дабы и мы крепко уверовали, что истинно воскресил Он Свой собственный храм» (XV, 273). Поэтому «мы и телом и членами Христа называемся, как принимающие в себя чрез благословение (Евхаристию) Самого Сына» (XIII, 55). Через Него, как единственного Посредника, достигаем мы вышнего Града, небесного Иерусалима, соединяясь с Церковью первородных (XV, 303–304). Здесь «*обители многи суть*» (Ин. 14, 2); вследствие чего «каждый, желающий

проводить жизнь в добродетели, получит как бы особое некое место и славу, соответствующую его подвигам» (XIV, 175)[171]. Таким образом, если «любители мирских зол низойдут в ад и будут удалены от Лица Христова», то, «напротив, любители добродетели будут находиться и сожительствовать с Ним всегда и, сохранив невредимым залог Духа, будут находиться вместе с Ним и беспрепятственно созерцать божественную Его красоту» (XIV, 253).

Даже этот беглый и самый поверхностный обзор показывает, что в своем «Толковании на Евангелие от Иоанна» св. Кирилл затрагивает самый широкий спектр различных аспектов христианского вероучения. Поэтому данное сочинение можно считать одним из шедевров его богословского творчества, в котором органично сочетаются многие лучшие грани святителя как догматиста, экзегета и пастыря[172]. Преобладающее значение в этом сочинении имеет «догматический элемент», что связано, скорее всего, с антиарианской полемикой, проходящей лейтмотивом через все произведение[173], а возможно, и с

---

[171] Ср. толкование одного православного экзегета: «Господь открыл нам путь к небу, вошедши туда предтечею о нас (Евр. 6, 20). Своею кровию Он *вниде единою во святая, вечное и искупление обретый* (Евр. 9, 12), – открыв вход во святая и для всего человеческого рода. Посему и писал в другом месте Апостол: *и нас... Бог... — с Ним воскреси и спосади на небесных во Христе Иисусе* (Еф. 2, 6). От века предназначенные для человека обители на небе, в великом доме Отца, сделались тогда доступными для него — место на них уготовано было кровию Господа Иисуса Христа. Но самое уготовление это, как легко видеть, заключалось, действительно, не в ином чем, как в уготовлении обитателей для обителей, согласно выражению блаж. Августина» (*Сильченков К.* Прощальная беседа Спасителя с учениками. Ев. Иоанна XIII, 31 – XVI, 33. (Опыт истолкования). Харьков, 1895, с. 78).

[172] Несколько иного мнения придерживается архиепископ Филарет (Гумилевский), считающий, что «между изъяснительными сочинениями св. Кирилла самое лучшее толкование на Еванг. *Луки*: при краткости оно отличается точностию изъяснения слов Писания». Наоборот, «менее удовлетворительно толкование на Еванг. *Иоанна*, где нередко вводятся сторонние рассуждения» (*Архиепископ Филарет (Гумилевский)*. Указ. соч., с. 81–82). Однако, по нашему мнению, в этих «сторонних рассуждениях» святителя содержится великое обилие истинно христианской мудрости.

[173] См.: *Simonetti M*. Biblical Interpretation in the Early Church: An Historical Introduction to Patristic Exegesis. Edinburgh, 1994, p. 82.

его борьбой против зародившегося несторианства. Из других толковательных произведений св. Кирилла на Новый Завет сохранилось еще «*Толкование на Евангелие от Луки*»; оно принадлежит к несколько иному жанру, чем предшествующее сочинение, ибо является не комментарием в собственном смысле слова, а собранием экзегетических гомилий. В греческом оригинале имеются три проповеди целиком и достаточно большое количество фрагментов. Однако в древнем сирийском переводе (VI–VII вв.) известны 156 гомилий[174]. Только во фрагментах дошли до нас «*Толкование на Евангелие от Матфея*»[175], а также комментарии на ряд посланий св. апостола Павла. Таким образом, деятельность св. Кирилла по изъяснению Священного Писания была весьма разнообразной и плодотворной.

Итоги: св. Кирилл как толкователь Священного Писания. Можно с уверенностью констатировать, что Священное Писание для св. Кирилла, как и для прочих отцов Церкви, было тем полноводным и неиссякающим источником, который постоянно питал своими животворными водами всю жизнь и все творчество его. Естественно, Писание не мыслилось вне Предания, вследствие чего выражение «отцы и Писание» постоянно встречается в творениях святителя[176]. К богодухновенным глаголам он всегда обращался в своих произведениях — не только в прямом смысле экзегетических, но также в проповедях и сочинениях догматических и полемических[177]. Несомненно, св. Кирилл, как экзегет, претерпел определенную эво-

---

[174] Есть английский перевод этих гомилий: A Commentary upon the Gospel according to S. Luke, by S. *Cyril Patriarch of Alexandria* now first translated into English from an Ancient Syriac Version. Transl. By *R. P. Smith*, v. 1–2. Oxford, 1858.

[175] Большинство этих фрагментов собраны в кн.: *Reuss J.* Mathäus-Kommentare aus der griechischen Kirche. Berlin, 1957, S. 153–269.

[176] См.: *Margerie B., de.* L'exégèse christologique de saint Cyrille d'Alexandrie // Nouvelle Revue Théologique, t. 102, 1980, p. 408.

[177] Следует отметить, что Священное Писание вообще играло первостепенную роль в догматических спорах IV–V вв. Св. Кирилл в своей полемике против несторианства во многом опирался на опыт борьбы с арианством, накопленный св. Афанасием, используя и его методы «полемического толкования» Писания. См.: *Wilken R. L.* Tradition, Exegesis and Christological Controversies // Church History, v. 34, 1965, p. 123–145.

люцию: если в наиболее ранних творениях он тяготел скорее к «традиционно александрийскому» типу толкования, то в более поздних и зрелых работах сознательно отклонял некоторые крайности и излишества этой экзегетической традиции, сохраняя, впрочем, все лучшее и наиболее ценное в ней. Иногда св. Кирилла, подобно свв. каппадокийским отцам и блаж. Иерониму, относят к так называемому «среднему» (или «эклектическому») направлению в древнецерковной экзегезе, не примыкающему тесно ни к Александрийской, ни к Антиохийской школам[178]. Момент истины в подобной констатации есть, однако здесь следует учитывать, что различие этих школ в экзегетических методах порой бывает трудно установить. Обычно эти школы противопоставляются в рамках антитезы «аллегорического» и «буквального» («историко-грамматического») типов толкования Священного Писания[179], однако данная ан-

---

[178] См.: *Young F. M.* Biblical Exegesis and the Formation of Christian Culture. Cambridge, 1997, p 186.

[179] См., например: «Александрийцы соответственно своему идеалистическому течению духа держались аллегорического способа при изъяснении Писания. Следуя такому способу, они легко могли отыскать в Писании или, лучше говоря, привносить в него те философские идеи, которые занимали их ум. Они почти повсюду стремились находить в Писании таинственный смысл. Буквальный же смысл для них имел лишь второстепенное значение. Они рассматривали его как внешнюю оболочку и покров таинственного смысла, который превосходит его в такой же степени, в какой дух превосходит тело. Совершенно противоположных воззрений держались антиохийцы. Они утверждали, что в Писании, прежде всего, должно отыскивать тот смысл, какой соединяли со своими словами боговдохновенные писатели. Для отыскания такого смысла они употребляли историко-грамматический метод толкования. Они обращали внимание при изъяснении на повод, обстоятельства и цель, которые определили боговдохновенного писателя к написанию книги, устраняли сомнительные и двусмысленные значения слов чрез рассмотрение их этимологии, замечали синтаксическое отношение предложений, логическую последовательность мыслей и параллельные места, словом, определяли смысл Писаний из дидактических, грамматических, лексических, риторических и логических элементов. Но ни один только буквальный смысл они находили в Писании. Они признавали, что есть в нем еще и высший таинственный смысл, именно пророчески-мессианский. Отыскание этого смысла, по их мнению, должно производиться не путем произвольного толкования текста Писания, как делали это аллегористы, но чрез тщательное исследование текста, логической связи и параллельных

титеза явно неадекватна. Не говоря уже о том, что такой казалось бы яркий образец «аллегориста», как Ориген, виртуозно использовал методы филологической критики (пример чему — его «Гекзаплы»)[180], постоянно обращался к «типологии» и совсем не пренебрегал «историей»[181] (хотя, несомненно, часто увлекался чрезмерно духовным толкованием), внутри этих школ подход к Слову Божиему каждого отдельного «александрийца» или «антиохийца» имел обычно ясно выраженные индивидуальные черты. Например, св. Дионисий Александрийский, будучи в молодости учеником Оригена, в своем толковании Писания придерживался преимущественно историко-критического метода изъяснения его[182], т. е. развил казалось бы совсем не «александрийские» экзегетические приемы своего учителя. Среди представителей Антиохийской школы (если обойти молчанием св. Иоанна Златоуста, вообще занимающего особое место в этой школе) пример блаж. Феодорита также весьма показателен. Ибо «он равно высок и как антиохиец, в историко-буквальных изысканиях, и как александриец, в созерцательном полете мысли; но он органически и целостно соединил и то и другое на почве православно-церковного Предания и в отношении для своего века был недостижимым и неподражаемым»[183]. Мы бы несколько откорректировали эту характеристику Кирского архипастыря, данную нашим выдающимся ученым: «достигал» блаж. Феодорита и был во многом подобен ему св. Кирилл.

мест. Таким образом, выработанный им метод толкования Св. Писания был совершенно отличен от метода александрийцев и имел вполне научный характер» (*Гурьев П.* Указ. соч., с. 3–4). См. также противопоставление «спекулятивно-философского духа» александрийской экзегезы и «реалистическо-исторической тенденции» антиохийского толкования в кн.: *Kihn H.* Theodor von Mopsuestia und Junilius Africanus als Exegeten. Freiburg im Breisgau, 1880, S. 6–7.

[180] См.: *Сидоров А. И.* Библейско-критический труд Оригена «Гекзаплы» // Альфа и Омега, № 2 (16), 1998, с. 61–69.

[181] См. ряд ценных наблюдений в кн.: *Crouzel H.* Origen. Edinburgh, 1989, p. 61–84.

[182] См. предисловие В. Бинерта к кн.: *Dionysius von Alexandrien.* Das erhaltene Werk. Eingeleitet, übesetzt und mit Anmerkungen versehen von *W. A. Bienert.* Stuttgart, 1972, S. 14–16.

[183] *Глубоковский Н. Н.* Блаж. Феодорит, т. 2, с. 70.

Толкуя ветхозаветные книги, святитель обычно выделял два смысла: буквальный и духовный, причем различие их полагалось в «объектах», описываемых ими; первый смысл соотносился с чувственными вещами (τά αἰσθητά), а второй — с умопостигаемыми или духовными (τὰ νοητά, τὰ πνευματικά)[184]. Буквальный смысл обозначался, как правило, термином «история» (ἱστορία); примечательно, что св. Кирилл, подобно антиохийцу (но в отличие от Оригена), включал в этот буквальный смысл образный и метафорический язык Писания. Что касается духовного смысла, то св. Кирилл очень редко использовал для обозначения его понятие ἀλληγορία; излюбленным термином святителя в этом плане было слово «созерцание» (θεωρία)[185]. Важным представляется тот тезис святителя, что «всякое духовное созерцание имеет в виду таинство Христа» (πᾶσα θεωρία πνευματικὴ πρὸς τὸ Χριστοῦ βλέπει

---

[184] Подробно см.: *Kerrigan A.* St. Cyril of Alexandria Interpreter of the Old Testament. Roma, 1952, p. 25–240. Подобная «двучленность» смыслов, кстати сказать, отличала св. Кирилла от блаж. Иеронима (экзегетические сочинения которого оказали определенное влияние на толкования Александрийского архипастыря), предпочитавшего говорить о трех смыслах Писания: 1) буквальном (juxta litteram, juxta historiam), 2) тропологическом или нравственном (per tropologiam, juxta tropologiam, juxta moralem) и 3) мистическом или духовном (mysticus, juxta intelligentiam spiritualem, juxta anagogem). Впрочем, у блаж. Иеронима встречались и вариации; в частности, порой он говорил и о двух смыслах. См.: *Wolfson H. A.* The Philosophy of the Church Fathers, v. 1. Cambridge (Mass.), 1956, p. 65–67.

[185] Этим словом часто пользовались древнецерковные писатели, тяготеющие более к александрийскому типу толкования: Ориген, Евсевий Кесарийский, Дидим Слепец, свв. Григорий Нисский и Исидор Пелусиот. Но одновременно он был самым предпочтительным понятием, определяющим духовное содержание Писания, и у антиохийцев. См.: *Kelly J. N. D.* Early Christian Doctrines. London, 1985, p. 76. Диодор Тарсский писал даже специальное сочинение о различии между θεωρία и ἀλληγορία, но оно, к сожалению, не сохранилось. По мнению Н. Фетисова, различие данных понятий у этого древнецерковного писателя сводится к следующему: «Θεωρία — это есть исследование содержащегося в Писании типически-мессианского смысла путем тщательного рассмотрения предварительно историко-грамматического простого или буквального смысла, а ἀλληγορία — есть также исследование типического смысла, но только на основаниях совершенно произвольных» (*Фетисов Н.* Диодор Тарсский. Опыт церковно-исторического исследования его жизни и деятельности. Киев, 1915, с. 311).

μυστήριον), т. е. что вне связи с «таинством Христовым» не может быть никакого духовного смысла[186]. Выявляя взаимоотношение двух смыслов, св. Кирилл отдает несомненное предпочтение и приоритет духовному смыслу. Вместе с Диодором Тарсским он мог бы сказать, что «историческое намного предпочтительнее аллегорического» (τοῦ ἀλληγορικοῦ τὸ ἱστορικὸν πλεῖστον ὅσον προτιμῶμεν)[187], но никогда бы не изрек, что «историческое» предпочтительнее «духовного», ибо строгая иерархия обоих смыслов четко соблюдалась святителем. Отмеченные здесь черты толкований на Ветхий Завет св. Кирилла характерны и для новозаветных комментариев его[188]. Также здесь подчеркивается, что духовный или буквальный смысл Священного Писания находится в зависимости от «объектов», описываемых им. Обращаясь к деяниям и глаголам Господа, запечатленным в Евангелиях, св. Кирилл выделяет три вида выражений здесь: «речения, подобающие Богу» (φωναὶ θεοπρεπεῖς), «подобающие человеку» (φωναὶ ἀνθρωποπρεπεῖς) и «средние» или «смешанные» (φωναὶ μέσαι, κεκραμέναι), т. е. соотносящиеся одновременно и с Божеством, и с человечеством Христа. Духовный смысл обычно находится в тесной связи с первыми, а буквальный — со вторыми; причем, духовный смысл помимо термина θεωρία обозначается и рядом других выражений: «более глубокий смысл» (ἡ βαθυτέρα ἔννοια), «ведение Божиих таин» (ἡ τῶν θείων μυστηρίων γνῶσις) и т. п. В общем, у св. Кирилла в его новозаветных комментариях довольно часто прослеживается тенденция рассматривать Воплощение как эпизод в Божественном бытии Слова и подчеркивать тождество этого Слова Самому Себе до и после Вочеловечивания. Эти тенденции органично вписываются в цело-

---

[186] Подобный подход к Священному Писанию вообще характерен для представителей Александрийской школы, согласно которым, по выражению одного исследователя, «следует отыскивать присутствие Господа на каждой странице [Писания]. См.: *Guillet J.* Les exégèses d'Alexandrie et d'Antioche. Conflit ou malentendu? // Recherches de Science Religieuse, t. 34, 1947, p. 247.

[187] См.: *Schäublin Chr.* Untersuchungen zu Methode und Herkunft der antiochenische Exegese. Köln–Bonn, 1974, S. 84.

[188] См.: *Kerrigan A.* The Objects of the Literal and Spiritual Senses of the New Testament according to St. Cyril of Alexandria // Studia Patristica, v. I, pt. 1, 1957, p. 354–374.

купный контекст всего богословия святителя. В целом же следует констатировать, что толкования св. Кирилла знаменуют собой одну из высших точек развития древнецерковной экзегезы. Стремясь идти в изъяснении Священного Писания «средним» или «царским» путем, он во многом следовал за св. Афанасием Великим[189]. Примечательно, что современник (и знакомый) св. Кирилла – св. Исидор Пелусиот – также соблюдает должную пропорцию в соотношении духовного и буквального смыслов, отстраняясь как от крайней «иносказательности», так и от предельной «буквальности»[190]. Таким образом, обозначения «александрийский тип» или «антиохийский стиль» экзегезы можно понимать скорее в качестве неких «траекторий», намеченных пунктиром, некоторых общих, но не ярко выраженных тенденций, а не в качестве «экзегетических школ» в прямом смысле этого слова. Довольно значительное число отцов Церкви и древнецерковных писателей, к которым принадлежал и св. Кирилл, предпочитали идти как раз «царским путем», лишь тяготея к тому или иному стилю толкования Священного Писания, но не разделяя всех более или менее ярко выраженных парадигм этих стилей. Именно такие идущие «средним путем» и торили широкую дорогу для всей последующей святоотеческой экзегезы.

2) Догматико-полемические сочинения.

Одним из самых ранних произведений св. Кирилла этого рода является, вероятно, «*Сокровище о Святой и единосущной Троице*» (известное на Западе обычно под названием *Thesaurus*). Оно направлено против ариан и содержит 35 глав; основная идея сочинения заключается в доказательстве Божества Сына, или, как говорит сам автор, в доказательстве того, что «Иисус есть Господь». Полемика св. Кирилла обращается преимущественно против Евномия, хотя он касается и других еретиков (Савеллия, Павла Самосатского). Произведение носит явно несамостоятельный характер, по крайней мере, приблизительно треть содержания его заимствовано из «Слов

---

[189] Об умеренном и чуждом крайностей подходе этого святителя к Писанию см : *Margerie B., de*. Introduction a l'histoire de l'exégèse, t. I. Les Pères grecs et orientaux. Paris, 1980, p. 137–164.

[190] См : *Évieux P.* Isidore de Péluse. Paris, 1995, p. 332–333.

против ариан» св. Афанасия Великого[191]. Впрочем, св. Фотий Константинопольский оценивает данное сочинение достаточно высоко, отмечая, что автор изобличает безумие ариан со знанием дела, используя методы логики (λογικαῖς ἐφόδοις ἐπιστημόνως αὐτῶν ἀπελέγχει) и обильно привлекая свидетельства из Священного Писания[192]. К этому трактату тесно примыкает и другое антиарианское сочинение св. Кирилла: *«Диалоги (Разговоры) о Святой Троице»*[193]. Как и предшествующее сочинение, оно адресовано некоему другу св. Кирилла – Немесину, но написано в форме бесед между автором и одним старцем-священником по имени Ермий. «Диалоги» производят впечатление более зрелого сочинения, чем «Сокровище», а потому написаны, скорее всего, позднее, чем оно (но, вероятно, раньше «Толкования на Евангелие от Иоанна»); датируются они приблизительно 412–420 гг.[194] Диалогическая форма, неоднократно используемая и самим св. Кириллом, и другими древнецерковными писателями, в данном случае представляется весьма удобной для целей полемики, ибо позволяет ясно обозначить позиции спорящих сторон и выявить логику их аргументации[195]. В предисловии к «Диалогам» св. Кирилл говорит о том, что относящееся к Богу (τὰ περὶ Θεοῦ) с трудом постигается дебелым человеческим разумом (παχὺς δὲ δὴ λίαν ὁ ἀνθρώπινος λόγος), однако тем, кому вменена обязанность научать [паству], необходимо вступать в эту трудно-

---

[191] См.: *Charlier N.* Le *Thesaurus de Trinitate* de saint Cyrille d'Alexandrie. Questions de critique littéraire // Revue d'Histoire Ecclésiastique, t. 45, 1950, p. 51.

[192] См.: *Photius*. Bibliothèque, t. II. Ed. par *R. Henry*. Paris, 1960, p. 105.

[193] Мы опираемся на критическое издание этого сочинения, снабженное солидным предисловием: *Cyrille d'Alexandrie*. Dialogues sur la Trinité, t. I–III. Ed par *G. M. de Durand* // Sources chrétiennes, N 231, 237, 246. Paris, 1976–1978.

[194] Ibid., t. I, p. 38–43.

[195] Ср. рассуждение Н. Н. Глубоковского по поводу «Эраниста» блаж. Феодорита: «Беседа, разговор всего ближе подходят к целям полемики: они дают простор высказаться обеим партиям во всех пунктах; здесь мысль движется по разным направлениям и исследует все пути. Спорящие получают возможность говорить со всею откровенностию, не рискуя подвергнуться анафеме за каждое слово, поелику они имеют возможность отказаться или поправить свои ошибки» (*Глубоковский Н. Н.* Блаженный Феодорит, т. 2, с. 189)

стижимую область богословия, ибо «горе мне, если не благовествую» (1 Кор. 9, 16). Исполняя такое церковное послушание научения, св. Кирилл и создал это произведение. Всего оно включает семь «диалогов», из которых шесть посвящены доказательству того, что Сын есть истинный Бог, а не тварь, и что Он единосущен Отцу и совечен Ему; последний же «диалог» касается Божественной природы Святого Духа.

Остальные догматико-полемические творения святителя относятся уже к периоду несторианских споров. Одним из первых сочинений этого рода было: *«Против хулений Нестория»* (оно надписывается по-разному; довольно часто: *«Пять книг против Нестория»*); впрочем, название произведению было дано позже и в самом тексте его имя ересиарха не упоминается. Сочинение является ответом св. Кирилла на сборник проповедей Нестория, который попал в руки святителя вскоре после произнесения их. Здесь Александрийский архипастырь защищает слово «Богородица», опровергает несторианский термин «богоносный человек» (ἄνθρωπος θεοφόρος), применяющийся ко Христу, отстаивает идею ипостасного единения природ Богочеловека и т. д. Одним словом, данное произведение являлось наброском христологических воззрений святителя, пока еще далеким от систематичности, ибо написано оно было, так сказать, «по горячим следам» только что появившейся ереси. Уже в более развитом виде эти воззрения предстают в группе трактатов (написанных в форме посланий), которые можно объединить под общим названием «*О правой вере*»[196]. Один из них адресован императору Феодосию II, а другой (включающий в себя два сочинения) — «царственным девам» (Пульхерии и ее сестрам: Аркадии и Марине, но, возможно, также и императрице Евдокии). Именно эти трактаты, как отмечалось выше, вызвали великое неудовольствие и гнев императора. Первый из них написан весьма дипломатично, в мягких тонах, и в нем явно прослеживается тенденция избежать всякой злободневной полемики (хотя полемическая струя, несомненно, присутствует). Здесь св. Кирилл тактично напоминает владыке империи, что по воле Божией Римская держава стала всемирной, чтобы хрис-

---

[196] См. предисловие к упоминавшемуся изданию: *Cyrille d'Alexandrie.* Deux dialogues christologiques, p. 36–42.

тианство могло распространяться беспрепятственно; поэтому империя может процветать только в том случае, если будет исполнять такое Божие предназначение свое. Соответственно, как говорит автор, главной задачей императора является забота об истинном христианстве и сохранение его. Концентрированное же свое выражение эта истинная религия Христова обретает в «Предании православной и апостольской веры». Изложению содержания этого Предания и посвящена большая часть трактата, где оно противопоставляется различным «лже-преданиям», т. е. ересям (манихейству, аполлинарианству и др., но имя Нестория не упоминается). Главный пафос трактата — в отстаивании единства Личности Христа и противлении всяким разновидностям христологического дуализма. Два других трактата в основном развивают эти идеи, но в них более энергично подчеркивается положение о том, что Еммануил есть истинный Бог, а Святая Дева — Богородица; подчеркивается и то, что имя «Христос» обозначает не Божественное Слово Само по Себе, но Слово воплотившееся. Все свои мысли св. Кирилл обильно подкрепляет свидетельствами из Священного Писания и из творений святых отцов.

С сочинением «О правой вере к Феодосию» имеет много точек соприкосновения «*Диалог о Вочеловечивании Единородного*»[197]. Однако, между двумя произведениями имеются и существенные моменты различия; в частности, слово «Богородица» не встречается в «Диалоге», более снисходителен здесь автор к аполлинаристам, считая, что они в своем исповедании единого Христа «мыслят весьма добре» (ἄριστα φρονοῦντας), хотя, естественно, заблуждаются, отрицая полноту человечества Господа; наблюдаются также расхождения и в нюансах христологической терминологии, используемой в обоих сочинениях. Датировка этого «Диалога» не совсем ясна, но Г. М. де Дюран предполагает, что он был написан еще до возникновения несторианских споров; затем, когда они вспыхнули, св. Кирилл на материале этого произведения написал «О правой вере», обработав «субстрат» и внеся в него ряд изменений. В качестве рабочей гипотезы это мнение можно принять, но следует учитывать и иную точку зрения некото-

[197] Ibid , p. 42–51

рых исследователей, полагающих, что «Диалог» написан позднее, чем «О правой вере». Менее спорна датировка другого аналогичного сочинения: «*Диалога о том, что Христос — един*»[198]. Оно написано ок. 437 г. и здесь св. Кирилл выступает против антиохийской христологии, представленной преимущественно в трудах Диодора Тарсского и Феодора Мопсуестийского. Их основной тезис, согласно автору «Диалога», состоит в том, что Бог Слово воспринял совершенного человека (ἄνθρωπον εἴληφε τέλειον), который нераздельно сочетался с Божественной природой (ἀχώριστον πρὸς τὴν θείαν φύσιν ἔχων τὴν συνάφειαν), что однако не позволяет говорить ни о «двух господах», ни о «двух сынах», ибо сочетавшийся с Единородным Сыном и причаствующий Ему (συνημμένος τε καὶ μετέχων) человек имеет общую с Ним честь и наименование (κοινωνεῖ τῆς Υἱοῦ προσηγορίας καὶ τιμῆς). Возражения св. Кирилла против этой христологии связаны с его четким осознанием неудовлетворительности ее терминологии, в частности, глагола συνάπτω («сочетать, связывать») и понятия συναφεία («сочетание, союз»), позволяющих допускать некую «рыхлость» соединения природ во Христе[199]. Но за погрешностями в терминологии святитель улавливает и более серьезный грех богословской мысли, некорректность основополагающей богословской интуиции, «неверие» (ἀπιστία), нечестивое новшество (δυσσεβῶν εὑρεμάτων καινότης), которое влечет за собой уничтожение божественных и священных научений (ἀνατροπὴ τῶν θείων τε καὶ ἱερῶν κηρυγμάτων), возвещающих единого Господа Иисуса Христа, т. е. Сына Божиего вочеловечившегося и воплотившегося. Таким образом, данный «Диалог» тесно примыкает к сочинению «*Против Диодора и Феодора*», написанному чуть позднее (438 г.) и содержащему аналогичные

---

[198] Ibid., p 58–80.

[199] См. замечание о христологии Мопсуестийского епископа: «Даже самые термины, употреблявшиеся Феодором для обозначения соединения естеств в Богочеловеке, указывают на внешний характер этого соединения. Так, он понятие соединения выражал словами «συναφεία» («соприкосновение», «сопряжение») и «σύλληψις» («взятие», «восприятие»). Оба эти слова указывают не на тесное внутреннее соединение естеств, а только на внешнюю связь их между собою». *Гурьев П.* Указ. соч., с. 316.

выпады против антиохийцев. К сожалению, от последнего сочинения дошли лишь незначительные фрагменты.

Насколько был прав св. Кирилл в своей критике представителей Антиохийской школы — вопрос, вызывавший и вызывающий споры в патрологической науке. Высказывалось мнение, что опровергая этих выразителей антиохийской христологии, Александрийский архипастырь опирался на фальсифицированный сборник цитат из их произведений (флорилегий), изготовленный аполлинаристами[200]. Однако, что касается цитат из трудов Феодора Мопсуестийского, то здесь подобная фальсификация вряд ли возможна[201], а поэтому и критика св. Кирилла в целом была оправдана. Что же касается Диодора Тарсского, то здесь еще много спорных моментов, поскольку догматические сочинения этого древнецерковного писателя сохранились преимущественно в небольшом количестве фрагментов и объективный сравнительный анализ их весьма затруднителен[202]. Во всяком случае, можно конста-

---

[200] См.: *Richard M*. Opera minora, t. II. Turnhout, 1976, N 51, p. 99–116.

[201] Подробно см.: *Sullivan F. A*. The Christology of Theodore of Mopsuestia. Romae, 1956, p. 35–98.

[202] Ср., например, мнение Н. Фетисова: «Возражения, которые делал св. Кирилл умершему Диодору, не находили твердой опоры в подлинном мировоззрении последнего. Они показывают лишь обратный порядок или способ раскрытия христологических воззрений противников. Исходный пункт Тарсского епископа обычно служит у св. Кирилла комментарием, комментарий св. Кирилла — исходным пунктом Диодора. У противников были разные дороги, но цель благочестия была одна. Сойтись им было трудно, потому что жив был лишь один нападающий, поносимый же был безгласным — он был уже в могиле почти 50 лет. Следует помнить, что св. Кирилл вынужден был почерпать положительное определение воззрений Диодора на Лицо Иисуса Христа из полемических произведений его. Это, естественно, затрудняло здравую и трезвую критику их — открывало легко путь возражениям против Диодора и оправдывало в известном смысле точку зрения св. Кирилла, но не колебало ничуть основ христологии Диодора. Оба церковных писателя были правы в своем понимании личности Спасителя, оба работали над гармонически стройным, последовательным раскрытием одной идеи Воплощения Господа, и их спор имел лишь неудобства полемики «до-терминологической». Невыработанность терминологии, относящейся к спору, закрывала для св. Кирилла подлинную сущность дела» (*Фетисов Н*. Указ. соч., с. 360–361).

тировать, что в своей полемике против аполлинаристов Диодор впадал порой в противоположную крайность, вследствие чего элементы «христологического дуализма» несомненно присутствовали в его воззрениях[203]. А поэтому и критическая оценка их св. *Кириллом имеет также под* собой основание, по крайней мере в отдельных пунктах. Тот же критический настрой в отношении антиохийской христологии явно прослеживается и в еще одном сочинении, написанном приблизительно в то же время: «*На святой символ*» (или: «*Толкование на Никейский символ*»)[204]. Оно адресовано ряду антиохийских клириков (Александру, Мартиниану и др.), поддерживающих св. Кирилла в его борьбе с несторианством. В преамбуле автор подчеркивает необходимость стяжания единства добродетельной жизни и правомыслия для каждого христианина, ибо «светлость деяний» (πράξεων δὲ λαμπρότης) без правых догматов и непорочной веры не может принести пользу душе: если «вера без дел мертва» (Иак. 2, 20), то и наоборот — дела без истинной веры также мертвы. Только подобное единство дел и правой веры отверзает внутренние очи человека. Им и обладали отцы Никейского Собора, по благодати Божией обнародовавшие символ и как бы имевшие в своей среде Христа. Следующие за ними святые отцы, светочи Церкви и «искуснейшие тайноводители» (εὐτεχνέστατοι μυσταγωγοὶ) также шествовали этим путем. Им противопоставляются лжетолкователи Никейского символа, в числе которых упоминаются Феодор Мопсуестийский, Несторий и его последователи, зломыслие (κακοδοξίας) которых было обличено на Ефесском Соборе. Раскрывая догматическое содержание деяний этого Собора, св. Кирилл и приступает к толкованию Никейского символа, обращая, естественно, главное внимание на догмат о Воплощении Бога Слова. «Кенозис» Его, согласно святителю, не означал потери Божественных свойств, ибо Слово, и став человеком, не перестало быть Богом. Оппозиция «дуалистической христологии» (учению о «двух сынах»)

---

[203] См.: *Greer R. A.* The Antiochene Chrstology of Diodore of Tarsus // The Journal of Theological Studies, v. 17, 1966, p. 327–341; *Jugie M.* La doctrine christologique de Diodore de Tarse d'après les fragments de ses oeuvres // Euntes Docete, v. 2, 1949, p. 171–191.

[204] Текст см.: *Cyril of Alexandria.* Select Letters, p. 94–131.

рефреном проходит через все сочинение, ибо такая христология, по мнению автора, является извращением Никейского символа, истинность которого незыблема.

Из других христологических произведений святителя периода несторианских споров можно указать на *«Анафематизмы»*, о которых уже шла речь. Буря, вызванная этими тезисами, заставила св. Кирилла присовокупить к ним еще три трактата: *«Изъяснение двенадцати глав»*, *«Защищение (Апология) двенадцати глав против восточных епископов»* и *«Защищение (Апология) двенадцати глав против Феодорита»*[205]. Хронологию этих трактатов с непреложной точностью установить достаточно сложно, но, вероятно, второй и третий трактаты были написаны до Ефесского Собора, а первый — во время самого Собора. Во всех трех сочинениях св. Кирилл вынужден был разъяснять свое учение о соединении двух природ во Христе, рассеивая тот туман недоразумений, который окутывал очи «восточных», считавших, что Александрийский архиепископ учил о слиянии естеств или об изменении одного естества в другое. Отстраняя от себя обвинения в аполлинарианстве, св. Кирилл обращает особое внимание на доказательство полноты и непреложности обеих природ Спасителя. Несколько иной характер носит *«Защитительная речь (Апология) к императору Феодосию»*[206], где святитель в основном оправдывает не столько свои взгляды, сколько свои действия до и во время Ефесского Собора; написана эта «Апология» ок. 432 г. Примерно к тому же времени относится и сочинение под названием *«Схолии о Воплощении Единородного»*. Греческий оригинал его утерян, но сохранились переводы на латинский, сирийский и армянский языки. Здесь св. Кирилл объясняет смысл имен «Христос», «Иисус» и «Еммануил», а также определяет понятие «ипостасное единение», отличая его от «смешения» и «сочетания». Единение природ во Христе он сравнивает с соединением души и тела в человеке, т. е. использует так называемую «антропологическую модель (парадигму)» в христологии, которую позднее активно использовали православные богословы VI–VII вв. (хотя по-

---

[205] См. русский перевод в кн.: Деяния Вселенских Соборов, т. I, с. 406–473.

[206] Там же, с. 499–512

степенно они стали относиться к этому образу все более и более осторожно)[207]. Св. Кириллу еще приписывается трактат *«Против тех, которые не желают исповедовать Святую Деву Богородицей»*, но по поводу него высказывается мнение, что он вряд ли принадлежит перу святителя, будучи скорее всего псевдоэпиграфом[208]. Однако данное мнение требует еще тщательной верификации, ибо взгляды, излагаемые в сочинении, совсем не противоречат основным христологическим интуициям св. Кирилла. Это можно сказать и о другом произведении аналогичного характера: *«Разговор с Несторием о том, что Святая Дева — Богородица, а не Христородица»*[209]. Во всяком случае, оба трактата, если и не написаны лично святителем, то выдержаны в духе его богословия.

Особое место среди полемических творений св. Кирилла занимает его апологетический труд *«Против Юлиана Отступника»*. Опубликовал его святитель в период потепления своих отношений с «восточными» либо в 434–437 гг., либо в 439–441 гг.[210], но есть основания полагать, что начат сей труд был еще до несторианских споров и писался на протяжении достаточно продолжительного периода[211]. Полностью сохра-

---

[207] См.: *Uthemann K.-H.* Das anthropologische Modell der hypostatischen Union. Ein Beitrag zu den philosophischen Voraussetzungen und zur innerchalkedonischen Transformation eines Paradigmas // KLHRONOMIA, t. 14, 1982, S. 215–312.

[208] См. на сей счет аргументацию Г. М. де Дюрана: *Cyrille d'Alexandrie.* Deux dialogues christologiques, p. 522–524.

[209] Перевод обоих произведений на русский язык см.: *Св. Кирилл Александрийский.* Слово против тех, которые не хотят исповедовать Св. Деву Богородицею. Разговор с Несторием о том, что Св. Дева — Богородица, а не Христородица. Перевод с греческого священника *Василия Дмитриева* Труды студентов Императорской Московской Духовной Академии. Вып. I. Сергиев Посад, 1915, с. 3–28. Переиздание этого перевода: Ученые Записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 3. М., 1998, с. 269–285.

[210] См.: *Malley W. J.* Hellenism and Christianity. The Conflict between Hellenic and Christian Wisdom in the Contra Galilaeos of Julian the Apostate and the Contra Julianum of St. Cyril of Alexandria. Roma, 1978, p. 241–244.

[211] См. предисловие к изданию: *Cyrille d'Alexandrie.* Contre Julien, t. I. Ed. par *P. Burguière et P. Évieux* // Sources chrétiennes, N 322. Paris, 1985, p. 10–15.

нились десять первых книг этого обширного труда, а от следующих десяти дошли лишь фрагменты; очень возможно, что до конца он так и не был завершен. Как показывает название сочинения, оно было направлено против известного врага христианства — императора Юлиана Отступника, процарствовавшего очень короткий срок (361–363 гг.), но принесшего много бед Церкви. Несомненно выдающийся полководец и храбрый солдат, сочетавший эти свойства с интеллектуальной рафинированностью и изысканной культурой мысли, Юлиан предпринял грандиозную, но изначала обреченную на провал, попытку возродить язычество (сделав его вместо христианства государственной религией) и классическую эллинскую мудрость[212]. Личностью он был, безусловно, неординарной и чрезвычайно загадочной, поражающей как своих современников, так и все последующие поколения[213]. По своим качествам Юлиан, как казалось, был человеком самым высоких достоинств[214]; особенно его мужество пред лицом преждевременной

---

[212] См.: *Cochrane Ch. N.* Christianity and Classical Culture. A Study of Thought and Action from Augustus to Augustin. London–N.Y.–Toronto, 1944, p. 261–291.

[213] Ср. суждение Г. Буасье: «Я не думаю, чтобы история давала много примеров такого резкого превращения и такого быстрого проявления способностей. Если удивительно было, что ученик софистов стал великим полководцем, то еще более поразило всех известие, что молодой государь, только что торжественно праздновавший Богоявление в одной из вьенских церквей, открывал языческие храмы, приносил жертвы и открыто признавал себя язычником. Этот театральный эффект произвел повсюду весьма понятное смущение. Язычество, одерживающее победу, представляло из себя редкое зрелище. Теперь по равнодушию и привычке оставались язычниками, но вновь ими уже не становились. Старый культ сохранял сторонников среди упрямых консерваторов, не желавших отказаться от старых традиций, но не приобретал больше новых. Поэтому все были изумлены, что человек, который принял крещение, и отец которого был ревностным христианином, с таким шумом возвратился к старой религии, и изумление еще более усиливалось от того, что этот человек был государь, родной племянник того, кто возвел христианство на трон цезарей» (*Буасье Г.* Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке. М., 1892, с. 56–57).

[214] «Никогда еще римский император не жил с такой простотою, как он. Он очистил свой двор от всякой роскоши и от всех тунеядцев, оставшихся ему в наследство от предшественников, - многочисленных

смерти, на первый взгляд, ясно свидетельствует об этом. Ибо Аммиан Марцеллин передает предсмертную речь императора, сраженного на поле боя и перенесенного в палатку, в которой он обращается к друзьям с такими словами: «Слишком рано, друзья мои, пришло для меня время уйти из жизни, которую я, как честный должник, рад отдать требующей ее назад природе. Не горюю я и не скорблю, как можно думать, потому что я проникнут общим убеждением философов, что дух много выше тела, и представляю себе, что всякое отделение лучшего элемента от худшего должно внушать радость, а не скорбь. Я верю и в то, что боги небесные даровали смерть некоторым благочестивым людям, как высшую награду. И мне дан этот дар, — я в этом уверен, — чтобы я не изнемог под бременем страшных затруднений, не унизился и не пал. Я знаю на опыте, что всякое горе сокрушает малодушных, оказываясь бессильным перед человеком твердого духа. Мои поступки не дают мне повода раскаиваться в чем-нибудь, не томит меня воспоминание о каком-либо тяжком преступлении ни в то время, когда меня держали в тени и забвении, ни когда я принял верховную власть»[215]. Однако эти предсмертные слова императора свидетельствуют как раз о том, что внутренним стержнем личности Юлиана была непомерная гордыня, исключающая всякое чувство покаяния и превращающая достоинства человека в их совершенную противоположность. И как через гордыню Денница стал супротивником Божиим, так через ту же гордыню Отступник стал принципиальным врагом религии Христовой. Личные же достоинства

поваров, цирульников, виночерпиев и особенно евнухов, которых было так много, по выражению Ливания, как мух летом, вместо них он окружил себя старыми друзьями — философами и риторами. Он был самый строгий аскет. По словам Ливания, он никогда не касался женщины, даже по вступлении в брак с сестрою Констанция Еленою. Он питался только растительною пищею и то в очень ограниченном количестве, изнурял свое тело частым ночным бодрствованием и подвергал его самым жестоким бичеваниям» (*Вишняков А.* Император Юлиан Отступник и литературная полемика с ним св. Кирилла Александрийского в связи с предшествующей историей литературной борьбы между христианами и язычниками. Симбирск, 1908, с. 129–130).

[215] *Аммиан Марцеллин.* Римская история. Перевод с латинского Ю. А. Кулаковского и А. И Сони. Спб , 1996, с 333.

Юлиана служили лишь прикрытием этого глубинного греха: ведь и *«сам сатана принимает вид Ангела света»* (2 Кор. 11, 14) и у лукавого есть свои «аскеты». Не случайно некоторые современные этому императору христиане ощущали в нем сродство с антихристом[216].

Будучи непримиримым врагом христианства и не просто защитником язычества, а своего рода «апостолом» его, Юлиан незадолго до своей кончины написал сочинение «Против христиан» (или «Против галилеян»), где развивал ту основную мысль, что христианская религия «представляет собою неудачную смесь иудейства с эллинизмом... Христиане, говорит он, заимствовали у той и другой религии то, что есть в них самого худшего,— у иудеев их легкомысленное презрение к богам, у греков — безразличие в пище и распущенный образ жизни. Все остальное в их учении чисто человеческие измышления, в которых нет ничего божественного, и которые рассчитаны на обольщение при помощи ложных чудес той части нашей души, которая наиболее доступна басням. Юлиан не находит ничего хорошего и в жизни христиан. Он третирует их с величайшим презрением, не называя их другим именем, как галилеяне. Сопоставляя с христианством эллинизм, он изумляется, как христиане могли оставить греков, чтобы перейти к евреям, но не оставшись верны и им, изобрели еще нечто новое и худшее»[217]. Главная опасность сочинения Юлиана состояла в том, что он, казалось, знал христианство изнутри (хотя именно внутреннее понимание сути религии Христовой у него абсолютно отсутствовало) и обладал, по видимости, солидным знанием Священного Писания[218]. Естественно, что вся реформаторская деятельность Юлиана по восстановлению язычества вызвала резкую

---

[216] Это, например, явно чувствуется в пятнадцатом «Огласительном поучении» св. Кирилла Иерусалимского, где можно уловить намеки на личность Отступника. См.: Святитель *Кирилл Архиепископ Иерусалимский*. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991, с. 224–247.

[217] *Вишняков А.* Указ. соч., с 136.

[218] По словам Созомена, Юлиан с братом Галлом «слушали уроки учителей и истолкователей Священного Писания, так что присоединены были к клиру и читали народу церковные книги» (Церковная история *Эрмия Созомена Саламинскаго*, с. 308). Ср. также: *Сократ Схоластик*. Церковная история, с 134. Как отмечает А Вишняков (Указ. соч., с. 141), Юлиан «обнаруживает самое обширное знакомство с

реакцию христиан. Одними из первых дали отпор ему святые каппадокийские отцы[219]. Активно выступает против Отступника св. Василий Великий (хотя три его письма к Юлиану вызывают сомнения в своей подлинности)[220], а св. Григорий Богослов пишет два «Слова» против своего бывшего однокашника по Афинскому университету[221]. На сирийском Востоке св. Еф-

---

текстом Св. Писания, несравненно большее, чем все прежние противники христианства. Получив христианское воспитание, читая еще в детстве священные книги в церкви в качестве клирика и изучая их под руководством христианских учителей, он знал эти книги, может быть, лучше, чем многие христиане. Его вместо трона готовили в клир, изолируя от всякого влияния языческой философии и науки, из него хотели сделать вместо императора христианского богослова; — когда он сделался императором и отступником, он зло отплатил за это в своем сочинении, неожиданно воспользовавшись уроками своих наставников совсем не для тех целей, для которых они их давали». Правда, необходимо указать, что христианские учители и наставники Юлиана были преимущественно арианами, которые «прилагали свое старание сделать их приверженцами своих заблуждений. В то же время наставники эти, будучи не тверды в своих религиозных убеждениях и меняя их сообразно желанию двора, были не в состоянии оказать доброго нравственного влияния на своих питомцев, смотревших на них, как на своих притеснителей и рабских исполнителей воли Констанция. Религиозное обучение играло главную роль в воспитании обоих братьев. Оно заключалось главным образом в механическом сообщении им арианских тонкостей и заблуждений и в приучении их к точному исполнению внешних обрядов религии без всякого отношения к внутреннему чувству и убеждению. Вследствие такого одностороннего религиозного обучения оба брата получили одно поверхностное и притом неправильное представление о христианстве, не в состоянии будучи проникнуть в самый дух его и усвоить его животворную силу» (*Алифионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. Казань, 1877, с. 73–74).

[219] См.: *Pelikan J.* Christianity and Classical Culture. The Metamorphosis of Natural Theology in the Christian Encounter with Hellenism. New Haven–London, 1993, p. 79.

[220] См.: *Муравьев А. В.* Епископ против кесаря. Истоки одного византийского идеологического мотива // Вестник древней истории, 1994, № 4, с. 140–152; *Он же.* Переписка Юлиана Отступника и св. Василия Великого (BHG 260) в связи с житийной традицией последнего // Вестник древней истории, 1997, № 2, с. 138–145.

[221] Подробно см. предисловие к изданию этих «Слов»: *Grégoire de Nazianze.* Discours 4–5. Contre Julien. Ed. par *J. Bernardi* // Sources chrétiennes, N 309. Paris, 1983, p. 11–66.

рем Сирин также создает четыре «мидраша», в которых он с болью отзывается на трагедию отступничества Юлиана, имевшего печальные последствия для христианской империи[222]. Выступали против Юлиана и его сочинения также и другие древнецерковные писатели, в том числе и Феодор Мопсуестийский[223]. Таким образом, приступая к написанию своего апологетического труда, св. Кирилл, с одной стороны, опирался на уже устойчивую традицию христианской полемики с Отступником, но, с другой, он во многом шел еще мало проторенной тропой, ибо никто из церковных писателей до него не дал стройного и систематического опровержения антихристианского сочинения Юлиана[224]. Необходимость же подобного опровержения, вне всякого сомнения, существовала в первой половине V в., когда язычество еще было достаточно сильным и идеи Юлиана находили отклик во многих частях империи, в том числе и в Египте.

Возражая Отступнику, св. Кирилл продолжал предшествующую ему традицию христианской апологетики (Климента Александрийского, Оригена, Евсевия Кесарийского, Дидима Слепца и др.), развивая аргументы своих предшественников; использовал он и произведения языческих авторов (особенно, «Философскую историю» Порфирия и «Герметический корпус»)[225]. Сочинение святителя, по характеристике А. Вишня-

---

[222] Согласно св. Ефрему, «трагедия империи состоит в том, что ее император, крещенный христианин, предался языческим волхвованиям, через это попал в рабство к диаволу, воздвиг гонения на христиан, перестал радеть о благе империи, доверился магам и гадателям, затеял опасный и неразумный поход против Персии и, наконец, пал, сраженный Божиим гневом, вызвав своими действиями нарушение равновесия власти духовной и власти светской, а также прямые территориальные потери у ромеев». *Муравьев А. В.* Учение о христианском царстве у преподобного Ефрема Сирина // Традиции и наследие Христианского Востока, с. 335.

[223] От его сочинения дошли лишь отрывки. См.: *Гурьев П.* Указ. соч., с. 171–181.

[224] Ср. оценку этого произведения св. Кирилла: оно «важно в том отношении, что служит главнейшим и единственным источником для знакомства с религиозно-философскими воззрениями и литературной полемикой Юлиана против христианства, доставляя возможность познакомиться с подлинными отрывками полемического труда императора» (*Алифионов Я.* Указ. соч., с. 8).

[225] См.: *Malley W. J.* Op. cit., p. 252–261.

кова, «представляет собою плод долгой и добросовестной работы; автор обнаруживает в нем большую ученость, обставляя каждое свое положение разнообразными тщательно собранными доказательствами; он не оставляет без разбора ни одного из возражений противника, предусматривает новые, которые можно сделать, вообще старается, чтобы у его христианских читателей, для которых он пишет, не оставалось никакого сомнения в истинности и превосходстве их религии»[226]. В своем произведении св. Кирилл, развенчивая ложные обвинения Отступника, разъясняет подлинный смысл христианского учения о Боге, т. е. о Святой Троице, и о сотворении мира; объясняет сущностные принципы православной сотериологии[227]; показывает, что Юлиан является лже-истолкователем Священного Писания, страдая глубинным непониманием сути Божиих глаголов (особенно непониманием неразрывной связи двух Заветов). Идеалу языческого мудреца Отступника святитель противопоставляет идеал христианского любомудра, органично сочетающего в себе делание и созерцание (φιλοσοφία πρακτική — φιλοσοφία θεωρητική): ум такого любомудра достигает подлинного ведения, состоящего прежде всего в познании Бога Слова и Его искупительного Воплощения. Причастность этому Слову, Которое есть Сама Истина и Премудрость, и позволяет христианскому любомудру быть превыше всякой человеческой мудрости[228]. Таким образом, св. Кирилл дал серьезный отпор одной из последних попыток античного язычества доказать свое духовное право

---

[226] *Вишняков А.* Указ. соч., с. 149–150.

[227] «Св. Кирилл рассказывает о творении первых людей, их грехопадении и распространении через них первородного греха на весь род человеческий. Так как все люди были грешны, то никто из них не мог взять на себя дело общего спасения. Почему же Богу нужно было воплотиться для искупления людей, а Он не сделал этого одним мановением, неизреченной силой? На это св Кирилл отвечает учением о свободе человеческой воли и свободном характере добродетели. Для уяснения возможности Воплощения от Девы Сына Божия он ссылается на Божественное всемогущество. Соединившись с человеческим телом, Бог не ограничил Себя, но остался всесовершенным и высочайшим Богом, и не сделался причастным греху, как луч солнца, падая на грязь, не получает пятна». Там же, с. 225–226.

[228] См.: *Malley W. J.* Op. cit., p. 319–418.

на истинное бытие и его труд занял достойное место в истории древнецерковной апологетики[229].

Наконец, еще три догматико-полемических произведения св. Кирилла объединяются общей темой борьбы с антропоморфизмом[230]. Первое из них: «*Ответы к Тиверию*», сохранившееся в основном в греческом оригинале, дополняется еще и сирийским переводом. Датируется оно приблизительно 431–433 гг. Тиверий был палестинским иноком и диаконом и, как видно из его послания, большим почитателем св. Кирилла. Вместе с братией своего монастыря (местоположение которого невозможно установить с точностью) он был весьма обеспокоен появлением «новых ересей», носителями которых являлись некоторые монахи, «носившие священническое облачение» и обманывавшие «простаков» из христиан. Судя по ответам св. Кирилла (которых всего 15), «новые еретики» считали возможным мыслить Бога «человекообразным» на основании известного тезиса о сотворении человека по образу и подобию Божиему; единосущие Отца и Сына они также понимали в грубо «физическом» смысле; отсюда и кенозис Сына постигали как лишение Его связи (в качестве Ипостаси Святой Троицы) с Отцом и полное «истощание» Его Божества. Давая ответы на эти и другие ошибочные положения еретиков, св. Кирилл разъясняет православное учение о Боге

---

[229] См. оценку данного труда: «Все, что только могла дать в то время в руки апологета, защищающего христианство, светская и богословская наука, - все это использовал св. Кирилл. Если же мы не видим здесь глубокомысленных изысканий в этой области, то это зависело не от св. автора, способного... проникать в самые глубины христианской науки, а от характера сочинения, которое он опровергал: оно было довольно поверхностным, легкомысленным, рассчитанным скорее на популярность трудом отступника; а потому применение к нему всех ресурсов глубокого и всестороннего образования св. Кирилла было бы, так сказать, выстрелом из пушки по воробью. Однако, при всем этом, сочинение св. Кирилла настолько соответствовало потребностям времени, что, несмотря на то, что борьба с язычеством скоро после этого совсем прекратилась, однако, сочинение св. Кирилла всегда находило читателей и продолжало распространяться. Исчезли почти все сочинения и трактаты на ту же тему, а труд св. Кирилла, хотя и не в полном виде, живет и доселе, не теряя своего значения даже и в настоящее время» (*Лященко Т.* Св. Кирилл, с. 438–439).

[230] См.: *Cyril of Alexandria.* Select Letters, p. XVII–XXXI, 132–221.

(исходя из слов: «Бог есть дух» – Ин. 4, 24), о Воплощении Сына Божиего и об образе Божием в человеке (который соотносится прежде всего с добродетелью и святостью: κατ᾽ἀρετὴν καὶ ἁγιασμόν). Попутно им затрагивается и ряд других вопросов: о значении Евхаристии, о возможности достижения абсолютного бесстрастия и о совокуплении бесов с женщинами. Ответы св. Кирилла производят впечатление схематичных набросков, и это связано, конечно, с тем, что своим корреспондентам он указывал лишь общее направление правильного развития богословской мысли. С данным произведением тесно связано и другое: «*Вероучительные вопросы и ответы*», которое появилось на свет несколько позже первого. Оно также было написано по просьбе Тиверия и других палестинских иноков, которые в своем обращении к св. Кириллу указывали, что в их среде появились некоторые лжемудрствующие христиане из Авилины (городка в Сирии недалеко от Дамаска) и Египта, которые, «не научившись право мыслить о Боге» (οὐκ ὀρθῶς φρονεῖν περὶ Θεοῦ δεδιδαγμένοι), произвели «сатанинское смятение». Вероучительные проблемы, вызванные этим смятением, Тиверий и иже с ним сформулировали в 11 вопросах, на которые св. Кирилл дал ответы. Содержание вопросов опять касается «антропоморфных» высказываний о Боге в Священном Писании, образа Божия в человеке, происхождения души, ее преуспеяния, проблемы первородного греха, воскресения из мертвых и конечной участи людей. Судя по ним, новые палестинские «смутьяны» отличались от своих предшественников «антропоморфитов» более утонченной культурой мысли, а потому, вероятно, их воздействие на умы нестойких в вере христиан было более глубоким. Наконец, к названным двум трактатам по тематике тесно примыкает и «*Послание к Калосирию, епископу Арсинои*»; датировку его установить трудно, но, скорее всего, оно написано в последнее десятилетие жизни святителя. В этом послании автор говорит, что к нему пришли «некоторые» (вероятно, иноки) с горы Каламон (в Фаюме) и поведали, что среди тамошних монахов появились «антропоморфиты». Суть их аргументации в пользу своего лжеучения сводилась к следующему: поскольку Священное Писание гласит, что человек создан по образу Божию, то и Божество следует мыслить человекообразным (ἀνθρωποειδὲς ἤγουν ἀνθρωπόμορφον ἐστι τὸ Θεῖον); кроме

того, они еще считали, что евхаристические Дары пребывают Телом и Кровью Христовыми только один день, а потом перестают быть таковыми. На аргументацию «антропоморфитов» св. Кирилл отвечает такими тезисами: подобие Божие в человеке не телесного характера (ὁμοιότης οὐ σωματική), ибо из всех живых существ на земле один только человек одарен разумом (λογικός), обладает способностью сострадания (φιλοικτίρμων) и стяжания всякой добродетели, а потому ему присуща власть над прочими тварями. Но из этого исключительного положения человека в тварном мире нельзя делать ошибочного «обратного вывода» о какой-либо телесности Божества: коренное различие Бога, как Творца, и человека, как твари, является в глазах св. Кирилла непреложным постулатом христианского вероучения.

Таким образом, рассмотренные три произведения св. Кирилла показывают, что спор, возникший между «антропоморфитами» и «оригенистами» в конце IV — начале V вв., эхом отозвался и в 30-х годах V в. Были ли связаны между собой эти явления какой-либо генетической связью — установить достаточно трудно. В период «оригенистских споров» вопрос об образе Божием в человеке тесно увязывался с учением о молитве[231]. В сочинениях Евагрия (особенно в «Слове о молитве») ясно было изложено учение о «чистой» или «безобразной» молитве[232], которое являлось совершен-

---

[231] См.: *Guillaumont A.* Les «Képhalaia Gnostica» d'Évagre le Pontique et l'histoire de l'origénisme chez les grecs et chez les syriens. Paris, 1962, p. 59–61.

[232] См., например: «Молясь, не облекай в самом себе Божество в зримые формы и не позволяй, чтобы ум твой запечатлевался каким-либо [чувственным] образом, но приступай к Нематериальному нематериально, и [тогда] постигнешь [Его]». Также: «Остерегайся ловушек супротивных [сил]. Ибо бывает, что когда ты молишься чисто и безмятежно, то вдруг предстанет пред тобой некий чуждый и инородный образ, дабы ввести тебя в самомнение и [внушить мысль], будто Божество находится в неком определенном месте и будто сразу Оно открывает тебе Себя, как нечто количественное, тогда как это Божество лишено формы и величины». Евагрий еще говорит: «Не желай видеть чувственным образом ни Ангелов, ни Силы, ни Христа, дабы не стать полным безумцем, принимая волка за пастыря и поклоняясь [вместо Бога] супротивным силам». Кроме того, по его мнению, «начало прельщения — тщеславие; побуждаемый им, ум пытается описать Божество в [каком-либо] лике или виде». И наконец: «Блажен ум, который

но неприемлемым для «антропоморфитов». Можно предположить, что в основе их столкновения с «оригенистами» лежали два различных типа духовного опыта (очень условно их можно было бы обозначить как «душевно-сердечный» и «умосозерцательный», или «тайнозрительный»). Причем, как это представляется нам, предельная абсолютизация каждого из них была в равной степени опасной: один тип («антропоморфитский») мог привести к прелестно-чувственным видениям, а другой («оригенистский») — к некоей «сублимированно-интеллектуальной медитации». Однако в сочинениях св. Кирилла нет намека на то, что современные ему «антропоморфиты» как-то сочетали проблему образа Божия с учением о молитве. Но аргументация их в плане соотношения образа и Первообраза (человека и Бога), а также выводы о некоей телесности (мыслимой, конечно, в качестве тончайшей телесности) и «человекообразности» Божества очень сходны с аналогичной аргументацией и выводами «антропоморфитов» конца IV в. Поэтому можно предположить существование определенной генетической связи этих двух явлений, тем более, что хронологический промежуток, разделяющий их, очень невелик (некоторые противники «оригенистов» вполне могли дожить и до 30-х годов V в.)[233].

Следует обратить внимание на один памятник древнецерковной письменности — «Житие блаженного Афу», честь введения в научный оборот которого принадлежит В. В. Болотову, ибо это сочинение позволяет в несколько ином аспекте

во время молитвы стяжал совершенную свободу от материальных образов» (Творения аввы *Евагрия*, с. 84, 89). Во всех этих высказываниях Евагрия несомненно чувствуется скрытая полемика против «антропоморфизма».

[233] Высказывается мнение, что «коптский антропоморфизм» — явление куда более неуловимое (more elusive), чем это принято считать историками раннего христианства, и что вообще нет твердых свидетельств относительно его реального существования. См.: *Gould G.* The Image of God and the Anthropomorphite Controversy in Fourth Century // Origeniana quinta. Papers of the 5 th International Origen Congress. Ed. by *R. J. Daly*. Leuven, 1992, p. 549–554. Однако, при всей неуловимости «антропоморфизма», он отнюдь не был чистым фантомом и призраком — указанные сочинения св. Кирилла, помимо всех прочих источников, свидетельствуют об этом.

взглянуть на указанные споры конца IV в.[234] Здесь повествуется о том, как один коптский отшельник, Афу, услышав чтение пасхального послания Феофила Александрийского (395 г.), был поражен неправомысленными, с его точки зрения, высказываниями своего архиерея и поспешил в Александрию. Между ним и архиепископом завязался богословский диспут. Тезисы Феофила, тогда еще поддерживающего «оригенистов», сводились к следующему: только Адам был сотворен по образу и подобию Божию, «а дети, родившиеся [у Адама] потом, уже не подобны Ему»; поэтому архиепископ не считал возможным называть эфиопа, прокаженного, больного, хромого и проч. образом Божиим. В ответ на это Афу приводит «евхаристический аргумент», смысл которого не совсем ясен в не очень хорошо сохранившимся тексте «Жития», но, вероятно, предполагающий, что Воплощение Бога Слова кардинально изменило состояние человека, ибо «при всех различных немощах, при всех разнообразных несовершенствах нам свойственных, [нашу природу воспринял Христос] ради нашего спасения», т. е. тело человека стало доступным обожению (важную роль в котором отводится Евхаристии), а поэтому оно и составляет необходимый элемент образа Божия[235]. Эта аргументация Афу (с которой, вероятно, вполне мог согласиться и св. Кирилл) напоминает во многом христологическое видение проблемы образа Божия, которое позднее (в VII в.) развил преп. Анастасий Синаит[236]. Связь христологии и вопроса об образе Божием в человеке прослеживается и в одном со-

---

[234] Данное «Житие», как считает сам В. В. Болотов, «должно занять выдающееся место *в истории догматов*: оно проливает совершенно новый свет на историю антропоморфистского спора (разрешившегося в оригенистический), разъясняет одну сторону в его исходном пункте и самому вопросу об антропоморфитах дает такую постановку, которая была лишь едва намечена в известных до сих пор памятниках. Только теперь история антропоморфитов становится действительно понятною». *Болотов В. В.* Из церковной истории Египта. Вып. II. Спб., 1886, с. 145. Правда, следует оговориться, что значение этого памятника, при всей его важности, не следует и преувеличивать, ибо он может рассматриваться лишь в совокупности с прочими источниками.

[235] См.: Там же, с. 149–151.

[236] См. наш перевод и комментарий: *Преподобный Анастасий Синаит.* Три Слова об устроении человека по образу и по подобию Божию. Слово второе // Альфа и Омега, № 1 (19), 1999, с. 76–91.

чинении коптского «собрания Агафоника Тарсского» (вероятно, первая половина V в.) и в одном из творений (opusculum XI) преп. Марка Подвижника[237]. Все эти документы заставляют предполагать, что движение «антропоморфитов» было далеким от однородности, содержа в себе различные богословские тенденции, как тяготеющие к несомненной еретичности, так и тесно сливающиеся с православным Преданием. Объединение их под общим названием «антропоморфизма» явно было бы ошибочным, ибо они часто лишь самым внешним образом соприкасались друг с другом. Во всяком случае, тот «антропоморфизм», с которым столкнулся св. Кирилл, безусловно, таил в себе опасность для Православия, ибо он влек за собой и серьезное искажение двух основных пунктов христианского вероучения: догмата о Святой Троице и догмата о Воплощении Бога Слова (вместе с нарушением должных пропорций между «теологией» и «икономией»). Поэтому, если рассматривать «антропоморфизм» в этом его проявлении, то вряд ли можно согласиться с утверждением отца Георгия Флоровского, что «монахи «антропоморфиты» защищали достойную традицию. Спор в пустыне был не просто столкновением «невежд» с «учеными». Это был конфликт двух традиций: евангельского реализма и оригенистского символизма»[238]. Св. Кирилл отнюдь не был «оригенистом» и «символистом», *но в конфликте «двух традиций»* он явно встал не на сторону «антропоморфитской традиции», не найдя в ней ничего достойного. Если существовали еще «православные антропоморфиты», то вряд ли между ними и св. Кириллом могли возникнуть какие-либо принципиальные разногласия. Но существование такого рода «антропоморфитов» еще требует доказательства, ибо «Житие блаженного Афу» — источник довольно темный и строить на нем какие-либо серьезные предположения вряд ли возможно.

---

[237] Подробно см.: *Grillmeier A.* Christ in Christian Tradition, v. II, pt. 4. The Church of Alexandria with Nubia and Ethiopia after 451. London, 1996, p. 223–228.

[238] *Протоиерей Георгий Флоровский.* Догмат и история, с. 310.

3) Проповеди и послания.

Из гомилитического наследия св. Кирилла в первую очередь следует обратить внимание на уже упоминавшиеся *«Пасхальные проповеди»* (или *«Пасхальные послания»*)[239]. Традиция таких официальных проповедей (посланий) в Египте восходит к Александрийскому епископу Димитрию[240]; эту традицию продолжил св. Дионисий (сочетав ее, скорее всего, с традицией древнехристианских пасхальных гомилий), который, по словам Евсевия, «составил... еще так называемые «пасхальные» (письма.— *А. С.*), до нас сохранившиеся; в возвышенных словах говорит он о празднике Пасхи»[241]. Вероятно, и св. Петр Александрийский придерживался того же обычая; по крайней мере, сохранились несколько фрагментов из его «Пасхального послания» (под названием «О Воскресении») и сочинения «О Пасхе»[242]. Данный обычай достиг пол-

---

[239] Мы опираемся на критическое издание их (правда, еще незаконченное): *Cyrille d'Alexandrie*. Lettres festales, t. I–III. Ed. par *P. Évieux, W. H. Bruns*, etc. // Sources chrétiennes, N 372, 392, 434. Paris, 1991–1998. Это издание примечательно тем, что, помимо общей вводной статьи, здесь имеются и небольшие предисловия к каждой гомилии.

[240] «Александрийский патриарх Евтихий, живший в X веке, сообщает, что уже один из предшественников св. Дионисия Димитрий писал епископам Римской, Иерусалимской и Антиохийской церквей о том, как следует высчитывать день праздника Светлого Воскресения и начало поста пред этим праздником» (*Дружинин А.* Жизнь и труды св. Дионисия Великаго, епископа Александрийскаго. Казань, 1900, с. 251). Необходимо подчеркнуть, что помимо таких официальных посланий Александрийских епископов в древнецерковной письменности существовала богатая гомилитическая традиция, посвященная этому Празднику праздников всех христиан: сочинения св. Мелитона Сардийского, св. Ипполита Римского, Оригена и проч. запечатлевают ее. См. предисловие к изданию: *Origène*. Sur la Pâque. Ed. par *O. Guérard* et *P. Nautin*. Paris, 1979, p. 96–111. К этой же традиции восходят и три пасхальных гомилии, приписываемые св. Иоанну Златоусту, но принадлежащие анонимному автору, жившему в самом конце IV — начале V вв., миросозерцание которого развивается в русле александрийского богословия. См.: Homélies Pascales, t. II. Trois homélies dans la tradition d'Origène. Ed. par *P. Nautin* // Sources chrétiennes, N 36. Paris, 1953, p. 26–50.

[241] *Евсевий Памфил*. Церковная история. М., 1993, с. 260.

[242] См. перевод их на английский язык в кн.: *Vivian T.* St. Peter of Alexandria. Bishop and Martyr. Philadelphia, 1988, p. 132–138.

ного расцвета в лице св. Афанасия Великого, от которого дошло большое количество «Пасхальных посланий» (преимущественно, в переводах на коптский, сирийский, латинский и армянский языки)[243]. Феофил также придерживался данной традиции; правда, сохранились только три его послания в переводе блаж. Иеронима[244]. В результате, к тому времени, когда св. Кирилл стал Александрийским архипастырем, уже выработался особый жанр «Пасхальных посланий», который представлял собой некий сплав различных жанров: собственно послания, проповеди, богословского трактата, экзегетического сочинения и нравственно-аскетического увещевания. В рамках данного жанра и создавал свои «Пасхальные послания (проповеди)» св. Кирилл; полностью сохранились 29 таких проповедей, отражавших различные периоды его архипастырской деятельности и духовного развития.

Все они объединяются единой темой величия пасхального торжества, которое «основывается на необъятном, превышающем всякий ум и слово человеческое, деле спасения людей, или Домостроительстве, воспоминаемом празднике Пасхи. Победа Спасителя над грехом, проклятием и смертью, тиранствовавшею над родом человеческим, сокрушение владычества над миром диавола, освобождение людей от греха, смерти и власти сатаны и примирение их с Богом — вот идея пасхального торжества, а вместе с тем и пасхальных проповедей. Но если столь велик, высок и необъятен предмет пасхального праздника и слова, то eo ipso в проповеднике возникает трепетное чувство робости и страха: он не может даже быстрым полетом мысли объять предлежащего ему предмета проповеди. Поэтому мысль его обращается только к частным некоторым свойствам и чертам Праздника праздников христианских. То она устремлена на причины торжества, то на древнюю его историю, то на сущность, важность и смысл его, то на обязанности наши в виду как праздника, так и воспо-

---

243 В сирийской традиции сохранился список «Пасхальных посланий» св. Афанасия, объемлющий период 329–373 гг., и перевод шестнадцати этих посланий. См.: Histoire «acéphale» et index syriaque des Lettres festales d'*Athanase d'Alexandrie*. Ed. par *A. Martin* et *M. M. Albert* // Sources chrétiennes, N 317. Paris, 1985, p. 217–221.

244 См. предисловие: *Cyrille d'Alexandrie*. Lettres festales, t. I, p. 94–112.

минаемого им дела спасения, то на цель торжества, на наше уклонение от требуемой делом спасения нормы жизни и проч. Но многоразлично разнообразясь, мысль эта тем не менее всегда проникнута общей пасхальной идеей»[245].

Это наблюдение над общим характером «Пасхальных проповедей» св. Кирилла, сделанное русским ученым, вполне подтверждается, если обратиться к отдельным проповедям. Основная идея пасхального торжества прослеживается во всех них, сообщая им ярко выраженный христологический и сотериологический характер, но в каждой проповеди она звучит в особой и своеобразной тональности, обогащаясь множеством оттенков и нюансов. А в этих оттенках и нюансах часто наиболее ярко выражается талант св. Кирилла как экзегета, богослова, проповедника и пастыря. Например, в пятом послании достаточно рельефно выступают многие сущностные черты святителя — толкователя Священного Писания[246]. В центре его находится изъяснение библейского повествования о рождении и жертвоприношении Исаака. Вообще, в древнецерковной письменности библейские образы Авраама и Исаака весьма часто изъяснялись в прообразовательном смысле как указания на Воплощение Бога Слова и Его Голгофскую жертву[247]. Следуя этой традиции и развивая ее, св. Кирилл также говорит, что в жизни Авраама и рождении Исаака запечатлено, словно в медной [статуе], исполненной прекрасно и искусно, таинство Христа, Который «предызображается» (σχεματιζόμενον) в Исааке. Что же касается

[245] *Миролюбов А.* Указ. соч., с. 105–106.

[246] См.: *Cyrille d'Alexandrie.* Lettres festales, t. I, p. 277–329.

[247] См.: *Александров Н.* История еврейских патриархов (Авраама, Исаака и Иакова) по творениям святых отцов и древних церковных писателей. Казань, 1901, с. 141. Св. Ириней Лионский, например, на сей счет говорит: «Ибо Авраам, по вере своей последовав заповеди Слова Божия, с готовностью предал в жертву единородного и возлюбленного сына своего, дабы и Бог благоволил за все семя его представить Своего Единородного и возлюбленного Сына в жертву для нашего искупления» (*Св. Ириней Лионский.* Творения. М., 1996, с. 328). Также и Климент Александрийский видит в Исааке несомненный прообраз Господа. См.: *Сидоров А. И.* Начало Александрийской школы: Пантен. Климент Александрийский // Ученые Записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 3, с. 91.

образов Сарры и Агарь, то св. Кирилл, приведя их иносказательное толкование у св. апостола Павла (Гал. 4, 22–26)[248] и высказав свое восхищение этим толкованием (σφόδρα θευμάζειν ἔχων), предлагает и иное толкование: Авраам есть «древний век» (τὸν ἀρχαῖον αἰῶνα) или «старое время» (τὸν γέροντα χρόνον), а Сарра — «естество человеческое», обладающее свободой. Эта природа человеческая долгое время не имела законного и кровного чада, а довольствовалась незаконными детьми слеповатой («мракотствующей» — τῆς σκοτιζομένης) египтянки, — ибо Египет толкуется как «мрак» (σκοτασμὸς), обозначая «лжеименную мудрость мира сего»; данная мудрость и порождала «сынов века» (Лк. 16, 8), служащих ложным богам. Они изгоняются, когда рождается истинный Наследник, т. е. Иисус Христос, прообразовательно указанный (διὰ τύπου μορφούμενον) в образе Исаака. Он стал Отцом многих языков, через веру превратившихся в сонаследников Исаака. В жертвоприношении же Исаака св. Кирилл особенно подчеркивает его добровольное послушание воле Авраама, знаменующее послушание Сына Отцу *«даже до смерти, и смерти крестной»* (Флп. 2, 8). То, что Авраам вместо Исаака принес в жертву овна, означает, согласно святителю, следующее: Господь, будучи по [Своей Божественной] природе бесстрастным (ἀπαθὴς ὢν φύσει), действительно взошел на Крест, но пострадал «храм (т. е. тело), воспринятый от Святой Девы» (ὁ ἐκ τῆς Ἁγίας Παρθένου ναός); тем не менее, Бог Слово усвоил Себе (οἰκειοῦται) это страдание, ибо то было Его, а не кого-либо другого, тело. Умерев за род человеческий, Христос открыл нам путь к воскресению из мертвых, оживотворив нас Святым Духом. — В подобном же тоне выдержано все данное послание. Его можно причислить к тому типу экзегетических (изъяснительных) проповедей, возникновение которых в древнецер-

---

[248] Согласно изъяснению свт. Феофана, «Агарь, раждающая по плоти, есть образ синайского завета, рабской подзаконности, качествующей ныне в Иерусалиме; а Сарра, раждающая по обетованию, есть образ нового Евангельского завета и полной духовной свободы, качествующей в новом Иерусалиме – Церкви Христовой» (Творения иже во святых отца нашего *Феофана Затворника*. Толкование посланий апостола Павла. Послание к Галатам. М., 1996, с. 349)

ковной письменности связано прежде всего с именем Оригена[249]. Развивая этот жанр и усиливая в нем дидактический элемент, святитель обильно насыщает такого рода проповеди свои догматическими рассуждениями. Иногда в его «Пасхальных посланиях» подобного рода рассуждения обретают преобладающее значение, превращая их в почти богословские трактаты.

К таковым, например, можно отнести двенадцатое послание, средоточием которого является учение о Святой Троице[250]. Правая вера, согласно святителю, заключается прежде всего в признании того, что Бог есть Один и Единственный, пребывая над всем и во всем (εἷς ὅτι καὶ μόνος ὁ ἐπὶ πάντων τε καὶ διὰ πάντων ἐστὶ Θεὸς), что Он вечно существует до всякого века и времени. Можно познать только, что Он существует, но чем Он является по природе — непознаваемо (ὅτι μέν ἐστι γινωσκόμενος, τί δὲ κατὰ φύσιν ἐστὶν ἀγνοούμενος), а поэтому человеку не следует исследовать то, что превышает ум и слово. Только верой следует принимать богооткровенное учение о Святой Троице, сущностным и основным началом которого является положение, что Отец — несотворен и нерожден, рождая из Своей сущности сродного и совечного (συμφυᾶ καὶ ἀγένετος) Сына; рождение Сына нельзя сравнивать с каким-либо телесным или тварным рождением, ибо Бог, будучи нетелесным и превосходя пределы человеческой мысли, рождает, не разделяясь, и это рождение недоступно пониманию даже ангельских чинов. Защищая единосущие Отца и Сына против ариан, св. Кирилл использует и категории аристоте-

---

[249] Данный тип пришел частично на смену (а частично и дополнил) нравоучительную проповедь, господствующую до этого в первохристианской литературе. Характерной чертой этого типа изъяснительной гомилии является то, что она представляет собой «толкование Св. Писания, предлагаемое в виде церковного поучения, проповеди. Прежде в Слове Божием искали поучения, обличения, исправления, наставления в праведности (2 Тим. 3, 16); теперь же в нем преимущественно стали искать уже высшего знания, совершенной мудрости. Это обстоятельство должно было дать перевес в церковной проповеди элементу дидактическому над элементом нравоучения, и постепенно превратило ее в изъяснительную гомилию» (*Гроссу Н.* Исторические типы церковной проповеди. Киев, 1910, с. 16–17).

[250] См.: *Cyrille d'Alexandrie.* Lettres festales, t. III, p 17–79

левской логики, но они имеют для него подсобное и вторичное значение, поскольку главной опорой и исходным пунктом всей его аргументации является «простота церковной керигмы» (ἔστιν ἁπλοῦν τῆς Ἐκκλησίας τὸ κήρυγμα). Эта же «керигма» определяет и его христологию, которой также уделяется большое место в «Пасхальных посланиях». Так, в одной из них[251] святитель исходит из того, что Воплощение Бога Слова, хотя и предполагало «кенозис», нисколько не умалило Его Божественной природы. Это Воплощение не означает, что Слово «стало в человеке» (οὐχ ὡς ἐν ἀνθρώπῳ γεγονότα), но что Оно «по естеству стало человеком» (αὐτὸν κατὰ φύσιν γενόμενον ἄνθρωπον). Не означало Воплощение и «трансформации» Слова в естество плоти (οὐκ εἰς τὴν τῆς σαρκὸς φύσιν μετακεχωρηκέναι), но, став совершенным человеком и как бы «смешавшись» (соединившись) со всей [человеческой] природой (ὅλῃ τῇ φύσει συγκεκραμένος)[252], Оно не перестало быть Богом. В «Пасхальных посланиях» имеется и множество других экскурсов в различные области христианской догматики: сотериологии, экклесиологии, эсхатологии и проч. Содержатся в них также элементы апологетики и полемики против язычества и иудаизма.

Естественно, что и область православного нравоучения не остается здесь в небрежении. Как для всех отцов Церкви, для св. Кирилла эта область немыслима вне теснейшей связи ее с догматическим богословием; можно даже сказать, что в его миросозерцании догматика и этика взаимопроникают друг в друга, т. е. что между ними существует глубинный «перихоресис». Одно из «Пасхальных посланий» (десятое) ясно показывает это[253]. Святитель подчеркивает здесь, что Воплощение Бога Слова свершилось для того, чтобы мы, посредством веры во Христа, святого крещения и причастия Святому Духу

---

[251] См.: Ibid., p. 110–114.

[252] Высказывание о «смешении» не предполагает никакого «монофизитского» оттенка, ибо до возникновения монофизитства многие отцы Церкви и древнецерковные писатели употребляли в христологии подобного рода понятия (μῖξις, κρᾶσις), не подразумевающие никакого слияния природ во Христе. Яркий пример тому — св. Григорий Нисский. См.: *Bouchet J.-R.* La vocabulaire de l'union et du rapport des natures chez saint Grégoire de Nysse // Revue Thomiste, t. 68, 1968, p. 541–549.

[253] См.: *Cyrille d'Alexandrie.* Lettres festales, t. III, p. 179–243.

возрожденные «во образ жития» Господа (εἰς τὴν αὐτοῦ πολιτείαν καὶ ζωὴν ἀναμορφούμενοι), засияли вновь как образ Создателя. Христос ради нас победил диавола-фараона и искупил нас Своею кровию из его тирании, выведя из Египта, т.е. из царства греха. Поэтому нельзя нам служить двум господам, ибо Святой Дух соделал нас «сообразными Христу» (συμμόρφους ἡμᾶς ἀποτελοῦντας Χριστῷ). Это предполагает, что мы должны с благим трезвением постоянно трудиться над своим спасением, т. е. совершать всякий вид добродетели и усиленно (εὐτόνως) следовать евангельским заповедям; другими словами, служить только Господу и быть у него в полном послушании. Развивая эту тему в следующем послании[254], св. Кирилл особо акцентирует значение духовной брани в нравственной жизни христианина. Во время поста всякий воин Христов (ὁ Χριστοῦ στρατιώτης) преимущественно должен быть готов к ней – выступить против лукавых сил и плотских страстей, мужественно облачившись во всеоружие духовное (πανтευχίαν τὴν πνευματικὴν). Полчища бесов, которым помогают «законы плотских движений», не должны устрашать его, ибо, облачившись в доспехи чистоты (τοῖς τῆς ἁγνείας ὅπλοις) и подъяв труд подвижничества (τὸν ἐξ ἀσκήσεως πόνον), он способен, с помощью Божией, одолеть «закон греха». Суть христианского подвига св. Кирилл выражает словами апостола Павла: «*не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что́ есть воля Божия, благая, угодная и совершенная*» (Рим. 12, 2). Эти слова апостола означают презрение к миру и его скоропреходящим и тленным благам, т. е. преодоление плотолюбия (φιλοσαρκίας), и стяжание добродетелей, венцом которых является братолюбие или почитание «закона братства по Христу»[255]. – Подобного рода рассуждений много рассеяно в «Пас-

---

[254] Ibid , p 245–311.

[255] В сходном смысле толкует указанное место из Послания к Римлянам и св. Иоанн Златоуст. «Укажешь ли ты на богатство, славу, телесную красоту, удовольствия, на все прочее, что люди считают великим, – все это только образ, а не действительная вещь, явление, – личина, а не какая-либо сущность. Но ты не сообразуйся с этим, говорит (Апостол), а преобразуйся обновлением ума. Он не сказал. преобразуйся наружно, но преобразуйся по существу, показывая этим, что мир имеет наружный только образ, а добродетели принадлежит не наруж-

хальных посланиях» св. Кирилла и в них обнаруживается одна из существенных черт миросозерцания святителя: его нравственное учение глубоко аскетично, а аскетика — глубоко сотериологична. Это еще раз свидетельствует, что он был подлинным учеником и воспитанником нитрийских и скитских старцев. Впрочем, данная черта присуща и миросозерцанию многих других святых отцов, напитанных духовным млеком Предания старцев[256].

Помимо «Пасхальных посланий (проповедей)» сохранились еще и *«Различные проповеди»* (Homiliae diversae), дошедшие до нас как во фрагментарном виде, так и полностью, как в греческом оригинале, так и в переводах на различные древние языки[257]. Рукописная традиция их еще плохо изучена, а подлинность некоторых из них вызывает сомнение[258]. Число их, по крайней мере, более двадцати, а содержание — самое разнообразное. Большой удельный вес среди них занимают проповеди нравственного характера, в которых святитель увещевает свою паству и обличает нравы своего времени. В качестве примера последнего можно привести «Обличительную речь против евнухов» (дошедшую в неполном виде), направленную против добровольных скопцов (кастратов), где св. Кирилл, в

ный, но истинный, существенный образ, который имеет природную красоту и не нуждается во внешнем украшении и формах, одновременно появляющихся и исчезающих, так как все это исчезает прежде, чем появится» (Иже во святых отца нашего *Иоанна Златоустого* Архиепископа Константинопольского Избранные творения. Беседы на *Послание к Римлянам.* М., 1994, с. 752)

[256] См., например, наблюдение С. Л. Епифановича относительно мировоззрения преп. Максима Исповедника: «Между аскетикой и сотериологией преп. Максима существует полное и прямое соотношение. Каждый подвижник по мысли св. Отца как бы представляет собой Христа, божественную сторону которого образует благодать, а человеческую — подражание жизни Спасителя. В силу такого соотношения тайну Воплощения можно созерцать и уяснять при помощи аскетики, и наоборот, аскетику можно построить и развивать на основании тайны Воплощения» (*Епифанович С. Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие М , 1996, с. 134).

[257] См.: *Geerard M.* Op. cit., p. 21–30.

[258] Например, как бы «лоскутным» является текст «Слова об исходе души и Страшном Суде», который представляет собой смесь отдельных фрагментов проповеди св. Кирилла и гомилии, приписываемой его дяде Феофилу Александрийскому Русский перевод этого «лоскутного» текста перепечатан в кн.: *Тьерри А.* Указ. соч., с. 193–205.

частности, говорит: «Будучи мужчинами, эти несчастные делают сие, т. е. усвояют себе свойства женщин, по своему распутству. Ибо, искажая естество без всякой нужды, разве только вследствие похотливости, они, по собственному желанию или вынуждаемые другими, извращают богосозданный и мужеприличный образ, так что становятся гибелью природы и врагами человеческого рода, пятном общества и оскорбителями жизни. Блудодействуя, подобно менандрам, они сверх всякой меры неистовствуют в удовлетворении постыдных страстей, слив жалкую свою жизнь с мерзостным и развратным поведением, сообщая своему лицу двусмысленный и отвратительный вид, показывая лишь фальшивую вывеску (маску). Пусть далеко отстранены они будут от священных мест, пусть будут изгнаны из священных собраний, как гнусные и ненавистные оскорбители Бога»[259]. Довольно часто в рассматриваемых проповедях св. Кирилл изъясняет и отдельные места Священного Писания. Например, в «Беседе на притчу о виноградникe» он толкует данную притчу следующим образом: Домовладыка — это Господь, дом — мир, виноградник — природа человеческая, а делатели виноградника — святые, работающие для спасения людей. Согласно святителю, до десятого часа, т. е. до Пришествия (Воплощения) Единородного, на этом винограднике работали ветхозаветные святые, а в одиннадцатый час Владыка, выйдя и увидя праздностоящих язычников, нанял их. «И вот праздные стали делателями; ибо работает ныне сия Церковь, некогда бывшая праздною; работает лик апостолов, мучеников, подвижников, монашествующих, святых дев, девственников (τῶν ἐγκρατῶν) и живущих в честном браке. И заслуженно взяла сия Церковь один динарий. Так быстро работающий способен за один час сделать то же, что и трудившийся с раннего утра»[260]. Особое место среди «Различных проповедей» св. Кирилла занимают так называемые «Ефесские гомилии» (числом восемь), произнесенные им во время Вселенского Собора. Все они имеют, естественно, резко выраженный антинесторианский характер и излагают преимущественно церковное учение о Лице Господа Иисуса Христа и о Богородице.

Следовательно, проповедническая деятельность св. Кирилла была весьма обширной и плодотворной. Проповеди его

[259] Цит. по: *Миролюбов А.* Указ. соч., с. 239.
[260] См.: Там же, с. 255–257

разнообразны по своему характеру: экзегетические, догматические, нравственно-аскетические и обличительные, но всех их объединяет один существенный момент, присущий вообще древнецерковной гомилетике,— первоочередное внимание к содержанию произносимого слова, а не к форме его. Блаж. Августин, западный современник св. Кирилла, выразил этот существенный момент весьма отчетливо, ибо «первое его требование от проповеди — требование слова полезного и мудрого, требование доброго учения или содержания. О добром и полезном содержании гораздо больше нужно заботиться проповеднику, чем о красноречивом изложении. С мудростью он может удовлетворить своему назначению, хотя бы и не обладал красноречием, а с одним красноречием, без мудрости, т. е. без доброго и полезного содержания,— никогда»[261]. О таком добром и полезном содержании св. Кирилл всегда заботился в своих проповедях. Будучи архипастырем, он постоянно стремился не только наставить свою паству в твердых истинах христианского вероучения и донести до них верное понимание Божиих глаголов, но и оторвать их, хотя бы на краткое время, от суетных житейских попечений, всецело поглощавших их ум и душу и не позволявших им возвести очи сердца к горнему миру. В этом отношении святителя вполне можно сравнить с лучшими представителями древнецерковного проповеднического искусства, например,— со св. Василием Великим[262].

---

[261] *Певницкий В.* Из истории гомилетики. Первая, самая древняя, гомилетика // Труды Киевской Духовной Академии, 1893, № 1, с. 13.

[262] Ср. характеристику его как проповедника: «Он царит своим величием над всеми житейскими мелочами и дрязгами. Строгий аскет, и в мысли, и в слове, и в деле стоящий на высоте христианской истины, он с горечью смотрит на людской муравейник, где каждый что-то делает, к чему-то стремится, не давая себе ясного отчета в своих действиях и не думая о высших задачах своей жизни. Эти-то задачи и старался разъяснить своим чадам святой отец. Их горячую и безответную привязанность к житейскому муравейнику он охлаждал строгим напоминанием о кратковременности земной жизни. В своей беготне и погоне за временными благами, тенями и паутиной, по Василию Великому, люди давят и теснят друг друга, он указывает им на добродетель, как на вечное сокровище духа, не уничтожающееся со смертью, и на обязанность их охранять жизнь друг друга. Они смотрели только на землю, он возводил взор их к небу. С его возвышенной точки зрения ему представлялись все эти мелкие людские

Что же касается собственно «*Посланий*» св. Кирилла, то их сохранилось более 80, как в греческом оригинале, так и в переводах на различные древние языки; дошли они до нас и в полном виде, и во фрагментах; подлинность некоторых из них подвергается сомнению[263]. Подобно эпистолярному наследию прочих святых отцов и древнецерковных писателей, они достаточно разнообразны: здесь и деловые письма, и нравственные увещания и богословские трактаты. Последнего рода послания (о некоторых из них уже упоминалось выше), безусловно, занимают наипервейшее место в общей массе писем святителя. Особое внимание среди них обращает на себя «Второе послание к Несторию», именуемое иногда «Догматическим посланием» (Epistola dogmatica)[264]. По характеристике Т. Лященко, «это послание – одно из лучших произведений св. Кирилла. Оно потом получает всеобщее распространение как самое точное, ясное, краткое и стройное изложение православного учения о Воплощении и о двух естествах в едином Лице Иисуса Христа; оно Ефесским и Халкидонским Соборами признано, как «ἐπιστολὴ κανονική» («правильное, образцовое послание».– *А. С.*)»[265]. Исходным пунктом для святителя здесь, как и в большинстве других случаев, служат «слова святых отцов» и, прежде всего, Никейский символ веры. Высказывание этого символа о Воплощении и Вочеловечивании (σαρκωθῆναι ἐνανθρωπῆσαι) Бога Слова предполагает, согласно св. Кириллу, что «Слово ипостасно соединило с Собой плоть, одушевленную разумной душой (σάρκα ἐψυχωμένην ψυχῇ λογικῇ ἑνώσας ὁ Λόγος ἑαυτῷ καθ᾽ ὑπόστασιν)[266], и неизреченно и непостижимо для нашего

интересы совсем детскими стремлениями, и он, как взрослый, старался разъяснить этим детям, растолковать им, что они заняты совершенно ничтожными вещами» (*Архиепископ Антоний (Вадковский)*. Из истории христианской проповеди. Очерки и исследования. Спб., 1895, с. 131).

[263] См.: *Geerard M*. Op. cit., p. 31–35; *Quasten J*. Op. cit., p. 132–135.

[264] Русский перевод: Деяния Вселенских Соборов, т. I, с. 147–150. Текст: *Cyril of Alexandria*. Select Letters, p. 2–10.

[265] *Лященко Т*. Св. Кирилл, с. 265.

[266] Затруднение в этой фразе вызывает перевод выражения: καθ᾽ ὑπόστασιν. В старом русском переводе оно передается как «в единстве лица», но это неточно, ибо св. Кирилл в христологии своей избегал термина

ума стало человеком; и названо Оно было «Сыном Человеческим» не по причине [соединения] только по воле, благоволению, или вследствие приятия одного только [внешнего] лика [человеческого] (οὐ κατὰ θέλησιν μόνην ἢ εὐδοκίαν, ἀλλ' οὐδὲ ὡς ἐν προσλήψει προσώπου μόνου). Ведь хотя и различны соединенные в истинном единении природы, един Христос и Сын, [состоящий] из них обеих (εἷς δὲ ἐξ ἀμφοῖν Χριστὸς καὶ Υἱός). Это не означает, что в таком единении уничтожены различия природ, но Божество и человечество явили нам единого Господа, Христа и Сына через неизреченное и неизъяснимое единение. Далее св. Кирилл объясняет, что плотское рождение (γεννηθῆναι σαρκικῶς) Слова ради нашего спасения не предполагает, что сначала от Святой Девы родился простой человек (ἄνθρωπος κοινὸς), а затем на него «снизошло» Слово, но смысл этого рождения заключается в том, что Слово, соединившись с плотью в самой утробе Девы, усвоило Себе рождение Своей плоти (τῆς ἰδίας σαρκὸς τὴν γέννησιν οἰκειούμενος). Отстаивает святитель и бесстрастие Божественного естества при крестных муках Господа; однако, поскольку страдало Его собственное тело (τὸ ἴδιον αὐτοῦ σῶμα), то говорится, что Божество претерпело смерть ради нас и «Бесстрастный был в страдающем теле» (ἦν γὰρ ὁ

«лицо»; в английском переводе — «субстанциально» (substantially), что также некорректно модернизирует и искажает смысл выражения. Необходимо учитывать, что для св. Кирилла «ипостасное единение» природ во Христе было тождественно «естественному (природному) единению» (ἕνωσις φυσική), т. е. действительному, истинному и реальному соединению. См.: *Galtier P.* L'«unio secundum Hypostasin» chez Saint Cyrille // Gregorianum, v. 33, 1952, p. 351–398. Подобное словоупотребление св. Кирилла плохо и неверно воспринималось антиохийскими богословами. Как об этом пишет В. В. Болотов, «в Александрии «φυσικῶς» значит: «натурально», «естественно», «действительно», «по истине», «несомненно», и требовать от египтянина, чтобы он отказался от **такого** словоупотребления и не называл **«истинное** единение» привычным «φυσικῶς», было таким же насилием над его диалектом, каким показалось бы нам предложение — выбросить слово «реальный» из философского лексикона. Но антиохийское «φυσικῶς» совсем не имело этой разговорной гибкости и означало: «физически» в строгом техническом смысле» (*Болотов В. В.* Theodoretiana. Отзыв об удостоенном Св. Синодом Макарьевской премии сочинении Н. Н. Глубоковского «Блаженный Феодорит» // Христианское чтение, 1892, ч. II, с. 95).

ἀπαθὴς ἐν τῷ πάσχοντι σώματι)[267]. «Таким образом мы исповедуем Христа единым и Господом, не так будто мы поклоняемся Богу, а вместе с Ним еще и человеку (οὐχ ὡς ἄνθρωπον συμπροσκυνοῦντες τῷ Λόγῳ), ... но поклоняемся единому и Тому же, потому что не чуждо Слову тело Его, с которым Оно седит [одесную] Отца». Наконец, опираясь на святоотеческое Предание (τοὺς ἁγίους πεφρονηκότας πατέρας), св. Кирилл богословски обосновывает употребление титула «Богородица»: это слово употребляется не потому, что от Пречистой Девы получило начало бытия «природа Слова» или Божество, но потому, что от Нее родилось святое тело, одушевленное разумной душой (τοῦ ἁγίου σώματος ψυχωθέντος λογικῶς), ипостасно соединившись с которым, Слово родилось по плоти. Следовательно, в данном послании св. Кирилл кратко и насыщенно формулирует суть своих христологических воззрений, а потому это сочинение можно считать одним из лучших плодов богословской деятельности святителя.

Христология святителя, изложенная в этом сочинении, обогащается рядом новых нюансов в двух «Посланиях к Сукенсу» (епископу Диокесарии в Исаврии), написанных уже после «воссоединения» с «восточными» в 433 г.[268] Здесь он опять подчеркивает, что взгляды его полностью гармонируют с пониманием Домостроительства Спасителя нашего, запечатленным у предшествующих святых отцов (φρονοῦμεν τοίνυν περὶ τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν οἰκονομίας ἅ καὶ οἱ πρὸ ἡμῶν ἅγιοι πατέρες). Именно эта верность Преданию заставляет святителя подчеркивать единство Сына, Господа Иисуса Христа «до и после Воплощения». Однако подобный акцент на единстве Христа

---

[267] Подобного рода высказывания, не предполагающие, естественно, никакого «теопасхизма» (в прямом смысле слова), довольно часто встречаются у св. Кирилла. См.: *Chene J.* Unus de Trinitate passus est // Recherches de Science Religieuse, t. 53, 1965, p. 559–564. Однако, исповедание того, что Бог Слово был единственным «субъектом» Голгофских страданий, является одним из самых существенных моментов антинесторианской полемики св. Кирилла, и данное исповедание оппоненты святителя часто неверно обозначали в качестве «теопасхизма». См.: *Meyendorff J.* New Life in Christ: Salvation in Orthodox Theology // Theological Studies, v. 50, 1989, p. 490.

[268] Текст см.: *Cyril of Alexandria.* Select Letters, p. 70–92.

коренным образом, как говорит св. Кирилл, отличается от аполлинарианства, ибо не подразумевает никакого «слияния» (σύγχυσις ἤτοι σύγκρασις ἤ φυρμὸς) двух природ Его. Ибо хотя Бог Слово и «снизошел в наши пределы» (ἐν τοῖς καθ᾽ἡμᾶς καθίκετο μέτροις), нося «зрак раба», Он, тем не менее, остался и в «вышних областях Божества». Его соединение со святой плотью, одушевленной мыслящей душой, было неслиянным, непреложным и неизменным (ἀσυγχύτως ἀτρέπτως ἀμεταβλήτως – два первых наречия впоследствии вошли в текст Халкидонского вероопределения)[269]. И во исполнение Божиего Домостроительства («домостроительно») один и тот же Господь иногда беседует как человек (ὡς ἄνθρωπος οἰκονομικῶς ἀνθρωπίνης διαλέγεται), а иногда изрекает богоприличные слова властно, как Бог (ὡς Θεὸς μετ᾽ἐξουσίας τῆς θεοπρεποῦς ποιεῖται τοὺς λόγους). Вследствие чего и говорится, что есть две соединившихся природы, но единый Христос. В этой связи св. Кирилл и использует «антропологическую модель» (аналогию), довольно часто встречающуюся у него[270], сравнивая соединение естеств в Господе с единством души и тела в человеке, не нарушаемом наличием инородных естеств (εἷς ἐξ ἀμφοῖν καθ᾽ἕνωσιν ἄνθρωπος). Приводится им и сотериологическое обоснование своих христологических воззрений: поскольку человеческая природа после грехопадения претерпевает тление и над мыслью человеческой тиранически владычествуют плотские

---

[269] Можно отметить, что выражение «неслиянное единение» (ἀσύγχυτος ἕνωσις) встречается и у неоплатоников, обозначающих им, среди прочего, и соединение души с телом. Причем, понятие «единение» (ἕνωσις) и соответствующий глагол (ἑνόω) они тесно сближали с «сочетанием» (συνάφη, συνάπτω). Однако в классическом стоицизме эти понятия достаточно четко различались: συνάφη обозначало более низкий уровень соединения (как бы «соположение»), чем ἕνωσις. Св. Кирилл в данном случае, несомненно, сближался со стоиками, а антиохийцы тяготели скорее к точке зрения неоплатоников (хотя далеко не всегда). Примечательно еще, что «неоплатоническое словоупотребление» наблюдается в триадологии свв. каппадокийских отцов. См.: *Abramowski L.* Drei christologische Untersuchungen. Berlin–N.Y., 1981, S. 63–109.

[270] Подробный анализ использования св Кириллом этой «модели» (в контексте богословско-философских идей его времени) см. в кн.: *Gahbauer F. R.* Das anthropologishe Modell. Ein Beitrag zur Christologie des frühen Kirche bis Chalkedon. Würburg, 1984, S. 348–419.

наслаждения и движения, то одержать победу над ними Богу Слову можно было только «внутри самого тления» (καταργήσῃ μὲν τὴν ἐν αὐτῇ φθοράν), что Он и сделал ради нас, прекратив «болезнь сластолюбия». После Воскресения было само [Его] пострадавшее тело (αὐτὸ τὸ σῶμα τὸ πεπονθός), но оно не содержало в себе никаких человеческих немощей, будучи телом божественным (θεῖον, т. е. обоженным), как «тело Бога», нетленным, святым и животворящим. Во втором послании к Сукенсу св. Кирилл, развивая аналогичные мысли, особое внимание обращает на правильное понимание выражения «одна природа Слова воплощенная» (μία φύσις τοῦ Λόγου σεσαρκωμένη). Это выражение, неоднократно встречающееся в сочинениях святителя (но только в относящихся к периоду несторианских споров), было усвоено им из произведения «Слово о Воплощении», которое, как он считал, принадлежало св. Афанасию Великому; однако, как это было установлено позднее, подлинным автором его являлся Аполлинарий Лаодикийский[271], о котором преп. Викентий Леринский сказал, что «он поистине мог бы сравниться с превосходнейшими строителями (1 Кор. 3, 10) Церкви, если бы только, увлекаясь непотребною страстию к еретической пытливости, не выдумал нечто новое, чем и труды свои осквернил, как бы примесью какой-нибудь проказы, и сделал то, что учение его называлось не столько строением, сколько искушением Церкви»[272]. Данный еретический подлог создал много проблем для адекватного понимания христологии св. Кирилла как во время его жизни, так и в последующие века, когда монофизиты сделали

---

[271] См.: *Lietzmann H.* Apollinarius von Laodicea und seine Schule. Tübingen, 1904, S. 250–253. Церковный писатель VI в. Леонтий Византийский полагал, «что св. Кирилл принимал учение этого сочинения в православном смысле и, доверясь надписанию, bona fide пользовался этим свидетельством, как свидетельством святого отца, а не еретика. Книги Аполлинария, очевидно, уже были пущены в ход под вымышленными именами, когда св. Кирилл выступил на литературно-догматическом поприще, и «Слово о Воплощении»... далеко не было единственным примером, введшим св. Кирилла в ошибку» (*Спасский А.* Аполлинарий Лаодикийский. Историческая судьба сочинений Аполлинария с кратким очерком его жизни. Сергиев Посад, 1895, с. 189).

[272] Напоминание, творение *преподобного Викентия Лиринскаго*, с. 21.

его главной опорой своего лжеучения. Но сам святитель не придавал этой формуле, естественно, никакого еретического оттенка. Как говорит он в указанном послании, она предполагает сохранение свойств каждой из двух соединившихся природ Христа (ἐν ἰδιότητι τῇ κατὰ φύσιν ἑκατέρου μένοντος). Если бы мы говорили «одна природа Слова» без добавления «воплощенная», то еретический смысл присутствовал бы в формуле, но добавление «воплощенная» указывает на полноту человечества Господа (ἡ ἐν ἀνθρωπότητι τελειότης) и тождественно исповеданию того, что Слово стало человеком[273]. Используя опять «антропологическую модель», св. Кирилл вновь акцентирует нераздельность естеств Христа, которые «разделяются только в созерцании» (κατὰ μόνην τὴν θεωρίαν διαιρεῖσθαι), т. е. в акте мышления. Таким образом, приведенные примеры из лучшей части эпистолярного наследия св. Кирилла являют его богословом, стремящимся отсечь еретические крайности несторианства и аполлинарианства и шествовать «средним, царским путем», проторенным до него уже многими отцами Церкви.

Заключение. Общая характеристика св. Кирилла как богослова и церковного мыслителя[274]

Из приведенного обзора творений св. Кирилла (разумеется, далекого от полноты) совершенно очевидно, что альфой и омегой всего его миросозерцания является Священное Писа-

---

[273] Подобного рода православные интерпретации указанной формулы у св. Кирилла заставили одного исследователя засомневаться в общераспространенной точке зрения на него, как на «жертву аполлинаристских подлогов». См.: *Diepen H.* Douze dialogues de christologie ancienne, p. 13–48. Можно еще отметить, что на понимание «одной природы» Христа у св. Кирилла наложило отпечаток и представление о Нем, как Посреднике между Богом и тварным миром (в первую очередь, конечно, миром **человеческим**), соединившем разделенное. См.: *Kuhn R.* Phusis. Ein geschichtliche Beitrag zu ihrem Verständnis in der alten Theologie im Hinblick auf Chalcedon. Freiburg im Breisgau, 1970, S. 166–167.

[274] Следует отметить, что богословие св. Кирилла требует серьезного монографического исследования, которое, разумеется, невозможно в рамках данной вступительной статьи, носящей характер своего рода небольшого «пролога» к изучению творчества и миросозерцания святителя. Мы уповаем на то, что в будущем русские православные ученые подъемлют такой труд серьезного исследования.

ние и Священное Предание. Об этом святитель и сам неоднократно заявляет, говоря, в частности, что, прокладывая путь к Истине (συνωθούμενοι πρὸς ἀλήθειαν), мы должны стараться следовать Священным Писаниям и мнениям отцов[275]. К Писанию он постоянно обращается не только как экзегет в прямом смысле этого слова, но и как догматист, проповедник, духовный наставник и учитель нравственности. Можно сказать, что Священное Писание было для св. Кирилла, как и для всех отцов Церкви, той духовной атмосферой, в которой он постоянно обитал, и той райской пищей, которую он непрестанно вкушал. Вместе со св. Иоанном Златоустом он мог бы изречь: «Подлинно, чтение Божественных Писаний есть духовный луг и рай сладости, рай сладости превосходнейший того рая. Этот рай Бог насадил не на земле, а в душах верующих; этот рай Он поставил не в Эдеме и не ограничил одним местом на Востоке, но распространил по всей земле и распростер до пределов вселенной»[276]. Как бы вратами, вводящими в этот «рай сладости», были творения святых отцов, которые св. Кирилл ревностно изучал, тщательно собирая в них жемчужины духовного опыта и самородки вероучительных истин[277]. К церковному Преданию он относился трепетно, что, например, отчетливо проявляется в его отношении к Никейскому символу: «Решительно терпеть не можем, чтобы кто-нибудь потрясал веру или символ веры, изданный некогда святыми отцами никейскими. И решительно не позволим ни себе, ни кому-нибудь другому изменять хоть одно слово там поставленное, ни пропасть хоть одному слогу»[278].

---

[275] См.: *Cyrille d'Alexandrie*. Deux dialogues christologiques, p. 298.

[276] Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах, т. III, кн. 1. М., 1994, с. 74. Ср. высказывание св. Иринея: «Должно прибегать к Церкви и воспитываться в ее недре и питаться Господними Писаниями. Ибо Церковь надежна (как) рай в этом мире. Посему «от всякого дерева райского можешь вкушать» — говорит Дух Божий, т. е. вкушайте от всякого Писания Господня, но вкушайте не с надменным умом и не прикасайтесь к еретическому разномыслию» (*Св. Ириней Лионский*. Творения, с. 488).

[277] Не случайно один исследователь назвал св. Кирилла «неутомимым собирателем патристических выдержек» (der unermüdliche Sammler patristischer Stellen). См.: *Schermann Th*. Die Geschichte der dogmatischen Florilegien vom V–VIII. Jahrhundert. Leipzig, 1904, S. 17.

[278] Деяния Вселенских Соборов, т. I, с. 543.

Естественно, что, будучи непосредственно причастен обширнейшему и неизмеримому течению всего святоотеческого Предания, разделяющегося на множество рукавов, св. Кирилл тяготел и был особенно привержен родной ему александрийской традиции, в первую очередь богословию своего великого предшественника по кафедре – св. Афанасия[279]. Именно следуя по стопам этого своего предшественника, св. Кирилл и излагает церковное учение о Святой Троице. По точной характеристике отца Георгия Флоровского, для святителя «Троичность Божия есть высшая истина веры, открывающаяся только во Христе и через Христа. В ней существенная новизна христианства. В изложении Троического догмата св. Кирилл исходит из Писания и опирается на отеческое Предание и прежде всего на творения св. Афанасия»[280]. В частности, и «метод аналогии», т. е. метод постижения Божественного бытия посредством бытия тварного, воспринят св. Кириллом во многом от св. Афанасия[281], хотя оба святых отца осознавали его явную недостаточность. В своем учении о Святой Троице («теологии») св. Кирилл как бы подводит итоги тринитарных споров IV в. и, хотя это учение является фундаментом всех его богословских воззрений[282], он не делает здесь «мощ-

---

[279] Впрочем, данную черту мировоззрения св. Кирилла вряд ли следует сугубо акцентировать, как это делает, например, Ж. Либер, считающий святителя «строгим александрийцем», причем «александрийцем IV в.». См.: *Liébaert J.* La doctrine christologique de saint Cyrille, p. 237–240. Этот же ученый излишне подчеркивает, на наш взгляд, зависимость христологических воззрений св. Кирилла от антиарианской полемики св. Афанасия. См.: *Liébaert J.* Christologie von der apostolischen Zeit bis zum Konzil von Chalcedon (451) mit einer biblisch-christologischen Einleitung von *P. Lamarche.* Freiburg–Basel–Wien, 1965, S. 105–106. При всей своей верности александрийской традиции, св. Кирилл был достаточно самостоятельным мыслителем и мог отбирать в этой традиции то, что наиболее полно выражало внутренние интенции его собственного миросозерцания.

[280] *Прот. Георгий Флоровский.* Восточные отцы V–VIII веков, с. 54.

[281] Об этом методе у св. Афанасия см.: *Bouyer L.* L'Incarnation et l'Eglise-Corps du Christ dans la théologie de saint Athanase. Paris, 1947, p. 76.

[282] См., например, характеристику св. Кирилла у В. Н. Лосского: «Это чистое богословие, богословие Святой Троицы, где нет никакого места Богу философов, Единому (ἕν) неоплатонизма, духовной монаде» (*Лосский В. Н.* Боговидение. М., 1995, с. 68).

ного прорыва» в осмыслении конечным человеческим разумом бесконечного и великого Таинства внутритроичной жизни Божества, какой, например, сделали свв. каппадокийские отцы, или позднее преп. Максим Исповедник и св. Григорий Палама.

Основное внимание св. Кирилла, как богослова, сосредоточивается на таинстве Домостроительства Божиего о человеке. Поэтому его миросозерцание целиком и полностью сотериологично — свойство, присущее мировоззрению большинства отцов Церкви, но для св. Кирилла характерное в высшей степени. Именно оно и сделало святителя «глашатаем Православия» в период несторианских споров, имевших, помимо всего прочего, и глубинную «сотериологическую подоплеку»[283].

---

[283] См. на сей счет следующее рассуждение: «В истории уяснения взаимоотношения двух природ в Лице Иисуса Христа — божеской и человеческой замечается два течения: церковное, с проповедью *о самоуничижении* Божества, и философское, с проповедью *о самовозвышении* человека до состояния полного обожествления. Казалось бы, что в целях нравственных нет ничего лучше объяснять жизнь Христа Спасителя в смысле постепенного перехода от одной ступени совершенства к другой. Думалось бы, что те ступени совершенства Христа, какие отмечает в Его жизни несторианство: соединение Логоса с человеком Иисусом по благоволению при зачатии, соединение по усыновлению при крещении и соединение по действию после Воскресения, объясняя собою жизнь Христа, вместе начертывают хороший образец для нравственного поведения христиан. Между тем Церковь, не отрицая того положения, что спасение христиан совершается постепенно, путем восхождения от одной лествицы совершенства к другой, однако совсем отвергает подобный образ совершенства в Основателе христианства — в Лице Иисуса Христа, утверждая вместо этого постепенное проявление в Нем совершенного Божества, согласно законам развития совершенного человеческого организма. Церковь учит не о постепенном приобретении Христом божественных святости и ведения, а лишь о постепенном обнаружении их во Христе, обусловленном органическим развитием человечества Христа. Вследствие этого не требуется особых усилий, чтобы понять, почему несторианская христология подверглась отвержению со стороны исповедников церковной христологии. Конечно потому, что несторианская христология в корне подрывала истинно христианскую идею спасения, явленную во Христе. Ведь несомненно, что несторианское объяснение жизни Христа в основе своей опирается на *самодеятельность* Христа, как человека. Таинство Воплощения несторианство поняло в смысле не богоснисхождения, а *самовозвышения* человека до состояния обожествления. Поняв Воплощение в смысле *само-*

Исходя из представления о Боге как о единственном Подателе Жизни[284], он неоднократно подчеркивает, что для человека разрыв связи с Жизнедавцем неминуемо влечет гибель, духовную и телесную. *Трагедия грехопадения и заключалась* прежде всего в добровольном разрыве со стороны человека этой связи с Богом, в его «отвращении» (ἀποστροφή) от Бога[285]. *Следствием этого действия* человека были смерть и тление, а также лишение Святого Духа, изначала оформившего человека по образу Божию. Подобно другим греческим отцам Церкви (но в отличие от тех западных богословов, которые следовали за блаж. Августином), для св. Кирилла грех Адама был не «грехом природы», а его личным грехом[286]; однако, этот

возвышения человека до состояния обожествления, оно затем Домостроительство нашего спасения в Лице Иисуса Христа истолковало в смысле *заслуги*, достигаемой самим человеком, путем своей самодеятельности. Следовательно, в основе своей несторианство низвело источник спасения *к человеку*, т. е. *к твари*. Но положение, что *тварь спасает* людей, это такой диссонанс, какого не может выносить «слух кафолический», руководящийся проповедью Евангелия» (*Пономарев П. П.* О спасении. Вып. 1. Казань, 1917, с. 205–206).

[284] Например, в «Толковании на пророка Осию» святитель говорит: «У Бога следует просить потребного для жизни и Его почитать Подателем и Устроителем всякого нашего преуспеяния телесного и духовного, потому что кроме Него нет иного, *иже дождит*, по написанному (Иер. 14, 12), по Его мановениям и на полях произрастает все сообразно времени года, и мы исполняемся вышним благословением, питаясь хлебом духовным и получая вино небесное, веселящее *сердце человека* (Пс. 103, 15)» (IX, 223–224).

[285] Подробный анализ сотериологии св. Кирилла см. в кн.: *Meunier B.* Le Christ de Cyrille d'Alexandrie. L'humanité, le salut et la question monophysite. Paris, 1997, p. 27–98.

[286] См.: *Tsirpanlis C. N.* Introduction to Eastern Patristic Thought and Orthodox Theology. Collegville, 1991, p. 52. Сам блаж. Августин для подкрепления своего учения иногда ссылался на восточных отцов, но в приводимых им «суждениях их нет ни малейшего намека на переход первого греха Адама на всех людей, хотя мысль об общем тлении (φθορά) всех в Адаме выражена у них со всею определенностию. Правда, у них можно встретить выражения в том смысле, что все люди рождаются под грехом Адама или под клятвой Адама, но грех, ἁμαρτία, они, согласно учению ап. Павла, *понимали в смысле совокупности* всех тех бедствий, духовных и телесных, которым подвергся весь род человеческий вследствие падения прародителей. Так, св. Кирилл Александрийский учит, что все «мы сделались общниками преступления Адама» (τῆς ἐκ Ἀδὰμ

личный грех повлек за собой повреждение всего естества человеческого: вся природа занедужила грехом чрез преслушание одного (νενόσηκεν οὖν ἡ φύσις τὴν ἁμαρτίαν διὰ παρακοῆς τοῦ ἑνός). Впрочем, грех не сделал человека «не-человеком» и не лишил его полностью разума и Боговедения (θεοπτία)[287], ибо, как говорит сам святитель, грех лишь «затмил красоту боговидного образа» (τῆς θεοειδοῦς εἰκόνος τὸ κάλλος) и сатана замарал грязью сияние лика человечества[288]. Сам человек не был способен вернуть себе прежнее достоинство и славу, а поэтому и потребовался искупительный подвиг Господа Иисуса Христа. Поэтому, согласно св. Кириллу, «дело нашего искупления не состоялось бы, если бы Слово не стало плотию; если Он не умер, то и не воскрес. Принятие смертной плоти Предвечным Словом истолковано Кириллом вполне реально. Соединившись с плотью, «Слово изливает на нее (плоть) сияние собственной славы». В чудесном обмене плоть получает жизнь, славу, неразрушимость Божественной природы, она «исцеляется животворящей силой Логоса». Целью обмена является наше спасение: «Слово должно обладать тем, что наше, чтобы дать то, что Его». Когда Христос восприняял нашу плоть, Он в известном смысле соединил Себя со всем человечеством. Чрез Его плоть мы все вошли в родственные отношения (συγγένειαν) с Ним, и благодаря этому родству для всех нас вновь открылся путь к «славе детей Божиих» (Рим. 8, 21), к которой мы и были предназначены изначально»[289].

На этих сотериологических постулатах и зиждется вся христология св. Кирилла, которая, как это можно отметить,

---

παραβάσεως γεγόναμεν κοινωνοί), но он же ясно утверждает, что «Адам перенес на своих потомков проклятие не потому, что мы как бы нарушили с ним заповедь, но потому, что он стал смертным». Эти суждения восточных отцов о том, что все люди рождаются с ἁμαρτία, т. е. грехом или греховностию, подражательное западное богословие поняло превратно и, наконец, в лице Августина совершенно исказило, начав учить о переходе на всех именно первого греха Адамова; но... такой мысли не высказывал ни один из восточных отцов, как не встречаем ее и в Писании» (*Кремлевский А.* Первородный грех по учению блаж. Августина Иппонскаго. Спб., 1902, с. 121).

[287] См.: *Burghardt W. J.* Op. cit., p. 143–148.

[288] См.: *Cyril of Alexandria.* Select Letters, p. 160.

[289] *Шёнборн К.* Икона Христа. Богословские основы. Милан–М., 1999, с. 85.

оценивается учеными и богословами самым различным образом. Иногда в святителе видят яркого представителя «христологии сверху», которой присуща динамика движения от горнего мира к дольнему и в которой преобладающее значение обретает представление о «кенозисе» Бога Слова[290]. Порой св. Кирилла определяют в качестве выразителя христологии типа «Логос-плоть», наиболее характерной для александрийской богословской традиции и противостоящей христологии типа «Логос-человек», более присущей антиохийцам, хотя и отмечается, что христологические воззрения святителя претерпели определенную эволюцию в сторону сближения с позицией антиохийцев[291]. Отец Георгий Флоровский крайности двух направлений в древнецерковной христологии обозначил как опасность «антропологического максимализма» (антиохийское богословие) и опасность «антропологического минимализма» (александрийское богословие)[292]. Развивая его мысли, отец Иоанн Мейендорф замечает, что у св. Кирилла «не было терминов, которые могли отклонить все подозрения в аполлинарианстве и сделать его учение приемлемым для всей Церкви. Его порывистый ум не обладал той спокойной ясностью, с которой за пятьдесят лет до того великие каппадокийцы освободили от словесной путаницы арианские споры и заново сформулировали Никейскую веру в выражениях, приемлемых для большей части восточного епископата. Будучи верен богословской системе св. Афанасия, ... св. Кирилл не мог или не желал воспользоваться каппадокийскими определениями по-

---

[290] См.: *Hebart F.* Zur Struktur der altchristlichen Christologie. Studien zur Vorgeschichte des Chalcedonense. Heidelberg, 1973, S. 535–589.

[291] См.: *Grillmeier A.* Christ in Christian Tradition, v. 1, p. 414–417, 473–483. Критику этой точки зрения А. Гриллмайера с особым акцентом на том факте, что в александрийской традиции (прежде всего – у свв. Афанасия и Кирилла) понятие «плоть» обычно было тождественным термину «человек», см. в работе: *Welch L. J.* Logos-Sarx? Sarx and the Soul in the Early Thought of Cyril of Alexandria // St. Vladimir's Theological Quarterly, v. 38, 1994, p. 271–292. См. также критические замечания по поводу неадекватности и грубости разделения древнецерковной христологии на два указанных типа («Логос-плоть» и «Логос-человек») в кн.: *Diepen H. M.* Aux origines de l'anthropologie de saint Cyrille d'Alexandrie. Paris, 1957, p. 11–27.

[292] См.: *Прот. Георгий Флоровский.* Восточные отцы V–VIII веков, с. 6–7.

нятий φύσις, οὐσία ὠ ὑπόστασις в отношении к христологии. Этот шаг предстояло сделать Халкидонскому Собору, существенной заслугой которого является изложение учения св. Кирилла на богословски точном и понятном для антиохийских богословов языке»[293].

Все эти суждения содержат в себе, вне сомнения, тот или иной момент истины, но не содержат ее всю в полноте. Оценивая христологию святителя, следует, как думается, избежать невольной «гордыньки карликов, стоящих на плечах гигантов» и подчеркивающих, что они видят лучше и дальше, чем сами гиганты. Главное, что необходимо акцентировать, так это точность и верность основной богословской интуиции св. Кирилла. Восставая против крайности антиохийской христологии, выразившейся в несторианстве, он не менее ясно чувствовал и опасность противоположной крайности (хотя временами она ему казалась не столь серьезной, как первая), а потому аполлинарианство или позднейшее монофизитство были столь же чужды миросозерцанию святителя, как и несторианство[294]. Стремясь идти «средним и царским путем», св. Кирилл безусловно пытался наиболее точно постигнуть способ соединения природ в едином Богочеловеке[295]. Однако перед великой и непостижимой тайной Воплощения Бога Слова и Искупления дерзновение человеческой мысли дóлжно быть сдержано в своем, часто излишне смелом, полете. Св. Кирилл как бы «чутьем православного сердца» ощущал это подобно прочим святым отцам. Ибо «в объяснение искупительного подвига Христа Спасителя святые отцы, следуя новозаветным священным писателям, прежде всего и чаще всего и ука-

---

[293] *Meyendorff J.* Christ in Eastern Christian Thought. Washington, 1969, p. 10.

[294] Относительно несходства фундаментальных интуиций св. Кирилла и аполлинаристов см.: *Joussard G.* Un problème d'anthropologie et christologie chez saint Cyrille d'Alexandrie // Recherches de Sciences Religieuse, t. 43, 1955, p. 370. О существенном различии христологии святителя и монофизитов см. наблюдения в работе: *Simonetti M.* Alcune osservazioni sul monofisismo di Cirillo di Alessandria // Augustinianum, v. 22, 1982, p. 493–511.

[295] Не случайно проблему «модуса» соединения естеств во Христе иногда называют «ядром» и «средоточием» христологии св. Кирилла. См.: *Rehrmann A.* Die Christologie des hl. Cyrillus von Alexandrien. Hildesheim, 1902, S. 302.

зывают на... *самый факт усвоения* Сыном Божиим всего свойственного плоти и на его необходимость по существу и ходу Божественного Домостроительства, не вдаваясь в рациональные обоснования его. Указать прежде всего, что данное переживание или свойство человеческой природы *действительно* было усвоено воплотившимся Сыном Божиим, стало по Его добровольному желанию *действительно собственным* Ему, и указать *почему, для чего* это усвоение совершено – это и значит, по мысли святых отцов, утвердить и обосновать неизреченное, таинственное соединение в одном Лице всецелой Божеской беспредельности и реального подчинения всем условиям человеческого существования. Большего разум человеческий и сделать ничего не может, так как спрашивать о внутренней, метафизической возможности явленного в Иисусе Христе миру чуда, это значило бы посягать на низведение его в ряд естественных явлений»[296]. Флуктуации христологической терминологии св. Кирилла в первую очередь связаны, на наш взгляд, с тем, что он сердцем чувствовал и, скорее всего, осознавал умом эту великую тайну Искупления – центральный нерв всей христианской догматики (тайну, само собою разумеется, неразрывно сопряженную с тайной Воплощения). Святитель отнюдь не был «богословом-теоретиком»[297], ибо все его миросозерцание, в глубинной основе своей, целиком и полностью «мистично», как и миросозерцание других отцов Церкви. Будь он «теоретиком», ему, наверное, не составляло бы большого труда перенести «каппадокийский понятийный аппарат» из области триадологии в область христологии. Возможно, именно кажущаяся лег-

---

[296] *Чекановский А.* Искупительный подвиг Христа Спасителя с точки зрения церковного учения о Лице Его // Труды Императорской Киевской Духовной Академии. 1913, т. III, с. 15–16.

[297] См., например, суждение: «Формула: «бого-оплотворение», которой мы обозначили сущность христианства, подсказана нам не чтением св. отцов-теоретиков, из которых некоторые, как св. Кирилл Александрийский, были типичными «кенотиками», а *мистиками* с характерным для них опытно-динамическим богопознанием» (*Туберовский А.* Воскресение Христово. (Опыт мистической идеологии пасхального догмата). СПб., 1998, с. 224). Вообще можно отметить, что противопоставление «отцов-мистиков» и «отцов-теоретиков» представляется очень натянутым и далеко стоящим от реалий святоотеческого богословия.

кость такого перенесения и останавливала святителя, ум которого благоговейно трепетал перед тайной Воплощения и Искупления[298]. Не исключена возможность и того, что он остерегался подобного перенесения, ибо опасался, что оно может каким-либо образом нарушить тонкое равновесие между «теологией», т. е. учением о Боге в Самом Себе, и «икономией», т. е. учением о Домостроительстве Божием по отношению к твари. Во всяком случае, святитель, как кажется, интуитивно чувствовал, что «терминологический баланс» между учением о Святой Троице и учением о Лице Господа Иисуса Христа может быть лишь плодом усиленной работы **соборного сознания Церкви** (каковым и была, в конечном итоге, терминология свв. каппадокийских отцов), требующей для себя достаточно продолжительного времени и появляющейся на свет Божий, как правило, в муках рождения. Но что не подлежит сомнению, так это факт активного участия св. Кирилла в данной работе соборного церковного сознания. Халкидонское вероопределение и все последующее развитие православной христологии были бы немыслимыми без его великих усилий и напряженного богословского труда.

Органичным следствием христологических воззрений св. Кирилла являлось его учение об обожении, предполагающее и активную роль самого человека, т. е. «синэргию»[299]. Данное

---

[298] См. замечание одного исследователя, что для св. Кирилла, как и для всех представителей Александрийской школы, Воплощение было «высшей тайной» (a supreme mystery): *Sellers R. V.* Tow Ancient Christologies. A Study in the Christological Thought of Schools of Alexandria and Antioch in the Early History of Christian Doctrine. London, 1940, p. 85. Поскольку же эта тайна немыслима без другой — тайны Искупления, то и последняя принадлежала в глазах святителя к тайнам сокровеннейшим.

[299] См. суждение: «Если принять во внимание единственную в своем роде роль, которую в деле Искупления играет плоть Христова, то правомерно заключить, что Кирилл Александрийский никак не мог приписать плоти Христовой низшей роли, чем та, которой в своем собственном обожении человек достоин. А человечество Христа, понятое как пассивный инструмент, было бы человеческой природы, предназначенной к сотрудничеству в спасении, как раз недостойно. Но Христос принял на Себя и усвоил Себе человеко-бытие в своей реальности. Правда, человечество Христа, чрез соединение с Логосом, по естеству обладает достоинством, которого мы можем достигнуть только посредством благодати и добро-

учение, как бы «выросшее» из Священного Писания, восходит к самым истокам святоотеческого богословия, различным образом преломляясь сквозь призмы миросозерцаний отдельных отцов Церкви и древнецерковных писателей[300]. Одним из наиболее ярких первых выразителей идеи обожения был св. Ириней Лионский, но она также обрела полные «права гражданства» и в александрийском богословии с самого возникновения этого течения: пример тому – Климент Александрийский[301]. Наиболее рельефно и полно развил данную идею в своих творениях св. Афанасий, знаменитая сотериологическая формула которого («Бог стал человеком, чтобы человек стал богом») является ключом не только к его учению о спасении, но и ко всей православной сотериологии. Исходя из предшествующего Предания, «перемену, происходящую в природе искупленных, св. Афанасий обыкновенно называет обожением человека, и в этом, между прочим, состоит одна из черт отличия терминологии св. Афанасия от богословского языка св. Иринея. Выражение «обожение» искупленных во Христе относится к наиболее частым в сочинениях Афанасия»[302]. Вполне единомысленен с александрийским столпом Церкви и св. Григорий Богослов, который, полемизируя против ариан, говорит, что при Воплощении Божество восприняло человеческую «дебелость» (παχύτητα), став посредством ума (διὰ μέσου νοὸς) общаться с плотью; и дольний человек стал Богом (γενόμενος ἄνθρωπος ὁ κάτω Θεός), поскольку соединился (букв. «смешался» – συνανεκράθη) с Богом, сделавшись с ним единым. «Потому что победило лучшее, чтобы

детели; но ни в Нем, ни в нас из-за обожения человеческая природа не «расчеловечивается». Ставшее «плотью Божией» человечество Христа не только остается человеческим, оно в полноте становится тем, что есть цель всего человеко-бытия, – совершенным образом Божиим. Кириллово учение об обожении тем самым оказывается важным дополнением к его христологии» (*Шёнборн К*. Указ. соч , с. 99).

[300] Довольно точный обзор этих «преломлений» в древнецерковном богословии первых пяти веков и выделение главных типов их см. в кн.: *Turner H. E. W.* The Patristic Doctrine of Redemption. A Study of the Development of Doctrine during the First Five Centuries. London, 1952, p. 70–95.

[301] См.: *Сидоров А. И*. Начало Александрийской школы: Пантен. Климент Александрийский, с. 121.

[302] *Попов И. В*. Религиозный идеал святаго Афанасия Александрийскаго. Сергиев Посад, 1904, с. 49.

и мне быть богом, поскольку Он стал человеком»[303]. Но это таким образом выраженное учение об обожении плохо воспринималось антиохийскими богословами с их представлением об определенной «автономии» человечества Христа[304]. Ибо идея обожения требовала признать «в Искупителе самое тесное и нерасторжимое соединение двух природ, так как только при этом предположении можно было говорить о передаче божественных свойств человеческой природе. Вот почему учение Нестория о нравственном соединении Сына Божия с человеком Иисусом встретило такое единодушное осуждение со стороны Церкви»[305]. Само собою разумеется, что для св. Кирилла, целиком и полностью укорененного, как не раз подчеркивалось, в александрийской традиции, мысль об обожении являлась органичной и глубоко созвучной всему настрою его миросозерцания. Исходной идеей святителя при этом является представление о «возглавлении» (ἀνακεφαλαίωσις) Христом всего рода человеческого — представление, намеченное св. апостолом Павлом и развитое свв. Иринеем и Афанасием[306]. Это «возглавление» св. Кирилл называет «истинной и наиболее главной (родовой) причиной Вочеловечивания Единородного» (ἀληθῆ καὶ γενικωτάτην αἰτίαν τῆς ἐνανθρωπήσεως

---

303 См.: *Gregoire de Nazianze*. Discours 27–31 (Discours théologiques). Ed. par *P. Gallay* // Sources chrétiennes, N 250. Paris, 1978, p. 218. Это высказывание св. Григория признается классической формулировкой того, что впоследствии получило название «физического учения о спасении». См.: *Schonborn Ch.* Über die richtige Fassung des dogmatischen Begriffs der Vergöttlichung des Menschen // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie, Bd. 34, 1987, S. 31–32.

304 См.: *Meyendorff J.* Initiation a la théologie byzantine. L'histoire et la doctrine. Paris, 1975, p. 46.

305 *Попов И. В.* Идея обожения в древне-восточной Церкви. М., 1909, с. 18.

306 См.: *Meunier B.* Op. cit., p. 108–112; *Cyrille d'Alexandrie*. Deux dialogues christologiques, p. 90–91. Уже у св. Иринея данное представление (recapitulatio) было неразрывно связано с идеей обожения, ибо он предполагает, что «спасение основывается на том, что Божество не нравственно только, но реально, существенно, самой природой Своей и как бы физически соединяется с телом и душой человека и производит в них полное и всестороннее обновление, но не нравственное только, а физическое» (*Попов И. В.* Религиозный идеал святаго Афанасия Александрийскаго, с. 14).

τοῦ Μονογενοῦς). Оно предполагает и физическое, и нравственное, и духовное возрождение человечества, искупленного честной кровью Спасителя и как бы начинающего с нуля свое новое бытие. Естественным следствием этого является обожение, для обозначения которого св. Кирилл, подобно Клименту Александрийскому и св. Афанасию, часто использует глагол θεοποιέω. В обожении участвуют все три Лица Святой Троицы, или, как говорит святитель, Бог, через Дух (διὰ Πνεύματος), творит в святых душах причастие (μέθεξιν) Своим свойствам, благодаря чему мы становимся сообразными природному Сыну Божиему (σύμμορφοι γεγονότες τῷ κατὰ φύσιν Υἱῷ) и, соответственно Ему, называемся богами и сынами Божиими[307].

Естественно, что обожение, начинающееся в здешней жизни и завершающееся в будущем веке, св. Кирилл не мыслил вне Церкви и ее таинств. Церковь, прообразом которой являлась ветхозаветная скиния, была устроена для нас Самим Спасителем (ἣν αὐτὸς ἡμῖν ὁ Σωτὴρ διεπήξατο), когда прошли древние времена с их господством смерти и греха, для того, чтобы мы преобразились в новую жизнь и *«совлеклись ветхого человека»* (Кол. 3, 9)[308]. Это преображение и обновление ветхого человека совершается, согласно святителю, прежде всего в

[307] См.: *Cyrille d'Alexandrie.* Dialogues sur la Trinité, t. III, p. 180. См. на сей счет богословски точное рассуждение В. Н. Лосского: «Искупительный подвиг Христа есть необходимое условие для обожения, совершаемого действием Святого Духа. Но, с другой стороны, можно сказать, что дело Духа Святого, в свою очередь, подчинено делу Сына, ибо, только принимая Духа, могут человеческие личности с полным сознанием свидетельствовать о Божестве Христа. Сын стал подобен нам через Воплощение; мы становимся подобными Ему через обожение, приобщаясь к Божеству во Святом Духе, Который Его сообщает *каждой* человеческой личности в отдельности. Искупительный подвиг Сына относится к нашей природе; обожение, совершаемое Духом Святым, предназначается для наших личностей. Но оба эти действия нераздельны, немыслимы одно без другого, ибо они взаимно обуславливают друг друга, присутствуют одно в другом, являясь в конечном счете, единым Домостроительством Пресвятой Троицы, совершаемым двумя Божественными Лицами, посланными Отцом в мир. Это двойное Домостроительство Слова и Утешителя имеет целью соединение твари с Богом» (*Лосский В. Н.* По образу и подобию. М., 1995, с. 105).

[308] *Cyrille d'Alexandrie.* Lettres festales, t. III, p. 228–230.

таинстве крещения. Ибо «сила и действие Святого Духа, очищающего нас в крещении, подобно огню, истребляет скверны греховные. Крещение служит дверью к оправданию, которого не давал закон»[309]. Это таинство св. Кирилл считает как бы обручением человечества Христу, Духовному Жениху. Поскольку человек состоит из двух начал: чувственного, т. е. тела, и духовного («умного»), т. е. души, то в этом таинстве Святым Духом и освященной водой преображаются оба эти начала. Крещение святитель рассматривает как абсолютно необходимое условие для другого таинства — Евхаристии[310]. На последнее св. Кирилл обращал особое внимание, тем более, что в ходе несторианских споров между ним и антиохийскими богословами (в частности, блаж. Феодоритом) наметились серьезные расхождения в этом плане: по наблюдению одного исследователя, св. Кирилл основывал свою христологию на учении об Евхаристии, чего не делал блаж. Феодорит[311]. Можно несколько откорректировать данное суждение: связь между христологическими воззрениями святителя и его учением об Евхаристии была обоюдная. Согласно его учению, Евхаристия свершается для того, чтобы и телесно (а не только духовно) вселять в нас Христа причастием и общением Святой Его Плоти. Это причастие — природное, а не по одному только душевному расположению. Подобно тому, как один кусок воска, расплавленный на огне, соединяется с другим расплавленным куском воска в одно целое, так и через приобщение Тела и Честной Крови Господа мы соединяемся с Ним, а Он — с нами (XIV, 323–326)[312]. Поэтому, соответственно св. Кириллу, «Евхаристия есть жертва не духовная только, но и мате-

---

[309] *Миролюбов А.* Указ. соч., с. 230.

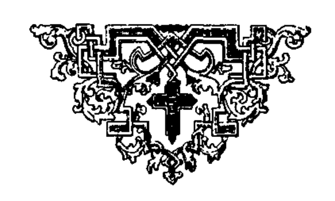
[310] О теснейшей связи обоих таинств в богословии св. Кирилла см.: *Gebremedhin E.* Life-Giving Blessing. An Inquiry into Eucharistic Doctrine of Cyril of Alexandria. Uppsala, 1977, p. 103–105.

[311] См.: *Pelikan J.* The Christian Doctrine of Tradition. A History of the Development of Doctrine, v.1. The Emergence of the Catholic Tradition (100–600). Chicago–London, 1971, p. 236–238.

[312] В одной из своих проповедей св. Кирилл увещевает паству: «Восприимем Тело Самой Жизни, которая ради нас обитала в нашем теле (Ин. 1, 14), и будем пить Святую Кровь Его во оставление наших прегрешений и в участие в Его бессмертии, веруя, что Сам Он пребывает в нас Иереем и Жертвой, Сам приносящий и приносимый и приемлемый и раздаяемый» (*Миролюбов А.* Указ. соч., с. 300).

риальная», вследствие чего и «верующие, причащаясь этой жертвы, причащаются Христа не духовно только, но и телесно»[313]. Следовательно, учение о Церкви и ее таинствах увенчивает собой христологию и сотериологию святителя.

Таковы, на наш взгляд, наиболее существенные моменты миросозерцания святителя. Как церковный мыслитель, он оказал мощное влияние на все последующее христианское богословие[314]. За его наследие позднее развернулась самая упорная борьба между православными и монофизитами, и в этой борьбе победа осталась совсем не за монофизитами, урезавшими многомерный универсум миросозерцания святителя и проецировавшими эту многомерность на одномерную плоскость вырванных из контекста формул. А поэтому в целом «св. Кирилл является печатью, которою закончились труды классического периода святоотеческой письменности, и печатью Истины и Православия, которою утверждаются и проверяются труды дальнейших работников на ниве богословской»[315].



---

[313] *Пономарев П.* Учение св. Кирилла, архиепископа Александрийского, об Евхаристии // Православный собеседник, 1903, ч. I, с. 734.

[314] Об этом влиянии св. Кирилла см.: *Gebremedhin E.* Op. cit., p. 24–26.

[315] *Лященко Т.* Значение св. Кирилла Александрийскаго в истории христианского богословия // Киево-Могилянский Сборник в честь протоиерея Димитрия Ивановича Богдашевского. Киев, 1913, с. 615.

ТВОРЕНИЯ

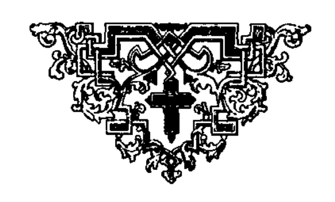
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО

КИРИЛЛА

АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

О ПОКЛОНЕНИИ И СЛУЖЕНИИ В ДУХЕ И ИСТИНЕ

ЧАСТЬ I



Печатается по изданию:
Творения святого Кирилла Александрийского. Ч. 1–2. О поклонении и служении в духе и истине // Творения святых Отцев в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной академии. Т. 48–49. М., 1880–1882.

КНИГА ПЕРВАЯ

О совращении человека в порочность и о пленении грехом, а вместе о призвании и обращении через покаяние и о возвращении к лучшему

Спрашивать, куда и откуда, считаю излишним: потому что хорошо знаю, что ты, нимало не медля, сказал бы, что из дому и к нам,

Палладий. Правда.

Кирилл. А что это за книжица у тебя в руках?

П. Книга Евангельская, писание Матфея и Иоанна.

К. Но разве ты думаешь, что ее надобно носить везде и ко всякому? Ведь, вышедши из дому, на дороге ты не станешь изучать ее, Палладий. Занятия этим более приятны дома и на досуге.

П. Хорошо говоришь. Но я пришел побеседовать с тобою. Несу и священную книгу; потому что, сколько я ни делал усилий, не знаю, что и придумать касательного того, что хотел показать Господь наш Иисус Христос, говоря у Матфея: *да не мните, яко приидох разорити закон, или пророки: не приидох разорити, но исполнити: аминь бо глаголю вам: дондеже прейдет небо и земля, иота единa, или единa черта не прейдет от закона, дондеже вся будут* (Мф. 5, 17 и 18), а в писании Иоанна говоря жене самарянской: *жено, веру Ми ими, яко грядет час, егда ни в горе сей, ни во Иерусалимех поклонитеся Отцу. Вы кланяетеся, егоже не весте: мы кланяемся, егоже вемы: яко спасение от иудей есть. Но грядет час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною: ибо Отец таковых ищет покланяющихся Ему. Дух есть Бог: и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися* (Ин. 4, 21–24).

К. Что же кажется тебе трудным в этих словах, что — глубоким и неудобопостижимым? Скажи, прошу тебя.

П. Священное слово повелевает нам удаляться от древних обрядов и отказаться от правды законной. Желающим ее и после принятия веры Павел сказал: *упразднистеся от Христа, иже законом оправдаетеся, от благодати отпадосте. Мы бо духом от веры упования правды ждем* (Гал. 5, 4 и 5). И еще, несмотря на то, что указал в себе самом блистательные и великие преимущества, относящиеся к жизни по закону, говорит: *яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету. Но убо вменяю вся тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа моего, его же ради всех отщетихся, и вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу и обрящуся в нем, не имый моея правды, яже от закона, но яже верою Иисус Христовою, сущую от Бога правду в вере* (Флп. 3, 7–9). А что древняя заповедь не безукоризненна — это он ясно утверждал; по сему-то и говорит, что вместо нее с пользою преподана нам заповедь чрез Христа и новая, то есть евангельская. Пишет же он так: *отлагание убо бывает прежде бывшия заповеди за немощное ея и неполезное: ничтоже бо совершил закон: привведение же есть лучшему упованию, имже приближаемся к Богу* (Евр. 7, 18–19). И еще: *Аще бо бы первый он непорочен был, не бы второму искалося место. Укоряя бо их глаголет: се дние грядут, глаголет Господь, и совершу на дом Израилев, и на дом Иудов завет нов: не по завету, егоже сотворих отцем их в день, в оньже емшу ми их за руку, извести их от земли Египетския: зане тии не пребыша в завете Моем, и Аз нерадих о них, глаголет Господь. Яко сей завет, его же завещаю дому Израилеву по онех днех, глаголет Господь, дая законы Моя в мысли их и на сердцах их напишу их* (Евр. 8, 7–10). Далее, превосходно понимая и объясняя название нового, говорит: *внегда же глаголет, нов, обветши перваго: а обветшавающее и состаревающееся близ есть истления* (8, 13). Итак, если закон ничего не совершил и произошло отменение древней заповеди и привнесение позднейшей, сближающей нас с Богом, то почему же Спаситель говорит: *не приидох разорити* закон, *но исполнити* (Мф. 5, 17),— и что *духом и истиною достоит кланятися* Богу и Отцу (Ин. 4, 24)? Последнее изречение, думаю, показывает, что нам должно оставить обряды и служение по закону.

К. В какое обширное море вопросов пускаешься ты! Какой ум достаточен для того, чтобы ясно понять такие тонкие умозрения, так, чтобы показать нам, что новое писание родственно как бы и близко тому, что древле было установлено премудрым Моисеем, и занимается теми же предметами и что от образа жизни по закону не слишком удалена жизнь во Христе, если предписанное древним будет возведено к духовному созерцанию! Ибо закон – образ и тень и изображение благочестия, как бы еще в муках рождения содержащее сокровенную в нем красоту истины. Или не так, по-твоему, как я сказал?

П. Совершенно так; но какое могло бы быть объяснение этого? Или каким образом можно и жить по-евангельски, и при этом считать себя в зависимости от древней заповеди и находить нужным исполнение предписанного Моисеем?

К. Не прост предмет речи, как, может быть, подумал бы кто-нибудь; но добродетель, думаю, дело и многочастное и многообразное; и слава жизни во Христе разукрашивается пред нами весьма многими добрыми делами. И действительно, божественный Давид в псалме сорок четвертом поставляет подле Христа деву чистую, в сане царицы – церковь и облекает ее в позлащенную и разукрашенную одежду, говоря таким образом: *предста царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна и преиспещрена* (Пс. 44, 10). Здесь, как я думаю, слово: *позлащенный* весьма хорошо обозначает почетность и знатность, а слово *преиспещренный* – многовидность добродетели. Ибо чрезвычайно благолепна церковь, имеющая умственное убранство, видимое не очами плоти, но внутри ума и сердца, прекрасно выказывающее пред нами иудея, мыслимого *в тайне*, вследствие многочисленных украшений благолепного и отличного: потому что, как пишет блаженный Павел, *не бо иже яве иудей есть, ни еже яве во плоти, обрезание: но иже в тайне иудей, и обрезание сердца духом, а не писанием: емуже похвала не от человек, но от Бога* (Рим. 2, 28–29).

П. Итак, скажи мне, если введено обрезание духовное и уничтожены жертвы законные, и этот образ жизни у нас совсем не имеет места; то не кажется ли как бы невероятным сказанное Христом: *не приидох разорити закон, но исполнити*? Если нет, то ничто, думаю, не препятствует и нам чтить

Бога всяческих принесением в жертву волов и курением фимиама, приносить ему горлиц и голубей, а если и другое что заповедано древним, то и нам стараться исполнять это.

К. Однако, друг мой, ты очень далеко отступаешь от надлежащего взгляда: ты думаешь, что закон уничтожен, как будто от него нельзя получить никакого плода, и он совершенно бесполезен для открытия всего необходимого, а не изменен только для доказательства истины; между тем как блаженный Павел пишет: *Закон ли убо разоряем верою? Да не будет: но закон утверждаем* (Рим. 3, 31). Ибо закон детоводительствует и хорошо приводит к Христовой тайне (Гал. 3, 24). Заповеданное древним чрез Моисея мы называем первыми начатками провещаний Божиих (Евр. 5, 12). Если мы отвергнем детоводителя, кто же приведет нас к тайне Христовой? И если мы откажемся изучать первые начатки провещаний Божиих, то как после этого или откуда мы придем к цели? Ибо по Писанию не есть ли Христос исполнение закона и пророков? (Рим. 10, 4.)

П. Да.

К. Так написано. А исполнение закона и пророков Он есть, думаю, потому, что Его имеет в виду и к Нему обращено всякое провещание пророков и закона. Поэтому, укоряя иудеев в неверии, Он сказал: *не мните, яко Аз на вы реку ко Отцу: есть, иже на вы глаголет, Моисей, нань же вы уповаете. Аще бо бысте веровали Моисеови, веровали бысте убо и Мне: о Мне бо той писа. Аще ли того писанием не веруете, како Моим глаголом веру имете?* (Ин. 5, 45–47.) Итак, если Он говорит, что пришел отнюдь не с тем, чтобы разрушить закон, а скорее, чтобы довершить его; то не подумай, что совершено полное уничтожение узаконенного в древности, но скорее как бы некое преобразование и, я сказал бы, переделка существующего в образах в истинное.

П. *Ты правильно сказал.*

К. Чрез Христа должно было совершиться нечто подобное вот чему. Те, которые выучились искусству писать картины и рисунки, начиная рисовать, не тотчас рисуют не имеющее недостатков и вполне отделанное изображение, но оттеняют сначала одною, менее красивою краскою и предварительно делают видимыми еще не ясные очертания того, что они намерены изобразить; потом, раскрашивая эти тени, каждую при-

личною и соответственною ей краскою, превращают очертания в изображения явственные и несравненно лучшие, нежели те, какие были вначале. Разве не так бывает?

П. И я тоже утверждаю.

К. А занимающиеся медных дел мастерством, если, например, захотят сделать статую, сначала из воска приготовляют ее в непрочном виде, потом, расплавивши на огне медь, выливают ее[1] и таким образом весьма хорошо сообщают своему изделию совершенный вид и красоту. Итак, как на тени наложено разнообразие красок[2], а также и медь расплавила фигуру, сделанную из воска, то может показаться, что отвергнуты и почти уничтожены первые и начальные фигуры. Но на самом деле не то. Медник и живописец, не греша против истины, могли бы сказать: мы не уничтожили тени и не отвергли, как совершенно негодные, фигуры, а скорее довершили их. Ибо что в этих тенях и фигурах было видимо еще как неясное и некрасивое, то перешло в лучшее и более явственное.

П. Ты хорошо говоришь.

К. И если кто захочет серьезно исследовать Священное и богодухновенное Писание, то узнает, что вполне истинно то, что я говорю. Ибо Моисей полагал покрывало на лицо свое, потому что сыны Израилевы не могли взирать на лицо его, как написано (Исх. 34, 30–35).

П. Что же это означает?

К. Так как умы иудеев были еще тупы, то для них было как бы удобоносимо только внешнее в законе, разумею то, что выражалось единственно в букве закона, но неудобоносимо и совершенно неудобоприемлемо было сокрытое внутри его и, так сказать, истинное лицо мыслей. Поэтому и богодухновенный Павел пишет нам: *даже бо до сего дне тожде покрывало во чтении ветхаго завета пребывает неоткровенно, зане о Христе престает. Но даже до днесь, внегда чтется Моисей, покрывало на сердцы их лежит* (2 Кор. 3, 14 и 15). Но пусть так будет с иудеями. *Мы же вси откровенным лицем,* — говорит, — *славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа;*

---

[1] В форму, наложенную на восковую фигуру.

[2] В предыдущем примере, примере живописи.

Господь же Дух есть (3, 18 и 17). Ибо как те, которые смотрят в зеркало, видят образ и очертание истинного, а не само истинное, точно так же, думаю, и те, которые желают видеть красоту жизни во Христе, всего лучше могут достигнуть желаемого, пользуясь законом, как бы зеркалом: потому что, превращая образ вещей в истину, они в чистоте узнают то, что всего более приятно и благоугодно Богу.

П. Но какая могла бы быть причина того, что древним не с начала дано было новое и евангельское провещание, а узаконены образы и тени?

К. Точное и более истинное понимание такого домостроительства должно благочестно предоставить всеведущему Богу; но все же соображения, не чуждые добрых мыслей, приводят нас к умеренному хотя знанию или, может быть, к тому, что мы представляемся знающими причины такого домостроительства. Итак, мы говорим, что освобожденные из Египта имели нужду в продолжительном детоводительстве и в питании, как бы свойственном младенцам: потому что они были еще тупоумны и весьма удобопрельщаемы ко всяким нелепостям. Для них, которые болели неистребимою любовию к плоти и охвачены были неудобоодолимыми страстями, недоступно некоторым образом было еще и неудобно хотение тотчас подняться к прекрасному и восприять образ жизни столь светлой и чрезвычайной, чтобы, ходя по земле, иметь жительство на небесах, по Писанию (Флп. 3, 20); потому что твердая пища не есть ли пища совершенных, а младенцам не прилично ли более молоко?

П. И очень.

К. Итак, для тех, которые были еще младенцами, нужно было детоводительство, состоящее в образах, и, так сказать, более легкое питание, а не слово, призывающее к совершенству и способное привести к безупречности. Сыны же Израилевы могли бы быть уличены в таком легкомыслии, невнимательности и податливости ко всякого рода страстям, что если бы сделано было точное исследование их нравов и стремлений, то, думаю, они не были бы признаны достойными и тени. И это показал Моисей. По повелению Божию, он взошел на гору, чтобы принять закон; а они тотчас впали в измену: сделали тельца и дерзнули, жалкие, сказать: *сии бози твои, Израилю, иже изведоша тя из земли Египетския* (Исх. 32, 9).

Такого ужасного легкомыслия не вытерпел Моисей, разбил скрижали, на которых был закон, считая недостойными даже тени, или образов, или вообще всякого вышнего детоводительства тех, у которых был такой оцепенелый ум, что они забыли о столь чудесных действиях, которые были над ними совершены Божественною силою, опять воздали почитание тельцу и вспомнили о служении, совершавшемся в Египте. Но тогда на каменных скрижалях как бы тенями начертан был древним закон перстом Божиим, как написано (Исх. 31, 18). И это было образом того, что, как мы веруем, совершилось с нами во Христе. Владыка всех Бог как бы вписывает в нас знание воли своей, пользуясь для этого Сыном в Духе как бы тростию: потому что так назвал Он Его чрез Давида, говоря: *язык мой трость книжника скорописца* (Пс. 44, 2). Трость Отца, то есть, Сын начертал в сердцах всех знание всякого добра, как некоторым перстом Божиим, пользуясь Духом Отца и Своим. Ибо Духа Божия Он называл перстом, говоря в одном месте: *аще ли же Аз о Дусе Божии изгоню бесы* (Мф. 12, 28), а в другом: *аще ли же о персте Божии изгоню бесы* (Лк. 11, 20). Письмом же духовным называл нас и Павел, говоря: *послание бо наше вы есте, написанное в сердцах наших, знаемое и прочитаемое от всех человек: являеми, яко есте послание Христово служеное нами, написано не чернилом, но Духом Бога жива, не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердца плотяных* (2 Кор. 3, 2–3).

П. Что содержащееся в законе есть образы и тени, это и я утверждаю, заметь. Ну так устремим изощренное и прилежное внимание на возвещенное в образе и постараемся отыскать красоту истины; потому что после этого никому не будет неясною тайна служения в духе.

К. Подлинно, почтеннейший, я не без причины очень устрашился и весьма не расположен к этому: потому что едва ли, думаю, доступны будут нашим силам такие возвышенные и необычайные умозрения. Я думаю, рассматривающему глубину умозрений, содержащихся в законе, надобно сказать: *кто премудр и уразумеет сия? и смыслен, и увесть сия?* (Ос. 14, 10.)

П. Дело действительно не легкое, друг мой; но *просите*, говорит Христос, *и дастся вам; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7).

К. Итак, надобно приступить к исследованию того, что может принести пользу, а прежде вознесем моление, говоря: *открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18). Как кажется, нам следует прежде всего сказать о совращении человека в порочность, о рабстве и плене у врага всех, как и каким образом это совершается нами и в нас; надобно присовокупить и о том, каким образом должно отвращаться от зла и свергать с себя иго рабства у него, возвращаться же напротив в первоначальное состояние, под охраною и при помощи Бога. Если этим надлежащим путем пойдет наша речь, то, думаю, и остальное будет, как следует.

П. Ты рассуждаешь весьма правильно.

К. Ведь возможность приносить Богу плоды и жертвы духовные, то есть вести себя мужественно и похвально, желая успевать в добродетели, свойственна не тем, которые еще не освободились от рабства и насилия страстей, но тем, у которых ум некоторым образом уже просыпается для свободы и не нерадит о свержении ига власти диавольской.

П. Соглашаюсь, потому что ты думаешь правильно.

К. Итак, мы говорим, что в начале создан был человек, имеющий помышление как бы выше греха и страстей, но не совершенно не способный совратиться к тому, что он изберет. Наилучший строитель всего Бог находил правильным привязать ему бразды собственных хотений и предоставить ему делать угодное самоповеленным стремлениям: потому что надлежало добродетели явиться свободно избирающею, а не по необходимости, и не утвержденною непоколебимо законами природы, так как это свойственно только высочайшей сущности и превосходству. Когда же это животное получило в совершенстве способности собственной природы посредством искусного устроения Божия, то оно тотчас обогатилось подобием Ему: в нем начертан был образ Божественной природы, когда вдунут был Дух Святой; ибо Он есть *дыхание жизни* (Быт. 2, 7), так как Бог по природе есть жизнь.

П. Поэтому душою у человека сделался Божественный Дух?

К. Не крайне ли нелепо так думать? Ведь душа тогда была бы неизменяемою и осталась бы одною и тою же, но она изменяема; а Дух не есть что-либо изменяемое. Или, если Он страдает изменением, то этот порок будет относиться к самой

Божественной природе, так как Дух есть Дух Бога и Отца, а также и Сына, существенно изливаемый от Обоих, то есть от Отца чрез Сына[1]. Итак, невежественно думать, что Дух преобразовался в душу и перешел в природу человека; но созданное было одушевлено неизреченною силою и тотчас же украшено дарованием Духа; ибо иначе не могли мы обогатиться Божественным образом.

П. Ты хорошо говоришь.

К. Итак, Бог, украсив свое создание, даровал ему жительство в раю. Но так как надлежало не дозволять столь прославленному и венчанному изобилием вышних благ того, чтобы он легко возносился к высокомерию, не обращая внимания на то, что он раб и что есть ограничение для слуг (потому что очень широкий путь к славе и чрезмерная свобода приводят к надменному и отвратительному расположению духа): то и дан ему закон воздержания, как повод не забывать о Владыке, дабы этим законом постоянно он был призываем к

---

[1] Εἴπερ ἐστὶ το Θεοῦ καὶ Πατρὸς, καὶ μὴν καὶ τοῦ Υἱοῦ, τὸ οὐσιωδῶς ἐξ ἀμφοῖν, ἤγουν ἐκ Πατρὸς δι᾿ Υἱοῦ προχεόμενον Πνεῦμα. В этих словах св. Кирилла римские католики видят доказательство того, что он держался мнения об исхождении Св. Духа *и от Сына.* См. например, admonitio Anton. Agellii, praemissa libris de adoratione, in Patrologié curs. compl. ed. Migne. Ser. Graec. T. LXVIII. col. 121. 129. Ceillier hist. gener. des auteurs sacrés et eccles. T. VIII. 1861, p. 328. Но чтобы судить, как думал св. Кирилл об этом предмете, надобно принять во внимание другие изречения его, относящиеся сюда. Между тем в писаних св. Кирилла есть много мест, из которых видно, что он приписывал Святому Духу исхождение, в смысле принятия бытия, только от Отца, а Сыну усвоял сообщение Св. Духа тварям. Например, в изъяснении никейского символа он говорит о Духе Святом: «хотя Он изливается, то есть исходит, как от источника, от Бога и Отца, но подается твари чрез Сына» (Patr. c. compl. gr. T. LXXVII, col. 316). В толковании на Евангелие от Иоанна св. Кирилл говорит: «так как Сын по естеству есть от Отца и в Отце, будучи истинным плодом сущности Его, то Он по естеству усвояет себе Духа собственного Отцу, хотя изливаемого от Отца, но чрез Него-Сына подаваемого твари и мыслимого не на подобие слуги, то есть находящимся в подчинении, но, как я сейчас сказал, хотя произникающего из самой сущности Бога и Отца, но изливаемого достойным принять Его чрез Единосущное Слово» (In. Ioh. lib. XI. c. X. -- Patr. c. compl. gr. T. LXXIV, col. 540). Особенно важны объяснения св. Кирилла, вызванные недоразумением относительно его образа мыслей об исхождении Св. Духа. Блаженный Феодорит в своих

воспоминанию о Повелевшем со властию и несомненно знал, что он подчинен постановлениям Обладающего. Но не был спокоен тот нечестивый и ненавистный Богу зверь.

П. Я думаю, ты говоришь о сатане, который наподобие молнии низвергнут был с небесных кругов (Лк. 10, 18), потому что страдал таким ребячеством, что хотел быть Богом и мечтал выказать превышающее его природу.

К. Ты хорошо объясняешь. Будучи изобретателем и отцом зависти и греха, он не захотел оставаться в бездействии по отношению к земному животному, то есть человеку. Тогда, подошедши с обманом и прельщениями, ввел его в преслушание, воспользовавшись женщиною, как орудием своего лукавства: потому что всегда низвергают нас в безобразие, то есть в грех, удовольствия, существующие с нами и в нас; образ же удовольствия есть женщина; вследствие обольщений, происходящих от удовольствий, ум часто приходит к тому, чего он не хочет. И так то, что является в Адаме, как случившееся осязательно и чувственно, можно видеть в каждом из нас совершающимся мысленно и сокровенно: потому что возникающее удовольствие очаровывает ум и мало-помалу располагает думать, что преступление Божественного закона совсем ничего не значит. Это подтвердит и ученик Христов, говорящий: ***никтоже искушаемь да глаголет, яко от Бога искушаемь есмь: Бог бо несть искуситель злым, не ис-***

возражениях на анафематизм св. Кирилла, по поводу встречающегося в 9-м анафематизме выражения, что Дух Святой есть «собственный Сыну», замечает: «если он назвал Духа собственным Сыну, как имеющего одно с Ним естество и исходящего от Отца, то мы согласимся и примем сказанное, как благочестивое; если же, как имеющего бытие от Сына или чрез Сына, то отвергаем это, как богохульное и как нечестивое». Св. Кирилл, отвечая в письме к Евоптию на возражения блаж. Феодорита, принимает первое его объяснение слов: «собственный Сыну», именно говорит: «хотя Дух Святой исходит от Бога и Отца, по слову Спасителя, но Он не чужд Сыну: потому что Сын имеет все вместе с Отцом» (Ibid. T. LXXVI, col. 432–433). Ту же мысль св. Кирилл несколько яснее выражает в письме к Иоанну, епископу Антиохийскому, говоря, что «Дух Бога и Отца хотя от Него исходит, но не чужд Сыну в рассуждении сущности» (Ibid. T. LXXVII, col. 181). Здесь св. Кирилл ясно дает понять, что Дух Св. не чужд Сыну по единосущию, а не в том смысле, будто от Него исходит. Из приведенных изречений св. Кирилла открывается, что он не имел в виду утверждать исхождение Св. Духа *и от Сына.* Сообразно с приведенными изречениями те слова

кушает же той ни когоже. Кийждо же искушается, от своея похоти влекомь и прельщаемь: таже похоть зачениши раждает грех: грех же содеян раждает смерть (Иак. 1, 13–15).

П. Верно слово.

К. Итак, природа человека, променявшая[1] благодать Божию и обнаженная уже от первоначальных благ, изгнана из рая сладости, тотчас же превратилась в безобразную и потом оказалась подпадшею разрушению.

П. Необходимо; ибо, думаю, недостаток даров Божиих есть не что иное, как потеря всякого добра. И человеческая природа весьма легко подпала бы увлечению ко всему нелепому, если бы не удерживала ее в добродетели благодать Спасающего, обогащая ее вышними, от нее происходящими благами.

К. Хорошо говоришь, и я весьма справедливо соглашусь с тобою; потому что пищу, годную для приобретения духовной силы, доставляет хлеб живой, то есть слово Божие; ибо написано, что *и хлеб сердце человека укрепит* (Пс. 103, 15). Слово Божие освобождает от рабства и страстей и весьма хорошо позлащает блестящими качествами, относящимися к свободе. Если же Бог как бы сжимает Свою руку и не снабжает нас обилием этих даров, то по всей необходимости мы и подпадаем нежеланному злу и удаляемся от всякой добро-

---

его, по поводу которых сделано это примечание, надобно объяснять следующим образом. Когда св. Кирилл говорит, что Дух Св. изливается «от обоих, то есть от Отца чрез Сына», то слово *изливается* он употребляет в общем смысле, так что по отношению к Богу Отцу оно означает исхождение от Него Святого Духа, а по отношению к Сыну сообщение чрез Него Святого Духа тварям. Прибавляя же к слову *изливается* слово *существенно,* св. Кирилл по отношению к Сыну Божию разумеет то, что Дух Святой подается Им не как чуждый, Ему, но как Единосущный с Ним. Собрание изречений св. Кирилла, из которых выражается его православный образ мыслей об исхождении Св. Духа, также объяснение тех его изречений, которые, по-видимому, благоприятствуют римскому учению об этом предмете, можно видеть: у Зерникава: Tractatus de processione spiritus Sancti. 1774, p. 73 sqq. 829 sqq.; в православно-догматическом богословии Преосвященного Макария. Т. I. § 45–46; в статье архимандрита Сильвестра «Ответ православного на предложенную старокатоликам схему о Святом Духе» // Труды Киевской Духовной Академии. 1874. Август.

[1] На удовольствие.

детели, принимаем на себя как бы чуждое иго и доходим до такой меры зол и ненасытности, что наконец почти теряем и самый разум, служащий нам ко всякому добру и сожительствующий нам; и сердце потерпевшего это является совершенно лишенным премудрости по Боге, как бы изнасилованным сатаною и охотно поддавшимся поруганиям и бесчинствам его.

П. Покажешь ли, как это бывает, или предоставишь довольствоваться голословными рассуждениями[1]?

К. Всего менее. Я покажу это, сколько возможно, хорошо, искусно возводя случившееся с древними в образ вещей умопостигаемых. То, что подлежит чувству и телесному зрению, сделается для нас наглядным и самым очевидным образом того, что познается тонким умозрением. О праотце Аврааме написано: *и бысть глад на земли: и сниде Аврам во Египет вселитися тамо, яко одоле глад на земли* (Быт. 12, 10). Оставивши дорогую и родную землю, он переселился в другую, которую показал ему Бог: *изыди,* — говорит, — *от земли твоея, и от рода твоего... и иди в землю, юже ти покажу* (Быт. 12, 1). Но так как одолевал голод и наносил неизбежный вред, то он вынужден был не добровольно видеть Египет; однако не поселился в нем, а скорее жил там, как пришелец.

П. Что же это означает?

К. Это представляет нам прекрасный образ вещей невидимых.

П. Каким образом?

К. Порицая непокорность иудеев, Бог сказал: вот посылаю *глад на землю, не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Господня:* и от востока до запада *обтекут, ищуще словесе Господня, и не обрящут* (Ам. 8, 11 и 12). Но, друг мой, у тех, которые угнетены таким голодом, и лишены пропитания, поддерживающего добродетель, и не имеют снедей небесных и вышних, не по всей ли необходимости ум становится как бы переселенцем каким и беглецом? Он переходит к постыдному и, как бы из собственной земли, изгоняемый из твердости в добродетели, нисходит в другое состоя-

---

[1] Буквально: плыть на голых рассуждениях — φιλοῖς ἐπινήχεσθαι λογισμοῖς.

ние и хотение, уже не Богу подвластное, но подчиненное скипетру диавольскому: ибо первый, внесший грех в мир, есть, по моему мнению, отец и царь греха, образом и оттиском которого, думаю, весьма справедливо признать фараона, предводителя египтян, у которых весьма глубок был мрак заблуждения и решительно ни один способ зла не был не испытан.

П. Какое же огорчение постигло блаженного Авраама от того, что он пришел в страну Египетскую?

К. Самое великое; потому что едва он не перенесся за пределы всякого зла. Легко ты узнаешь и это из Священного Писания, которое гласит: *бысть же егда вниде Аврам во Египет, видевше египтяне жену его, яко добра бяше зело, и видеша ю князи фараони и похвалиша ю пред фараоном, и введоша ю в дом фараонов* (Быт. 12, 14–15). Смотри, друг мой, он едва не потерял жену свою.

П. Какое неприятное происшествие и способное огорчить!

К. А то же бывает и с нами самими в духовном смысле; ибо кому случится, как бы из своего отечества, ниспасть из привычного и весьма любимого благонравия и добродетели, перейти к худшему и подчиниться скипетру диавольскому, на того отовсюду и всячески страшно нападают и злоумышляют злые и противные силы; а если увидят, что кто-нибудь из подпадших власти их может иметь не некрасивое разумение, они стараются передать его своему предводителю и предлагают ему для удовлетворения похоти, чтобы он приносил плод уже не Богу, а сатане; *ибо пищи* его, как написано, *избранныя* (Авв. 1, 16). Они стараются как бы обморочить уловленный и поскользнувшийся ум, чтобы он не отказался, обращая много внимания на свободу, от служения им; иногда доставляют ему наслаждения земными предметами и, так сказать, обогащают ничтожными утехами, подобно, как и князи египетские, как бы ласкаясь к блаженному Аврааму, хотели его, потерявшего супругу, отвлечь почестями и принесением даров от чрезмерной печали; ибо написано: *и Авраму добре бяше ея ради,* очевидно, Сары: *и быша ему овцы и тельцы и ослы, и рабы и рабыни, и мски и велблюды* (Быт. 12, 16). Сатана, привлекая нас к самым кратковременным вещам, лишая свободного как бы рождения и плодородия, и по своей ненасытности подвергая благородный ум поруганиям и бесчинствам своим, свя-

зывает нас услаждением земными предметами. Он дошел некогда до такого безумия, что приступил с искушением к Самому Христу: *возвед Его,*– сказано,– *показа Ему вся царствия вселенныя в черте временне: и рече Ему диавол: Тебе дам власть сию всю и славу их, яко мне предана* суть, *и ему же аще хощу, дам* их. *Ты убо аще поклонишися предо мною, будут Тебе вся* (Лк. 4, 5–7).

П. Это-то правильно; но скажи, прошу тебя, какое может быть подкрепление или помощь потерпевшим?

К. Эта помощь, почтеннейший,– Бог и его благодать, которая не навсегда попускает изнемогшему уму быть под ногами диавольскими, но защищает и избавляет его, нисколько не могущего помочь себе самому. Если хочешь, то увидишь, что то же самое было и с праотцем Авраамом. Когда праведник отчаялся и не мог ничего предпринять, вступился за него Бог и освободил жену его от распутства египтян: *и мучи Господь казнми великими и лютыми фараона и дом его Сары ради жены Аврамли* (Быт. 12, 17). Тогда уже фараон отпустил сожительницу праведника, едва избегшую поругания. Итак, Бог, и только Он один, может изъять от руки диавола попавший в нее ум и возвратить его к первоначальному благонравию.

П. Поэтому мы, побуждаемые недостатком вышних благ, нисходим иногда к постыдному и гнусному.

К. Так я говорю.

П. Но, конечно, благолюбивому Богу прилично не попускать, чтобы мы впадали во что-либо таковое.

К. Действительно, это весьма прилично и желательно Богу, друг мой: потому что Он был бы весьма мало благ и не очень любил бы добродетель, если бы не имел этой цели по отношению к нам. Но мы сами виноваты, что подвергаемся злу, прогневляя Владыку всего; ибо тогда Он посылает нам слабый и не мужественный ум. Или не слышишь вопиющего чрез одного из святых пророков: *се, Аз дам на люди сия болезнь, и изнемогут* в ней *отцы, и сынове... сосед и искренний его погибнут* (Иер. 6, 21). Пишет о некоторых еще и премудрый Павел: *и якоже не искусиша имети Бога в разуме, сего ради предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная* (Рим. 1, 28). Но еще яснее представляет это божественный Исаия, говоря, как бы от лица сынов Израиле-

вых или собственно от лица тех, которые впали в грехи: *се, Ты разгневался еси, и мы согрешихом* (Ис. 64, 5).

П. Итак, скажи мне, ужели мы, пренебрегающие своими обязанностями и уловляемые грехами, будем слагать вину на Бога и жаловаться на Него за Его гнев, как будто мы от этого согрешили?

К. Мы не будем обвинять Бога: это было бы безумие; но говоря: *Ты разгневался еси, и мы согрешихом*, мы разумеем нечто такое: если бы мы не имели твоего благоволения, Владыко, то ничто не препятствовало бы нам находиться под неограниченной властью греха, по причине слабости нашей природы, и затем предаваться всякому злу.

П. Понимаю то, что говоришь.

К. Лишенные вышнего попечения и охранения и вместе с тем терпящие наказание за крайнее легкомыслие и неудержимую наклонность к дурному, слабые и удоболовимые, не окажемся ли мы подверженными всякому злу? Ты можешь ясно видеть это, если прочтешь слова Иеремии. Грубый народ Иудейский, хотя весьма изобильно пользовался щедротами от Бога, хотя одолел всех врагов своих и наконец достиг самой высшей, может быть, славы у людей, несмотря на то, замышлял грубое и всецелое преслушание. Почти распростившись с заповедями, данными чрез Моисея, и ни во что вменяя Божественные постановления, иудеи неслись неудержимым влечением к пагубе и гибели. Под дубом и тополем и тенистым деревом, по слову пророка (Ос. 4, 13), устрояли жертвенники, и, в самых густых рощах воздвигши капища демонам, заблагорассудили чтить принесением в жертву волов и курением фимиама и называть, не краснея, свои изделия богами и спасителями и всякими подобными именами. А некогда они дошли до такой глупости, что даже нечестивое умерщвление детей относили к числу предметов похвальбы и думали, что этим они приносят своим богам самую отборную жертву. Но и на этом не остановились дела нечестия у сынов Израилевых; постоянно присоединяя, как бы какое дополнение к своим дерзостям, необузданное устремление ко всяким нелепостям, они не в малой мере подвигли на гнев против себя Законодателя, хотя и благого. Так как они самонадеянно свергли с себя рабское отношение к Нему, то Он попустил наконец, что они были побеждены врагами и отведены уже на невольное

служение, то есть халдеям и вавилонянам. Эти, оставив свои домашние дела, пришли с намерением поработить их и сожечь святой и славный город; а терпящим от них нападение едва пришло на ум вопросить пророка Иеремию, чем кончится для них это несчастие. *И рече*, — сказано, — *Иеремиа: тако рцыте Седекии, сия глаголет Господь Бог Израилев: се, Аз обращаю оружия бранная, яже суть в руках ваших, имиже вы ополчаетеся на царя вавилонска и халдейска, иже обстоят вас окрест вне стен: (и соберу та)*[1] *посреде града сего, и поборю Аз по вас рукою простертою, и мышцею крепкою с яростию и гневом великим. И побию всех обитающих во граде сем, человеки и скоты губительством великим, и измрут.* Потом несколько спустя говорит: *И к людем сим речеши: сия глаголет Господь: се Аз даю пред вами путь живота и путь смерти, иже обитает во граде сем, умрет мечем и гладом и губительством: а исходяй, иже прибежит к халдеом обстоящим вас, жив будет, и будет душа его в плен, и жив будет. Утвердих бо лице Мое на град сей во злая, а не во благая* и *в руки царя вавилонска предастся, и сожжет его огнем* (Иер. 21, 3–6; 8–10). Итак, понимаешь, что как только мы оскорбим Бога своим высокомерием, то будем уже не в состоянии, несчастные, противодействовать силам врагов, но так как гнев Божий как бы лежит на нас и приражается к нам, то мы сделаемся из свободных рабами и будем вести бесславную и жалкую жизнь.

П. Хорошо говоришь.

К. Закон Божий приводит человека мягкого и послушного к безукоризненному образу жизни и бывает каждому как бы светильником для указания полезного и необходимого, и кто побеждается уважением к нему, тот, думаю, будет вести жизнь не недостойную удивления и, как бы в святом городе, будет обитать в твердости добродетели и стойкости благочестия. Если же кто предпочтет с готовностию броситься в мирские удовольствия, как будто в какую рощу и лес, богатый прекрасными цветами и деревьями, охотно пребывать в житейских наслаждениях, принять в ум и сердце, как бы рой призраков, многовидное удовольствие и воскурять пред демонами плоды своего усердия: то он весьма справедливо ли-

---

[1] Слова *и соберу та* не находятся в изданиях творений св. Кирилла.

шится вышнего охранения и будет представлять из себя самую легкую добычу для тех, которые желают взять ее; изгнанный как бы из святого города, из первоначального благонравия, он пойдет уже, как бы неволимый игом, туда, куда заблагорассудят управляющие, и далеко будет от Бога, подвергаясь, относительно своего душевного расположения, переселению в Вавилон, то есть за пределы святой земли, в которой *ведом Бог и велие имя Его* (Пс. 75, 2). Поэтому терпящие такое жестокое бедствие и впадшие в руки врагов, не вынося образа жизни у них, как невольничьего и рабского, возопили: *на реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона* (Пс. 136, 1). Чем-то подобным, думаю, болеет и человеческий ум.

П. О чем ты говоришь?

К. Всегда он ленив и вял в желании тех благ, которые у него под руками, и не очень стремится к тому, что в его власти. Если же произойдет наклонение к худшему и случится уменьшение красот, которые он имеет, то, потерпев это, он почти не сознает, что надлежало сопротивляться изо всей силы и не допускать испытания на деле, но предотвращать наступление его.

П. Правда.

К. Поэтому необходимо, премудро и весьма полезно — тщательно предотвращать дурное состояние и наступление невольного служения и усиленно стараться заранее отклонять то, что если испытаем, подвергнемся всякому злу.

П. Так точно.

К. А если вследствие гнева Божия наложено будет на нас иго невольного рабства и нам придется впасть в превратный ум (Рим. 1, 28), то противиться будет нелегко. Я сказал бы, что полезно по крайней мере помнить, из какого состояния в какое перешли мы, и горько оплакивать свою беззаботность и оскудение вышней помощи: *печаль бо яже по Бозе покаяние не раскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7, 10). Если же гнев Божий не отяготел над нами, если есть возможность по произволу избирать и делать угодное и если мы в состоянии сохранять свободною и не принужденною склонность в ту и другую сторону, разумею, к злу и добру: то надобно мужественно отстранять изнеженность порока, надобно, думаю, постоянно отвергать предлагаемые врагами удоволь-

ствия и подчинение врагам, которые называются князьями века сего, потому что, хотя бы при этом и досталось на чью долю счастие, разумею счастие, которое высоко ценится в мире, но оно несомненно приведет к постыдному и непривлекательному концу.

П. Каким же образом?

К. Не угодно ли, мы будем рассуждать, взявши примеры из древности?

П. И очень.

К. Когда голод изнурял людей, населяющих, так сказать, всю землю, заблагорассудилось сыновьям Иакова отправиться в Египет; юношей же было числом десять; а целию путешествия было — закупить хлеба, и не было никакой другой. После того, как они достигли этого и уже узнано было, что они братья Иосифа, который тогда раздавал хлеб и управлял египтянами, о случившемся дошло до ушей фараоновых: *и рече*, — сказано, — *фараон ко Иосифу: рцы братии своей, сие сотворите: наполните сосуды ваша пшеницы, и идите в землю Ханааню: и веземше отца вашего и имения ваша, приидите ко мне: и дам вам от всех благ египетских, и снесте тук земли. Ты же заповеждь сия: взяти им колесницы от земли Египетския детем их, и женам, и поимше отца своего, приидите. И непощадите очима сосудов ваших: вся бо благая египетская вам будут* (Быт. 45, 17–20). Таким образом, правитель земли Египетской обещал дать им покой и сильно утучнить их роскошью, также и подарил колесницы, с тем, думаю, чтобы облегчить путешествие для нерешающихся. И они тотчас прибыли со всем своим домом, не знаю как, предпочетши временное вкушение снедей земле и стране, данной от Бога; ибо для них было гораздо лучше и надежнее от нее кормиться, хотя бы это достигалось и с небольшим трудом. А пришедши в Египет, они думали, может быть, что уже избежали трудов, бывших у них дома, и им было приятно ощущение теперешних наслаждений. Но с течением времени этот народ, издревле и по происхождению своему благородный и свободный, подпадает бесславному игу рабства. Итак, когда с мирским счастием соединено падение в постыдное, то надобно отвергать его, друг мой, если у нас на уме свобода и если для нас отвратительно и ненавистно свойственное рабам дело и помышление.

П. Ты весьма хорошо сказал.

К. А чтò, не сказать ли нам и еще нечто, приносящее, как мне кажется, немалую пользу, так же как и сейчас нами сказанное?

П. Что же это такое?

К. Вавилонянин Рапсак, военачальник ассирийский, повел некогда бесчисленное множество воинов и пришел с намерением осадить святой город или, лучше сказать, предположивши разрушить его до оснований, и притом без труда. Вслед за тем он прежде оружия пустил в ход не новое для него, но весьма привычное злоречие о Боге. Наговоривши очень много нестройного, он возгласил наконец жителям святого города: *сия глаголет царь ассирийский: аще хощете благословени быти, изыдите ко мне и ядите кийждо виноград свой и смоквы* свои, *и пийте воду потока вашего*[1], *дондеже прииду и пойму вы в землю, яже аки ваша земля, земля пшеницы и вина и хлебов и виноградов* (Ис. 36, 16–17; 4 Цар. 18, 31–32). Смотри же, и он обещает негу и наслаждение под виноградом и смоковницею, но прибавил: *и пийте воду потока вашего.*

П. Что же это показывает, если будет возведено к духовному созерцанию?

К. Двояким, думаю, способом сила зла осуществляется в нас. Люди, склонные ко греху, доходят до всяких нелепостей потому, что бывают убеждаемы предаваться или отвне приходящим удовольствиям, или врожденным и в нас сущим,

---

[1] В славянском переводе Библии поставлено: *пийте от потока вашего,* у св. Кирилла, так же как и в некоторых кодексах перевода LXX: πίεσθε ὕδωρ τοῦ λὰκκου ὑμῶ В других кодексах поставлено: πίεσθε ὕδωρ ἐκ τοῦ λὰκκου ὑμῶ. Приводимые у св. Кирилла слова Рапсака встречаются в двух местах Священного Писания: в Четвертой книге Царств и в книге пророка Исаии. В еврейском подлиннике они в том и другом месте изложены одинаково, а в переводе LXX с некоторыми разностями в выражениях, происходящими от того, что в Четвертой книге Царств они переведены ближе к подлиннику Св. Кирилл приводит их из книги пророка Исаии. Слово λὰκκος в переводе LXX употреблено в том и другом месте, но в Славянском переводе в книге Царств оно передано словом: *ров*, а в книге пророка Исаии словом: *поток.* Λὰκκος, так же как и переданное им еврейское слово: בור (бор) значит собственно: выкопанная яма, ров, иногда означает цистерну наполняемую дождевой водой, или колодезь с ключевой водой. Св. Кирилл, как видно из следующего далее толкования слов Рапсака, принимает слово λάκκος в последнем смысле.

убеждаемы или ими самими, или другими. А что это правда, показывает нам ученик Спасителя, говоря так: *яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская* (1 Ин. 2, 16). Похоть плоти прирождена нам, укоренена и пребывает *в нас самих*; ее и божественный Павел называл *законом греховным*, обитающим в плотских членах (Рим. 7, 23). А наслаждения и удовольствия, происходящие отвне и пришлые, суть те, которые приходят посредством глаз, потому что посредством глаз возбуждается удивление к тому, что происходит от богатства, и к прекрасным одеждам и к другим вещам, к которым привязаны некоторые, произносящие о них не презрительный приговор, как будто получают от них самое приятное наслаждение. Итак, виноград и смоковница могут быть образом происходящего отвне и пришлого наслаждения и удовольствия, потому что прекрасно показывают как кратковременность и быстрое увядание вещей, которые в мире, так вместе с тем сладость, соединенную со свойством — омрачать. Ибо всякое мирское удовольствие для участвующего в нем бывает сладко в настоящее мгновение, но весьма омрачает и сильно опьяняет принявшего его в себя. А *поток* есть образ врожденных и в нас сущих движений; потому что они не внесены в нас, как преждеупомянутые, но как бы текут в нас и бьют ключом из самой плоти. Злые силы говорят нам, что нам дано будет свободное участие во всех этих естественных и привнесенных удовольствиях и весьма обширное пользование ими, если мы, оставивши воздержание как бы святой и непоколебимый город, придем к царю вавилонскому, который был образом сатаны. Но хотя Рапсак обещал жителям святого города, что если они перейдут к вавилонянам, то удовольствие настоящего мгновения в них возникнет и будет возрастать; они не послушались, рассуждая правильно; потому что за хотением избрать мирское непременно последует необходимость впасть в невольное рабство и оказаться в числе пленных.

П. Верно слово. Но каким же образом может совершиться освобождение от этих зол? Будь так добр, скажи, прошу тебя.

К. Каким же иным, как не противоположным первому и бывшему в начале? Подчиняясь влечению собственных хотений к постыдному образу жизни и отвергая красоту неуко-

ризненного поведения, мы впали в низкий и невольнический ум, помышляя только о земном и всячески предаваясь плотским удовольствиям. Поэтому-то Бог наконец попустил нам низвергнуться и в превратный ум.

П. Итак, к добродетели необходимо стремиться обратным путем?

К. Не раздумывая, друг мой, не прилепляясь уже к мирской жизни, сообразно с тем, что правильно сказано Павлом: *умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе* (Кол. 3, 3), – но более горя желанием, чтобы имена наши написаны были на небесах, считая своим вышнее отечество и город и крепко взывая к Богу: *ослаби ми, яко пресельник аз есмь у тебе и пришлец, яко же вси отцы мои* (Пс. 38, 14–13). Ибо кто странствует по земле и вместе принадлежит к светлому небесному городу, тот есть истинно пресельник и пришлец, как это естественно открывается из самого дела. Посему ученик Спасителя повелевает и нам считать это достохвальным, славным и прекрасным: братие, *молю яко пришельцев и странников огребатися от плотских похотей, яже воюют на душу* (1 Пет. 2, 11).

П. Но для преуспеяния в добродетели достаточно ли такого расположения, то есть прекращения плотских похотей?

К. Надобно, чтобы премудро присоединено было и то, что относится к другому благонравию, очевидно, духовному; ибо написано: *широка заповедь Твоя зело* (Пс. 118, 96). Разве не двоякое в нас осквернение: душевное и телесное? И я нахожу весьма справедливым, чтобы за тем, чему свойственно осквернять, следовало равносильное и равнодействующее ему то, чему свойственно очищать.

П. Ты сказал правильно.

К. Как, без сомнения, есть двоякая нечистота, душевная и телесная, так и очищение, естественно, должно быть душевное и телесное. А что считать жизнь в мире пришельствием не бесполезно для тех, которые так настроены, это нетрудно видеть, если прибегнуть к сравнению с Авраамом, которому было сказано Богом: *изыди от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего, и иди в землю, юже ти покажу. И сотворю тя в язык велий, и благословлю тя, и возвеличу имя твое, и будеши благословен. И благословлю благословящия тя, и клянущия тя прокляну: и благословятся о тебе вся племена*

земная (Быт. 12, 1–3). Понимаешь, что Он повелел уйти не из земли и дома только, но и от родства и из дома отца, и идти в землю, которую покажет ему Призывающий?

П. Что же это значит?

К. Не ясно ли, что, когда Бог призывает к последованию, очевидно, духовному, и хочет вывести тех, которых желает почтить, из жизни в мире, то есть жизни, проводимой в удовольствиях и плотоугодии, то весьма бессмысленно считать что-нибудь лучше этого? Итак, пусть ни во что вменяется отечество, и род, и дом отца, и стяжание земных вещей! И Сам Спаситель призывал нас к такому же мужеству, говоря: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин; иже любит сына, или дщерь паче Мене, несть Мене достоин. И иже не приимет креста своего, и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37–38). И присовокупил: *и всяк, иже оставит братию, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, или дом имене Моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит* (19, 29). Разве ты не признаешь делом величайшей силы о Христе такое светлое и дивное мужество, которое ни во что вменяет все это, а следование за Христом высоко ценит?

П. Совершенно так; ибо те, которые званы были на брак и отказались прийти, лишились прекраснейшей надежды и радости о Христе; один из них сказал: *жену поях, и не могу приити* (Лк. 14, 20), – другой, говоря, что купил землю, предпочел приглашению временные блага (14, 18).

К. Дельно, Палладий! Ты радуешь нас, говоря справедливое и по своей понятливости быстро приходя заранее к уразумению того, что составляет цель нашего слова. Итак, смотри – тем, которые вполне и всячески повинуются Богу и надежду на него предпочитают плотским предметам и любви к мирским удовольствиям, без сомнения удастся в изобилии получить благословение свыше. Ибо что Бог говорит Аврааму? *И сотворю тя в язык велий и благословлю тя* (Быт. 12, 2) и следующее за сим. Видишь ли, каким множеством духовных благ Он осыпал его? Не достойно ли внимания и то, как Авраам удаляется из родной земли? *И поят*, – сказано, – *Аврам Сару жену свою, и Лота сына брата своего, и вся имения своя, елика стяжаша, и всякую душу, юже стяжаша в Харране; и изыдоша поити в землю Ханаань. И*

пройде Аврам землю в долготу ея даже до места Сихем, до дуба высокаго (Быт. 12, 5–6). Он выселился из Харрана, ничего из своего не оставивши в нем, но со всем родом своим и домом весьма охотно перешел в землю Ханаанскую, которую показал ему Бог. Потом он проходит землю эту в долготу ее и приходит в землю высокую. Так точно и тот, кто решился верно последовать Божественным повелениям и признать достойным особенного внимания вышнее призвание, пусть изыдет из жизни в мирских удовольствиях весь всецело и как бы со всем родом своим, нисколько не оставляя своего помышления там, где был некогда; ибо таким образом он действительно удалится и пройдет землю; так как он призван Богом для того, дабы возмог, как пишет блаженный Павел, *разумети со всеми святыми, что широта и долгота и глубина и высота* тайны Христовы (Еф. 3, 18). Тогда он удобно взойдет на землю высокую, то есть к душевному расположению, водворенному на высоте добродетелей и уже ни с какой стороны не ниспадающему в плотоугодие. А какое благо достанется тому, кто достигнет этого, мы узнаем из того же Священного Писания: *и явися,*— сказано,— *Господь Авраму и рече ему: семени твоему дам землю сию; и созда там Аврам жертвенник Господу явльшемуся ему* (Быт. 12, 7). Когда он пребывал в земле отечества своего и еще не переселился в землю святую, ему дано было только провещание, что он должен переселиться в другую землю, пренебрегши родною; а после того, как он пришел в землю Ханаан со всем домом и хозяйством своим и достиг святой земли, дана была ему благодать боговидения, и несомненность надежды в непреложности обетования[1], и позволение воздвигнуть жертвенник. Таким же образом и нам, пока мы пребываем в мире и в гнусных его удовольствиях, не будет от Бога никакой благодати; но когда мы бываем призваны и подчиняемся Божественным законам и, как бы в высокую землю, восходим к стремлению и готовности ко всякому добру, Бог посылает нам познание своей сла-

[1] Ἐν βεβαίῳ τῆς ἐλευθερίας – так поставлено в изданиях творений св. Кирилла; но сообразнее с предметом речи предположить, что вместо ἐλευθερίας надобно читать ἐπαγγελίας, тем более что немного спустя, говоря о непоколебимости надежды, св. Кирилл употребляет слово ἐπαγγέλλεται — обещает.

вы, обещает непоколебимость надежды и соделывает наш ум столь крепким, что мы бываем в силах приносить духовные жертвы (1 Пет. 2, 5), и соделаться Христовым благоуханием Богу и Отцу, по Писанию (2 Кор. 2, 15), также представить Ему и тело в жертву живую, благоугодную Богу, разумное и духовное служение (Рим. 12, 1), приятное Богу; ибо Он с любовию приемлет изъявления духовного служения и вменяет их в жертву духовную.

П. Итак, надлежит переходить к лучшему, удаляясь от постыдного, — как можно охотнее принимать вышнее призвание и как можно больше любить пребывание в том, что одобрено законом и по определению Божию признано наилучшим. А желание идти назад и возвратиться к приносящему вред мы не сочтем безвинным.

К. Несомненно, друг мой: потому что весьма тяжко захотеть снова подвергнуться тем болезням, от которых избавился; так что для тех, которые однажды изъяты силою Божиею из мирской жизни, весьма опасно даже взирать на нее и вспоминать о прегрешениях, допуская в душу любовь к ним. Поэтому и божественный Певец умолял, говоря: *отврати очи мои еже не видети суеты* (Пс. 118, 37). Ибо воистину суета — развлечение жизни сей и пустое наслаждение временными вещами. Кто на самом деле решился идти прямым путем, тот должен отступать и уходить от них и даже избегать созерцания их в мыслях, соединенного с удовольствием; это легко понять из следующего.

П. Из чего?

К. Жители Содома, неистово разжигаясь противоестественным вожделением, пренебрегая законом совокупления, который установила природа для рождения детей, прельщаясь красотою мужскою и совершая самые нелепые дела, подвигли на гнев и, так сказать, принудили Создателя, хотя и человеколюбивого, подвергнуть их наказанию. Когда срок их наказания был при дверях, так как истощилось как бы долготерпение по отношению к ним, вступили в Содом исполнители. Об этом так написано: *Приидоста же два Ангела в Содом в вечер; Лот же седяше пред враты содомскими, видев же Лот, воста в сретение им, и поклонися лицем на землю, и рече: се, господие, уклонитеся в дом раба вашего, и почийте, и омыйте ноги ваша, и обутреневавше отыдите в путь свой. Реша*

же: ни, но на стогне почием. И принуди я, и уклонишася к нему, и внидоша в дом его, и сотвори им учреждение, и опресноки испече им и ядоша пред спанием (Быт. 19, 1–4). Лот, происходивший от крови Авраама, воспитанный в законах справедливости и в не малой мере проникнутый благоговением к Богу, жил в Содоме, но был там пришельцем и чужеземцем и по роду и по нраву: ибо *кое общение свету ко тьме? или кая часть верну с неверными?* (2 Кор. 6, 14–15), по Писанию. Возвышаясь над пороками туземцев и идя обычным ему путем жизни, он упражнялся в святых делах. Весьма почитая закон гостеприимства, он, сидя у входа в город, дружелюбно принимает входящих в него, зная, что это дело боголюбезное. Когда же пришли исполнители приговора над людьми, необузданно предававшимися разврату (а это были два Ангела), он поспешно встречает их и своим приветствием дает очевидное доказательство присущей ему доброты; ибо *поклонися лицем на землю*, убеждает их войти в дом его и воспользоваться удобствами по законам дружелюбия. А они говорят: нет, мы отдохнем на улице. Этим они указывали на то, что они странники и бесприютные, и, думаю, возбуждали человека, расположенного оказать гостеприимство, к более сильному настоянию, почти что намекая вежливо, что неприлично было бы ему оставить их без приюта и на этом самом распутии; и праведник, понявши это, настаивал сильнее и не ухватился за их отказ[1], как сделал бы человек с душой недеятельной и вялой. Итак, он ввел их в дом свой, предложил им пресные хлебы и сделал угощение. Так поступил праведник; а содомляне, страдая неприкрытым и гнусным вожделением, беззаконно окружили дом праведника и, перешедши пределы крайнего бесстыдства, требовали, чтобы им было предоставлено совершить обычное для них дело; таким образом, когда следовало оказать гостеприимство, они хотели обидеть противоестественным любодеянием. А когда Лот отклонял их от таких диких и гнусных замыслов, они хотели причинить ему насилие, и, может быть, ему пришлось бы подвергнуться этому,

---

[1] Οὐκ ἁρπαγμὸν τὴν παραίτησιν ἐποιεῖτο. Ближе было бы перевести: не похитил отказ. Мысль здесь та, что Лот не воспользовался отказом странников как предлогом к тому, чтобы освободиться от издержек и хлопот гостеприимства.

если бы не подоспели избавители. Простерше,— сказано,— мужие руки вовлекоша Лота к себе в храмину, и двери храмины заключиша; мужи же сущия пред дверми дому поразиша слепотою от мала даже до велика, и разслабишася ищуще дверей (Быт. 19, 10–11). Но этим одним не ограничилась оказанная ему помощь; ибо написано еще: егдаже утро бысть, понуждаху ангели Лота, глаголюще: востав, поими жену твою и две дщери, яже имаши, и изыди, да не и ты погибнеши со беззаконми града. И смутишася, и взяша ангели за руку его, и за руку жену его, и двух дщерей его, понеже пощаде и Господь (Быт. 19, 15–16). Вот для тебя ясное указание на то, что мы поощряемся к удалению от греха не одними словами и увещаниями, обращенными к уму, но Спаситель всех Бог до того простирает Свое снисхождение к нам, что оказывает деятельную помощь, по слову Писания: удержал еси руку десную мою, и советом Твоим наставил мя еси (Пс. 72, 23–24). Так как природа человека не очень крепка и не имеет достаточно сил для избежания зла, то ей как бы споборствует в этом Бог. Он является подающим ей двоякую благодать: убеждает наставлениями и изобретает средства помощи ей, делая ее недосягаемою для близкого к ней и владычествующего зла. Сверх этого ты можешь усмотреть еще и ту истину, что весьма немного заботящихся о справедливости и что в жизни великая скудость добрых мужей: мужа верна, как написано, (велико) дело обрести (Притч. 20, 6); но такой человек – муж избранный и не в малой мере удостоенный вышнего попечения. Хотя он и находится в мире в смешении с другими, но не терпит от этого никакого вреда, восхищается как лилия из среды терний, и не погибнет праведник с нечестивыми, согласно вещаниям святых (Быт. 18, 23–25).

П. Итак, несомненно, что под охранением Божиим и при содействии святых Ангелов мы и освободимся от преобладания порочности, и бесспорно достигнем того, что никогда и никак не подвергнемся наказаниям, которым подвергаются злые,– мы, верующие Богу, ясно возвестившему чрез одного из пророков: яко Аз Господь Бог твой держай десницу твою, глаголяй тебе: не бойся Иаков, малый Израилю, аз помогох ти, глаголет Господь, избавляяй тя, Израиль (Ис. 41, 13–14).

К. Удаление Лота рукою Ангелов не показывает ли, что всемогущий Бог — помощник святым? Ибо Ангелы могли быть образом Бога; трое вначале подошли к Аврааму у дуба Мамврийского, но два только вошли в Содом: *Отец бо не судит никому же,* по словам Самого Спасителя, *но суд весь даде Сынови* (Ин. 5, 22), с Которым, без сомнения, присутствует и в Котором по естеству пребывает и Дух Святой.

П. Ты понимаешь дело очень хорошо. Рассмотрим же и дальнейшее, если угодно.

К. Немедленно, и вот я буду говорить: *и бысть егда изведоша его вон, реша: спасай твою душу, неозирайся вспять, ниже постой во всем пределе сем; в горе спасайся, да не когда купно ят будеши* (Быт. 19, 17). В словах: *спасай твою душу,* по моему мнению, ясно высказывается следующее: *себе чиста соблюдай, ниже приобщайся чужим грехом* (1 Тим. 5, 22), и побеждай препятствия, встречаемые в мире; потому что ничто не может служить выкупом за душу: *кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит?* (Мф. 16, 26.) А что приказано было идти, не оборачиваясь назад, это, может быть, значит, что не должно, возвращаясь к порочности, опять становиться единомысленным с теми, которые за невоздержание подпали наказанию огнем, ибо сказано: *никтоже возлож руку свою на рало, и* обратившись *вспять, управлен есть в царствии Божии* (Лк. 9, 62). Но должно держаться пути ко спасению, не отвлекаясь туда и сюда, и сохранять в себе ум не легкомысленный и не рассеиваемый пустыми мечтами о мирских наслаждениях, но совершенный и неусыпный и всегда тщательно смотрящий прямо вперед. Скажу нечто еще бо́льшее; Ангел не только говорит, что Лоту надобно идти, не оборачиваясь назад, но сделал полезное присовокупление: *не постой во всем пределе сем: в горе спасайся, да некогда купно ят будеши.*

П. На что же указывают слова: *не постой во всем пределе сем?*

К. Я думаю, на то, что леность и недеятельность в удалении от зла опасна и вредна.

П. Скажи, каким образом.

К. Пророческое слово говорит: горе творящим *дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10). *Тецыте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24), говорит и божественный Павел. Кто не хочет

поспешно и со тщанием убегать от постыдного, потому что ум его с трудом отвлекается от прежнего, как бы со скорбию удаляется от каждого порока и весьма медленно переходит к тому, что по природе полезно, тот не что иное делает, как останавливается вблизи зла, тогда как следует быстро убегать: ибо может случиться, что, постоянно откладывая и увертываясь, мы будем постигнуты правосудием прежде, нежели уйдем из пределов зла, прежде, нежели очистимся от грязи, прежде, нежели смоем с души скверну, глубоко проникшую в нее вследствие прежнего нерадения, прежде, нежели сбросим с себя бремя виновности и примем на себя спасительное иго, чтобы получить успокоение от Христа (Мф. 11, 28–29). Итак, это весьма хорошее увещание: *не постой во всем пределе сем*, то есть не окажись замедлившим ни в каком роде порочности, но восходи, как бы на гору, к отличной и славной жизни, не имеющей в себе ничего долуповерженного, но блистающей высоко и превознесенною добродетелью, чуждою низкого образа мыслей, то есть земного и плотского; ибо написано: *яко Божии державнии земли зело вознесошася* (Пс. 46, 10). Подобающий святым образ мыслей находится весьма высоко над земными вещами, *и птенцы суповы* (коршуна) *высоко парят* (Иов 5, 7), как написано; так как святые имеют на небе, как бы на горе, город, к которому принадлежат, и считают своим вышнее отечество, как пишет Павел: вышнего ищите, а не земного (Кол. 3, 2).

П. Итак мысленная гора есть жизнь, проводимая в святости, и высота отличного жития, а жизнь, проводимая в нечистоте, грехолюбивая и погрязшая в земном, представляется низкою.

К. Ты хорошо сказал: так как на это именно ясно указывают и самые слова; но ты удивишься еще вот чему.

П. Чему?

К. Блаженный Ангел сказал, что дивный Лот должен, убегая безостановочно и не оглядываясь, восходить на гору; но этот умолял, говоря: *молюся Господи, понеже обрете раб Твой милость пред Тобою, и возвеличил еси правду Твою, юже твориши, еже жити души моей, аз же не возмогу спастися в горе, да не постигнут мя злая, и умру; се град сей близ еже убежати ми тамо, иже есть мал, тамо спасуся: не мал ли есть? и жива будет душа моя. И рече ему,* – сказано, –

се удивихся лицу твоему, и о словеси сем, еже не погубити града, о нем же глаголал еси. Потщися убо спастися тамо: не возмогу бо сотворити дела, дондеже внидеши тамо: сего ради прозва имя граду тому Сигор. Солнце взыде над землею, Лот же вниде в Сигор (Быт. 19, 18–23).

П. Какая же может быть для нас польза от этого, я желал бы, как сам ты знаешь, научиться.

К. Неужели ты, хотя и очень способен к быстрому пониманию, не разумеешь, что те, которые только что удалились от порочности и признали нужным вступить на путь спасения, не вдруг и не с первого разу могут уловить добродетель и достигнуть того, что одобряют? Не легко перейдет кто-либо к превосходному образу жизни и не далеко будет от страстей, как бы вместе с ним выросших, но выйдет из них мало-помалу, стремясь к лучшему и полагая начала подвигов; он не будет слишком высоко или далеко, а только как бы переселится в другую землю, то есть в жизнь хотя и похваляемую, но еще не высокую и не достигшую лучезарной славы, такую, какова была, например, жизнь под детоводительством закона, приводившим к начаткам жизни превосходной и доброй; ибо написано: *начало пути блага, еже творити праведная* (Притч. 16, 6). Как для тех, которые ищут знания и стремятся к таинственному созерцанию, вначале пригодно и весьма прилично бывает огласительное учение, а тем, которые возросли *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), соответственна уже более твердая пища, то есть учение о высших предметах, полный курс догматического исследования, так и в этом случае, то есть в исправлении нравов и образа действий, никому невозможно вдруг возвыситься к безупречному состоянию, или к чрезвычайному и превыспренному образу жизни; но, думаю, каждый понемногу будет приближаться к совершенному состоянию, начиная с малого и умеренного и как бы прибегая сначала в малый город, соседний с высокою горою, то есть образ жизни, который ниже и незначительнее в сравнении с превосходною и возвышенною жизнию. Поэтому образом людей, находящихся в таком положении, может быть праведный Лот, желающий не тотчас взойти на гору, но остановиться в малом городе Сигоре. Да и в самой евангельской проповеди не встречаем ли мы часто таких же устроений относительно верующих? Ведь и бла-

женный Павел в Послании говорит: *добро человеку жене не прикасатися. Но блудодеяния ради кийждо свою жену да имать, и каяжда жена своего мужа да имать... Сие же глаголю по совету, а не по повелению. Хощу бо, да вси человецы будут якоже и аз: но кийждо свое дарование имать от Бога, ов убо сице, ов же сице*'(1 Кор. 7, 1–2 и 6–7). Видишь ли, как он указал нам на высшую степень воздержания, как бы на гору, говоря: *добро человеку жене не прикасатися*, однако же позволил нам остановиться в Сигоре, то есть в образе жизни, который ниже совершенного, разумею позволение совокупляться с одной своей женою? И Спаситель сказал, что наилучшая земля даст плод иная во сто раз, иная в шестьдесят, иная в тридцать (Мф. 13, 23); и таланты раздал Он не в равной мере, но иному дал пять, иному два, иному один (25, 15), показывая этим, думаю, неравносильность способностей и распределяя каждому, смотря по его годности и разумению; потому что, как мы недавно сказали, *кийждо свое дарование имать от Бога, ов убо сице, ов же сице.*

П. Хорошо говоришь.

К. Итак, блаженный Ангел позволяет остановиться в Сигоре: *се удивихся*,— говорит,— *лицу твоему, и о словеси сем, еже не погубити града, о немже глаголал еси. Потщися убо спастися тамо.* Потом сказано, что *солнце взыде над землю, Лот же вниде в Сигор.* И ты удивишься, друг мой, узнав, какой смысл сказанного. *Удивихся*,— говорит,— *лицу твоему, еже не погубити града, о нем же глаголал еси.* Ибо по истине не угоден Богу образ жизни, несовершенный в добродетели, и подчинение страстям в чем бы то ни было в очах Его достойно отвержения и не далеко от осуждения. Впрочем, по человеколюбию Он попускает это и, соразмерив достижимое для человека вначале с природою его, повелевает спасаться и тем, которые только имеют попечение о добре, но еще не ведут жизнь совершенно безвинную. Но и для них, доходящих до этой меры и достигающих этого состояния, достижение было бы невозможно без Божественного света и вышнего озарения: ибо *взыде солнце*,— сказано,— *Лот же вниде в Сигор.*

П. Как справедливо ты сказал!

К. Итак, дивный Лот вошел в малый город с позволения Божия; а следовавшая за ним и бежавшая с ним жена и для

этого оказалась слабою: *и озреся,* — сказано, — *вспять, и бысть столп слан* (Быт. 19, 26). Примечай, что мужественный ум и добрый смысл, начавши упражняться в добродетели, если и не вполне достигает угодного Богу, но по крайней мере понемногу производит улучшение в страстных состояниях; а слабый и не мужественный ум, который означает жена, вследствие возврата к порочности становится негодным к употреблению. Ибо, я думаю, на это указывает то, что жена сделалась соляным столпом. Он может быть знаком иссохшего смысла и ума, расположенного переходить в глупость и дошедшего до крайнего как бы бесчувствия. А что соль, потерявшая свою остроту, не будет иметь никакой силы, сказал и Сам Спаситель; она сделается совершенно негодною к употреблению, будет выброшена вон и растаптываема человеческими ногами (Мф. 5, 13). И так жена Лота окаменела, а он немного спустя восполнил недостающее; ибо написано, что *изыде Лот от Сигора, и седе в горе сам, и две дщери его с ним:* ибо убоялись *жити в Сигоре;* и обитали в пещере сам он и две *дщери его с ним* (Быт. 19, 30). Ум идет вперед к совершенству как бы по ступеням и понемногу восходит к тому, к чему вначале он был не расположен и не очень способен; он идет вперед и вверх к лучшему, поддерживаемый благоразумием и мужеством духовным, как бы дочерьми своими, и оставив внизу сладострастие и малодушие, образом которых была жена. Он обитает уже как бы на горе и в пещере, так как гора весьма хорошо указывает на высоту и превознесенность духовного благосостояния, а пещера на внедренность и прочность постоянства в добродетели. Ибо так написано о добрых мужах: *ходяй в правде, глаголяй правый путь, ненавидяй беззакония и неправды, и руце оттрясаяй от даров; отягчаваяй уши, да не услышат суда крове; смежаяй очи, да не узрит неправды, сей вселится в высоце пещере камене крепкаго* (Ис. 33, 15–16). Было бы не странным и иное объяснение этого. Именно, камень есть Христос, по причине крепости и неуязвимости высочайшей из всех сущности; а под пещерой можно разуметь сущую во Христе церковь — убежище святых и покров благочестивых, под которым живут праведные и все избегающие наказания огнем.

П. Как хорошо это объяснение, друг мой! Но я желал бы, чтобы мы занялись и другими доказательствами, потому

что любовь к совершенному познанию того, что полезно, я ценю выше всего.

К. И в самом деле, Палладий, ты говоришь справедливо. Познание, о котором ты упомянул, может быть плодом только мысли весьма любознательной; и что касается нас, наша речь не замедлит, потому что и мне не хочется налагать на себя наступающее не вовремя молчание, при таких блистательных и приятных объяснениях. Что нужно всецело и всячески, по возможности, очищаться от расположения к дурному и общения с ним и что возвратиться к добродетели не иначе возможно, как этим самым способом, — мы без труда увидим, пристально устремив взор разума на случившееся с божественным Авраамом и на превышающие ум события, сопровождающие исход сынов Израилевых, который они совершили некогда, разорвавши узы владычества египтян.

П. Итак, поговори об этом по порядку. Будь уверен, что ты доставишь нам большое удовольствие, если захочешь сделать это.

К. Мы говорили, как некогда божественный Авраам, угнетаемый несносным голодом и недостатком необходимого, не добровольно пришел в Египет, но уступил необходимости. Ему, бывшему странником и пришельцем, фараон причинил огорчения и оскорбил его своими притязаниями: он хотел сделать насилие его супруге, разжигаемый необузданным вожделением к совершению постыдного дела. Но Бог не попустил ему исполнить это: *и мучи*, — сказано, — *казньми великими фараона Сары ради жены Аврамли* (Быт. 12, 17). Фараон есть образ и отпечаток невоздержания диавола: потому что цель и главную заботу диавола составляет то, чтобы в души святых бросить семена присущей ему нечистоты, так чтобы они приносили плоды приятные и угодные ему; я разумею виновность в многообразных грехах. И всякий был бы уловлен и невольно подчинился бы его преобладанию, по причине бессилия, которым страдает природа наша; но Бог не попускает, отражая покушения и злоумышления лукавого против святых. Божественному Аврааму не удалось бы избежать вреда, если бы он не возвратился, оставив Египет, в прежнюю, богоданную страну, достигши которой, он на свободе стал заниматься добрыми подвигами. Ибо написано так: *изыде же Аврам от Египта сам, и жена его, и вся, елика его, и Лот с ним*

в пустыню. Аврам же бяше богат зело скоты, и сребром и златом. И иде, отнюду же прииде, в пустыню до Вефиля, до места, идеже бе ему куща первее между Вефилем и между Агге на место жертвенника, идеже сотвори его перве: и призва тамо Аврам имя Господне (Быт. 13, 1–4). Понимаешь, что тем, которые возвращаются от мирского невоздержания к святой жизни, необходимо взять с собою как бы все свое? Ибо и праотец Авраам удалился из земли Египетской со всем домом своим и родом, прибавлю — и всем хозяйством. Должно всячески удаляться и некоторым образом со всем домом переселяться в пустыню, то есть в невозмутимое и чистое расположение духа, из которого вначале выступила природа человека, склонившись к худшему по причине оскудения в ней вышних благ. На это загадочно указывает переход к иноплеменникам как бы от первоначальной и весьма дорогой земли и шатра, где был и жертвенник. Возвращаясь таким образом до тех пор, пока мы прибудем в место и страну прежде бывшего жертвенника, то есть исперва внедренной в нас святости, мы призываем Бога всяческих, произнося оное пророческое обращение: *Господи, разве Тебе иного не вемы: имя Твое именуем* (Ис. 26, 13).

П. Ты сказал весьма прилично.

К. Что это так, ты можешь увидеть также, внимательно рассматривая случившееся некогда с сынами Израилевыми. Когда они вначале, понуждаемые голодом, попали во власть египтян, египтяне, подчинивши их — людей, происходивших от корени святых и издревле свободных, — непредвиденному и непривычному для них игу рабства, грубо угнетали их, придумавши для своей жестокости против них следующий повод: *воста же,* — сказано, — *царь ин во Египте, иже не знаяше Иосифа. Рече же языку своему: се род сынов Израилевых великое множество, и укрепляется паче нас; приидите, прехитрим их, да некогда умножатся, и егда аще приключится брань, приложатся и сии к супостатом, и одолевше нам, изыдут из земли нашея* (Исх. 1, 8–10). А беспокоило, я думаю, правителя земли Египетской то, что люди, подвергшиеся игу невольно, а не с согласия их, решатся когда-нибудь хотя только помыслить о свободе: *и пристави над ними,* — сказано, — *приставники дел, да озлобят их в делех: и создаша грады тверды фараону, Пифо, и Рамесси,*

и Он, иже есть Илиополь (1, 11). Плодами его невыносимого властолюбия были непрерывные страдания в работе над глиною и кирпичами,— города, укрепленные стенами, устроение насыпей в полях[1]; и все это трудящиеся совершали бесплатно и со многим потом. Так и миродержители века сего (Еф. 6, 12), захватившн несчастные человеческие души, изнуряют их работою над глиною и кирпичами, вообще делами, совершаемыми в земле и с землею, и подвергши их тяжелому и бесприбыльному упражнению (ибо такими являются дела плоти и относящиеся к плоти), они принуждают их начать горькую и весьма бедственную жизнь, которая никаким образом не принесет пользы принужденным вести ее. Ибо какую пользу доставят несчастной душе нашей плотские дела и страсти? Прибыль от нас, так сказать, достанется диаволу и демонам и принесет богатство и славу царству противников, подобно как и фараон, конечно, в немалую похвалу для себя вменял то, что сыны Израилевы воздвигли ему города, будучи принуждены заниматься этим без прокормления и платы.

П. Так точно; сказанное тобою очень ясно.

К. Итак, работа израильтян представляет начертание и как бы ясный образ суетных и мирских занятий наших на земле, при которых присутствует и бросается на нас сам сатана и с ним злые силы, которые Священное Писание обозначает именем приставников. Я разумею при этом лукавое попечение (Еккл. 1, 13), полное пота и труда, наполненное как бы грязью, нечистотою и гнусным удовольствием. Но и тогда Бог умилостивился к тем, которые весьма беззаконно и жестоко угнетаемы были владычеством египтян и находились в рабстве без всякого законного основания. Он тотчас избрал в служители Своего сострадания к ним превосходного мужа — Моисея. Что же? Разве мы не видим, что это делает Бог и с нами? Ибо, когда мы впадаем в грехи, Он оказывает нам милость и тотчас посылает в сердца всех закон Свой, как бы посредника, возводящего к свободной жизни.

---

[1] Египтяне, чтобы воспользоваться разливом реки Нила для орошения своих полей, устрояли каналы, плотины и шлюзы (*Uhlemann.* Handbuch des aegyptischen Alterthumskunde. 2 Th. 1857 S. 132). Вероятно, эти плотины имеет в виду св. Кирилл, когда говорит об устроении насыпей в полях.

П. Понимаю, что ты говоришь.

К. Хочешь ли, мы, сокративши объем повествования, скажем по возможности надлежащее?

П. И очень.

К. Так вот что написано: *и по сих вниде Моисей и Аарон к фараону, и реша ему: сия глаголет Господь Бог Израилев: отпусти люди моя, да праздник сотворят мне в пустыни. Рече же фараон: кто есть, егоже послушаю гласа, яко отпустити имам сыны Израилевы? не вем Господа и Израиля не отпущу* (Исх. 5, 1–2). Моисей и Аарон утверждали, что должно отпустить Израиля из страны и земли Египетской, потому что Бог призывает на праздник: ибо истинный праздник – освободиться от ига невольного рабства, подчиниться Богу и исполнять приятное пред Ним без всякого вожатая, то есть, когда никто не принуждает избирать и любить угодное Ему. Но фараон говорит весьма необузданно и восстает против славы Божией, утверждая, что он не знает Господа, кто Он такой, и не отпустит Израиля. А божественный Моисей не отступается и твердо настаивает, что угодное Богу должно совершиться. Так и тогда, когда сатана не пускает идти на свободу тех, которые подпали его власти, им надобно мужаться и препобеждать, думаю, всякое препятствие, но никак не следует являться робкими, а надобно стоять на своем, говоря: *Бог Еврейский призва нас: пойдем убо путем трех дней в пустыню, да пожрем Богу нашему, да не когда случится нам смерть или убийство* (Исх. 5, 3); так как это самое возопил тогда и премудрый Моисей. У нас, евреев, говорит, не теленок, как у вас египтян, предмет обожания, также не свинья, не козел, не кумир, изображающий человека, не очертания птиц, не изображения пресмыкающихся – предметы, помещаемые в ваших храмах[1]; но нас призвал Бог и Владыка, который устроил вселенную. И так велик и несравним с богами египтян и выше всякой твари Бог Еврейский, который зовет нас в пустыню принести там благоугодную Ему жерт-

---

[1] Ни у одного из народов древности не было так распространено обожание животных, как у египтян. Не только изображения чтимых ими животных были помещаемы в храмах, но в храмах или подле них были устрояемы помещения, в которых содержались сами эти животные (Uhlemann. Ibid. S. 202, 188–189).

ву. Слово Египет значит омрачение[1], и я думаю, что нам надобно понимать духовно то, что выражено в тени и образах; именно, мы должны тщательно избегать всякого дела, которому свойственно омрачать, и как бы вышедши из страны, подвластной тирану (говорю о сатане), то есть из склонности ко грехам, мужественно спешить переселяться к свободной и чистой жизни и идти путем законного образа действий, неподчиненным демонам; ибо тогда мы будем в состоянии приносить в жертву Богу плоды правды. Моисей требовал, чтобы сыны Израилевы совершили путь трех дней в пустыню, показывая этим, что не близко надобно быть от пределов порочности и жизни под управлением тирана. Божественный Моисей придумывает в оправдание нечто и замысловатое и весьма благовидно показывает, что надобно удалиться из Египта званным от Бога: *да не когда*, говорит он, *случится нам смерть или убийство*[2].

П. Что же это значит? Это не удобовразумительно для желающих понять.

К. Я объясню тебе. У египтян существовал обычай, который сохранился и доныне у поклоняющихся идолам, что входящие в храмы должны избегать встречи с мертвым телом; потому что они считают величайшим осквернением не только то, если кто захочет прикоснуться к нему, но и то, если случится только взглянуть на него. Итак, основываясь на обычаях их, Моисей убеждает их подумать о том, что сыны

---

[1] Существует мнение, что слово Αἴγυπτος (Египет) есть видоизменение санскритского слова: A-kuptas, которое значит: закрытое пространство Отсюда может происходить значение: темное место (Nork Etymol: symbol. mythologisches Real — Wörterbuch. Aegyptus); это значение близко к тому, которое указывает св. Кирилл. Но Улеман находит более вероятным, что слово Αἴγυπτος составилось из греческого αἶα — земля, и древнеегипетского названия Египта: Kah-Ptah, т.е. страна, Фтаха (отсюда Копты). Фтах, соответствующий греческому Гефесту, считался у египтян одним из главных богов (Aeg Altreth. 2 Th. S. 11–12, 157).

[2] Μή πως γὰρ (у LXX и выше у св. Кирилла μή ποτε) συναντήσῃ ἡμῖν θανάτος ἢ φόνος. Буквально надлежало бы перевести: чтобы не встретились нам как-нибудь смерть или убийство. К этому изложению слов Моисея и приспособлено следующее далее у св. Кирилла объяснение их. Но в еврейском подлиннике слова Моисея имеют такой смысл чтобы не поразил нас (Иегова) язвою или мечом; к этому изложению не удобно применить объяснение, предлагаемое св. Кириллом.

Израилевы не могли бы принести чистую жертву, если бы, когда они начали это дело, непредвиденно встретился мертвец или убийство, то есть или умерший естественною смертию, или лишившийся жизни от руки убийцы. У вас, сказал он, есть храмы и священные места, запоры и ворота, и вошедшим в них возможно приносить жертвы беспорочно, по вашему собственному мнению; а мы, принося жертвы среди города, на распутиях и полях, неизбежно оскверняемся видом умерших: ибо совсем нет ничего, задерживающего зрение. Изложенное повествование представляется вероятным, как сообразное с обычаями египтян; но сказанное премудрым Моисеем будет правильно и в том случае, если будет понимаемо духовно. Нам надобно приносить жертвы как бы в пустыне, совершать священный праздник, удаляясь из земли Египетской, и избегать зрения смерти. Ибо, только имея ум спокойный и далеко отшедший от мирского омрачения и отвративши взор от всего, что приводит к мертвенности и разрушению, мы будем приносить чистую жертву владычествующему над всем Богу. Мертвые же дела – суть дела плотские; а мирское омрачение есть потемнение, происходящее от дурных и суетных развлечений, загрязняющее чистый и прозрачный эфир разума. Что от них надлежит удаляться желающим беспорочно служить Богу, в этом убеждает нас и слово истории.

П. Сказанное не непонятно; объясни же мне и то, что следует далее.

К. Итак, у израильтян возникло, я думаю, неудержимое и сильное желание древней свободы. Получивши наклонность к этому, они возбудили страшный гнев в том, кто держал их под игом рабства; считая такие желания действием праздности, он приказывает увеличить для них тяжесть работ, требуя без отсрочки выполнения урочной работы и в то же время прекративши обычную раздачу соломы; ибо сказал: *праздни, праздни есте: сего ради глаголете: да идем и пожрем Богу нашему. Ныне убо шедше делайте: плев бо* (соломы) *не дам, урок же делания плинфеннаго* (кирпичного) *да отдаете. Видяху книгочии* (надзиратели) *сынов Израилевых себе во злых, глаголюще: не оставите плинфоделания урочнаго дню. Сретоша же Моисея и Аарона, идущих во сретение им, исходящим им от фараона: и реша им: да*

видит Бог и судит вам, яко огнусисте дух наш пред фараоном, и пред рабы его, дати меч в руки его, убити нас (Исх. 5, 17–21). Не признаешь ли ты несомненным, любезный, что когда вознамерится кто-либо освободиться от ига власти диавола и взамен того восхитить светлую и свободную славу служения Богу, дать себе досуг и познать истинного Владыку, как поется в Псалмах: *упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Господь Бог* (Пс. 45, 11), то такого рода досуг и стремление враг всех поставит нам в вину как какое-то беззаконное дело и будет противодействовать ему вместе с другими злыми и нечистыми духами, жестоко принуждая нас непрестанно прилепляться, сообразно с привычками каждого, к плотской и земной нечистоте и мирским предметам и вовсе не позволяя воздерживаться от привычных пороков? Но и исполнение своих требований он сделает труднодостижимым для того, чтобы зло, вследствие излишней легкости достижения, не успокоилось и не дошло до пресыщения. Ибо на это, думаю, указывает настойчивое требование положенного числа кирпичей и лишение того, что облегчает приготовление их, то есть соломы[1]. По природе своей мы склонны особенно усердно и сильно стремиться к привычному для нас и воспламеняться более горячим желанием его тогда, когда на пути к нему явится что-нибудь, делающее невозможным достижение его. Когда же Божественный закон отучивает человеческий ум от постыдных дел, тогда вторгается особенно сильное желание, увлекающее нас к ним и только что не убеждающее обвинять законодателя. Изображение этого как бы на тени представляют нам надзиратели сынов Израилевых, угнетаемые работами и не видящие удобного пути к исполнению их, так как имели недостаток в соломе; они сильно обвиняли Моисея и Аарона, говоря, что они подали повод к случившейся с ними беде и что им приходится терпеть более тяжелое угнетение не по какой

---

[1] У египтян при выделывании кирпичей к глине примешивалась мелко изрубленная солома, чтобы сообщить им прочность, так как кирпичи не обжигались, а высушивались на солнце. До сих пор в Египте находят кирпичи, приготовленные таким способом, с клеймом различных фараонов, начиная с древнейших времен. И в настоящее время, например в Каире, нередко употребляются для построек такого рода кирпичи (Uhlemann. Ibid. S. 153).

иной причине, как потому, что в них возникло желание свободы вследствие убеждения, произведенного словами Моисея и Аарона.

П. Разве ты не признаешь, что они (надзиратели) говорят справедливо и истинно?

К. Признаю вполне, Палладий; потому что, как скоро хорошее желание и благое размышление возбудило нас к решимости делать угодное Богу, и мы помним о законе, ведущем к благочестию, тогда враг всех еще злее понуждает нас к тому, что по природе вредно. Но Бог исторгает нас и спасает. И в самом деле Он сказал Моисею: *иди, рцы сыном Израилевым, глаголя: Аз Господь и изведу вас от насилия египетска, и избавлю вас от работы их, и отъиму вас мышцею высокою, и судом великим: и приму вы Себе в люди и буду вам Бог: и уразумеете, яко Аз Господь Бог ваш, изведый вас от земли Египетския и от насилия египетска* (Исх. 6, 6–7). Когда сатана отвращает и отгоняет нас от всякого доброго желания и всеми возможными для него способами отталкивает нас от наклонности к добру, закон Божий обращает нас к доброму хотению, показывая неуязвимость того, кто радит о нем, поощряя нас к дерзновению посредством самой светлой надежды, укрепляя верою и вручая Богу, как истинному спасителю и освободителю.

П. Как прекрасна и спасительна вера и горячее желание следовать Богу!

К. Ты сказал правильно. А что вера идет к добру, как к своему пределу, ты ясно увидишь, когда речь наша достигнет своей цели. Когда Моисей с Аароном пришли к фараону для того, чтобы опять вести с ним переговоры и убеждать его отпустить Израиля из земли Египетской и разрешить от давнишних уз, то они хотели расположить его к этому необычайными знамениями: показали превращение жезла в змия и возвестили, что они при помощи Божией могут весьма легко совершить еще большие и превосходнейшие чудеса. Но он приказал сделать подобное же своим волхвам, высказывая чрез это почти следующее: и мы не несведущи в таких делах; но у египтян гораздо больше таких людей, чем у вас; и творить чудеса есть искусство волхвов, к числу которых принадлежите и вы. Когда же он очень ожесточился и не отпускал Израиля, то его постигают четыре ужасные казни и

одна другой хуже; ибо совершилось странное превращение воды в кровь; затем жабы, скнипы (мошки) и, наконец, песьи мухи сделали фараона гораздо мягче вследствие невыносимого страдания. И так, призвавши к себе Моисея, говорит: *шедше пожрите жертву Господу Богу вашему в земли сей. И рече Моисей: не может се тако быти*: поелику отвратительно для египтян жертвоприношение наше Господу Богу нашему; если мы отвратительную для египтян жертву станем приносить в глазах их[15], *камением побиют ны. Путем триех дней пойдем в пустыню, и пожрем Господу Богу нашему, якоже рече нам. И рече фараон: аз отпущаю вы, и пожрите Господу Богу вашему в пустыни: но недалече простирайтеся ити* (Исх. 8, 25–28). Так и тогда, когда сатана противоборствует нам и сильно ухищряется воспротивиться нашему усердию к добру,– Бог противопоставляет ему свою ненависть к злу, обуздывает и укрощает храбрящегося посредством казней. Тогда только он отпускает неохотно; однако пытается убедить нас, чтобы мы совершили не вполне рачительно служение Богу и не окончательно вышли из-под его власти; как и фараон повелел иудеям совершить жертвоприношение не вне земли его, но в ней. А Моисей премудро отвечает: *не может се тако быти*. Так и изобретатель греха всегда бывает советником дурных дел; но Божественный закон отвергает их и запрещает делать то, что нравится ему (сатане). Поэтому тем, которые желают вести жизнь правильную, надобно внимать не тому, что говорит лукавый, обманывая их, но тому, что гласит нам Божественное провещание: ибо *светильник,* – сказано, – *ногама моима закон твой, и свет стезям моим* (Пс. 118, 105).

П. Правда.

К. Итак, когда лукавый удерживает нас и хочет заключить и подчинить нас себе, надобно служить Богу, единому по естеству, и, удаляясь как можно больше от нерешительности, говорить: *не может се тако быти*; ибо *никто же может двема господинома работати: любо единаго возлюбит, а другаго возненавидит: или единаго держится, о друзем же нера-*

---

[15] Эти слова мы привели по русскому переводу Библии, изданному Св. Синодом: потому что в настоящем случае он более, чем славянский, согласен не только с еврейским подлинником, но и с переводом LXX, которому следует св. Кирилл

дити начнет (Мф. 6, 24). Написано также: *горе сердцам страшливым и рукам ослабленным, и грешнику ходящу на две стези* (Сир. 2, 12). Я утверждаю, что надобно совершать чистое и беспорочное служение владычествующему над всем Богу, вполне отказавшись от служения под властию диавола, и таким образом мужественно приступать к исканию лучшего; в противном случае, говорит (Моисей), мы принесем отвратительную для египтян жертву Господу Богу нашему; если мы отвратительную для египтян жертву станем приносить в глазах их, *камением побиют ны* (Исх. 8, 26). Что касается исторического содержания, то отказ этот был благовиден; потому что Моисей здесь называет отвратительными предметы обоготворения[1]; так как у египтян предметом обоготворения были тельцы. Если их, говорит, мы принесем в жертву Богу евреев, то непременно возбудим гнев в египтянах, которые считают это делом нестерпимым; объяснение это убедительно; а в отношении к духовному созерцанию оно приносит немалую пользу. Ибо умерщвляя то, что скопище демонов весьма высоко ценит, считает значительным и удостоивает всякого уважения, мы совершаем служение, весьма приятное Богу.

П. Каким же образом?

К. Разве не в почете у них плотские страсти? И, конечно, не сами по себе, но потому именно, что чрез них мы погибаем и попадаем в узы рабства демонам.

П. Правда.

К. Умерщвляя и как бы закалая их, мы будем вонею благоухания Богу. И Павел пишет: *представите телеса ваша жертву живу, благоугодну Богови, словесное служение ваше* (Рим. 12, 1). А это правильно совершит тот, кто умерщвляет *уды, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание* (Кол. 3, 5). Итак, каждая из страстей, существующих в нас, есть мерзость[2] мысленных египтян, то есть преимущественный предмет их благоговения. А что Боже-

---

[1] Здесь, по-видимому, св. Кирилл понимает выражение Моисея (по переводу LXX) βδελύγματα των Αἰγυπτίων не в смысле того, что у евреев отвратительно для египтян, а в смысле того, что у египтян отвратительно для евреев.

[2] Здесь у св Кирилла поставлено тоже слово, как и выше: Исх. 8, 26, то есть: βδελύγματα, и переводится нами иначе применительно к славянскому переводу следующего далее текста Иер 11, 15.

ственное Писание обыкновенно мерзостью называет то, что принадлежит к числу идолов и есть предмет боготворения, в этом убеждает Бог, говоря устами Иеремии об иудейской синагоге: *почто возлюбленная в дому моем сотвори мерзости?* (Иер. 11, 15) Если же кто захочет под мерзостию египтян разуметь предмет ненависти и отвращения, то не удалится от правильного понимания. Ибо что нечистые духи по своему обыкновению всегда ненавидят и от чего отвращаются, то приносится от нас Богу в воню благоухания, как жертва духовная, вера, кротость, воздержание, целомудрие, взаимная любовь и слава искреннего отношения к Богу.

П. Кто же такие приносящие жертву в земле лукавого? И кого можно разуметь под приносящими вне той земли?

К. Те, которые еще не вышли из земли Египетской и в ней приносят жертвы Богу, весьма многочисленны и, может быть, бесчисленны; тогда как тех, которые находятся вне страны и в пустыне, очень немного и они суть избранные: *мнози бо суть звани,* — сказано, — *мало же избранных* (Мф. 20, 16). Ибо все мы призваны к свободе чрез веру во Христе и искуплены от власти диавола; и это сделал с нами Христос, прекрасным прообразом Которого для древних были Моисей и Аарон, дабы ты представлял себе Еммануила, Который, по премудрому устроению, в одном и том же лице есть и Законодатель, и Первосвященник, и Апостол. Но весьма многие из званных охотно пребывают еще в прежнем зле, еще не вышли всею своею мыслию из мирской прелести и служат Богу одною праздною верою. Об них мы говорим, что они приносят жертвы в Египте или не много удалившись от него: ибо *недалече простирайтеся ити*, говорит жестокосердый фараон, если и выйдете из земли Египетской. А те, которые хотят благоугождать Богу всецелою переменою к добру и вполне освобождаются от мирской суеты, те несутся за пределы земли египетской, избегают власти тирана и, как бы в пустыне, в спокойной и свободной жизни чистые чисто приносят жертву Богу. Я сказал бы, что и иным способом должно уходить как можно далее от земли Египетской тем, которые переходят к истине от служения твари вместо сотворившего и призваны к познанию Бога по естеству. Еще не совершенно вышли те, которые не истребили в душе своей остатков прежнего заблуждения; ибо некоторые

наблюдают дни и месяцы и времена и годы (Гал. 4, 10)[1]. Они, будучи призваны Христом к достоинству свободы, приносят жертву Богу, еще обитая в Египте, то есть продолжая жизнь, не неприятную сатане. Если же кто вполне выселился, распростившись с прежними обычаями, то он в пустыне приносит жертву и ведет жизнь, достойную всякой похвалы.

П. Соглашаюсь, потому что ты понимаешь правильно; но пусть наша речь пойдет опять своим течением.

К. Итак, фараон обманывает, отказывается от своего обещания и не отпускает сынов Израилевых; потом, пораженный треми другими казнями, он с трудом соглашается, говоря, что отпустит; но опять оказался солгавшим. Ибо диавол лжец и в истине не устоял, по слову Спасителя (Ин. 8, 44). Бог посылает на египтян сильнейший град и угрожает навести саранчу, истребительницу полей[2], если можно употребить выражение греков. Тогда уже, тогда наконец грозные некогда и неуязвимые слуги бесстыдства фараонова поднимают против него великий вопль, говоря: *доколь нам сия будет мука? отпусти люди, да послужат Господу Богу своему: или видети хощеши, яко погибнет Египет* (Исх. 10, 7). Мне по этому поводу приходит на мысль, что, может быть, сатана превосходит подчиненные ему силы в том, в чем и прилично ему превышать их. Ибо, как будто, они, хотя весьма жестоки, очень неумолимы, и поздно и с трудом приходят, но все-таки приходят хотя к умеренному ощущению гнева Божия; а он превосходит их своею необычайною жестокостию и зачерствел до крайности; ибо написано: *сердце его ожесте аки камень, стоит же аки наковальня неподвижна* (Иов 41, 15). Итак, когда поднялся против фараона великий вопль, тогда только он сказал Моисею и Аарону: *идите и послужите Господу Богу вашему: кто же и кто суть идущии? И рече Моисей: с юношами нашими и с старцы пойдем, с сынми и дщерми, и со овцами и волами нашими: будет бо праздник Господа Бога нашего. И рече им фараон: да будет Господь с вами: якоже отпущаю вас, еда и стяжание ваше? видите, яко лукавство обрета-*

---

[1] Апостол Павел говорит это о тех, которые после обращения к вере во Христа считают нужным соблюдать постановления ветхозаветного обрядового закона.

[2] Ἀγρολέτειρα — эпитет Артемиды.

ется в вас. Не тако: но да идут мужие и да послужат Богу: сего бо сами просите (Исх. 10, 8–11). Пойми же, любезный, что Моисей требовал полного выселения, а он говорит: не так; он сказал, что отпустит отчасти, остающееся же должно быть некоторым ручательством за возвращение уходящих, так как и хозяйство их должно было оставаться в Египте. Пусть, говорит, отправляется всякий ваш юноша и весь род возрастных. А божественный Моисей сильно настаивает, что следует уйти всем, не оставляя ничего, — с возмужалыми и достигшими преклонного возраста, с сыновьями и дочерьми, со стадами быков и другим скотом. Так и тем, которые стараются достигнуть истинной свободы, следует тщательно удаляться от мирских зол и идти путем добродетели, не оставляя ни малейшей доли своей души и мысли, чрез которую они могли бы опять подпасть под власть лукавого. К этому призывает Божественный закон юношей и дев, старцев с молодыми по слову Псалмопевца (Пс. 148, 12), и всякий вид возраста, мыслимого во Христе. К ним обращается и божественный Иоанн, говоря: я писал *вам, дети, яко познасте Отца; писах вам, отцы, яко познасте Исконнаго; писах вам, юноши, яко крепцы есте, и слово Божие в вас пребывает и победисте лукаваго* (1 Ин. 2, 14). Можно объяснить и иначе: юноши могут быть образом мужества, старцы – благоразумия, а сыновья и дочери — детства, мыслимого во Христе; ибо с мужеством, благоразумием и простотою по Боге мы переходим от греха к святости; *мужайтеся*, — сказано, – *и да крепится сердце ваше* (Пс. 30, 25), и еще: *будите мудри, яко змия, и цели* (просты) *яко голубие* (Мф. 10, 16). А говоря, что вместе с людьми должны быть выведены овцы и волы, указывает, думаю, на то, что не следует оставлять сатане даже телесных и неразумных происходящих в нас движений. Поэтому и божественный Павел пишет: *якоже представисте уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие: тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню* (Рим. 6, 19).

П. Почему же фараон отпускает юношей и совершеннолетних и удерживает других?

К. Скажи, кто остается в Египте?

П. Думаю, это были, конечно, женщины, малолетние дети, слабые старики и бессловесные животные.

К. Как же ты, превосходный муж, тотчас не сообразил вот чего?

П. Чего?

К. Он тяготится теми, которые сильны и молоды и имеют укрепившееся расположение к благочестию; поэтому, думаю, желает, хотя и не вполне добровольно, отделаться от сопротивляющихся ему, которые способны противодействовать и постоять за себя, когда их обижают, по слову Писания: *противитеся диаволу и бежит от вас* (Иак. 4, 7); а тех, которые неспособны вести себя мужественно, он сильно желает удержать, и как людей недеятельных и невоинственных, любит тех, которые страдают женственным и мягким расположением духа, тех, которые как бы состарились и немощны, тех, которые находятся как бы в детском возрасте, также грубых и неразумных, образом которых служат волы и овцы.

П. Ты хорошо сказал.

К. Упрямый и непреклонный фараон опять обманывает. Потом, когда вся страна его опустошаема была полчищами саранчи, приглашает к себе Моисея в сопровождении Аарона и говорит: *идите, послужите Господу Богу вашему: токмо овцы и волы оставите; стяжание же ваше да идет с вами. И рече Моисей: ни; но и ты нам даси всесожжения и жертвы, яже сотворим Господу Богу нашему: и скот наш пойдет с нами, не оставим и копыта: от них бо возьмем на службу Господу Богу нашему* (Исх. 10, 24–26).

П. Какой же смысл можно усвоить сказанному премудрым Моисеем? И как можно взять что-нибудь из Египта и от фараона и принести в жертву Богу?

К. Но ведь дело ясно, друг мой. Противостоящий и противоборствующий тем, которые хотят поступать благочестиво, если не может вполне подчинить себе кого-нибудь, желает достигнуть этого хотя отчасти: а Божественный закон учит удаляться полнейшим образом и не позволять находиться и пребывать под властию противника ни малейшей частице души и ума и никакому побуждению к телесным движениям; сверх того, учит приносить Богу самое лучшее и отборное из мирской жизни. Вот что значит, по моему мнению, взять из Египта и принести в жертву Богу. Не это ли самое делают те, которые при помощи мирской мудрости борются за наши священные и Божественные догматы, достигают красоты речи и остроумия в знании и совершают разумное служение Богу? Ибо, хотя *всяка премудрость от Господа* (Сир. 1, 1), по Пи-

санию; но мы говорим, что великие успехи эллинских поэтов и прозаиков в красоте речи сделаны в мирском духе. И божественный Павел говорит: *мы не духа мира сего прияхом, но духа, иже от Бога, да вемы, яже от Бога дарованая нам: яже и глаголем не в наученых человеческия премудрости словесех, но в явлении духа* (1 Кор. 2, 12–13, 4). А что справедливо сказанное прикровенно Моисеем, что Бог *по естеству не отвергнет лучшего* из мирской жизни, это Моисей тотчас ясно показывает, хотя в образе и тени. Ибо по повелению Божию он сказал, что надобно обобрать египтян, взять золотые и серебряные сосуды у живущих в одном доме и у соседей, что и исполняется при посредстве женщин; так как они вкрадчивы, весьма словоохотливы и искусны в хитрости. А сосуды золотые и серебряные, взятые у египтян, думаю, означают, как я сказал недавно, то, чем по справедливости хвалятся некоторые из живущих в мире, хотя бы они и познали истинного Бога. Я говорю вот о чем. Хотя все люди имеют общие движения ума и души и способность ко всему доброму и дурному, но те из них, которые хорошо употребили природные преимущества, ведут жизнь достославную и отличную; а те, которые безумно обратили их к тому, к чему не следует, показывают на себе, что блага, полученные от природы, могут приводить и к самым постыдным делам. Ибо мужество и благоразумие хороши для тех, которые наилучшим образом пользуются ими, а вредны для тех, которые неправильно поступают; потому что можно быть мужественным и благоразумным с похвалою и одобрением, а можно обладать этими качествами и с великим позором. Они общи и существуют у всех — и у заблуждающихся еще, и у познавших Бога. Итак, когда мужество, бывшее прежде производителем порочности, и острота понимания обращены будут нами к тому, что угодно Богу, будучи взяты из мирской жизни, как бы от египтян, тогда они сделаются священными и приятными Богу, потому что приобретут новое настроение — на пользу добродетели и на содействие освящению, подобно тому как и золотые и серебряные сосуды, взятые из Египта, оказались пригодными для устроения и отделки священной скинии. Сыны Израилевы, после того как обобрали египтян и после смерти первенцев, едва-едва

освободились, заклавши агнца во образ Христа; ибо иным способом и нельзя было достигнуть этого, так как всякое освобождение — во Христе и чрез Него — *всякое даяние благо* (Иак. 1, 17). Они высылаются из Египта в полночь, как бы избавляясь вместе и от мрака и от рабства; ибо рабствующее греху всегда любит быть в духовной тьме, а не во свете Божественном; *всяк бо делаяй злая, ненавидит света* (Ин. 3, 20), по слову Спасителя. Они берут с собою невскисшее тесто и бегут без всяких жизненных припасов: *и нуждаху*,— сказано,— *египтяне людей со тщанием изринути их от земли: рекоша бо, яко вси мы измрем. Взяша же люди муку свою прежде вскисения теста своего, ввязавше в ризы* свои на плечах своих (Исх. 12, 33–34). Ибо намеревающиеся прилепляться к Богу и избравшие общение с Ним, думаю, не должны уносить с собою остаток мирского зла и запасаться в дорогу чуждыми и несвященными снедями, очевидно в духовном смысле; но должны желать того, чтобы быть бесквасными хлебами, и искать хлеба, животворящего мир. Таковые будут праздновать чисто и, совершая служение, достоприемлемое Богом, будут пребывать постоянно под Его властию.

П. Итак, несомненно, что людям боголюбивым и добрым надобно приходить как бы к некоей святой и священной земле — к жизни под властию Христа и свободной от тирании — и спешить приносить жертву не в земле врагов, то есть находясь не в греколюбивом расположении духа, и если не в очень безукоризненном, но в склонном к добродетели, и в таком нравственном состоянии, которое вышло из-под власти диавола.

К. Не иначе думай, друг мой: потому что наше рассуждение было ведено правильно. Но можно, если угодно, рассмотреть это при помощи другого подобия. Когда жители святого города, разумею Иерусалим, осмелились оскорбить Спасителя всех Бога, делая всевозможные нелепости; тогда они подпали власти вавилонян, которые, взявши их в плен силою оружия, обратили в рабство: потому что поневоле пришлось уступить победителям. Находясь в великой печали и оплакивая свои неожиданные бедствия, они желали найти хотя малое облегчение страдания, именно песнопени-

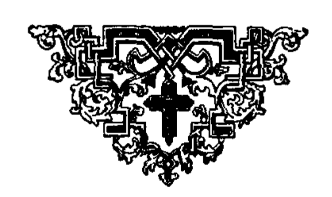
ями Богу смягчить горечь присущей им скорби; ибо *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4), сказал божественный Давид, показывая тем, что *песнопение Богу есть духовный праздник*. Но, хотя они желали воспевать Бога по своему обыкновению, им казалось стыдно предлагать ушам иноплеменников столь сладкие звуки и как бы бросать на воздух весьма приятную для них и пленительную песнь, так как вавилоняне насмехались над ними и тяготились их игрой на музыкальных инструментах. Поэтому они и говорили: *на реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона* (Пс. 136, 1), в котором по законам и обычаям иудеев приносилась жертва хваления, исполняемая на струнных и духовных инструментах и чарующая своими звуками приступающих к храму Божию. Но так как их душило иго рабства у чужеземцев, то они с плачем говорят: *на вербиих посреде его обесихом органы наша* (136, 2), указывая этим самым на то, что они не занимаются песнями; потому что верба — растение бесплодное, или лучше — теряющее свой плод (ὠλεσίκαρπον): так она названа у одного из греческих поэтов[1]. И так музыкальные инструменты оставались в бездействии и бесплодии; и причину этого бездействия иудеи высказывают, возопивши: *како воспоем песнь Господу на земли чуждей?* (136, 4.) И когда Варух принес к ним слова книги Иеремии, *плакахуся* все, сказано, *и постяхуся, и моляхуся молитвами пред Господем. И собраша сребро, якоже когождо можаше рука: и послаша во Иерусалим ко Иоакиму жерцу великому, сыну Хелкиину сына Саломля, и к жерцам и ко всем людем, иже обретошася с ним во Иерусалиме.* И спустя немного: *и рекоша, се послахом к вам сребро, да купите на сребре всесожжения* и жертвы *за грех, и фимиам, и сотворите жертву, и вознесите на жертвенник Господа Бога нашего* (Вар. 1, 5–7, 10). Они считали для себя неприличным приносить жертвы, когда они выселены из святой земли и живут не под управлением Бога, но подчинены иному и подпали под власть тирана; они предоставляют богослужение тем, которые обитают еще во святом городе и обладают честию совершать священнодействие; при этом они руководствуются очевидно правильным соображе-

---

[1] У Гомера. Одиссея X, 510.

нием в исследовании того, что прилично и необходимо. И сам премудрый Даниил воздерживался от священных действий, но, будучи пленником вместе с другими, он перехитрил силу обстоятельств, и вот каким образом: он молился три раза в день; но у него в горнице окна были обращены и открыты в сторону Иерусалима; ибо так написано (Дан. 6, 10). Он думал, что его молитва только тогда будет приятна Богу, когда он, если не телом, то мыслию, удалится из земли чуждой и ненавистной и, умственными очами взирая на боголюбезнейшую землю и вошедши как бы в самый храм, будет приносить моление за кого хочет.

П. Хорошо поистине было ведено нами все рассуждение.



КНИГА ВТОРАЯ

О том, что невозможно избежать смерти, от греха происходящей, и власти диавола иначе, как только чрез освящение, совершаемое Христом, и что не в законе оправдание, а во Христе

Итак, основательное рассуждение показало нам, Палладий, что это дело и славное и полезное — тщательно удаляться от того, что вредно по своей природе, и неуклонно стремиться к тому, чтобы сделаться рабами Божиими.

Палладий. Так точно.

Кирилл. И мы с уверенностию утверждаем, что нам надлежит, всячески удаляясь от постыдного, искать лучшего.

П. Конечно так.

К. Мы нашли потом, что надобно, как можно дальше уходя от любви к удовольствиям мирской жизни и соединенного с ними смятения, спешить приносить жертву Богу и, расположением духа находясь как бы в пустыне, совершать служение Ему спокойное и чистое, чуждое скверны, прекрасное и приятное.

П. Так мы нашли.

К. И не было ли показано бесчисленным множеством примеров, что, когда сатана по своему властолюбию заключил нас под свою власть и хотел удержать у себя, Божественный закон призвал нас к достоинству свободы, противополагая его мерзостям наставление в прекрасных делах и детоводительствуя нас к лучшему?

П. Правда.

К. Итак, податель спасения и виновник всего нашего благоденствия есть Бог, указующий нам путь к сближению с ним при посредстве Христа. Сего посредничества Христова не есть ли образ, и притом весьма ясный, — посредничество Моисея?

П. Как же именно?

К. Божественный Моисей освободил Израиля от рабства плотского, избавил его от трудов над выделкою кирпичей и от земляных работ и, как бы находясь в средине между Богом и людьми, передавал им горние глаголы. Господь же наш Иисус Христос, прелагая в истину то, что существовало как бы в образе и тенях, изъемлет нас из умственного рабства, устранив владычествовавший прежде над нами грех и поколебав силу диавола. Он убеждает тех, которые считают долгом последование Ему, оставить земной образ мыслей и заботу о плотском, как бы преобразует это расположение духа в стремление к добродетели и вполне ясно возвещает нам волю Бога и Отца. Посему-то и сказал Он: слова, которые Я говорю, не суть Мои, *но пославшего Мя* (Ин. 14, 24). И еще: Я не от Себя говорю, *но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю* (Ин. 12, 49). И сам Моисей в своих делах видел образ и подобие посредничества Христова, когда говорил сынам Израилевым: *пророка от братии твоея, якоже мене, возставит тебе Господь Бог твой, того послушайте по всему, елико просил еси от Господа Бога твоего в Хориве в день собрания* (Втор. 18, 15–16). Таким образом, то, что совершено чрез Моисея, и сила его посредничества было образом и подобием; но гораздо неизреченнее способ посредничества во Христе. Ибо тот был служителем закона и тени и передавателем вышнего детоводительства, а Христос, как Владыка закона и пророков, законополагает угодное Ему и стал посредником в силу того, что в Нем божество и человечество сближаются и как бы сходятся в одно, так как во Христе мыслится вместе то и другое. *И Моисей убо верен бе во всем дому Его, якоже слуга: Христос же, якоже Сын в дому Своем: Его же дом мы есмы* (Евр. 3, 5–6), мы, приведенные чрез веру в Него к истинной свободе. Итак, несомненно, что священноучитель Моисей – посредник плотской свободы, буквы и тени; Господь же наш Иисус Христос есть виновник того, что выше закона, и дарует свободу несравненно лучшую плотской, то есть свободу духовную. Посему-то и сказал Он освобожденным по плоти сынам Израилевым: *аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете и уразумеете истину, и истина свободит вы* (Ин. 8, 31–32). И еще: *всяк, творяй грех, раб есть греха. Раб же не пребывает в*

дому во век: сын пребывает во век. Аще убо Сын вы свободит, воистинну свободни будете (8, 34–36).

П. Ты сказал весьма хорошо.

К. После этого мы должны хвалиться не плотской славой, но славою духовною и праведностию во Христе, а не в законе. Ибо если пребывание во грехе есть рабство, а закон нисколько не оправдывает, но, напротив, осуждает и обвиняет преступающих его; то не для каждого ли ясно, что всякое оправдание во Христе, что чрез Него и в Нем силою освящения достигается духовное совершенство? И премудрый Павел пишет: *не стыжуся бо благовествованием Христовым: сила бо Божия есть во спасение всякому верующему, иудеови же прежде и еллину. Правда бо Божия в нем является от веры в веру, якоже есть писано: праведный же от веры жив будет* (Рим. 1, 16–17). Он же в следующих словах изображает бесполезность и бессилие древнего закона: *а яко в законе никтоже оправдается от Бога, яве, яко праведный от веры жив будет. Закон же несть от веры: не сотворивый та человек, жив будет в них* (Гал. 3, 11–12). Таким образом, верою во Христе мы оправдываемся и освобождаемся от рабства духовного.

П. Так закон бесполезен?

К. Не то я говорю; не напрасно же закон провозвещен; он дан в помощь, как написано. В самом деле, по отношению к детоводительству, к познанию греховности и к тому, чтобы мы могли усвоить простейшие начала провещаний Божиих (Евр. 5, 12), как же не считать его полезным? Но он бессилен для очищения от греха и для приведения к освящению. И божественный Павел сказал нам: *вемы же, яко елика закон глаголет, сущим в законе глаголет: да всяка уста заградятся, и повинен будет весь мир Богови. Зане от дел закона не оправдится всяка плоть пред Ним: законом бо познание греха* (Рим. 3, 19–20). Итак, закон способен указать грех, но не приводит к похвалам добродетели. И действительно, сказать, например: не любодействуй, не прелюбодействуй, не укради (Исх. 20, 14–15), не преступай клятвы и все подобное этому, — свойственно было закону, как указывающему виды порочности и удаляющему нечистоту, но не вносящему познания добродетели и не сообщающему слушателям яснейшего ведения непорочной жизни. Ибо, по моему мнению, нера-

зумно в числе правил совершеннейшего образа жизни предлагать то, что не должно совершать постыдного. Напротив, я считаю весьма справедливым, что нам разве в том только случае следует получить похвальный отзыв во всех отношениях, если мы, отбросив и прогнав зло и оставивши как бы внизу пребывание в порочности и гнусной нечистоте, взойдем на самую высоту добродетели. Господь наш Иисус Христос говорит: истинно, истинно *глаголю вам: яко аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 5, 20). Ты, конечно, понимаешь, что Спаситель заповедал восприять праведность, которая выше законной; и мудрый Павел, зная, что это дело прекрасное, пишет: *аще кто ин мнит надеятися во плоти, аз паче. Обрезан осмидневно, от рода Израилева, колена Вениаминова, евреин от еврей, по закону фарисей, по ревности гонних церковь, по правде законней быв непорочен. Но яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету. Но убо вменяю вся тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа моего, Егоже ради всех отщетихся: и вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу, и обрящуся в нем, не имый моея правды, яже от закона, но яже верою Христовою* (Флп. 3, 4–9).

П. Понимаю, потому что сказано ясно; однако вот что скажи: если древний закон недостаточен был для усовершения, то почему же не с самого начала провозвещено было нам оправдание чрез веру и освящение посредством ее?

К. Потому, друг, сказал бы я, что естественно быть омываемым грязному, очищаемым оскверненному и просветляемым омраченному. Я думаю, прилично, по слову Спасителя, исцелять расслабленное, и призывать к покаянию не освященных, но обремененных прегрешениями (Мф. 9, 12–13). Не необходимо ли было, чтобы призываемые к прощению были наперед осуждены и чтобы они освобождены были после того, как подверглись опасности по присущей им слабости? Поэтому надлежало, чтобы сначала явился указатель греха закон, как бы некоторый обличитель и строгий обвинитель всеобщей немощи, так, чтобы сделалось для нас понятным величие Божественной благости, явленной чрез Христа. Ибо где или как могла иметь место благодать прощения, если бы ей не предшествовало обвинение? Если, соблюдая краткость

речи, нам нужно обратиться и к некоторым древним повествованиям, то я укажу на Авраама, которому Бог даровал обетование благодати чрез веру, и так как он был в числе первых помилованных, то на нем именно Он явил, что прощение, даруемое благостию Божиею, выше закона. Ибо написано, что *верова Авраам Богу, и вменися ему в правду* (Быт. 15, 6). Кроме того и Павел свидетельствует, говоря: *како убо вменися ему? во обрезании ли сущу, или в необрезании? не во обрезании, но в необрезании. И знамение прият обрезания, печать правды веры, яже в необрезании* (Рим. 4, 10–11). Он слышал Бога, ясно говорящего, что *благословятся о тебе* все народы (Быт. 12, 3). Это *о тебе* может значить: по подобию твоему. Так именно понимает это Павел и говорит: *предувидевше же писание, яко от веры оправдает языки Бог, прежде благовествова Аврааму: яко благословятся о тебе вси языци. Темже сущии от веры благословятся с верным Авраамом* (Гал. 3, 8–9). Итак, обрезание есть знамение веры, сущей в необрезании, Авраам оправдан не делами закона, и похвала веры оказывается выше плотского обрезания, потому что он назван был другом Божиим.

П. Естественно теперь мне прийти в недоумение относительно того, отчего произошло это замедление освящения чрез веру? Почему знак как бы на первом месте, а высшее как будто на втором?

К. Да не говорили ли мы сейчас, что это было делом удивительного и неизреченного искусства, что осуждающий закон предшествовал во времени оправдывающей вере? Не во тьме ли светит свет (Ин. 1, 5) и сила не в немощи ли совершается (2 Кор. 12, 9), по Писанию?

П. Хорошо говоришь.

К. Итак, *закон привниде, да умножится прегрешение*; ибо где нет закона, там нет и преступления (Рим. 5, 20). И каким образом возможно было бы знать о прощении преступления и расположения к нему, если бы закон наперед не осуждал нас? Что сказанное мною истинно и что рассуждение мое об этом предмете не слабо или нелепо, это подтвердил Павел, говоря, что закон *преступлений ради приложися, дондеже приидет семя, емуже обетовася, вчинен Ангелы* (Гал. 3, 19). Будучи весьма мудр, Павел старается заранее пресечь имеющие возникнуть когда-нибудь у некоторых хитросло-

вия и сомнения. Ибо естественно было некоторым негодовать на замедление оправдания верою и говорить, что предварительное пришествие закона было отменою древнего обетования. Посему он говорит: *закон ли убо противу обетованием Божиим? да не будет. Аще бо дан бысть закон могий оживити, воистину от закона бы была правда. Но затвори писание всех под грехом, да обетование от веры Иисус Христовы дастся верующим. Прежде же пришествия веры под законом стрегоми бехом затворени в хотящую веру открытися. Темже закон пестун нам бысть во Христа, да от веры оправдимся. Пришедшей же вере, уже не под пестуном есмы. Вси бо вы сынове Божии есте верою о Христе Иисусе* (Гал. 3, 21–26). То же недоумение он весьма хорошо разъясняет, присовокупив: *сие же глаголю, завета предутвержденнаго от Бога, бывый по летех четыреста и тридесятих закон не отметает, во еже разорити обетование. Аще бо от закона наследие, не ктому уже от обетования: Аврааму же обетованием дарова Бог* (3, 17–18). Таким образом закон, заключивши нас в грех, сделался для нас детоводителем ко Христу, ибо Христос есть цель закона и пророков. Посему и сказал Он неверовавшим в него иудеям: *аще бысте веровали Моисеови, веровали бысте убо и Мне: о Мне бо той писа* (Ин. 5, 46). Значит, мы оправдываемся не делами закона, а, напротив, верою во Христа. *Елицы бо от дел закона суть, под клятвою суть: писано бо есть: проклят всяк, иже не пребудет во всех писанных в книзе законней, яко творити я.* Но *Христос искупил есть* всех *от клятвы законныя, быв по нас клятва. Писано бо есть: проклят всяк висяй на древе. Да в языцех благословение Авраамле будет о Христе Иисусе да обетование Духа приимем верою* (Гал. 3, 10 и 13–14).

П. Но, почтеннейший, если угодно, перейдем теперь лучше к чему-нибудь другому, что полезно знать; о законе же и домостроительстве посредством его довольно и этого.

К. Так скажи же, что и для тебя самого приятно, да и для моего слова не очень недоступно.

П. Мое недоумение не очень трудно и не недоступно для разрешения; и я думаю, что искомое можно постигнуть и даже весьма легко, если Христос ниспошлет нам Божественный свет. Итак, ведь мы, после того как приняли оп-

равдание в вере и устранили служение в тенях и образах, будем чтить Бога не кровавыми приношениями?

К. Конечно; ибо написано: *чти Господа от праведных твоих трудов, и начатки давай Ему от твоих плодов правды* (Притч. 3, 9); *таковыми бо жертвами благоугождается Бог* (Евр. 13, 16), по словам святых.

П. Итак, безрассудно заботиться о принесении в жертву волов и исполнять предписания древней заповеди; ибо заклание овец и ладан, кроме того печения и крупчатая мука, политая маслом, горлицы и голуби — это жертвоприношения, свойственные богопочитанию того времени. Но почему же, скажи мне, с самого начала это не было отвергнуто, а только теперь Бог законополагает то, что Ему приятно, и открывает нам образы духовной жертвы?

К. Так разве ты думаешь и осмеливаешься сказать, что Бог сначала неправильно постановил и, как бы уклонившись ошибочно от совершеннейшего блага, с трудом мог изыскать лучшее? Или сначала избрал существующее как бы в тенях, как показавшееся Ему достаточным, а потом подвергся какой-то свойственной нам страсти к новизне и потому принял другое решение и установил для нас новый образ богопочитания, прежде неизвестный?

П. Нисколько; по-моему это бессмыслица. Я и не подумаю, чтобы Ему была присуща возможность ошибиться хотя бы в чем-нибудь; а мне только весьма приятно узнать, по какому побуждению Он узаконяет для земнородных тогда одно, а теперь другое.

К. Слова твои вынуждают нас как бы возвратиться назад: разве я не сказал, что закон был детоводителем, то есть воспитателем еще юных, и что людям, не способным понимать, что такое истинное благо и какова воля Божия совершенная и благоугодная, он загадочно указывал на это и обозначал как бы в грубых еще образах? И ты поймешь, и поймешь без большого усилия, что образ духовного служения всегда с самого начала был весьма приятен Богу; но он еще был недостижим и недоступен душам иудеев. Поэтому именно нужно было слово пригодное для юных, наставления простые и уход за детьми искусный, не имеющий ничего трудного или сурового; вот почему Бог сначала и законоположил то, что в образах. Однако Он наперед показал, что истинное служение придет

еще и будет в свое время; а кровавые жертвоприношения и служение, бывшее тенью, Он признавал достойным отвержения и отстранял, говоря чрез пророка Амоса: *возненавидех, и отвергох праздники ваша, и не обоняю в сонмех ваших: зане аще принесете Ми всесожжения и жертвы ваша, не призрю. Отстави от Мене глас песней твоих, и песни органов твоих не послушаю* (Ам. 5, 21–23). А чрез Михея он изобразил человека, желающего точно узнать, каким образом он мог бы беспорочно делать добро: *в чем постигну Господа, срящу Бога моего Вышняго? срящу ли Его со всесожжением, тельцы единолетными? Еда приимет Господь в тысящах овнов, или во тмах козлищ тучных дам ли первенцы моя о нечестии моем, плод утробы моея, за грехи души моея?* (Мих. 6, 6–7.) Потом прямо после этого Он говорит: *возвестися бо тебе, человече, что добро, или чесого Господь ищет от тебе, разве еже творити суд, и любити милость и готову быти еже ходити с Господем Богом твоим?* (6, 8.) Не очевидно ли, что это то же, что сказал Христос: *аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет?* (Мф. 16, 24.) И еще: любящий Меня *Мне да последствует: и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой* да *будет* (Ин. 12, 26). Итак, служение Христу состоит не в богопочитании подзаконном, но в святом и духовном.

П. Весьма правильно ты сказал.

К. А гласом Исаии Он сильно укоряет сынов Израилевых, говоря: *услышите слово Господне, князи содомстии: внемлите закону Божию, людие гоморстии. Что Ми множество жертв ваших, глаголет Господь? исполнен есмь всесожжений овних и тука агнцов и козлов не хощу. Ниже приходите явитися Ми: кто бо изыска сия из рук ваших? ходити по двору Моему не приложите. И аще принесете Ми семидал, всуе: кадило, мерзость Ми есть. Новомесячий ваших, и суббот, и дне великаго не потерплю: поста, и праздности, и праздники ваша* возненавидела *душа Моя; бысте Ми в сытость* (Ис. 1, 10–14). То же самое говорит Он еще чрез пророка Малахию людям, весьма ненавистным Ему; Он упоминает притом о тех временах, когда по всей земле будут приносить Ему бескровную и умственную жертву; благовоние несравнимое. Он так сказал: *несть воля Моя в вас, глаголет Господь Вседержитель, и жертвы не приму от рук*

ваших. Зане от восток солнца и до запад имя Мое прославится во языцех, и на всяком месте фимиам приносится имени Моему, и жертва чиста: зане велие имя Мое во языцех, глаголет Господь Вседержитель (Мал. 1, 10–11). Понимаешь, что по Его словам все народы будут приносить Ему курение и жертву чистую. И назвав позднейший с нами во Христе завет новым, Он признал ветхим первый (Евр. 8, 13); ибо так пишет нам и божественный Павел, что здесь, сказавши о будущей в свое время чистой жертве от всякого народа, Он осуждает древнюю в том, что она не такова. Ибо каким образом может быть чистою жертва, которая не очищает и не имеет силы усовершать в добродетели? Посему-то блаженный Павел говорит, что она была не безукоризненна, и необходимо было привнести совершенное Христом, и изыскать место для второй жертвы (Евр. 8, 7).

П. Итак, служение в тенях совершенно неугодно всесвятому Богу?

К. Вполне так. Мы можем слышать Его, ясно говорящего сынам Израилевым устами Иеремии: *сия глаголет Господь: всесожжения ваша соберите со жертвами вашими, и изъядите мяса: яко не глаголах ко отцем вашим, и не заповедах им в день, в оньже изведох их от земли Египетския, о всесожжениях и жертвах. Но (токмо) слово сие заповедах им, рекий: услышите глас Мой* (Иер. 7, 21–23). Таким образом, что касается точной воли законодателя, то по ней и вначале вовсе не был бы провозвещен закон, существующий в тенях, и не было бы умолчано о служении в духе. Но так как это было трудное дело и для людей того времени недоступна была возможность совершенной добродетели, напротив, для них она была жестокою и суровою, то предусмотрительно постановлен был закон писанный, как бы некое упражнение, свойственное детскому возрасту, имеющее образ истины. Впрочем, законоположник ясно показал нам, что вовсе не это Ему особенно угодно, а вожделенно то, что возвещено Христом. Поэтому Он сказал еще: *сего ради пожах пророки ваша, убих я словесем уст Моих: и суд Мой яко свет изыдет. Зане милости хочу, а не жертвы, и уведения Божия нежели всесожжения* (Ос. 6, 5–6). Ибо пред Богом любовь к братьям во исполнение закона и преимущество познания Христа, чрез Которого может быть познаваемым для нас и

Сам Отец, гораздо лучше и тельца гибнущего, и заклания овцы. А в том, что это познание доставляет жизнь вечную, никто не усумнится, когда Христос говорит к Отцу Небесному: *се же есть живот вечный, да знают Тебе единаго истиннаго Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа* (Ин. 17, 3). Но как можно сомневаться в том, что сама истина никаким образом не станет лгать?

П. Никак нельзя.

К. А об Израиле, который уклонился от общения с Богом, так как, не принявши веры, не познал Его, Он решительно говорит, что не иначе он может возвратиться к первоначальному состоянию, как только чрез Христа, оставивши подзаконные обычаи. Именно написано так: *зане дни многи сядут сынове Израилевы, не сущу жертвеннику, ни жречеству, ниже явлениям. И посем обратятся сынове Израилевы, и взыщут Господа Бога своего, и Давида царя своего, и почудятся о Господе, и о благостях Его в последняя дни* (Ос. 3, 4–5). Ибо когда придет исполнение языков, тогда весь Израиль спасется (Рим. 11, 25–26), однако во Христе; а назван Он Давидом потому, что Он от семени и от колена Давидова. Что и самые жертвы подзаконные будут отменены, это Он ясно утверждал, говоря чрез Иоиля: *препояшитеся и бийтеся жерцы, плачитеся служащии жертвеннику: внидите, поспите во вретищах служащии Богу, яко отъяся от дому Бога вашего жертва и возлияние* (Иоил. 1, 13), и еще чрез того же пророка: *извержеся жертва и возлияние из дому Господня: плачитеся жерцы, служащии жертвеннику* (1, 9). Сверх того Он обещал, что и самая скиния будет устранена, говоря. *и будет егда умножитеся, и возрастете на земли, глаголет Господь, во дни оны не рекут ктому: кивот завета* Господа *Святаго Израилева, не взыдет на сердце, ни воспомянется, ниже посетится, ниже сотворится ктому* (Иер. 3, 16): потому что когда жертва в образах и кровавая совершенно уничтожена, то необходимо было устранить и самую скинию, так как взамен ее воздвигнута более истинная, то есть Церковь, о которой и Сам Христос сказал: *зде вселюся, яко изволих и* (Пс 131, 14). А что способ служения перейдет и изменится к лучшему в новое служение во Христе, это ясно из того, что Малахия пишет нам о Боге: *и очистит сыны Левиины, и прелиет я яко злато, и яко сребро: и будут Господеви приносяще жертву в правде. И угодна*

будет Господеви жертва Иудова и Иерусалимля, якоже дние века, и якоже лета прежняя (Мал. 3, 3–4). Понимаешь ли, что он говорит об имеющей быть как бы переделке и преобразовании священства, а вместе с ним и жертв?

П. Понимаю.

К. Не к этим ли мыслям имеют в виду привести нас слова: *прелиет* и *очистит,* сказанные как будто о золоте и золотых дел мастере?

П. Совершенно так.

К. Что вочеловечившееся Слово долженствовало духовно совершить нечто такое, об этом засвидетельствовал Бог Отец, говоря: *внезапу приидет в церковь Свою Господь, Егоже вы ищете, и Ангел завета, егоже вы хощете: се грядет, глаголет Господь Вседержитель. И кто стерпит день пришествия Его, и кто постоит в видении Его? зане Той входит яко огнь горнила, и яко мыло перущих. И сядет разваряя и очищая яко сребро, и яко злато* (Мал. 3, 1–3). Таким образом Он говорит, что совершится обновление и преобразование священства, показав, что и образ священнодействия будет не иной, как именно Христово таинство. Гласом Иезекииля Он сказал также об избранных для посвящения: *сии приступят ко Мне, еже служити Мне, и станут пред лицем Моим, еже приносити Мне жертву, тук и кровь, глаголет Адонаи Господь. Сии внидут во святая Моя, и сии приступят к трапезе Моей, еже служити Мне* (Иез. 44, 15–16). *Тук* и *кровь* и служение *при трапезе* не назовем ли мы по справедливости Христовым таинством?

П. Хорошо говоришь.

К. Бог показал нам весьма ясно и самое время, в которое совершится переход всего к лучшему и обновление, говоря: *и будет от осмаго дне, и потом, сотворят жерцы на жертвеннице всесожжения ваша, и яже спасения вашего: и приму вы, глаголет Господь* (Иез. 48, 27). *Осьмым днем* Он называет время Воскресения нашего Спасителя, когда стали совершаться всесожжения, то есть совершенное и полное посвящение Богу уверовавших, приятное Богу, и принесение даров духовных Этому учит и божественный Павел, когда пишет: *тем убо приносим жертву хваления выну Богу, сиречь плод устен исповедающихся имени Его* (Евр. 13, 15). И еще: *благотворения же и общения не забывайте: таковыми бо жертвами*

благоугождается Бог (13, 16). И какие иные плоды от нас, оправданных верою, могут быть приносимы Богу, как не продолжительное и беспрерывное славословие? А чистейшая жертва есть несравненное благовоние непорочной жизни.

П. Прекрасно и истинно наше рассуждение о том, что менее всего можно оправдаться законом, а напротив – верою во Христа и евангельским тайноводительством. Но я желал бы, чтобы об этом было рассказано в ясных примерах и чтобы мне научиться этому из самого Священного Писания.

К. Я с готовностью приступаю к этому, друг мой, по твоему желанию. Но и ты с своей стороны доискивайся точного и определенного смысла каждого из моих положений, и если тебе покажется, что я не совсем правильно думаю или говорю, то ты рассудительно поправляй и сообразно с истиною изменяй, подражая лучшим строителям, которые, когда их работа уклоняется от надлежащего, искусно переделывают ее так, как представляется наилучшим. А как бы начатком наших речей об этом мы сделаем священноучителя Моисея; коснувшись бегло повествования о нем, я постараюсь вполне убедить и ясно показать, что закон отнюдь не доставлял совершенства и недостаточен для спасения, но что Искупитель всех и Спаситель – Христос.

П. Знай, что ты принесешь немалую пользу, если покажешь себя и в этом свободным от медлительности. Хотя весьма неудобопонятно то, о чем идет у нас дело, и очень неудободостижимо познание искомого, но Бог открывающий богат.

К. Хорошо говоришь; и твоя речь поощряет меня к тому, чтобы, подобно псам с тонким обонянием, идти по следам мыслей, скрывающихся в глубине и невидных. Итак, когда в пустыне, называемой Мадиамскою, блаженный Моисей, пася стада овец, находился при самой подошве горы Хорив, ему было показано, по устроению Божию, нечто странное и удивительное. *Явися ему*, – сказано, – *Ангел в пламени огненне из купины: и видит, яко купина горит огнем, купина же не сгараше. Рече же Моисей: мимошед увижду видение великое сие, яко не сгарает купина* (Исх. 3, 2–3). Купина[1] не

---

[1] Славянское *купина* означает всякого рода куст, но греческое слово. βατος, которое переведено в славянском – купина, значит *терновый куст.* В еврейском также употреблено слово, обозначающее колючий кустарник: סנה

принадлежит к числу разводимых человеком растений; напротив, это вид дикой колючки и горного растения, на котором и совершалось страшное чудо, бывшее прекрасным образом таинства. Ангелом был тот, который вполне отвсюду был по-видимому снедаем огнем, между тем не сообщал дереву ни малейшего действия огня, но как будто его и не было, и дерево нисколько не принимало участия в теплоте, происходящей от огня.

П. Что же это значит?

К. Израилю, как бы дикому дереву и не имеющему нежных плодов праведности (так как он воспитывался в законах египетских), имел быть дан при посредстве Ангелов закон, способный, правда, просветить, если бы он понимался духовно, и рассеять умственный мрак (потому что и это есть действие огня); однако он был бесполезен для принявших его, и, конечно, не сам по себе, а потому, что те, которым дан был этот закон, не воспринимали его света в свой ум и сердце, а лишь наружно овладевши буквою, как бы видимостью света, не имели на самом деле того, что думали иметь. Нечто такое, по моему мнению, и означает то, что огонь был видим вокруг купины, но нисколько не сообщал теплоты дереву. А что свет закона был бесполезен для иудеев, это ясно показывает Сам Спаситель, говоря: *испытайте писаний, яко вы мните в них имети живот вечный: и та суть свидетельствующая о Мне. И не хощете прийти ко Мне, да живот* вечный *имате* (Ин. 5, 39–40). И несколько после Он еще говорит учителям иудейским и всему народу: *не мните, яко Аз на вы реку ко Отцу: есть, иже на вы глаголет, Моисей, наньже вы уповаете. Аще бы бысте веровали Моисеови, веровали бысте убо и Мне: о Мне бо той писа. Аще ли того писанием не веруете, како Моим глаголом веру имете?* (5, 45–47.) Ибо те, которые весьма неразумно отвергли совершенно начальное научение посредством закона, каким образом приняли бы научение от Христа, сообщающего знание о совершенном благе? Видя горящую, но не сгорающую купину и нисколько не уступающую огню, блаженный Моисей удивился тому, отчего не сгорает купина. Так можно изумляться и полной бесчувственности израильтян, которые, принявши от Бога закон, как помощника и защитника, и снабженные его светом, нисколько не дорожили этим и, не водворивши данного в своем уме

и сердце, не получили от него пользы: потому что ум у них поистине как бы мертв и бездыханен и по справедливости можно было бы сказать о них: отчего не сгорает купина? В противном случае они вместе с нами стали бы духом горящие (Рим. 12, 11).

П. Ты хорошо сказал.

К. Это событие, кажется, позволяет нам разумно усматривать в нем и другие мысли. Когда израильтянам предстояло уже удалиться из земли Египетской, свергнуть иго невольного служения, и вследствие этого подпасть гневу своего повелителя, тогда совершавшееся с купиною Бог дал в знамение того, что они будут много сильнее самого огня и будут неуловимы для тех, которые могут притеснять их, сообразно, думаю, с Божественным изречением: *не бойся, яко с тобою есмь. Пламень не опалит тебе; реки не покрыют тебе* (Исх. 43, 5 и 2).

П. Остроумно сказано.

К. Итак, Моисей удивился видению и поспешил приблизиться к нему. *Егда же,* — сказано, — *виде Господь, яко приступает видети, воззва его Господь из купины, глаголя: Моисее, Моисее. Он же рече: что есть? Он же рече: не приближайся семо: иззуй сапоги от ног твоих: место бо, на немже ты стоиши, земля свята есть* (Исх. 3, 4–5). Блаженный Моисей есть для нас образ закона: *имут Моисеа и пророки* (Лк. 16, 29), — говорит в евангельских сказаниях блаженный Авраам. Или сказанное кажется тебе невероятным?

П. Нисколько: Моисей действительно представитель[1] закона.

К. Так воззван был Израиль и то стадо, которое жило по закону и под законом: *Господь,* — сказано, — *Бог еврейский воззва нас* (Исх. 3, 18). И хотя оно внимало зовущему Богу, как свидетельствует и Моисей: *вся, яже глагола Господь Бог, сотворим и послушаем* (Исх. 24, 3); но так как и подчинение закону не имеет достаточной силы для очищения: *невозможно бо крови юнчей и козлей отпущати грехи* (Евр. 10, 4); то Моисею воспрещается приближаться к Богу: *не приближайся семо,* сказано (Исх. 3, 5). Ибо добро недоступно посредством закона и сила жизни по предписаниям Моисея не

---

[1] Собственно: лице, πρόσωπον.

очень достаточна для того, чтобы привести к Богу; поставляет же нас пред Ним Христос чрез освящение: потому что надлежит быть святыми тем, которые стараются соединиться со святым Богом: *будете святи*, – сказано, – *якоже свят есмь Аз* (Лев. 11, 44). А что образ жизни по закону не вполне безукоризнен, это Господь тотчас показал словами: *иззуй сапоги от ног твоих: место бо, на немже ты стоиши, земля свята есть* (Исх. 3, 5). Он повелел священноучителю Моисею снять с ног обувь, показывая этим, что путь жизни по закону еще не чист и не вполне свободен от дел тления и мертвенности. А что не следует приближаться к Богу тому, в ком есть остатки мертвенности и тления, этому божественный Моисей научился из обыкновения эллинов: так как они не входили в храмы, имея на ногах обувь, сделанную из умерших животных, и это, по их законам, считалось родом осквернения. Но от мертвенности, тления и относящейся сюда нечистоты освободил нас, друг мой, не закон и не путь жизни по букве Моисеевой, а напротив, вера во Христе и совершеннейшее очищение евангельского образа жизни. Или не так я говорю?

П. Как же не так?

К. Когда же снял Моисей с ног обувь, потом побежал и приблизился, Бог воззвал: *Аз есмь Бог отца твоего, Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль. Отврати же*, – сказано, – *Моисей лице свое: благоговеяше бо воззрети пред Бога* (Исх. 3, 6). Так отложивши мертвенный образ мыслей и, так сказать, чистыми и свободными ногами ступая по пути жизни во Христе, мы будем близки к Богу, очевидно, по духовному состоянию, а не по расстоянию в пространстве; потому что эти дела Моисея суть образы и тень. Затем мы усвоим учение о вышнем тайноводстве и соберем в себе знание о Боге, так как Отец открывает нам Себя в Сыне. Мы узрим Его, и узрим несравненно лучше, чем древний народ видел Его в лице Моисея, который отвратил лице свое, потому что боялся воззреть на Бога, чем обозначается немощь ума детоводительствуемых в законе, не выстаивающего некоторым образом пред Богом и не могущего созерцать славу Его, сообразно с тем, что воспевается в Псалмах: *да помрачатся очи их, еже не видети* (Ис. 68, 24), или со следующими словами: вот *людие буии и не имущии сердца:* у них очи, и не видят (Иер. 5, 21). Мы же,

устремляя чистые и просвещенные очи на учение о неизреченной природе, созерцаем в Сыне превосходную красоту Бога и Отца. И тогда как иудеям, думавшим, что они видели Отца, Христос премудро сказал: *не видения Его видесте, ни гласа Его слышасте* (Ин. 5, 37); Филиппу, сильно любопытствующему и настойчивее, чем следовало бы, впрочем по любознательности просящему и говорящему: *Господи, покажи нам Отца, и довлеет нам,* — Христос отвечал: *толико время с вами есмь, и не познал еси Мене Филиппе? видевый Мене, виде Отца; не веруеши ли, яко Аз во Отце, и Отец во Мне есть* (Ин. 14, 8–10). Что разумение и научение, сообщаемое заповедью закона, не очень сильно и недостаточно для точного и безукоризненного познания о Боге, это мы как бы на тени и загадочно можем видеть и на двух дочерях Лавана. Ибо написано, что *у Лавана бесте две дщери, имя старейшей Лиа: имя же* другой *Рахиль. Очи же Лиины болезненны: Рахиль же бе добра видом и красна взором зело.* И хотя патриарх Иаков был привержен к Рахили, но женился прежде нее на Лии (Быт. 29, 16–28). Если этот образ будет возведен к истине, то ты усмотришь Христово таинство. Две жены призваны к духовному союзу со Христом и находятся в супружестве с Ним: старшая и первая, призванная чрез Моисея в лице иудейской синагоги, которой гласом пророков сказано было от Бога: *се не суть очи твои, ниже сердце твое благо, но к сребролюбию твоему, и ко обидам, и ко убийству, еже творити я* (Иер. 22, 17); вторая же юнейшая и прекраснейшая, то есть Церковь из язычников, которой божественный Давид сказал: *слыши, дщи, и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего,* потому что возжелал *царь доброты твоея* (Пс. 44, 11–12); и в другом месте сказано ей: *очи твои голубине* (Песн. 1, 14). Красота же Церкви, конечно, умственная и поистине не земная; ибо написано, *что вся слава дщери царевы* Есевон (Пс. 44, 14), а Есевон на еврейском языке значит *внутри*[1]; ведь красота Церкви неуловима для очей телесных, но хорошо видима взорам чистого ума. Не так ли?

П. Совершенно так.

---

[1] Есевон по греческому произношению то же, что еврейское חֶשְׁבּוֹן. Это слово значит *мудрость, разум* (Еккл. 7, 26, 9 и 10) Этим словом назывался также один из городов Палестины (Чис. 21, 25). В еврей-

К. Значит, не чрез детоводительство по закону можно созерцать Божественную и чистую красоту, а напротив во Христе и чрез Его наставления.

П. Правда.

К. И не Моисей или закон достаточен, друг мой, для искупления и исторжения из руки и власти диавола, а Владыка Моисея, то есть Христос, и сила Его таинства. И действительно, когда Бог сказал: *видя видех озлобление людей Моих, иже во Египте, и вопль их услышах от дел приставников: увидех бо болезнь их, и снидох изъяти их от руку египетску, и извести я из земли тоя в землю благу и многу, в землю кипящую млеком и медом* (Исх. 3, 7–8),— и тотчас присовокупил: *и се ныне вопль сынов Израилевых прииде ко Мне: и Аз видех тугу, еюже египтяне стужают им. И ныне гряди, да послю тя к фараону, царю египетскому, и изведеши люди Моя, сыны Израилевы, из земли Египетския* (3, 9 и 10), то Моисей в ясных и определенных словах воскликнул· *кто есмь аз, яко да пойду к фараону, царю египетскому, и яко да изведу сыны Израилевы от земли Египетския* (3, 11). Не ясен ли этот образ и не имеет ли отношения способ отказа к несравненно высшему и превосходнейшему, то есть Христу? Иначе было бы несообразностью сказать: *кто есмь аз?* Ведь весьма легко избавить народы и спасти племена и привести к свободе, когда сокрушен и обессилен содержащий их у себя в рабстве, то есть сатана.

ской Библии в Пс 44, 14 этого слова нет, а поставлено פנימה, которое значит *внутри.* В переводе LXX в Пс 44, 14 слово· Ἐσεβων не только находилось, как должно думать, в тех кодексах, которыми пользовались св Кирилл и Дидим, но оно поставлено в Ватиканском кодексе оно также находится и в эфиопском переводе, который сделан с перевода LXX В других кодексах вместо Ἐσεβὼν стоит, как и следует ἔσωθεν (внутри) Можно думать, что эта разница произошла от ошибки переписчика, который неразборчиво написанное ἔσωθεν, вследствие сходства в начертании, прочел ἑσεθῶν Но имеет некоторое основание и догадка тех, которые думают, что в рассматриваемом месте *Есевон* произошло вследствие неправильного прочтения в еврейской Библии следующего далее в этом месте слова ממשבצות (шитьем), которое было прочтено מחשבון Эта догадка подтверждается тем, что, по свидетельству Дидима и Иеронима, в некоторых списках они читали ἐξ ἐννοιῶν (из мыслей), выражение, которым могло быть переведено *мохешбон* См Schlevsneri Thesaurus veteris Testamenti, sub voce Ἑσεβων.

П. Весьма легко; ты сказал правильно.

К. Что же? Не вполне ли удобно видеть отсюда, что начальником спасения всех соделался Единородный? Ибо Им мы искуплены и, как говорит пророк, *не ходатай, ниже ангел, но Сам Господь спасе* нас (Ис. 63, 9).

П. Откуда ты это выводишь?

К. Бог всяческих ясно повелел Моисею немедленно идти к сынам Израилевым и прямо сказать, что при помощи и заступничестве всемогущего Бога они легко освободятся от тяжелого рабства в Египте, возвратятся домой и, снова получивши свободу своих отцов, будут обитать в святой земле и там обильно будут пользоваться благами, которые даст им Бог. *Отвеща,* — сказано, — *Моисей и рече: аще не уверуют ми, ниже послушают гласа моего, рекут бо, яко не явися тебе Бог, что реку к ним? И рече к нему Господь: что сие есть в руце твоей? Он же рече: жезл. И рече: поверзи его на землю. И верже и на землю, и бысть змий: и отбеже Моисей от него. И рече Господь к Моисею: простри руку, и ими за хвост: простер убо руку, взя за хвост, и бысть жезл в руце его* (Исх. 4, 1–4).

П. Какое необыкновенное чудо, друг мой! Скажи же опять сам, что оно означает?

К. Изволь, скажу. Не безызвестно было Моисею, что израильтяне, проживши долгое время вместе с египтянами, впавши во всякого рода грехи и наслаждаясь туземными удовольствиями, будут потому медленны и весьма неудобоподвижны к благонравию; и он премудро думал, что тягость работ поневоле принудит их к послушанию, если они увидят его творящим чудеса; ибо хотя поистине трудно отстать от удовольствия и нелегко укротить дикость страстей в нас, однако, когда одолевает пот и наложены тягостные работы, то, обещая освободить от них, он легко мог убедить их презреть и самое приятное. И я думаю, что Бог, имеющий ведение о всяком благе, по весьма мудрому смотрению в это именно время наслал на израильтян особенно несносное и мучительное властолюбие египтян для того, чтобы они были благорасположены к бегству, чтобы не сделались, привязавшись к обычным удовольствиям, упорными и весьма неудобопреклонными и не освоились охотно со служением в Египте, презирая благость Призывающего их к свободе, по-

ставляя выше наслаждение настоящего времени в сравнении с небольшими, иногда бывающими трудами, и даже считая его лучше самих благодеяний Божиих. И действительно, они, с большою радостию освободившись от притеснения прежних своих властителей, обитая в пустыне и питаясь вышнею и небесною пищею — я разумею пропитание манною, — не без слез вспоминают о египетской роскоши, утверждая, что для них было лучше и предпочтительнее умереть во время наслаждения египетскими яствами, и ребячески восклицая: *о дабы быхом измерли мы уязвени от Господа в земли Египетстей, егда седяхом над котлы мясными, и ядохом хлебы до сытости* (Исх. 16, 3).

П. Хорошо говоришь.

К. Итак, Моисей знал, что необходимо было для убеждения их к послушанию какое-нибудь чудотворение. Поэтому он говорит: если не послушают меня, *рекут бо, яко не явися тебе Бог, что реку к ним?* (Исх. 4, 1.) И Господь всех тотчас повелел сделать чудо, как бы некое упражнение; этим опытом Он заранее убеждал, думаю, своего служителя в том, что для всех других, так же, как и для него, совершаемого будет достаточно для точного показания его божественного призвания, так как никому другому не свойственна сила изменять по произволу природу сущего, как только Создателю всего. Вместе с тем Он загадочно предложил это чудо, как указание на спасение чрез Христа; потому что в нем мы усмотрим преобразование человеческой природы в древнее состояние и как бы превращение ее в то, чем мы были в Адаме, только что приведенные в бытие и еще не лишенные вышней славы и освящения.

П. Каким образом? Речь твоя неясна.

К. Жезл, или скипетр, не есть ли для нас, Палладий, символ царства?

П. Без сомнения; ведь некоторые из древних клялись им, как говорят люди, занимающиеся воспеванием дел эллинских[1].

---

[1] Указывается на слова Ахиллеса Агамемнону, Илиада, 1, 233–235:

Но тебе говорю, и великою клятвой клянуся,
Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
Вновь не испустит . .

К. Что же? Не соглашаешься ли ты, что он есть произрастение рая[1], которое прежде, чем было срублено, зеленело в садах?

П. Соглашаюсь.

К. Так теперь перенесись мыслию к древнему оному Адаму и в нем, как в начале и корне рода, представляй все человечество; при этом подумай о том, что он сотворен по образу Создавшего его, поставлен обладать всем, что есть на земле, и что он, проводя жизнь в святости, находился как бы в руке Божией и был как будто райским растением, цветущим и благороднейшим. Когда же он, обольщенный ухищрениями змия, удалился от первоначального состояния и уличен был в пренебрежении Божественной заповеди, тогда он, оторвавшись от первого своего положения и корня, выскользнул из руки Того, Который удерживал его в святости, упал на землю, то есть с высот добродетели, и слабодушно пришел к мысли избрать плотское, заболевши уже несмягченною злобою и ничем не различаясь, думаю, от змия. Так он лишился первоначального царства и славы, выслан был из рая и удален от наслаждения. Не это ли самое сказал нам божественный Моисей?

П. Так; он сказал это.

К. Законоположник же, видя его ниспадшим до такой порочности, отбежал некоторым образом и возгнушался присущей ему злобы; как и Моисей, оставив змия, побежал, ибо написано, что Святой Дух премудрости убежит от коварства и уйдет *от помышлений неразумных* (Прем. 1, 5), так как не могут сойтись между собою святость и нечистота, свет и тьма, справедливость и несправедливость.

П. Правда.

К. Итак, то, что жезл выпал из руки Моисея, может означать, что сотворенный по образу Божию был вначале райским растением и находился в славе царствия и в руке Создателя, а потом ниспал на землю, потому что избрал помышление о плотском и, вследствие до крайности дошедшей жестокости, был пред очами Божества как бы змием. Но

[1] Παραδείσου φυτὸν. Παράδεισος, так же как и славянское — *рай* значит *сад*, и в этом общем смысле употребляется здесь св. Кириллом; но дальше он относит это название к тому саду, который был первоначальным местопребыванием человека.

Моисей получил повеление протянуть руку и взять змия за хвост, и он тотчас превратился в то, чем был прежде, и был уже не змием, а опять жезлом и райским растением. И Бог Отец, когда благоволил возобновить все во Христе и воссоздать сотворенное в первобытное состояние, послал к нам с неба Единородного, руку десную Свою, поистине создательницу и спасительницу всего, по Писанию: *десница Господня сотвори силу, десница Господня вознесе мя* (Пс. 117, 15–16). Тогда-то Он подъял лежавший на земле род человеческий и, освободивши нас от звероподобной жестокости, состоящей в порочности и грехах, чрез освящение вознес к царственной чести и кротости, свойственной добродетели. А древнее жилище, предназначенное верующим, Он даровал сначала и прежде всех висящему вместе с Ним разбойнику: *аминь, глаголю тебе,* — сказал Он, — *днесь со Мною будеши в раи* (Лк. 23, 43).

П. Отлично и правильно состоялось у нас это рассуждение. Однако скажи еще, почему Бог повелевает взять змия за хвост, а не за голову или за средину?

К. Потому, любезный, что так надлежало сделать: так как взять именно за хвост, а не за средину или за голову, было пригодно для таинства.

П. Каким это образом?

К. Ведь у каждого животного голова есть как бы начало, а хвост оконечность. Пусть теперь весь род человеческий мыслится у нас, как одно животное. Христос взял его за хвост, то есть за последние и конечные его части, ибо Он пришел в последние времена века. И как, хотя Моисей взял змия за хвост, однако преобразование достигло самой головы, ибо весь змий превратился в жезл; таким же образом, хотя Христос взял за последние части, но преобразование чрез благодать простирается на весь род и достигает самой головы, то есть Адама; ибо написано, что *на сие Христос и умре и воскресе, да и мертвыми и живыми обладает* (Рим. 14, 9). Таким-то образом вместе с последними совершается и искупление первых.

П. Рассуждение для нас убедительное, и объяснение не удаляется от цели.

К. Он сделал его весьма твердым в вере обещанному еще двумя другими Божественными знамениями; ибо тот-

час вслед за тем написано: *рече ему Господь паки: вложи руку твою в недро твое. И вложи руку, и бысть рука его прокажена яко снег. И рече паки: вложи руку в недро твое. И вложи руку свою в недро свое, и изъят ю от недра своего, и бысть паки в румянстве плоти своея* (Исх. 4, 6–7). Смотри, как совершаемое благоприлично и весьма достойно удивления и как оно способно привести, подобно первому, к объяснению таинства Христова.

П. Поясни же это, потому что я еще ничего не понимаю.

К. Проказа хотя есть болезнь плоти, но превышающая силы врачей и не поддающаяся их искусству. Далее, прокаженный осквернен и нечист по древней заповеди Моисея, также весьма ненавистен и для уважающих обычаи эллинов; потому что страдающий этим полумертв, а мертвый отвратителен и нечист. Итак, возможность исцелить прокаженного, как сверхъестественная и превышающая нашу меру, приписывается единственно Божественной и несказанной природе и действию. Поэтому-то и удивлялись Христу, когда Он со властию возгласил прокаженному: *хощу, очистися* (Мф. 8, 3): ибо совершил чудо в этом человеке вседетельный голос, который воздвигает из гробов самых мертвецов и который сильнее смерти и тления. Итак, Бог повелел Моисею скрыть руку в пазухе, потом велел ему, обнаживши ее от облегающей одежды, показать ее всю покрытою проказой; когда же он вторично скрыл ее в пазухе, тотчас являет ее свободною от того, что с нею случилось, для того, чтобы израильтяне поняли отсюда, что Моисей, как бы вооруженный неизреченною и несказанною силой, защитит обиженных и беззаконно порабощенных власти египтян. Это повествование не обширно, но полезно для исследования. И я думаю, что надобно, тщательно исследуя смысл предложенного места, доискиваться того, что означает скрытие руки в пазухе, и то, что она, вынутая оттуда, была сильно поражена проказою. Надобно рассудить также и о способе очищения, именно о том, что, вложивши руку в пазуху, он освободил ее от болезни.

П. Правда; исследование каждого из этих вопросов немало принесет нам пользы.

К. Мне кажется, что столь странное событие как бы в тени указывает на нечто такое. Пока сотворенный по образу Божию человек был как бы лелеем в недре Божием и еще не

попрал данной ему заповеди, до тех пор он, окруженный охранением и любовию Бога, пребывал чист, свят и не знал омертвения в смерти. Когда же он вышел из-под покрова и любви Божией чрез уклонение к худому, то очевидно оказался оскверненным, гнусным и заболевшим мертвенною нечистотою. Но когда Бог и Отец опять принял нас в Себя во Христе, облек Божественною благодатию и имеет нас как бы в недрах чрез усыновление, то мы, вместе с нечистотою отбросивши мертвенность, происшедшую от древнего проклятия, возвышаемся в первоначальное состояние; ибо написано о руке Моисея, что она была восстановлена *паки в румянстве плоти своея* (Исх. 4, 7).

П. Ты сказал весьма прилично.

К. А третье затем знамение весьма ясно и открыто гласит нам о таинстве Христа; потому что так сказал еще Бог Моисею: *аще же не уверуют тебе, ниже послушают гласа знамения перваго, уверуют тебе ради гласа знамения втораго;* и что́ это значит, Он пояснил, говоря: *и будет аще не уверуют тебе двема знамениями сими, ниже послушают гласа твоего, да возмеши от воды речныя, и пролиеши на сухо: и будет вода, юже возмеши от реки, кровию на сусе* (4, 8–9). Ибо последним знамением для мира соделалась смерть Христа и очищение водою и кровию с присоединением, без сомнения, и святого тела, которое обозначается сушею; о том же, что кровь и вода истекла нам из святых ребр, когда они прободены были копием, я не стану и говорить, потому что это весьма хорошо всем известно. Но и то, что смерть Спасителя названа знамением, ясно можно узнать из Священных Писаний. Весьма дерзкие фарисеи, хотя уже много совершено было чудес, как будто ни одного не было, приступили ко Христу со словами: *учителю, хощем от Тебе знамение видети* (Мф. 12, 38). Он же отвечал им: *род лукав и прелюбодей знамения ищет: и знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка. Яко же бо бе Иона во чреве китове три дни и три нощи: тако будет и Сын Человеческий в сердцы земли три дни и три нощи* (12, 39 и 40). Итак первая помощь нам во Христе дана чрез закон Моисея; ибо *закон*, по гласу пророка, *в помощь даде* (Ис. 8, 20); но Моисей взял за хвост. Второе затем очищение во Христе было чрез святых пророков и чрез голос и посланничество Иоанна; ибо те говорили: *измыйтеся, и чис-*

ти будете (Ис. 1, 16), а этот призывал к крещению покаяния. А третье знамение, которое называется и последним,—смерть Христа, за которую последовала и вера. *Аще,* — сказано, — *не уверуют тебе, ниже послушают гласа знамения перваго, уверуют тебе ради гласа знамения втораго* (Исх. 4, 8). Видишь, Он очень ясно говорит, что вера последует не за первым знамением, то есть не за помощию от закона, и не за средним очищением, то есть очищением чрез святых пророков и Иоанна, но только за гласом последнего знамения; ибо таинство Христа не безгласно, но призывает всех по всей земле высоким и громким проповеданием (Притч. 9, 3) к очищению водою и кровию и в животворение чрез приобщение святой плоти. Таким образом служение закона состояло в предвозвещениях о Христе, а сам он не очень достаточен для того, чтобы спасти кого-либо. Я думаю, можно показать, что и это ясно высказывает Моисей в том же своем писании. Хотя Бог сказал ему: Я буду с тобою (Исх. 3, 12), и предварительно убеждал его в этом чудотворениями, он умолял Его, говоря: *Господи, недоброречив есмь прежде вчерашняго и третьяго дне, ниже отнележе начал еси глаголати рабу Твоему: худогласен и косноязычен аз есмь. И рече Господь к Моисею: кто даде уста человеку; и кто сотвори нема и глуха и видяща и слепа? Не Аз ли Господь Бог? И ныне иди, и Аз отверзу уста твоя, и устрою тебе, еже имаши глаголати. Рече же Моисей: молюся Ти, Господи, избери могуща иного, егоже послеши* (4, 10–13). Ибо закон немощен и не достаточно силен для того, чтобы спасти всю землю и изъять человека из власти диавола. Моисею не было неизвестно, что он косноязычен и слаб голосом, особенно когда с ним начал беседовать Бог и когда повелевал ему вести о Нем речь. Так, говорит Он, скажи сынам Израилевым: Я есмь Сущий; таково имя Мое (3, 14–15). Закон косноязычен в том отношении, что не может раздельно изложить учение о Сущем и не в состоянии тайноводствовать к поклоняемому во святой Троице, досточтимому и неизреченному естеству. Он и слаб голосом для этого, так как может говорить только израильтянам, и то с трудом, слышится в одной Иудее; а что касается до всех остальных народов, его проповедь, так сказать, и не дошла до их ушей. Поэтому-то божественный Моисей, провидя имеющего достаточно силы для точного и совершенного изложения слушателям

учения о Боге и для того, чтобы легко проповедать его всей земле, то есть Христа, говорит: *молюся, Господи, избери могуща иного, егоже послеши.* Ибо истинно *могущий* есть Христос; и что в свое время Он будет избран на это по благоволению Бога и Отца, это предвозвещено и законом. Отказ же Моисея и после Божественного обещания, и после явления многих знамений может быть образом Израиля, медлящего и вместе отрицающегося от Божественного и евангельского служения под властию Христа и от послушания, так как израильтяне после столь бесчисленных поучений о вере и после явления чудотворения сохранили свое непослушание и остались неверующими. Отказ Моисея был двукратный, ибо было два времени, в которые Израиль был необуздан и упрям: во время Моисея, Иисуса (Навина) и Судей, и затем тотчас после того времени, в которое были пророки и Иоанн, находящийся как бы в средине между Апостолами и пророками, так как он был концом пророческого служения и как бы началом светлости апостольской. Но отказ Моисея вызвал Бога на гнев, и потом состоялось иное распоряжение, чрез которое надлежало спастись угнетаемым властолюбием египтян. *И разгневався Господь на Моисеа, рече: не се ли брат твой Аарон Левитин? Вем, яко глаголя возглаголет он вместо тебе. И се той изыдет во сретение тебе и узрев тя, возрадуется в себе. И речеши к нему, и вдаси словеса Моя во уста его: Аз же отверзу уста твоя и уста его, и устрою вам яже имате творити. И той возглаголет от тебе к людем, и той будет уста твоя: ты же будеши ему в тех, яже к Богу* (4, 14–16). Ибо когда закон оказался слабым, а израильтяне весьма непокорными, послан был Христос, истинный Левит, великий Архиерей, поставленный наряду с сущими под законом как брат им по человечеству, говоривший с Моисеем как Бог, но наставляемый Отцом, в качестве пророка, хотя Он и Господь: *пророка возставлю им от среды братии их, и вдам слово Мое во уста его, и возглаголет им, якоже заповедаю ему* (Втор. 18, 18). И Сам Христос сказал: Я не от Себя говорю: *но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю* (Ин. 12, 49). Итак, Христос говорил с народом и сделался устами Моисея, объясняя нам духовно Его закон, а Моисей со своей стороны был Его устами, говорящими с Богом. Ибо Моисей представляется в некото-

ром отношении более близким к Богу, так как Еммануил был под законом и объявлял, что Он соблюдает предписания премудрого Моисея, говоря: *не мните, яко приидох разорити закон, или пророки: не приидох разорити, но исполнити* (Мф. 5, 17). Таким образом Христос есть ясный толкователь таинства, прелагающий косноязычие закона на внятность и преобразующий худогласие буквы в весьма благозвучное объяснение; ибо закон во Христе духовен и Христовы провещания родственны древним, потому что Аарон был брат Моисея.

П. Значит, закон сам по себе был немощен, потому что он ничего не совершил.

К. Так я и говорю; и невысокий характер жизни по закону можно усмотреть из того, что следует далее; так как написано, что *пойде Моисей, и возвратися ко Иофору, тестю своему, и рече: пойду и возвращуся к братии моей, иже во Египте, и увижду, аще еще живи суть. И рече Иофор к Моисею: иди здрав. По днех же оных многих, умре царь египетский. И рече Господь к Моисею в земли Мадиамстей: иди, отъиди во Египет: измроша бо вси, ищущия души твоея. Поим же Моисей жену свою и отрочата, всади я на ослята, и возвратися во Египет* (Исх. 4, 18–20).

П. Но что же из этого? Я не могу понять и объяснить, в чем по справедливости мог бы кто-либо обвинять жизнь по закону.

К. А между тем, Палладий, ее найдет заслуживающею весьма сильного порицания тот, кто устремит изощренный взор на смысл приведенного места; так как божественный Моисей, избранный для посланничества, не прямо отправляется на это дело, оставивши мирское, но отчасти предается и плотским заботам и наперед советуется с родными о своем путешествии. И не прежде ушел он из земли мадиамитян, пока не узнал, что правитель земли Египетской умер, ибо он весьма боялся быть убитым. Когда же он освободился от этих опасений, получив извещение от Бога, тогда только он, взявши жену и детей, приходит в землю Египетскую, исполняя то, что ему было повелено. Это именно и есть изображение жизни по закону, разделенной некоторым образом и взирающей на обе стороны, то есть и на Божественное, и на человеческое; ибо она не свободна от заботы земной и мирской и не всецело священна, между тем как евангельская жизнь, не

уделяя совершенно никакой части на то, что касается плоти, или на мирские дела, всецело как бы посвящает Богу подчинившихся Христу. *Иже Христовы суть,* — сказано, — *плоть распяша со страстми и похотми* (Гал. 5, 24). Поэтому, когда один из учеников, приступивши ко Христу, сказал: Учитель, *повели ми прежде ити, и погребсти отца моего,* — то был вразумлен относительно вполне священной жизни, немедленно услышав: *гряди по Мне, и остави мертвых погребсти своя мертвецы* (Мф. 8, 21–22). И божественный Павел пишет некоторым: *егда благоволи Бог явити Сына Своего во мне, да благовествую Его во языцех, абие не приложихся*[1] *плоти и крови* (Гал. 1, 15–16). А Моисей советуется; ибо, как сказано, жизнь по закону разделена и лежит еще под страхом смерти: Моисей убоялся идти в Египет, избегая смерти. Но во Христе и это упразднено, в чем удостоверит нас священный Павел, говоря о Христе и о нас: *понеже убо дети приобщишася плоти и крови, и той приискренне приобщися техже, да смертию упразднит имущаго державу смерти, сиречь диавола: и избавит сих, елицы страхом смерти чрез все житие повинни беша работе* (Евр. 2, 14–15). Посему ум святых дерзновенно противостоит и самой смерти, как сказал в другом месте Павел: *мне бо еже жити, Христос: и еже умрети, приобретение есть* (Флп. 1, 21), — и еще: *кто ны разлучит от любве* Христовой? *Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?* (Рим. 8, 35.) Что жизнь по закону одержима страхом смерти, а славная жизнь во Христе отрешилась от него, это ясно из Священного Писания, которое гласит, что смерть царствовала от Адама до Моисея (Рим. 5, 14). Но упразднивший смерть, поколебавший силу тления и спасший вместе с верующими и тех, которые были некогда детоводительствуемы под законом, кто же иной, как не единый Господь наш Иисус Христос? *Не ходатай, ниже ангел, но Сам Господь спасе их,* — сказало пророческое провещание (Ис. 63, 9). Сию тайну ты можешь видеть, и очень ясно, опять как бы в образе, в том, что случилось с блаженным Моисеем. Когда он уже уходил из земли Мадиамской и поспешал в Египет, Бог сказал ему: *идущу тебе и возвращающуся во Египет, зри вся чудеса, яже дах в*

[1] Οὐ προσανεθέμην — не стал советоваться (с плотью и кровью).

руце твои, да сотвориши я пред фараоном (Исх. 4, 21). Потом несколько далее сказано: *бысть же на пути на стану, срете его Ангел Господень, и искаше его убити. И земши Сепфора камень, обреза конечную плоть сына своего: и припаде к ногам его, и рече: ста кровь обрезания сына моего* (4, 24–25). Нужно ли тебе для ясности длинное рассуждение? Понятен ли предмет рассмотрения?

П. Нимало: я совершенно не понимаю, на что, как бы в тени, указывается в случившемся.

К. Не правда ли, по-твоему, любезный, что природа человеческая скована была смертию вследствие того древнего проклятия? Ведь нам сказано в Адаме, как в начале и глубочайшем корне рода: *земля еси, и в землю отъидеши* (Быт. 3, 19).

П. Совершенно так.

К. И так как началу рода приключилось подвергнуться смерти, происшедшей от греха, то она по необходимости перешла и на нас, и вместе с корнем испорчены и отрасли, от него восходящие: потому что от разрушимого тела и плод разрушимый. Таким образом смерть царствовала над всеми, и до самого Моисея, то есть до времен под законом (Рим. 5, 14). Что смерть имела силу до Моисея и что все человеческое подлежит тлению, образ этого ясный и очевидный есть бывшее тогда покушение Ангела против Моисея. Впрочем, сожительница и супруга Моисея Сепфора удержала губителя и отклонила от него, обрезавши свое дитя камнем, умоляя и говоря: *ста кровь обрезания сына моего* (Исх. 4, 25). *Ста же кровь* говорит она не в том смысле, что прекратилось течение крови; я не думаю, чтобы это отвлекало когда-либо губителя от хотения убить; но она как бы сказала: сделано и исполнено угодное Богу, то есть обрезание сына, подобно тому, как если бы кто-нибудь сказал, например: стал образ такого-то дела, или: стало рассуждение об этом, вместо того чтобы сказать: дело пришло к концу и разъяснено.

П. Но кого мы должны разуметь под Сепфорою? Что значит камень и совершенное им обрезание? И каким образом отклонен был божественный Ангел и избежал Моисей угрожавшей ему и заслуженной им смерти, после того как сын был обрезан?

К. Предмет темный, и смысл исследуемого поистине неудобопонятен; но, уповая на Бога, опять скажу, как могу.

Сепфора, дочь мадиамского священника (а он был из иного рода и не от крови Израиля), представляет нам образ и олицетворение церкви из язычников, призванной к Богу из мирского служения: ибо ей сказано в одном месте устами Давида: *слыши дщи, и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего:* потому что возжелал *царь доброты твоея: зане Той есть Господь твой* (Пс. 44, 11–12). Итак, она наименована последовательницею закона и соединенною с Моисеем-детоводителем, прекрасно возводящим к таинству Христову. Ибо закон — начальный учитель; он приводит к начаткам глаголов Божиих и посредством намеков и тени как бы посевает в нас ведение тайны Христовой. Ведь и иудеям, отвергшим самого священнейшего Моисея, Христос сказал: думаете ли вы, *яко Аз на вы реку ко Отцу? Есть, иже на вы глаголет, Моисей, наньже вы уповаете. Аще бо бысте веровали Моисеови, веровали бысте убо и Мне: о Мне бо той писа* (Ин. 45–46). Если же Сепфора принята нами за олицетворение церкви языческой, то сын, происшедший от нее, без сомнения, будет образом нового народа, так как уверовавшие приняли духовное детство во Христе и возрождение в Боге; их и Давид в одном месте назвал народ зиждемым (Пс. 101, 19). Это новорожденное во Христе чадо, то есть новый народ обрезания чрез веру, отклоняет от себя смерть; ибо камень есть знак несокрушимой природы, сила и крепость которой обозначается твердостию камня. И Иисус Навин, переправивши израильтян чрез Иордан, обрезал их *ножами каменными* (Нав. 5, 3), прообразуя духовное обрезание во Христе; так как Христос есть камень, на который как бы в образе ясно указывает, как я только что сказал, и камень, обрезавший сына Сепфоры. Тогда-то отступила смерть и ищущий убить отошел от Моисея, почтивши таинство обрезания во Христе, и это событие гадательно возвещает нам, что не только удалилась смерть от удостоившихся обрезания во Христе, но что это дело, я разумею таинство Христа, послужило помощью и самим отцам; потому что как все мы умерли в Адаме, так и на всех переносится благодать, дарованная чрез Христа: ибо Он для того умер, *да и мертвыми и живыми обладает* (Рим. 14, 9). Таким образом во время обрезания нового народа вместе исправлена была и жизнь отцов: ибо имеющие жить живы для Бога; это сказало нам и священное слово (Лк. 20, 38). А

временем обрезания, духовно мыслимого, было пришествие Христа, который, как Бог, старше Моисея, но занимает второе место и следует после него, поколику Он явился человеком на служение для нас. Обрати внимание на то, что Бог избрал сначала Моисея, а потом присоединил Аарона, прообразуя, что в отношении к посланничеству и служению Моисея будет позднее во времени явление Христа, Который был равен Моисею по человечеству, но имел Божественное и несравненное превосходство пред ним, потому что родился от Бога Отца. Если ты хочешь, то и это можешь видеть из самого Священного Писания: *сотвори*, — сказано, — *Моисей и Аарон, якоже заповеда им Господь, тако сотвориша. Моисей же бе осмидесяти лет, Аарон же брат его осмидесяти трех лет, егда глаголаста к фараону* (Исх. 7, 6–7). Слышишь, что оба они были равны в том отношении, что достигли осмидесятого года, хотя в служении Аарон был после Моисея? Так и Христос: Он некоторым образом равен Моисею по человечеству и есть второй в домостроительстве, но несравненно превосходит его и возвышается над ним по Божеству и славе Святой Троицы.

П. Изъяснение очень ясное и понятное.

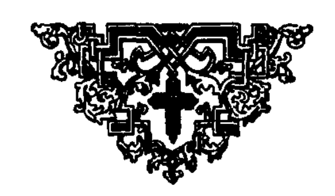
К. Что же? Не достойно ли рассмотрения кроме того и следующее?

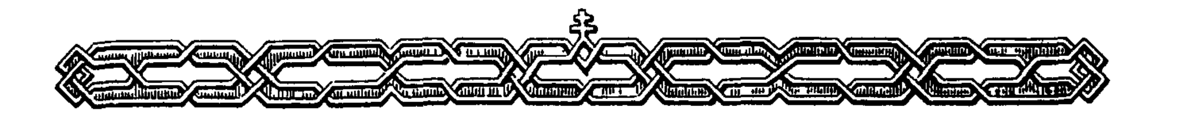
П. Что такое?

К. То, что израильтяне, без сомнения, не вышли бы из земли Египетской и не освободились бы от столь тягостного и ужасного для них рабства, даже более, совершенно не избегли бы смерти, посланной перворожденным в Египте, и трудно избежимой руки губителя, если бы не заклали агнца во образ Христа, подъявшего грехи мира. Кровию они помазали пороги по закону, данному чрез Моисея, а Христово таинство они соделали как бы оружием и ограждением души своей. Ибо смерть Христа есть врачевство, освобождающее от смерти, и участвующие в таинственном благословении выше тления, по Писанию: *аминь аминь глаголю вам: ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, имать живот вечный* (Ин. 6, 53–54). А снедая агнца, они вкушали при нем бесквасные хлебы; и этот образ в бесквасной и чистейшей пище указывает на благообразие евангельских наставлений, которое, впрочем, будет не без труда и не без горечи скорбей. Итак, снедение

горьких трав вместе с бесквасными хлебами означает, что бесхитростная и чистейшая жизнь во Христе будет не без горечи. Поэтому необходимо было к бесквасной пище присовокупить горечь; так как *вси,* — сказано, — *хотящии благочестиво жити о Христе, гоними будут* (2 Тим. 3, 12). Но потерпевшие это блаженны; ибо, вместе с Ним страдая, они вместе с Ним будут и царствовать, по Писанию (Рим. 8, 17). Не уклоняется ли это рассуждение к чему-нибудь нехорошему?

П. Нисколько.





КНИГА ТРЕТЬЯ

О том, что невозможно избежать смерти, от греха происходящей, и власти диавола иначе, как только чрез освящение, совершаемое Христом, и что не в законе оправдание, а во Христе

Итак, когда жертвенный обряд у израильтян был совсем уже окончен и когда кроме того первородные египтян были истреблены, а от освященных Христос как бы во образе отгнал истребителя, тогда они, с трудом вышедши из земли господствующих над ними и поспешая достигнуть обетованной им земли, направляются не прямо в нее, но отвлекаются от прямого пути уклонениями как бы в противоположную сторону; ибо опять написано так: *егда же отпусти фараон люди, не поведе их Бог путем земли Филистимския, яко близ бяше: ибо рече Бог: да не когда раскаются людие видевше рать, и возвратятся во Египет. И обведе Бог люди* своя *путем, иже в пустыню к Чермному морю* (Исх. 13, 17–18).

Палладий. Что же сокрыто и в этом?

Кирилл. Надобно исследовать, если угодно. Вникни в то, что, когда им предлежал прямой путь и можно было, идя кратким путем, дойти скоро, ибо земля обетованная, сказано, *близ бяше,* Творец всего отводил их по другому пути, составлявшему большой круг, потому что наперед знал готовность древних к отпадению и все еще неудержимую склонность к малодушию

П. В этой речи совершенно нет ничего неясного.

К. Итак, надобно перейти к духовному созерцанию. Удаляющихся от мирской жизни и демонского владычества, как бы от какой-то Египетской земли, приводит к освящению и надежде на Бога прямой и совершенно краткий путь — вера во Христа и оправдание в Нем, по премудрому изречению Павла: *близ ти глагол есть во устех твоих, и в сердце твоем,*

сиречь глагол веры, его же проповедаем: яко аще исповеси усты твоими, что Иисус есть Господь, *и веруеши в сердце твоем, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися. Сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение* (Рим. 10, 8–10). Этим столь близким и сокращенным путем Бог не попустил пройти древним, а измыслил как бы некий круг, не имеющий прямого направления,— закон, в словесных оборотах и загадках содержащий более продолжительное и не без затруднений бывшее детоводительство. И это для того, чтобы, пользуясь сеннописанным, как бы неким подготовлением к более совершенному, и предварительно научаемые таинству, они безрассудно не подвиглись вследствие каких-либо страшных обстоятельств к удалению и отпадению от Христа, но как бы наперед подготовленные и научаемые истинно полезному были более готовы к желанию и добровольному принятию истины и имели бы твердую и непоколебимую любовь к Богу. Посему, как бы чрез длинный и непрямой путь служения по письмени, закон был детоводителем (Гал. 3, 24). Не так Христос; ибо Он показал нам прямой и близкий путь, то есть путь чрез веру, совершенно преобразуя нас для благодерзновения и обязанности быть мужественными пред тем, что нам противится, особенно же научая нас любить страдание за благо, бодро противостоять коварствам диавола и говорить вместе с пророком: *се Господь* помогает *ми: кто озлобит мя* (Ис. 50, 9). А производящее в нас столь удивительное дерзновение не может быть совершенно ничем иным, кроме силы вышней, то есть причастия и общения Святого Духа.

П. Понимаю, что говоришь ты, и удивляюсь твоему остроумию.

К. Тотчас вслед за тем присоединенное может указать и на время спасения чрез Христа; ибо в пятом, сказано, роде *изыдоша сынове Израилевы от земли Египетския* (Исх. 13, 18). И мы освободились от рабства, равно и от трудов, состоящих в пустых занятиях, и от тяжелой работы над землею и прахом,— ты понимаешь, о чем я говорю,— как бы в пятом же роде, в пятое время, по евангельской притче: *подобно бо есть Царствие Небесное человеку домовиту, иже изыде зело утро наяти делатели в виноград свой.* То же самое он сделал, как сказано, в шестой и девятый час. *Во единый же*

надесять... обрете другия... праздны, и сказал им: *что зде стоите весь день праздны?.. Идите,* и вы работайте в винограднике моем (Мф. 20, 1, 5–7). И так заметь, что последние посылаются в виноградник как бы в пятом роде, то есть в последние времена, когда Единородный соделался человеком и потерпел заклание ради жизни всех. Почему и закон Моисея предписал взять агнца в десятый день первого месяца, а заклать его *к вечеру* четырнадцатого дня того же месяца (Исх. 12, 6), для того, чтобы в одном и том же указать нам, с одной стороны, на пятое время как бы в пятом дне, с другой — выражением *к вечеру* указать на то, что заклание Спасителя будет в конце века.

П. Кажется, вся цель богодухновенного Писания сосредоточена в таинстве Христа.

К. Совершенно так: *кончина бо закона* и пророков *Христос* (Рим. 10, 4.); ибо, кроме Его, нет *имене под небесем данного в человецех, о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 12). Так сказал ученик Спасителя. И доказательство близко, если мы присоединим к этому следующее: *воздвигшеся,* — говорит Писание, — *сынове Израилевы от Сокхофа, ополчишася во Офоме при пустыни. Бог же вождаше их, в день убо столпом облачным, показати им путь: нощию же столпом огненным... не оскуде... столп огненный нощию, пред всеми людми* (Исх. 13, 20–22). Ты видишь, что Бог был предводителем израильтян, вышедших из земли Египетской, в столпе облачном и огненном; обоими ими изображался Христос.

П. Каким образом?

К. Во-первых, потому, что Он есть *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15), непоколебимый и совершенно несокрушимый, и простирающийся высоко над землею; ибо во Христе мы освобождены от мудрования плоти и от погрязания в земных пороках, подняты Им как бы на высоту, помышляя о горнем (Кол. 3, 2) и водворяясь на небе (Флп. 3, 20). Ибо написано: *яко Божии державнии земли зело вознесошася* (Пс. 46, 10). Сказал также где-то Христос гласом того же Давида о земле и о святых Апостолах: *Аз утвердих столпы ея* (Пс. 74, 4). Ибо возвышающиеся над землею святые ученики были утверждены *силою свыше* (Лк. 24, 49), как облеченные благодатию Святого Духа: они были именно столпы по сообразности со Христом и по уподоблению ему благодатию Духа. Итак,

пойми, что не ради чего иного, как ради того, о чем мы только что сказали, Христос назван столпом: Он руководил, говорит Писание, днем *столпом облачным,* а ночью *столпом огненным,* чтобы показывать им путь (Исх. 13, 21). Ночью же в Божественном Писании обыкновенно называется время до пришествия (Христова), в которое, еще при владычестве сатаны, тьма неведения обдержала сущих на земле; а днем, напротив, — время пришествия Спасителя нашего, в которое мы просвещены, восприявши умом сияние истинного боговедения и созерцая очами сердца Солнце правды. И Павел засвидетельствует, говоря о времени до пришествия и после него: *нощь убо прейде, а день приближися: отложим убо дела темная, и облечемся во оружие света. Яко во дни, благообразно да ходим* (Рим. 13, 12–13). Если же древнее время представляется в образе ночи, а напротив в образе дня — то время, в которое Единородный соделался человеком, то мы утверждаем, что израильтянам Он предшествовал в виде огня, как бы в осуждающем и наказывающем законе, ибо огонь есть знак наказания; а нам в виде облака, как бы в образе святого крещения и спасения посредством воды. Облако не есть ли вода?

П. Как же иначе!

К. Когда израильтяне ушли от египтян, древний властолюбец, то есть фараон, воспылал гневом и решился их преследовать. *Впряже убо,* — говорит Писание, — *колесницы своя, и вся люди* увлек вместе с собою: и взяв *шесть сот колесниц избранных, и вся кони египетския, и тристаты над всеми* (Исх. 14, 6–7). И потом, спустя немного: *воззревше же сынове Израилевы очима, видеша: и се египтяне ополчишася в след их, и убояшася зело: и возопиша сынове Израилевы ко Господу* (14, 10). И возроптали на Моисея, открыто говоря: *за еже не быти гробом во Египте, извел еси нас умертвити в пустыни: что сие сотворил еси нам, извед нас из Египта? Не сей ли бяше глагол, его же рекохом к тебе во Египте, глаголюще: остави нас да работаем египтяном: лучше бо бяше нам работати египтяном, нежели умрети в пустыни сей* (14, 11–12). На это Моисей говорит: *дерзайте, стойте, и зрите спасение еже от Господа, еже сотворит нам днесь. Имже бо образом видесте египтян днесь, не приложите ктому видети их в вечное время. Господь поборет* за нас, *вы же умолкните. И рече Господь к Моисею: что вопиеши ко Мне? Рцы сыном*

Израилевым, и да путешествуют. Ты же возми жезл твой, и простри руку твою на море, и иссуши его, *и да внидут сынове Израилевы посреде моря по суху* (14, 13–16). И Бог соделал явным образ помощи. Ибо *взятся... Ангел Божий ходяй пред полком сынов Израилевых, и пойде созади... взятся же и столп облачный от лица их, и ста созади их. И вниде посреде полка египетска, и посреде полка сынов Израилевых, и ста: и бысть тма и мрак, и прииде нощь, и не смесишася друг с другом во всю нощь* (14, 19 и 20). Так именно изложено повествование; и я думаю, что нам надобно опять проникнуть в глубину мыслей, влагая в написанное тонкий смысл.

П. Да, конечно.

К. Итак, сыны Израиля отправляются, поспешая, во святую землю, между тем Бог, как бы в столпе огненном и облачном, шел впереди и вел их: ибо совершенно невозможно было бы достигнуть горнего и святого града, если бы не вел Христос и если бы Он не соделал ясным путь спасения. В самом деле, на решившихся достигнуть этого скрежещут зубами враги, рассеянные по сему миру, но закон возбуждает к дерзновению и ободряет устрашенных. А что полчище противников падет, Писание показывает совершенно ясно: ибо это очевидно открывается для нас из того, что египтяне были истреблены, а тех, напротив, которые были в страхе мучений, Бог спас как бы опять в образе святого крещения: ибо *рцы,* — говорит, — *сыном Израилевым, и да путешествуют. Ты же возми жезл твой, и простри руку твою на море,* и иссуши его, *и да внидут сынове Израилевы посреде моря* (Исх. 14, 15 и 16). Не пишет ли божественный Павел о сынах Израиля, что *вси в Моисеа крестишася во облаце и в мори?* (1 Кор. 10, 2.)

П. Соглашаюсь.

К. Итак, желающим последовать Христу и поспешающим к горнему граду не должно утверждаться на законе и неизменно пребывать в постановлениях Моисея и оставаться в тенях и образах, а напротив, должно воспрянуть и удалиться в другую сторону, то есть ко святому крещению. Ибо и древние служили образом этого, проходя по повелению Божию посреди волн и, как говорит Павел, крещаемые в море. Тогда, именно тогда будут они иметь помощником Христа Иисуса, самого Посредника между Богом и людьми — ибо

Слово, будучи Богом, соделалось плотию (Ин. 1, 14),— Посредника также и в ином смысле домостроительства, именно в том, что Он обыкновенно идет среди почитающих Его и их гонителей и не дозволяет им столкнуться, удерживая нападения врагов. Ибо *взятся*,— говорит Писание,— *Ангел Божий... и столп облачный... И вниде посреде полка египетска, и посреде полка сынов Израилевых... и не смесишася друг с другом во всю нощь* (Исх. 14, 19–20). Опять и в Ангеле, как в столпе облачном, изображается Христос, ибо *нарицается имя Его велика совета Ангел* (Ис. 9, 6).

П. Значит, если посредствует Христос, мы не столкнемся с желающими нападать на нас.

К. Именно так, ты правильно думаешь. Однако я вот что скажу, и эта мысль, как думаю, не удалится от цели. Только что решившись отказаться от пристрастной к удовольствиям и мирской жизни и с величайшею ревностию стараясь следовать законам Божиим, но еще не обогатившись благодатию чрез святое крещение, мы не весьма сильны или способны на дело страдания и перенесения трудов ради добродетели и на то, чтобы быть в состоянии переносить испытание борьбы. И как только что распустившиеся растения могут понести вред от слишком сильного ударения солнца, равно как потерпели бы немало, если бы потрясаемы были порывистыми дуновениями ветров, вследствие чего им, без сомнения, нужна искусственная защита и ограждение кругом: таким же точно образом, думаю, и душа человеческая, только что начинающая избегать рабства страстей и устремляющаяся к лучшему и желающая следовать закону Божественному, слаба и весьма нежна и легко может быть устрашена, видя пред собою труд и закон борьбы, и пожелает пребывать опять в том, в чем была прежде. Так и израильтяне, увидевши приготовление египтян и потерявши присутствие духа при одном только представлении о сражении, возроптали на божественного Моисея, говоря: *не сей ли бяше глагол, его же рекохом к тебе во Египте, глаголюще: остави нас да работаем египтяном: лучше бо бяше нам работати египтяном, нежели умрети в пустыни сей* (Исх. 14, 12). Итак, человеческая душа до святого крещения неспособна к борьбе, вполне склонна к рабству и весьма легко подвергается страху. Но если бы она, получивши благодать, облеклась *силою свыше*, то весьма твердо противостоя-

ла бы тем, которые хотят ее преследовать, и мужественно бы с ними сражалась; имея Христа воеводою и защитником, она весьма легко отразила бы восстания врагов: ибо мы можем побеждать не иначе, как этим самым способом.

П. Рассмотри же теперь, какие и на это представишь ты нам примеры; без сомнения, у тебя не будет в них недостатка.

К. Действительно, это легко объяснить весьма многими примерами, но прежде всего ближайшим и взятым из того, о чем написал сам Моисей, а именно: потерявшие присутствие духа при одном только виде египтян потом, когда уже перешли Чермное море и исполнили прообразование святого крещения, потому что были крещены, говорит Писание, в Моисея, как и мудрый Павел пишет: *во облаце и в мори* (1 Кор. 10, 2); то и оказались тогда воинственными и страшными в сопротивлении врагам, впрочем, только чрез Христа. Об этом написано так: *прииде же Амалик, и воева на Израиля в Рафидине. Рече же Моисей ко Иисусу: избери себе мужы сильны, и изшед ополчися на Амалика заутра: и се аз стану на верху горы, и жезл Божий в руце моей. И сотвори Иисус, якоже рече ему Моисей, и изшед ополчился на Амалика: Моисей же и Аарон и Ор взыдоша на верх горы. И бысть егда воздвизаше Моисей руце, одолеваше Израиль: егда же опускаше руце, одолеваше Амалик. Руце же Моисеовы тяжки беша: и веземше камень, подложиша ему, и седяше на нем. Аарон же и Ор поддержаста руце ему, един отсюду, а другий оттуду: и быша Моисеови руце укреплены до захождения солнца. И преодоле Иисус Амалика и вся люди его убийством меча. Рече же Господь к Моисею: впиши сие на память* в книгу *и вдай во уши Иисусу, яко пагубою погублю память Амаликову от поднебесныя. И созда Моисей олтарь Господу, и прозва имя ему: Господь прибежище мое. Яко рукою тайною ратует Господь на Амалика от рода в род* (Исх. 17, 8–16).

П. Но какой же смысл написанного? Я не совсем понимаю.

К. А по моему мнению для желающих усмотреть нет ничего трудного. Ибо размышляющий об Иисусе (Навине), получающем приказание от Моисея, что иное может предположить, как не то именно, что Слово, будучи Богом, было под законом, по состоянию человечества, и некоторым образом было подчинено постановлениям, данным чрез Моисея, в разнообразных

видах: то перенося обрезание по плоти (Лк. 2, 21), то платя дидрахмы (Мф. 17, 24–27), и вместе с сущими под законом поставив и Себя как бы под законом и ясно говоря: *не приидох разорити закон, но исполнити* (Мф. 5, 17). Но хотя и был Он под законом по человечеству, однако в то же время был и Богом, Спасителем и Искупителем всего народа. Ибо, избравши из всего народа Израильского и из всех язычников мужей сильных, я разумею, конечно, святых Апостолов и призванных чрез веру, которым прямо можно сказать: *вы же род избран, царское священие, язык свят, люди обновления* (1 Пет. 2, 9), – Он противостоял вместе с ними князю века сего, о котором Он, Владыка всяческих, Сам всепобеждающий, говорит: *ныне суд есть* веку сему: *ныне князь* века сего *изгнан будет вон* (Ин. 12, 31). А божественный Иоанн победивших с Ним и чрез Него увенчивает таким блестящим определением: *пишу вам,* – говорит он, – *юноши яко крепцы есте... и победисте лукаваго* (1 Ин. 2, 13 и 14). Не истинно ли я говорю?

П. Конечно.

К. Моисей сказал, что должно совершать ополчение на другой день (Исх. 17, 9): так как не в его время явились спасительные дела Христа, а совершены уже в дальнейшее и по порядку следующее время, то есть после Моисея и закона. Потом восходит Моисей на какую-то возвышенность и на вершину холма, чтобы оттуда можно было смотреть на сражение и на успешные действия в нем вождя всех Иисуса. Соответственно сему и тайноводство по закону возводит к возможности как бы издали взирать на победоносные дела Христа. И когда Моисей поднимал руки, побеждал Израиль, а когда опускал, он ослабевал и побеждал Амалик. Ибо для самого диавола и для всякого врага, хотя бы он сильно желал одолеть, непобедим был не только весь Израиль, но и все те, которые почли для себя честию сообразность Христу чрез понесение Его поругания, то есть честного креста: ибо руки, во всю длину распростертые в воздухе, ясно изображают внешний вид креста. А которые не приняли креста, те, не имея помощника, сделались весьма доступными для вражеских нападений. Итак, когда Моисей простирает руки, изображая нам вид креста, и Амалик обессиленный падает, этот образ показывает нам, конечно, тех, которые при помощи честного креста побеждают сатану и одолевают врагов. Когда же ви-

дим Моисея опускающим руки, Амалика же одолевающим, то будем разуметь тех, которые вследствие нежелания принять крест стали под власть диавола и побеждены им. К таким и Христос взывал, говоря: истинно, истинно говорю вам: *аще... не имеете веры, яко Аз есмь, умрете во гресех ваших* (Ин. 8, 24). Руки Моисея, говорит Писание, тяжелы были, с трудом воздвигались и весьма медленно поднимались для изображения честного образа креста. Сим, я думаю, прикровенно указуется на то, что Израиль не очень готов был к принятию веры, весьма медленно и с трудом склоняясь к желанию воспринять *поношение Христово* (Евр. 11, 26 и 13, 13). Посему-то и божественный Павел прекрасно называет сей крест соблазном для иудеев (1 Кор. 1, 23). *И веземше,* — говорит Писание, — *камень, подложиша ему, и седяше на нем. Аарон же и Ор поддержаста руце ему, един отсюду, а другий оттуду* (Исх. 17, 12). Христос есть *камень* драгоценный, *избран, краеуголен, честен* (Ис. 28, 16; 1 Пет. 2, 6), на котором покоясь (так как сидение означает успокоение), лучшие и более разумевающие из израильтян, сей *останок по избранию благодати* (Рим. 11, 15), распростирают руки, то есть принимают крест, когда их как бы утверждает и поддерживает в этом Христос, как Он обозначается в Оре и Аароне, созерцаемый вместе как Судия и Архиерей. Ибо Ор был неподкупный судия, а Аарон архиерей, сохраняющий сей *останок* из израильтян *по избранию благодати,* для спасения чрез веру. Это именно, я думаю, показывает сказанное пророчески гласом Исаии: *и аще не бы Господь Саваоф оставил нам семене, яко Содома убо были быхом, и яко Гоморру уподобилися быхом* (Ис. 1, 9). Итак, когда пал противник — я разумею Амалика, — *впиши,* — говорит Писание, — *сие на память* в книгу, *и вдай во уши Иисусу* (Исх. 17, 14). Ибо чрез Писание святых Евангелистов деяния, совершенные Христом, имели перейти в нескончаемое и долгое памятование. Повелел же дать писание *во уши Иисусу;* ибо писания святых суть дар Христу, как похвалы и победные песни Ему. Когда же пал и побежден был Амалик, Моисей поставляет Богу жертвенник и подписывает на нем название: *Господь* мой *прибежище мое* (Исх. 17, 15). И это может быть образом Христа: ибо Он соделался для нас Господом и прибежищем, победив князя века сего, поправ державу смерти и принесши себя за нас, как бы чис-

тую жертву в благоухание, приятное Богу и Отцу (Еф. 5, 2). Таким образом жертвенник, которому и прилично и истинно дается название: *Господь* мой *прибежище мое*, действительно был образом Христа.

П. Соглашаюсь; ты правильно рассуждаешь.

К. Христос, сокровенною десницею воевав против духовного Амалика и победив его, овладел народами и расхитил *сосуды его*, как Сам говорит, связав *крепкаго* (Мф. 12, 29): ибо находившееся некогда в его власти стадо, разумею сущих из язычников, Христос совокупил с прежде пасомыми, по сему именно и говорил: *и ины овцы имам, яже не суть от двора сего: и тыя Ми подобает привести: и глас Мой услышат: и будет едино стадо, и един Пастырь* (Ин. 10, 16). Но Христос, по Писаниям, *есть мир наш, сотворивый обоя едино, и средостение ограды разоривый:* и *вражду Плотию Своею, закон заповедей ученми упразднив,* Он и совокупил *во единаго новаго человека* сущих от обрезания и бывших вне закона (Еф. 2, 14–15). Рассмотри же еще и следующее великое таинство как бы в тени и загадке, тесно связанное с тем, что сейчас сказано нами. Ибо Писание говорит так: *услыша же Иофор, иерей мадиамский тесть Моисеов, вся, елика сотвори Господь Израилю Своим людем: яко изведе Господь Израиля из Египта. И поя Иофор тесть Моисеов Сепфору жену Моисеову по отпущении ея, и два сына ея: имя единому от них Гирсам, глаголя: пришлец бых в земли чуждей*[1]. *И имя второму Елиезер, глаголя: Бог бо отца моего, помощник мой, и избави мя из руки фараони. И прииде Иофор тесть Моисеов, и сынове и жена к Моисею в пустыню, идеже ополчися при горе Божией*[2]. *Возвестиша же Моисею, глаголюще: се Иофор тесть твой идет к тебе, и жена твоя, и оба сына твоя с ним. Изыде же Моисей во сретение тестю своему* Иофору, *и поклонися ему, и целова его, и приветствоваша друг друга: и введе их Моисей в кущу. И поведа Моисей тестю своему вся, елика*

[1] В изданиях творения св Кирилла, в этом месте, имя первого сына Моисея печатается так Γερσὰν.

[2] Эти слова по переводу LXX читаются так οὖ παρενέβαλεν εἰς τὸ ὄρος τοῦ Θεοῦ (Исх 18, 5), а в изданиях творений св Кирилла так οὖ παρέλαβεν ἐπὶ τὸ ὄρος τσῦ Θεπῦ Здесь удержан славянский перевод, как более ясный и близкий к тексту Библии

сотвори Господь фараону и всем египтяном Израиля ради, и весь труд бывший им на пути, и яко избави их Господь от руки фараони, и от руки египетския. Ужасеся же Иофор о всех благих, яже сотвори им Господь, яко избави их Господь от руки египетския и от руки фараони. И рече Иофор: благословен Господь, яко избави люди Своя из руки египетския и из руки фараони: ныне уведех, яко велик Господь паче всех богов, сего ради, яко налегоша на них. И взя Иофор тесть Моисеов всесожжения и жертвы Богу: прииде же Аарон и вси старцы Израилевы, ясти хлеба вместе *с тестем Моисеовым пред Богом. И бысть на утрие, седе Моисей судити люди: стояху же пред Моисеом вси людие от утра до вечера. Видев же Иофор вся елика творяще людем, рече: что сие еже ты твориши людем? Почто ты един седиши, вси же людие предстоят тебе от утра до вечера? Рече же Моисей тестю: понеже приходят людие ко мне просити суда от Бога: егда бо бывает им распря, и приходят ко мне, рассуждаю коемуждо, и сказую им повеления Божия, и закон Его. Рече же тесть Моисеов к нему: не право ты твориши глагол сей... не возможеши творити ты един. Ныне убо послушай мене, и присоветую тебе, и будет Бог с тобою. Буди ты людем в тех яже к Богу, и донесеши словеса их к Богу. И засвидетельствуй им повеления Божия, и закон Его, и повежд им пути Его, ими же пойдут, и дела яже сотворят. Ты же усмотри себе от всех людей мужы,* — говорит он, — *силны... и судят людей.* И спустя несколько Писание говорит опять: *послуша же Моисей гласа тестя своего, и сотвори... елика рече ему* (Исх. 18, 1–22 и 24).

П. Продолжай же и, разделив по частям, объясни.

К. Не согласен ли ты с тем, что мадианитянин — иноплеменник и язычник? Ибо он произошел не от корня Авраама. С другой стороны, он был священником и служителем мнимого богопочтения, которое в то время было распространено на земле. Хотя люди поклонялись, как говорят и как они сами думали, Всевышнему Богу, например, без сомнения и Мелхиседек; но они принимали и других богов, причисляя к ним и замечательные творения, как-то: землю и небо, солнце и луну и более значительные из звезд. И таковое растление и заблуждение было исконною погрешностию, оно

дошло и до настоящего времени и продолжается. Так думают, безумствуя, еще и теперь некоторые из живущих в Финикии и Палестине, которые называют себя чтущими Бога, а следуют какому-то среднему пути богопочтения, не предаваясь ни обычаям чисто иудейским, ни обычаям эллинским, как бы надвое разрываемые и разделенные. И израильтян, избравших некогда таковой образ мыслей, порицал пророк Илия, говоря: *доколе вы храмлете на обе плеске ваши* (3 Цар. 18, 21), то Ваалу, Ваалу, то Богу, Богу? Так и Иофор, по всей вероятности, следовал именно некоторому таковому роду богопочтения. Когда узнал он о том, что совершил Бог для спасения израильтян, то, плененный достойными уважения и удивления рассказами, со всем домом и с целым родом своим отправляется к священному Моисею, который, увидевши, охотно принял его, ввел в свою *кущу* (Исх. 18, 7) и в точности рассказал ему о достославных делах Божественной силы и о чудотворениях, превосходящих всякое слово. В самом деле, очень многие из блуждающих, я говорю об язычниках, призываются к перемене мыслей о Боге, сначала посредством слухов, передаваемых кем-либо о Боге, а потом сами собою прибегая к Божественному закону, то есть к наставлению чрез Священное Писание. Так они входят в первую *кущу*: ибо закон способен ввести; а убежденные древнейшими повествованиями переходят потом и к принятию той мысли, что Бог есть единый и единственный и что должно делать Ему приношения. Вот и мадианитянин, услышав повествование Моисея, сказал: *ныне уведех, яко велик Господь паче всех богов, сего ради, яко налегоша на них. И взя Иофор тесть Моисеов всесожжения и жертвы* Господу (Исх. 18, 11–12). Итак, Моисей, то есть вступительное наставление посредством древнейших писаний, есть начальный учитель и ведет нас к первым началам истинного боговедения.

П. Подлинно так.

К. Но Христос приводит наставляемых законом к совершенству; когда я говорю опять о законе, то разумей ветхий завет. Итак, Моисей относительно Иофора воспользовался одними только повествованиями о Боге и, однако, пременил мнение Иофора на отчетливое исповедание того, что нет другого Бога, кроме единого по естеству и истинного. И это есть первая вера наставляемых, я разумею удаление от многобожного мнения и принятие истинно единого и по есте-

ству Бога. Но Аарон удостоил Иофора и трапезы и призвал ко вкушению хлеба: ибо говорит Писание: *прииде же Аарон и вси старцы Израилевы, ясти хлеба* вместе *с тестем Моисеовым пред Богом* (Исх. 18, 12); так как Христос, истиннейший Аарон, насыщает нас хлебом живым; насыщает же не только сущих из язычников, но вместе и преимущественно избранных от крови Израиля, образом которых были старцы. А то, что должно было *ясти хлеба... пред Богом,* есть немалое указание на освящение; ибо что в такой степени находится пред очами Божиими, как не таинственная трапеза и жертва и участвующие в ней?

П. Хорошо говоришь.

К. Что, усовершаемые Христом, мы достигаем лучшего разумения, нежели чрез детоводительство в законе, это мы без труда увидим, принимая за ясный образ сего дела Моисея и Иофора, ибо Писание говорит, что сидел божественный Моисей, судя, *стояху же* пред ним *вси людие от утра до вечера* (Исх. 18, 13); Иофор подает мнение, которое Моисей почтил и, рассудивши, что оно лучшее, принял: ибо сказано: *послуша же Моисей гласа тестя своего, и сотвори... елика рече ему* (Исх. 18, 24). Тот, кто в состоянии всегда подать лучший совет и мнение, не должен ли, конечно, считаться имеющим и разумение более превосходное?

П. Соглашаюсь.

К. Что лучше и много выше научения в законе усовершенствование чрез Христа, приводящее нас к ведению, несравненно превосходнейшему, это легко показал бы священнейший Павел, который *за превосходящее разумение Христа*, как сам говорит, с великой готовностию отказывается от преимуществ по закону и признает их за *уметы*, да Христа приобрящет (Флп. 3, 8). И к почитающим только то, что передано чрез Моисея, а недопускающим усовершения чрез Христа, пророк Иеремия говорил: *како речете, яко мы мудри есмы, и закон Господень с нами есть? Истинно всуе бысть трость лживая книжником. Постыдешася премудрии, и устрашени, и поимани быша, слово бо Господне отвергоша: кая мудрость есть в них?* (Иер. 8, 8–9.) А для нас, не отвергающих спасительного слова, так как мы с радостию принимаем проповедь Христа, Он стал *премудростию от Бога* (1 Кор. 1, 30). Итак, именно по ведению мы превзошли сущих в за-

коне и, наставляемые повествованиями от закона, вкусившие хлеб в присутствии Бога, научились лучше и говорить и думать: ибо Иофор дает мнение и Моисей повинуется; между тем Иофор по справедливости может быть образом сущих от язычников, а Моисей сущих по закону.

П. Правильно ты сказал.

К. Итак, усовершение чрез Христа и сила Его таинств и мудрыми соделывает нас, и представляет преобладающими над смертию, низвергая сокровенного и мысленного Амалика, то есть сатану. И весьма справедливо сказал Псалмопевец, что *о Бозе сотворим силу: и Той уничижит стужающыя нам* (Пс. 59, 14); а о нас, просвещенных в вере, возгласил он, как бы обращаясь к Богу: *яко похвала силы их Ты еси* (Пс. 88, 18), *и о имени Твоем возрадуются весь день* (ст. 17); ибо мы хвалимся, спасаемые во Христе, и имеем Его *оружием благоволения* (Пс. 5, 13), по Писаниям. Примером и ясным образом этого может быть для нас также написанное в конце Второй книги Царств; а там сказано так: *и воста Давид заутра: и слово Господне бысть ко Гаду пророку прозорливцу* о Давиде, *глаголя: иди и рцы Давиду, глаголя: тако глаголет Господь: трое Аз* скажу на тебя, *и избери себе едино от сих, и сотворю ти. И вниде Гад к Давиду, и поведа, и рече ему: избери себе быти: или приидут тебе три лета глада на землю твою: или три месяцы бегати имаши пред враги твоими* и будут преследовать тебя: *или три дни быти смерти в земли твоей. Ныне убо разумей, и виждь* какое слово *отвещаю пославшему мя. И рече Давид к Гаду: тесна ми суть отвсюду зело три сия. Да впаду убо в руце Господни, яко многи суть щедроты Его зело: в руце же человечи да не впаду. И избра себе Давид смерть,* были же *дние жатвеннии пшеницы. И даде Господь смерть во Израили от утра до часа обедняго*[1], *и начася язва быти в людех, и умроша от людей Господних от Дана и до Вирсавии семьдесят тысящ мужей. И простре Ангел Божий руку свою на Иерусалим погубити его, и раскаяся Господь о зле, и рече Ангелу погубляющему люди; довольно ныне, отъими руку твою. И Ангел* Божий *бе стоя пред гумном Орны Иевусеанина. И рече Давид ко Господу, егда виде Ангела биюща люди, и рече: се аз*

[1] С еврейского *от утра до назначеннаго времени.*

есмь пастырь *согрешивый, аз есмь пастырь зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша? Да будет ныне рука Твоя на мне, и на дому отца моего. И прииде Гад к Давиду в день той, и рече ему: взыди, и постави Господеви олтарь на гумне Орны Иевусеанина. И взыде Давид по глаголу Гада пророка, имже образом заповеда ему Господь. И преклонися Орна, и виде царя и отроки его восходящыя выше его. И изыде Орна, и поклонися царю на лице своем на земли. И рече Орна: что яко прииде господин мой царь к рабу своему? И рече Давид: купити у тебе гумно (приидох), на создание олтаря Господня, и престанет язва от людей. И рече Орна к Давиду: да приимет и вознесет господин мой царь Господу (Богу) еже благо пред очима Его: се волове во всесожжение, и колеса и сосуди волов на дрова. Вся даде Орна царю. И рече Орна к царю: Господь Бог твой да благословит тя. И рече царь ко Орне: ни, но токмо купуя куплю от тебе ценою и не вознесу Господу Богу моему всесожжения туне. И купи Давид гумно и волы на пятидесяти сиклех сребра. И созда тамо Давид олтарь Господеви: и вознесе всесожжения и мирная. И приложи Соломон ко олтарю последи, зане мал бе прежде. И послуша Господь земли, и отъят язву от Израиля* (2 Цар. 24, 11–25).

П. Но какой же внутренний смысл этих слов? Предложенное совершенно неудобопонятно.

К. Без сомнения, неудобопонятно и поистине трудно уразумеваемо; однако я скажу мысль предложенного места, заключив многое в немногих словах и обратив внимание на смысл. Итак, усматривай, Палладий, как бы в зеркале и в утонченных созерцаниях таинство Христа и образ домостроительства нашего спасения.

П. Ты сам отлично можешь сделать это, когда Бог подаст силу разумения.

К. Итак, слушай; я уже приступаю к своей речи. Вследствие гнева Божия смерть пожирала народ Господень, и до *часа обедняго* (2 Цар. 24, 15) без всякого препятствия истребитель имел силу; когда же он намеревался наложить руку и на самих иерусалимлян, то Бог удержал его. Увидев Ангела, умолял Господа Давид, говоря о себе, что он согрешил и что лучше и гораздо справедливее было бы умереть пастырю и предводителю, чем овцам, так как они ничего не разумеют.

Потом, по указанию Божию, он воздвигает жертвенник на гумне Орны, которое вместе с молотящими волами купил за пятьдесят сиклей. Когда же совсем соорудил он божественный жертвенник, то совершил на нем жертвоприношения, *всесожжения и мирная* (24, 25). Таким образом, наконец, остановилось истребление и пресечена свирепствовавшая перед тем смерть. Священное Писание указывает также и на то, что жертвенник первоначально был мал и Соломон впоследствии приложил к нему. Не скажешь ли ты, что в сих словах кратко выражена сущность предложенного?

П. Это так; но уясни уже и то, каким образом может быть понят смысл этого.

К. Или ты не знаешь, что природа человеческая, бесспорно, впала в смерть и тление, возбудивши ко гневу Создателя, так сказать в начале нашего рода, то есть в Адаме, который отверг перводанную Божественную заповедь и услышал следующее: *земля еси, и в землю отъидеши?* (Быт. 3, 19.)

П. Правда.

К. Итак, *от утра*, то есть от первых времен настоящего века, смерть пожирала сущих на земле *до часа обедняго* (2 Цар. 24, 15), то есть до времени трапезы; ибо, когда для нас настало время святой трапезы — очевидно, трапезы во Христе и таинственной, в которой мы вкушаем хлеб небесный и животворящий,— то издревле страшная и тяжелая смерть была упразднена, так как Бог был умилостивлен. И с трудом был удержан истребитель: когда уже он хотел наложить поражающую руку и на живущих во святом граде, духовном Иерусалиме, тогда только ему возбраняется, поелику Бог был умилостивлен: отъими теперь, говорит Писание, довольно (24, 16). Церковь же есть град святой, обитатели которого суть усовершаемые к освящению чрез хлеб живой. О столь святом и достойном удивления городе воспоминает и божественный Давид, говоря: *преславная глаголашася о тебе граде Божий* (Пс. 86, 3). Ибо в нас вселился Христос, который есть жизнь и животворящий. Поэтому Бог от освященных и отгоняет губителя, как уже не долженствующего побеждать после явления святой трапезы, которую прикровенно означает время обеденное. Итак, Христос, как бы созерцаемый в лице Давида, избавил нас. Поелику Он видел, что смерть истребляет сущих на земле, то и соделался ходатаем за нас пред Отцом:

Он Себя Самого принес за нас и добровольно подверг смерти; посрамил губителя, называя грех Своим не потому, будто Он соделал грех, но потому, что, по Писаниям, Сам *грехи* наши берет на Себя *и о нас болезнует* (Ис. 53, 4), *и со беззаконными вменися* (53, 12), и хотя Сам не знал греха (2 Кор. 5, 21), но был *по нас клятва* (Гал. 3, 13). Нужно же, как сказано, более потерпеть пастырю, нежели овцам (2 Цар. 24, 17); и Он, как пастырь добрый, *душу Свою* положил *за овцы* (Ин. 10, 11). Потом, по Божественному напоминанию, богомудрый Давид на том месте, где увидел Ангела истребителя уже бездействующим и стоящим (а видел его, сказано, *пред гумном* – 2 Цар. 24, 16), водрузив жертвенник, принес Богу *всесожжения и мирная* (24, 25),– это виды и образы жертвоприношений по закону. Под гумном ты разумей Церковь, достигши которой, смерть наконец остановилась и была упразднена, и губитель удержал издревле страшную и разрушительную руку; ибо Церковь составляет дом Того, в Ком жизнь по естеству, то есть Христа. Церковь же мы называем гумном по некоторому подобию и образу: в ней, по примеру снопов и колосьев, собираются те, которые отсекаются от мирской жизни словом святых жителей, то есть Апостолов и Евангелистов, для того, чтобы быть вознесенными в вышние дворы и внесенными, подобно чистому хлебу, как бы во Владычнюю житницу, в небесный Иерусалим, по отложении непотребных и ненужных дел, а вместе и мыслей, каковые разумеются как бы в виде соломы. И Христос сказал святым Апостолам: *не вы ли глаголете, яко еще четыри месяцы суть, и жатва приидет? Се глаголю вам: возведите очи ваши, и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже. И жняй, мзду приемлет, и собирает плод в живот вечный* (Ин. 4, 35–36). И еще говорит: *жатва убо многа, делателей же мало. Молитеся убо господину жатвы, яко да изведет делатели на жатву свою* (Мф. 9, 37–38), именуя, как думаю, духовною жатвою множество имеющих уверовать, а святыми жателями называя содержащих в уме и на языке Божественное слово, которое есть *живо... и действенно*[1] *и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов* (Евр. 4, 12).

[1] В изданиях творений св. Кирилла здесь, вероятно по ошибке, вместо слова: ἐνεργὴς действенный, поставлено: ἐναργὴς ясный.

Именем же гумна и блаженный Креститель обозначал Церковь, следующим именно образом говоря о Христе: *аз убо водою крещаю вы: грядет же креплий мене. Емуже несть достоин отрешити ремень сапогу Его: Той вы крестит Духом Святым и огнем. Емуже лопата в руку Его, и отребит гумно свое, и соберет пшеницу в житницу свою, плевы же сожжет огнем негасающим* (Лк. 3, 16–17). Итак, сие-то духовное гумно, я разумею Церковь, купил Христос за пятьдесят сиклей, то есть не дешевою ценою; ибо Он Себя Самого отдал за нее и в ней воздвиг жертвенник; и поелику Он Сам есть совершитель священнодействия, так как Он был *первосвященник* (Евр. 6, 20), то Сам Он и принес Себя в жертву, как бы в виде и образе вола молотящего, и соделался всесожжением и жертвой примирительной. Ибо во Христе стоявшая посреди преграда разрушена и мы, издревле чрез грех разлученные и отделенные, вместе со Христом входим чрез Него и в Нем к Богу и Отцу, по разрушении этой древней вражды: *Той бо есть мир наш,* по Писаниям (Еф. 2, 14).

П. Значит, под волом молотящим мы будем разуметь Христа? Каким это образом?

К. Но, любезный, не волами ли молотящими закон Моисеев назвал нам святых учеников? Ибо сказано загадочно: *да не обротиши* (не заграждай уста) *вола молотяща* (Втор. 25, 4). И блаженный Павел, весьма ясно уразумев это, говорит: *еда о волех радит Бог? Или нас ради всяко глаголет? Нас бо ради написася, яко о надежде должен есть оряй орати, и молотяй с надеждею причащатися* (1 Кор. 9, 9–10). Таким образом, и блаженные ученики по образу первого, то есть Христа, называются волами. Но Христос означается волом молотящим и в другом смысле, именно: чрез Него очищение, чрез Него отложение ненужных дел, то есть наслаждений и плотских мудрований, свойственных миру, которые суть пища пламени, как и солома. Когда воздвигнут был жертвенник, на котором возложены примирительная жертва и жертва всесожжения, то печаль прекращена: ибо внял Господь земле и истребление было остановлено. Так и тогда, как Христос принес Себя за нас в жертву, смерть была упразднена и тление уничтожено, так как всемогущий Бог приклоняет ухо, как бы уже готовое к мольбам всех: *еще бо глаголющым им*[1] говорит, *реку: что есть?* (Ис. 65, 24.) А замечание о том, что прежний

жертвенник был мал и что впоследствии было приложено к нему, указывает на имеющий быть в свое время успех Евангелия, и, с одной стороны, на ограниченность святых церквей вначале, с другой — как бы на расширение их во времена последующие. Ибо жертвенники постоянно расширяются, так как к прежним церквам как бы непрестанно присоединяются другие и разрастаются в безмерное множество народов, которые освобождены чрез жертву во Христе, имея Его священнодействующим, и жертвою святою, и очистительным благоуханием, и как бы удивительным жертвенником, и владыкою Церкви, изображенной в виде гумна.

П. Как ясно и наглядно это рассуждение! Оно сделано с большим искусством.

К. А разве ты сам, и даже без малейшего колебания, не сказал бы, что Христос есть жизнь всех и искупление?

П. Будь уверен, что сказал бы, потому что я думаю именно так.

К. Он один умер за всех, будучи удовлетворительною ценою за всех, и собственную душу сделал выкупом за наши души, посрамляя жестокость диавола и как бы остановив осуждение владычествующего над нами греха и необузданное слово обвинения против всех.

П. Каким образом?

К. Так как грех воцарился над обитателями земли, которые сделались весьма склонны к дурному *от юности*, как написано (Быт. 8, 21), и так как сердце человека тщательно прилежит к потребности и хотению творить дурное, то по необходимости и подверглись мы осуждению смерти. Ибо нарушение закона Божественного и отвержение Владычних хотений имеет наказанием смерть. Но Творец явил Свое милосердие к столь поврежденной природе человеческой: Единородный соделался человеком, носил тело, естественно подверженное смерти, и восприял плоть, чтобы, претерпев за нас смерть, угрожавшую нам за грех, привести грех в бездействие и усмирить потом обвиняющего сатану; так как мы в

---

[1] У св Кирилла это место читается так ἔτι γαρ λαλοῦντος σου, что следовало бы перевести так *еще бо глаголющу ти* Но здесь лучше будет следовать общепринятому тексту, тем более, что предыдущие слова о мольбах всех хорошо с ним согласуются.

Самом Христе понесли наказание за виновность в прегрешении: ибо Он *грехи наша* подъемлет, *и о нас болезнует* (Ис. 53, 4), по гласу пророка. Разве не *язвою Его мы исцелехом?* (53, 5.)

П. Правда: Он *язвен бысть за грехи наша* и был в пренебрежении и *в язве* (Ис. 53, 5 и 4).

К. Итак, когда Христос пострадал за нас, то грех сокрушен и, я думаю, не будет уже насильственно обвинять освященных чрез Христа; и это нам ясно покажет пророк Захария, говоря как бы в видении: *и изыде Ангел глаголяй во мне, и рече ко мне: воззри очима твоима, и виждь исходящее сие. И рех: что есть? И рече: сия мера исходящая. И рече: сия неправда их по всей земли. И се талант оловян вземляйся: и се жена едина седяше посреде меры... И вверже камень оловяный во уста ея. И возведох очи мои, и видех, и се две жены исходящыя, и дух в крилех их, и те имяху крила, яко крили вдодовы: и взяша меру между землею, и между небом. И рех ко Ангелу глаголющему во мне: камо сия относят меру? И рече ко мне: создати ей храмину в земли Вавилонстей, и уготовати, и положат ю тамо на уготование свое* (Зах. 5, 5–11). Желаешь, чтобы мы опять поговорили о каждой части отдельно и рассмотрели, насколько возможно?

П. Непременно.

К. Пророк увидел некую меру, исходящую из Иерусалима, и, когда спросил о том, *что есть?* — Ангел сказал: *сия неправда их по всей земли* (Зах. 5, 6), а это подобно тому, как если бы он сказал: этою мерою в свое время измеряются прегрешения на всей земле. Ибо, когда грех наш достигает значительной величины, тогда оскорбленный Законоположник посылает наказания; часто же по свойственному Ему человеколюбию терпит и удерживается от наказания согрешающих, не изливая совершенно Своего гнева прежде исполнения меры грехов их. Так Бог говорил и священному Аврааму: *не бо исполнишася греси аморреов до ныне* (Быт. 15, 16). Также к фарисеям, неудержимо оскорблявшим Его, Христос сказал: *и вы исполните меру отец ваших* (Мф. 23, 32). Итак, когда выходила мера, вземлется *талант оловян*, ввергается *в средину* жена, наполняющая меру, и приемлет *камень оловяный* в собственные *уста;* при сем божественный Ангел говорит: *сия есть беззаконие* (Зах. 5, 7–8).

П. Место Писания пока еще не совсем ясно.

К. Оно будет ясно, и притом вскоре. Словами *талант оловян* означается Сам Христос, который вземлется, то есть возносится, посредством креста и по Своим божественным достоинствам созерцается в славе: *ибо Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене* (Флп. 2, 9). Он заключает уста греха согласно тому, как воспевается в Псалмах: *и всякое беззаконие заградит уста своя* (Пс. 106, 42), дабы не говорить в обвинение согрешивших по немощи и оправданных в вере, ибо *Бог оправдаяй; кто осуждаяй?* (Рим. 8, 33–34.) Если же Христос пострадал за нас, то с чем было бы сообразно требовать еще, чтобы и мы сами были наказаны за наши прегрешения?

П. Весьма правильно ты сказал: мы оправданы во Христе и совершенно отклонили от себя обвинение за грех. Но особенно приятно мне было бы узнать от тебя, по какой причине Христос обозначается как бы в олове[1], а беззаконие является как бы в лице жены.

К. И это легко увидеть из Священных Писаний: ибо Христос уподобляется и многому другому, так как, смотря по качеству означаемого, мыслится содержащееся в Нем.

П. О чем ты говоришь?

К. Христос соделался для нас утверждением и крепостию, непоколебимою опорою и несокрушимым основанием, поэтому и назван камнем, ибо так сказано: *се Аз полагаю во основание Сиону камень... избран, краеуголен, честен... и веруяй в Онь не постыдится* (Исх. 28, 16). Он же, потом, есть светлое и досточудное сокровище Церкви, наше духовное богатство, и называется бисером. *Подобно есть*, — сказано, —

---

[1] По подлиннику: ειν μολίβδῳ. Слово: μόλιβδος или μόλιβος означает собственно свинец, а κασσίτερος означает олово Различие этих металлов было известно в древности; в еврейском тексте и в переводе LXX эти два металла означаются разными названиями. Но в славянской Библии μολίβος переводится словом: олово, как в рассматриваемом здесь месте из Книги пророка Захарии, так нередко и в других местах. С другой стороны, вскоре увидим, что св. Кирилл, сопоставляя места Зах 4, 10, где встречается слово: κασσιτέρινον, и еще Зах. 5, 7, где находим слово: μόλιβδου или μόλιβου не придает никакого значения различию этих названий. А потому и здесь μόλιβδος переводится словом: олово

Царствие Небесное купцу, ищущу добрых бисерей: иже обрете един многоценен бисер, шед продаде вся, елика имяше, и купи его (Мф. 13, 45–46). Чрез Себя Самого Он приблизил нас к Богу и Отцу, разрушив Телом своим вражду, как написано (Еф. 2, 13–16); поэтому и говорил к Отцу Небесному и Богу о тех, которые оправданы верою в Него: Отче, хочу, чтобы как Я и Ты едино есмы, так *и тии в Нас едино будут* (Ин. 17, 21). Посему-то Он назван камнем оловянным; ибо оловом спаиваются соединяемые предметы. И, в другом месте, гласом Захарии Бог, указывая нам на собственного Сына, имеющего в свое время прийти и грядущего, сказал: *и возрадуются, и увидят камень, иже от чистаго олова, в руку Зоровавеля* (Зах. 4, 10). Точно так же и в рассматриваемом нами месте слова *талант оловян* (Зах. 5, 7) сказаны о Христе; и я скажу, какая причина этого. Нечистое серебро, плавимое вместе с оловом, чрезвычайно хорошо очищается, так как олово по своему свойству берет в себя нечистоту пережигаемого вместе с ним металла. Нечто такое и в нас самих совершил Христос; Он телесно, а вместе и духовно соединился с непотребными и таким образом расплавил находившуюся в нас нечистоту; ибо Он подъемлет грехи наши, чтобы мы ради Его и чрез Него были чистыми и просвещенными. И пророк Иеремия оплакивал народ Иудейский, не принявший очищения чрез Христа, в следующих словах: *оскуде мех от огня, истле олово. Всуе ковач сребро кует, лукавства бо их не истаяша. Сребро отриновено нарцыте их, яко Господь отверже их* (Иер. 6, 29–30). Итак, ты понимаешь, Божественное Писание знало, что очищение серебра не может совершаться без олова. Посему Христос, так как Он очистил нас непотребных, уподобляется олову и Сам заграждает уста греха, изображаемого как бы в виде жены. А жена есть знак слабости и вместе наслаждения, а чрез них совершается всякое беззаконие: у кого ум наперед помрачен тем или другим наслаждением и таким образом обессилен, тот оставляет труды, ведущие к добродетели, и душа человеческая преклоняется ко греху; поэтому и говорится о некоторых, что они суть *сластолюбцы паче нежели боголюбцы* (2 Тим. 3, 4). И пророк взывает к тем, которые вследствие душевной немощи поражены грехом и

расслаблением, состоящим в порочности: *укрепитеся руце ослабленыя, и колена разслабленая* (Ис. 35, 3).

П. Но это так; а две жены, которые относят меру и беззаконие в землю Вавилонскую, скажи мне, на что могут указывать?

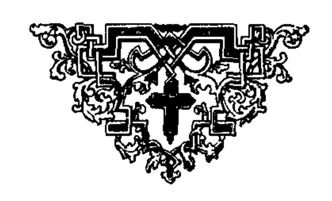
К. Уста беззакония, любезнейший, заграждены чрез Христа: в Нем мы оправданы, освобождены от всякого обвинения, и осуждение беззакония снято с нас: ибо такова была по отношению к нам цель домостроительства у Того, Который из-за нас, ради нас и вместо нас подвергся смерти, хотя опять и воскрес: ибо невозможно было, чтобы жизнь побеждена была смертию. Но некоторые не поверили Евангелию Христову и, не принявши искупления от греха, опять обременяются им, возложивши его на свои главы вследствие бессилия мысли, расслабления ума и отсутствия душевного мужества. Они увлекаются всяким лукавым духом и, насильственно побуждаемые ко всякому виду нечистоты, весьма усердно спешат к дурному. Знаком же поспешности служит крыло, которое и было, как сказано, вдодово (Зах. 5, 9)[1]; это вид птицы, которая всегда летает вокруг зловоннейших болот и собирает в пищу добываемое из грязи и нечистоты. Итак, тех, которые расточают свои заботы на осквернение, совершенно естественно можно назвать имеющими *крыле вдодовы*; они также женовидны и изнеженны, наконец, похожи на владычествующий над ними грех. Ибо как чрез освящение соделались сообразными Христу сущие под Ним и вместе с Ним, так сообразны беззаконию и одновидны с ним те, которые обременены им и предпочли жить с нечистотою порока. *Меру же относят* в Вавилон и там отыскивают ей жилище (5, 9–11); сим, как я думаю, прикровенно обозначается, что если кто не желает принять соделанного Христом и не возлюбит заграждения греха, вследствие заботы об одних только нечистотах, тот удалится от святого Иерусалима, то есть от святой матери *перво-*

---

[1] В переводе LXX разбираемые здесь слова читаются так: πτέρυγας ἔποπος, что в славянской Библии переведено: *крыле вдодовы*, то есть крылья удода. Ἔποψ, удод, принадлежит к породе птиц, так называемых соровых, то есть отыскивает себе пищу в соре и питается насекомыми. С еврейского текста разбираемые слова переводятся так: *крылья аиста*.

родных, прекрасного горнего града (Евр. 12, 22–23). Тогда, имея грех бременем почти невыносимым, он поселится вместе с вавилонянами, то есть будет иметь часть и жребий с безбожными идолослужителями ибо подобны безбожникам те, которые пренебрегли соделанным чрез Христа искуплением. Так и Спаситель сказал *аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем единем. Аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего. Аще ли тебе не послушает, пойми с тобою еще единаго или два: да при устех двою, или триех, свидетелей станет всяк глагол. Аще же не послушает их, повеждь церкви: аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф 18, 15–17). Итак, ясно, а главное всем Божественным Писанием засвидетельствовано, что всякое оправданис и всякое искупление во Христе.

П. Хорошо ты сказал



КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, что человек, призванный Богом к оправданию и искупленный, должен последовать Ему и избегать изнеженности, ведущей к пороку, стараться же, напротив, жить согласно с законом и мужественно

Итак, опасно, как видно, Палладий, и я сказал бы даже, что и в высшей степени постыдно и весьма нелепо не желать того, чтобы мужественно препобеждать порочность и грех, а как бы измельчаясь в чрезмерных наслаждениях и погружаясь умом в свойственную женщинам изнеженность, терять мужество, нужное для добродетели, тогда как вполне возможно при посредстве Христа восходить ко всему достохвальному, и к этому именно побуждает нас священнейший Павел, говоря· *прочее возмогайте во Господе и в державе крепости Его* (Еф 6, 10).

Палладий. Хорошо говоришь

Кирилл. Итак, мы *сотворим силу* (Пс 59, 14) о Христе. Впрочем, без труда, полагаю, невозможно с успехом бороться против страстей и быть в состоянии возбуждать к этому свой дух

П. Соглашаюсь.

К. Поистине славное это дело и достоприемлемое, для ленивых недоступное, а для ценителей труда легко достижимое, как написано· *муж в трудех труждается себе и изнуждает* (отгоняет) *погибель свою* (Притч 16, 26) А чтобы с небольшим трудом можно было совершать отличные дела, об этом, кажется, неразумно даже и подумать только Но не выше ли всего для нас спасение нашей души и борьба за собственную жизнь?

П. Без всякого сомнения.

К. Каким же борцам, по твоему мнению, в особенности приличествует блеск славы — тем ли, которые ведут борьбу

правильно и с опытностью и которые держат в мысли, что им следует победить,— или же тем, которые весьма охотно предаются удовольствиям и праздную жизнь предпочитают более достойной?

П. Но как или откуда может возникнуть сомнение в том, что побеждать всего менее свойственно людям, страждущим беспечностию, а что это приличествует людям более дельным?

К. Посему станем ли мы утверждать, что тем, которые распрощались с трудом и избрали себе беспечную и роскошную жизнь, послужит это к славе?

П. Никак.

К. Итак, люди наиболее трудолюбивые приобретают славу, а без подвигов никому не удастся сделаться знаменитым.

П. Несомненно.

К. Если так, Палладий, то надобно прямым путем идти к достохвальному и стараться приобрести мужество, ведущее к добродетели, и ту великую отважность, которая и для богодухновенного Писания служит предметом удивления, и душам святых знакома и дружественна. Так и блаженный Давид, обращаясь к людям, особенно расположенным к этому, говорит: *мужайтеся, и да крепится сердце ваше, вси уповающии на Господа* (Пс. 30, 25). И так как он это самое исполнил, и притом преимущественно пред другими, то он похваляется, говоря: *Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, от кого устрашуся?* (Пс. 26, 1.) Ибо бесчисленны окружающие нас соблазны и множество демонов, превышающее, думаю, всякое число, возбуждает нас ко греху; к тому же наступают на нас немалая свирепость врожденных нам вожделений, любостяжание, высокомерие и родственные с убийством — зависть, ненависть, наветы и всякие подобного рода пороки. И вот те, которые без труда позволяют увести себя и, так сказать, даже концом перста не хотят дотронуться до того, чтобы мужественно вытерпеть нападение,— беспечно предоставляют победу врагам, как *свекла недовареная,* по слову пророка (Ис. 51, 20), как бы поверженные на землю и без борьбы простертые под ногами порочности. Напротив, люди, любящие добродетель и добрые, стремящиеся к вышней славе и желающие получить участие в вечной жизни, мужественно и отважно встречают на-

падения своих страстей, умерщвляя свою плоть и противясь рождающимся в ней и из нее движениям: таким-то образом, с величайшим искусством отгоняя всякого рода порочность и грех, они ведут святую и беспорочную жизнь,—обращаясь к каковым и божественный Павел говорит: *станите убо препоясана чресла ваша истиною, и оболкшеся в броню правды, и обувше нозе во уготование благовествования мира: над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разженныя угасити* (Еф. 6, 14–16). Ибо святым весьма приличествует духовное всеоружие, стремиться к которому повелевает нам, хотя и иным способом, и Сам Спаситель: *да будут*,— говорит он,— *чресла ваша препоясана* и обувь на ногах ваших *и светильницы горящии* (Лк. 12, 35). Препоясание означает твердость (как бы стянутость одежды), нужную для того, чтобы страдать за добро и за любовь к Богу; обутые ноги — готовность и быстроту в удалении от мира, причем как бы тотчас ноги идут туда, куда повелевает Божественный закон; а горящие светильники означают нежелание жить во мраке и неведении и шествие во свете Христовом ко всему достойному удивления. Так, иудеям, которые по умоповрежденности не хотели поступать таким образом, Христос сказал: *ходите* во свете, *дондеже свет имате, да тма вас не имет* (Ин. 12, 35). Итак, готовность к добродетели и мужество, соединенное с рассудительностью,— вот что делает любителя благочестия славным и знаменитым.

П. Хорошо говоришь.

К. В беспечной жизни мы не найдем славы, но, если кто изберет себе труд, тогда только он сделается славным и знаменитым. И действительно, когда сыны Израилевы еще жили в Египте, нечестивый фараон назначил грозных и жестоких надзирателей за их работами; а они, употребивши этот, хотя против воли их и по принуждению наложенный на них строгий образ жизни, как упражнение в страдании, получили на самом деле скорее пользу, чем вред. Устрашился фараон евреев, видя, что они разрастаются в безмерное множество, и решившись злодейски остановить такое их возрастание и умножение, *постави*,— сказано,— *над ними приставники дел, да озлобят их в делех* (Исх. 1, 11). Однако этот умысел имел для евреев совсем обратный исход: так как то угнетение, которому подверглись они, послужило поводом к еще больше-

му возрастанию их, когда Бог премудро распорядился этим делом и злоухищрениям фараона противопоставил свою благодать: *по елику же,* — сказано, — *их смиряху, толико множайшии бываху и укрепляхуся* (1, 12). Так и сатана причиняет скорби, скрежеща зубами своими на святых мужей и всегда набрасываясь особенно на тех, кого Бог усвоил себе, как Ему принадлежащих: *пищи своя* (его), — сказано, — *избранныя* (Авв. 1, 16): но подвергающиеся этим страданиям становятся посредством искушения лучше себя самих, и крепость в подвигах, без сомнения, являет их более славными; так что, чем сатана замышляет огорчить и повредить, этим особенно, вопреки своей воле, он приносит пользу, и посредством чего он думал победить, тем самым делает их еще более сильными. Когда же упомянутый коварный замысел имел неожиданный для фараона конец и когда уже поздно, и то с трудом, фараон начал замечать, что то, чем он хотел повредить евреям, приносит им пользу, он немедленно изменяет способ своего злоумышления: призвав повивальных бабок евреянок, говорит им: *егда бабите евреаныням, и суть к рождению, аще убо мужеский пол будет, убивайте его: аще же женский, снабдевайте* (оставляйте в живых) *его. Убояшашася же бабы Бога, и не сотвориша, яко же повеле им царь египетский, и живляху мужеский пол* (Исх. 1, 16–17). Когда этот нечестивый и кровавый замысел против еврейского народа не осуществился, так как Бог не допустил бабок до такого нечестия, тогда фараон переходит наконец к явному насилию и не считает уже нужным скрытно утеснять евреев, но предпринимает открытую войну и определяет бесчеловечную смерть рождающимся: *заповеда же,* — сказано, — *фараон всем людем своим, глаголя: всяк мужеский пол, иже родится евреом, в реку ввергайте, и всяк женский пол снабдевайте и* (его) *жив* (1, 22). Женский пол его нисколько не озабочивает, так как женщина не отличается воинственным духом и способностию к мудрости; напротив, беспокоит его в том и другом отношении мужеский пол, как мудрый и воинственный. Так и оскверненному убийством дракону, разумею сатану, весьма приятно и вожделенно женоподобное настроение души, изнеженное и робкое и притом страждущее неспособностию к мудрости; напротив, ему враждебна и страшна готовность к мужеству, препобеждающая изнеженность и возвышающаяся над

робостью, равно как и сильный ум. По сей-то, конечно, причине женский пол он сохраняет живым и не простирает на него своего злодейского умысла и намерения; так как глупо было бы, думаю, стараться вступить в борьбу с теми, которые уже сами по себе простерты на земле и так слабы, что по собственному побуждению охотно подчиняются. Напротив, мужеский пол он старается истребить, ввергая его в среду искушений. Это, мне кажется, воспевает и божественный Давид, говоря: *яко аще не Господь бы был в нас, внегда востати человеком на ны, убо живых пожерли быша нас. Внегда прогневатися ярости их на ны: убо вода потопила бы нас. Поток прейде душа наша* (Пс. 123, 2–4).

П. Это так.

К. Теперь обрати внимание на способ злоумышления. Сначала фараон изнурял их тяжелыми работами, злодейски ухищряясь посредством придуманных им утеснений достигнуть того, чтобы евреи не возросли до большего числа. Но это угнетение было еще тайное, и цель тирана не очень ясна. Этому злоумышлению противустала, как я недавно сказал, благодать милующего Бога; так что чем больше евреи были угнетаемы, тем больше возрастала их сила и число. Потом, во-вторых, фараон захотел вооружить повивальных бабок против еврейских женщин: но и этому не попустил Бог осуществиться. Наконец, третьим и последним способом злоумышления было то, что он, не скрывая более своей тайной лютости, повелел всему своему народу истреблять мужеский пол. Так и сатана невидимо ведет войну с людьми мужественными и слагает свои злоумышления как бы трояким способом. Начинает он войну коварными замыслами, препятствуя уму возрастать в добродетели: именно, устрояет так, что он бывает мучим неожиданными трудами и окружен тяжелыми испытаниями. Но, оказавшись не в состоянии причинить этим какой-либо вред, поелику нам помогает Бог, сатана нередко возбуждает против нас наших единоверцев и единоплеменников и старается поощрить их к вражде и брани с нами, о чем свидетельствует и Павел, говоря: *беды во лжебратии, беды от сродник* (2 Кор. 11, 26). Если же и это ему не удается (так как Защитник святых ниспосылает им страх Божий, как некогда повивальным бабкам), тогда наконец он уже открыто возбуждает своих слуг к жестокости и убийству. Но и при

этом мы будем крепко держаться любви к отваге и рвения к мужеству, зная, что ненавистное сатане драгоценно для Бога, так что тех, которые препобеждают изнеженность, Он высоко ценит и удостоивает своего попечения.

П. Соглашаюсь. Но теперь, кажется, уже время рассмотреть это и на основании Священного Писания; ведь в доказательствах такого рода у тебя, конечно, нет недостатка.

К. В таком случае поговорим, если Бог даст, о том, что содержится в так называемых Числах (а это книга Моисеева): и *глагола,* — сказано, — *Господь к Моисею в пустыни Синайстей в скинии свидения в первый день месяца втораго, втораго лета, изшедшим им от земли Египетския, глаголя: возмите сочтение всего сонма сынов Израилевых, по сродством их, по домом отечества их, по числу имен их, по главам их. Всяк мужеск пол от двадесяти лет и вышше, всяк исходяй с силою* (войском) *израилевою, соглядайте их с силою их, ты и Аарон созирайте их* (Чис. 1, 1–3). Что в божественную перепись и в книгу Божию зачисляются лица мужеского пола и притом самые воинственные и достигшие возмужалости, то есть крепости духовной и меры *возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13); это вполне ясно открывается из приведенного места Писания: потому что исчисляется именно мужеский пол и притом достигший двадцати лет и больше, как я думаю, не по другой какой-либо причине, как для того, чтобы мы могли уразуметь, что подлежит отвержению и негодна слабость сил и несовершенство смысла, которые мы считаем свойственными людям еще очень молодым и не достигшим еще той меры возмужалости, которую знает и определяет Божественный закон, то есть двадцатого года. Напротив, ценятся, находятся на счету и ведомы Богу по количеству, по родам, поголовно и поименно достигшие совершеннолетия лица мужеского пола. Так святым Апостолам, которые были уже в таком мужеском возрасте и достигли такой меры разума, сказано однажды Христом: *о сем не радуйтеся, яко* демоны *вам повинуются: радуйтеся же* более, *яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10, 20); и еще однажды: *не две ли птицы ценятся единым ассарием? И ни едина от них падет на землю без Отца Моего Небеснаго: вам же и власи главнии изочтени суть* (Мф. 10, 29–30). Выражение, что волосы их сочтены, думаю, весьма хорошо показывает, до ка-

ких подробностей простирается попечение об них.— Итак, в книге Божией были записаны люди совершеннолетние и мужеского пола. Перепись совершалась чрез Моисея и Аарона, дабы в них обоих мы разумели одного Христа, в Моисее — как законодателя, а в Аароне — как первосвященника; так как Он соделался для нас и законодателем и вместе архиереем преподобным и незлобивым (Евр. 7, 26), и чрез посредство Его совершается в божественных книгах перепись людей, достигших мужеского возраста и отличающихся в добродетели. К ним обращался и премудрый Иоанн, говоря: *пишу вам юноши, яко крепцы есте и победисте лукаваго* (1 Ин. 2, 13–14). Они-то и суть те, о которых мы только что сказали: *всяк мужеск пол от двадесяти лет и вышше, всяк исходяй с силою израилевою.* Что Зиждитель, любя добродетель, усвояет Себе таких людей чрез охранение их и удостоивает их Своего попечения, это ты можешь, Палладий, видеть и из того, что написано тотчас вслед за тем. Именно, еще сказал Моисею и Аарону, очевидно, Бог: *и с вами да будут кийждо по племени коегождо от князей, по домом отечеств да будут*[1]. *И сия имена мужей иже станут с вами* (Чис. 1, 4–5). И так каждое колено поставляет себе вождем, защитником, главным советником и распорядителем действий более других славного и воинственного; они изображают Ангелов, которые охраняют людей избранных и внесенных в книгу жизни, так как о каждом праведнике написано: *ополчится Ангел Господень окрест боящихся его, и избавит их* (Пс. 33, 8). А что мы, по изволению Божию, охраняемся помощию Ангелов, можно было бы отвсюду показать, и я считаю излишним в настоящее время собирать доказательства этого; впрочем, желающие могут весьма удобно сделать это, если захотят.

П. Итак, в образе Моисея и Аарона — чрез Христа совершается перепись людей мужественных?

К. Так я говорю: потому что к такому заключению приводит нас, по вероятной догадке, сказанное у блаженного Даниила.

П. Что такое ты разумеешь?

---

[1] Да будет с вами по одному от каждого колена, главный в доме отцов своих.

К. Видел он Отца, явившегося как бы в старческом возрасте, покрытого седыми волосами и блистающего одеждами, подобными снегу: *и книги,* — сказано, — *отверзошася,* и *судище седе, и видех, и се на облацех небесных, яко Сын человеч идый бяше и даже до Ветхаго деньми дойде и пред него приведеся: и тому дадеся власть и честь и царство* (Дан. 7, 10 и 13–14). Итак, когда Единородный явился в подобном нам образе, тогда и Отец раскрыл книги, перестал судить повинных греху и предоставил, наконец, людям мужественным быть внесенными в перепись, зачислиться в небесные лики и содержаться в памяти Божией. Слышу также песнь блаженного Давида о тех, которые неистовствовали против Христа: *да потребятся от книги живых, и с праведными да не напишутся* (Пс. 68, 29); они ниспали по слабости рассудка и по малодушию остались вне общества Христова, тогда как им была оказана почесть по благому и человеколюбивому повелению Бога и Отца; потому что они званы были на брак, но лениво и небрежно отвечали святым, приглашавшим их на пир, говоря один: *село купих,* другой: *жену поях и не могу приити.* Отовсюду слышен ответ: не могу; так как ум человеческий, склонившийся к мирским наслаждениям, немощен и бессилен к совершению дел Божиих; за то он и не будет участвовать в небесном и божественном празднике.

П. Итак, только совершеннолетние и мужественные и уже пришедшие в разум вносятся в божественную перепись и в книгу живота, а все иные отвергаются? Или как-нибудь иначе?

К. Прилежно и бодрственно устремив внимание на сказанное в Писании, ты уразумеешь истину. Ведь в перепись вносится не только тот, кто достиг возмужалости и имеет двадцать лет от рождения, но постановлено также вписать *всяк мужеск пол.* Понимаешь ли, о чем я говорю?

П. Понимаю.

К. Итак, если мыслимое во Христе мужество и люди, значительно способные действовать добродетельно, требуются преимущественно, так что те, которые достигли такой степени славы, сделавшись мужественными, воинственными и вышедши из детского разумения, имеют отдельную перепись: то и каждому из нас, друг мой, не подобает ли в переписи и

славе какое-нибудь особенное и соответственное место, соразмерное светлости наших дел?

П. Утверждаю.

К. Ведь в числе святых Апостолов никогда не будет тот, кто не подобен им. Никак этого быть не может.

П. Правда.

К. Не утверждаем также и того, что вместе с людьми, весьма славными многовидною добродетелью и упражнявшимися в проведении жизни, весьма согласной с законом, может быть поставлен человек не такого рода; но ясно, что каждый получит долю по своей мере.

П. Ты сказал правильно.

К. Итак, поелику мы уверовали в Спасителя и Искупителя всех и в крещении обильно получили небесную и вышнюю силу, так как облеклись *силою свыше* (Лк. 24, 49), запечатленные Духом Святым, то и мы помещены в чине и ряду лиц мужеского пола и исчислены в книге Божией. Впрочем, тут есть и некоторое различие, а именно: более священные и святые помещаются в переписи как бы первыми и ближайшими к Богу; так как, хотя и одна у всех вера во Христа, не все, однако ж верующие одинаковы и равны по своим нравам и жизни, но, по слову блаженного Павла, *ов сице, ов же сице* (1 Кор. 7, 7). Посему те, которые превосходят других строгостию жизни и потому более святы, занимают первое место в божественной переписи и в памяти Божией; а те, которые имеют меньше святости, потому что меньше у них добродетель, и в переписи находятся, без сомнения, на втором месте.

П. Но как можно сделать очевидным и это?

К. Из того же Писания. Наша речь не безосновательна; так как после того исчисления, которое Бог всяческих совершил относительно лиц мужеского пола и зрелого возраста, Он предуказал нам потом и другого рода перепись. Вот что сказано об этом: *рече Господь к Моисею в пустыни Синайстей, глаголя: соглядай сынов Левииных по домом отечеств их*, по сродствам их, *по сонмом: всяк мужеск пол от месяца единаго и вышше да соглядаете их. И сочте их Моисей и Аарон повелением Господним, якоже повеле им Господь* (Чис. 3, 14–16). Когда же таким образом сделана была перепись по племенам и по семействам, тотчас показывает итог, говоря: *все соглядание левитов, ихже согляда Моисей и Аарон по-*

велением Господним по сонмом их, всяк мужеск пол от месяца единаго и выше двадесять и две тысящи (3, 39). Вслед за тем присоединяет: *и рече Господь к Моисею глаголя: соглядай всякаго первенца мужеска полу сынов Израилевых от месяца единаго и выше, и возми число их по имени* (пересчитай их поименно). *И да поймеши мне левиты за вся первенцы сынов Израилевых: Аз Господь; и скоты левитски вместо всех первенцев в скотех сынов Израилевых. И согляда Моисей, якоже заповеда ему Господь. И быша вси первенцы мужеска полу по числу имен от месяца единаго и выше от соглядания их* (по исчислению их) *двадесят две тысящи двести седмдесят три. И рече Господь к Моисею, глаголя: поймы левиты вместо всех первенцев сынов Израилевых, и скоты левитски вместо скотов их, и будут мне левиты: Аз Господь. И искуп* (выкуп) *двухсот седмидесяти трех, иже преизбывают сверх левитов от первенцев сынов Израилевых. И да возмеши по пяти сикль на главу, по сиклю святому возмеши, по двадесять пенязей сикль. И даси сребро Аарону и сыном его, искуп от преизбывающих в них* (3, 40–48). Какое трудное, Палладий, и неудобное дело — понять такое разграничение, сделанное так тонко и так точно!

П. Ты говоришь правду. Однако же направь свой ум к исследованию, возлагая надежду на Христа, подателя всякого блага.

К. Заметь, что искомое в первой переписи есть все лица мужеского пола и двадцатилетнего возраста, то есть разумные и мужественные и настолько зрелые, чтобы они могли совершать угодное Богу. Но довольно об этом, потому что, я думаю, весьма достаточно и того, что сказано. А в эти две переписи (вторую и третью) по божественному и священному определению включаются из колена Левиина все вообще лица мужеского пола, а из остального множества народа не всякое без различия лицо мужеского пола, но только первородные, начиная в том и другом случае с одного месяца и выше. Число левитских детей было двадцать две тысячи, а число первенцев — двадцать две тысячи двести семьдесят три. После того Бог повелевает посвятить ему левитов вместо первенцев. Но так как оказалось, что число первенцев в народе больше на двести семьдесят три человека, то Законодатель определил, чтобы принесен был за них выкуп колену Левиину, дабы ле-

виты совершали за них священнодействия и богослужения, так что этот выкуп был как бы уплатою за их непрерывное предстательство. Соглашаешься ли, что в этом состоит смысл приведенного места?

П. Соглашаюсь.

К. Итак, вот что я скажу, и моя речь, как кажется и как вероятно, не уклонится от цели. Когда происходило запоминание и как бы отыскивание мужества и рассудительности, мыслимых во Христе, тогда вносился в перепись мужеский пол, имеющий немалый возраст телесный. Но сверх того надлежало ясно указать и на перепись по вере и любви ко Христу, с присоединением различия, которое можно усматривать между верующими: так как одни из них вместе с принятием веры наблюдают святость в делах и повиновение Богу, другие же не всецелое совершают освящение, но отдают часть и мирским предметам. Посему-то Законодатель справедливо повелевает, чтобы несвященному предпочтено было священное, как бы в образе мыслимое в роде левитском, и установляет, чтобы в переписи оно имело первое место. Поэтому о роде левитском упоминает сначала, а за ним следует и к нему присоединяется мужеский пол и перворродные. Ибо у Бога весьма высоко ценятся имеющие духовное мужество и сообразность со Христом, который есть перворoдный (Рим. 8, 29). Так, блаженный Павел к некоторым хромавшим в вере и расслабленным пустыми мыслями пишет: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19). Итак, приемлется и вносится в книгу Божию всякий, кто по образу Христа первороден, принадлежит к мужескому полу и отличается мудростию. Заметь же, что из остальных колен, как я недавно сказал, исчисляются не все без различия лица мужеского пола, а только перворoдные; это потому, что не всякий человек отличается в вере и сообразности со Христом, но есть много и неверующих: а переписываются и исчисляются только перворoдные, ради Того, Который первороден в нас и *во многих братиях* (Рим. 8, 29). Напротив, в левиином роде в перепись и общее счисление вносится сряду всякое без различия лицо мужеского пола, потому что святое всецело принадлежит Богу. Вписывается одномесячный возраст и выше, по какой причине? Потому, что младенчество во Христе, свойственное верующим, не отвергается Богом, между

тем весьма малый возраст есть как бы знак простоты во Христе и духовного младенчества. Как о людях, наиболее годных к войне, мы говорили, что перепись их прекрасно и безукоризненно сделана была начиная с двадцатилетнего возраста и выше, так теперь утверждаем, что одномесячный возраст служит ясным знаком младенчества во Христе. Подобное говорит и Павел: *братие, не дети бывайте умы: но злобою младенствуйте, умы же совершении бывайте* (1 Кор. 14, 20).

П. Таким образом, нужно думать, что мы будем участвовать в том, что совершают с опасностию жизни святые, ведущие себя мужественно и приложившие большое старание о приобретении похвалы.

К. Конечно так: они, будучи сами преисполнены божественных даров, которые получили посредством трудов и усилий и бесчисленных подвигов, и нас сверх того преисполняют тем, что даровано им по любви Божией Так и блаженный Павел, обращаясь к некоторым из уверовавших, говорит: *желаю бо видети вас, да некое подам вам дарование духовное* (Рим. 1, 11). Разве не назовешь ты небесным даром и духовным дарованием безукоризненное и неложное познание о Боге и точное ведение обо всем наилучшем?

П. Да; это знание животворно: потому что точное знание Того, Кто по естеству и истинно есть Создатель всего и Бог, и каков наилучший путь жизни, ведет к долговечной и нескончаемой жизни.

К. Ты сказал правильно. И Сам Христос, научая нас этому, заповедал Апостолам: *туне приясте, туне дадите* (Мф. 10, 8). Но, кроме того, и в другом отношении светлость святых может быть небесполезною для других людей, а именно: в их достохвальных делах как бы исчезают наши падения, и добротолюбивый наш Бог, по вниманию к душевной крепости славных мужей, прощает и слабейшим их проступки. Так, например, израильтяне, неудержимо устремясь к преслушанию и не оставив неиспытанным никакого вида непотребства, неизбежно возбудили против себя гнев Законодателя; но когда Сей восхотел уже наказать тех, которые столь грубо оскорбили Его, за их дерзость, а между тем пророк Иеремия вознес Ему молитвы за них, то что же отвечал ему Бог? *Обыдите*, – сказал Он, – *пути Иерусалимския, и воззрите, и познайте, и пождите на стогнах его: аще обрящете*

мужа творящаго суд и ищуща веры, и милосерд буду ему, глаголет Господь (Иер. 5, 1). Точно так же Он сказал, что отвратил бы наказание огнем от содомлян, если бы между ними нашлось хотя бы пять человек праведных и добрых[1]. Таким образом, и весьма великих грешников заслуги святых иногда избавляют от немедленного наказания, смягчая гнев Божий и удерживая ярость. Что же касается до тех, которые искренно приняли веру, но не могут достигнуть такой крепости душевной, чтобы собственным трудом приобретать богатство божественных даров, таковых святые делают участниками в своей славе, руководствуя их, сколько возможно,— привлекая ко всему тому, что угодно Богу, делая их общниками своих подвигов и подавая душам других людей то, чего сами едва достигают с великим трудом Что мы действительно будем соучастниками святых в присущей им доблести и общниками их подвигов вследствие того, что Бог по своей кротости и человеколюбию как бы смесит и сольет воедино наши прегрешения с их праведностью и недостаточное соединит с совершеннейшим, чтобы оно было приемлемо, это можно доказать также из следующего.

П. Что ты имеешь в виду?

К. Моавитяне и мадианитяне, народы нечестивые и варварские, населяли, однако, землю обетования, которую должны были унаследовать сыны Израилевы. Когда война была уже близка и должна была наступить немедленно, так что им (моавитянам и мадианитянам) предстояло в скором времени погибнуть, так как они не в состоянии были противостать войску израильскому, тогда они сделали попытку отогнать врагов при помощи искусства волхвования и других употреблявшихся у них нечестивых средств. Но когда, несмотря на все их усилия, они не могли причинить врагу никакого вреда (поелику Сам Бог защищал его и заставил лжепророка Валаама произнесть на него благословение вместо проклятия, для которого он был нанят), тогда, находясь в крайне затруднительном положении, решили между собою, что они не иначе могут повредить Израилю, как если он оскорбит Бога — своего Защитника и, лишившись чрез то вышней помощи, решится вступить в сражение. Зная же, что мужеский пол пы-

---

[1] Быт 18, 32 Здесь, впрочем, сказано десять, а не пять

лок и стремителен к женскому и что молодость небезопасна против такого рода нечистых удовольствий, подослали для непотребного соития с израильтянами разряженных развратниц, красотою которых легко увлекался всякий, кто имел в себе склонность к плотскому греху и, следуя внушениям которых, мало-помалу отвлекался от служения Богу. Таким образом, к блудодеянию у них присоединился недуг богоотступничества, как написано: *и причастися Израиль Веельфегору* (Чис. 25, 3); то же сказал Бог устами пророка: *людие смыслящии со блудницею сплетахуся* (Ос. 4, 14). Сильно вознегодовал на это, и весьма справедливо, Законодатель, и это дело не прошло безнаказанным для израильтян; так как за это они тотчас подпали несносным бедствиям, когда блудники стали подвергаться истреблению от рук братьев своих и ближних. Вслед за тем Бог повелел предпринять войну против мадианитян, сказав священноучителю Моисею: *отмсти месть сынов Израилевых от мадианитов и последи приложишися к людем своим. И рече Моисей к людем, глаголя: вооружите от вас мужи, и ополчитеся пред Господем на Мадиама, отдати отмщение от Господа Мадиаму: тысящу от племене, и тысящу от племене, от всех племен сынов Израилевых, послите ополчитися. И сочтоша от тысящ израилевых по тысящи от племене, дванадесять тысящ вооруженных на брань. И посла я Моисей тысящу от племене, и тысящу от племене с силою их, и Финееса сына Елеазарова сына Аарона жерца: и сосуды святыя и трубы знаменныя*[1] *в руках их. И ополчишася на Мадиама, якоже повеле Господь Моисею, и избиша весь мужеск пол. И царей мадиамских убиша вкупе с язвенными их, и Евина, и Рокома, и Сура, и Ура, и Ровока, пять царей мадиамлих: и Валаама сына Веорова убиша мечем с язвенными их. И плениша жен мадиамлих, и имения их, и скоты их, и вся притяжания их, и силу их плениша: и вся грады их, яже во обитаниях их, и веси их пожгоша огнем. И взяша весь плен их, и вся корысти их, от человека до скота. И приведоша к Моисею и к Елеазару жерцу, и ко всем сыном Израилевым плен и корысти и имение в полк, во Аравоф Моавль, иже есть у Иордана при Иерихоне. И изыде Моисей и Елеазар жрец, и вси князи сонма в сретение*

---

[1] Сигнальные — σάλπιγγες τῶν σημασιῶν.

им, вне полка. И разгневася Моисей на надзирателей силы, тысященачальников и стоначальников идущих от ополчения брани. И рече им Моисей: вскую жив остависте весь женск пол? тыя бо быша сыном Израилевым, по словеси Валаамлю, еже отступити и презрети слово Господне, Фагора ради, и бысть язва в сонме Господни. И ныне избийте всяк мужеск пол во всяком возрасте, и всяку жену, яже позна ложе мужеско, избийте. И всяк возраст женск, яже не познаша ложа мужеска, живых оставите я (Чис. 31, 1–18). После того, как Бог заповедал это, отборные юноши собирались для ведения войны и из каждого колена стекались наиболее выносливые и отличные, дабы лучшие люди из каждого колена послужили во славу всему народу и доблесть части перешла бы на целое, по премудрому изречению Павла: *аще страждет един уд, с ним страждут вси уди: аще ли же славится един уд, с ним радуются вси уди* (1 Кор. 12, 26).

П. Правильно рассуждаешь.

К. Итак, против мадианитян выступило крепкое войско отборных юношей,— находился при них и Финеес, сын священника,— были тут также священные сосуды и трубы, называемые сигнальными. Ибо людям мужественным всегда бывает соратником и сотоварищем Христос, наш великий первосвященник; сражаются вместе с ними и Ангелы, на которых символически указывают священные сосуды: потому что живущие на небе разумные духи суть подлинно святые и священнодейственные сосуды, так как они поставлены Богом на помощь нам. Равным образом тут находятся и сигнальные трубы, то есть речи проповедников о Боге, которые весьма ясно дают знать, как надобно преодолевать врагов, то есть существующие в нас страсти. Итак, священник, то есть Финеес, есть изображение Христа, святые сосуды — Ангелов, а сигнальные трубы — тех, которые возвещают нам слово Божие. Таким образом, мы без труда препобедим во Христе наших противников, говоря то, что поется в Псалмах: *о тебе враги наша избодем роги* (рогами), *и о имени твоем уничижим востающия на ны* (Пс. 43, 6), что действительно и сделали израильтяне. Опустошив все города и всю страну мадианитян, они представили всю добычу Елеазару жрецу и всему сонму сынов Израилевых: это означает, что праведные дела святых суть как бы священные приношения перво-

священнику всех Христу и не остаются сокрытыми для народов, по слову Писания: *несть тайно, еже не явлено будет: ниже утаено, еже не познается и в явление приидет* (Лк. 8, 17). Итак, то, что все плененное приводится пред взоры священника и всего народа, сделано образно и предусмотрительно. Впрочем, Моисей укорил победителей за то, что они совершили дело не вполне точно и безукоризненно; так как, сказал он, не следовало брать в плен живыми мужчин, а также и женщин, познавших брачное ложе. С исторической стороны это вполне убедительно; потому что в той стране, которая вскоре должна была перейти во владение израильтян, конечно, надлежало истребить мужеский пол, так как он в короткое время достиг бы зрелого возраста и силы и сделался бы враждебным народу Израильскому; а вместе с мужчинами следовало истребить и женский пол, так как он сделался причиной соблазна и, если бы остался цел, вероятно, снова стал бы тем же. Что же касается до духовного созерцания, то, думаю, можно усмотреть в изложенном искусно выраженное вот что.

П. Что такое?

К. Избранные из каждого колена воины, хотя и одержали победу, не остались, однако ж свободными от обвинения. Этим указывается, и притом очень ясно, на то, что даже те, которые отличаются мужеством, никогда не будут иметь совершенной безукоризненности: потому что и то, что кажется нам сделанным правильно, никаким образом не останется свободным от порицания и вины, как скоро Сам Бог подвергнет это тщательному исследованию и испытанию. Посему и написано: *аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит* (Пс. 129, 3)? — также: *от тайных моих очисти мя и от чуждих пощади раба Твоего: аще не обладают мною, тогда непорочен буду* (Пс. 18, 13–14). Итак, в мужестве даже избранных людей можно находить нечто достойное справедливого порицания, что усматривается ведением Законодателя, хотя и ускользает от нашего взора; ибо мы никаким образом не можем дознать этого, по слову Писания: *грехопадения кто разумеет* (18, 13)? И Исаия в одном месте говорит, что *вся правда наша якоже порт нечистыя* (Ис. 64, 6); потому что мы никогда не можем иметь очень большого совершенства и непорочности. Также и мудрейший Павел, хотя и написал: *ничесоже в себе свем*,— продолжает: *но ни*

о сем оправдаюся: востязуяй же мя, Господь есть (1 Кор. 4, 1). Укоризна, далее, сделана Моисеем не всем вообще, но только военачальникам, тысяченачальникам и стоначальникам; ибо *сильнии сильне истязани будут* (Прем. 6, 6): преимущественно к ним должен применяться закон во всей строгости, как написано: *ему же дано будет много, много взыщется от него* (Лк. 12, 48). Посему-то ученик Спасителя и написал: *не мнози учители бывайте, братие моя, ведяще, яко большее осуждение приимем* (Иак. 3, 1). Итак, обвинение, относящееся ко всем, прилагается только к военачальникам и предводителям отрядов; так как при бдительности начальников подчиненные почти всегда ведут себя похвально. Посему и написано народу, находящемуся в подчинении: *повинуйтеся наставником*[1] *вашим, и покаряйтеся, тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще* (Евр. 13, 17). После же избиения женщин и детей божественный Моисей не позволяет воинам поселиться в стане неочищенными, но повелевает предварительно очиститься, говоря: *и вы станите вне полка седмь дней: всяк убивый душу, и прикоснувыйся убиеному да очистится в третий день и в день седмый, вы и плен ваш: и всяку одежду, и всяк сосуд кожан, и всяко соделаное от козличины, и всяк сосуд древян очистите* (Чис. 31, 19–20). Видишь, что даже совершеннейший и славный между нами род людей избранных не вполне беспорочен, ибо никто не *чист от скверны* (Иов 14, 4), хотя бы кто отличался между людьми, для которых похвальное есть дело обычное: ибо совершенная святость блюдется до будущего века. Итак, Моисей повелевает победителям находиться вне стана и совершить очищение в третий день и седьмой. Третий день означает или третье время, в которое совершилось через Христа очищение, — время, следовавшее за временем Моисея и тем, когда явлен был лик святых пророков; или же время Воскресения, когда Христос восстал от мертвых, пригвоздив к честному кресту бывшее против нас рукописание и претерпев за нас страдание, разрешившее нас от греха (Кол. 2, 14). Седьмой же день побуждает нас разуметь время окончания настоящего века, когда, совершенно отбросив бремя греха и получив в удел святость,

[1] Собственно предводителям — ἡγουμένοις.

мы будем со Христом, проводя жизнь непорочную, чистую и блаженную во Христе.

П. Хорошо сказано, по моему мнению.

К. Ты удивишься сверх того и следующей далее тайне. Тотчас за Моисеем начинает речь священник Елеазар и говорит *к мужем силы приходящим от ополчения ратнаго: сие оправдание закона, еже заповеда Господь Моисею: кроме сребра, и злата, и меди, и железа, и каситера, и олова*[1], *всяка вещь, яже пройдет сквозь огнь, и очистится, но и водою очищения очистится: и вся елика аще не пройдут сквозь огнь, да пройдут сквозь воду. И исперите ризы ваша в день седмый, и очиститеся: и по сих внидите в полк* (Чис. 31, 21–24). Заметь, что Моисей, который говорил сначала, указал победителям время очищения, но еще не указал способа очищения (потому что закон предвозвещает время очищения чрез Христа), а способ возвещен был вторым, следующим за Моисеем, священником, то есть Елеазаром: потому что после Моисея дает установления Христос, Который уже не указывает времени очищения, так как время уже наступило, но открывает способ очищения и, так сказать, полагает пред глазами, наконец, самую тайну, изъясняя подлинную цель закона. Елеазар повелел, чтобы сосуды, которые могли выдержать силу огня, были пронесены чрез огонь; все же прочее, что по природе не имело в себе крепости, но было слабо и легко могло подвергнуться совершенному уничтожению, то есть одежду и изделия из кожи и дерева, повелел пронести чрез воду, под сосудами золотыми, серебряными и из других подобных веществ прикровенно разумея нас, для которых было совершено Христом очищение, как огнем, так и водою; так как мы крещены *Духом святым и огнем* (Мф. 3, 11). Итак, пронесение чрез огонь и воду того, что собрано было из пленной добычи, ясно указывает на очищение нас, которых, как бы бывших прежде достоянием диавольским, Христос приобрел себе, войдя в дом сильного, расхитив сосуды его и связав сильного (Мф. 12, 29). Далее, Елеазар повелел победителям войти в стан только тогда, когда они в седьмой день омоют одежды свои

---

[1] Слово: *кроме* πλὴν означает здесь не: *исключая*, а *сверх. Каситер* есть буквальная передача греческого слова: κασσίτερος, которое значит *олово*. А греческое слово: μόλιβδος, которое переведено: *олово*, значит *свинец*.

и таким образом сделаются чистыми. Так и полное очищение и отложение всякой скверны совершится в последние времена скончания мира, когда, как я недавно сказал, совершенно истребится грех и человеческая природа будет возведена к первоначальной и древней красоте своей: будет тогда, сказано, *путь чист, и путь свят наречется, и не прейдет тамо ни един нечистый, но пойдут по нему избавленнии Господем* (Ис. 35, 8–10). Я думаю, что это объяснение не уклоняется от цели. Впрочем, если пожелает кто-либо иначе разуметь это место, мы скажем вот что: постановлено, чтобы сосуд каждого из победителей, будет ли он сделан из золота, или серебра, или меди, или же из другого какого-нибудь подобного вещества, прошел чрез огонь; это потому, что, как пишет блаженный Павел: *когождо дело, яковоже есть, огнь искусит* (1 Кор. 3, 13); сверх того, повелено пронести и чрез воду, так как слово псалмопения научает нас, что души святых испытываются не иначе, как подобными способами. Именно, Давид воспевал: *искусил ны еси Боже, разжегл ны еси, якоже разжизается сребро, проидохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 10 и 12).

П. Однако же, почтеннейший, более любознательные могут сказать: как сражались и победили мадианитян избранные еврейские воины и каким образом очистились от полученного на войне осквернения, это достаточно разъяснило нам твое рассуждение; но пора уже показать, будем ли мы на самом деле участвовать в храбрости мужественных людей и сделаемся ли соучастниками их отличных дел, хотя бы мы и не имели полного равенства с ними в добродетели и уступали им в отважности? Это ведь обещался ты разъяснить в своем рассуждении.

К. Да ведь немедленно и тотчас следует далее относящееся сюда постановление, которое дает весьма ясное и нетрудное для уразумения указание. *И рече Господь,* — сказано, — *к Моисею, глаголя: возмите сочисление корыстей плена от человека до скота, ты и Елеазар жрец и князи отечеств сонма, и разделите корысти между воины ходившими на брань и между всем сонмом. И отлучите дань Господу от людей военных ходивших на брань, едину душу от пятисот от человек, и от скотов, и от волов, и от овец, и от ослят: и от половины их да возмете, и даси Елеазару жерцу начатки Господни: и от половины сынов Израиле-*

вых да возмеши едино от пятидесяти человек, и от волов, и от овец, и от ослят, и от всех скотов, и даси я левитом, иже стрегут стражбы в Скинии Господни. И сотвори Моисей и Елеазар жрец, якоже повеле Господь Моисею (Чис. 31, 25–31). И так немедленно было исполнено боговещанное повеление: произведено было тщательное и точное исчисление добычи и разделение на половины; участки или начатки Господу отданы были Елеазару священнику и колену Левиину. Что же? Может ли твой ум преодолеть забвение и припомнить то, что мы сказали в начале?

П. Что такое?

К. Не сказано ли в Священном Писании, что по тысяче от каждого колена собрано было для ведения войны?

П. Действительно сказано.

К. А равно, не говорили ли мы прямо и ясно, что слава и хвала одной части перейдет на целое, так как кротость и человеколюбие Божие весьма хорошо устрояет это для нас, дабы, так сказать, от одного благовоннейшего курения, составленного из различных родов благовоний, возносилось к Богу одно общее благоухание и вместе с отличнейшею частию получала похвалу и не столь отличная?

П. Правда: это-то самое и намеревались мы исследовать.

К. Смотри же, как ясно установляет это Бог для сынов Израилевых. Хотя с мадианитянами сражались избранные по тысяче из каждого колена воины, и приобрели победу, думаю, с трудом и пóтом, но взятую на войне добычу они немедленно разделили со всем обществом, и таким образом доблестными делами людей мужественных почтено было и остальное множество народа: *разделите,* – сказано, – *корысти ты и Елеазар жрец и князи отечеств сонма: и разделите корысти между воины ходившими на брань и между всем сонмом* (Чис. 31, 26–27). Что вместе с избраннейшими и знаменитейшими прославится и несколько недостаточное, идущее позади их величия, это дает понять и божественный Павел: перечислив древних святых, сделавшихся достохвальными по вере и стяжавших лучезарную славу ревностным богопочитанием, говорит: *по вере умроша сии вси и не прияша обетования, Богу лучшее что о нас предзревшу, да не без нас совершенство приимут* (Евр. 11, 13 и 39–40), также и к другим (Коринфянам) пишет: вы уже совершенны, *без нас воцаристеся: и о*

дабы воцарилися есте, да и мы быхом с вами царствовали (1 Кор. 4, 8). Видишь ли, как вместе с теми, которые достигли совершенства, совершенствуются и те, которые находятся в ряду недостаточных, и благословляются вместе с избранными те, которые по своим силам неравны им? И божественный Давид воспевает: *благословени вы Господеви, сотворшему небо и землю. Господь благословил есть дом Аарон, Господь благословил есть дом Израилев, благословил есть* Господь *боящияся* Его, *малыя с великими* (Пс. 113, 23 и 20–21). Вместе с великими благословляются и называемые малыми, которые хотя не могут похвалиться равною с ними силою и уступают им в готовности переносить страдания, но равняются им, может быть, ревностию и верою и радуют Христа своею посильною твердостию. Моисей и Елеазар могут быть образом единого первосвященника и законодателя Христа, разделяющего народу корысти в присутствии святых Ангелов, образом которых могут быть начальники племен общества. Разве ты не признаешь, что на земле присутствуют многие святые Ангелы, поставленные Богом, чтобы подавать помощь верующим и руководствовать народы?

П. Признаю; как же этого не признать?

К. Мы ждем, что Христос приидет с неба со святыми Ангелами, воссядет на престол славы Своея и воздаст каждому должную ему награду и соответствующую его добрым делам почесть. Так и премудрый Исаия говорит о Христе: *сего ради Той* будет господствовать[1] над многими, *и крепких разделит корысти: зане предана бысть на смерть душа Его и со беззаконными вменися* (Ис. 53, 12). Итак, разделение благ совершено будет Христом, что прообразовано в Моисее и Аароне, так как Христос есть вместе и законодатель, и первосвященник.

П. Весьма хорошо ты сказал.

К. Но не заслуживает ли удивления также и самый способ разделения добычи?

П. Конечно так: потому что одинаковую долю с сражавшимися получили и остававшиеся в покое.

К. Вовсе не одинаковую, но гораздо меньшую. Правда, одну половину всей добычи получили сражавшиеся, а другую поло-

---

[1] У св. Кирилла поставлено вместо: κληρονομησει *наследит,* κυριευσει.

вину все общество. Но ведь число сынов Израилевых простиралось до шестисот трех тысяч пятисот пятидесяти, причем было оставлено в стороне и не вошло в перечень колено назначенное для священнодействий (Чис. 1, 46–47), а между тем количество сражавшихся было — по тысяче с колена. Посему, если вся добыча была разделена пополам и если та и другая часть народа получила по половине всего, то, без сомнения, гораздо большая награда досталась тем, которых было меньше, а не тем, которых было больше и которые превосходили числом. Итак, какова ни будет та слава и мера небесного дара, которая некогда дана будет всему народу, во всяком случае как бы ровно половина ее отделена будет избранным и показавшим себя достойными божественного внимания, а другая половина дастся всей остальной массе народа, хотя бы она и была гораздо многочисленнее: *мнози бо суть звани, мало же избранных* (Мф. 20, 16). (Понимаешь ли ты сказанное?)[40]. Ведь это нелегко для уразумения.

П. Понимаю. Хотя мы и будем участниками в славе святых, но в меньшей мере, чем они: ведь это самое довольно ясно дает понять твое рассуждение.

К. Правильно ты сказал. Но обрати внимание кроме того и на другое, посредством чего особенно легко можно усмотреть дерзновение пред Богом людей мужественных.

П. Что такое ты разумеешь?

К. Двенадцати тысячам воинов Бог повелел из отделенной им половины всей добычи представить первосвященнику по одной голове с пятисот, как из людей, так и из скота, — это было от них данью Господу. Остальному же множеству народа Бог заповедал отдать священному колену по одной душе с пятидесяти. Если опять принять, что Елеазар изображает собою единого и поистине единственного первосвященника, то есть Христа, то будет следовать, что дары людей избранных посвящаются Христу исключительно и истинно и как бы лично: ибо они приносят их Ему самому, без посредства чьего-либо, что действительно и делали блаженные ученики Христовы, делают еще и ныне учители народов, посвящая Христу, как исключительно Ему приносимый дар, свои труды по проповеданию Слова Божия.

---

[40] Слова, поставленные в скобках, прибавлены нами применительно к ответу Палладия; а в изданиях творений св. Кирилла здесь пропуск.

А остальное множество людей похваляемых хотя совершает дароприношения во славу Христа, но совершает при посредстве святых, так как святые разумеются под священным коленом; ибо сказано: *род избран, царское священие* (1 Пет. 2, 9). Итак, благоговение и страх пред Богом тех людей приемлется при посредстве святых, потому что хотя они и приносят дары, но не такие, которые относились бы собственно к лицу Самого Христа. Нечто подобное старались совершать те, которые составляли сборы в пользу бедных (1 Кор. 16, 1 и сл.), посылали вспомоществования святым, жившим в Иерусалиме (2 Кор. 9, 1; Рим. 15, 25–26), или же другим какимлибо служением доставляли пользу людям, посвященным Богу. Таким образом, дары людей отличнейших приносятся Самому Богу, а дары менее совершенных приносятся чрез посредство святых и занимают второе место. И притом первые отдают по одной душе с пятисот, а вторые с пятидесяти; это потому, что люди достохвальные имеют меньше долгов, так что и приношение их меньше; а менее совершенные имеют гораздо больше долгов, потому и количество приносимого ими больше; соответственно падениям каждого приносятся и дары за них. Кому больше отпущено будет, тот, сказано, больше возлюбит; и кому меньше отпускается, тот меньше возлюбит (Лк. 7, 47). Так вот почему в десять раз более чем избранные приносят те, которые не равны с ними, не потому, будто последние более благочестивы и ведут более похвальную жизнь, но потому, что они, будучи подвержены гораздо большим преткновениям, неизбежно имеют нужду и в гораздо большем очищении; так как, по слову Спасителя, *измовенный не требует, токмо нозе умыти, есть бо весь чист* (Ин. 13, 10). Таким образом, и святые люди имеют нужду в очищении, хотя и весьма малом, поелику природа человеческая страждет тем недугом, что она не может быть совершенно непричастною греху.

П. Хорошо говоришь.

К. Итак, избранные из каждого колена воины, повинуясь Божественному постановлению, разделили военную добычу со всем обществом и принесли дары Господу сообразно с предписанным порядком; между тем предводители избранных чтят Бога превосходнейшими дарами, как имеющие более блестящую славу сравнительно с теми. Вот что о них написано: *и*

приидоша к Моисею вси поставленнии над тысящами силы, тысященачальники, и стоначальники, и рекоша к Моисею: отроцы твои взяша сочтение от мужей воинских (сосчитали воинов), *иже суть у нас, и никтоже погибе от них. И принесохом дар Господу муж еже обрете, сосуд злат, и обручие* (запястие), и *гривну* (ожерелье), *и перстень, и усерязи* (серьги), *и чепь златую, умолити о нас пред Господем. И взя Моисей и Елеазар жрец злато от них, всяк сосуд соделан: и бысть всего злата участие, еже отлучися Господу, шестьнадесять тысящ и седмьсот и пятьдесят сикль, от тысященачальников, и от стоначальников. И мужи воинстии плениша кийждо себе. И взяша Моисей и Елеазар жрец злато от тысященачальников и от стоначальников, и внесоша е в скинию свидения, в память сынов Израилевых пред Господем* (Чис. 31, 48–54). Слышишь, сколь точное, говорит Писание, сделано было исчисление сражавшихся, так что не осталось никого, кто не принес бы дар, согласно с Божественным благоизволением? Но кроме того они (предводители) говорят, что и сами они решили принести от себя Богу то, чего он не повелевал приносить, – запястья, ожерелья, серьги и другие украшения, сделанные из золота. Ведь Законодатель повелел принести дары от людей и от скота, и эти дары, согласно с Божественным и небесным постановлением, были уже принесены: но предводители избранных воинов делают еще добровольное приношение из отборных драгоценностей и таким образом своею щедростию идут далее назначенной законом границы. Получив эти дары, Моисей и Аарон вносят их во святую скинию и сохраняют там в память пред Господом. Так и предводители народов и поставленные в начальники чтят Бога блестящими и превосходнейшими приношениями, предлагая и посвящая Ему, как бы некоторое украшение, многовидную добродетель; как бы превышая меру самого закона, они и славу получают более блестящую.

П. Что такое, например, ты разумеешь?

К. Возвещающим Евангелие Христос определил и жить от Евангелия (1 Кор. 9 и 14); это старался подтвердить Павел и постановлением закона, когда в одном месте писал: *ядущии жертвы общницы олтареви суть* (10, 18), – а в другом доказывал неотразимыми примерами совершенную безвинность этого, говоря: *кто насаждает виноград и от плода*

его не яст? или кто пасет стадо и от млека стада не яст? Еда по человеку сия глаголю? Не и закон ли сия глаголет? В Моисееве бо законе писано, да не заградиши устен вола молотяща[1]. *Еда о волех радит Бог? Или нас ради всяко глаголет? Нас бо ради написася, яко о надежде должен есть оряй орати, и молотяй с надеждою своего упования причащатися.* Тотчас вслед за этим он присовокупил: *аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем? Аще инии власти вашея причащаются, не паче ли мы? Но не сотворихом по области сей: но вся терпим, да не прекращение кое дамы благовествованию Христову.* Потом подтверждает это, говоря: *кая бо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие Христово* (1 Кор. 9, 17 — 12, 18). Видишь ли, как он превышал установленное Христом и древним законом? Имея власть жить от благовествования, он безвозмездно предлагал благовествование, посвящая Христу это дело как добровольный дар. Точно так же ни древний закон, ни новое проповедание не узаконили для нас безбрачия, как говорит и Павел: *о девах же повеления Господня не имам* (1 Кор. 7, 25); однако же очень строгие ревнители благочестия, умерщвляя свою плоть, приносят Богу, как блестящий дар, свое, превосходящее закон воздержание и, как некоторое искусно сработанное украшение, свою отличную жизнь, составленную из дел и слов. — Моисей и Аарон, сказано, внесли во святую скинию принесенные дары: это потому, что Христу приятны и составляют богатство и блестящую похвалу праведные дела святых людей, посредством которых они также приобретают себе продолжительную, а вернее нескончаемую память и являют себя достойными Божественного внимания; так как на нечто таковое указывают слова, что приношения положены пред Господом. Поистине великое и отличное это дело — находиться пред очима Божиими; потому что Бог оказывает необычайно великую честь тем, кого удостоивает Своего воззрения.

П. Из многого доселе сказанного, кажется, открывается, что нам должно убедиться и признать, что приношение даров Богу никому другому так не приличествует, как людям весьма мужественным и привыкшим приобретать славу.

---

[1] Втор. 25, 4.

К. Дельно, Палладий; ты судишь правильно. И не только по самому существу дела это так должно быть, но об этом свидетельствует и Священное Писание. Когда во время продолжавшегося еще пребывания сынов Израилевых в пустыне Бог восхотел воздвигнуть святую скинию, во образ и начертание церкви, состоящей из язычников, тогда Он также повелел собрать все нужное для этого. Он так сказал священноучителю Моисею: *аще возмеши исчисление сынов Израилевых в пресмотрении* (при пересмотре) *их, и дадят кийждо искупление за душу свою Господу и не будет в них падения* (гибели) *в пресмотрении их. И сие есть, еже дадят, елицы аще приступят в пресмотрение полдидрахмы, еже есть* (считая) *по дидрахме святой: двадесять цат дидрахма: пол же дидрахмы, дань Господу. Всяк входяй в пресмотрение от двадесяти лет и вышше, да дадут дань Господу. Богатый да не приложит, и нищий да не умалит от полудидрахмы, егда дают дань Господу, еже умоляти о душах ваших. И да возмеши сребро дани от сынов Израилевых, и даси е на соделание скинии свидения: и да будет сыном Израилевым память пред Господем, еже умоляти о душах ваших* (Исх. 30, 12–16). Вот опять Законодатель повелевает сделать точное исчисление и приказывает собрать дань Господу по половине дидрахмы. Он ясно определяет также, кто должен принести дань: не женщинам и не тем, которые были еще в детском возрасте, позволил Бог сделать это; чрез то, я думаю, Он отвергает все бессильное, изнеженное и несовершенное по уму и как бы вписывает в число обязанных приносить дары возмужалых и цветущих юношей, являющихся к пересмотру, которым Он назначил двадцатый год от рождения. Так по закону оказываются достойными приносить Господу дары только те, которые стали уже выше детского смысла и женского разумения, возросли уже в меру мужа и достигли полноты возраста, разумеемого во Христе и духовного (Еф. 4, 13). Таковые идут на пересмотр, то есть являют себя достойными предстать пред очами Божиими, как воспевается в Псалмах. *очи Господни на праведныя* (Пс. 33, 16). Выкуп назначен был за спасение приносящих, для устроения святой скинии и в память пред Господом: так и доблестные дела святых устрояют церкви и полезны для украшения святой скинии, а вместе с тем совершают спасение души и венчают нескончаемою славой лю-

дей мужественных. Не правда ли, ведь мое рассуждение представляется тебе верным?

П. Да, вполне.

К. Итак, Бог повелел взыскать выкуп, то есть дидрахму, — в этом состояла дань людей, достигших мужеского возраста. А предводители колен прибавили к предписанному законом и принесли еще большие и достойнейшие дары, избранные из находившихся у них вещей, как написано: *и князи принесоша камени смарагдовы, и камени на совершение ризе верхней и на слово, и на сложения и на елей помазания, и на сложение фимиама*[1] (Исх. 35, 27–28). Не сродно ли это с тем, о чем говорили мы немного ранее? Так большинство сражавшихся принесли Богу, по данной заповеди, часть из пленной добычи от человека до скота, а тысяченачальники и сотники присоединили к этому запястья, ожерелья, цепочки, перстни и всякого рода изделия из золота, что все Елеазар жрец и положил в самой священной скинии. Здесь все множество возмужалых платит по дидрахме, а начальники опять приносят отборные камни для нарамника и слова, которые принадлежали к украшению первенствующего в священстве[2]. Так и вожди народов приносят на украшение Христу себя самих, как бы какие драгоценные камни; посему и пророк говорит, указывая этим на святых Апостолов: *камение свято валяется*[3] *на земли* (Зах. 9, 16); таковым, например, был божественный Павел, обошедший страны от Иерусалима до Иллирика ради проповеди евангельской (Рим. 15, 19). Итак, драгоценные камни во славу Христа составляет сонм святых. Они же суть и елей помазания, и сложение фимиама, так как распространяют вокруг себя, как благоухание, ведение о Христе и, как бы елеем, премудрым учением и словами, внушенными Духом, утучняют души людей тайноводствуемых. Фимиам, сказано, был составной: потому что ведение о Христе слагается из двух сторон, так как Он есть вместе Бог и человек, — впрочем из обоих один, Сын и Христос, которому сказано в одном месте и нами самими[1]: *миро излияное имя твое* (Песн. 1, 2).

---

[1] Риза верхняя, точнее — нарамник (ἐπωμὶς, евр. эфод) и слово (напересник) принадлежали к первосвященническому облачению. Вместо: сложении (συθέσεις) надобно переводить с еврейского· благовония.

[2] Первосвященника

[3] Собственно — катится (κυλίονται)

П. Итак, пред очами Божиими находятся люди воинственные и сильные и плод их — устроение церквей и все, что служит к славе Божией,— это открывается нам из того, что рассмотрено.

К. Ты сказал правильно. А что тем, которые всегда ведут себя так похвально, дан будет Богом славный и особенный жребий и участие во всех благах,— в этом как или почему мог бы кто-либо сомневаться? Или не слышишь, что воспевает Давид: *труды плодов твоих снеси* (Пс. 127, 2), а также что пишет мудрый и священный Павел: *еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет?* (Гал. 6, 7.)

П. Я знаю это.

К. Конечно, не останется без награды тот, кто ведет себя мужественно, и без сомнения верен сказавший: *не обидлив Бог, забыти дела вашего и труда любве, юже показасте во имя Его* (Евр. 6, 10). Да, отнюдь не забудет Бог, но раздаст награды за труд тем, которые препобеждают леность, ведущую ко греху. В этом убедит нас следующее место из той же книги Чисел: *и рече Господь к Моисею и Елеазару жерцу, глаголя: возми начало* (число) *всего сонма сынов Израилевых от двадесяти лет и вышше, по домом отечеств их, всяк исходяй вооружитися во Израили* (Чис. 26, 1–2). Затем по совершении счисления по племенам и коленам, *и рече Господь,*— написано далее,— *к Моисею, глаголя: сим разделится земля в наследие по числу имен: множайшим да умножиши наследие, и малейшим да умалиши наследие их: коемуждо якоже суть соглядани, да дастся наследие их. (По жребием да разделится земля именам, по племенем отечеств своих да наследят: от жребия да разделиши наследие их*[2]*) между многими и малыми* (26, 52–56). Таков был закон наследия для тех, которые достигли двадцатилетнего возраста. После счисления простого народа исчисляется род левитов: *и сынове,*— сказано,— *Левиины по сонмом их: Гирсону* (от Гирсона) *сонм Гирсонов: Каафу, сонм Каафов: Мераре сонм Мерарин. Сии сонми сынов Левииных* (26, 57–58). Исчислив потом род Моисея и Аарона, опять

---

[1] То есть Церковию, которая в книге Песнь Песне представляется под образом невесты

[2] Слова поставлены в скобках были пропущены в творениях св. Кирилла, вероятно, *по ошибке переписчика*, потому что в следующем далее толковании и эти слова имеются в виду

продолжает (Писание) о сынах Левииных: *и быша от соглядания их двадесять три тысящи, всяк мужеск пол от единаго месяца и выше: не быша бо соглядани посреде сынов Израилевых. И сие соглядание Моисеа и Елеазара жерца, иже соглядаша сынов Израилевых во Аравофе Моавли, у Иордана при Иерихоне. И в сих не бяше человек от соглядавых Моисеом и Аароном, ихже соглядаша сынов Израилевых в пустыни Синайстей. Понеже рече Господь им: смертию измрут в пустыни, и не остася от них ни един, кроме Халева сына Иефонниина и Иисуса сына Навина* (26, 62–65). Теперь, рассматривая опять вкратце каждую частность, скажем об этом яснее и раздельнее.

П. Так говори же нимало не медля: ведь о предметах такого рода приятно рассуждать подробно.

К. Итак, сводя в немногих словах смысл приведенных мест, говорим. Снова Бог повелевает исчислить людей возмужалых и искусных в воинском деле. Это потому, что, как мы уже прежде говорили, в ведении и переписи у Бога и в книге живых находятся не бессильные и недеятельные, и не те, которые еще младенчествуют умом, но все те, которые уже сильны и готовы к борьбе против страстей и греха, пришли в разум и вполне годны к совершению и исполнению того, что угодно Богу. Они-то и разделили между собою землю по коленам, по именам и по одиночке: потому что те, о которых идет речь, будут наследниками святой земли и участниками в чаемых благах по коленам и по родам, как сказано: *блажени кротцы, яко тии наследят землю. Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 5 и 7), а также и в других блаженствах: потому что это есть как бы собственный удел милостивых, кротких, нищих духом и гонимых за правду. Кроме того венец славы дается и каждому в отдельности и поименно, так как Бог удостоивает чести каждого соответственно его добрым делам и уделяет людям мужественным нужную им благодать, хотя, впрочем, можно думать, она сообщается в большей мере и в более богатом наделе: *меру*, — сказано, — *добру наткану* (нагнетенную) *и потрясну* (утрясенную) *и преливающуюся дадят на лоно ваше* (Лк. 6, 38). То же самое, думаю, указывается и тем, что Бог сказал: *множайшим да умножиши наследие и малейшим да умалиши наследие их: коемуждо якоже суть соглядани, да дастся наследие их* (Чис. 26, 54); так

как большее число имен есть ясный образ превосходства и преизобилия в добродетели; *ов убо сице, ов же сице* (1 Кор. 7, 7), заслуживает себе похвалу. Земля, далее, делится по жребию, согласно, может быть, с словами, обращенными к Богу: *в руку Твоею жребии мои* (Пс. 30, 16): потому что Божественным решением будет сделано безошибочное разделение будущих благ, когда Ведующий все, нас касающееся, определит в наследие каждому надлежащее ему. Левиты опять исчисляются особо, от одного месяца и выше; им не дано наследия среди сынов Израилевых и они не были вместе с ними подвергнуты пересмотру: потому что род более священный всегда есть и более святой; поэтому-то и перепись его отделена от переписи других и наследие его не с другими; но он подвергается отдельному пересмотру. Удел и наследие этого рода людей есть Сам Бог всяческих, по слову Писания: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Тогда как так называемые нищие духом наследуют Царство Небесное, избравшие плач утешатся, милостивые помилованы будут: чистые сердцем, сказано, блаженны потому, что узрят Бога. Это и суть священнейшие и святейшие преимущественно пред всеми другими, и их наследие и удел – точное богозрение, то есть ведение о Божестве. Это именно и обещал Христос даровать святым Апостолам, когда сказал: *сия в притчах глаголах вам: но приидет час, егда ктому в притчах не глаголю вам, но яве о Отце возвещу вам* (Ин. 16, 25). Перепись людей более священных совершается от одного месяца, как я сказал недавно: это потому, что из святых мужей вносятся в перепись и в книгу Божию не только те, которые славятся духовною силою и мудростию, но и те, которые пребывают в простоте о Христе и по отношению к злобе младенчествуют (1 Кор. 14, 20). Итак, в священном роде переписываются все, как мудрецы, так и простецы; такое различие ты можешь усмотреть, Палладий, между душами святых в их образе мыслей и жизни. Прибавлено еще, что в *сих не бяше человек от соглядаными Моисеом и Аароном, ихже соглядаша сынов Израилевых в пустыни Синайстей. Понеже рече Господь им: смертию измрут в пустыни, и не остася от них ни един, кроме Халева сына Иефонниина и Иисуса сына Навина* (Чис. 26, 64–65), чем ясно показывается, что не неуверовавшим назначено наследие и вписание в книгу Божию, напротив, это приличествует принявшим веру, конечно, во Христа: потому что о неуверовав-

ших божественный Давид сказал: *да потребятся от книги живых и с праведными да не напишутся* (Пс. 68, 29). Что благодать — для верующих, это прикровенно показывает нам и Божественное провещание в приведенном повествовании: потому что для этой цели слово Божие говорит таинственно, что перепись происходила при Иордане; ибо вписывается принявший крещение. Впрочем, Израиль не вполне лишен надежды, но, по слову пророка, *останок* спасен (Ис. 10, 20–21); образом его служат Халев и Иисус, которые одни только из всех остались в живых, получили наследие и зачислены в перепись вместе с теми, которые не подлежали обвинению в неверии. Обрати внимание и на то, что распределение уделов и перепись святых везде производится посредством Моисея и первенствующего в священстве (первосвященника), чтобы ты под тем и другим, как я уже говорил прежде, разумел единого Христа, как первосвященника и законодателя, чрез которого подается всякая благодать и вписание в вышних книгах, которые видел блаженный Даниил, как сам он утверждает: *книги*, — говорит он, — *отверзошася* (Дан. 7, 10). Так как переписей много различных, то и книг много, а не одна.

П. Итак, правильно и премудро говорит нам слово притчи: *богатства ленивии скудни бывают: крепцыи же утверждаются богатством* (Притч. 11, 16).

К. Да, они, конечно, утверждаются, и Бог милостив к ним, защищает их, утучняет вышними благословениями, венчает блестящею честию и богато украшает громкою славою. Разве не истинен Тот, Кто сказал: я живу[1] *глаголет Господь, зане прославляющия мя прославлю* (1 Кор. 2, 30)?

П. Конечно так.

К. А совершает относящееся к славе Божией, думаю, всякий, кто крепок и приобрел навык в духовном мужестве, кто

---

[1] Ζῶ ἐγώ. Этих слов нет в приведенном месте Писания.

[Выражение Ζῶ ἐγώ — *Я живу* (или: *живу Я*) встречается во многих местах Св. Писания: напр. Иер. 5, 11; Иез. 16, 48 и др.; Ин. 6, 57; Рим. 14, 11 и т. д. В отношении же отсылки св. Кириллом слов Господа: *зане прославляющия Мя прославлю* к **1 Кор. 2, 30**, — то здесь весьма вероятна ошибка переписчиков либо издателей, т. к. во 2-й главе этого Послания всего 16 стихов. Наиболее близко к этим словам (и цифровой пагинации!) место из **1 Цар. 2, 30**: *зане токмо прославляющыя Мя прославлю* (совр. Синодальный пер.). — *Прим. ред. «Паломника».*]

старается вести борьбу с видимыми и невидимыми врагами, умеет спасать себя и других и все может о Боге (Флп. 4, 13).

П. Соглашаюсь.

К. Не хочешь ли, мы посмотрим, как это самое, как бы оттененное на картине, изображается в весьма полезных для нас повествованиях о божественном Аврааме?

П. Весьма желал бы этого. Как же иначе?

К. Написано, что Лот поселился и жил в Содоме. Но когда ту страну постигла жестокая и тяжкая война и когда близкие и соседние народы вместе с своими вождями овладели тем городом, тогда вместе с другими пленниками уведен был и Лот. Один из спасшихся, пришедши, *возвести,* — сказано, — *Авраму пришельцу, иже живяше у дуба Мамврийскаго, Аморрея*[1] *брата Есхоля, и брата Авнаня, иже беша союзницы Аврамовы. Слышав же Аврам, яко пленен бысть Лот братанич его, сочте домочадцы своя триста и осмьнадесять и погна вслед их*[2] *даже до Дана. И нападе на ня нощию сам и отроцы его: и порази их, и гони их даже до Ховала, иже есть ошуюю Дамаска: и возврати вся конныя содомския и Лота сына брата своего возврати, и вся имения его, и жены, и люди. Изыде же царь содомский в сретение ему, повнегда возвратитися ему от сеча Ходоллогоморскаго*[3], *и царей сущих с ними, в юдоль Савину, сие же бяше поле царево. И Мелхиседек царь салимский изнесе хлебы и вино: бяше же священник Бога Вышняго. И благослови Аврама и рече: благословен Аврам Богом Вышним, иже созда небо и землю. И благословен Бог Вышний, Иже предаде враги твоя под руки тебе: и даде ему десятину Аврам от всего. Рече же царь содомский ко Авраму: даждь ми мужи, а кони возми себе. Рече же Аврам к царю содомску: воздвигну руку мою ко Господу Богу Вышнему, Иже сотвори небо и землю: аще от нити до ременя сапожнаго возму от всего твоего, да не речеши, яко аз обогатих Аврама: кроме сих, яже снедоша отроцы, и части мужей, иже ходиша со мною, Есхол, Авнан, Мамврий: сии да возмут части. По глаголех же сих, бысть слово Господне к Авраму в видении нощию, глаголя: не бойся*

---

[1] У дуба Мамрия Аморреянина.

[2] Неприятелей, уведших Лота.

[3] После поражения царя Ходоллогомора.

Авраме: Аз защищаю тя, мзда твоя многа будет зело. Глагола же Аврам: Владыко Господи, что ми даси? Аз же отпущаюся безчаден: сын же Масек домочадицы моея, сей Дамаск Елиезер[1]. *И рече Аврам: понеже мне не дал еси семене, домочадец же мой наследник мой будет. И абе глас Господен бысть к нему, глаголющий: не будет сей наследник твой, но иже изыдет из тебе, той будет наследник тебе. Изведе же его вон и рече ему: воззри на небо, и изочти звезды, аще возможеши исчести я, и рече: тако будет семя твое* (Быт. 14, 13 — 15, 5). Видишь ли готовность святых мужей к мужеству и то, как охотно они переносят страдания? Как только узнал Авраам, что Лот находится в опасности, он тотчас же почувствовал жалость о бедствии своего родственника и, захватив с собою домочадцев и некоторых союзников, которые не были евреями, поспешно отправился против утеснителей, легко одолел их и освободил из плена как племянника своего Лота, так и других, попавших в руки победителей. После того, по справедливости воздавая подобавшую Аврааму, как победителю, честь, вышли к нему навстречу царь содомский и Мелхиседек, священник Бога Вышнего, как написано. Он встретил Авраама не с пустыми руками, но принес знаки того священства, какое существовало в то время, — хлеб и вино, благословил Авраама и дал ему в награду священные слова. Так показал себя мужественным и победил Авраам; такими же всегда бывают и мужественные во Христе и имеющие в душе боголюбезнейшее дерзновение. В пример и для удостоверения слов моих укажу еще на святых Апостолов, которые, когда сатана без труда все расхищал и противники истинных учений увлекали души простых людей, — мужественно противостали врагам, вооружая с собою своих домочадцев, то есть людей, воспитанных на Священном Писании, а также и некоторых союзников, которые не были евреями, разумею тех, которые, помышляя еще о мирских предметах, подвизаются, однако же, со святыми и соревнуют им. Мужаясь таким образом, они победили и исхитили из-под владычества сатаны плененных им. Извлекая одних из идолослужения и поклонения твари вместо Сотворившего, а других из лжеименного знания, они спасают их. За такое светлое и великое мужество они получают и

[1] «За домом моим смотрит этот Елиезер из Дамаска».

воздаяние, а именно: не только почести от находящихся в мире людей: *изыде, же,* — сказано, — *царь содомский в сретение* Аврааму, но и благословение, которое дается чрез Христа, услаждающего животворною благодатию, как Мелхиседек, священник Бога Вышнего — хлебом и вином (Быт. 14, 17–18). Посему весьма справедливо они говорят о себе: *благословени вы*[1] *Господеви сотворшему небо и землю* (Пс. 113, 23). А что Мелхиседек есть образ священства Христова, для доказательства этого, думаю, не нужно много говорить, так как для этого достаточно и одного Священного Писания. Когда же, далее, царь содомский сказал божественному Аврааму, как победителю: отдай мне мужей, а себе возьми коней, то Авраам тотчас поклялся, что не возьмет ничего, кроме пищи для потрудившихся вместе с ним, и доли союзников — Есхола, Авнана и Мамврия. Так и святые мужи, хотя ведут войну, мужественно сражаются и принимают на себя всякие труды ради свободы подвергшихся бедствию, однако они ничего не берут от мира и не собирают земного богатства, тщательно избегая происходящего отсюда порицания: *да не речеши,* — сказано, — *яко аз обогатих Аврама.* Только пищу одну принимают они от тех, кому приносят пользу; так как *достоин делатель мзды своея* (Лк. 10, 7), и возвещающим Евангелие Христос повелел жить от Евангелия (1 Кор. 9, 14). А союзники получают свои части; это, думаю, означает, что Бог благословляет и в делах, касающихся сей жизни, соревнователей святых; так как вследствие того, что они идут правым путем, и имущество их соответственно с этим изобилует; тем, которые еще не вполне отрешились от земных предметов, но как бы разделяются между Богом и миром, Бог уделяет и земные благословения. Так он благословил Иакова, умножив скот (Быт. 30, 30).

П. Хорошо говоришь.

К. Достигшим столь великой славы и светлости, как бы уже своим близким родственникам, Виновник спасения говорит, что не должно впадать в уныние, и благопотребно обещает им, что они получат великую награду[1]; чрез то он отгоняет как можно далее немощное и робкое расположение духа от сонма боящихся Его, поощряет их к усердию надеж-

---

[1] Γμεῖς. Св. Кирилл без сомнения читал: ἡμεῖς мы, как и доселе читается в некоторых кодексах перевода LXX

дою на получение обещанных благ и делает их более крепкими. Посему и божественный Павел, имевший такое настроение души, говорил в одном месте: *вся могу о укрепляющем мя Христе* (Флп. 4, 13), а в другом: *течение скончах, веру соблюдох, прочее соблюдается мне венец правды* (2 Тим. 4, 7–8). Сильно скорбит божественный Авраам и не остается свободным от горести о том, что вместо сына имел домочадца. Что ты дашь мне, говорит он Богу, когда я остаюсь бездетным? (Быт. 15, 2.) И таким образом иметь незаконный плод он считает наравне с бесчадием. Тогда Бог обещает ему сына от свободной, то есть Исаака, и говорит, что в нем он будет отцом многих народов и будет иметь потомство, как звезды небесные. Так и для святых Апостолов было весьма прискорбно иметь незаконный плод, как бы от рабыни какой, от подзаконного служения. Напротив, они желали сына от свободной, то есть от Нового Завета; а таковым был Христос, во образ которого Исаак разумеется сыном по обетованию и чрез веру. Так и блаженный Павел о преимуществах по закону, которыми обладал он, говорит: *яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету. Но убо вменяю вся тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа нашего, Его же ради всех отщетихся: и вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу и обрящусь в нем, не имый моея правды, яже от закона, но яже верою Иисус Христовою* (Флп. 3, 7–9). Во Христе Апостолы сделались отцами многих народов и бесчисленного потомства, как, очевидно, и Авраам в Исааке. Сказанное, впрочем, мы относим не к одним только древним мужам и святым Апостолам, но и к тем, которые после них получили жребий священства, к вождям церкви и, наконец, ко всякому праведному и доброму человеку.

---

[53] Здесь имеется в виду сказанное Богом: *не бойся Авраме: мзда твоя многа будет зело* (Быт. 15, 1).

КНИГА ПЯТАЯ

О мужестве во Христе

Итак, Палладий, святые мужи, несмотря на то что они борются за жизнь других людей, стремятся, однако ж, к тому, чтобы не приобретать себе ничего, находящегося в мире: ибо таким образом они бывают мудры и сильны, исполнены благой надежды и хорошо ограждены небесными благоволениями. И иначе быть не может, как ты хорошо знаешь, друг мой. Ведь если ум их выше мирских развлечений и временных пожеланий, то они найдут врагов своих весьма легко победимыми и без труда преодолеют своих противников, так как Сам Бог ниспровергает могущество их. Но если они сами пленятся мирскими страстями и увлекутся земными пожеланиями, в таком случае они делаются беззащитными и легко уловимыми для тех, кто пожелает напасть на них, и, оказавшись лишенными вышней защиты, становятся легкою добычей для своих врагов.

Палладий. А какое может быть удостоверение сказанного, желал бы я знать?

Кирилл. Священное Писание, которое благопотребно возвещает случившееся с древними. Не говорит ли и божественный Павел, что оно написано *в научение наше?* (1 Кор. 10, 11.)

П. Подтверждаю; потому что то, что мы узнаем из него, приносит нам немалую пользу. Тени были образами истины.

К. Итак, приступим к рассуждению. Когда сыны Израилевы перешли Иордан, они устремились на Иерихон и, следуя Божественным указаниям, постарались осадить его в том намерении, чтобы немедленно овладеть им и взять его; тут были, по закону войны, и люди, отличные в военном деле, как написано: *и вниде Иисус сын Навин к жерцем и рече им, глаголя: повелите людем обыити и окружити*

град, и воини да предъидут вооружени пред Господом (Нав. 6, 5–6). Так и мы по повелению Христа, передаваемому устами вождей, ополчимся на врагов, предпринимая борьбу не *к крови и плоти, но к началом и ко властем* (Еф. 6, 12) и против закона, владычествующего в плотских членах (Рим. 7, 23). Тогда мы будем находиться пред очами Божиими, как бы облеченные Божественным и духовным всеоружием (так как наши оружия не плотские, по слову Павла, 2 Кор. 10, 4) и отличаясь славою праведности. Итак, Владыка всяческих Бог взирает на людей воинственных, облеченных в светлые доспехи праведности, то есть как бы пред лицем Христа проходят вооруженные воины. И конечно весьма почетное и поистине вожделенное это дело — находиться пред взором Божиим, если нельзя признать неверным, что как бы наказание какое налагает Бог на оскорбляющих Его, Свое от них отвращение, говоря: *егда простpете руки ко Мне, отвращу очи Мои от вас* (Ис. 1, 15). Когда осада продолжилась до седьмого дня, опять сказал Иисус Навин сынам Израилевым: *воскликните* ко Господу, *предаде бо Господь вам град. И будет град сей проклят, и вся елика суть в нем Господу сил* Саваофу: *токмо Раав блудницу снабдите ю, и вся елика суть в дому ея. Но вы соблюдитеся от клятвы*[1], *да не когда помысливше вы возмете от клятвы и сотворите полк сынов Израилевых клятву, и потребите ны. Злато же все, и сребро, и медь, и железо свято да будет Господу: в сокровище Господне да внесется* (Нав. 6, 15–18). Остальной, взятой на войне добычей он (Навин) позволил пользоваться людям мужественным, а все серебро, золото, медь и железо, говорит, должно внести в сокровищницу Господню: это и составляло то, что названо анафемой, то есть отделенным из всего и назначенным Богу. Но ни во что вменив заповедь, *взя*,— сказано,— *Ахар сын Хармии, сына Замврии, сына Зары, от племене Иудина, от клятвы. И разгневася Господь яростию на сыны Израилевы* (Нав. 7, 1). Это значит, что тем, которые выводят на брань против мирских удовольствий и развлечений сей жизни крепкий во Христе дух, которые решились стяжать себе славу оружием правды и уже

---

[1] От заклятого. Здесь и дальше в приведенном месте словом *клятва* переводится греческое — ἀνάθεμα, которое выше переведено: *проклят.*

находятся пред лицем Христа, таковым, полагаю, не следует желать ничего такого, что в мире возбуждает удивление: ни богатства, ни славы, ни власти, ни превосходства, ни нечестивых учений эллинской мудрости. Образом блеска отличий и преимуществ служит серебро: потому что это вещество блестящее, образом богатства — золото; на благозвучие языка, каким отличаются мудрецы мира сего, указывает медь, а на силу и власть —железо, которое очень твердо и препобеждает всякое вещество. Если кто-нибудь пожелает приобрести себе эти предметы, то, хотя бы он имел у Бога высокое место, был зачислен между воителями и отличался величием духовным, он нанесет этим оскорбление Богу и, решившись таким лукавым уклонением (от данного повеления) опечалить своего соратника и защитника, подвергнется за это гневу Божию.

П. Ты хорошо сказал, и я могу согласиться с тобой. Но вот что объясни мне, удалив на короткое время свое рассуждение от события и истории: почему серебро, золото, медь и железо посвящаются Богу, а не выбрасываются, напротив, из стана или как предметы, быть может, бесполезные, или же как способные осквернить, так как в силу духовного созерцания оказалось, что они нечисты?

К. Это потому, Палладий, что всякая светлость, премудрость и богатство, также и крепость достойно и праведно приписываются Богу. Ибо Его — слава и всякая светлость, богатство и премудрость и сила. И если кто приемлет от Него и обогащается от сокровища Господня, то есть имеет богатство мысленное, славу и разум и крепость духовную, то он будет достоин общего внимания и соревнования; а если пожелает принять сие от мира, то будет постыден и ненавистен перед Богом, любящим добродетель, и повинен суду и наказанию. Ибо за богатством во всяком случае последует любовь к наслаждениям, блеску же и преимуществовать прямой сосед — гордость; и с властию тесно связано властолюбие, а с мудростию мирскою нелепость учений, хотя и благозвучен язык изложивших оные. Это самое и Павел говорит: *аще кто мудр* есть *в вас, буй да бывает, яко до премудр будет. Премудрость бо мира сего буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 18–19) Так Ахар, не из сокровища Христова принявший, но как бы от мира — из Иерихона, оскорбляет Бога (Нав. 7, 1). Проис-

шедшая же отсюда пагуба и то, что совершилось вследствие гнева Божественного, не на одного лишь обличенного в этом простиралось, но поразило все общество, ибо, соделавшись непричастным помощи свыше, некогда непобедимый Израиль стал немощным и бессильным.

П. Но как или откуда можно было бы узнать, что слово об этом истинно?

К. Из написанного вслед за тем. Ибо после того, что произошло при Иерихоне и совершено в нем славно и мужественно всем Израилем, Иисус (Навин) послал мужей из Иерихона в Гай, *и идоша мужи, и соглядаша Гай. И возвратишася ко Иисусу, и рекоша ему: да не идут вси люди, но яко две тысящи или три тысящи мужей да идут, и да воюют* город: *да не ведеши тамо всех людей, мало бо есть их. И идоша тамо, аки три тысящи мужей, и побегоша от лица мужей Гаиских. И убиша от них мужи Гайстии яко тридесять и шесть мужей, и отгнаша их от врат* и *сокрушиша их на стремнине: и ужасеся сердце людей, и бысть яко вода* (Нав. 7, 2–5). Взявшие города и опустошившие страны и без труда победившие самые дикие племена находят непобедимыми жителей Гая, едва спасаются и отступают не без ущерба, тогда как сначала они не хотели даже, чтобы полное количество воинов было призвано к оружию, и открыто признали, что немногим легко будет завоевать город. Ибо *да не идут вси люди,* — говорили они, — *но яко две тысящи мужей* (Нав. 7, 3). Когда же Иисус весьма огорчен был этим негаданным бедствием и неожиданным несчастием, разорвал одежду, припал пред Богом и недоумевал, как это случилось, то Бог сказал: *востани, вскую ты* так *пал еси на лице твое? Согрешиша людие, и преступиша завет Мой, егоже завещах к ним, и украдше от клятвы, скрыша в сосудех своих. Сего ради не могут сынове Израилевы стати пред лицем врагов своих, но хребет обратят пред враги своими, яко клятвою сташася* (подпали заклятию): *не приложу ксему быти с вами, аще не измете клятвы от себе самих* (Нав. 7, 10–12). Когда же указан был Ахар, Иисус спрашивал его, говоря: *даждь славу днесь Господу Богу Израилеву и даждь исповедание, и исповеждь ми, что сотворил еси: и не утай от мене. И отвеща Ахар Иисусу, и рече: поистинне аз согреших пред Господем Богом Израилевым: сице и сице сотворих. Видех*

в плене ризу красну (прекрасную)[1] *и двести дидрахм сребра, и сосуд*[2] *един злат, пятьдесят дидрахм вес его: и помыслив на ня взях, и се сия сокровенна суть в земли в кущи моей, и сребро сокровенно под ними* (Нав. 7, 19–21). Понимаешь, что и сам укравший говорит, что он увидел между добычею разноцветную одежду, двести дидрахм серебра и золотой язык в пятьдесят дидрахм и задумался о них, то есть возымел беззаконное желание приобресть их. Одежду[3] эту считают за воинскую и говорят, что это был плащ, вытканный разными цветами: это одеяние воинское и есть символ корыстолюбия: потому что военному сословию как бы прирождена сильная страсть корыстолюбия. Серебро же есть образ мирского блеска, а золотой язык — сладкоречивой мудрости эллинской: таков некоторым образом и у эллинских мудрецов язык и способ образования, как бы золотой и весьма драгоценный, по причине блеска изложения. Когда грех уже был открыт, Иисус подверг Ахара наказанию, как не только себе самому причинившего вред, но простершего и на все общество пагубу, происшедшую от его невоздержного пожелания. И может быть, на это указывает весьма хорошо и премудро сказанное нам устами Павла: *измите злаго от вас самех. Мал квас все смешение квасит* (1 Кор. 5, 13 и 6). Итак, не ясно ли показано тебе сначала в Аврааме, что для святых остается безопасною слава их силы и что они легко достигают возможности одолеть врагов, если не пожелают искать ничего от мира, — а потом противоположное сему в Ахаре, уклонившемся от пути правого и склонившемся к мирскому?

П. Совершенно так: сказано ясно.

К. А что святые должны являться везде одинаковыми и в образе жизни, и в мнениях, это очевидно, так как закон

---

[1] И в тексте творений св Кирилла, и в тексте LXX поставлено здесь ποικίλην — разноцветную, хотя перевод «прекрасную» более соответствует еврейскому подлиннику

[2] Как в тексте творений св Кирилла, так и в переводе LXX, согласно с еврейским подлинником, здесь употреблено слово γλῶσσα — язык, здесь разумеется продолговатый, имеющий форму языка, слиток золота

[3] Св. Кирилл, согласно с переводом LXX, употребляет здесь слово φιλή, т е. στολή, и так как это слово, как малоупотребительное, могло быть непонятно для Палладия, то он и разъясняет его последнему

ясно говорит: *да не будет утварь мужеска на жене, ни да облачится муж в ризу женску: яко мерзость есть Господеви всяк творяй сия* (Втор. 22, 5): потому что мерзостью пред Богом и неприятнейшим зрелищем в очах Его равно является как то, когда изнеженность принимает вид мужества — ибо это значит: *утварь мужеска на жене,* — так и то, когда мужество недугует изнеженностию, ибо сему подобно облечение мужчины в женскую одежду.

П. Что такое говоришь ты?

К. Лицемерие не есть ли дело худое и бесчестное пред Богом и людьми?

П. Правда.

К. Ну, а если бы кто, будучи любострастен и невоздержен и самими делами изобличаем в этом, впоследствии прикрасил себя славою умеренности, то похвалил ли бы ты сам, Палладий, такового?

П. Никак.

К. Не думаешь ли ты также, что на самом деле умеренный и благоприличный должен быть устойчивым в тожестве мнения и не казаться иным, нежели каков он есть?

П. Согласен.

К. Итак, пусть не скрывается слабое и изнеженное расположение некоторых за славою мужества, — ибо это значит: *да не будет утварь мужеска на жене,* — и истинно крепкое пусть не стремится к изнеженности, ибо это опять значит изречение: *ни да облачится муж в ризу женску*: потому что в том и другом — одинаковый порок, и как тот, так и другой грех есть оскорбление добродетели.

П. Ненадежное, как видно, дело и небезвредное — изнеженность.

К. Без всякого сомнения: ибо это — страсть, совершенно достойная отвержения и богоненавистная. Посему и из священных списков изглаждается виновный в этом. Я утверждаю, что человек, истинно крепкий и мужественный, никаким образом не должен беззаботно попускать своему уму доходить до расслабления, наоборот, должен блюсти его от всякой боязливости и лености всецело утвержденным в вере в Бога и говорить: *вся могу о укрепляющем мя Христе* (Флп. 4, 13), отказываться же от желания помышлять о земном, как причиняющего гибель и являющего нас недостойными пред Бо-

гом. Так и во Второзаконии опять написано: *аще изыдеши на брань на враги твоя, и узриши кони и всадники, и люди множайшия тебе, да не убоишися их: яко Господь Бог твой с тобою, изведый тя из земли Египетския. И будет, егда приближишися к рати, и приступив жрец да возглаголет к людем, и речет к ним: послушай Израилю: вы исходите днесь на рать ко врагом вашим: да не ослабеет сердце ваше, ни убойтеся, ниже устрашитеся, и не уклонитеся от лица их: яко Господь Бог ваш идый пред вами, споборствует вам на враги ваша и спасет вас. И да рекут книгочия к людем, глаголюще: кий человек создавый храмину нову, и не обнови ея? да идет, и да возвратится в дом свой, да не умрет на рати, и человек ин обновит ю: и кий человек, иже насади виноград, и не веселися от него? да идет и возвратится в дом свой, да не умрет на рати, и человек ин возвеселится от него: и кий человек, иже обручи себе жену, и не понял ю? да идет, и возвратится в дом свой, да не умрет на рати, и ин человек поймет ю. И да приложат книгочия глаголати к людем, и рекут: кий человек страшлив и слаб сердцем? да идет, и возвратится в дом свой, да не устрашит сердца брата своего, аки сердце свое* (Втор. 20, 1–8).

П. Что получившие дерзновение у Бога должны отличаться добродетелями и мужаться во всем добром, это и я утверждаю, но как или каким образом некоторые отсылаются с поля сражения, как негодные, этого я не могу понять.

К. Разве не знаешь, что тот не достоин пред Богом и не решится переносить труды ради благочестия, кто не считает жизнь в мире сем пришельствием? Это весьма хорошо и ясно как бы во образе и начертании изображено в жизни святых. Божественный Авраам проживал в шатрах и делал переходы с места на место. И весь Израиль в пустыне часто переменял стоянки и обитал в шатрах. Этим же очень славится и пророк Давид, так говорящий Богу: *ослаби ми, яко пресельник аз есмь* на земле, и *пришлец, якоже вси отцы мои* (Пс. 38, 14 и 13). Стремился же он сильно к вышним обителям, так говоря: *коль возлюбленна селения Твоя Господи сил. Желает и скончавается душа моя во дворы Господни* (Пс. 83, 2–3). Таковые помышляют о небесном и жаждут небесных обителей, которые Сам Спаситель обещает любящим его, говоря: *иду и уготовлю место вам.* И *паки прииду и поиму вы* с Собою: *да*

идеже есмь Аз, и вы будете там со Мною (Ин. 14, 2–3). Итак, образом того, кто не в состоянии считать настоящую жизнь пришельствием, служит строющий дом и усердно предающийся заботам о нем, а образом любостяжательного и корыстолюбивого — насаждающий виноград; женонеистового же и изнеженного и предавшего ум похотям плоти может обозначать преступающий к обручению с женою. Посему-то они по гласу войскового глашатая удаляются от священного и воинственного собрания. Что свойственно было объятым сими страстями думать и говорить, это глашатай объявлял заранее. Разве не правда, что недугующим сими страстями приятно во время гонений наслаждаться покоем и не совершать занятий делами любви к Богу, так как они думают, что если придется в сражении потерпеть что-либо, то они лишатся домов и имущества и дорогих для них удовольствий? Оттого-то и происходит, что они являются несмелыми и малодушными Итак, что свойственно было им думать и говорить, то провозгласил книжник, как бы косвенными обличениями и прикрытыми порицаниями поражая малодушного, находящего предлог к извинению его слабости и, как бы пищу какую для своей трусости, собирающего мирские наслаждения. Поэтому и повелел Бог войсковому глашатаю сделать последнее воззвание открытое и неприкровенное: *и да приложат*,— сказано,— *книгочия глаголати к людем, и да рекут: кий человек страшлив, и слаб сердцем? да идет в дом свой, да не устрашит сердца брата своего, аки сердце свое* (Втор. 20, 8). Почти прямо говорит он следующее: преданный земному, созидающий домы, насаждающий виноградник и побеждаемый удовольствиями плотоугодия будет, без сомнения, робким и бессильным; а таковой совершенно негоден и будет во вред другим. Ибо *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 33), и легко пленяемый трусостию увлекает иногда к малодушию даже сильного и отважного. Посему-то и божественный Павел укорял некоторых, хотевших воспрепятствовать ему отправиться в Иерусалим; ибо говорит: *что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце: аз бо не точию связан быти, но и умрети готов есмь за имя Господа* нашего *Иисуса* Христа (Деян. 21, 13). Должно заметить также, что и отказ званных на брак был таков: *село купих*,— и,— *жену поях и не могу приити* (Лк. 14, 18 и 20). Так написано

в евангельских притчах. Нетрудно увериться в этом, если тебе угодно, и из древних примеров.

П. Говори же, нимало не медля, ибо ты принесешь великую пользу.

К. Итак, вот что читаем мы в книге Чисел: *и посих воздвигошася людие от Асирофа, и ополчишася в пустыни Фарани. И рече Господь к Моисею, глаголя: посли от себе мужи, и да соглядают землю Ханаанску, юже Аз даю сыном Израилевым во одержание: мужа единаго от племене, по сонмом отечеств их да послеши их, всякаго старейшину от них. И посла я Моисей от пустыни Фарани глаголом Господним: вси мужи старейшины сынов Израилевых* (Чис. 13, 1–4). По исчислении же посланных по коленам и родам, *и шедше,*— сказано далее,— *соглядаша землю от пустыни Син даже до Роова, до входов Емаф* (13, 22). И немного потом: *и приидоша до дебри гроздныя, и соглядаша ю, и урезаша оттуда ветвь, и гроздь винограда един на ней, и воздвигоша ю на жердь, и от шипков, и от смоквей. И место оно назваша, дебрь гроздная, грозда ради, его же урезаша оттуда сынове израильтестии. И возвратишася оттуду соглядавше землю по четыредесяти днех. И ходивше приидоша к Моисею и Аарону, и ко всему сонму сынов Израилевых в пустыню Фараню в Кадис: и поведоша им слово, и всему сонму, и показаша им плод земный, и поведаша ему, и рекоша: ходихом на землю, на нюже посылал еси нас, на землю кипящую млеком и медом, и сий плод ея. Кроме яко людие сильни зело, иже на ней живут, и гради утверждени ограждением и велицы зело, и род Енаков видехом тамо* (13, 24–29). Замечаешь ли, как страшливые и весьма не смелые из обозревавших землю обетования открыто признали, что земля эта богата виноградом и тучна и обильна зрелыми плодами, но присоединяют к сему нечто и для устрашения, называя живущий там народ храбрым[1], говоря все о том, что города крепки и ограждены стенами, отнимая таким образом у Израиля надежду на завоевание и устрашениями приводя к малодушию?

П. Это так.

[1] Θρασὺ Так поставлено у св. Кирилла согласно с переводом LXX.

К. Но мудрые и отважные из них Халев и Иисус (Навин) противостали пустословию их, говоря народу и божественному Моисею: *никакоже, но восходя взыдем, и приимем ю в наследие, яко* преодолеем их (13, 31). Посланные же с ними не переставали утверждать, что израильтянам трудно будет взять землю обетования. Затем сказано: *и взем весь сонм, даде глас: и плакахуся людие всю нощь ту: и роптаху на Моисеа и Аарона вси сынове израильтестии, и рекоша к ним весь сонм: о дабы умерли быхом в земли Египетстей, или в пустыни сей да быхом умерли: и вскую вводит нас Господь в землю сию, еже пасти на брани? Жены наша и дети наша будут в разграбление: ныне убо лучше есть нам возвратитися во Египет. И рече друг к другу: поставим себе старейшину, и возвратимся во Египет* (14, 1–4). В такое-то жалкое состояние и малодушие впал весь сонм; и даже, когда Иисус Навин пытался было возвратить их к мужеству, и разорвал одежду, и высказывал бесчисленные похвалы земле, они не хотели ободриться, неразумным малодушием преогорчевая поборавшего по них Бога и собственным силам предоставляя исполнение своей надежды. Посему-то наконец Бог и поклялся, говоря: если[1] узрит кто-либо из мужей сих землю, *еюже кляхся отцем их, разве Халев сын Иефонниин и Иисус Сын Навин* (14, 23 и 30). Ужели еще сомнительно, что робкий, избегающий труда и маловерный губит вместе с собою и других, развращая их злыми беседами, и лишается наследия и надежды на Бога, а мужественный и сильный покоится в надежде и будет другом Божиим?

П. Несомненно; потому что достаточно доказано.

К. И таким образом, как говорили мы вначале, кто предан мирским удовольствиям, тот не способен стать в ряды воинства духовного.

П. И очень.

К. А я прибавил бы еще — ибо, я думаю, никак не следует упускать полезное,— что и недавно начавший упражняться в

---

[1] Εἰ. В переводе LXX, по общепринятой редакции его, здесь поставлено: ἦ μὴν οὐκ — истинно не, как переведено и в славянской Библии. Впрочем в чтении, приводимом у св Кирилла, смысл тот же, как и в обыкновенном, именно, Бог как бы так говорит· если кто-нибудь из этих людей увидит землю обетованную, то клятва Моя будет нарушена.

какой-либо добродетели еще неспособен к битве, но весьма легко может увлечься к греху.

П. Как же так?

К. Во Второзаконии написано: *аще кто поймет жену внове, да не идет на брань, и да не наложится ему никая же вещь, неповинен будет в дому своем лето едино, да веселит жену свою, юже поял есть* (24, 5). Но следует ли, Палладий, придерживаться одного прямого буквального смысла? Неужели добротолюбивый Законодатель в самом деле заставляет сидеть дома человека, способного к войне, и не дозволяет приобретать похвалу, предоставляя ему увлекаться пустыми разговорами с женою и предпочитать необходимому плотоугодие?

П. Всего менее я могу согласиться, что такова была мысль Законодателя. Но здесь, как кажется, скрывается какой-нибудь более правдоподобный смысл.

К. Итак, я повторю то, что сказал: муж, коснувшийся добродетели, но еще недостаточно утвердившийся в ней, легко может увлечься к противоположному.

П. Скажи, каким образом? Ибо я недостаточно постигаю это.

К. Соломон говорит в одном месте: *нарцы премудрость сестру тебе быти, разум же знаем сотвори тебе* (Прит. 7, 4). Мы как бы сродняемся с добродетелями, когда стараемся сколько возможно более приносить плодов в них: когда один, например, упражнением приобретает мудрость в знании, другой кротость и тихость нрава, или и другое что-либо таковое избирает для исполнения. Итак, неужели ум, только что начавший упражнение в сих добродетелях, способен выдержать испытание и искушение? И разве тот, кто недавно лишь вступил в родство с премудростью[1], если встретится с людьми, извращающими правое, не развратится скорее, нежели победит и избежит вреда от них, еще не будучи достаточно устойчивым и утвержденным в разуме?

П. Разумеется, так.

---

[1] Здесь имеются в виду выше приведенные слова Писания: *нарцы премудрость сестру тебе быти.*

К. Разве не легко приходит в гнев человек, который хотя старается быть кротким, но еще недостаточно упражнялся в этом, — когда кто-либо раздражает его?

П. Я думаю так.

К. Испытанный же мудрец, вступая в борьбу с мудрыми, не противопоставляет ли мужественно их хитросплетениям правильные умозаключения?

П. Правда.

К. А укрепившийся в кротости не неподатлив ли на гнев, хотя бы кто когда и вызывал его на то?

П. Подтверждаю.

К. Итак, правильно говорит закон, прекрасно изобразивши добродетель, сожительствующую святым, как бы под видом жены: *аще кто поймет жену внове, да не идет на брань, и да не наложится ему никая же вещь: неповинен будет в дому своем лето едино, да веселит жену свою, юже поял есть* (Втор. 24, 5). Он не допускает, чтобы обременяем был трудами и преследованиями тот, кто, так сказать, только что установился и имеет еще неокрепшее стремление к добру, но как бы праздному и сидящему у себя дома, находящемуся в тепле, предоставляет соединяться с добродетелию узами любви. Мы найдем, что так поступили и святые Апостолы, которые к обращенным из язычников и недавно призванным к познанию Бога мудро пишут в послании: *изволися бо Святому Духу и нам, ничтоже множае возложити вам тяготы, разве огребатися* вам *от блуда и удавленины и крове* (Деян. 15, 28). Ибо предусмотрительно опустивши труднейшие из заповедей, они повелевают сохранять немногие и необходимые, зная неудобоносимость бремени страданий для тех, которые лишь недавно приведены к богопочитанию. И таковым Бог всяческих прощает и гнев и вины, если бы даже они и пали по малодушию, проходя необычный путь трудов; когда же потом наводит Свой суд и подвергает движениям Своего гнева, то уже не тех, которые немоществуют вследствие непривычки к трудам, а тех, которые более по своему произволу впадают в соблазн и изнеженность и весьма охотно предаются своей беспорядочности. Ибо не трудно ли достижима добродетель, и не стропотен ли путь к ней, и не потребно ли решившемуся на исполнение ее трудиться с великим усилием?

П. Согласен.

К. Но не было бы безрассудным, даже более: не было бы недостойным и неприличным только что приведенных к сему состоянию руководить со снисходительностию (так как они еще не вполне утвердились в ревности, ходят как бы нетвердою стопою и еще страдают бессилием), а с опытным управляться сурово, посредством наказаний[1] и страха, привлекая его к перенесению страданий и обузданию себя, как бы по необходимости.

П. Ты рассуждаешь весьма хорошо.

К. Это дело представится ясным, если прообразовательно совершившееся у древних[2] мы захотим расследовать обстоятельно. Ибо написано так: *поят же Моисей сыны Израилевы от моря Чермнаго, и веде их в пустыню Сур: и идяху три дни в пустыни, и не обретаху воды пити. Приидоша же в Мерру, и не можаху пити воды от Мерры, горька бо бе: сего ради* назвал *имя месту тому, горесть. И роптаху людие на Моисеа, глаголюще: что пием? Возопи же Моисей ко Господу: и показа ему Господь древо, и вложи е в воду, и усладися вода* (Исх. 15, 22–25). Незадолго перед тем поднявшись из земли Египетской и сбрасывая с себя тяжкое и неудобоносимое иго рабства, сыны Израилевы, по призванию Божию, спешили переправиться в давно обещанную отцам землю. Первое затруднение на пути встречается им в недостатке воды, которой едва нашлось для долго томившихся жаждою, да и та была не без затруднения для пользования: *горька бо бе*, как написано. Но чрез вложение древа она изменяется в приятную и сладкую, после того как Бог показал божественному Моисею способ, как тут поступить. Посему, научаемые законом Божиим предпочтительно следовать Богу, избавляющему от рабства страстям, и освобождаться от насилия демонов, искушаемые должны трудиться с великим усилием и возлагать на себя венец славы, измождая плотские вожделения подвижническими трудами и как бы некоего зверя укрощая жаждою и голодом необузданное движение страстей, постоянно направляющееся к наслаждению.

---

[1] Хотя в большей части кодексов переводимого творения св. Отца в настоящем случае поставлено: πόνοις (трудами), однако же, судя по смыслу, нужно признать более верным чтение кодекса Ватиканского, где стоит вместо этого: ποιναῖς (наказаниями).

[2] То есть в Ветхом Завете.

Потому-то первая *брань* у нас, желающих соблюдать воздержание, — *к плоти* и тому, что от нее. И я не думаю, чтобы кто-либо мог иначе упражняться в добродетели. Итак, жажда, приключившаяся древним в пустыне, была прообразом подвижнических трудов, и телесное — начатком духовных упражнений. Далее обрати внимание на то, что израильтяне не тотчас же, с самого начала, бросаются в сражение (ибо не тотчас же предпринимают брань против *начал* и *властей* (Еф. 6, 12) недавно начавшие вести борьбу со страстями и идти путем добродетели, так как находящиеся под испытанием не имеют еще довольно мужества и твердости), но испытываются в трудах борьбы против плоти, между тем как Бог соразмеряет тяжесть труда с навыком испытуемых. Это, я думаю, и означают слова: *искушение вас не достиже точию человеческое: верен же Бог, иже не оставит вас искуситися паче еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести* (1 Кор. 10, 13). Подвиги же ради добродетели, сами по себе весьма горькие, претворяет в приятные и сладкие Христос, Который называется и есть древо жизни. Ибо и Сам Он сказал в евангельских Писаниях: *аще в сурове древе сие творят, в сусе что* сделают (Лк. 23, 31), называя Себя Самого зеленеющим и доброцветным древом. Божественному Моисею древо показует Бог: ибо один только Отец открывает Сына, поелику один Он и знает Его: *никтоже весть, кто есть Сын, токмо Отец* (Лк. 10, 22). Итак, во Христе, древе жизни, горькое становится сладким, неудобоносимое — выносимым, то, что по своей природе вредоносно, — необходимым для жизни.

П. Каким же образом?

К. Если справедливо то, что труды, когда они очень горьки, изнуряют тело, а между тем душу делают причастною жизни вечной (как и Павел сказал где-то: *егда немоществую, тогда силен есмь*, — 2 Кор. 12, 10; и еще: *аще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни*, — 4, 16), то кто же захотел бы принимать на себя столь горькие труды, если бы не имел сладкой надежды во Христе?

П. Конечно, я думаю, никто.

К. Итак, посмотри (ибо нам необходимо, Палладий, привести на память сказанное в начале) на Израиля, томившегося жаждою в пустыне, ропщущего на премудрого Моисея и безнаказанно впадшего в такое малодушие. Он не вызвал суда и не

подвергся последствиям гнева, хотя Бог и обычно наказывает повинных в этом, потому что только что начинающий упражняться в добродетели, пользуется помилованием, хотя бы он и падал; но не получает снисхождения тот, кто и после того обнаруживает крайнее малодушие и необузданное влечение к нелепым пожеланиям. Так и в книге Чисел Священное Писание опять говорит о сынах Израилевых: *и отъидоша от горы Господни в путь трех дней: и кивот завета Господня предъидяше пред ними в путь трех дней, соглядати им стана. И бысть, егда воздвизаху кивот, и рече Моисей: востани Господи, и да разсыплются врази Твои, да бежат вси ненавидящии Тебе. И в поставлении* (кивота) *рече: возвращай Господи тысящи тем во Израили. И облак Господень бысть осеняющ над ними в день, егда воздвизахуся из полка. И быша людие ропщуще злая пред Господем: и слыша Господь, и разгневася гневом, и разгоресе в них огнь от Господа, и потреби часть некую от полка. И возопиша людие к Моисею:и помолися Моисей к Господу, и преста огнь. И прозвася имя месту тому, запаление: яко разгоресе в них огнь от Господа* (10, 33 – 11, 3). И после того еще: *и воздвигшеся от Ора горы путем, иже к морю Чермному, обыдоша землю Едомлю: и малодушествова ша людие на пути. И роптаху людие на Бога и на Моисеа, глаголюще: вскую извел еси ны из земли* Египетския *убити в пустыни? яко несть хлеба ни воды: и душа наша негодует о хлебе сем тщем. И посла Господь на люди змиев умертвляю щих, и угрызаху людей: и умроша люди мнози от сынов Изра илевых* (21, 4–6). Итак, ты видишь, что огнем и змеями был истреблен народ ворчливый и ропщущий. Ибо в то время, когда одни сходят с горы Господней, в предшествии кивота, изыскивающего для них впереди место для отдохновения, и когда Моисей молился и ходатайствовал за них, а облак осенял их, другие, называя хлеб, посылаемый с неба, негодным, издавали весьма громкий вопль против Бога и Моисея. Вследствие сего одни по необходимости сделались пищею огня, а другие немедленно[1] погибли от укушения ядовитых змей.

П. Что же должно заметить относительно того и другого места Писания? И что такое – гора Господня?

---

[1] Лучшие издатели предполагают в этом место слово ἀμελλητί (немедленно) вместо обычно стоящего в кодексах ἀμελητί (без попе чения, беззаботно)

К. Горою Господнею, я думаю, называет Писание Синай, на которую сошел в виде огня Зиждитель всех, явился всему народу, как написано (Исх. 19), и изрек законы для деятельности. Ибо *тамо положи* сынам Израилевым *оправдания и суды* (Исх. 15, 25). Но установителем сих законов и древле был Христос. Поэтому Он и называет данные чрез Моисея законы Своими словесами; ибо сказал: *аминь глаголю вам: дондеже прейдет небо и земля, иота едина, или едина черта не прейдет от закона дондеже, вся будут. Небо и земля мимо идет, словеса же моя не мимо идут* (Мф. 5, 18; 24, 35). Итак, оставим грубую оболочку истории, проникнем в тонкость заключающегося под нею духовного смысла. Подлинно, те, которые уже удостоились богосозерцания и богопознания, очами ума созерцали светлость Божественного естества, как бы на горе, то есть в чрезвычайном и недоступном величии (ибо слава и естество Божие выше всего), которые, так сказать, представляли самих себя Христу чрез веру, оказались внимательными к словам Его и обещали послушание (ибо так поступил тогда и Израиль, говоря: все, что сказал Господь Бог твой, *сотворим и послушаем*, Исх. 24, 3), — таковые будут пользоваться попечением, подобающим близким Ему, и удостоятся промышления, направленного к спасению их. Ибо Сам Бог будет для них вождем и защитником и пойдет впереди для отыскания им места успокоения. Потому-то Христос первый, ради нас и за нас, противопоставил Себя древле побеждавшему сатане, прошедши пост и искушение в пустыне, дабы мы имели покой, видя сатану побежденным, падшим и поверженным под ноги наши. Поэтому Он и говорил: *в мире* вы имеете скорбь, *но дерзайте, яко аз победих мир* (Ин. 16, 33). И еще: вот Я дал *вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию* (Лк. 10, 19). Он первый ради нас и за нас, сразившись со смертию, разрушил ее державу, нам же даровал успокоение, обновив нас в нетление. Он первый вошел в рай, как устранивший «обращаемое оружие» (Быт. 3, 24), от нас же удалив грех, заграждавший вход в рай. Он Сам за нас заплатил долги наши: *и язвою Его мы исцелехом*, по написанному (Ис. 53, 5). Он первый восшел ко Отцу и Богу, обновляя нам путь на небо и предуготовляя горние обители, как и сказал Он: пойду и уготовлю *место вам* (Ин. 14, 2). Итак, в кивоте завета подлинно предызображен был Христос. Ибо устроен был оный из негниющих дерев и хранил в себе

Божественный закон, который есть Слово Божие. Соответствующее сему таинство ты можешь увидеть во Христе; потому что *Бог бе Слово* (Ин. 1, 1), в нетленном храме. Кивот предшествовал израильтянам, усматривая для них место отдохновения: и нам предшествует Христос сказанным сейчас способом. И кроме того, исполняя служение посредника, Он является ходатаем и умилостивлением за нас пред Отцом подобно тому, как и Моисей древле, при поднятии с места кивота, говорил: *востани Господи, и да разсыплются врази Твои, да бежат вси ненавидящие Тебе,* а при остановке его: *возвращай, Господи, тысящи тем во Израили* (Чис. 10, 34–35). Ибо, когда востал на помощь нашу Единородный, говоря древле гласом Псалмопевца: *страсти ради нищих и воздыхания убогих ныне воскресну, глаголет Господь* (Пс. 11, 6), тогда пали враги и обратились в бегство супостаты и вступившие в борьбу со славою Божественною. Потому что на кресте Он восторжествовал над началами и властями и Своею смертию упразднил князя века сего, по написанному (Ин. 12, 31; 16, 11; Евр. 2, 14). Когда же Он как бы успокоился[1], и привел к концу все домостроительство Воскресением из мертвых и восшествием на небо к Отцу, то всю обратил землю и тысячи тем соделал Своими поклонниками Когда *вознесен буду от земли,* — говорит Он, — *вся привлеку к Себе* (Ин. 12, 32). Итак, молитва Моисея была прообразом ходатайства Христа, Который в образе человеческом молился и испрашивал нам от Бога и Отца все наилучшее, как говорит божественный Иоанн: *ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа праведника. И той очищение есть о гресех наших, не о наших же точию, но и о всего мира* (1 Ин. 2, 1–2). Кроме того, в Нем мы имеем еще и кивот покровителя, как это прикровенно разумеется в осеняющем облаке. Да слышит оправдываемый верою в Него сии слова: *во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию* (Пс. 120, 6). Некоторые же и относительно выражения в евангельской притче о распределении наград — мы понесли *тяготу дне и вар* (Мф. 20, 12) — говорят, если не ошибаюсь, что здесь под *тяготою дня* и *варом* разумеется чрезвычайная и высшая сила для истребления, подобно огню, необузданных увлечений, а также, может быть, и искушений. Итак,

---

[1] Καταπαύσας в соответствие (прообразовательное) поставлению на место кивота во время странствования евреев по пустыне, о каком поставлении у св Отца было употреблено выражение. καταπαύσας

Христос *помощник и покровитель бысть* нам *во спасение* (Исх. 15, 2). Когда же некоторые из удостоившихся богосозерцания, быв сами слушателями Божественных вещаний и чрез исповедание веры, так сказать, уже обещавшие благое послушание, уклонением к худшему отвергают предваряющего и водительствующего их, разумею Христа, Который заботится найти для них место успокоения[1], предстательствует, как бы в качестве ходатая, и служит покровителем — что подразумевается прикровенно в образе облака, — тогда, подлинно тогда, и вполне по справедливости, отдавая отчет в собственном своем неразумии, они потерпят жестокое наказание посредством огня. И в этом-то, я думаю, смысле сказал сам премудрый Павел: *волею бо согрешающим нам по приятии разума истины, ктому о гресех не обретается жертва: страшно же некое чаяние суда, и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. 10, 26–27).

П. Итак, отвергшие, вследствие греха, все домостроительство, во Христе умопредставляемое, будут пищею огня. Ропот же, как кажется, означает отступничество и нежелание воспринимать совершенное чрез Него спасение, хотя они и вкусили благодати и в опыте прошедшего имеют верный залог будущего.

К. Так именно. А другие, предавшись малодушию, производили такой же вопль и попусту роптали на Бога и Моисея, называя негодным хлебом манну с неба, но такие погибали от змей. И оскорбляющие неблагодарностию Спасителя всех и Искупителя и ни во что ставящие благодать свободы, и сверх того охуждающие животворящее слово Его и дар Духа Святого, как бесполезный, подвергнутся укушениям скверноубийцы дракона. Те же, которые не впали в столь нелепые грехопадения, избегнут угрожающего злобе наказания и суда и одержат верх над врагами, *на аспида и василиска* наступят и поперут *льва и змия* (Пс. 90, 13). Итак, несомненно и засвидетельствовано для нас самим делом, что опасно быть легкомысленными и впадать в малодушие людям уже опытным в борьбе и не заботящимся о получении похвалы за труды и уже некоторым образом привыкшим к подвигам ради добродетели.

---

[1] Ἀνάπαυσιν – упокоение, место покоя, место стоянки, в соответствие бывшему с израильтянами в пустыне.

П. Твердо доказано и истинно.

К. Эта речь подтвердила для нас ту мысль, что не только ропот на Бога богоненавистен и подлежит суду, но и самое малодушие заключает в себе как бы нарекание или недовольство благостию Спасителя, особенно если труды употреблены были еще незначительные; но что достойно проклятия и чего нет хуже, – это любить распущенность и, имея возможность беспрепятственно наслаждаться Божественными дарами и питаться свыше и чрез Духа Святого ниспосылаемыми словами, необузданно стремиться к тленным удовольствиям и удовлетворению нечистого плотолюбия. Ибо предпочтительное избрание худого есть явное оскорбление лучшего и спасительного, а предпочтение небесному земного, несмотря на то что последнее заключает в себе величайшую гнусность, есть нечестивейшее решение ума. И по справедливости о таковых едва не плачет пророк Исаия, говоря: *горе глаголющим лукавое доброе и доброе лукавое, глаголющим горькое сладкое и сладкое горькое, полагающим тму свет и свет тму* (Ис. 5, 20). А таким-то тяжким грехопадениям, как мы увидим, и подпали израильтяне. Ибо тотчас же после наказания, естественно последовавшего за ропотом, они стали недуговать похотию к самым постыдным делам: как бы презирая даруемое от Бога и нечестиво печалуясь на блага небесные, они тем самым необходимо раздражали против себя Судию, как написано: *и общий народ иже в них похотеша похотением, и седше плакахуся сынове Израилевы, и рекоша: кто ны напитает мясы? Помянухом рыбы, яже ядохом в земли Египетстей туне, и огурцы, и дыни, и лук, и червленый лук, и чеснок: ныне же душа наша изсохла, ничтоже, точию манна пред очима нашима. И услыша,* – сказано, – *Моисей плачущихся их в сонмех своих, коегождо их пред своими дверьми: и разгневася Господь гневом зело, и пред Моисеом бяше зло* (Чис. 11, 4–6, 10). Ужели ты не признаешь достойным гнева Божественного и осуждения со стороны святых мужей то, когда даже люди, испытанные в трудах, нисходят до такого расслабления и бессилия в рассуждении, что начинают страдать неудержимым желанием возвратиться к крайней нечистоте, и настолько ослабели к невоздержанности, что ребячески плачут о невозможности будто бы вынести сильный напор похотения?

П. Ты говоришь правильно.

К. Когда же премудрый Моисей недоумевал и приходил в сильное уныние и громко возопил, что один он не в состоянии когда-либо сдержать народ столь изменчивый и легко переходящий к сумасбродству и отступничеству, Бог указал ему мужей, числом десять, в подвижники и помощники для попечения о народе, которых и отличил дарованием Святого Духа. Ибо они стали пророчествовать в стане. Моисею же говорит: *и людем речеши: очиститеся на утрие, и снесте мяса, яко плакастеся пред Господем, глаголюще: кто ны напитает мясы? Яко добро нам бысть во Египте: и даст Господь вам мяса ясти, и снесте мяса. Не един день ясти будете мясо, ни два, ни пять дней, ни десять дней, ниже двадесять дней, до месяца дней ясти будете, дондеже изыдет из ноздрей ваших: и будет вам в мерзость*[1], *яко не покористеся Господу, иже есть в вас, и плакастеся пред Ним, глаголюще: вскую бе нам изыти из Египта?* (Чис. 11, 18–20.) Особенно то огорчало Освободителя, что Израиль не помышлял и о самом рабстве и, ради мяс и зловоннейших овощей, за ничто считал труды, понесенные в Египте. И нас самих пылкие и острые[2] удовольствия часто заставляют считать сносным рабство диаволу и возлагать на себя ярмо греха ради тленных и земных пожеланий. Но как тогда Он давал есть мясо не один день, даже и не десять, а тридцать дней — чем означается продолжительность гнева на них: так и теперь неудержимо вдавшимся в мирские удовольствия Он попускает, по воле их, пользоваться даже плотскими удовольствиями, и пользоваться долгое время. Ибо так и говорится, что Он *предаде* некоторых *в неискусен ум, творити неподобная* (Рим. 1, 28). Но как для израильтян пища стала *в мерзость,* так и для любящих плотское и предпочитающих тленное и земное духовной манне, которая есть слово Божие, такое направление приведет к смерти. Этот-то смысл и имеет, я думаю, изречение: *сеяй в плоть, от плоти пожнет истление* (Гал. 6, 8). Освобождение же от этой болезни заключается в следующем: *духом ходите*

---

[1] Εἰς χολέραν – собственно. в болезнь, сопровождаемую рвотой и поносом

[2] Θερμαὶ καὶ δριμεῖαι — теплые и острые на вкус — в соответствие яствам, на отсутствие коих жаловались евреи в пустыне, именно мяса вареного и овощей

и похоти плотския не совершайте. Плоть бо воинствует *на духа, дух же на плоть:* ибо *сия друг другу противятся* (Гал 5, 16–17). Так, если бы израильтяне захотели считать достаточным удовольствие, поставляемое манною, которая есть духовный хлеб Ангелов и образ сладости, даруемой чрез Святого Духа, то не стали бы удовлетворять похоти плотской и не пожали бы от нее истления. И вот явились выразительнейшие памятники того народа: *тамо,* — сказано, — *погребоша людей похотевших* (Чис. 11, 34), согласно с другим изречением: *будут в позор всякой плоти* (Ис. 66, 24); а потерпевший оное народ назван *похотевшим* соответственно, как я думаю, тому, что сказано о некоторых: *ихже слава в студе их* (Флп. 3, 19). Ибо от греха и название, и нескончаемым позором за малодушие служит эта надгробная надпись над несчастно умершими и вместе знамением того, в чем они были повинны.

П. Правда.

К. Итак, поистине, избравшим для себя путь любоучения особенно надлежит избегать нетерпения в перенесении трудов, малодушного ропота и неблагодарного пустословия и не допускать осквернения себя, происходящего от испорченности и плотолюбия, что нечестивее всего другого. Ибо таковой колеблется на обе стороны и имеет храмлющие голени рассудка, как написано: *горе сердцам страшливым, и рукам ослабленным, и грешнику ходящу на две стези* (Сир. 2, 12). Тем же, которые придают полное значение твердости в перенесении страданий и постоянству в терпении, должно, я думаю, приводить на память слово Христа, Который говорит: *аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. 16, 24), то есть, если кто хочет быть Моим учеником, тот пусть охотно идет путем одинаковых с Моими страданий, пусть ходит как бы тою же стезею и любит ее. Потому что тогда он найдет себе успокоение и будет жить вместе со Мною. Этого Сам Он просил нам от Бога и Отца, говоря: *хощу, да идеже есмь Аз,* там *и тии будут со Мною* (Ин. 17, 24). Впрочем, мы пребываем со Христом и тогда, когда ходим по земле, но живем не плотски, а духовно и сами стараемся устроить себе обитель и место покоя, т. е. творить угодное Ему. Прообраз сего представлен тебе в книге Чисел. *И в день,* — сказано, — *в оньже поставися скиния, покры облак скинию, и дом*

свидения: от вечера же бяше, над скиниею аки вид огнен до заутрия. Тако бываше всегда: облак покрываше ю в день, и вид огнен нощию. И егда восхождаше облак от скинии, по сих воздвизахуся сынове Израилтестии: и на месте, на немже стояше облак, тамо ополчахуся сынове Израилевы. Повелением Господним да ополчаются сынове Израилевы, и повелением Господним да воздвизаются: во вся дни, в няже осеняет облак над скиниею, да ополчаются сынове Израилевы. И егда промедлит облак над скиниею дни многи, да стрегут сынове Израилтестии страну Господню, и да не воздвижутся. И будет егда покрыет облак дни числа над скиниею, глаголом Господним да ополчаются, и повелением Господним да воздвижутся. И будет егда пребудет облак от вечера до заутрия, и аще воздвигнется облак заутра, да воздвигнутся днем или нощию, и аще воздвигнется облак, да пойдут. Или день или месяц дней умножит облак осеняющ над нею, да ополчатся сынове Израилевы, и да не воздвизаются: во отступлении его, воздвизахуся. Яко повелением Господним да ополчаются, и повелением Господним да воздвизаются: стражу Господню стрежаху по повелению Господню рукою Моисеовою (Чис. 9, 15–23). Когда воздвигаема была в пустыне святая скиния, ее, как сказано, наполняло *облако*. Затем, касательно отправления и остановки израильтян вместе с нею, Бог дал подробнейшие наставления, повелевая с особенною тщательностию наблюдать время ее отправления, а склонным к лености указывая на опасность, угрожающую за несоблюдение сего. Так по буквальному изложению. Теперь рассмотрим со стороны духовного смысла. Вместе с тем как воздвиглась и воссияла на земле истиннейшая скиния, то есть Церковь, она исполнилась славы Христовой. Ибо не что иное как это, я думаю, означает покрытие облаком древней скинии. Итак, Христос исполнил Церковь славою Своею и для находящихся в неведении и заблуждении, для пребывающих как бы в ночи и во тьме, светит наподобие огня, возниспосылая на них духовное просвещение, а тем, которые уже просвещены и имеют духовный день в сердце, дарует от Себя осенение и покров и напояет их духовною росою, то есть утешениями свыше чрез Духа Святого. Ибо это-то и есть то, что представлялось в виде огня ночью и в виде облака днем. Потому что младенчествующим было нужно, очень нужно, просвещение и озарение,

приводящее к богопознанию, а выше их стоящим и уже озаренным верою — покров и помощь, дабы они могли мужественно переносить жар настоящей жизни и тяготу дня. Ибо *вси хотящии благочестно жити о Христе, гоними будут* (2 Тим. 3, 12). С поднятием облака воздвигается и скиния, а с остановкою его останавливается; вместе с нею делали то же и израильтяне: это потому, что Церковь всюду следует за Христом и святой сонм верующих не отступает от Призывающего ко спасению.

П. Но какое можно разуметь у нас поднятие с места и остановку, в предшествии и под водительством Христа?

К. Различия в этих словах Писания, по моему мнению, нет; так как поднятие и остановка скинии вместе с облаком представляет нам собою как бы некоторое образное выражение желания быть с Богом. Впрочем, направляя ум к возможно более тонким соображениям, скажем еще и то, что первое поднятие с места есть восхождение от неверия к вере, от незнания к познанию и от неведения того, кто по естеству и истинно есть Бог, к ясному ведению Владыки и Творца всего. Второе же, следующее за тем и приносящее пользу поднятие есть восхождение от испорченности и развращения к желанию и думать и делать сколько возможно лучше. А третье, предпочтительнейшее в сравнении с предыдущим и более славное, есть восхождение от недостатков к совершенству в действиях и учении. Разве не постепенно мы идем к духовному возрастанию во Христе, стремясь прийти *в мужа совершенна* и достигнуть *в меру возраста* исполнения Его (Еф. 4, 13)? Об этом-то, может быть, и вещает нам голос божественного Павла: *задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышняго звания* (Флп. 3, 13–14). Восходя же мысленно от незнания к познанию, от неведения к разумению, от неверия к вере и постоянно преуспевая в добродетелях, разве мы не переносимся с места на место? А переходя от одного какого-либо расположения или навыка к другому, разве не уподобляемся обыкновенным путникам?

П. Понимаю, что ты говоришь.

К. Но ни выхода из состояния испорченности, ни достижения лучшего и пребывания в нем каким бы то ни было способом никто не мог бы иметь без участия и водительства Христа, почему Он и святым ученикам Своим говорил: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Итак, тогдашнее подня-

тие с места в одно время с движением облака и остановка вместе с остановкою облака прикровенно означает быть с Богом и делать все с Ним. Впрочем, *повелением Господним,* – сказано, – *да воздвизаются* (Чис. 9, 23). Это, я думаю, означает, что почитающие необходимым следовать за Христом имеют нужду также и в слове, возбуждающем к мужеству и благоустроению себя, приличествующему святым. *Ибо вся,* – сказано, – *благообразно и по чину да бывают* (1 Кор. 14, 40). Образом того же служит и написанное далее. Ибо так сказал Бог священнотаиннику Моисею: *сотвори себе две трубы кованы: სребряны сотвори я, и будут тебе на созвание сонма, и возставляти полки. И да вострубиши ими, и да соберется весь сонм пред двери скинии свидения. Аще же единою трубою вострубят, да приидут к тебе вси князи и тысященачальники израилтестии. И вострубите в знамение, и воздвигнутся полцы ополчающиися на востоки: и вострубите в знамение второе, и воздвигнутся полцы ополчающиися от юга: и вострубите в знамение третие, и да воздвигнутся полцы ополчающиися от моря: и вострубите в знамение четвертое, и воздвигнутся полцы ополчающиися от севера: знамением да вострубят в воздвижение их. И егда соберете сонм, вострубите не в знамение. И сынове Аарони жерцы да вострубят трубами: и да будет вам законно вечно в роды ваша* (Чис. 10, 2–8).

П. Что же, скажи теперь, означают две трубы и различие знамений? Также, почему Бог повелел сделать трубы кованые и из серебра?

К. Две трубы: это потому, что увещательная проповедь в церквах – двоякого рода. Одна приводит уверовавших к правомыслию в учении и изобличает во лжи слово развращенных, каково, например, было слово *возбраняющих женитися* и несообразно учивших *удалятися от брашен, яже Бог сотвори в снедение верным* (1 Тим. 4, 3). К таким я причислил бы также и учителей иудейских, которые, отвергнув одобренное и утвержденное законом Божественным, как устарелое, и считая его совершенно незначительным, повелевали руководимым ими успокаиваться на их собственных учениях и на заповедях человеческих. А иные некоторые неразумно учили оправданным верою обрезываться, *да в чужой плоти похвалятся,* по написанному (Гал. 6, 13). Но о них сказано было: *вне псы, вне злые делатели* (Апок. 22, 15; Флп. 3, 2). Другого же рода

проповедь приводит к нравственному исправлению и проясняет путь жизни во Христе. Серебряные же трубы собственною природою вещества, из которого сделаны, превосходно указывают нам на светлость и особенную чистоту того и другого рода проповеди. Сказано: звуком труб пусть созывается народ к скинии (Чис. 10, 3): это потому, что проповедию созываются в церкви те, которые живут как бы в кущах своих. Тех же, которые сходятся сюда, мы и увещеваем восходить от постыднейшего к подобающему освященным и прекрасно научаем переходить от дурного к хорошему. Разве слово не приводит уступчивого и истинного любителя жизни во Христе к правомыслию в учении и нравственному исправлению?

П. Подтверждаю.

К. Итак, две трубы собирают народ к скинии. *Аще же единою трубою вострубят,* – сказано, – *да приидут к тебе вси князи и тысященачальники израилтестии* (Чис. 10, 4). Так как нуждаются, полагаю я, в увещании и возбуждении даже совершеннейшие по духовному состоянию, хотя и не в такой степени, в какой имеет нужду большинство остальных: поэтому-то всех других с трудом созывают две трубы, а избранных созывает одна. Это потому, что для мудрого достаточно немногого, чтобы он, взяв это за повод к дальнейшему, приложил и остальное согласно изречению: *даждь премудрому вину, и премудрейший будет: сказуй праведному, и приложит приимати* (Притч. 9, 9). Затем Бог повелел наблюдать четыре различия знамений (Чис. 10, 5–6), чтобы по ним снаряжались и воздвигались полки, находившиеся к востоку и западу, к северу и югу. Этим, я думаю, означаются для нас четыре книги Евангелий, посредством которых весь мир руководится к познанию вероучения и нравственности. Впрочем, если бы при дальнейшем размышлении можно было сказать нечто другое, то мы нисколько не замедлим, считая приобретение полезного более ценным, нежели сон и отягчение. Так мы найдем в этом четыре различных вида нашей проповеди, при помощи которых весь мир может повести жизнь превосходнейшую и поистине славную. Один и самый первый вид тот, посредством которого к познанию истины и восприятию света Божественного мы обыкновенно призываем служивших твари вместо Творца (Рим. 1, 25) и по неведению говорящих *древу: отец мой еси ты, и камени: ты мя родил еси,* как говорил пророк (Иер. 2, 27). Остальные

же три вида проповеди по справедливости относятся к уверовавшим уже. И Спаситель учил о трех различных видах жизни и поведения, когда говорил в притче, что брошенные на добрую землю семена произвели *плод, ово убо сто, ово же шестьдесят, ово же тридесят* (Мф. 13, 8). Посему для каждого из них есть особо приличествующее ему слово. Ибо неправильно поступили бы мы, если бы неосмотрительно одною и тою же проповедию думали принести пользу как тем, которые, сочетавшись законным браком, разделили свою привязанность между Богом и миром, так и тем, которые избрали превосходнейшую и подвижническую жизнь, или приличествующую священству: но первым мы скажем: *привязался ли еси жене, не ищи разрешения: отрешился ли еси жены, не ищи жены* (1 Кор. 7, 27) или иное что-нибудь, что приличествует думать и делать вступившим в брак; подвижникам же и навыкшим в терпении: *умертвите уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую* (Кол. 3, 5), и еще: *недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18). Призванным же к священству: *устне иереовы сохранят разум, и закона взыщут от уст его* (Мал. 2, 7), а равно и то, что внушает премудрый Павел Тимофею в своих Посланиях к нему. Разве приведенные места Писания отступают от того, что прилично, и ведут к тому, что неправо?

П. Никаким образом.

К. Заметь еще и то, что Бог повелевает употреблять трубы только получившим жребий священства, предоставив чрез то, как я думаю, одним учителям народов и посвященным во священство слово тайноводственное и возбуждающее к желанию добродетели. Поэтому-то, я думаю, говорит Он к Моисею: *сотвори себе две трубы* (Чис. 10, 2), — и, утверждая это дело как бы печатью закона, прибавляет: *и сынове Аарони жерцы да вострубят трубами: и да будет вам законно вечно в роды ваша* (10, 8).

П. Итак, виды знамений мы примем в значении различного рода наставлений, приличествующих тому или другому роду похвально живущих, а поднятие и остановку израильтян вместе с облаком — в значении духовного споследования Христу и упокоения с Ним.

К. Ты справедливо говоришь; и в этом мнении убедит нас слово пророка, которое гласит так: и ныне Израиль, *чесого Господь* Бог *ищет от тебе, разве еже творити суд и люби-*

ти милость, и готову быти еже ходити с Господем Богом твоим? (Мих. 6, 8.)

П. Что *ходити с Господем Богом твоим* есть дело прекрасное и всякого достойное и за мужество обогащает славою, это может ли быть для кого не ясно? Но я бы желал, чтобы ты объяснил мне, что значит: *готову быти?*

К. Отчего же нет? Это значит: со всею готовностию стремиться к тому, чтобы мыслить и поступать угодно Богу, когда это так удобно для нас, и ничто этому не препятствует и не отвлекает *в неискусен ум* (Рим. 1, 28); это, я думаю, и значат слова: *готову быти еже ходити с Богом.*

П. За кого же вообще будем мы считать желающих следовать Богу, но еще не от всей души готовых на это дело, но падающих по причине бессилия и отказывающихся от того, что требует усилий?

К. Для тех, которые отличаются медлительностию и едва доходят до желания мыслить угодное Богу, не прилепились всем помышлением своим к жизни, приличествующей святым, которые лишь малую долю присущего им старания и усердия уделяют для любви к Богу, все же остальное решились беспощадно и открыто расточать на развлечения настоящей жизни, на бесполезные труды и тяжкие заботы, — для таковых образом служат сыны Рувима и Гада, о которых в книге Чисел написано следующее: *и скота множество бяше сыном Рувимлим и сыном Гадовым, много зело. И видеша страну Иазирову, и страну Галаадову, и бяше место, место скотно. И пришедше сынове Рувимли, и сынове Гадовы, рекоша к Моисею и ко Елеазару жерцу, и ко князем сонма, глаголюще: Атароф и Девон, и Иазир и Намра, и Есевон и Елеали, и Севама, и Навав и Веан, земля, юже предаде Господь пред сыны Израилевыми, земля скотопитательна есть, рабом же твоим скот есть. И реша: аще обретохом благодать пред тобою, да дастся нам земля сия рабом твоим во одержание, и не преводи нас чрез Иордан. И рече Моисей сыном Гадовым и сыном Рувимлим: братия ваша пойдут на брань и вы ли сядете ту? И вскую развращаете сердце сынов Израилевых, не прейти на землю, юже дает Господь им?* (Чис. 32, 1–7.) Затем, присоединив к сказанному укоризну отцам их за неповиновение и указав на наказание, постигшее их за это, ибо *изомроша в пустыни,* как сказано о них (Нав. 5, 4),

не увидев, так сказать, земли обетования, он прибавляет еще: *и се востаете вместо отец ваших, сокрушение человек грешников, приложити еще к ярости гнева Господня на Израиля: яко отвратистеся от Него, приложити еще оставити его в пустыни, и возбеззаконнуете на весь сонм сей. И приидоша к нему и глаголаша: ограды овцам да оградим зде скотом своим, и грады имениям нашим. И мы вооружени пойдем на стражбу первии сыном Израилевым, дондеже введем я в место их: и да вселятся имения наша во градех утвержденных ради живущих на земли. Не возвратимся в домы наша, дондеже разделятся сынове Израилтестии, кийждо в наследие свое: и ктому не наследим в них об ону страну Иордана и далее, яко прияхом жребия наша сию страну Иордана на востоки* (Чис. 32, 14–19). Видишь отсюда, что ради пастбищ и хлевов для скота, из-за любви к женам и детям, эти люди совсем не хотели перейти Иордан, но решались вовсе отказаться от войны и битв и не захотели участвовать вместе с другими в славе и надежде на будущие блага: им казалось самым лучшим и вожделенным остаться, не омочив, так сказать, ноги в водах Иордана. Когда же Моисей стал укорять их и внушать, как страшно пренебрежение к гневу Божию, только тогда едва дают они обещание перейти вместе с другими Иордан и принять участие в трудах войны и битв, но не с тем, чтобы участвовать с прочими и в разделе земли по ту сторону Иордана, так как уже имели или удерживали участок по сию сторону. Таковыми оказываются некоторые по образу жизни: будучи подавлены заботами о настоящей жизни и как бы все сердце свое отдавая помышлению о земном, они едва уделяют самое малое попечению о необходимом, а о том, что относится до Бога, не заботятся; *мнози бо,* — сказано, — *звани, мало же избранных* (Мф. 20, 16). Относясь к числу званных только по вере, но не будучи еще в числе избранных вследствие удобопреклонности их к удовольствию, медлительные и весьма нерешительные даже относительно самой благодати святого крещения, они боятся принять труды ради славы Божией и своего собственного блага, как прилично святым, и вместе с искренними Божиими подвергаться гонениям, хотя бы к тому и представлялось благоприятное время. Только тогда, когда начинает укорять их Божественный закон или угрожать гнев

Божий, они идут, и то нерешительно, к спасительному крещению и вместе с избранными принимают участие в трудах, вместе с ними постясь, только более умеренно, или даже соревнуют им, когда церкви подвергаются нападениям, однако еще не дошли до убеждения презирать мирское, но возвращаются к земным удовольствиям и наслаждениям, как бы к собственному и назначенному им уделу. Поэтому-то Христос говорил любителям правоты и ревновавшим всего более о благочестии: *внемлите, да не когда отягчают сердца ваша* заботами *и печальми житейскими* (Лк. 21, 34). Разве ты не признаешь этого дела опасным?

П. Признаю; как же иначе?

К. Направь же теперь проницательное око ума в глубину написанного, и ты весьма удивишься красоте образа.

П. Каким образом?

К. Обнаружившие равнодушие в отношении превосходнейшего из-за пастбищ для скота, из-за детей и жен, хлевов и построек были Рувим и Гад.

П. Так что ж из этого?

К. Тот был первородным сыном Иакова, а этот родился от рабыни Зелфы.

П. Правда.

К. Итак, первородные по вере и званные те, которые получили от Бога, насколько возможно для них, по благодати избранный жребий, не оказались любителями свободы, вследствие преобладающей в них наклонности к постыдному. *Церковию же первородных на небесех написанных*, говорим мы, названы оправданные верою (Евр. 12, 23); но первородный нелюбитель свободы является скорее сообщником и единомышленником тех, которые предают себя позору рабства[1].

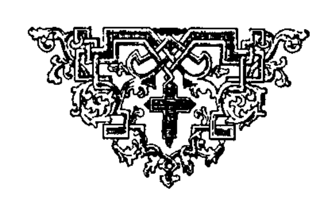
П. Ты превосходно сказал.

К. Но так как мое слово уже приближается к берегу и, так сказать, бросает канаты, то прилично сказать и напомнить еще

---

[1] Мысль св. Отца такова: Рувим и Гад, отказавшись от участия в общем наследии, были: первородный сын Иакова и сын рабыни. В приложении к нравственному состоянию христианина это значит, что одно преимущество первородства по вере не спасает человека, если не соединяется с духовною свободою. Свобода же христианская, о которой идет здесь речь, есть положительное направление воли к добру, а рабство — ее направление отрицательное, наклонность ко греху.

раз, что должно быть мужественным в стремлении к тому, что служит на пользу, и признавать труды подвигом в добродетели, и верить, что один Бог спасает и дарует силу побороть восстающих против нас, хотя бы они и превосходили нас силами. А что мы употребляем усилия не бесполезные, перенося труды ради добродетели, этому научит нас Моисей, говоря во Второзаконии: *и да помянеши весь путь, имже проведе тебе Господь Бог твой в пустыни, да озлобит тя и искусит тя, и уразумеются яже в сердце твоем, аще сохраниши заповеди Его, или ни* (Втор. 8, 2) Не дозволяет он также и недуговать малодушною боязливостию тем, которые очень хорошо видят руку защищающего их. А в другом месте он пишет так: *аще же речеши во уме твоем: яко язык сей множае паче мене, како возмогу аз потребити я? Не убоишися их: памятию да помянеши, елика сотвори Господь Бог твой фараону и всем египтяном, искушения великая, яже видеста очи твои, знамения она и чудеса великая, руку крепкую, и мышцу высокую, якоже изведе тя Господь Бог твой: тако сотворит Господь Бог ваш всем языком, ихже ты боишися от лица их* (Втор. 7, 17–19).



КНИГА ШЕСТАЯ

О том, что нам должно быть приверженными к единому по естеству Богу и любить Его от всей души и от всего сердца

Кирилл. О мужестве, во Христе мыслимом, и духовной крепости достаточно, кажется, сказано нами, Палладий; но необходимо еще, как я думаю, обозреть, в чем эти качества могут у нас проявляться.

Палладий. Ты хорошо говоришь.

К. Итак, обращая вокруг себя умственный взор и направляя его к тщательному обозрению того, что до нас касается, посмотрим внимательно, какою стезею идя, мы будем светлыми и примем, как бы венец, приговор, что мы поступали вполне достохвально. Разве тебе не кажется, что я правильно рассуждаю, предпринявши исследование этого предмета?

П. Без сомнения, я и сам сказал бы, что надобно прежде всего получить возбуждение чрез призвание к мужеству и восхотеть того, чрез что можно сделаться светлым и прямым путем достигнуть непорочной жизни.

К. Будем же говорить. Опора всего дома есть фундамент; и начало корабля — киль, а для решившегося поступать правильно основание и первая подпора есть познание истины и неложное учение веры в единого по естеству и истинного Бога. *Ибо аще не уверите, ниже имате разумети,* говорит Священное Писание (Ис. 7, 9). Не разумеющие ничего из необходимого не могут преуспевать, не умея поступать правильно. Разве не соглашаешься ты, что для приобретения похвалы нам необходимо исследование всего, что должно делать, если мы вознамерились правильно совершать то, что совершать[1] необходимо?

---

[1] Хотя в изданиях переводимого творения св. Кирилла здесь поставлено: ἐρᾶν — любить, но весь смысл речи требует предположения здесь слова δρᾶν — делать, совершать.

П. Соглашаюсь.

К. Итак, вера есть питательница разумения; а разумение составляет для нас пробный камень того, что должно делать. Поэтому, когда Бог всяческих как бы пестуном и мудрым правителем над сынами Израилевыми поставил данный чрез Моисея закон, то как бы фундамент и непоколебимое начало прежде всего положил Он ведение о едином и истинном Божестве: потому что Он не признавал для них возможным достигнуть безукоризненной и чистой жизни, настроиться согласно с законом, советником прекрасных дел, и следовать заповедям, если они не восприимут в свой ум, как бы ограждение, веру в Бога и не будут таким образом мужественно противостоять вожделениям, располагающим их к нерадивости. Итак, было весьма необходимо, чтобы древние наперед отложили, как бы какую душевную немощь, заблуждение многобожия и надлежащим образом утвердились в вере в единого по естеству и истинного Бога. Поэтому прежде всего воссиял им закон: *Аз есмь Господь Бог твой, изведый тя от земли Египетския, от дому работы. Да не будут тебе бози инии разве Мене. Не сотвори себе кумира и всякаго подобия, елика на небеси горе, и на земли низу, и елика в водах под землею: да не поклонишися им, ни послужиши им: Аз бо есмь Господь Бог твой, Бог ревнитель, отдаяй грехи отец на чада до третьяго и четвертого рода ненавидящим Мене, и творяй милость в тысящах любящим мя и хранящим повеления Моя* (Исх. 20, 2–6). Ибо поистине надлежало, чтобы жестокими угрозами устрашены были те, которые иначе не приняли бы заповеди; посему Бог и называет Себя ревнителем и грехи отцов возлагающим на детей их, если они захотят жить подобно тем и соревновать преткновениям своих предков. Мы не говорим, что грехи отцов падают на не провинившихся совершенно ни в чем, когда Бог ясно возгласил: *да не умрут отцы за сыны, и сынове за отцы: кийждо за свой грех да умрет* (Втор. 24, 16). Но если дети следуют нравам отцов и бывают соревнователями нечестия предков, то, конечно, грех простирается и на них. И хотя бы случилось, что Бог, Который над всем, по сродному Ему человеколюбию, освободил первых от наказания, однако же потом Он устремляет на вторых или на третьих Свой гнев, по справедливости навлеченный и заслуженный прежде нечестивым родом. Итак, Он

возбуждал к страху, именуя Себя Богом ревнителем; но и другим способом утверждал Он их в вере, обещая творить *милость в тысящах любящим* Его. К этому Он присовокупил еще близкую и сродную заповедь: *не возмеши,* – говорит, – *имени Господа Бога твоего всуе: не очистит бо Господь приемлющаго имя его всуе* (Исх. 20, 7). Некоторые делали это, усвояя название Бога дереву и камням и невежественно перенося имя, которое выше всякого имени, на произведение искусства и труда рук человеческих. О них Бог сказал гласом Исаии: *избрав древоделя древо, постави е в меру, и клеем сострои е: и сотвори е аки образ мужеск, и аки красоту человечу, поставити е в дому. Посече древо в дубраве, еже насади Господь, и дождь возрасти, да будет человеком на жжение: и взяв от него, согреся, и изжегше я, испекоша ими хлебы, из оставшаго сотвориша боги, и поклоняются им* (Ис. 44, 13–15). И после других изречений: познайте, *яко пепел есть сердце их, и прельщаются* (44, 20). Они-то приемлют имя *Господа всуе.* Но я думаю, что те, которые стали уже вне сети диавольской и познали Бога истинного, не должны склоняться к пустым мыслям и безрассудно чтить низкое, увлекаясь к признанию других богов, или думать, что есть какие-нибудь боги, кроме Единого и Истинного. Ибо если и называются некоторые богами и господами *на небеси* и *на земли: но нам един Бог Отец, из негоже вся и мы у него: и един Господь Иисус Христос, имже вся и мы тем* (1 Кор. 8, 5–6), и един Дух Святой, в Котором все и мы в Нем. Мы не будем сокращать по-иудейски естество Божества в одного только Бога Отца, но как бы расширим его в Святую и Единосущную Троицу; вместе с тем, различая его по свойству лиц и по особенности ипостасей, опять сократим его в единого Бога по причине тождества существа, и Ему будем служить, Ему поклоняться, призывая Отца и Сына и Святого Духа. Ибо сказано: *да не будут бози инии разве Мене* (Исх. 20, 3). И еще *Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послужиши* (Мф. 4, 10; ср. Втор. 6, 13). Поелику же един есть Бог Отец, и един Господь Сын, и един Дух Святой исходящий, то не будем лишать ни единого Бога истинного господства, ни истинно и по естеству Господа – божества. Ибо без сомнения за божеством по естеству следует господство и за истинным господством слава божества.

П. Весьма правильно и весьма мудро сказал ты.

К. Итак, Палладий, мы будем знать единого Бога и отнюдь никого не будем приравнивать к Нему, сколько возможно дальше отстраняя от своей души нечестивое и преступное двоедушие, как по истине полное надменности и своеволия, дабы и нам не возгласило священное слово: *доколе храмлете на обе плесне?* Если Ваалу, так Ваалу, а если Богу, так Богу (3 Цар. 18, 21). Нам нужно являться одинаковыми, а не разномыслящими и колеблющимися и с полною готовностию переходящими к тому, к чему не следует; а хромание на обе ноги и колебание я назвал бы самым безбожным делом. Так и древний закон наказывает смертию непостоянного, ибо говорит: *иже жертву приносит богом, да потребится, но точию Господу единому* (Исх. 22, 20). Поэтому восставать против Божественной славы и приличествующее ей, и только ей одной, пытаться воздавать кому вздумается, и не сущим по естеству богам, есть постыднейший из недугов, даже более — преступление и виновность в крайнем нечестии. Итак, истинно чистому и боголюбивому необходимо удаляться от таких вещей и не только сердце очищать, но даже, так сказать, и на язык никогда не допускать имени: идол Ибо написано: *имен богов инех не поминайте, ниже да слышатся изо уст ваших* (Исх. 23, 13). Поелику что постыдно знать, о том и говорить не безвредно. Решившимся же всячески чтить чистоту в вере следует памятовать блаженного Павла, пишущего так: *невозможно бо просвещенных единою... и доброго вкусивших Божия глагола, и силы грядущаго века, и отпадших паки обновляти в покаяние* (Евр. 6, 4–6). Ибо однажды приведенные к восприятию небесной и Божественной благодати чрез святое крещение, принявшие истинное и животворящее слово о Воскресении и Царстве Христовом, если решатся возвратиться к прежнему и подвергнуться прежней болезни, не обновятся к очищению чрез второе крещение. Ибо *неверствие их веру Божию* не *упразднит*, как говорит божественный Павел (Рим. 3, 3). И из-за того, что некоторые, идя назад, пренебрегли Божественною благодатию, мы не будем обвинять ее в непостоянстве: напротив, Судия всех подвергнет наказаниям людей, не уклонившихся от падения в столь великое нечестие, что попрали Сына Божия, кровь Завета сочли обыкновенною кровию и оскорбили Духа благодати, в Котором они

освятились и соделались общниками Божественного естества (Евр. 10, 29). Как воина, бросившего щит и бежавшего с поля битвы, должно не удостаивать вторично доспехов, а наказывать и подвергать взысканию за трусость, таким же точно, я думаю, образом и оскорбляющих священную и дивную благодать следует не вторично удостаивать дара Духа Святого, по отвержения первого, но уже подвергать наказаниям. Что однажды просвещенным следует достигать такого образа мыслей и такой твердости суждения, чтобы знать единого по естеству Бога, гнушаться вводящими кроме сего что-либо другое и весьма охотно нападать на идолов, разрушать капища и за ничто считать эллинские святыни, этому научит нас и древнее слово. Вот что написано в книге Чисел: *И рече Господь к Моисею в западе Моава у Иордана при Иерихоне, глаголя: глаголи к сыном Израилевым, и речеши к ним: вы преходите Иордан в землю Ханааню, и погубите вся живущия на земли от лица вашего, и разрушите стражбы*[1] *их, и вся идолы излиянныя их сокрушите я, и вся капища их разрушите* (Чис. 33, 50–52). Понимаешь ли, что перешедшим Иордан надлежало истреблять жертвенники и священные рощи и немедленно разрушать самих идолов и капища, так как давать пощаду таким дурным вещам было бы ясным признаком того, что они недостаточно утвердились и не посвятили Богу непорочного сердца, тогда как Он ясно говорит о безбожных и злых: *да не поклонишися богом их, ниже послужиши (им: да не сотвориши)*[2] *по делом их, но разорением разориши, и сокрушением сокрушиши капища их. И да послужиши Господу Богу твоему: и благословлю хлеб твой, и вино твое, и воду твою, и отвращу болезнь от вас. Не будет безчаден, ниже неплоды на земли твоей, число дней твоих исполню* (Исх. 23, 24–26). Итак, ясно, что для людей, крепко утвердившихся и по здравому разуму предающих себя Богу всяческих, позаботившихся также представить очевидное доказательство этого, именно разрушение жертвенников, капищ и кумиров людей умоповрежденных, такой образ действий будет виновником Божественных дарований.

---

[1] Τὰς σκοπιὰς – сторожевые пункты, - отсюда возвышенности, на которых устроялись храмы и жертвенники.

[2] Поставленных в скобках слов приведенного места книги Исход нет в существующих изданиях творений св. Кирилла; но они требуются смыслом речи.

П. Правда.

К. Если, говорит, разрушишь рукотворенное и будешь служить Богу, возненавидевши обычаи их, то *благословлю хлеб твой, и вино твое, и воду твою.* Слово таинственное и глубокое: оно значит, что для верных Богу причастие Христовых тайн и благодать, даруемая святым крещением, послужит в благословение духовное, а для двоедушествующих, склонных к отступничеству — в гнев и осуждение. А разве это маловажно — принять благословение духовное? Об этом-то, я думаю, и сказал премудрый Павел, что *ядый и пияй* Тело и Кровь Христа *недостойне суд себе яст и пиет, не разсуждая Тела Господня. Да искушает же,* — говорит, — *человек себе, и* тогда *от хлеба да яст, и от чаши да пиет* (1 Кор. 11, 29 и 28). Итак, для истинно боголюбивейших причастие Святых Таин будет, сказано, в благословение; и они освободятся от немощи, то есть от наклонности недуговать несправедливостию и слабодушием. *Не будет безчаден,* сказано, среди их, *ниже неплоды;* ибо всякая боголюбивая и преподобная душа весьма чадородна и изобильна святыми плодами, то есть славою добродетели.

П. Это так.

К. Не дозволяя иметь удобоколеблемое сердце, (Бог) искусно приводит к решимости сохранять устойчивость в вере и непоколебимость в благочестии: иногда приличными соображениями научая лучшему, Он повелевает пренебрегать, или лучше, совершенно отвращаться от жертвоприношения или поклонения идолам, как причиняющего гибель, показывая, что такого рода болезнь исполнена крайней вины и даже величайшего нечестия; иногда же, приставив к нам страх наказания, как бы пестуна и отличного стража, всячески обращает нас к тому, что Ему угодно. Так и говорит блаженный Моисей во Второзаконии: *и сия заповеди и суды, яже снабдите творити на земли, юже Господь Бог отец ваших, дает вам в жребий во вся дни в няже вы жити будете на земли. Пагубою погубите вся места, в нихже служиша тамо языцы богом своим яже вы приимете, на горах высоких и холмех, и под древом сеновным. И да раскопаете требища их и сокрушите столпы их, и дубравы их ссечете, и ваяние богов их сожжете огнем, и погубите имя их от места того* (Втор. 12, 1–3). Эллинские мудрецы и избранники, особенно же поэты называют нимф или демонов

какими-то Ориадами и Амадриадами[1]. А есть и такие, которые, вознамерившись чтить своих богов на местах возвышенных, поставили на горах жертвенники, стали заботиться о принесении в жертву волов и, утвердивши вокруг более красивых деревьев статуи и изображения демонов, занимались закланием в жертву овец. Но было необходимо, чтобы подчинившиеся истинному и по естеству Богу, ничего не страшась, разрушали эти кумиры заблуждающихся и как можно дальше отступали от их обычаев. Поэтому сказано еще: *аще же потребит Господь Бог твой языки, в няже* взойдешь *ты тамо, наследити землю их, от лица твоего, и приимеши* их *в наследие, и вселишися в земли их: внемли себе, да не взыщеши последовати им, по потреблению их от лица твоего не взыщи богов их, глаголя: якоже творят языцы сии богом своим, сотворю и аз. Да не сотвориши Господу Богу твоему тако: мерзостна бо, яже возненавиде Господь: сотвориша богом своим, яко* и *сыны своя и дщери своя жгут огнем богом своим* (12, 29–31). Правильно Законодатель совершенно запрещает подражание заблуждающимся и строго повелевает удаляться от немилосердого заклания детей; а кровожадных и лжеименных богов обличает, как разрушителей и губителей человечества, грубо пренебрегающих, по своему произволу, даже природными законами любви. *Созда бо* Бог *во еже быти всем и спасительны бытия*[2] *мира* и нет *аду царствия на земли. Завистию же диаволею смерть вниде в мир* (Прем. 1, 14; 2, 24). И тогда как Божественное изволение ниспровергает смерть и разрушает тление и ненавидит небытие существующего; *созда бо во еже быти всем,* как написано: напротив, те, которые корыстию демонов уловлены в сети заблуждения, приносят сатане как бы сласти и самые лучшие и благовоннейшие курения, погибель сотворенного для жизни и смерть созданного *во еже быти.* Итак, Он хотел прекраснейшим образом показать, что дела их (язычников) исполнены крайней виновности, что природа у них оскорбляется и законы достожеланного чадо-

---

[1] Ориадами (от ὄρος гора) назывались нимфы гор, населившие (будто бы) горы, по верованию язычников. Амадриадами (от ἅμα вместе и δρῦς; дуб, дерево вообще) назывались нимфы дерев, растительности, жившие и умиравшие, по верованию греков-язычников, вместе с своими растениями.

[2] Αἱ γενέσεις — происхождение, или творение.

любия попираются; таким образом Он сильно привлекал тех служителей, которые имеют ум благородный и ненавидящий злое, к тому, чтобы чтить и усердно принимать то, чего Он хочет и что говорит. Такое-то законоположение было сделано в древности для ниспровержения у них нечестия. Но кроме того Он определяет смерть тому, кто хочет переубедить утвердившегося и боголюбиво воспринявшего ведение истины. Ибо так сказал Он еще: *аще же востанет в тебе пророк, или видяй соние и даст тебе знамение или чудо, и приидет* (сбудется) *знамение или чудо, еже рече к тебе, глаголя: идем, да послужим богом иным, ихже не весте: да не послушаете глагол пророка того, или видящаго сон той: яко искушает Господь Бог твой вас, еже уведети, аще любите Бога вашего всем сердцем вашим, и всею душею вашею. Во след Господа Бога вашего ходите и того бойтеся, и заповеди его сохраните и гласа его послушайте, и тому служите, и к нему прилепитеся. И пророк той или видяй сон да умрет: глагола бо еже прельстити тя от Господа Бога твоего* (Втор. 13, 1–5). Какой святой и приличный Богу закон! Если убийцам тела всенепременно следует по законам умереть, как же не потерпеть того же по справедливости человеку, вводящему душу в губительное заблуждение и ввергающему в ров погибели то, что, по гласу Самого Спасителя, лучше тела (Мф. 10, 28)? Итак, Бог признал справедливым, чтобы лжец и обманщик наказан был смертию; но такое же наказание определяет Он и тем, которые с удобопреклонным и легкомысленным расположением духа внимают таким людям. Когда легко можно было, отрезвившись умом, найти прибежище в истине, зачем же, говорит, он добровольно бежал к неправде? *Аще же обрящется у тебе во едином от градов твоих, яже Господь Бог твой дает тебе, муж или жена, иже сотворит лукавое пред Господем Богом твоим, преступиши завет Его, и шедше послужат богом иным, и поклонятся им, солнцу или луне, или всякому, яже от красоты небесныя, ихже не* повелел[1] *тебе: и не возвестится тебе, и взыщеши зело, и се истинно бысть слово, мерзость*

---

[1] В слав. пер. Библии: *повелех*, согласно чтению греч. кодд. AFX, где поставлено προσέταξα, между тем как у св. Кирилла, согласно чтению всех остальных библейских греч. кодексов, стоит: προσέταξε.

сотворися сие во Израили: да изведеши человека того или жену ту, иже сотвориша дело злое сие, и побиете их камением, и да умрут. При двою свидетелех или при трех да умрет: умираяй да не умрет при едином свидетеле. И рука свидетелей да будет на нем в первых, умертвити его, и рука всех людей послежде: и истреби[1] зло *от вас самех* (Втор. 17, 2–7).

Когда оскорблен Бог в Его почитании, тогда быть милосердным небезопасно и даже весьма вредно – не время разнеживаться в слабодушном, взаимном благорасположении. Об этом-то, я думаю, и сказал Господь: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). Пусть тогда исчезнет закон сочувствия и удалится сила естественной любви и все, что относится к человеколюбию, чтобы, так сказать, посредством благочестивой жестокости воздано было почитание Богу. Не благочестивым ли назовешь ты делом, чтобы немилосердно наказывались совершающие неизвинительное отступничество, как оскорбляющие высшую над всем славу и не отказывающиеся беззаботно бесчестить Того, Которого лучше было бы радовать стараниями о твердости?

П. Благочестивым; как же иначе?

К. Напомню я еще то, что сказал Он древним: *кое обретоша отцы ваши во Мне погрешение, яко удалишася от Мене и ходиша во след суетных и осуетишася?* (Иер. 2, 5.) И как бы изумившись крайнему невежеству сынов Израилевых, Он говорит: *ужасеся небо о сем и вострепета по премногу зело земля, глаголет Господь. Два бо зла сотвориша людие мои: мене оставиша источника воды живы, и ископаша себе кладенцы сокрушеныя, иже не возмогут воды содержати* (Иер. 2, 12–13). Я считаю, и не без основания, лишенными всякого благоразумия тех, которые, удаляясь от служения Богу, служат твари, помимо Зиждителя и Творца, или, ниспадая к еще более постыдному заблуждению, поклоняются делам рук своих, тогда как легко было бы, если бы они захотели правильно мыслить, из создания мира усмотреть красоту всевышнего и неизреченного естества и от стройности происшедшего бытия

---

[1] Ἐξαρεῖς, согласно чтению библ греч кодексов AEFX, тогда как во всех остальных кодексах, с которыми согласен и слав. перевод: *измите*, читается ἐξαρεῖτε.

прийти к мысли о Чиноначальнике, Вожде и Творце этой вселенной. Но некоторые из древних, презревши столь достойный и дивный образ мыслей, променяли золотое на медное, выражаясь словами эллинских поэтов[1], потому что, оставивши поклонение Богу по естеству, по-детски обратились к бесполезному идолослужению[2], стыд и смех низводя на свою голову и сами на себя призывая лишение вышней помощи. Так и сказал Бог: *якоже стыд татю, егда ят будет, тако постыдятся сынове Израилевы, тии и царие их, и начальницы их, священницы их, и пророцы их. Древу рекоша: яко отец мой еси ты: и камени: ты мя родил еси: и обратиша ко Мне хребты, а не лица своя: и во время озлобления своего рекут: востани, и избави нас. И где суть бози* твои, *яже сотворил еси тебе? Да востанут и избавят тя во время озлобления твоего. По числу бо градов твоих быша бози твои, Иудо, и по числу путей Иерусалимских жряху Ваалу. Вскую глаголете ко Мне? Вси вы беззаконновасте ко Мне, глаголет Господь* (Иер. 2, 26–29).

П. Поистине ужасно это дело, друг мой.

К. Но есть и из числящихся между нами некоторые, еще не очень утвердившиеся, которые имеют ложную и притворную любовь ко Христу и, облекшись, как бы овечьею шкурою, видом боголюбивых, оказываются свирепыми и нечистыми зверями, лукавыми и перебежчиками, так что дома и ночью, то есть скрытно, они предаются демонскому служению, по всей вероятности думая, что возможно убежать и от Самого Бога и обмануть ум естества неизреченного. Можно доказать – и притом без труда,– что человек, так думающий, имеет образ мыслей более низкий, нежели какой свойствен был безумию эллинов. Ибо эллинским мудрецам казалось правильным, что созданное и происшедшее солнце, светило великое, для того самого и сотворенное Богом (чтобы светить), все назирает и все слышит[1]; потому что они думали,

---

[1] *Илиада*, VI, 236: χρύσεα χαλκείων, -ἑκατόμβοι ἐννεαβοίων, – речь идет о Главке, который, ради верности в дружбе с Диомидом променял свое золотое вооружение на медное Диомидово, – стоющееe ста быков на ценимое в девять быков.

[2] Согласно чтению кодекса Ватиканского, где стоит: εἰδωλολατρεὶαν, вместо εἰκαιολατρεὶαν.

что признаваемое за Бога должно обладать и достоинствами Божественного естества; достоинство же высочайшего естества – все знать и видеть. Такого мнения они держатся; а нам древле возглашал Бог: *Бог приближаяйся Аз есмь, глаголет Господь, а не Бог издалеча*: разве *утаится* что от Меня? (Иер. 23, 23–24.) Ибо ничто не может скрыться от Того, Кто истинно по естеству Бог. Да научит нас и блаженный Давид, говоря: *разумейте безумнии в людех, и буии некогда умудритеся. Насаждей ухо не* услышит ли и *создавый* очи *не сматряет ли?* (Пс. 93, 8–9.) И я думаю, по неразумию, некоторые говорили: *не узрит Господь, ниже уразумеет Бог Иаковль* (ст. 8). Не совершенно ли глупо говорить, что Податель знания не знает, и думать, что Дающий чувство слуха сотворенным от Него существам не слышит?

П. Совершенно нелепо.

К. Итак, должно поклоняться только единому Господу Богу, по Писаниям, иному же, кроме Его, никому. Ибо написано: *совершен да будеши пред Господем Богом твоим* (Втор. 18, 13). Совершенство же духовное есть утверждение в вере, непорочность в служении и безупречная красота любви к Богу.

П. Так полагаю.

К. Итак, Палладий, неужели мы избавим от порицания и вины тех, которые хотя решились не поклоняться иным богам или твари помимо Творца, но, не знаю, каким образом, доверяют лжепорицаниям идолослужащих? Разве объявлять их свободными от обвинения в отступничестве безопасно для истинно верных?

П. Никак.

К. Звездочетство же и гадания, лжепророчества и демонские обольщения приличествовали бы, я думаю, одним только тем, которые с неразумнейшею готовностию допускают в свою душу бесславное и проклятое идолослужение.

П. Ты правильно сказал, потому что и Божественное слово повелевает нам гнушаться заключающейся в этом мерзостию. Именно там написано: *аще же внидеши в землю, юже Господь Бог твой дает тебе, да не навыкнеши творити по мерзос-*

---

[1] *Илиада*, III, 276. Здесь Агамемнон, обращаясь к солнцу, говорит: Ἠέλιος θ᾽, ὃς πάντ᾽ ἐφορᾷς καὶ πάντ᾽ ἐπακούεις.

тем языков тех: да не обрящется в тебе очищая сына своего и дщерь свою огнем, волхвуя волхвованием, и чаруяй и птицеволшебствуяй, чародей обавая обаванием, утробоволхвуяй и знаменосмотритель, и вопрошаяй мертвых: есть бо мерзость Господу Богу твоему всяк творяй сия (Втор. 18, 9–12). И через несколько слов за тем говорит опять: *совершен да будеши пред Господем Богом твоим: языцы сии, ихже ты наследиши, сии чарований и волхвований послушают: тебе же не тако даде Господь Бог твой. Пророка от братии твоея якоже мене, возставит Господь Бог твой, Того послушайте. По всему елико просил еси от Господа Бога твоего в Хориве в день собрания* (18, 13–16).

К. Хорошо, друг мой. Итак, мы не будем следовать истолкователям предзнаменований и вопрошателям мертвых, не будем также принимать за истинное какое-то дело и полета птиц, направо ли они летят или налево, к западу или к востоку[1]; потому что это естественно крайнему невежеству. Напротив, признавая вождем всего Христа, ради нас соделавшегося подобным нам, и пророком, от Него примем знание необходимого, при Нем будем находиться безотлучно, далеко прогоняя и отвергая лжесловие демонов. Ибо как оживотворение и произведение всего естественно и собственно принадлежит Богу, так, думаю, и знание всего. Его естеству исключительвно свойственно — ясно знать будущее и иметь в Себе как бы собранным знание всего. Не кажется ли тебе мудрым и истинным сказанное об этом?

П. Совершенно так.

К. Итак, мы против Него погрешим и на высочайшую славу взведем обвинение, если будем верить, что мерзким и нечистым духам присуще то, чем Он украшается и является весьма славным. После этого думающие так глупо могут предположить, что сатана в состоянии и животворить[2], и быть создателем, если мы припишем ему и будем считать свойственным его природе лучшее из всего и принадлежащее собственно естеству Божию; собственное же и лучшее благо

---

[1] Здесь имеются в виду слова Гектора к Полидаманту. *Илиада*, XII, 239–240.

[2] Οἰμώξειν... καὶ ἐρρῶσθαι λέγοντες – собственно значит: «говоря: рыдай и будь здоров (прощай)».

высочайшего естества есть знание будущего. Не истинно ли то, что я говорю?

П. И очень. Ибо гласом Исаии сказано некоторым, воздающим твари принадлежащее Богу: *помяните сия и возстените, покайтеся прельстившиися, обратитеся сердцем, и помяните первая от века, яко Аз есмь Бог, и несть еще разве Мене: возвещаяй первее последняя, прежде неже быти им, и абие сбышася: и рекох: весь совет Мой станет, и вся елика совещах сотворю* (Ис. 46, 8–10). Итак, как бы указанием того, что нет другого какого-либо по естеству и истинно Бога, кроме Его, он поставил для слушателей то, что Он может возвещать *последняя* прежде, нежели оно сбылось.

К. Хорошо, Палладий. Но я желал бы, чтоб мы, тщательно обозревая истину, рассмотрели и следующее: если мы вполне принадлежим к числу желающих жить правильно и по Евангелию, то как после этого мы будем следовать обольщениям лжепророчеств? И внимая им, как будто бы какое-либо слово их истинно, не сочтем ли мы лживыми и слова Спасителя? Ибо Он сказал надменным и гордым иудеям: *вы отца вашего диавола есте, и похоти отца вашего хощете творити. Он человекоубийца бе искони, и во истине не стоит: яко несть истины в нем: егда глаголет лжу, от своих глаголет: яко ложь есть* сам *и отец лжи* (Ин. 8, 44). Каким же образом лжец будет говорить истину? И каким образом не устоявший в истине не будет везде и во всем говорящим ошибочное? Итак, не ясно ли, Палладий, что, приписывая истинность речам демонов, мы Христа обвиним во лжи и скажем, что истина говорит ложь?

П. Недалеко до этого.

К. Сверх того, присоединил бы я еще к сказанному, мы научены Христом не принимать речей нечистых духов, если бы даже они захотели когда-нибудь предлагать неупотребительную у них и неприличную для них истину.

П. Как же так?

К. Не слышишь ли святых Евангелистов, написавших, что демоны приступали ко Христу, пронзительно и громко крича. *остави, что нам и тебе, Иисусе Назарянине? пришел еси погубити нас.* Мы знаем Тебя, *кто еси, Святый Божий* (Мк 1, 24). Он же, *запрещая,* – сказано, – *не даяше им глагола ти, яко ведяху Христа Самаго суща* (Лк. 4, 41). Почему

однако,— спросил бы по справедливости кто-нибудь,— Христос запрещал им, когда они провозглашали истинное? — Совершаемое было полезно для нас. Ибо чрез это мы научаемся, что мы не должны приникать к словам их, если бы даже они хотели возглашать самую истину и говорить очевидно верное: потому что, вплетая по временам в истину ложь, они вредят слушателям, не иным, думаю, способом, как таким, какой мы видим у людей, примесью меда отнимающих ощущение горького и прибавлением сладкого хотящих удалить неприятный вкус.

П. Итак, без сомнения, опасно внимать обольщениям прорицателей.

К. Смертию наказывает Бог такое дело и ставит его в числе крайних зол. Он так сказал в книге Левит: *и душа, яже аще последует утробным баснем* (чревовещанию) *или волхвом, яко соблудити в след их, утвержу лице мое на душу ту, и погублю ю от людей ея. И будете святи, яко аз свят Господь Бог ваш* (Лев. 20, 6 и 7). И несколько дальше: *и муж или жена, иже аще будет от них чревобасник или волшебник, смертию да* умрет: *камением да побиете их, повинни суть* (20, 27). Во-первых, Он запрещает следовать лживым гаданиям по звездам или по трупам умерших, говоря, что это дело весьма далеко от приличествующего святым образа жизни и совершенно не пристойно предающим себя Богу; а во-вторых, определяет смерть и самим гадателям, говоря, что они повинны, и не дозволяя нам оказывать милость людям, дошедшим до такой негодности, что они сделались сетью смерти, ловушкою для невинных душ, дверью к погибели, дном ада (Притч. 9, 18); и каким еще из таковых зол они не сделались? Но, я думаю, было бы мудро и правильно — мыслить, что Бог установил столь горькую и превосходящую всякое несчастие кару не для тех, которые могут знать и другим сообщать будущее и имеют сказать о нем нечто истинное. Ибо не слово истины наказывается, а лжесловие проклинается; но кто будет уличен в совершении сего, и притом как бы от Бога, тот клевещет на само неизреченное естество и, приписывая истине ложь, как бы приличествующую ей, претерпев равное вине наказание, устремится к погибели. Слово (Божие) порицает не тех, которые от Бога (получают дар предсказания): да не будет! —а тех, которые делают вид, как

будто от Бога[1]: так что предсказание их не свободно и от лжи. И так как они, не принявши от истины, говорят, что вздумается и что им самим кажется, то вследствие этого они и погрешают.

П. Итак, по этому признаку мы можем распознать, Бог ли провещавает или они говорят от себя самих?

К. И очень. Ибо и в этом Божественный закон тотчас убедит нас. Бог так сказал во Второзаконии: если же скажет кто *в сердцы: како познаем слово, его же не глагола Господь? Елика аще возглаголет пророк* оный *во имя Господне, и не сбудется слово, его же не рече Господь: в нечестии глагола пророк, не убойтеся его* (Втор. 13, 21–22). Слышишь ли, он говорит, что неисполнение предсказываемого будет ясным доказательством того, что это не от Бога проречено, потому что истина любит истину? Нечто подобное говорит Он и гласом Иеремии: *Бог приближаяйся Аз есмь, глаголет Господь, а не Бог издалеча. Аще утаится* человек *в сокровенных, и Аз не узрю ли его? еда небо и землю не Аз наполняю? рече Господь. Слышах, яже глаголют пророцы, пророчествующе во имя Мое лжу* (Иер. 23, 23–25). Затем, в промежутке предложивши нелегкое обвинение против презирающих Божественные законы, поставляет истину ясным показанием того, что от Бога и что нет. Ибо Он сказал еще: *пророк, иже имать сновидение* его и *иже имать слово Мое* к нему, *да глаголет слово Мое во истине* (23, 28). Таким образом, если бы оказалось что-либо погрешающим против истины, то это тотчас же показало бы, что виновник предсказания лжеречив и говорит от сердца своего, а не от уст Господних, как написано (23, 16).

П. Хочешь ли, подвергнем исследованию нечто из необходимого, или, опустивши это, пойдем туда, куда поведет нас твоя речь?

К. Да ведь мы, Палладий, немало ценим необходимое на пользу, так что я по справедливости счел бы виною – не говорить свободно о том, о чем представляется нужным; итак, скажи, нимало не медля.

П. Если не от уст Господних говорят некоторые, но изрыгают, как ты говоришь, слово от сердца своего, то каким обра-

---

[1] ’Επιτιμα, γὰρ ὁ λὸγος οὐ τοῖς ἐκ Θεοῦ, μὴ γένοιτο, πραττομένοις τὰώς Θεοῦ Речь не вполне ясна вероятно, несколько слов пропущено

зом та жена-чревовещательница привела Саулу святого умершего Самуила, рассказавшего ему исход будущего? Некоторые думают, что это совершилось так именно, а не иначе.

К. А ты сам думаешь ли, что это было не так, и рассуждаешь ли об этом правильнее, или легкомысленно утверждаешь, что душа праведника на самом деле подверглась насилию и пришла по зову женщины?

П. Я не мог бы сказать об этом с достоверностию; но думаю, что исследование раскроет истину.

К. Ты хорошо сказал. Итак, прежде всего другого должно быть тщательно исследовано пока то, чрез Бога ли чудодействуют и завершают такого рода дела те, которые этим занимаются, или чрез злых духов

П. Кто же дойдет до такой нелепости мыслей, чтобы думать что вопрошатели мертвых, чревовещатели и заклинатели чудодействуют чрез Бога? Напомню о законе, определяющем крайнее наказание всякому, решившемуся делать это. После этого как же не бессмысленно думать, что осужденный на смерть не неугоден Богу? Ведь не станет же Он вести борьбу с своими собственными законами.

К. Ты превосходно рассуждаешь Притом в этом случае души святых, освободившиеся от тел, нам придется считать презренными и ни во что вменяемыми, доходящими до такого бедственного положения, что подчиняются злым и нечистым духам, легко заставляющим их невольно следовать, куда бы они (духи) ни пожелали. Между тем премудрый Иоанн, составивший нам книгу Откровения, которая и решением Отцов одобрена, ясно утверждает, что души святых он видел под самым божественным жертвенником (Апок. 6, 9); если же они (злые духи) влекут души (святых) из их вышних обителей, беспощадно уводят их из священнейших мест, — и никто не препятствует, — то всем демонам доступно небо, отворяются пред ними, по-видимому, и врата рая; отступает, как кажется, пред ними и пламенное оружие, и не только пред ними самими, во время их входа и выхода, но даже и если бы они захотели дерзновенно вывести кого-нибудь из находящихся внутри (рая) Затем, не значит ли это ругаться над надеждою во Христе и представлять несчастнейшею жизнь дивных мужей?

П. Кажется.

К. Да, это очевидно. Каким образом дивному Павлу лучше было — *разрешитися и со Христом быти* (Флп. 1, 23)? Если точно мы, удалившись от земного и соединившись со Христом, будем подчинены духам сопротивным, то *испраздни ся вера*, по написанному (Рим. 4, 14), и всякий, думаю, согласится, что пребывание в теле несравненно лучше, нежели пребывание со Христом и что это последнее труднее переносить: потому что, уже проводя настоящую жизнь, мы не подвластны хотениям диавола, даже более — мы наступаем *на змию и на скорпию и на всю силу вражию,* по слову Спасителя (Лк. 10, 19). А затем, соединившись со Христом, неужели мы будем в худшем положении? Как же останутся истинными Его слова *овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их, и по мне грядут. И Аз живот вечный дам им, и не погибнут во веки, и не восхитит их никтоже от* рук моих. *Отец Мой, Иже даде Мне, болий всех есть: и никтоже может восхитити их от руки Отца Моего* (Ин. 10, 27–29)? Обманывал, должно быть, борцов благочестия во Христе и премудрый Петр, написавший так: *страждущии* от других *по воли* Его, *верну зиж дителю да предадят души своя* (1 Пет. 4, 19). Если переданной Богу душе сатана делает насилие, водя и нося ее, куда бы в какое время ни пожелал, то каким же образом может быть признан верным защитник святых, взявший как бы в залог дух каждого? Итак, было бы нелепостию и ужасным бессмыслием думать, будто душа[1] пророка, вследствие пустого заклинания гнусной женщины, на самом деле была извлечена из назначенных ей мест.

П. Так как же объяснить рассматриваемое событие? Такое постыдное предположение, я думаю, не следует, так сказать, принимать даже и в мысль.

К. Предложивши самые слова Священного Писания, мы затем поставим в ясность и заключающийся в них смысл, повсюду неотступно держась надлежащего взгляда Сказано так: *и Самуил умре, и рыдаше по нем весь Израиль, и погре боша его во Армафеме, во граде его. И Саул изби чревобас ники и волхвы земли своея. И собрашася иноплеменницы, и приидоша, и ополчишася в Сонаме: и собра Саул вся мужи*

---

[1] Хотя в греческих кодексах переводимого творения св Кирилла здесь поставлено φωνὴν (голос), по смысле речи требует предположить на этом месте ψυχὴν (душу)

Израилевы, и ополчишася в Гелвуе. И виде Саул полки иноплеменничи, и убояся, и ужасеся сердце его зело. И вопроси Саул Господа, и не отвеща ему Господь ни во сне, ни во явлениих, ни во пророцех. И рече Саул отрокам своим: поищите ми жены волшебницы, и пойду к ней, и вопрошу ея: и реша отроцы его к нему: се жена волшебница во Аендоре. И прикрыся Саул, и облечеся в ризы ины, и иде сам, и два мужа с ним, и прииде нощию к жене, и рече ей: поволхвуй ми чревоволшебством, и возведи ми, егоже реку ти. И рече ему жена: се ныне ты сам веси, елика сотвори Саул, како истреби чревобасники и волхвы от земли, и вскую ты ловиши душу мою, еже умертвити ю? И клятся ей Саул, глаголя: жив Господь, аще срящет тя неправда о словеси сем. И рече жена Саулу: кого возведу ти? и рече Саул: Самуила возведи ми. И виде жена Самуила, и возгласи гласом велиим. И рече жена к Саулу. почто мя прельстил еси? и ты еси Саул. И рече ей царь: не бойся, рцы, кого видела еси? И рече ему жена: боги видех восходящия от земли. И рече ей: что познала еси? И рече ему: мужа прямаго[1] *восходяща от земли, и сей оболчен одеянием долгим: и уразуме Саул, яко сей Самуил, и приклони лице свое на землю, и поклонися ему. И рече ему Самуил: почто понудил еси мя взыти ми? И рече Саул: скорблю зело, яко иноплеменницы воюют на мя, и Бог отступи от мене, и не услыша мене ктому ни в руках пророческих ни во снех: и ныне призвах тя, да скажеши ми, что сотворю. И рече Самуил: почто вопрошаеши мя, а Господь отступи от тебе, и бысть со ближним твоим? И сотвори Господь с тобою, якоже глагола Господь рукою моею, и исторгнет Господь царство твое из руку твоею, и вдаст е ближнему твоему Давиду. Понеже не послушал еси гласа Господня, и не исполнил еси гнева ярости его на Амалике: глагола ради того сотвори тебе Господь в день сей. И предаст Господь Израиля с тобою в руки иноплеменничи, и заутра ты и сынове твои падут с тобою, и полк израилев предаст Господь в руки иноплеменничи* (1 Цар. 28, 3–19). Итак, можно ли тебе после этого сомневаться в том, что Саул

---

[1] Ὄρθιον, как и в греческих библейских кодексах, обозначаемых у издателей буквами ВА, тогда как во всех остальных код стоит вместо этого. γέροντα – старого, согласно и с еврейским подлинником и славянским переводом

пришел в расслабление, обличаемый собственным своим мнением? Ибо когда он устрашился бессилия для борьбы с собранным против него войском, то счел нужным узнать будущее от Бога; когда же Бог умолчал и не открывал ничего, то обращается к оскорблению Того, Который восхотел молчать: отправляется к вопрошательнице мертвых — разумею знахарей, считающих себя сведущими в будущем, — и говорит затем: *Самуила возведи ми,* — не потому, что заклинание и магическое искусство может вызвать душу святого, а потому, что гадающие всегда употребляют такие слова. И я слыхал, что они, привлекая демонов какими-то тайными словами и совершая заклинания над водою, видят призраки и тени и как бы в зеркале — фигуры некоторых людей, так как, может быть, демоны искусно производят образы людей, о которых говорят, что их вызывают. И действительно, вначале та женщина сказала: вижу *боги восходящии от земли* (28, 13), а затем: *и виде,* — сказано, — *жена Самуила* (28, 12). Ничего нет трудного в том, что явилась одинаковая и подобная образу блаженного Самуила тень и призрак, произведенный действием демонским. И если бы кто подумал, что душа пророка поистине была вызвана, то он должен признать истинными и те слова женщины, которые она говорит, что видела богов, выходящих из земли, и не должен приписывать лживость обрядам гадания, но думать, что в самом деле есть какие-то боги такого разряда, выходящие из земли, тогда как Бог по естеству есть только один.

П. Ты сказал правильно. Впрочем, кто-нибудь, я думаю, скажет: однако ж волшебница сказала правду, когда Саул полюбопытствовал о будущем. Между тем немало рассуждений потрачено было нами на доказательство того, что у нечистых духов нет истины.

К. Действительно, нет. Ибо несогласимое и несродное нечто — *свет и тьма. Христос* и *Велиар* (2 Кор. 6, 14–15). Конечно, раздражающим и привыкшим огорчать Бога Он иногда открывает будущее и чрез тех, от которых этого менее всего надлежало бы ожидать, причем, вероятно, святые Ангелы сообщают уму человеческому, что если решившиеся любопытствовать узнали бы что-нибудь, то крайне изнурятся и от самого предузнания измучатся, видя как бы некоторый начаток угрожающего им гнева и суда. Святым пророкам часто свойственно сообщать не одно только скорбное, от чего человек,

опечалившись, подвергся бы плачу, но и то, что служит некоторым к благодушию и благоденствию; а нечестивым и беззаконным любителям гаданий Бог открывает их будущие несчастия.

П. Но каким образом и чем можно доказать это?

К. Священным Писанием. Ибо случившееся с древними преднаписано, как образ и способ тайноводства для нас. Разве ты не знаешь, что Валак, сын Сепфора, царь моавитян и мадианитян, устрашившись непреоборимого и несокрушимого множества израильтян и уверенный в очень скорой погибели своей вместе с другими народами, подкупал Валаама, говоря: *прииди проклени мне* Израиля? (Чис. 22, 6.) Когда же пришли послы, он говорит им: *препочийте зде нощь, и отвещаю вам деяния, яже аще возглаголет Господь ко мне* (22, 8). Домогаясь пустых и демонских сновидений и от заклинания и колдовства вероятно ожидая себе случайных явлений, он говорит, что *Господь возглаголет* к нему. Ибо он представлял себе, что Бог его услышит. Но если Священное Писание и употребляет обычные чародеям слова, однако же, правильно мысля, мы не можем думать, чтобы сам истинный Бог, будто бы из любви, влагал в души нечестивых истину и беседовал с мужем скверным, чародеем и идолослужителем. Однако же сказано: *прииде Бог к Валааму и рече ему: что человецы сии у тебе?* (22, 9.) Когда же Валаам объявил причину прибытия их, *рече Бог к Валааму: да не идеши с ними, ниже да кленеши людей: суть бо благословени* (22, 12). Вот ясно, что блаженный Ангел, от лица Божия, отвращает обманщика и пустослова чародея от намерения проклинать благословенный Богом народ и противопоставлять вышним определениям изобретения человеческой злонамеренности не потому, что проклятие имело бы силу произвести вред, но дабы безумно предавшийся таковой надежде ясно и наглядно был удостоверен, что не будет когда-либо пленен моавитянами или мадианитянами Израиль, когда Бог защищает и поборает и Своими милостями ограждает преданный Ему и благословенный народ. Это самое и сказал и повелел сделать божественный Ангел. Когда же прорицатель обещаниями даров прельщен был к тому, чтобы идти, предположивши, что он, может быть, действительно будет иметь силу, тогда блаженный Ангел попустил ему идти, но среди пути явился с молниеносным мечом, ясно научая, что у Валаама война и с

Богом и с Ангелами, если он хочет проклинать благословенных. Когда же он прибыл к царю мадианитскому, то поставил жертвенники и приказал приносить в жертвы быков, но тотчас стал пророком, не таким, каким был прежде, т. е. ложным, но Божественною и неизреченною силою, сверх чаяния, обратился в противоположную сторону. Ибо он не стал проклинать, а напротив, благословлял Израиля, и поверг Валака в горькую печаль. Написано же так: *разгневася Валак, и плесне руками своими, и рече Валак к Валааму: кляти тя врага моего призвах, и се благословляя благословил еси их в третие. И рече Валаам к Валаку: и послом твоим, ихже послал еси ко мне, не рекох ли, глаголя: аще ми даст Валак храмину свою полну сребра и злата, не могу преступити слова Божия, еже сотворити е зло или добро от мене самаго: елика аще речет ми Бог, сия возглаголю* (24, 10, 12–13). Лжепророкам обычно употреблять обманчивые провещания и притворно показывать вопрошающим их, что они говорят истину. Но пойми, что говорить истину есть дело чуждое ремеслу заклинателя и волхва; присоединялось же иногда по Божию попущению к их словам истинное, чтобы предсказанием будущего произвести страх в душах нечестивых.

П. Соглашаюсь.

К. Что Бог ненавидит и разрушает подобные чары и пустословия, это ясно, так как Он Сам говорит: *Аз Господь Бог.* И к этому еще: *кто ин разсыплет знамения чревоволшебников, и волжбы от сердца? Отвращаяй мудрыя вспять, и советы их обуяяй, и уставляя глагол раба своего, и совет вестников своих истинен творяй?* (Ис. 44, 24–26.) *Волжбы от сердца* Он объявляет пустыми и лживыми; всякий же *глагол раба Своего*, то есть Христа, *уставляет* и *совет вестников своих*, то есть, что захотели бы говорить проповедники веры в Него, все это Он показывает исполненным истины, подтверждая знамениями и чудесами и иными действиями Духа. Сказал же Он еще негде, порицая некоторых за осквернение закона Божия: *стани ныне с волхвы твоими, и со многими чары твоими, имже научилася еси из юности твоея, аще возмогут ти помощи: утрудилася еси в советех твоих: да станут и спасут тя звездочетцы небесе, смотрящии звезд, да возвестят ти, что имать на тя приити* (Ис. 47, 12–13). Итак, видишь, как изобличает Бог достойное смеха и совершенно бесполезное проклятое гадание по звездам. А что

Ему только Одному приличествует истинность и безошибочное исполнение слов об ожидаемом в будущем, об этом послушай, что говорит Он гласом Исаии: *помяните сия и возстаните, покайтеся прельстившиися, обратитеся сердцем, и помяните первая от века, яко Аз есмь Бог, и несть разве Мене, возвещаяй первее последняя, прежде неже быти им, и абие сбышася; и рекох: весь совет Мой станет, и вся елика хощу сотворю* (Ис. 46, 8–10). Итак, одному только высшему над всем Богу мы должны приписать и ясное ведение и способность безошибочного предсказания о будущем. Но, с другой стороны, вздором и старушечьими сказками, шутовством и обманом оказывается совершаемое теми, которые, будучи развращены умом, говорят от сердца своего, как написано (1 Тим, 6, 5), и ложь делают предлогом к сбору денег.

П. Правда; потому что это так, а не иначе.

К. Итак, будем удерживаться и от этого, и оставивши путь развращения, пойдем путем правым, полагаясь на одного только Бога и за словами святых признавая истину.

П. Совершенно так.

К. Что же? Ужели, кроме того, мы не будем считать ненавистным и уделом эллинского безбожия и то, чтобы любить очищения, например, огнем и водою и другими какими-либо подобными способами?

П. Непременно. Поэтому и Божественное откровение ясно говорит: *да не обрящется в тебе очищая сына своего и дщерь свою огнем* (Втор. 18, 10).

К. Как хорошо, что закон провозгласил нам об этом и запретил это делать! Я думаю, что это дело исполнено безрассудства и не имеет наилучшего и разумного основания. Ибо каким образом естество огня может принести нам пользу? Или каким образом быстро обносимые кругом факелы могут избавить согрешившего? Нечистоту меди или какого-либо другого подобного вещества сила огня истребляет; но каким образом она уничтожит нечистоту ума и души? Не смешно ли это и не есть ли это изобретение пустых вымышлений?

П. Совершенно так.

К. С большим удовольствием сказал бы я тем избранникам из эллинов, которые были изобретателями этих постыдных учреждений и передали их другим: что вы имеете в виду, благородные и мудрые мужи, когда оного Тития, которого счи-

таете родившимся от земли, мучите во аде, приставляя к нему коршунов, терзающих его печень, за то, что он, удивившись красоте женщины, вознедуговал вожделением?[1] Зачем говорите вы также о том, что Танталу угрожает камень, и рассказываете юношам басни о том, что он несет это наказание за необузданность языка[2]? Для чего, привязав Иксиона к колесу, долго и непрестанно вертящемуся, говорите, что он терпит это наказание за обман, не понравившийся вашим богам[3], а самих себя и других, хотя и самыми ужасными и скверными пороками одержимых, освобождаете от огня и ветвей лаврового или масличного дерева[4], как вам самим вздумается, и даруете омовение от преступлений людям даже самым преступным? Скажите мне, почему же на Тития и сейчас поименованных, разве за недостатком огня, налагаете вы жестокое и нескончаемое наказание? И известный, по вашим рассказам, похититель огня, передавший его людям, говорю о Прометее, если только он существовал, обладал употреблением огня и притом прежде других; но и его ваши басни представляют связанным несокрушимыми узами, причем и к нему, как и к Титию, говорят, прилетали коршуны с закривленными когтями, эти ужасные и дикие каратели. Давайте же, давайте очищение посредством огня не одним только им, но и тем, которые неистовствовали в вожделении к дочерям или женам вашим или чужим, делая то, чего не должно; следует и им посредством огня освободиться от вины, а вместе с тем избегнуть и от судейских приговоров за преступления. Тогда как против других тотчас приводятся в движение судилища и приговоры и сила законов, ненавидящая преступления, вы самих себя, безрассудно проводящих постыднейшую и омерзительную жизнь, считаете свободными от всякого осквернения, обольщаемые пустыми и ребяческими забавами и в служители для сего принимая негоднейших из

---

[1] *Одиссея*, XI, 576–581.

[2] Под необузданностию языка св. Отец разумеет надменность, которую при всяком почти случае своих сношений с смертными обнаруживал Тантал, сын Зевса. По некоторым мифам одно из мучений его состояло именно в том, что он поставлен был в таком месте ада, где ему постоянно грозила падением часть нависшей над ним скалы.

[3] Иксион, царь лапитов, пылавший любовию к Гере, скрывал свою страсть от Зевса и обманывал его. См.: *Пиндар*. Пиф. 2, 21 и далее.

[4] См. Aeneid. VI, 230.

людей, которые, отвергнув вместе с наружным видом и приличную мужчине речь, нисходят до обычаев и образа жизни, до тела и мыслей женщин. После этого каким же образом очистится такой человек? Настроенные таким образом, вы сделаете нечто подобное тому, как если бы кто вздумал надушить себя благовонными мастями, но, намазавшись самою нечистою грязью, стал бы думать потом, что он совершил, и притом весьма хорошо, пришедшее ему на ум.

П. Хорошо говоришь; и я соглашаюсь с тобою, говорящим истину.

К. Не говорю о безумии их в этом отношении, умолчу пока и о совершителях очищения, а перехожу опять к самому делу; и еще скажу, что всякий может уличить идолопоклонников в том, что они проводят жизнь самым безумным и невежественным образом, не понимают способа очищения и не знают в точности, в чем действительно состоит осквернение и нечистота. Прелюбодеяния и еще более сих дикие страсти: мужеложство и убийства, наветы и зависть, лжепророчества и коварства, обман и ложные клятвы — вот скверны и нечистоты, оскверняющие душу и тело и с трудом отмываемые и свергаемые. Их не очистят ни огонь, ни источники вод. Не зная, что теми пороками сквернят они душу и делают ум полным нечистоты, они удаляются между тем от мертвых тел и гнушаются разложившимся трупом, не почитая законов природы. И даже снедями, за которые им нужно браться, они пренебрегают, по их мнению, будто бы разумно; а если бы пришлось случайно и невольно коснуться их, они тотчас, отскакивая, прибегают к очищению посредством огня и воды, как будто, если только воздержатся от них, будут святы и чисты. Так препобеждены они этим мнением и вышли из ума, и о них можно сказать очень кстати: *горе вам,* разнузданные и невежественные, *оцеждающие комары, велблуды же пожирающе* (Мф. 23, 23–24). Ни во что считая то, что действительно оскверняет, они чрезмерно страшаться того, от чего никто не терпит никакого вреда, так что, если бы кто из них подошел к могильному памятнику и вошел в гробницу умерших, тот, снявши одежду, обривает голову, остригая и самые волосы, как бы подвергшиеся осквернению. Что нам следует удаляться и отчуждаться от подражания сему, о том научил нас Божественный закон, сказав еще: *да не нарезуетеся*[1], *не возложите плеши между очима вашима над мертвым* (Втор. 14, 1). Ибо

писатели эллинские баснословят, что Аполлон есть бог, именуя его и Фебом (φοῖβον), то есть, чистым и неоскверненным. Его же называют они и солнцем. *Итак они* говорили: φοιβάζειν и φοιβᾶσθαι по словоупотреблению у греков, как они думают и как находится в их законах, означает: очищать и очищаться. А нас Божественное повеление удерживает от столь постыдных и чрезвычайно неприличных обычаев. *Ибо не следует считать* за осквернение для души смерть телесную, ни думать, что будто самое воззрение на мертвого оставляет нечистый отпечаток в сердцах зрителей; не следует по той же причине и обривать волосы, ибо это дело совершенно пустое и свойственно грубому представлению. Посему хорошо говорит закон: *да не нарезуетесь*, потому что такого рода очищение не приносит пользы душе, а скорее повредит, отнимая знание полезнейшего пути и отводя от искания полезного. Обратим же внимание на следующее: законы, действующие у нас, происходят от имеющих власть на земле, давая всем, где бы они ни были, награду за исполнение их и запрещая, чего не должно делать; но никто не мог бы избежать наказаний за преступления, если бы не была ниспослана ему прощающая благость царя. Подобно сему и не исполнивший Божественных законов не сделался бы чистым, если б не был обогащен *этим благодеянием по* Божественному изволению. А потому если мы преступили законы огня или воды и отчет за грех относится к ним, то пусть вода обмывает вину, пусть огонь истребляет нечистоту и пусть они своею властию отпускают вины, кому хотят. Если же истинен взывающий к Богу: *Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих* (Пс. 50, 6), ибо един законоположник и судия (Иак. 4, 12), то зачем же, оставивши Господа, Которому принадлежит право наказания и прощения, впадают в неразумные мысли, огню и воде приписывая силу освобождать их от вменений вины? Прочь такое безрассудство! Приступай, человек, к единому по естеству Богу и внимай Тому, Который прямо говорит: *Аз есмь заглаж-*

---

[1] Οὐ φοιβήσετε, или как в греч библ. код. AX. Οὐ' φοιβηθήσετε выражение, представляющее собою неточный перевод с еврейского, к которому ближе славянский перевод (не делайте нарезов) и в греч общепринятом тексте цитуемого места вовсе не встречающееся, собственно значит: не делайте себя лучезарными, светлыми, чистыми, не очищайтесь. На этом значении слова св. Отец основывает свои дальнейшие разъяснения текста цитаты.

даяй беззакония твоя мене ради, и не помяну (Ис. 43, 25). Вот истинное очищение! Вот светлость духовная! Ибо мы очищены верою во Христа, приобретши отпущение греха, освященные *банею пакибытия* (Тит. 3, 5) и обогатившись Божественною благодатию, благодатию Духа Божественного, который, наподобие огня, истребляет скверну, подобно пыли вторгшуюся в мысли наши. Поэтому справедливо говорит богодухновенное Писание, что мы крещены *Духом Святым и огнем* (Мф. 3, 11).

П. Таким образом, и заблуждение на этот счет мы будем считать в ряду идолослужения?

К. Непременно так. Ибо это есть дело полного безбожия. Наряду с ним по справедливости может быть поставлено и к нему причислено мнение, будто человеческие дела управляются мановением каких-то существ и будто над тем, что от нас зависит, не мы сами имеем власть, а те, кого захотели измыслить изобретатели столь невероятных учений. Так, поставив, не знаю каким образом, Судьбу, Счастие и Рождение[1] как бы управлять рулем в корабле жизни, они говорят, что никто из нас не есть распорядитель или господин своих действий, а ведется, как бы узами необходимости, к тому, что угодно властвующим над ним. Что могло быть когда-либо неразумнее этого? И чем сатана мог бы нанести большую обиду роду человеческому, как не расположивши его к тому, что так и следует думать и рассуждать? Как же в таком случае человеку пожелать доброго и направиться к нему по собственной воле? Да и предавшийся постыднейшим делам и обращающий помыслы к тому, на что не должно, каким образом мог бы признавать себя виновным, а удрученный скорбями переме-

---

[1] Под именем γένεσις, которое у латинского переводчика передается словом «ortus», разумеется особое представление судьбы, определяющей участь человека при рождении, которая, так сказать, на роду человека написана. Затем представление это было поставлено на более практическую почву и под именем γενεαλόγια (родословие) вводилось с определением человеческой судьбы при рождении и с гаданием о будущности человека по гороскопу. Против этого суеверия вооружался св. Златоуст, доказывая несовместимость представления о γένεσις с признанием свободной воли (Hom. 1 in 1 Timoth.). Исидор Пелусиот опровергает ту же доктрину в особом письме κατὰ τῶν λεγόντων, ἔιναι γένεσιν εἵ τοι εἱμαρμένην ἢ τὴν λεγομένην τύκην (Patr. curs. compl. t. 78. p. 748 et 833). Свод цитат, относящихся к этому термину, см.: Dugange Glossar sub. h. voc. Sviceri Thesavr. I p. 750. Максим Грек убеждал

нить намерение, решившись мыслить и делать лучшее? Ибо как переправляющимся чрез море и решившимся переплыть его совершенно необходимо водиться дующими от кормы корабля ветрами и подчиняться их силе всюду, куда они ни направят его: так точно и нам необходимо уступать, куда бы ни захотели перенести нас случай и неизбежные, по их мнению, ветры Судьбы. Не признаешь ли ты, что это сказано верно?

П. Как же не признать?

К. А если так, то совершенно неразумно доброго и честного венчать похвалами и удостаивать почести, злого же и невоздержного считать гнусным и презренным.

П. Каким образом утверждаешь ты это?

К. А потому, Палладий, что, по их мнению, рождение и случай властвуют над всем и приводят несчастнейший из всего, что есть на земле, род человеческий, помимо его воли, к тому или другому, т. е. к добру или злу. Добровольного же у нас нет ничего. Ибо способное и могущее привести что-либо в движение разве не есть причина движения для движимого им?

П. Согласен.

К. Перейди теперь, путем тех же соображений, к делам человеческим и взвесь относящееся к нам, и ты очень хорошо увидишь, как были бы мы несчастны, если бы следовали и направлялись туда или сюда не по своим собственным свободным движениям, но находились под властию и, так сказать, несли иго других, имеющих силу направлять и вести наши дела так, как бы им пожелалось. В таком случае, и мысля надлежащим образом, мы к себе самим не отнесем ничего из сделанного, а напротив, вину во всем возложим на тех, которые

«рождению не внимати, глаголю же. астрологическому угаданию». Самое происхождение этого названия он объясняет следующим образом «рождением у нас, греков (т. е. средневековых византийцев), принято называть то, что еллины (т. е древние греки) называют *имармения* (εἱμαρμένη), а латиняне — *фатум* и *фортуна* (Соч Макс. Грека в рус пер., ч. I. с. 370–371). В 61-м правиле Трулльского Собора подвергаются эпитимии «произносящие гадания о щастии, о судьбе, о родословии (γενεαλόγια)». В связь с этим поверьем следует поставить и известное место из вопросов Кирика. «а еже в роду и рожанице кроют хлебы, и сыры и мед».

правят кормилом всего по своей воле. Таким образом, как праведник устранится от всякой похвалы, так и неправедник от кары и должного наказания.

П. Ты рассуждаешь весьма правильно.

К. Поэтому напрасно удивляются изобретатели этих учений афинянину Солону, Дракону и Ликургу, как вводителям прекрасных правил и изобретателям превосходных законов для эллинов. Ибо какая от этого польза, если ничего нет у нас своего, а напротив все наше зависит от других? В равном или по крайней мере подобном положении с знающим законы будет и не знающий их, если желающим невозможно делать свободно то, на что они решились. Я признаю даже, что составители законов самые несправедливые люди, хотя и стяжали себе великую славу справедливости. Ибо они узаконили, не знаю, на каком основании, чтобы беспечные были караемы и подвергаемы жестоким наказаниям за преступление закона, и в то же время, как бы юношам, передали им правила и достохвальнейшие уроки поведения, потому ли, что от нас самих зависит избрать честный род жизни, или не знаю, на основании каких-нибудь других соображений. В таком случае, я думаю, кто-нибудь мог бы сказать: хорошо ты, Солон, законодательствовал для людей своего времени, но во всяком случае должно было бы при этом убедить Судьбу дозволить тем, для кого назначен закон, мыслить и делать то, чего бы они хотели; а ты законодательствовал, не убедивши; впрочем, может быть, и сам ты смеялся над этою баснею (о судьбе) и, зная, что мы сами распорядители своих действий, устранял несправедливый и слепой случай от участия в делах человеческих. Или ты не думал, что самым лучшим гражданином должно считать человека благочестивого и блюстителя законов, достигшего высшей славы в благоповедении, а наоборот негодным и принадлежащим к числу позорнейших — того, кто законам, советующим идти правым путем, говорит: прощайте?

П. Ты сказал превосходно и как нельзя лучше.

К. Что же, друг мой, не назовем ли мы бесполезными наставления, внушения и возбуждения к добродетели, которые делают родители детям, а учители ученикам, если мы принуждены совершить путь не по воле и идти стезею жизни недобровольно?

П. И очень.

К. А если бы кто, раздраженный против собственных детей или против чужих каких-либо провинившихся, подверг их справедливому наказанию, похвалил ли бы ты сам такового или счел его поступившим несправедливо за то, что он виновникам всех наших зол попускáет оставаться, не знаю почему, безнаказанными, а тех, которые приведены к тому невольно и по необходимости, подвергает наказаниям?

П. Справедливо говоришь: речь твоя имеет много убедительности.

К. А что такое их мнение исполнено крайнего нечестия, это ты узнаешь из следующего: отнимая у Бога, как бы у кормчего и правителя вселенной, присущую Ему славу и доходя даже до такой дерзости, что осмеливаются совсем отчуждать от Него Его собственные достоинства, они по собственному решению передают власть над нашими действиями тому, кто им просто на ум придет, хотя и видят, что вся тварь приводится к своим целям движениями, не лишенными управления. В самом деле, что из происходящего в творении совершается не в порядке? Что из существующего не соблюдает своего чина и только что не провозглашает голосом о Виновнике порядка, не вопиет о том, что оно подчинено законам и управляется мановением имеющего силу властвовать, то есть Бога? Поэтому и божественный Павел говорит: *невидимая бо Его от создания мира творенми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти им безответным: занеже разумевши Бога, не яко Бога прославиша, но осуетишася, и омрачися неразумное их сердце. Глаголющеся быти мудри, объюродеша* (Рим. 1, 20–22). И как не сказать: *объюродиша* о тех, которые и сами для себя решили и другим советуют думать нечто совершенно противоположное справедливости? Но, пожалуй, кто-либо скажет: зачем носиться с столь жалкими рассуждениями, когда самим же вашим поэтам не нравится эта басня? Ибо им казалось правильным распоряжение нашими действиями поставить в зависимость не от кого-либо другого, как от нас самих. Так и Гомер в своих поэмах сказал, что всесовершеннейший и верховный ваш Зевс обратился к другим богам с следующею речью о прелюбодеянии Эгиста и о наказании за оное.

«Странно, как смертные люди за все нас богов обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
«Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством.»[1]

За что, говорит он, некоторые обвиняют богов, будто бы от них происходит зло, а не жалуются, напротив, на свою собственную греховность, которая повергает их в несчастия — и притом помимо рока, то есть помимо Судьбы или изволения Судьбы? Итак, если кто решится правильно жить и вести занятия в жизни самые благонамеренные и пристойные, тот пойдет правым путем и избежит опасностей, а плодом своего правого и неуклонного намерения будет иметь то, что не подпадет под власть зла. И это истинное слово; потому что от нас самих зависит обращать взор на то или другое, то есть на доброе или противоположное ему; а потому те, которые считают важным то, что удивительно по природе, и стезю, ведущую к правоте, получат блага добродетели; уклоняющиеся же в противную сторону и неправду предпочитающие лучшему, как растлевающие собственную жизнь, будут уловлены и изобличены подобно самоубийцам и преступным губителям собственной жизни. А что от нас самих зависит обращать взор на то или другое, как я сейчас сказал, и что, гоняясь за удовольствиями, мы сбиваемся с пути в поисках за полезным, это может быть ясно из того, что провозглашает их же поэт, именно Еврипид. Он выводит на сцену женщину, страдающую необузданным сладострастием, а затем, не знаю, каким образом, представил ее рассуждающею и говорящею так:

«Жены Тризенские, обитающие в этом крайнем преддверии страны Пелопсовой![2] Некогда ночью я долгое время обдумывала, отчего испорчена жизнь смертных. И, мне кажется, они делают злое не по природе своей воли, ибо есть много благомыслящих, но вот как об этом следует думать: мы понимаем и знаем, что полезно, но избегаем труда, одни по лености, другие вследствие предпочтения прекрасному того или другого удовольствия. Есть много удовольствий в жизни: продолжительная

---

[1] Одиссея, 1, 32–34

[2] Тризена, или Посидония, также Дамала, в древности была одним из значительнейших городов Арголиды. Она лежала на восточной окраине последней неподалеку от Саронического залива и потому естественно могла быть названа преддверием страны Пелопсовой (Пелопоннеса) со стороны Миртового моря

болтовня и праздность, приятное зло»[1]. Понимаешь ли, что и по мнению отдаленной древности обвинять нужно не Случай, не Рождение, не Судьбу, как будто насильно уклоняющих нас от познанной нами правоты и от того, что мы узнали, как полезное? Ибо сказано, что «испорчена жизнь смертных не по природе воли», то есть не потому, что они имеют злую по природе волю, но потому, что не хотят трудиться для достижения того, что полезно. И какой предлог к этому? Или леность, как сказано, сковала их до бездействия, или какое-либо из удовольствий жизни, сказано далее, привзошедшее и противоборствующее полезному, отклонило их от поисков за необходимым и отвлекло ум в виду более легкого пути к беспечности. Мы могли бы без всякого затруднения присоединить к этому и бесчисленное множество свидетельств из их писателей. Но кто усумнится, что приятно для слушателей то, что в меру? Поэтому удалим все излишнее в речи.

П. Ты сказал правильно. Но если хочешь, как говорится, оставь это. Теперь же поразмысли о том, что следовало бы сказать в защиту, если бы кто спросил: какое можно представить разумное основание неравенства повышения между нами и понижения не по достоинству. Ибо всякий может видеть и злого благоденствующим и богатеющим и часто, наоборот, человека честного и достойного высших похвал — находящимся в положении, противоположном сему.

К. Это дело, Палладий, поистине неудобопонятное и малодоступное, и желание разъяснить его я счел бы превышающим и превосходящим меру сил человечества. Необходимо предоставить все судам Божиим, и если мы захотим мыслить правильно, то, приписав одному только высочайшему и чистому уму, и ему только, знание домостроительства, направимся к тому, что в наших руках, да и это *обретаем с трудом*, по словам Писания (Прем. 9, 16). Но так как, я думаю, нам должно по мере возможности защитить это положение и доводами разума, то, пожалуй, и к нему приступим. Немного выше мы изобличали пустое мнение безбожников, пользуясь не умозаключениями, не относящимися к спорному вопросу, но из необходимых соображений показав, что рулем мыслей человека управляет не Рождение и на нас не возложено суровое и неизбежное иго Судьбы,

---

[1] Это слова Федры из трагедии Еврипида «Ипполит венценосец», ст. 366–377

но что воля каждого есть властительница избираемых для совершения действий и от нас самих зависит выбор делать что угодно: доброе или злое. Если бы я мог перечислять разные способы благоденствия сообразно тому, что принимается за благо в Священном Писании, то такими благами оказались бы не те, которыми наслаждается эта нечистая и земная плоть, но те, посредством которых можно было бы душе, высшей тела, содеяться причастницею жизни вечной. Таковы, я думаю, суть: попечения о добродетели и чистота в вере и делах. А если желающим жить целомудренно не удается это, будут ли некоторые хорошего нрава или дурного, — тогда пусть выступят на средину обличители. Если же несмотря на то, что от выбора зависит свободно направлять свою деятельность, кто к чему хочет, и для всех есть возможность быть духовно счастливым и наравне с другими становиться участником высшей славы, а между тем некоторые страдают корыстолюбием, имея преимущества в богатстве или мирской славе, то это не должно приводить нас к каким-либо безбожным и противным истинному знанию мнениям, напр. думать, что на дела наши наложено иго Судьбы и Случая. Но пусть обвиняют, если кому угодно, любостяжание богачей, которые благо, общее всем, сделали своим собственным, если не было у них в виду основательной причины к приобретению. Лучше же пусть исследуют волю Творца; ибо Он, желая, чтобы принадлежащее нам было распределяемо и наблюдаемо в равном порядке, богатым повелевает продавать собранное богатство и разделять на нужды бедных и не дозволяет любить славу и предпочтение. А что Бог распределяет все в равной мере между живущими на земле, это нетрудно видеть и из самого устройства нашего тела. Ибо природа не знает ни бедного, ни богатого, ни неблагородного, ни знаменитого, ни благородного, ни отверженного, ни украшенного славою в сей жизни; но проявляется во всех одинаково без лицеприятия и одними и теми же членами тела наделяет каждого, приводя их в соответствующий вид и красоту. И один для всех существует путь к рождению, точно так же, как одно и оставление жизни; не освобождает от уз одного, а другого как бы удерживает в них, но все сотворенное приводит к одному суровому и неизбежному концу. Итак, скажи мне, разве еще не ясно, даже более того — разве не очевидно для всякого, что намерение Божественной воли состоит в том, чтобы находящиеся на земле жили в равных

условиях? Послушай же, если угодно, что говорит Он чрез одного из пророков: *не Бог ли един созда нас? Не Отец ли един всем нам? Что яко остависте кийждо брата своего?* (Мал. 2, 10.) Итак, если некоторые, имея свободное стремление делать то, на что решились (ибо Творец почтил естество свободою), нарушают волю Творца, то это нисколько не относится к делу, так как некоторые презирают и наши законы. Но никто, думаю я, если только он владеет умом, не стал бы порицать за это законодателей, а скорее обвинит, и вполне справедливо, тех, которые решились презирать необходимое. А потому, когда некоторые, сделав проступок, скажут: вероятно так угодно Случаю, и: таково было намерение Судьбы в отношении меня, тогда и с нашей стороны будет сказано им: что за болтовня? Зачем вы обвиняете несуществующее, не сознаваясь в собственном своем легкомыслии? Но пусть само Божественное Писание провозгласит истину не пожелавшим идти правым путем: *неразумие мужа погубляет пути его, и Бога виновна творит в сердце своем* (Притч. 19, 3). Итак, подлинно погрешали против истинного мнения те, которые поставили распорядителями над нашими делами Рождение, Судьбу и удобоподвижный Случай вместо того, чтобы к Богу относить управление делами; так как Христос говорит: *не две ли птицы ценятся единым ассарием? И ни едина от них падет на земли, без Отца вашего*, Который на небесах: *вам же власи главнии изочтени суть. Не убойтеся убо: множех птиц лучши есте вы* (Мф. 10, 29–31). Но хотя Творец промышляет о живущих на земле, однако же попускает каждому и делать, что ему угодно, и идти путем, каким кто желает. Когда же род земной как бы какою болезнию объят был превратным направлением, тогда Он тотчас же дал ему в помощь закон, согласно написанному (Гал. 3, 19; Рим. 3, 20). Итак, всякому, воспринявшему веру во Христа и оставившему древнее оное заблуждение, опасно, увлекаясь старушечьими баснями, преклоняться к тому, к чему не должно, и удаляться от здравого мнения, думая, что все вообще, а также и человек управляется вовсе не существующими Случаем и Судьбою.

П. Весьма опасно. Ибо таковой всенепременно возбудит против себя гнев Судии.

К. А в таком случае не сочтешь ли ты делом постыднейшим и как нельзя более близким к такого же рода заблужде-

нию наблюдения дней и часов, и времен, и годов, также увеличения и ущерба лунного круга?

П. Даже очень. И божественный Павел весьма ясно ставит это дело в вину спасенным из язычников, когда говорит: *но тогда убо не ведуще Бога, служисте не по естеству сущим богом: ныне же познавше Бога, паче же познани бывше от Бога, како возвращаетеся паки на немощныя и худыя стихии, им же паки свыше* (снова) *служити хощете? Дни смотряете и месяцы и лета и времена. Боюся о вас, еда како всуе трудихся в вас* (Гал. 4, 8–11).

К. Итак, наблюдение часов и дней, я прибавил бы, и времен, совершенно неприлично тем, которые получили хотя некоторое познание о едином и по естеству Боге, а особенно тем, которые познаны Им чрез веру и призваны в духовную близость с Ним по благодати: ибо на прежнее возвращается тот, кто, оставивши похваление свое во Христе, решился поступать так и уже не сохранил своего ума свободолюбивым, а напротив, неразумно идет под ярмо древнего заблуждения, усвояя стихиям мира ту честь, которую должен бы иметь Бог, и венчая высшими похвалами то, что само вызвано к бытию мановением Сотворившего. Стихиями же мира Апостол называет времена и месяцы и их измерения, совершаемые посредством часов и дней, как бы основные элементы всего существующего. Ибо непрерывное и имеющее вечнотекущее движение вперед время Бог подчинил мерам и числам времен, часов и дней, как бы каким перерывам и возвращениям назад, потому что нужно было, чтобы у имеющего небезначальное появление к бытию, пока оно не достигнет конца своей жизни, и время было таковое же, то есть начинающееся и прекращающееся и сообщающее тому, что не всегда существует, свойственную ему природу. Поэтому, если посредством времен, часов и дней ничего другого не привносится к существующему на земле кроме одного только круговращения и точного измерения, то зачем же некоторые измышляют такие басни, о которых и подумать смешно? Почему одни из часов называют благодетельными, другие же не такими, наблюдают их самым тщательным образом, приписывая им возможность приносить благополучие и противное ему тем, которым они, вероятно, желали бы или которым необходимо было, чтобы так случилось? Итак, не есть ли все это пустая

выдумка и ужасное умоповреждение, какая-то диавольская западня, злодейски хитро устроенная?

П. Соглашаюсь; да это и само собою ясно.

К. Как раньше говорили мы, что эти люди убеждали нас относить наши собственные действия к судьбе и случаю и к посторонним мановениям, представляя напрасным наше старание и отклоняя от попечения о самих себе: так и теперь, изготовляя нам то же заблуждение, они говорят, что живущие на земле подвержены как бы игу необходимости, влиянию дней и часов, имеющему неизбежный исход; но что особенно странно (ибо такие сказки приличны лишь старухам), видя, что за этим вздором следуют бесчисленные неудачи, они не предоставляют опыту возможность вывести наружу обман, но, обвиняя в дурном качестве часы и дни, прилагая то же суждение и к ущерблениям лунного круга, они готовы говорить, что угодно. Итак, если бы кто вздумал сосчитать и поименовать в один и тот же час и день одних находящихся в благоденствии, других же постигнутых крайними несчастиями (хотя по природе злое для всякого и всегда было бы таково, каким оно прирождено), — если, таким образом, есть час и заря, вредные для живущих на земле, почему же в этом случае не для всех равно происходит от них вред, но одни находятся в самом вожделенном состоянии, другие же погибают и удручены несчастиями до крайней степени, становятся притчею в жизни и предметом для трагической сцены? Впрочем, желающим со всею точностию узнать наиболее полезное и потрудиться над ним легко можно увидеть, что в один и тот же день, а может быть и час, один бывает пойман в прелюбодеянии или убийстве и подвергается жестоким наказаниям у судей, другой же, наоборот, принимает похвалы за благоразумие, пристойность и чрезвычайную честность. Но ни развратному день и час не воспрепятствовали бы быть благоразумным, ни честного и пристойного не побудили бы к непристойности и необузданным удовольствиям; напротив, свободно направляющая к тому или другому воля и ее нестесняемое устремление — одного приводит в такое, другого же в иное состояние. Итак, от нас, а не от естественных свойств времени зависит быть в хорошем или дурном расположении духа.

П. Так; кажется потому, что рассуждение правильно.

К. Более же всего они боятся пятого и осьмого дня и на них сваливают вину в грехах, но ни от кого из здравомыслящих не укроется, что они объяты пустыми и суеверными мыслями; и не краснеют несчастные, неразумно приплетая к ним (дням и часам) бытие каких-то Эриний[1], появление демонов, более лютых, чем другие, кары и наказания и еще нечто другое. Если же круг луны, полный перед тем, начинает идти к ущербу (ибо в таком порядке по воле мудрого устроителя она совершает круговращение, в течение месяца уменьшаясь и возрастая), то они останавливают всякое дело и откладывают отправление в путь, думая, что и относящееся до нас непременно терпит ущерб вместе с этой планетою и что с ее поворотом к ущербу и человеческие дела приходят в упадок. И если нужно что-либо сказать в насмешку над подобным неразумием, так разве то, что эти люди питают страх, свойственный моллюскам и самым простым[2] овощам. Ибо, может быть, такие тела, и даже большие и превосходнейшие, по природе должны испытывать сочувствие (лунным кругообращениям); каким способом это происходит, о том знает Творец; потому что опасно в таких предметах исследование и небесполезно отсутствие любопытства: но что касается до человеческого духа, то такое свойство (сочувствие круговращениям луны) далеко отстоит от него. Если и подвергается ущербу эта планета, но благоразумный и благопристойный будет все таким же, и ни ум его не будет клониться к ущербу вместе с блеском луны, ни свойство действий не изменится оттого к худшему или лучшему, как будто вынужденное силою небесного тела. А потому совершителей прекраснейших действий всегда сопровождает приобретение всякого блага, а делателей зла то, что им более всего прилично. Удивляюсь я тому, что когда луна ущербляется и месяц доходит до конца, то у ростовщиков и очень сребролюбивых людей прибытки увеличиваются и кошельки отдающих деньги в рост делаются туже, между тем другие дела, не знаю, почему, истощаются вместе с планетою и умаляются. Не скажешь ли ты, что во всем этом весьма много смешного и неразумного?

---

[1] Эринниями у греков назывались богини-мстительницы.

[2] В настоящем случае мы следуем кодексу de Harlay, в котором поставлено εὐτελεστάτοις, вместо обыкновенного чтения ἀτυχεστάτοις – самым несчастным

П. Совершенно так.

К. Противопоставлять длинные рассуждения предположениям столь нелепым было бы, я думаю, напрасно, потому что они сами по себе страдают безобразием, хотя бы никто не говорил об этом. Перейдем же теперь лучше к другому.

П. К чему?

К. Мне кажется, что сатана гнушается пятым и осьмым днем и возвращением луны от полного света, или временем сближения[1], то есть четырнадцатым днем (луны), по следующей причине (хотя он, будучи весьма коварен и искусен в обмане, связывает с ними другие предлоги): ему, вероятно, нестерпимо даже и в мысли иметь те времена или дни, в которые ускользнула от него тирания над нами, когда воссиял нам Единородный в человеческом образе и в подобном нашему виде.

П. Каким образом утверждаешь ты это?

К. Не считается ли у нас, Палладий, пятым время пришествия Спасителя нашего?

П. Понимаю, о чем ты говоришь, из евангельской притчи (Мф. 20, 1–6). Ибо Христос сказал, что нанимавший делателей в виноградник выходил около часа первого, и третьего, и шестого, и девятого и наконец одиннадцатого, то есть в последнее время, в которое Он явился и воссиял нам.

К. Весьма разумно ты сказал и очень правильно. Что же? Разве мы не утверждаем, что в пятый день по субботе Он был предан и как бы положил начало всего домостроительства, чрез которое все мы спасены, когда ради нас Вочеловечившийся претерпел за нас спасительный крест?

П. И очень.

К. А упразднил смерть и снова ожил, расхитив ад, не в восьмой ли день, то есть *во едину от суббот?* (Мф. 28, 1; Мк. 16, 2.)

П. Несомненно.

К. Так и древний закон обрезание во плоти – как некоторое предызображение обрезания в духе и истине (Рим. 2, 29; Кол. 2, 11–12), – установил совершать в восьмой день (Быт. 21, 4). Превосходнейшее же оного древнего обрезание, то есть обрезание в духе, есть причастие Святого Духа и изначальная

[1] Τῆς συνόδου. Разумеется сближение луны с солнцем. От новолуния до полнолуния луна удаляется от солнца. Тотчас после полнолуния начинается вместе с ущербом сближение луны с солнцем.

благодать, которую опять возобновил нам Христос, когда, восстав из мертвых, сказал: *приимите Дух Свят* (Ин. 20, 22). Сказал же где-то и блаженный Павел, что *Пасха наша пожрен бысть Христос* (1 Кор. 5, 7). А день этого спасительного и многожеланного заклания есть четырнадцатый по лунному течению. Так и закон ясно предвозвещал время заклания Спасителя нашего, которое, говорим мы, Он претерпел за жизнь мира. Ибо в *десятый* (день) *месяца* первого, как сказано, пусть возьмут себе *овча по домом, по числу*, сказано, душ соберут. *И будет соблюдено до четвертагонадесять дне месяца сего: и заколют то все множество сынов Израилевых к вечеру* (Исх. 12, 3–6). Слышишь ли, что жертва, взятая от дня десятого, сохраняема была древними до четырнадцатого, чтобы ты уразумел пятое время, в которое соделавшийся человеком подъял за нас смерть, когда начался уже ущерб луны, которая поставлена *в начала нощи?* (Быт. 1, 16.) И это дело имеет таинственный смысл и, кажется, тонко намекает на обратный ход власти диавола и постепенное как бы ниспадение его к бессилию и совершенной немощи. Он имеет как бы своим образом луну: ибо и он начальствует над ночью, то есть над теми, которые находятся во тьме и еще дремлют и не имеют света богопознания; а что богодухновенному Писанию обычно уподоблять стадо заблуждающихся ночи, об этом послушай, что говорит Владыка всех иудеям, когда Иерусалим возвратился к идолослужению: *нощи уподобих матерь твою: уподобишася людие Мои аки не имуще умения* (Ос. 4, 5–6). Не ясно ли тебе, что ночью называет он не имеющих познания об истинном и по естеству Божестве? Поэтому враг всех возненавидел времена и дни, в которые он погиб, мы же спасены. И ненавидящий оные вместе с ним получит часть его и жребий его, то есть непрекращающееся наказание.

П. Таким образом, и это мы поместим в разряд подлинно нечестивого и богоненавистного идолослужения, так же, как и пустые выдумки о так называемом Рождении.

К. Знай, что это так именно, как и показало самое исследование дела. Сверх того должно весьма опасаться привязанности к бесполезным наблюдениям над полетом птиц, нашептываниям и заклинаниям: так как некоторые из эллинов впали в такое легкомыслие, что стали думать, будто знание относящихся до нас обстоятельств содержится даже в летящих по воздуху

птицах. Поэтому они исследуют полеты к востоку и западу, направо и налево, и если покажется где-либо каркающая ворона, то, подставивши ухо, внимательно слушают, как будто что-нибудь весьма истинное, и возвращаются с радостию; и нисколько не стыдятся эти жалкие люди, усвояя птицам силу столь важного прорицания. При этом измышляется ими и такого рода твердое, как они сами думают, основание, будто бы чрез них (птиц) дают откровение боги. Мы же не называем богами отпадших ангелов, чрез которых поставляются для вас такого рода добрые и досточудные пророки и знатоки будущего, как каркающая ворона и быстрокрылый ястреб, и темножелтые голуби, по словам эллинов, и другие роды птиц, — пророки, достойные тех, которые внушают им щебетанье, для вас предназначенное. Счастливы же и достойны соревнования вы, получившие таковых истолкователей воли богов! Как видно, забыли вы, хотя и удивляетесь мнениям ваших поэтов, что и им это дело представлялось смешным, что и они считали его вздорным и бесполезным. Ибо Гомер говорит: «друг мой, оставь птиц, летят ли они направо к востоку и солнцу, или налево, к темному западу»[1].

Также и Эврипид ясно и наглядно определяет тщету наблюдения за полетом птиц. Он говорит, что Тезей воспылал гневом на своего сына Ипполита и пытался даже изгнать его из отечества. И когда этот сказал:

«Неужели ты, не приняв в соображение ни клятвы, ни веры, ни изречений прорицателей, без суда извергаешь меня из отечества?»

Тезей на это отвечал:

«Эта запись, не имеющая никакого признака прорицания, наверное обвиняет тебя; птицам же, летающим над головою, я желаю сказать: прощайте»[2]. Пусть голос Божий будет достоин внимания и вера превосходнее написанного в записи, потому

---

[1] Илиада, XII, 239–240. Это слова Гектора, обращенные к Полидаманту, когда последний, во время одной из вылазок троянцев, увещевал Гектора прекратить бой, считая дурным предзнаменованием появление орла, который держал в когтях дракона, но, будучи укушен им, выпустил его.

[2] Вся цитата заимствована из Эврипидова: «Ипполит венценосец», ст. 1055–1059.

что нам не чуждо говорить и ложь, тогда как Богу свойственно ни в чем не погрешать и Ему всего более любезна истина. Но Тезей без сомнения знал, что летающие над головою птицы совершенно ничего не значат. Итак, демонам не должно приписывать знания будущего, напротив, предоставим это знание Богу, как принадлежащее Ему по преимуществу. Гадания же по птицам будут после того обманом, а вера в них очевидным изобличением нетвердости рассудка. И самый закон говорит где-то: *не вражите* (Лев. 19, 26)[1], зная, что это дело гнусное и всего более ненавистное владычествующему над всем Богу.

П. И мне также кажется, что это так.

К. А затем заклинание и нашептывание, это скрытное и старухам приличное занятие — также может быть признано частию и видом волшебства. В этом смысле и божественный Моисей разъяснил нам вышние законы, постоянно сопоставляя эти заблуждения и полагая заклинание как бы в братстве и родственном союзе с отравлением, говоря: да не будет между вами *волхвуя волхвованием, и чаруяй, и птицеволшебствуяй, чародей обавая утробоволхвуяй и знаменосмотритель, и вопрошаяй мертвых* (Втор. 18, 10–11). И хотя заклинание весьма гнусно и дурно, но некоторые, не знаю, почему, благоговеют пред ним, говоря, что упражняющиеся в таких занятиях, совершая заклинания над заболевшими, произносят имя Господа Саваофа, и этим стараются утвердить, что занятие сие непредосудительно. Таким-то пустым и слабым соображением они, как видно, увлекаются к заблуждению и помрачению ума; это-то и есть наиболее тягостное в сем деле. Ибо словами: Господь Саваоф мы взываем к Богу всяческих, намереваясь славословить Его, и не допускаем усвоять это название ничему другому из существующего, потому что один и только один есть Господь сил. Они же столь преестественное и преславное наименование или славословие легкомысленно придают кому захотят из забавляющихся вместе с ними демонов, и исполнителям мнимого их чудодейства воздают славу, приличествующую единому Богу, обольщая и обольщаемые и, в возмездие за содействие в чем вздумается, платя чрезмерностию столь ужасного нечестия. Ибо рать демонов всегда является богоборствующею и весьма славолюбивою. Поэтому

[1] Точнее: не гадайте по птицам — οὐκ οἰωνιεῖσθε.

нам не должно увлекаться их коварными советами, а как можно далее уходить от них и не внимать лукавым врачам или чудодеям, демонам, требующим от нас как бы какой награды за доставленное нам увеселение нелепыми речами. Ты же, если имеешь недуг в какой-либо части тела и истинно веришь, что слова: Господь Саваоф и подобные названия, которые Божественное Писание усвояет Богу по естеству, будут для тебя целительными от болезни, тогда, молясь сам за себя, возглашай эти слова, и ты лучше, нежели они, поступишь, воздавая славу Богу, а не нечистым духам. Напомню и Божественное Писание, которое говорит: *болит ли кто в вас, да призовет пресвитеры церковныя и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем, во имя Господне. И молитва веры спасет болящаго, и воздвигнет его Господь: и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему* (Иак. 5, 14–15).

П. Итак, гадание по птицам, а также заклинание да будет поставлено, если угодно, наряду с тем, что осуждено законом и что у Бога считается самым постыдным и гнусным делом.

К. И очень. Я прибавил бы к этому, что мы и другими способами можем оскорблять Бога, что повинен и ответствен в нечестии против Него тот, кто решился дать ложную клятву и произнести какое-либо злословие или что-нибудь неподобное о превосходящей все высочайшей славе. Первое (ложная клятва) подвергает виновного крайнему гневу и невыносимому наказанию, так как серп, как написано, истребляет жилище дающего ложную клятву и потрясает его до основания. *Внидет,* — сказано, — (серп) *в дом татя, и в дом кленущагося именем моим во лжу, и вселится посреде дому его, и скончает его, и древа его, и камение его* (Зах. 5, 4). А второе (богохульство) влечет за собою смерть и наказание, превышающее всякое зло. Поэтому должно клясться *не во лжу*, лучше же и совсем не клясться; ибо так научил нас Спаситель, говоря: *буди* (слово) *ваше: ей, ей, ни, ни; лишше же сего от* диавола *есть* (Мф. 5, 37); потому что нет никакой нужды в клятве для людей, признаваемых честными и сделавших добродетель как бы сожительницею себе; ибо жизнь таковых весьма чтится у любителей благочестия и недоверие им ненавистно. И если бы что сказано было ими, то тотчас же удостаивается доверия слушателей. Поэтому пусть наша жизнь пользуется доброю славою, и тогда совершенно прекратится, как я думаю, и надобность в

клятве. Если же когда-либо и окажется надобность, так как иногда и подобающую святым честь некоторые уничижают, то пусть свидетелем клятвы будет Бог и да не привносится иное какое-либо имя. Так некоторые, неосмотрительно поддаваясь необузданному легкомыслию, безразлично употребляют слова: клянусь небом, или справедливостию, клянусь Адрастиею[1], клянусь светом, клянусь светильником. Набирая к этому и другое, что только им вздумается, они, может быть, полагают, что поступают благочестиво, когда отстраняют Божественное имя и славою, приличествующею Богу, украшают то, что призвано к бытию Его мановением. Такого рода заблуждением, как увидим, по временам болели израильтяне. Всем известно, что они воздвигли в Иерусалиме храм Богу, но, много думая об этом и будучи уверены, что стяжали себе похвалу за благочестие и достигли наивысшей славы, они оказались беззаботно пренебрегшими то, что было заповедано им премудрым Моисеем. Но что дело то (постройка храма) не служит им к прославлению и что Бог не удовлетворяется постройками из камней, этому Он учит, говоря: *небо престол Мой, земля же подножие ног Моих: кий дом созиждите Ми?* — или: *кое место покоища Моего? глаголет Господь* (Ис. 66, 1, 2). Бог все наполняет; Он покоится на небе, но простирается и на землю; потому что Божество не подлежит количеству, но далеко как от телесного образа, так и от ограничения местом, и от количественного представления. Иудеи же, услышав, как Он однажды сказал: *небо престол Мой, земля же подножие ног Моих,* — и пришедши к неверным мыслям, делали свидетелем клятвы небо, называя его Божественным престолом, подобным же образом и землю, как лежащую под ногами Божиими, а также и Иерусалим; ибо, говорили они, это город владычествующего над всем Бога; между тем древние святые употребляли при клятве слова *жив Господь* (напр. Суд. 8, 19; Руфь. 3, 13; 1 Цар. 14, 45 и др). Но это весьма неразумное рассуждение иудеев изобличил в лживости Спаситель, говоря, что не должно клясться *ни небом, яко престол есть Божий: ни землею, яко подножие есть ногама Его: ни Иерусалимом, яко град есть великаго царя* (Мф. 5, 34–35). Таким образом то, что они говорили пустословя, Спаси-

---

[1] Αδράστεια — α+δράω - чего нельзя избежать — эпитет судьбы, первоначально означало имя фригийской богини Реи-Цибелы, а позднее отождествлялось с именем Немезиды, богини неизбежного мщения.

тель провозгласил на пользу им, обличая вполне измышленную и не знаю откуда появившуюся эту их набожность. Итак, да удалится и это заблуждение. Ибо мы научены при употреблении клятвы не упоминать никогда ничего другого, для верности же прочной и надежной употреблять слова: «да, да» и «нет, нет». *И* в законе сказано: если отданное кому-либо на сбережение *погибнет*, отдавший же потребует уверения в этом, то *клятва да будет Божия между обоими* (Исх. 22, 10–11). *И человецы большим кленутся* (Евр. 6, 16), как сказал нам мудрый Павел. Большим же человека, рассуждая правильно, мы называем не то, что превосходит нас величиною или разумом и мудростию и славою, но то, что таково по существу.

П. Не понимаю, что говоришь.

К. А между тем, Палладий, сказанное, как мне кажется, *ясно и очевидно*. Разве не утверждаем мы, что многое из сотворенного, и, между прочим, небо, несравненно превосходнее по своей величине, нежели человеческие тела?

П. Конечно.

К. Разумом же и мудростию и тонкостию тел не превосходят ли (человека) Ангелы?

П. Превосходят, но также и честию.

К. По светлости же и славе, разумеется, в отношении к телу, не несравненно ли лучше естество солнца?

П. Лучше.

К. Итак, несомненно, что каждое из поименованных существ по справедливости имеет пред нами преимущество в том, в чем ему естественно превосходить нас. Но неужели поэтому мы станем делать их свидетелями клятвы, минуя, как излишнее, призывание Бога?

П. Никаким образом.

К. Итак, стало быть, и большим человека следует назвать существо, превосходнейшее по природе и всем бытием своим отличное от сотворенного, то есть Бога.

П. Ты хорошо говоришь.

К. Поэтому для решившихся вести совершенную жизнь пусть слова: «да» и «нет» — заменят употребление и силу клятвы и пусть получают они надлежащую твердость: тогда последует за ними и доверие. А если бы кто не уважил слов: «да» и «нет», тогда при употреблении клятвы уже должно обратиться к существу большему, нежели мы и даже вся тварь. — Что же те-

перь сказать о злословии (богохульстве), в чем оно состоит и до какого несчастия доводит употребляющих его? За него и древний закон положил наказание горькою смертию, и Сам Христос присудил неизбежные и нескончаемые страдания: ибо *иже аще речет слово на Сына Человеческаго, отпустится ему: а иже речет на Духа Святаго, не отпустится ему, ни в сей век, ни в будущий* (Мф. 12, 32),— говорит Христос, Духом называя естество высшее тела, то есть Бога, на Которого дерзающий направить необузданный язык пожнет плоды своей несдержанности в слове. Ибо *устне безумнаго приводят его на зло,*— как написано,— *уста же его дерзостная призывают смерть* (Притч. 18, 6). Поэтому и божественный Псалмопевец говорит: *положи Господи хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих. Не уклони сердце мое в словеса лукавствия* (Пс. 140, 3–4). Под этими *словесами,* по-видимому, разумеется нечестивейшее порицание Бога, неизреченного и чистого естества.

П. Итак, без сомнения, должны быть тверды те, которые стараются беспорочно идти правым путем и не дозволяют себе оскорблять Бога.

К. Так полагаю. Ибо тем, которые приступают к Богу с сердцем не здравым, но с нерешительным и поврежденным, которое расположено болеть бессилием и непостоянством, пророк говорит: *доколе храмлете на обе плесне ваши?* Если Ваалу, так Ваалу, а если Богу, так Богу (3 Цар. 18, 21). А не быть совершенно здравым в вере и (в то же время) не желать пребывать в заблуждении, это и значит хромать на обе ноги и как в том, так и в другом случае противно искренности. Причиною же столь непрочной и легко изменяющейся воли служит, по моему мнению, то, что некоторые имеют воображаемую, а не истинную любовь к Богу, что они лицемерно хотят быть христианами, делают это не от всего сердца, не будучи убеждены уважением к истине и не почитая правое, но приступают к вере или гоняясь за своим удовольствием, или желая как бы заколдовать себя от страха опасности и жестокого напора невзгод и иметь многих других, решившихся подвизаться вместе с ними и взять на себя их заботы. Но на долю таковым выпадет крайняя скорбь и удел их между самыми отверженными; они окажутся всех менее чтимыми, самыми презренными и едва ли достигающими того, чтобы

быть удостоенными жизни, когда Бог станет испытывать сокровенное в нас; таковыми были некоторые из гаваонитян. Они прибыли некогда к Иисусу (Навину) и очень умоляли присоединить их к народу Божию; но прибегли не без коварного умысла, неспроста и не без расчетов на выгоду, — как будто из любви к Богу, но на самом деле с притворством и лукавством. Вначале они и утаились было, но когда были уличены в недостойном поступке и оказались злоумышленниками и хитроумными, то были поставлены в самых последних, став древосеками и водоносами для всего общества (Израилева — Нав. 9, 17–27). Итак, видишь, к чему приводит притворство и нежелание здравою мыслию чтить духовное общение со святыми. И действительно, некоторые иногда обманывают, не говорю Христа всеведущего, но тех, которые служат образом Его, то есть вождей народов, подобно тому как и гаваонитяне, без сомнения, обманули тогда Иисуса (Навина), служившего образом и предначертанием Христа; они приступают под прикрытием коварства, с затаенными замыслами и лукавство ума прикрывая притворством; а быв изобличены, потому что скрыться невозможно, они едва спасутся, получив последнюю участь, приличную рабам. Ибо обман есть плод несвободного расположения духа. Мы же, у которых цель — здраво мыслить о том, что относится до Бога, и которым нет заботы об остальном, будем привержены к своему Владыке и Богу всех, от чистого сердца, правою мыслию, всецелою любовию, чуждою недуга двоедушия, любовию, которая совершенно отстраняется от обычаев и мыслей эллинских и отчуждается как нельзя дальше и решительнее от того, что осуждено законом. Таким образом мы будем *совершенны пред Господем Богом,* по написанному (Втор. 18, 13), и светлы и прославлены вместе с другими святыми во Христе, чрез Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ

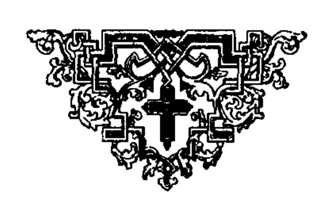
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО

КИРИЛЛА

АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

О ПОКЛОНЕНИИ И СЛУЖЕНИИ В ДУХЕ И ИСТИНЕ

ЧАСТЬ II



КНИГА СЕДЬМАЯ

О любви к братиям

Кирилл. Чрезвычайными и весьма высокими похвалами, Палладий, венчает закон первую и высшую заповедь, то есть *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всем умом твоим и всею крепостию твоею* (Втор. 6, 5; сн. Мк. 12, 30), прибавляет также: *и ближняго своего, яко сам себе* (Лев. 19, 18); притом и Сам Христос ясно говорит, что *в сию обою заповедию весь закон и пророцы висят* (Мф. 22, 40); и божественный Павел называет любовь исполнением закона, потому что она не делает никакого зла ближнему (Рим. 13, 10). Рассмотрение первой из этих заповедей в достаточной, как мне кажется, мере сделала наша беседа, исследуя ее по возможности с разных сторон, как бы обходя вокруг ее и не худо показывая, каков может быть у нас образ совершенной и вполне безукоризненной любви к Богу. Теперь займемся смежною и родственною ей заповедью и сделаем точное рассмотрение любви к ближнему, прилежно исследуя, как может кто-либо достигнуть красоты добродетели и, стяжавши искусством в этом деле добрую славу, находиться в благоволении у Бога и людей, подобно божественному Самуилу (1 Цар. 2, 26). Я утверждаю, что вместе с любовью к Богу должно, как следует, упражняться и в любви к братиям· потому что недостаток одной из них есть отсутствие обеих, по словам Иоанна, который так написал: *аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть: ибо не любяй брата своего, егоже виде, Бога егоже не виде, как может любити? И сию заповедь имамы от Него, да любяй Бога, любит и брата своего* (1 Ин. 4, 20–21) Итак, каждая из них вместе с другою и исчезает и светло восходит Ибо эти добродетели как бы смежны между собою и, как будто нерасторжимая пара коней, привозят того, кто постарался хорошо править ими, к единой отличной и совершеннейшей красоте благочестия пред Богом.

Палладий. Ты хорошо сказал И так как наша цель – трудиться над этим, то продолжай и, собирая удостоверения на каждое положение из Священных Писаний, постарайся сказать мне, каким образом возможно надлежащее исполнение любви к ближнему.

К. Весьма обширен путь, ведущий нас к нему. Ибо написано: *широка заповедь Твоя зело* (Пс. 118, 96); а искусство во всем совершаемом не иначе, я думаю, мог бы приобресть кто-либо, как посредством закона: так как он дан нам *в помощь*, как изрекло пророческое слово (Ис. 8, 20). Посему, возбуждая нас к непрестанному воспоминанию об узаконенном, Законодатель говорит: *и вложите словеса сия в сердца ваша и в душу вашу и навяжите я в знамение на руку вашу, и будут непоколебима между очима вашима: и научите сим чада своя глаголати сия, седящу тебе в (дому и идущу тебе в)*[1] *пути, и возлежащу ти и востающу ти. И напишите я на празех домов ваших и врат ваших, да умножатся дние ваши, и дни сынов ваших, на земли, еюже клятся Господь отцем вашим дати им, якоже дние неба на земли* (Втор. 11, 18–21). А что значит· *навяжите я на* руки ваши, это ясно показал он в книге Чисел. Ибо так написано: *и рече Господь к Моисею, глаголя: глаголи сыном Израилевым и речеши им: и да сотворят себе рясны* (кисти) *на воскрилиях риз* (краях одежды) *своих в роды своя: и возложите на рясны воскрилий прядение* (нити) *синее*[2]*: и будет на ряснах, и узрите их, и воспомянете вся заповеди Господни, и сотворите я, и не развратитеся в след мыслей своих, и во след очес ваших, имиже вы соблудисте в след их: яко да помянете и сотворите вся заповеди Моя, и будете святи Богу вашему: Аз Господь Бог ваш* (Чис. 15, 37–41). Итак, благоразумно повелевши наперед, чтобы мы написали закон в сердцах, затем, зная тяжкий недуг умозабвения, повелевает начертать заповеди, как бы на таблице, на порогах; также и на правую руку навязывать записи, носящие в себе[3] закон и имеющие вписанным откровение; кроме того, считает не бесполезным, чтобы и на самих одеждах висели кисти и нити яхонтового цвета

---

[1] Слова, поставленные в скобках, пропущены у св Кирилла
[2] Точнее – яхонтового цвета – ὑακίνθινον
[3] Ὠδίνοντα собственно мучащиеся родами

П. Но каким же образом могут напоминать нам о Божественных законах кисти и яхонтовые нити?

К. Не признаешь ли ты, что закон изречен был древним загадочно и начертан как бы в тенях?

П. Признаю.

К. Итак, то, что яхонтовые нити были привешены к кистям и к самой руке, не есть ли намек на то, что должно мыслить и делать небесное и памятовать о законах свыше? Индийскому, если не ошибаюсь, камню (говорю о яхонте) приписывается тело как бы эфирное, смешанное из света и тьмы и в глубине имеющее как бы нечто подобное воде, представляющее вид чего-то дрожащего и текучего. Итак, закон предусмотрительно установил, чтобы яхонтовые нити висели и на одеждах и на руке, как бы возглашая так да будет тебе одеждою ума и облачением рассудка провещание с небес и решителем правых дел – закон! Ибо рука есть символ дела; совершаемое же нами законно, без сомнения, не подлежит укоризне и не относится к левой стороне, то есть к порочности[1]. Поэтому фарисеи увеличивали *воскрилия* свои и расширяли *хранилища своя* (Мф 23, 5), то есть записи, привязанные к правой руке Впрочем, они подвергнуты были Христом осмеянию, как делающие это по причине славолюбия, а не для напоминания о законе. Таким образом, несомненно, можно, исполняя закон, беззаконновать, если кто неправильно пользуется законом. И об этом-то, я думаю, сказал Соломон: *есть праведный погибаяй в своей правде* (Еккл. 7, 16). Итак, надобно написать Божественную заповедь в уме и сердце, пользу этого ясно показывает божественный Давид, говоря о всяком праведнике: *закон Бога его в сердце его, и не запнутся стопы его* (Пс. 36, 31). Ибо, я думаю, очень ясно, что у кого Божественный закон пребывает в уме, тот, несомненно, будет и хорошо утвержденным, и в добродетели устойчивым.

П. Так именно.

К. Итак, продолжительное и постоянное попечение о законе приводит к пути правому, или, что то же, к угодному Богу, отгоняя от души человеческой как бы некоторую мглу и туман – забвение И этим не ограничивается Законодатель,

---

[1] Τὸ ἐν φαυλότητι σκαιὸν οὐκ ἔχει Левое в делах здесь противополагается вышеупомянутым правым делам

но, придумывая сверх того нечто еще лучшее, предлагает как бы некоторую приманку для возбуждения охоты к труду — надежду всего достожеланного. Он сказал: *аще в повелениих моих ходите, и заповеди Моя сохраните, и сотворите я: дам дождь вам во время свое, и земля даст плоды своя, и древеса сельная отдадят плод свой: и постигнет вам млачение обрание вина, и обрание вина постигнет сеятву*[1], *и снесте хлеб ваш в сытость, и вселитеся с твердостию на земле вашей, и рать не пройдет сквозь землю вашу: и дам мир в земли вашей, и уснете, и не будет устрашаяй вас; и погублю звери лютыя от земли вашея* (Лев. 26, 3–6). Понимаешь ли, какой заботы и милости удостаивает Он честного и трудолюбивого и руководимого уважением к закону? Он обещает даровать ранний и поздний дождь, постоянное благоплодие и избыток хлеба, обильное пользование снедию и кроме того — мир. Ибо истинному хранителю закона и неослабному любителю того, что угодно Богу, по справедливости даруется упоение обилием небесных благ. Духовное и свыше ниспосылаемое утешение, орошая, подобно дождю, душу праведного, как бы тучную и плодородную землю, весьма радует ее, потому что делает ее способною производить неиссякающий и разнообразный плод благочестия пред Богом; а мир ее венчает, доставляя постоянство благополучия. Так и Павел пишет: *и мир Божий превосходяй всяк ум да соблюдет сердца ваша и разумения ваша* (Флп. 4, 7). Итак, получивший от Бога таковые щедроты будет проводить жизнь свободную от войны и мирную, потому что враг уступит — падет и дойдет до ничтожества всякий противовосстающий, диавольское нападение будет недействительно и всякий страх легко удален будет. Такое же узаконение мы найдем написанным и во Второзаконии: ибо, немного изменивши речь, (Законоучитель) сказал: *аще же слухом послушаете всех заповедей Его, яже Аз заповедаю тебе днесь, любити Господа Бога твоего и служити Ему от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и даст* тебе *дождь земли твоей во время ранный и поздный и соберещи жита твоя, и вино твое, и елей твой: и* дашь *пищу на селех* твоих *скотом твоим* (Втор. 11, 13–15). Итак, попечение о законе водворит

[1] За молотьбою хлеба наступит у вас обирание винограда, за обиранием винограда наступит сеяние.

в душах наших искусство и стройность в исполнении того, чего хочет Бог, а стремление к обетованному делает сносным труд, соединенный с добродетелями.

П. Правда; я по всей справедливости соглашусь с этим. Но, друг мой, пора говорить о том, каким образом можно исполнить закон о любви к ближнему.

К. Действительно, надобно приступить к этому. Говорим, следуя Священным Писаниям, что Владыка всяческих Бог повелел Моисею созвать народ и собрать его чистым и освященным под горою, называемою Синай. Он повелел омыть одежды и три дня воздержаться от удовольствия с женами, обозначая посредством чувственных и видимых предметов мысленные. Ибо нам прилично идти, так сказать, пред лицо Божие, блистая как бы светлыми одеждами, похвалами добродетелей, украшаясь светлым настроением духа и будучи свободными от всякой плотской любви и земных осквернений, идти с помощию детоводящего нас закона, подобно как древние, несомненно, детоводимы были Моисеем: так как бывшее тогда было образом более истинного и детоводительство чрез премудрого Моисея прообразовало древним воспитание чрез закон, приводящий ко Христу. Кроме того, достойно замечания, думаю, и то, что дело и лицо долженствующего детоводительствовать превосходно намечено в лице Моисея: потому что не себе самому представил он народ, но Богу как Законоположнику, Учителю и Советнику того, что надлежит делать. Так и нас не к себе привел закон, детоводительствовавший посредством буквы, но к сошедшему ради нас с неба Богу Слову. Кажется ли тебе, что слово наше идет по следам истинных мыслей?

П. Конечно.

К. Итак, написано: *и изведе Моисей люди в сретение Богу из полка, и сташа под горою Синаем. Гора же Синайская дымяшеся вся, схождения ради Божия на ню во огни: и восхождаше дым, яко дым пещный: и ужасошася вси людие зело. Быша же гласи трубнии происходяще крепцы зело. Моисей глаголаше, Бог же отвещаваше ему гласом* (Исх. 19, 17–19). Что Бог сошел на гору, это весьма ясный знак того, что Он приходит не к низким умом и водворяется не у тех, которые имеют земные и обращенные долу мысли, но у тех, у кого ум воспаряет на высоту и, как бы держа высоко голову, прези-

рает человеческое и созерцает только то, что у Бога. Это же может означать и иное, именно, что знание о Боге высоко и превосходит наши силы и что оно доступно, может быть, хотя отчасти, только тем, которые стараются летать *в высоте, по* написанному: *птенцы суповы* (коршуна) *высоко парят* (Иов 5, 7). Вместе с тем пойми, что Бог, установляя ветхий закон древним, сошел не туда, где был народ, но на высоту и далеко от него. Ибо он еще *далече* отстоял, по гласу Псалмопевца (Пс. 9, 22), пока Единородный не был еще с нами во плоти и не снисходил до истощания: потому что не для древних, но для нас соблюдено было таинство. Что касается до славы, очам являющейся, Он был с нами, оставивши высоту Божества, и обращался с нами, как один из нас. — Бог сошел в виде огня, ибо нужно было, чтобы имевшие быть детоводимыми принуждением и законом верно знали, что если они захотят быть легкомысленными, то будут иметь дело с огнем; потому что не из добровольной любви и свободного решения ума совершаемо было древними боголюбезное, но как бы по принуждению и страху: дух, бывший в них, не был духом свободы и *сыноположения,* но духом рабства *в боязнь* (Рим. 8, 15). — Гора дымится вследствие схождения на нее Господа в огне. Это, я думаю, и воспевается в Псалмах: *и положи тму закров свой* (Пс. 17, 12). С другой стороны, дым может означать для нас и слезы, которые непременно будут проливаемы за презрение (закона): ибо от прикосновения дыма из глаз выступает влага. Если же кто захотел бы иначе понимать предлежащее к рассмотрению, тот пусть считает огонь за освещение, происходящее чрез закон, впрочем не без мрака, потому что закон темен и не ясен и тень от буквы густа и может помутить око разума. — Звуки, исходящие из трубы, становились сильнее и сильнее, потому что вначале голос закона был слаб и едва звучал; когда же пришло к нам Слово и воссиял Еммануил для научения евангельского, звуки сделались сильнее: Христос провозгласил громко и внятно, голосом, проходящим по всей вселенной. Он Сам говорит гласом Давида: *услышите сия вси языцы, внушите вси живущии по вселенней* (Пс. 48, 2). Между тем в то время голос закона не проходил в другие места и не тайноводствовал все народы, а оглашал одну только страну иудеев и детоводил один народ Израильский. — Далее сказано: *Моисей глаголаше, Бог же отвещаваше ему гласом.* Ибо

испрашивал закон Моисей, как служитель, как посредник и пособник Божественных откровений; а Бог отвечал своим гласом, то есть чрез Сына: потому что голос и Слово Отца — Сын. От Него же закон, хотя и сказано, что он чрез Ангелов (Гал. 3, 19; Деян. 7, 53). Если кто захочет, может слышать Его ясно говорящего: *Сам глаголяй, ту есмь* (Ис. 52, 6), и: *не приидох разорити закон, или пророки, но исполнити: глаголю бо вам: дондеже прейдет небо и земля, иота едина, или едина черта не прейдет от закона, дондеже вся будут. Небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут* (Мф. 5, 17–18; 24, 35). Таким образом Он называет закон Своими словесами: ибо изрек его глас Божий, как я сейчас сказал, то есть Сын. Затем сказано, что *сниде Господь на гору Синайскую, на верх горы, и воззва Господь Моисеа на верх горы: и взыде Моисей. И рече Бог к Моисею глаголя: сошед засвидетельствуй людем, да не когда приступят к Богу уразумети, и падут от них мнози. Жерцы же, приступающии ко Господу Богу да освятятся, да не когда погубит от них Господь* (Исх. 19, 20–22). Сходит на гору Бог, Который над всем; затем позванный восходит Моисей. Ибо нет возможности, чтобы кто-либо способен был взойти на высоты истинного богосозерцания, если Сам Бог не снизойдет и не сделает Себя доступным нашему разумению. Когда же Он призывает нас, тогда только с трудом мы восходим на высочайшую и как бы выдающуюся над всем вершину, то есть к истинному знанию о Нем, которое подает Христос, открывая нам Отца и Бога. И для толпы гора недоступна (потому что благодать весьма возвышенного знания для многих непостижима), доступна же одним только умеющим идти по ней и, что еще важнее, званным к этому от Бога, как, несомненно, и Моисей. Итак, если кто есть верный и истинный раб в дому Божием (Чис. 12, 7), то и он, подобно Моисею, будет избранным и способным быть вблизи Бога по отношению к освящению и ведению. Таким образом мы будем с Ним, говорящим: *ты же зде стани со Мною* (Втор. 5, 31). Тем, которые увенчаны достоинством священства, Он внушает очиститься, говоря: *да не когда погубит от них Господь* (Исх. 19, 22). Ибо дело священства весьма скользкое и не далеко от опасностей, даже и очень близко, если не является присущею в жизни непорочностью: потому что служащим всечистому Богу прилично

быть святыми. Затем сказано: *и рече Господь* Моисею: *иди, сниди, и взыди ты, и Аарон с тобою: жерцы же и людие да не нудятся взыти к Богу, да не когда погубит от них Господь* (Исх. 19, 24). Восходит Моисей, и не без Аарона, который был образом Христа: ибо честен закон во Христе и, как святой чрез Него, он близ Бога и с Богом, так как и сам проповедует об Архиерее и Апостоле исповедания нашего, по Писаниям (Евр. 3, 1). Итак, закон да будет связан со Христом духовным созерцанием: ибо Моисей услышал: *взыди ты и Аарон. — Еже убо Бог сочета, человек да не разлучает* (Мк. 10, 9), отделяя закон от созерцания во Христе, прилепляясь к одной только тени и не принимая истину за первообраз прообразов[1]. Запрещается всходить на гору вместе с народом и священному роду. Ибо не тем, которые детоводительствуются в законе и совершают служение еще в тенях, дано от Бога приступать к возвышенным и высочайшим догматам о Нем, но это соблюдено для оправданных в вере и во Христе призванных к послушанию и знанию, много превосходящему древнее. Превосходству знания о Христе удивился и божественный Павел (Флп. 3, 8); и Сам Спаситель засвидетельствует об этом, явно говоря о нас и тех, которые от крови израилевой, *яко вам дано есть разумети тайны Царствия Небеснаго, онем же не дано есть* (Мф. 13, 11); и об иудеях: *оставите их: вожди суть слепи слепцем* (15, 14). Провозгласил Он еще познавшим Его. *ваша же блаженна очеса, яко видят: и уши ваша, яко слышат* (13, 16). Когда же Бог всяческих окончил слова о сем, тогда начинает Он

[1] Καὶ μὴ εις εικόνα τῶν τύπων παραδέχεσθαι τὴν αλήθειαν. Между тем как слово τύπος и в новозаветном (ср напр Рим 5, 14, Кор 10, 6) и в святоотеческом (напр часто у св Кирилла, в переводимом творении), и в церковном словоупотреблении означает прообраз, предызображение, *причем* как равнозначащие употребляются слова σκιὰ (так напр. Евр 10, 1; Кол 2, 17, в ирмосе 9-й песни канона на Сретение «в законе сени»), ὑπόδειγμα (Евр 8, 5, 9, 23), слово εἰκών употребляется в смысле того, что предызображается, прообразуется, самый, так сказать, оригинал Св Златоуст наглядно представил отношение между τύπος и εἰκών, как между набросанными на полотне тенями (σκιά) и самым изображением (εὐικῶν — икона) (особая беседа на 1 Кор 10, 1) То же представление отношения между τύπος и εἰκών предполагается и в словах святого апостола Павла *сень* (σκιάν) *бо имый закон грядущих благ, а не самый образ* (εικόνα) вещей (Евр 10, 1)

законодательствовать и делать постановления обо всем превосходнейшем. Он так говорит: *Аз есмь Господь Бог твой, изведый тя от земли Египетския, от дому работы. Да не будут тебе бози инии разве Мене* (Исх. 20, 2–3). Приличное законам начало сделал Он, говоря, что Он есть совершитель знамений в Египте, безумию владычествовавших противопоставивший, словом сказать, всю тварь, вооруживший дожди и град, явивший перемены стихий, наславший на первородных жалкую смерть, разливший на них (египтян) трехдневный мрак, дарующий, кому хочет, идти посреди волн и без труда сокрушающий противовосстающих. Ибо должно было, должно, чтобы подъемлющие иго Божественной заповеди знали, сколь велико могущество Законодателя и сколь небезопасно для них оскорблять Того, Который все легко может совершить.

П. Как все хорошо и боголепно усматривал для нас Законодатель. Ибо всегда страх понуждает к благопокорливости и, как бы молодого коня, делает упрямого и непокорного послушным.

К. Весьма правильно ты сказал. Итак, запретивши поклоняться иным богам и делать какого бы то ни было идола, подобие и живописное изображение, и постановивши величайшее наказание за дерзость — имя божества придавать произведениям делателей статуй (ибо говорит: *не возмеши имени Господа Бога твоего всуе: не очистит бо Господь приемлющаго имя Его всуе,* — Исх. 20, 7), затем приводит в порядок дела человеческие и, как бы линейку для прямизны, полагает закон для жизни всех, отвлекает же нас от всякого греха, указывая прежде всего другого на время праведности во Христе, когда будет совершеннейшее искупление и истребление порочности, и преобразование в первоначальное состояние, и возобновление жизни в святости и боголюбии. Поэтому говорит: *помни день субботний, еже святити его: шесть дней делай и сотвориши вся дела твоя; в день же седмый суббота, покой Господу Богу твоему: да не сотвориши всякаго дела в онь, ты, и сын твой, и дщерь твоя, и раб твой, и раба твоя, и вол твой, и осля твое, всякий скот твой и пришлец обитаяй у тебе. Зане в шести днех сотвори Господь небо и землю, и море, и вся яже в них, и почи в день седмый: сего ради благослови Господь день седмый, и освяти его* (20, 8–11).

П. Но что это такое? Я не понимаю этого ясно. Каким образом мы можем святить день субботний?

К. Хочешь ли, мы скажем несколько о субботе и соблюдаемом в ней неделании? Ибо таким образом будет очень ясно возвещенное нам Богом.

П. Конечно так.

К. Суббота, Палладий, как последний день седмицы, может означать, я думаю, время пришествия Спасителя нашего, Который явился при скончании и едва уже не при самом исходе настоящего века; для нас же сделался началом, дверью и путем к омовению от греха, к свободе и отпущению, к нетлению и жизни, и к надежде будущего. Многообразно же и свидетельство Священных Писаний намекает нам на мыслимое во Христе субботствование, то описывая прекращение грехов при Нем и определяя жесточайшее и суровое наказание преступнику, то образно обозначая искупление в Нем и отпущение на свободу, а также и приготовление к веку будущему.

П. Так скажи, каким это образом: ибо мне весьма приятно было бы знать.

К. Чрез веру, Палладий, во Христе мыслимую, мы духовно субботствуем, когда, преставая от мирских попечений, отдыхая от суетного шатания, удаляясь от порочности и свергая иго греха, успокаиваемся наконец в свободе святости. Так и божественный Павел говорит о тех, которые еще не уверовали: *коих же негодова четыредесять лет?* Не непокорных ли? *Ихже кости падоша в пустыни. Которым же клялся не внити в покоище Его? Яве, яко противльшимся. И видим, яко не возмогоша внити за неверствие. Да убоимся убо, да не когда оставлену обетованию внити в покой Его, явится кто от вас лишився* (Евр. 3, 17; 4, 1). И спустя несколько: *убо оставлено есть субботство людем Божиим* (4, 9). Но не правда ли, если субботствование есть только неделание в субботу, то каким образом не вошел в покой Израиль, хотя и соблюдший неделание в субботу? На самом же деле это было образом покоя во Христе и того, что оправдываемый верою престанет от греха. Поэтому Бог повелел, чтобы собиравший дрова в субботу побит был камнями (Чис. 15, 32–35). Это воздаяние было изображением предмета мысленного и необходимого. Разве отторгнутое от своего корня, увядшее и

высохшее уже дерево не есть образ мертвенности? Не есть ли оно также пища огня?

П. Правда.

К. Таков-то всенесчастный грех, как бы мертвенность и нечестивый питатель неукротимого пламени для любящих его. Посему, когда во время престания, разумею — от грехов, некоторые не будут удерживаться от мертвых и бесплодных дел и, отвергнувши добродетель, станут любить то, за что им предстоят вечные наказания и возгорится пламень, то они по справедливости подвергнутся осуждению на смерть, потому что, хотя и могли бы не жить распущенно, добровольно идут к заслуженному наказанию. Итак, *входим в покой веровавшии,* по слову блаженного Павла (Евр. 4, 3). Так и гласом Иеремии обвиняет Бог тех, которые грехом против образа искажали красоту истины; он говорит: *иди и стани во вратех сынов людий твоих, имиже входят царие Иудины, и исходят, и во всех вратех Иерусалимских, и речеши к ним: слышите слово Господне царие Иудины, и вся Иудеа, и весь Иерусалим, входящии во врата сия. Сия глаголет Господь: сохраните души ваша и не носите бремен в день суббот, и всякаго дела не творите, и не исходите враты Иерусалима, и не износите бремен из домов ваших в день субботный, якоже заповедах Отцем вашим: и не услышаша, ни приклониша уха своего, но ожесточиша выи своя паче отец своих, да не услышат мя, и да не приимут наказания* (Иер. 17, 19–23). Итак, повелел в субботу не только переставать от всякого дела, но и не выносить тяжестей и не выходить за ворота Иерусалима.

П. А это какой смысл имеет?

К. Конечно, умозрительный и духовный, превосходнейший образов и лучший прежней тени. Он повелевает субботствующим во Христе переставать от дела, обращенного и направленного к порочности, и не возлагать на плечи никакой тяжести. Ибо разве не вполне бессмысленно, если те, которые однажды чрез веру свергли с себя поистине неудобоносимое бремя греха, опять поднимают его на себя и решаются снова подпадать игу порочности? А что должно сидеть в Иерусалиме, этим Он изображает то, что нам не следует удаляться из святого города, и запрещает странствовать вне его и ускользать из него, уклоняясь к чему-либо иному. Под святым горо-

дом ты будешь разуметь Церковь: ибо некоторые, уже просвещенные верою во Христа, снявшие с себя бремя нечистоты греховной и ставшие внутри святых врат дома Божия, перешли к отступничеству, хотя, быть может, и не к явному, но все же они выступили из святых врат, почтивши обычаи идолопоклоннические. Итак, Бог изрек, чтобы умственно субботствующие сидели внутри врат; этот образ означает непоколебимость и постоянство и то, что не надобно никогда отпадать от верности Ему. А что город Божий есть Церковь, об этом громко возопиет и Давид, говоря: *преславная глаголашася о тебе граде Божий* (Пс. 86, 3); удостоверит же и Сам Спаситель, говоря о нем: *зде вселюся, яко изволих и* (Пс. 131, 14).

П. Итак, несомненно, что, по воле Законодателя, в субботу мы должны переставать от всякого дела.

К. Не от всякого без исключения, Палладий; потому что непохвально было бы перестать думать и делать то, что приятно Богу и что приносит немалую пользу. Ибо не напрасно, как мне кажется, Священное Писание присовокупило, что день субботний должен у нас святиться: *помни,* — сказано, — *день субботный, еже святити его* (Исх. 20, 8). Но мы исполним это весьма пристойно, если, мысленно субботствуя, явимся заботящимися о святых делах; ясным образом этого может быть то, что в субботу священники во храме нарушали субботу, неукоризненно занимались священными делами, совершали жертвоприношения, закалали овец и беспрепятственно делали все, служащее во славу Божию. И разве не за это самое Христос подвергся порицаниям со стороны иудеев, когда Его, исцелившего расслабленного в субботу, они обвиняли в нарушении закона (Ин. 5, 16)?

П. Помню.

К. В субботу и обрезание принимает человек, по слову Спасителя (Ин. 7, 22 и 23), без всякой укоризны со стороны закона. Этот образ внушает и почти ясно свидетельствует, что субботствующим во Христе, то есть престающим от греха и освящаемым чрез веру, весьма справедливо приличествует обрезание в духе, совершаемое в восьмой, то есть воскресный, день; ибо так воскрес Христос. Когда же ожил, разрушивши державу смерти, тотчас запечатлел знаемых своих Духом Святым: это-то и есть обрезание в духе. Он дунул, говоря: *приимите Дух Свят* (Ин. 20, 22). Не о таком ли совершении

мысленного обрезания говорит и Павел? Ибо он утверждал, что уверовавшие должны обрезаться *обрезанием нерукотворенным*, то есть духом (Кол. 2, 11). Прибавил бы я к этому еще и то, что, мысленно субботствуя, мы по справедливости не должны переставать и от того, что относится к духовному мужеству, и от того, чтобы сокрушать врагов и во Христе побеждать противовосстающих: во образ же сего опять я представлю тебе древнего оного Иисуса, вместе с израильтянами взявшего Иерихон в седьмой день, то есть в субботу.

П. Итак, суббота приносит нам с собою, как кажется, праздность только от порочного и греховного, если дело идет об истине, которая для древних была начертана в образах, как бы только в тенях.

К. Так утверждаю. А понимаемая иным способом, она может показать весьма ясно Христово таинство.

П. О каком способе ты говоришь?

К. Закон сказал: *аще стяжеши раба евреина, шесть лет да поработает тебе, в седмое же лето* пусть выйдет на волю даром (Исх. 21, 2). И это в книге Исход. Во Второзаконии же еще говорит так: *аще же продастся тебе брат твой евреанин, или евреаныня, да поработает тебе шесть лет, и в седмое да отпустиши его свободна от себе. Егда же пустиши его свободна от себе, да не отпустиши его тща. Напутное ему да уготовиши от овец твоих, и от пшеницы твоея и от* точила[1] *твоего: якоже благослови тя Господь Бог твой, да даси ему* (Втор. 15, 12–14). Это значит, что все время до пришествия нашего Спасителя Израиль держим был духом рабства, подчиненный наказующему закону; когда же в последние времена века, образом которых служит для нас суббота, воссиял Еммануил, тогда отъят был от них дух рабства; совершенно ничего не принесши Владыке в выкуп, они человеколюбивою благодатию призваны к свободе и в славу сыноположения: ибо оправданы уверовавшие не от дел закона, по Писаниям, но от веры (Рим. 3, 28). Это-то, говорю я, и есть: пусть выйдет на волю даром. Но *егда,* — сказано, — *пустиши*

[1] Ἀπὸ τῆς κλήρου σου. Очевидная ошибка вместо ἀπὸ τῆς ληνοῦ σου, как несколько ниже и поставлено при приведении того же места. В Ватиканском кодексе ветхозаветного текста, которому соответствует и славянский перевод (*от вина твоего*), поставлено: ἀπὸ τοῦ οἴνου σου.

его свободна от себе, да не отпустиши его тща. Напутное ему да уготовиши от овец твоих и от пшеницы твоея и от точила *твоего.* Видишь ли ясно силу Христова таинства, просиявающую в этом? Мы искуплены, и нас отпустил свободными Спаситель всех нас, даром. Ибо *не от дел* праведности, которые *сотворихом мы,* но по многой *Его милости,* как написано (Тит. 3, 5), мы сделались причастными столь чрезвычайному благоволению. Отпустивши же нас свободными, то есть освободивши от грехов и украсивши благодатию сыноположения, Он приложил нам Себя Самого в прекрасное *напутное,* как жертва непорочная и *яко овча на заколение* (Ис. 53, 7; сн. Деян. 8, 32), за нас веденный и даровавший нам причастие животворящего благословения, то есть святой Его Плоти и Крови. Это, я думаю, и обозначается тем, что призванные к свободе милостию Владычнею в седьмое время, то есть в мысленную субботу, должны получить напутное от овец, от пшеницы и вина. Так определил закон. Когда же иудеям, впадшим в легкомыслие, не очень нравилось соблюдать эти постановления; тогда Бог стал обвинять решившихся делать это. Ибо написано: *и бысть слово Господне ко Иеремии, глаголя: тако рече Господь Бог Израилев, говоря: Аз завещах завет ко отцем вашим в день, в оньже избавих я от земли Египетския из дому работы, глаголя: егда скончаются шесть лет, да отпустиши брата своего евреанина, иже продан* будет *тебе: и да делает ти шесть лет, и да отпустиши его свободна: и не послушаша Мене, ни приклониша уха своего. И обратились днесь сотворити правая пред очима Моима, еже нарещи комуждо отпущение ближняго своего:* и совершили *завет пред лицем Моим в дому, идеже наречеся имя Мое в нем: и отвратистеся и осквернисте завет Мой, еже возвратити комуждо раба своего, и комуждо рабу свою, ихже отпустисте свободны душею их, якоже быти у вас в рабы и в рабыни* (Иер. 34, 12–16). Видишь ли, как не терпит Он, чтобы были отвергаемы образы или, лучше сказать, оскорбляема сама истина, как бы еще в тенях? *Нераскаянна бо дарования и звание Божие,* по написанному (Рим. 11, 29). Иудеи же, однажды отпущенных привлекая обратно и снова подчиняя игу рабства, не соблюли эту нераскаянность и чрез то оскорбили силу таинства, отвергши и не почтивши ее, хотя она была еще в образах.

П. Весьма правильно сказал ты.

К. А что мы даром оправдываемся благодатию во Христе, не принесши ничего в обмен за свою жизнь и не выкупивши славу свободы, но приобретая ее милостию и человеколюбием Владычним, это Он предызображал во Второзаконии, говоря: *в седмое лето да сотвориши отпущение и сице заповедь отпущения; да оставиши весь долг твой, имже должен ближний* твой *тебе и от брата своего не истяжеши (яко наречеся отпущение Господу Богу твоему. От чуждаго да истяжеши)*[1], *елика суть твоя у него: брату же твоему отпущение да сотвориши долга твоего. Яко не будет у тебе недостаточен: сего ради словесе благословением благословит тя Господь Бог твой в земли, юже тебе Господь Бог* твой *даст во жребий прияти ю* (Втор. 15, 1–4). Видишь ли сверкающую сквозь тени истину? Ибо и это может яснейшим образом показать домостроительство Спасителя нашего о нас: так как ставшим близко к Нему чрез веру и уже оказавшимся домашними и братьями чрез причастие Святого Духа и приобщение Божественному естеству Он отпустил долги, хотя они ничего не заплатили Ему; Он не подверг их наказанию за преступление, хотя они и обязаны были Ему отчетом в том, как они провели жизнь; а тех, которые еще чужды, даже едва не иноплеменны по причине гибельного их неверия и весьма далеки от родства с Ним, Он учинил повинными долгам и, как имеющих неомытым еще грех, по справедливости сделал подлежащими суду и наказанию. Поэтому уверовавшим Он провозглашал: *аще вы пребудете в словеси Моем, воистину ученицы Мои будете. И уразумеете истину и истина свободит вы* (Ин. 8, 31 и 32), а не почитающим истинного и евангельского научения: истинно, истинно говорю вам, *аще не имете веры, яко Аз есмь, умрете во гресех ваших* (8, 24). Итак, понимаешь ли, что Он домашних для него по вере обещает отпустить на свободу, а о тех, которые еще чужды и чужеземны и омертвели в грехопадениях, сказал, что они отдадут Судии отчет в своих прегрешениях?

П. Правда.

---

[1] Хотя поставленных в скобках слов нет в существующих изданиях переводимого творения св. Кирилла, но они требуются связью речи приведенного места, и принимаются во внимание в следующем далее объяснении его.

К. Неделание в субботу прекрасно изображает также приличествующее святым наслаждение в будущем веке и причастие небесных благ.

П. Скажи, каким образом; мне хочется понять это.

К. Очень охотно. Поет негде божественный Давид, говоря о сынах Израилевых и всемогущем Боге: *хлеб небесный даде им: хлеб ангельский яде человек* (Пс. 77, 24–25). Он называет манну пищею небесною и ангельскою, дабы мы, направляя свой ум выше чувственного и видимого, созерцали духовное и Божественное питание, которое посылает Бог душам святых, водворяя в принявших веру питающего Ангелов и животворящего людей Бога Слово. Ибо Христос вселился в сердцах наших чрез Святого Духа, и мы питаемся хлебом живым и небесным для здравия и крепости духовной: и вот манна есть ясный и несомнительный образ этого. Закон повелел сынам Израилевым собирать ее, не превышая количества, достаточного для каждого. Ибо написано так: *заутра бысть спадшей росе около полка и се на лице пустыни мелко яко кориандр, бело аки лед на земли. Узревше же то сынове Израилевы, реша друг ко другу: что есть сие? Не ведяху бо что бяше. Рече же Моисей к ним: сей хлеб, егоже даде Господь вам ясти. Сей глагол егоже завеща Господь: соберите от него кийждо на домашния, гомор поглавно по числу душ ваших; кийждо вас с домашними своими соберите* (Исх. 16, 13–16). Затем говорит через несколько слов еще: *бысть же в день шестый собраша потребное сугубо, два гомора комуждо. Приидоша же вси князи сонма, и поведаша Моисею. Рече же Моисей к ним: сие слово есть, еже глагола Господь: суббота, покой свят Господу заутра: елика аще печете, пецыте: и елика аще варите, варите, все же избыточное оставите в скрове* (в запас) *на утрие* (16, 22–23). Потом оный священноучитель Моисей разъяснял им Божественный закон, тотчас за тем сказавши: *ядите днесь, есть бо суббота покой Господу: днесь не обрящете на поли. Шесть дней собирайте, в седмый же день суббота: не будет в нем* (16, 25–26). Неужели же тебе, Палладий, и после сего не ясно, что это неделание ничего в субботу и собирание в запас уже доставленного (количества манны), а также и то, что манна (в субботу) с неба не давалась и надобно было употреблять для вкушения и в пищу уже собранное, — все это составляет как бы предуготовление и преды-

зображение, и притом весьма ясное, жизни, имеющей наступить в веке грядущем? Ибо, субботствуя во Христе и совершенно преставая от греха, мы будем наслаждаться вышними благами, когда труд совсем будет изъят, и мы без усилий будем находить в изобилии все то, что служит на пользу.

П. Это правда: святее будут жить тогда, как бы при готовых и предлежащих всем благах; да будет же нами сказано всякому: *труды плодов твоих снеси* (Пс. 127, 2).

К. Итак, возвращаясь к сказанному сначала и как бы отвлекая слово назад, мы утверждаем, что весьма последовательно поступил закон, когда, приведши нас к единому по естеству и истинно Богу, не допустил, чтобы мы не знали также из Него и в Нем рождающееся, вместе с Ним сущее и совечное Ему Слово. Ибо, заповедавши наперед и сказавши: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея и от всея силы твоея* (Втор. 6, 5), и: *да не будут тебе бози инии разве Мене* (Исх. 20, 3), тотчас присоединил Христово таинство, сказавши сверх того: *помни день субботный, еже святити его* (20, 8). Ибо это прекрасная и необходимая стезя и путь боголепнейшего искусства, приносящий совершеннейшую пользу изучающим то, что следует знать. Так и Спаситель сказал Небесному Отцу и Богу: *се же есть живот вечный, да знают Тебе единаго истиннаго Бога и Егоже послал еси Иисус Христа* (Ин. 17, 3). Ибо слову об Отце необходимо сопутствует слово о Сыне, и знание об Обоих очень близко одно к другому. Посему иудеев, уклонившихся от истины тем, что не принимали Сына, и, однако, думавших, что они познали Бога, Он порицал, говоря: *ни Мене весте, ни Отца Моего: аще Мя бысте ведали, и Отца Моего ведали бысте* (Ин. 8, 19). Ибо знание о каждом из Них относится к Обоим. Итак, по необходимости положивши наперед, как бы основание, точность богопознания и вкоренивши в них предварительно ведение о Законодателе, Он нисходит к человеческому и тотчас же полагает рядом и в связи с почтением к Богу почтение к отцу и матери, чрез которых мы, с соизволения Божия, приведены к бытию и существованию и которые занимают как бы второе место после Содетеля: ибо Божественными велениями и самонаученным искусством природа в себе самой образует рождаемое и как бы подражает славе Содетеля, и как Бог есть начало и

рождение всего, потому что Он есть Творец и Содетель, так и каждый из ставших родителями для рождаемого из него чада есть как бы корень рождения и источник исхода к бытию. Итак, содействие отца и матери существованию всех, которые на земле, есть образ Содетеля всего. Поэтому закон и повелел воздавать им превосходнейшую в сравнении с другими честь, не лишивши награды решившихся почитать и не избавляя от наказания не желающих этого делать: благородную и святую волю он венчает почестями, настроенную же не так обременяет крайними бедствиями. Ибо *чти,* — сказано, — *отца твоего, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли* (Исх. 20, 12). Итак, установивши, как бы награду и избранный почетный дар, — жизнь и продолжительность времени пребывания для желающих почитать и, наоборот, — смерть для наглых и оскорбителей, закон приставляет страх, как бы пестуна, направляющего к пути правому. Ибо сказал он еще: *иже биет отца или матерь свою, смертию да умрет: и иже злословит отца своего или матерь, смертию да умрет* (Исх. 21, 15–16). Смотри же, всякий вид греха против них он наказывает в равной мере и, очевидно, права родителей ставит близко к тому, что заповедано по отношению к Богу. Ибо как против Бога прегрешение языка (злословие) наказывается смертию и крайним гневом, так и против родителей. Отвергший Божественную заповедь и решившийся прогневлять Детоводителя преступлениями умирает без милосердия: так же и презревший внушения отца или матери умирает побиваемый камнями, как и об этом постановил Божественный закон. Он так сказал во Второзаконии: *аще же кому будет сын непокорив и грубитель, не послушаяй гласа отца своего и гласа матере, и накажут его, и не послушает их, да возмут его, отец его и мати его, и да изведут его пред старейшины града своего, и пред враты места своего и да рекут к мужем града своего,* говоря: *сын наш сей непокорив есть и грубитель, и не слушает речи нашея, сластолюбствуя пиянствует: и да побиют его мужи града того камением, и да умрет и измите* злого *от себе самих, да и прочии слышавше убоятся* (21, 18–21). Можно ли тебе и после этого сомневаться, что тотчас за почитанием Бога следует почтение к отцу и матери?

П. Никак. Ибо к тому, что нам должно чтить их, побуждает нас и премудро сказанное кем-то[1]: *помяни яко тема рожден еси* (Сир. 7, 30), и патриарх Иаков, весьма скромно говорящий: *аще не бы страх Исаака* отца моего *был мне* (Быт. 31, 42).

К. Итак, скажи мне: когда говорится, что мы рождены ими, не ясно ли это показывает, что они суть образ Содетеля и призывающего к бытию небывшее некогда? А то, что нам приличествует чтить их страхом, не поставило ли их едва не в самом Владычнем достоинстве?

П. И очень. Потому и проклинает некоторых приточник, говоря: *око ругающееся отцу, и досаждающее старости матерни, да исторгнут е вранове от дебрия* (Притч. 30, 17). Но разъясни, каким образом мог бы кто-либо считать мудро сказанным изречение Спасителя всех Христа: *иже любит отца, или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). Напомню же и об ином: ученику, умоляющему о погребении отца и об уходе за старцем, Он говорит: *гряди по Мне и остави мертвых погребсти своя мертвецы* (Мф. 8, 22).

К. Что же в этом неуместного? Трудного ничего нет, как мне кажется, напротив – разумение рассматриваемых изречений очень просто и удобно для усвоения тем, которые хотят правильно мыслить.

П. Однако ж сказанное не совсем свободно от подозрения: потому что оно, по-видимому, некоторым образом отклоняет нас от почтения к родителям.

К. Удались от подозрения и столь превратных мыслей, Палладий! Слово Спасителя не отклоняет от почтения к родителям, а научает считать старейшим и превосходнейшим почтение к Богу. И наша речь привела к тому же, постоянно именуя почтение к родителям стоящим близ и на втором месте после почтения подобающего Богу; это соблюл и Сам Христос, так как Он не приписал вины тем, которые хотят любить родителей, и не поставил в какой-либо порок и преступление желание чтить их, но весьма прилично узаконил, чтобы человеческое было поставляемо после Бога. Поэтому не просто говорит: *иже любит отца* своего, *или матерь;* но приба-

[1] Ὑπὸ τοῦ Так в кодексе Ватиканском Кодекс Сирлета добавляет: Θεοῦ (Богом)

вил: *паче Мене.* Не признаешь ли ты приличным, чтобы любовь к Богу была поставлена выше любви к людям?

П. Конечно так.

К. Итак, Он не дозволял ученику приходить к той мысли, что надобно поставлять выше почтения к Богу почтение к человеку, хотя бы то был и отец, чтить которого внушают самые законы природы. Таким образом, хотя касающееся Его Он ставит выше того, что относится до нас, так как Бог все превосходит и выше всего; однако же Он отнюдь не дозволяет кому бы то ни было ни во что вменять почтение к родителям на том основании, что относящееся к Богу должно мыслить и называть старейшим и превосходнейшим. Ибо это самое Христос ставил в вину иудейским учителям, говоря: *Бог* сказал: *чти отца* твоего и *матерь* твою: *вы же глаголете,* что Бог говорит: *иже аще речет отцу* своему: *дар, имже бы от мене пользовался еси*[1]: *и да не почтит отца своего или матере своея: и разористе заповедь Божию за предание ваше* (Мф. 15, 4–6).

П. Однако же не очень легко разумение приведенного места. Поэтому разъясни, какое было в этом прегрешение фарисеев?

К. В книге Левит написано: *и рече Господь к Моисею, глаголя: глаголи сыном Израилевым и речеши к ним: человек, иже аще обещает обет, яко цену души своея Господу, да будет цена мужеска полу от двадесяти лет до шестидесяти лет, да будет цена его пятьдесят дидрахм сребра весом святым* (Лев. 27, 1–3). Сказавши потом немного о женщинах и детях, прибавляет: *аще же убог будет ценою, да станет пред жерцем и да оценит его жрец* (27, 8). Таинственна эта речь и полна глубокого смысла и в надлежащее время будет нами тщательно исследована, теперь же мы скажем ближайшее: некоторые из израильтян приходили, имея усердие посвятить Богу души свои, хотя еще в образе и тени, впрочем, по закону, и объявляли цены за самих себя получившим жребий священства и приседящим Божественному алтарю. Но были некоторые, желавшие той же славы (ибо они стремились к тому, чтобы именоваться освященными и священными и даром Божественным и всем таковым), меж-

---

[1] То, чем бы ты от меня пользовался, есть дар (Богу)

ду тем по недостатку денег они подавляли это желание и имели бедность неизбежным препятствием к исполнению его. Когда же книжники и фарисеи ревностно побуждали их к этому (так как эти люди были очень жадны до денег и подвержены страсти к постыдным приобретениям), они выставляли на вид почтение к родителям и справедливо говорили, что они, может быть, едва в состоянии добывать себе самим и им средства, достаточные для жизни, и приготовлять одежду. А те дерзали убеждать их – считать это дело за ничто ради Бога; и если бы пришли родители, требуя от них обычного пособия, то надобно, учили они, сказать отцу и матери: *дар, имже бы от мене пользовался еси*. То есть: если бы ты получил что от меня, знай, что этим ты причинил бы ущерб дару Божию и наложил бы руки на священное достояние, ибо я себя самого посвятил и обещал, как дар, Богу. А те, боясь вреда от святотатства и очень страшась законов об этом, с сетованием переносили свое положение и благочестие пред Богом поставляли причиною их голода, обвиняя, может быть, и самую Божественную заповедь, как обижающую их в самом необходимом. Поэтому-то и сказано: *разористе заповедь Божию за предание ваше*. Ибо должно было бы, должно чтить родителей и ради благочестия пред Богом не нарушать закона о них. Итак, не следует ни быть беспечным касательно подобающего Богу ради человеческих дел, ни пренебрегать вовсе и человеческими делами ради Бога; но надобно, отдавая лучшую часть любви началу всего, то есть Богу, тотчас затем, как бы во втором и соседнем ряду, приносить и виновникам рождения нашего им особенно приличествующие почести, принимая при сем в соображение, кроме сказанного, еще вот что.

П. Что такое ты разумеешь?

К. Господь наш Иисус Христос, показывая, что почтение к родителям есть дело весьма необходимое для нас, удостоил попечения и внимания Свою Матерь. Висящий уже на честном кресте и пригвожденный к древу, Он поручал Святую Деву близкому своему ученику и, поставляя возлюбленного кормителем ее в старости, говорит: *жено, се сын Твой;* и ученику сказал: *се Мати твоя. И от того часа,* – сказано, – *поят ю ученик во своя си* (Ин. 19, 26–27).

П. Как превосходно, кажется, сказано у нас о сем слово!

К. Итак, весьма хорошо внушивши привязанность к родителям рожденным от них и наложивши на них законное и необходимое иго, тотчас же узаконивает и то, каковы должны быть родители в отношении к рожденным от них, если не отвергнут угодное Богу. Так, премудрый Павел, внушивши детям кратко и вразумительно, что они должны подчиняться отцам, сказал, однако же, и им: *отцы, не раздражайте чад своих, но воспитовайте их в учении Господни* (Еф. 6, 4); то есть, ставши для них преподавателями превосходнейших учений, направляйте их к боголюбезной и самой законной жизни. И закон, как бы идя окольным путем (ибо это ему почти всегда обычно), всего более, да и весьма правильно, требует от отцов, чтобы они заботились о честности детей. Ибо говорит: *да не оскверниши дщере твоея еже блудити ей: и да не прелюбы деет земля, и наполнится земля беззаконий* (Лев. 19, 29). Ибо прежде всего другого и как бы некоторого начатка святой жизни Содетель требует от нас чистоты тела, потому что телесное, избегающее пятна, позора и бесчестия, служит как бы вступлением к светлости духовной. Итак, отцам прилично руководить нас к наилучшему; если же детоводители будут небрежны и легкомысленны, а еще более, если они, сверх ожидания, изобличены будут в том, что сделались для детей своих вождями и наставниками к постыдному, то они будут подлежать крайнему наказанию, как развращающие ими самими произведенных и ввергающие во рвы погибели тех, за которых им подлинно лучше было бы даже и умирать: ибо и это природа предписывает отцам. И кто отдал свою отроковицу на открытый позор желающим, тот, по справедливости, не за нее только одну обвинен будет и подвергнут наказанию от Судии всех, но и за всякого, впадшего в позор. Ибо, поставивши как бы какие тенета и сеть смерти, он всех держит в облаве, хотя и не все уловляются; но оценивается, конечно, не то, что произошло, а то, к чему могло повести предприятие. О такой женщине и премудрый Соломон пишет: *жену, яже есть ловитва, и сети сердце ея, узы в руку ея* (Еккл. 7, 27). Необходимо поэтому Законодатель говорит: *да не оскверниши дщере твоея еже блудити ей, и да не прелюбы деет земля:* потому что если бы совсем не было такой женщины, с которою можно бы впасть в вину блудодеяния, то нисколько нетрудно было бы избежать этого несчастия, хотя бы у кого

ум и был весьма склонен к сладострастию и страдал полным бессилием. Повелевши таким образом отцам охранять благоприличие детей по отношению к телу, наказывает смертию и того, кто доходит до такого расположения духа, что собственных детей ввергает в отступничество от Бога. В книге Левит написано так: *и рече Господь к Моисею, глаголя: рцы сыном Израилевым, глаголя: аще кто от сынов Израилевых, или от прибывших пришельцев во Израили, иже аще даст от семене своего Молоху*[1], *смертию да умрет: людие земли да побиют его камением. И Аз утвержу лице Мое на человека того, и погублю его от людей его, яко от семени своего даде Молоху, да осквернит святыню Мою и осквернит имя освященных Мне* (Лев. 20, 1–3).

П. Темен этот закон; не очень-то ясно, что он хочет сказать. Поэтому объясни, и ты хорошо сделаешь.

К. Моавитяне и мадианитяне, гергесеи и агаряне и некоторые другие варварские народы, обитавшие в стране Иудейской, жили по обычаям эллинским, и у каждого из них было такое богопочитание, какое ему нравилось, поклонение и служение тому, что приходило ему на ум. Израильтяне же, имея разум еще не окрепший и не утвержденный в любви к Богу, были весьма удобопреклонны к отступничеству и настолько готовы к удалению от Бога, что считали за ничто, даже если бы случилось поклоняться и самим богам сопредельных народов и вместе с соседями решиться недуговать прежним, египетским заблуждением. Итак, они воспламенялись страстию к девицам мадиамским и, увлеченные женскою красотою, вместе с ними призывали Веельфегора. Посему Законодатель, очень хорошо предусматривая нетвердость и удобопреклонность присущего им разума, совершенно запретил им смешение с иноплеменными, весьма ясно говоря: *дщери своея не даси сыну его, и дщере его да не поймеши сыну твоему. Отвратит бо сына твоего от Мене и пришедши послужит богом иным* (Втор. 7, 3–4). Итак, поелику, конечно, бывало, и это весьма вероятно, что некоторые из израильтян решались

---

[1] Собственно начальнику, ἄρχοντι Так постоянно у св Кирилла, согласно с переводом LXX Здесь собственное имя идола Молоха переведено по нарицательному его значению Это имело влияние на следующее далее объяснение этого места

знатнейшим[1] из язычников вручать своих дочерей, увлеченных в сети богатством, и считать за ничто отступничество, то Он определяет наказание и смерть за такую дерзость и подвергает это преступление строжайшему приговору: ибо неизбежно было выданной за иноплеменника сделаться и иномыслящею и служить демонам: поэтому Он и подверг его, как губителя собственного плода, соответственному наказанию. Итак Священное и Новое Писание внушает родителям стараться совершать воспитание детей *в учении Господни* (Еф. 6, 4), а медленноязычный закон околичностями вступает на тот же путь. Ибо, очень хорошо постановивши наперед, что отцы не должны дозволять делать то, что относится к позору и распутству, после этого говорит еще и о том, что они должны блюсти в них непоколебимость в богопознании и не допускать их пленяться скверным идолослужением, хотя бы им и предлежало обладание большим состоянием, если они сопрягаются по закону брака с мужем хотя иноплеменным, но богатым. Не есть ли это то самое, о чем сказано: *кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит?* (Мф. 16, 26.)

П. Ты сказал правильно.

К. Всякий может видеть очень легко, что не малое расстояние существует между оправданными во Христе и детоводимыми законом. Ибо смешиваться с какими-либо чужеземцами, сходиться с иноплеменниками не было безвредно для древних; нам же Павел советует жить лучше и дерзновеннее, говоря: *аще который* муж *жену имать неверну, и та благоволит жити с ним, да не оставляет ея: и жена аще имать мужа неверна, и той благоволит жити с нею, да не оставляет* мужа. *Святится бо муж неверен о жене и святится жена неверна о мужи* (1 Кор. 7, 12–14). Какой же является в этом способ домостроительства? Почему в древности закон боялся смешения с иномыслящими, а ныне уже нет? Потому что званных во Христе делает устойчивыми и имеющими непоколебимую любовь к Богу обитающий в них Дух, *о Нем же вопием: Авва Отче* (Рим. 8, 15); а те еще не обладали этим даром; ибо, как говорит божественный Иоанн: *не у бо бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен* (Ин. 7, 39). Итак, всякое совершенство — во Христе, закон же нисколько не приводил к совершенству, по написанному (Евр. 7, 19).

---

[1] Так объясняет св. Кирилл слово ἄρχοντι.

П. Так скажи мне, пожалуйста, каким образом может сделаться ясным несовершенство закона?

К. Охотно. Но слово наше направится к сподручному и исследует виды любви к ближнему, так как писания Моисеевы, данные древним, говорят об этом несколько грубее, чем должно.

П. Так приступай к этому, и как можно скорее.

К. Закон говорит: *возлюбиши ближняго своего, яко сам себе* (Лев. 19, 18); а Господь наш Иисус Христос бесчисленными доводами внушает нам закон взаимной любви и, поставляя как бы защитником этому закону врожденное знание и существующее в каждом хотение, говорит: *елика аще хощете, да творят вам человецы,* это *и вы творите им такожде* (Мф. 7, 22; Лк. 6, 31). Ибо не удалится от цели тот, кто, желая что-либо получить, решится и сам делать то же другим; напротив, он пойдет по прямому пути любви и украсится венцом взаимнолюбия.

П. Ты хорошо говоришь.

К. Итак, любовь есть исполнение закона и превосходнее веры и надежды. Ибо так пишет нам божественный Павел (1 Кор. 13, 13). Поэтому, как бы разноцветный венок из весенних цветов сплетая ей, говорит он еще: *аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое во еже сжещи е, любви же не имам, никая польза ми есть. Любы долготерпит, милосердствует: любы не завидит, не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине, вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит. Любы николиже отпадает* (1 Кор. 13, 3–8). Но это для всех, как я думаю, явно, и очень длинна была бы речь об этом, если бы кто решился собрать в подробности относящееся сюда в Новозаветном Писании. Мы же обратимся теперь к теням закона и к тому, что изречено древним как бы еще в образах.

П. Ты превосходно рассуждаешь.

К. Закон был упражнением справедливости и как бы вступлением к доблестным делам евангельским. Ибо написано: *начало пути блага, еже творити праведная* (Притч. 16, 6): потому что закон детоводит ко Христу (Гал. 3, 24) и может иметь неложную славу жизни, в Нем мыслимой, если будет понимаем духовно. И он доводит нас до справедливости, а к

тому, что выше сего, ведет нас уже евангельское учение. Виды же справедливости, первый — почитание и любовь к единому и по естеству Богу; а как бы соседственный с ним и тотчас за ним следующий — любовь к братиям и единоплеменникам с поставляемым впереди всего почтением к родителям. Итак, в надлежащем порядке шествует пред нами слово Божие, внушая, что нам следует после благоговения к Богу и уважения к родителям оказывать честность и в отношении к другим людям. Ибо закон повсюду заботится о равенстве и является повелевающим делать точное исследование справедливого. Во Второзаконии написано: *да не будет во влагалищи твоем мерило великое или малое: мерило истинно праведно да будет тебе, и мера истинна праведна да будет тебе, да многи дни будеши на земли, юже Господь Бог твой дает тебе в жребий, яко мерзость Господеви Богу твоему всяк творяй сия, всяк творяй неправду* (Втор. 25, 13 и 15–16); и еще в книге Левит: *в мерах, и в весах, и в мерилех мерила праведна, и весы праведны и мера праведна да будет тебе* (Лев. 19, 35–36). К мерам и весам и мерилам[1] Законодатель прилежно старался приравнивать виды справедливости, и весьма правильно; ибо ум прямой и любящий справедливость некоторым образом взвешивает и измеряет природу вещей и исследует равенство подробнее и точнее, нежели как думают о тех, которые пробуют монету на весовой чашке и весах: он как бы отмеривает каждому из рассматриваемых им предметов то, что всего более ему приличествует, не нарушая и излишеством красоты точного равенства, не дозволяя и уменьшением подделывать полновесность равенства. Итак, *мерила и весы праведны и мера праведна да будет,* — сказано. Это, я думаю, как бы образы и наглядные примеры, показывающие нам способы, посредством которых мы можем исследовать точное равенство, и нам открывается знание справедливости. Пойми же, что изложенное в законе соразмеряется и имеет пределом справедли-

---

[1] Μέτροις δὲ καὶ σταθμίοις, καί ζυγοῖς; сверх этих наименований в приведенном месте из книги Левит встречается еще Χοῦς (мера). Μέτρον означает всякую вообще меру, орудие измерения; χοῦς (от χέω — лью) означает собственно меру для жидкостей; σταθμίον и ζυγὸν значат: весы, только первое означает большие весы, а последнее — маленькие, например аптекарские.

вость, а откровенное чрез Христа избыточествует пред тем и простирается гораздо дальше: потому что выше справедливого благое, то есть слава жизни во Христе.

П. Ты хорошо говоришь. Я напомню еще о том, что оправданным в вере Христос ясно сказал: аминь, аминь *глаголю вам: аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 5, 20).

К. Но это пусть так и будет у нас. Теперь мы исследуем, если угодно, меру Моисейской честности и славу справедливости по закону. Кто правильно старается уловить знание справедливого и считает за важное отличаться любовию к братиям, тому прилично являться непоколебимым и стойким и таким, каков он есть в действительности, не шатким и не легкомысленным, не поддельною обладающим честностию и желающим как бы шкурою овцы прикрыть образ волка, напротив — ему надобно стараться сохранять чистою и безукоризненною свободу своего нрава. Поэтому закон говорит: *да не ходиши лестию во своем языце* (народе) *и да не возненавидиши брата твоего в сердце твоем* (Лев. 19, 16–17). То же внушает он и иначе: *и ризы из двух* (веществ) *сотканыя да не возложиши на ся,* — говорит он (19, 19). И еще: *да не облечешися в ризу разноличну, от льна и волны вкупе ткану* (Втор. 22, 11): потому что поистине это дело весьма ужасное и превышает всякое порицание — обман и коварство под видом честности; этим чрезвычайно гнушается Бог, и этому родственно двоедушие и как бы двойственность и переменчивость мысли, чем всего более приводится в гнев Божественный и беспримесный Ум. Он сказал в одном месте о некоторых: *стрела уязвляющая язык их, льстивии глаголы уст их: приятелю своему глаголет мирная, внутрь же себе имеет вражду. Еда на сих не посещу? рече Господь: или людем таковым не отмстит душа моя?* (Иер. 9, 8–9.) И Давид говорит также, что *взыдет на гору Господню неповинен руками, и чист сердцем, иже не ульсти языком своим и не сотвори искреннему своему зла* (Пс. 23, 3–4; 14, 3). Итак, закон запрещает, как весьма постыдное и противное дело, ходить в коварстве, то есть решиться проводить жизнь лукаво и подделываясь под образ справедливости, вредить братиям, презревши законы любви. Он не дозволяет нам также иметь одежду, вытканную из двух веществ, загадочно указывая этим, чтобы мы остерега-

лись иметь как бы двойное на уме: говорю о двойном внутреннем и мысленном, о проклятом человекоугодии, которое как бы сплетается из двух стремлений, немалое имеющих между собою различие. Ибо что такое или какова жизнь лицемеров? Не состоит ли она в том, чтобы только в глазах людей являться добрыми и быть таковыми по-видимому, а не по истине?

П. И очень.

К. Итак, это двойной нрав, вытканный из неодинаковых хотений. Но божественный Давид одобряет человека однонравного и о нем говорит, что он удостаивается защиты свыше: *Господь,* — говорит он, — *вселяет единомысленныя в дом* (Пс. 67, 7). Рассыпает, сказано также, Бог *кости человекоугодников* (Пс. 52, 6): гнушается же этим и Павел, говоря: *ныне бо человеки препираю* (стараюсь задобрить) *или Бога? Или ищу человеком угождати? Аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1, 10).

П. Да кому же не ясно, что поистине нелепо и весьма далеко от точной правильности двоедушие и лицемерие?

К. Итак, подлинно плод любви, безукоризненно настроенной и приличествующей мужу справедливому и доброму, — чуждаться коварства. И закон говорит, что истинно заботящемуся о справедливости и приверженцу любви к братиям должно считать славу этого дела в том лишь случае заслуженною, если он не только сам отказывается нарушать справедливость, но и бывает в этом учителем своих родных или другим каким-либо способом ставших близкими к нему и приобретших имя своих ему. Внушает и Павел намеревающемуся принять заботы о церкви иметь детей в подчинении и это делает доказательством годности или негодности его, говоря: *аще же кто своего дому не умеет правити, како о церкви Божией прилежати возможет?* (1 Тим. 3, 5.) Поэтому закон как бы в виде примера и наглядного образа говорит: *аще же вол убодет мужа или жену, и умрет, камением да побиется вол той, и да не снедят мяса его: господин же вола неповинен будет. Аще же вол бодлив будет прежде вчерашняго и третьяго дне, и возвестят господину его, и не заключит его: и убиет мужа или жену, вол камением да побиется, и господин его купно да умрет. Аще же окуп наложится ему, да даст окуп за душу свою, елико наложат ему. Аще же сына или дщерь убодет вол, по сему же суду да сотворят ему. Аще же раба*

или рабу убодет, сребра тридесять дидрахм да даст господину их, и вол камением да побиется (Исх. 21, 28–32). Ясно ли для тебя сказанное?

П. Не очень.

К. Так внимай же тому, что я буду говорить, и прежде всего другого приведи себе на ум священнейшего Павла, который так написал: *еда о волех радит Бог? или нас ради всяко глаголет?* (1 Кор. 9, 9–10.) Итак, волу Он уподобляет оскорбителя и наглого и способного сделать насилие. Ибо вол есть животное всегда почти необузданное и весьма страшное по своей силе и с трудом отражаемое при нападении. Таковаго человека, если он будет, сказано, домашний и как бы сопряженный с кем-либо из избравших праведную жизнь и причинит кому-либо тяжкую болезнь или же, того более, умертвит кого-либо, обрушившись на него своими посягательствами, он повелел подвергать отмщению смертию: сказал, что он должен умереть, побитый камнями. Но владельца укрывает от гнева, если он не знал его дерзкого нрава и не изобличен как общник его порочности: ибо не касаются нас вины других, если они совершены тайно от нас. Не дозволяет также есть мясо вола, прикровенно знаменуя под образом как бы снедения и некоторого рода приобщения то, что не должно быть участниками нечистоты других. Не это ли, очевидно, значит изречение: *себе чиста соблюдай, и не приобщайся чужим грехом?* (1 Тим. 5, 22.)

П. Совершенно так.

К. Он нашел справедливым осудить вместе с волом и господина, если он знал о причиненном им вреде и не оказался несведущим касательно его бодливости: ибо когда кто может удерживать дурного нравом от несправедливости и очень легко препятствовать совершению проступка, но не хочет этого делать, и притом преднамеренно, тогда он является едва не соучастником в деле и по своему хотению и соумышлению сотрудником хотящих поступать неправедно. Итак, пусть умрет, сказано, таковой, если только судии не наложат на него уплаты и вознаграждения сделанного убытка. Закон обращает внимание на то, было ли доброе расположение, было ли хотение греха или только простое согласие: он умереннее наказывает, если решат, сказано, судьи. Пойми истину в этом образе: за тягчайшие преступления Судия

всех осуждает на смерть, но Он отпускает согрешивших, если они принесут разрешительный от греха выкуп — слезы покаяния, труд перемены душевного расположения, — проявления милосердия: *ибо хвалится милость на суде,* по Писаниям (Иак. 2, 13). Тщательное также различение делает закон и между потерпевшими; потому что если *сына или дщерь,* — сказано, — *убодет вол, да убиется* без милосердия; если же *раба или рабу,* то пусть будут взысканы за них деньги. Не достойно ли рассмотрения, какое основание для этого? Ведь свобода и рабство у нас не есть природный порок, как, конечно, и болезнь, но происходит от насилия. Ибо *един Бог созда* нас и *един Отец* у всех, по гласу пророка (Мал. 2, 10). Неужели Содетель поставляет кому-либо в вину и рабство? Неужели и пред Ним рабство меньше ценится, а свобода преимуществует славою? Отнюдь нет. Ибо во Христе Иисусе *несть раб ни свободь* (Гал. 3, 28). Итак, поелику закон есть тень, то посредством сына и дочери означается свободный род святых, а посредством раба и рабы — еще рабствующий и под игом греха находящийся. И не одно и то же — согрешать против святых и против грешников. Не в одинаковой мере наказывается грех против тех и других: ибо хотя, как для всякого ясно, те и другие суть братья по естеству, но род святых обладает преимуществом духовным и высотою добродетели и у Бога в такой чести, что становится даже в положение сыновей и дочерей и превосходит меру человеческого и раболепного. Поступать праведно и держаться любви к братиям закон наставляет нас и другими способами, которые мы и предложим далее и о каждом из них скажем то, что нам придет на мысль. Он сказал: *аще же кто отверзет яму, или ископает яму, и не покрыет ея, и впадется в ню телец или осля, господин ямы отдаст (цену), сребро даст господину их: умершее же ему да будет* (Исх. 21, 33–34). Это загадочно означает: *еже не полагати претыкания брату или соблазна* (Рим. 14, 13) и не допускать, чтобы приносящее по природе пользу становилось кому-либо бесполезным и необходимое нам и другим для жизни оказывалось путем к смерти. Ибо разве кто-нибудь, открывающий или копающий колодезь[1] не совершает дело полезное

[1] Λάκκον. Слово λάκκος значит и яму вообще, и колодезь. Св. Кирилл в настоящем случае употребляет это слово в последнем смысле.

и необходимое ему самому и другим? Но да не будет, сказано, твое поводом к опасности для другого: потому что *любы,* как говорит божественный Павел, *не ищет своих си* (1 Кор. 13, 5), но даже заботится и о чужом.

П. Но кто это открывающий или копающий колодезь и что это за колодезь, хотел бы я узнать ясно.

К. В историческом смысле это не непонятно: говорится, что должно покрывать колодезь, чтобы не случилось какого вреда кому-нибудь; в противном случае пусть знает, сказано, не сделавший этого, что если что-либо упадет туда, то он даст серебро *господину* его: *умершее ему да будет.* Но, возвышаясь над очевидностью исторического смысла и возводя предмет к духовному созерцанию, скажем следующее: колодезем, кажется, в этих словах закон называет знание богодухновенного Писания и учение о Святой и Единосущной Троице и ведение Христова таинства: ибо это как бы лежит в глубине и имеет животворную силу; свидетельствует об этом и Сам Спаситель, говоря: *се же есть живот вечный, да знают Тебе единаго истиннаго Бога, и Его же послал еси Иисус Христа* (Ин. 17, 3). Итак, читающий древние творения, с трудолюбием исследующий слова богодухновенного Писания и ищущий точного и чистого знания имеет большое сходство с откапывающим колодезь, ибо он отыскивает животворную воду, веселящий источник и поток наслаждения. А кто достиг уже такого разумения, что может слово таинства изложить в собственном сочинении, тот выкапывает[1] колодезь: ибо он как бы производит нечто новое, не созидая на трудах других людей, но и себе и другим принося пользу собственными трудами. Копают *кладенцы сокрушенныя,* по гласу пророка (Иер. 2, 13) и любители лжеименного знания. Итак, если кто выкопал колодезь, тот остерегайся, сказано, чтобы кажущееся прекрасно сделанным не оказалось способом погибели для кого-либо: ибо нам должно правильно и весьма тщательно составлять слово о Боге, чтобы никому не подать повода к соблазну. Это-то, я думаю, и означается накладыванием по-

---

[1] Λατομεῖ. Мы переводим это слово: выкапывает (вновь), а употребленное в предыдущем предложении: ὀρύττων, переводили: откапывающий (сделанный прежде колодезь) на основании того объяснения этих подобий, которое предлагается здесь св. Кириллом.

крышки на колодезь, то есть что слово не лишено надлежащей предосторожности. Ибо если *впадется,* сказано, телец или осел, то выкопавший колодезь *отдаст (цену).* О тельце и осле упоминает также не просто, но как бы в глубоком смысле: о тельце говорит, чтобы ты привел на мысль священный и чистый род, а об осле, дабы ты понимал несвященный и нечистый; ибо не приносится, по закону, в жертву Богу нечистое. Священным и чистым родом называем мы освященных уже чрез веру; а несвященным и нечистым еще не очищенных святым крещением, но имеющих внутри себя скверну греха. Итак, это все равно, как если бы он сказал: если случится какой-либо вред или с кем-нибудь из крещенных уже и запечатленных благодатию как бы для родства с Богом, или с кем-нибудь не из таковых, то причинивший соблазн повинен будет суду и ему останется умершее, то есть его будет смерть потерпевшего. И Сам Спаситель предостерегает нас, говоря: *иже аще соблазнит единаго от малых сих верующих в Мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей* (Мф. 18, 6).

П. Ты сказал правильно.

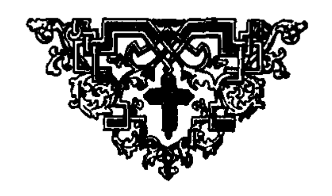
К. Ты легко мог бы увидеть, что закон и в других загадочных выражениях открывает нам, как опасно грешить и именно против братий: потому что, бия немощную совесть их, мы согрешаем *во Христа* (1 Кор. 8, 12). Поэтому он сказал: *аще же изшед огнь обрящет терние, и запалит гумно или класы, или ниву, да отдаст иже возже огнь* (Исх. 22, 6). Ибо не надобно, чтобы вместе с способным вредить по природе погибало и полезное и с дикорастущим было истребляемо возделанное.

П. Каким это образом?

К. Разве нельзя, по справедливости, уподобить горным и полевым терниям сочинения нечестивых еретиков и пустословие эллинских учений? Ибо какая может быть от них польза для душ человеческих? Или лучше сказать: какого вреда не будет для хотящих воспринять их в свой ум? Итак, терние есть питатель огня только и пища пламени: так же возжигают нам вечный пламень и пустые учения заблуждающихся и старушечьи басни идолослужителей. Колосья и хлеб, напротив, суть самая нежная пища, съедобная для людей и необходимая для пользования: ибо поддерживает нас в жизни

и может быть образом догматов истины, чрез которые мы, уверовавшие, как бы питаемся хлебом живым и истинным — Христом. Далее — как бы некоторое поле гладкое и некочковатое для умеющих правильно ходить по нему есть богодухновенное Писание. Ибо *вся права разумевающим,* по написанному, *и права обретающим разум* (Притч. 8, 9). Итак, тернием служит гнуснейшая и нечистая необузданность языка людей развращенных, хлебом и колосом — душеполезное и питательнейшее слово истины, а полем чистым — богодухновенное Писание. Таким образом, когда речи святых тайноводцев, подобно пламени или огню, делают нападение на измышления иномыслящих и эллинов, защищая догматы истины, тогда они должны проходить по одному лишь тернию, как сказано, и сожигать, как бесполезное и дикое вещество, их писания, но не повреждать вместе с тем хлеб или колос, то есть тайноводцы должны остерегаться, как бы не повредить чего-либо в догматах истины. В противном случае пусть знает, сказано, нестарающийся делать это с осторожностью, что если вместе с дурным будет сожжено что-либо из необходимого для пользования, то он отдаст отчет в своей невнимательности. Итак, понимаешь ли ты, какую осторожность повелел нам наблюдать Законоположник, всюду сохраняя незапятнанную чистоту любви к братиям?

П. Понимаю.



КНИГА ВОСЬМАЯ

Еще о любви к братиям и о крадущем тельца или овцу

Итак, отовсюду можешь ты видеть, Палладий, сколь правильное и точное тайноводственное учение внушает древний закон. Не оставляя же безнаказанным для тех, которые привыкли обманывать простых людей, этого дела, он сказал еще: *аще же кто украдет тельца или овцу, и заколет или продаст, пять тельцев да воздаст за тельца, и четыре овцы за овцу. Аще же в подкопании обрящется тать, и язвен умрет, несть ему убийство: аще же взыдет солнце над ним, повинен есть, умрет за него: аще же не имать имения, да продастся за татьбу. Аще же ят будет, и обрящется в руце его украденное, от осляте да овцы живо, сугубо да отдаст я* (Исх. 22, 1–4).

Палладий. Сказанное не очень ясно: а ты постарайся объяснить мне то, что некогда было возвещено как бы в загадке.

Кирилл. Закон с пользою определяет наказание желающему приобретать излишнее и некоторым образом удерживает неудержимого в пожелании того, что имеет или сосед, или брат; так что если бы случилось, говорит, умереть во время самого воровства замеченному в нем, то убившие не будут подлежать никакому обвинению. Закон подвергает его и бесчестию, говоря, что должно его продать, если он не в состоянии заплатить возмездие, и таким образом страхом побуждает к хорошей жизни. Сокровенный же смысл изложенного совсем другой, и мы должны высказать его, по возможности, хорошо. Хотя телец и овца — оба суть животные как бы чистые и священные и приносимые Богу в воню благоухания, но телец отличается ростом и величиною тела; а другое животное не таково: телец больше овцы. Итак, святое собрание оправданных верою есть как бы тельцы и овцы, животные чистые и священные, раздвояющие копыто и отрыгающие жвачку, как говорится в законе, и производители съедобных плодов, пото-

му что телец обрабатывает землю и овца также приносит пользу. И хотя стадо званных заключено во дворах Божиих, то есть в церквах, но весьма много вокруг его хищников, которые подкапываются и тайно входят, разнообразными прельщениями увлекают души простых людей и, так сказать, продают их губителю сатане. Сделавший что-нибудь такое отдаст, сказано, пять тельцов за одного и четыре овцы за овцу: таким образом, за тельца укравший должен уплатить впятеро, а за овцу вчетверо, говорит закон, налагая наказание по мере, думаю, духовной величины добродетели в тех, которые погибли. Образом же и тению величины добродетели была величина телесная. Ведь нетрудно заметить, что в уверовавших бывает больше, или меньше добродетели; так как не все имеют поровну: *но кийждо свое дарование имать от Бога, ов убо сице, ов же сице* (1 Кор. 7, 7). Если кто еще крадет и подкапывает и совершает разбойнические дела и при этом ночью и во тьме будет схвачен, то пусть он, сказано, тут и умрет; и это не есть убийство и не ставится в вину совершившему: потому что павший был хищник и насильник и был сражен по закону войны. Когда же взошло солнце и время грабежа уже миновало, тогда закон удерживает руку поражающего — и дерзающего на это признает виновным в убийстве. Ибо когда духовный хищник овладевает душою верующего во Христа и отвлекает ее от любви к Богу, то, если он будет захвачен во время преступления, не несправедливо потерпит и смерть; потому что он умертвил душу, которая лучше тела; но когда и в его уме взошло солнце и сияет, подобно свету и дню, истинное знание, в таком случае закон не позволяет подвергать его опасности: ибо наказываются дела ночи и тьмы, но бывающее уже во свете не наказывается. А прежние вины и сделанное в неведении и тьме Бог решил отпустить. Посему пришедшим от греха к свету умственному да будет сказано: *бысте иногда тьма, ныне же свет* о *Господе* (Еф. 5, 8). Так оправдал Господь и божественного Павла, *бывша* прежде *хульника и гонителя и досадителя* (1 Тим. 1, 13), потому что он по *премногу* гнал *Церковь Божию* и опустошал ее (Гал. 1, 13).

П. Ты сказал весьма хорошо.

К. Если же не может, говорит, отдать пять тельцов за одного и четыре овцы за одну, то пусть будет продан за воровство. Видишь ли, как ясно закон присуждает свойственное

рабам бесчестие тем, которые грешат постоянно и нераскаянно, которые не могут, так сказать, выкупом освободиться от преступлений и по слабости духа не имеют терпения трудиться в покаянии и этими трудами умилостивлять Бога? Таковых, по всей справедливости, повелевает продать; он не допускает, чтобы люди столь оскверненные были причисляемы к тем, которые освобождены Божественною благостию; будучи лишены чести, приличной свободным, они услышат: *се грехми вашими продастеся* (Ис. 50, 1). Если же он, сказано, будучи пойман, окажется только укравшим, но еще не убившим похищенного, то есть если кто-нибудь из иномыслящих окажется начавшим прельщать и обманывать других, но еще не победившим и не увлекшим в погибель своих слушателей; то таковой заплатит вдвое. Ибо господин стада получит обратно свое, — подвергается и святотатец взысканию (это и значит, что отдаст вдвойне) и потерпит смертную казнь; потому что вполне справедливо, чтобы он сам потерпел то, что хотел сделать с другими.

П. Поистине губительно и страшно дело обольстителей; я думаю, что о них именно Сам Христос предвозвестил: *внемлите от тех, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы* (Мф. 7, 15).

К. Итак, закон справедливо осуждает таких людей на смерть, как диких зверей; поэтому в книге Исход написано: *аще кто кого украдет от сынов Израилевых, и соодолев сему, продаст его и обрящется у него, смертию да скончается* (Исх. 21, 17), а во Второзаконии: *аще же ят будет человек крадый душу от братии своея сынов Израилевых и насилием продаст ю, да умрет тать той* (Втор. 24, 7). Ибо непозволительно, чтобы священный во Христе род был отдан на хищение и чтобы он увлечен был в непривычное ему рабство теми, которые имеют обыкновение это делать: потому что как обольщающие детей уводят их из города и из домов их и, лишая их достоинства, свойственного свободным, подвергают их игу вынужденного рабства; таким же, я думаю, образом и те, которые хитросплетенными обольщениями своих вымыслов увлекают к своим неразумнейшим мнениям людей, решившихся мыслить правильно и проводящих приличную свободным жизнь, по справедливости подлежат обвинению в хищении человеческих душ; а нака-

зание им смерть. Таковым *радоватися не глаголите* (2 Ин. 1, 10), — говорит ученик Спасителя, научая нас не грубости нравов, но тому, что овце не свойственно быть расположенной к волку, так как разномыслящие как бы не сходятся между собою; ибо *кая часть верну с неверным* (2 Кор. 6, 15)? Сверх того божественный Павел пишет, что не должно сообщаться с блудниками века сего (1 Кор. 5, 9–10). Итак, дабы не были похищаемы некоторые как бы из отчего дома — из Церкви Божией — и уводимы в церкви дурных людей, как бы продавая свой ум чрез обращение к порочности (*тлят обычаи благи беседы злы* — 1 Кор. 15, 33), — закон определяет смертную казнь для тех людей, которые так нечестивы, что готовы это делать. Ты увидишь, что закон то же самое показывает нам косвенно и в другом постановлении. Он приводит мирские дела в правильное состояние посредством учения ясного и доступного для желающих понять его. Ибо мы не отвергаем в весьма полезных вещах исторический смысл, как будто не важный; так как даже и буква приносит иногда пользу слушателям. Но она как бы в глубине вмещает в себе духовное и как бы в легких тенях содержит мысли более утонченные. В книге Исход сказано: *аще прельстит кто не обручену девицу, и будет с нею, веном да отвенит ю себе в жену*[1]. *Аще же возбраняя возбранит, и не восхощет отец ея дати ю ему в жену, сребро да воздаст отцу, елико есть вено девическо* (Исх. 22, 16–17). И как бы расширяя эту заповедь Божию, божественный Моисей говорит во Второзаконии: *аще обрящется человек лежай с женою мужатою, убийте обоих, человека лежащаго с женою и жену:.. и измите злое от* сынов *Израиля. Аще же будет дева обрученая мужу, и обрет ю человек во граде, будет с нею: изведите обоих пред врата града их, и побийте камением, и да умрут: отроковицу, понеже не вопила во граде, и мужа, понеже обиде жену ближняго своего; и измите злое от себе самих. Аще же на поли обрящет человек обрученую, и насиловав будет с нею, убийте человека единаго бывшаго с нею: а отроковице ничтоже сотворите: несть бо деве греха смертнаго, якоже аще кто бы востал на ближняго своего, и*

[1] Пусть даст ей приданое (вместо того, чтобы получить от ее родителей) и женится на ней.

убил бы душу его, тако сие дело: понеже на селе обрете ю, возопи отроковица обрученая, и не бе помогаяй ей (Втор. 22, 22–27). Что касается исторического смысла, – он, я думаю, не нуждается ни в каком объяснении для того, чтобы быть понятным всякому; потому что он весьма ясен и очевиден. Но нам должно, как кажется, оставивши его в стороне в настоящее время, идти стезею внутреннею и сокровенною.

П. Совершенно так.

К. Итак, я утверждаю, что как из преступлений, относящихся к женщине, всех более тяжкое есть прелюбодеяние, которое нарушает брак другого человека и разлучает уже соединенных, точно таким же образом, по моему мнению, из преступлений касательно человеческих душ всех более нечестивое и нетерпимое есть старание растлить душу не какую случится, но некоторым образом уже сочетавшуюся браком и соединенную со Христом – горним и небесным Женихом. Соединяемся же мы с Ним посредством веры и, кроме того, чрез причастие Святого Духа. Ибо *прилепляяйся Господеви, един дух есть* с Господом (1 Кор 6, 17), по Писаниям. Поэтому закон справедливо наказывает смертию вместе с прелюбодеем и любодеицу – первого за то, что вложил семена своего нечестия, вторую за то, что, презревши закон верности, отдалась другому и, предоставив ему для растления свой ум, приняла в себя осквернение от человеческих измышлений.

П. Речь убедительна.

К. Итак, жене, сочетавшейся с мужем по закону, весьма хорошо можно уподобить душу, сочетавшуюся и соединенную со Христом при посредстве веры и Духа. А под образом обрученной девы мы будем понимать душу, призванную к начаткам истинного знания, но еще не окончательно соединившуюся со Христом, еще ожидающую как брака и истинного способа союза – союза чрез благодать святого крещения и причастие Святого Духа, и принявшую как бы залог и начало общения – слово оглашения. Так Божественный наш тайноводитель, то есть Павел, привел ко Христу церковь из язычников. Он пишет: *обручих бо вас единому мужу деву чисту представити Христови* (2 Кор. 11, 2). И сам Жених негде гласом пророка говорит: *и обручу тя себе во век, в правде, и в суде, и в милости, и в щедротах: и обручу тя себе в вере, и увеси Господа* (Ос. 2, 19–20). Итак, если, говорит, приклю-

чится вина растления с какою-нибудь такого рода душою, то и это пусть будет признано прелюбодеянием: ибо обрученная уже обязана и находится под властию имеющего скоро сделаться ее супругом. Но если, говорит, преступление будет совершено в городе, то есть в Церкви Христовой и во граде Бога живого, в котором обитают Ангелы и святые мужи-наставники и учители, которые могут помочь подвергающимся опасности обольщаемым: то вместе с обольстителем должна умереть и потерпевшая дева. Ибо, тогда как можно было удобно избежать растления, если бы она объявила учителям, умеющим спасти, она добровольно подверглась насилию, а не была по необходимости увлечена ко злу. Если же, говорит, случится это не в Церкви, не во граде Бога живого, но как бы в поле и загородном месте, где не было тайноводителя, который бы подал помощь, где было полное отсутствие людей, которые умеют направить мысли к лучшему, и обольщение происходило при недостатке руководителей: то в таком случае должен быть обвинен только совершивший насилие, потому что сделанное было (со стороны обольщенной) вынуждено и она потерпела это, оставаясь беспомощною; и неизбежная необходимость освобождает ее от обвинения. Разве мы не согласимся, что слишком строго было бы обвинять за причиненное насильно, как за добровольное?

П. Без сомнения так: ибо закон праведен.

К. Ты говоришь справедливо. Он производит самое точное исследование того, что сделано, и соразмеряет наказания с преступлениями; так что маловажные проступки он и не оставляет совсем без наказания, и не приравнивает к превышающим их, но как бы приводит в равную величину наказание[1] с преступлением. Ибо он сказал далее: *аще же кто обрящет отроковицу деву, яже несть обручена, и насиловав будет с нею, и обличится: да даст человек бывый с нею отцу отроковицы пятьдесят дидрахм сребра, и тому да будет жена, понеже обиде ю: не возможет отпустити ю во все время* (Втор. 22, 28–29). Закон признал повинным в прелюбодеянии бывшего с обрученною в различных обстоятельствах, о которых мы уже сказали; но и в том случае, говорит, если

---

[1] В изданиях творений св Кирилла поставлено κίνησιν (движение), вероятно вместо δίκησιν (наказание)

душа, разумеемая под образом девы, окажется еще не обязанною и не обрученною Христу чрез веру и если тогда кто-нибудь будет обличен в том, что осквернил ее словами нечестия и перевел от заблуждения к заблуждению, как, например, поступают еретики, когда похищают кого-нибудь из язычников и иудеев и убеждают следовать им: то таковой не останется за свое дело без наказания. Он воздаст удовлетворение Отцу духов, то есть Богу, что весьма хорошо изображается под видом уплаты денег. А предписание: *тому да будет жена,* — имеет пользу в историческом отношении.

П. Понимаю, что говоришь. Закон бывает двоякий: плотский и духовный.

К. Заметь еще, что и учению древней заповеди не было неизвестно то, что сказал Христос относительно мужа и жены: *еже убо Бог сочета, человек да не разлучает* (Мк. 10, 9): потому что сказано: *тому да будет жена, понеже обиде ю: не возможет отпустити ю во все время.* И кроме того помысли о всечистом девстве, как высока честь его: потому что слово богодухновенного Писания признает и считает приличным назвать лишение девства унижением[1] и как бы утратою чести.

П. Ты сказал правильно.

К. Итак, закон отверг, как богоненавистное и по истине нечестивое лжеречение иномыслящих, и совращение к худому, которое делают люди, привыкшие развращать идущих прямым путем, и увлечение других к тому, к чему не следует. Но он придумал нечто и другое, что и сам божественный Павел признал лучшим из наставлений, говоря: *(сия воспоминай) не словопретися ни на кую же потребу, на разорение слышащих* (2 Тим. 2, 14). Ибо излишние разглагольствования и большая охота спорить о ненужных вопросах производят ссоры и поражают ум слушателей: потому что одни из них, по легкомыслию, опрометчиво и неразумно принимают и усердно восхваляют то, что неправильно само по себе и дурно высказано; другие же, составляя низкое суждение о превосходном, оказываются страждущими одинаковым с первыми невежеством, и только весьма немногие умеют судить и пред-

---

[1] Ταπείνωσιν. Так и в приведенных словах из Второзакония сказано: ἐταπείνωσεν, что было бы точнее перевести: унизил, вместо: обидел

почитать полезное вредному. Да и эти с трудом сохраняют свой ум неповрежденным при словопрениях других людей. А что это дело (словопрение) не безвредно для желающих совершать его, это опять внушает нам прикровенно закон, говоря: *аще же биются два мужа, и поразят жену непраздну, и изыдет младенец ея неизображен, тщетою да отщетится* (пусть заплатит пеню): *якоже наложит муж жены тоя, подобающее да отдаст; аще же изображен будет, да даст душу за душу* (Исх. 21, 22–23). Говорят, что зародыш во чреве матери становится человекоподобным и принимает вид нашего тела не раньше, как когда исполнится над ним число сорока дней. Поэтому-то, говорят, превосходный муж — Моисей, когда он как бы возрождал и преобразовывал Израиля из египетского заблуждения в жизнь по закону, воздерживался от пищи и питья: *хлеба не ядох,* — говорит он, — *и воды не пих четыредесят дней* (Втор. 9, 18). А для нас, как надобно думать, то же сделал и претерпел Христос. Ибо в Нем чрез воздержание воссозидалась для святости наша природа, которая вначале в лице первозданного, вследствие невоздержного желания, заболела скверною греха и преступления. Не без вероятия можно нам так думать. Впрочем, вопрос о том, каков здесь исторический смысл, теперь оставим; а рассмотрим, как следует понимать то, что люди, привычные к словопрениям, поражают жену, имеющую во чреве, потому что заниматься утонченным исследованием таких предметов не неприятно. Плод, зачатый в уме, есть вера во Христе, которая посредством совершенного знания преобразует нас в подобие Христа и дает нам Божественный образ. Это, я думаю, выражали уверовавшие гласом Исаии, когда со всею силою возопили: *страха ради Твоего, Господи, во чреве прияхом, и поболехом, и родихом: дух спасения Твоего сотворихом на земли* (Ис. 26, 18). Итак, плод, зачатый в уме, духовный и спасительный, есть вера во Христа, которая и напечатлевает в нас Божественные черты. Поэтому-то божественный Павел взывает к неразумно пришедшим от знания более совершенного к меньшему и несовершенному (это были Галаты), говоря: *чадца моя, ими же паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19). Ибо они, начавши духом, потом стали заботиться о совершенстве по плоти, когда перешли к служению по закону. По этой причине они оставили недоконченным в них образ Хрис-

та, как бы выкидывая лежащее в них, как во чреве, добро. Итак, совершенство в знании и неповрежденность в вере водворяет в душах всех нас образ Спасителя, и это есть в нас как бы некоторое Божественное сеяние. Поэтому если кто-нибудь соблазнится от чьего-нибудь словопрения и если затем душа, потерпевшая это, выкинет веру с ведением, лежащую в ней, как бы во чреве, и сберегаемую внутри ума, то, говорит, если она не получила образа, то есть если она еще не совершенна и не прекрасна, — виновник соблазна непременно подвергнется взысканию, какое наложит, говорит, муж ее, то есть, Христос, — и отдаст с одобрением[1], то есть он должен засвидетельствовать благодарность за то, что не был наказан совершенною погибелью. Если же, говорит, умственно зачатое в душе получило образ, то есть если знание и вера носят на себе подобие Христа, то виновник соблазна будет подлежать крайнему наказанию, уже как убийца; потому что потеря непорочной веры и утрата совершенного знания есть смерть души. Поэтому принятие нечестивых внушений и речей, произносимых человеком, который сделался диавольскою снедию и как бы пищею демонского скопища, закон называет мерзостью и воспрещает, говоря как бы в загадке: *и мяса звероядиннаго да не снесте, псом повержете е* (Исх. 22, 31). Псом обыкновенно называет Божественное Писание человека бесстыдного и нечистого. Такому человеку, думаю, свойственно всякое слово скверное и зловонное и составленное самим веельзевулом, как бы диким зверем, который пожирает душу, подпадшую его власти и служащую ему в этом деле: ибо *никтоже речет: анафема Иисуса* (1 Кор. 12, 3), разве от веельзевула. А святым принимать участие в таких постыдных и обманчивых мыслях и речах совершенно несвойственно: потому что нет никакого общения света со тьмою (2 Кор. 6, 14).

П. Правда.

К. Закон провозвестил еще, что получившим в удел руководительство и пастырям стад надлежит бодрствовать; а какая в этом деле с нашей стороны должна быть рачительность, он дает понять это, говоря в книге Левит: *скота твоего да не смесиши*

---

[1] Δώσει μετὰ ἀξιώματος (Исх. 21, 22). Славянский перевод этих слов Писания — *подобающее да отдаст* — не соответствует ни греческому тексту, ни еврейскому, сообразно с которым надлежало бы перевести: отдаст при судьях.

со скотом иного рода и винограда твоего да не насадиши различна (Лев. 19, 19). Подлинно управляемый народ весьма прилично уподобить стадам коз и овец или винограднику. Поэтому божественному Петру было сказано: *Симоне Ионин, любиши ли Мя? Паси агнцы Моя, паси овцы Моя* (Ин. 21, 15 и 16). А о сынах Израилевых пророк Исаия сказал: *виноград Господа Саваофа дом Израилев есть, и человек Иудин новый сад возлюбленный* (Ис. 5, 7). Итак, добродетель пастыря состоит в том, чтобы не допускать к овцам животного какого-нибудь другого рода, из опасения, чтобы не произошла у них случка с ним и чтобы они не родили чего-нибудь инородного, уклоняющегося от их естественной хорошей породы. Также и виноградарь, если он благоразумен и старается возделывать землю как можно лучше, никогда не допустит, чтобы посторонние[1] семена прозябали под самыми виноградными лозами, из опасения, как бы не оказался недостаток во влаге для своего растения, вследствие того, что она потрачена на растение чуждое. Перейди теперь от этого образа к смыслу духовному: мы не согласимся, чтобы словесные овцы были нечестиво подвергнуты как бы сеянию чуждых учителей, сеянию, конечно, духовному, словесным наставлениям. Ибо весьма некрасив плод от несходного образа мыслей, и речи не единоверных для принявших их бывают причиною дурных зародышей. И так как мы составляем из себя виноградник — ряд виноградных лоз, то нам надлежит, так сказать, венчаться плодом однородным и избегать двойственного нрава. Ибо нет никакого естественного сходства между пшеницею и виноградными ягодами. Итак, поистине никто из нас не должен быть вместилищем для чуждых семян.

П. Хорошо говоришь.

К. Закон и иным способом показывает, что разнонравное не соединимо, не сходится между собою и удалено от взаимного общения: он поставляет образом этого весьма нелепое и чудовищное соитие разумного животного с неразумным, с разновидным и разнородным. Именно, в книге Исход он говорит: *всякаго со скотом бывающа, смертию убиете его* (Исх. 22, 19); еще яснее в книге Левит: *и иже аще даст ложе свое четвероножному, смертию да умрет, четвероножное же уби-*

---

[1] В изданиях творений св. Кирилла поставлено: τὰ ξηρὰ — сухие. Но по смыслу речи надобно предполагать здесь: τὰ ξένα.

ете. И жена яже аще приступит ко всякому скоту, еже быти с ним, да убиете жену и скот, смертию да умрут, повинни суть (Лев. 20, 15 и 16). Ибо сообщества и как бы духовные смешения и сближения с теми, с кем не следует и у кого ум ослабел до крайнего неразумия, навлекают смерть как самим растлевающим, так и добровольно подвергающимся растлению.

П. Закон говорит весьма правильно и справедливо.

К. Достойно удивления еще и вот что. Могло случиться, что некоторые подвергались совращению от правомыслия к превратному образу мыслей вследствие невыносимого насилия, может быть против воли, и поддались заблуждению как бы по необходимости, быть может не без слез. Поэтому закон признал справедливым и этого рода людей не оставлять в небрежении без помощи.

П. Какой это род, о котором ты говоришь?

К. Род, подавленный ярмом рабства и содержимый во власти купивших их.

П. Так каким же способом закон подал помощь и этим?

К. Он освобождает от уз и неволи, если случится вред для души, и ясно признает, что подвергающийся насилию может без всякого препятствия убежать, если хочет. В книге Исход он косвенно высказал это так: *аще кто исткнет око рабу своему, или око рабыни своей, и ослепит, свободны да отпустит я за око их. Аще же зуб рабу своему, или зуб рабе своей избиет, свободны да отпустит я за зуб их* (Исх. 21, 26–27). Что касается до внешнего значения и прямого смысла этих слов, то закон ими поставляет препятствие дерзости, приводит в надлежащую меру гнев владельцев и не дозволяет ему доходить до таких поступков, от которых подвластные могли бы потерпеть утрату своего благосостояния. Он отнюдь не попускает, чтобы гнев стремился необузданно и чтобы действие его простиралось на самую природу, владыкою которой должен быть признаваем только Создатель. Ибо рабство и соединенное с ним страдание не есть естественный недостаток, но установлено из корыстолюбия. Поэтому во Христе Бог и Отец преобразует всю природу в первоначальное ее состояние: *аще кто во Христе, нова тварь* (2 Кор. 5, 17), и совершенно уничтожает позор рабства; потому что Павел пишет, что во Христе Иисусе несть *раб и свободь* (Кол. 3, 11). Но еще прежде этого

закон, детоводительствуя к совершенству, устраняет необузданность власти и превышение надлежащей меры, налагая наказание на пренебрегающих законом — освобождение обижаемых. Но это относится к букве и тени, если кто желает помышлять и об этом. Если же цель закона будет объясняема духовно, то и другим способом ты, Палладий, дойдешь до содержащихся в нем умозрений. Этот свет, который в мире, мы воспринимаем телесными очами и дивимся ему; а свет Божественный и умственный восходит в сердцах наших. Пища телесная размельчается зубами, и это необходимо для жизни; а в Божественных учениях твердое и трудноусвояемое, так сказать, раздробляется силою разума, как бы зубами, и питает душу. Поэтому премудрость, предлагая нам Божественную и духовную трапезу, говорит: *приидите, ядите Мой хлеб* (Притч. 9, 5). Итак, если рабу приключится вред относительно чего-нибудь такового, когда, то есть, господин его безумствует и принуждает его ниспасть от истины догматов к нелепому заблуждению; то пусть, говорит, разрешатся узы и не будет признаваемо законным вынужденное иго; пусть будет отброшен страх пред властию, и порабощенный идет туда, где может пребывать невредимо. Ибо нет ничего лучше души; и чтобы спасти ее, пусть, говорит, освободится от рабства. Ты можешь видеть, что это слово истинно и что оно исполняется еще в наше время; потому что рабы не терпят господ, увлекающих их в заблуждение, доблестно отказываясь в этом отношении повиноваться тяготеющей над ними власти. Хотя они наклонили телесную выю под бремя рабства, но они сохраняют в себе ум чистым; они убеждены, что ясное и безошибочное учение об истинной вере стоит многого, или лучше сказать, всего, и это учение они делают своею духовною пищею, и что воспринимают слухом, то растирают умом, как бы зубами, и пережевывают значение Божественных мыслей.

П. Как ясно и правильно у нас это объяснение!

К. Закон и иным способом приучает нас ко взаимной любви, когда он убеждает почитать согласие с ближними и когда он гнушается видами несправедливости и наказывает их.

П. Как же это так?

К. Слушай. Он пишет еще: *аще чий вол убодет вола ближняго, и умрет, да продадут вола живаго, и да разделят цену его, и вола умершаго да разделят. Аще же знаемь есть вол, яко бодлив есть прежде вчерашняго и третияго дне и*

глаголаша господину его, и той не заключит его: да отдаст вола за вола, мертвый же ему да будет (Исх. 21, 35–36). Видишь ли, какая загадка и как слова закона посредством весьма ясного примера ведут нас к справедливости? Если, говорит, случится, что чей-нибудь вол падет, будучи убит другим волом, то пусть владельцы их разделят между собою живого вола, пусть также обоим им достанется умерщвленный вол; то есть если кому-нибудь будет нанесено какого-либо рода насилие и обида от человека, не желавшего это сделать, то пусть, говорит, обиженный наслаждается добром оскорбившего и имеет общие с ним удовольствия; потому что это, я думаю, означает разделение живого вола. Пусть, говорит, и тот, кто не добровольно обидел, примет общение в несчастии пострадавшего; это, по моему мнению, выражено в том, что нужно разделить умершего вола. Итак, видишь ли, как закон, еще загадочно и прикровенно, убеждает к жизни во взаимной любви? Подлинно, не это ли значит *радоватися с радующимися и плакати с плачущими?* (Рим. 12, 15.)

П. Кажется.

К. Если же, говорит, обидевший хорошо знал, что ближний потерпит нечто тяжкое в том случае, если не будет прекращен оскорбительный образ действий, то пусть он сам потерпит такой же ущерб, как и пострадавший от него, и один перенесет его несчастие. Ибо это загадочно означается словами: *да отдаст вола за вола; мертвый же ему да будет.* Дело не оканчивается тем, что обидевшие лишатся своего добра, но они подвергнутся тому несчастию и им приключится то страдание, которое случилось с ближним.

П. Как хорошо идет у нас речь!

К. И божественный Павел дал нам премудрый закон касательно любви друг к другу, говоря так: *не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотряйте* (Флп. 2, 4). Ибо любовь *не ищет своих си* (1 Кор. 13, 5), но имеет в виду и других, и то, чтобы дела братий находились в хорошем положении. На это именно опять намекает нам древнее Писание следующим образом: *аще же кто потравит ниву или виноград, и пустит скот свой пастися на чуждей ниве, да даст от нивы своея по плоду его: аще же всю ниву потравит, лучшая нивы своея, и лучшая винограда своего да отдаст* (Исх. 22, 5). Ибо пускающий свой скот на лучшие поля доставляет себе пользу и

ищет своего, только не теми способами, которые могли бы обрадовать соседа или сделать удовольствие ближнему, но такими, от которых происходит печаль и обида. Итак, надобно искать своей пользы, то есть *своих си,* не чрез похищение у других, но так, чтобы мы достигли своей цели, нисколько не погрешая и не нарушая благодушия соседа. Ясно, что это именно означает искать того, что касается и других. Иначе пусть, говорит, знает тот, кто захочет неосторожно оскорблять братьев и не предусмотрителен в отношении к ближнему, а имеет в виду только свою выгоду, – пусть знает, что он потерпит соответственный ущерб и что искание мнимой пользы причинит ему потерю того, что ему всего дороже. Это, я думаю, и есть то, что он отдаст *лучшая нивы своея и лучшая винограда своего.* Значение предложенных слов применимо, как мне кажется, и к изобретателям ересей, ученики которых, нечистые и бессмысленные, наподобие бессловесных скотов, опустошают Господни нивы и виноградники, в осуждение и наказание изобретателей ересей; потому что их постигнет утрата самого лучшего, то есть погибель самой души. Ведь душа безмерно лучше и виноградника, и нивы, и всего, что только мы можем считать своим.

П. Итак, плодом любви мы назовем искание того, что касается других, а не одного только своего.

К. Совершенно так, Палладий; и хотя исполнение любви к братиям весьма приятно Богу; но Он предусмотрительно не дозволяет, чтобы она была обременяема излишним и чрезмерным злоупотреблением ее с нашей стороны; потому что хотя бы чей-либо ум был и хорошо утвержден, хотя бы он украшен был всякого рода добродетелью, но и ему легко можно повредить, когда на него устремляются не умеренно, а с неотразимым порывом.

П. О чем ты говоришь? Я не понимаю этого ясно.

К. Не называешь ли ты добродетелию кротость и терпеливость?

П. Как же назвать?

К. Однако ж, если случится, что кто-нибудь нанесет огорчения и обиды и то, чем возбуждается гнев, человеку, который старается быть кротким и терпеливым, то, конечно, в том случае, если это будет сделано умеренно, он иногда стерпит и мужественно перенесет оскорбления и воспользуется ими для упражнения в кротости и незлобии; но если оскорби-

тель перейдет меру и выступит за пределы терпения, то нет ничего странного, что добродетель, как бы пересиленная, несколько и ослабеет.

П. Ты хорошо говоришь, потому что добро в людях находится как бы в состоянии опьянения и едва стоит даже тогда, когда никто его не колеблет.

К. Перейди теперь, если угодно, и к самой любви, так как она есть добродетель преимущественная и превосходящая все прочие. Однако и она не выдерживает сильного злоупотребления; этому опять научает нас закон, как бы в виде притчи и наглядного примера, когда говорит: *аще же внидеши на ниву ближняго своего, и собереши в руце свои класы, а серпа да не возложиши на ниву ближняго своего. Аще же внидеши в виноград ближняго своего, да яси гроздие, елико души твоей насытитися, в сосуд же да не вложиши* (Втор. 23, 24–25). Ибо нет вреда в том, чтобы собрать руками немного колосьев или нарвать винограду для лакомства или для пищи. Закон любви, думаю, примет это благодушно, и случившееся, кажется, не превышает меры. Но подвергать посевы ближнего действию жнущего железа – это значит переходить и переступать пределы взаимной любви и вступать уже в границы любостяжания. Итак, этот пример ясно показывает, что не должно злоупотреблять благорасположением братий, но чтить и взаимную любовь своею умеренностию. Кстати, как я думаю, было бы применить сказанное об этом к некоторым другим, которые, пожиная, как бы духовную пищу, речи учащих в церкви, произносимые по случайным обстоятельствам и без приготовления, не хотят на этом останавливаться, но, преступая меру, вносят их в записные книжки, как бы влагая в сосуд. Хотя они и очень любознательны, но они некоторым образом поступают несправедливо по отношению к доброй славе своих братий, потому что то, что было составлено поспешно, они передают письмени, как будто нечто весьма обработанное. Но закон, почтеннейшие, сказал бы я им, ясно повелел ничего не влагать в сосуд.

П. Итак, опасно излишним пользованием как бы расшатывать добродетель души и осмеливаться, так сказать, колебать хорошо утвержденный ум.

К. Это верно. Бог всяческих ясно постановил, чтобы мы не злоумышляли против добродетели; а только пользова-

лись, если случится, благами, происходящими от нее. Он предлагает касательно этого неясную загадку и в самых малых предметах живописует то, что несравненно превосходнее. Именно, во Второзаконии написано: *аще же улучиши гнездо птичие пред лицем твоим на пути, или на древе некоем, или на земли, и в нем птенцы или яица, и мати седит на птенцех, или яицех, да не возмеши матери со птенцы. Отпущением да отпустиши матерь, птенцы же возмеши себе, да благо тебе будет, и долгоденствен будеши* (Втор. 22, 6–7).

П. Что же это значит? Для меня загадка неясна.

К. Неужели ты не понимаешь этого ясно? То есть, что если кто найдет птицу, еще вьющую гнездо или насиживающую яйца, то он может употребить в свою пользу и присвоить произведенное ею, а ее самое должен пустить, не сделавши ей никакого вреда.

П. Так точно, потому что такова мысль закона.

К. Теперь взирай на сокровенное и, как бы снявши покров тени, рассматривай умом истину. Каждая добродетель есть как бы мать и источник происходящих от нее благ, будет ли это, например, добродушие, нищелюбие, кротость, долготерпение. Ибо добродушным бывает кто-либо не столько по отношению к себе, как к другим; также и в нищелюбии участвуют те, которые в нем нуждаются, подобным образом и в кротости и в долготерпении. И так каждая добродетель может быть мыслима как мать и некоторым образом начало тех благ, которые в ней и из нее происходят. А как бы гнезда добродетелей суть души, которые рождают их и содержат в себе самих. Итак, закон говорит, что, встречаясь с людьми, в которых добродетели собраны, как в гнезде, надобно, приобретая от них пользу, не вредить при этом добродетели — матери прекраснейших деяний. А добродетели причиняют вред, когда колеблют ее теми способами, о которых мы уже прежде сказали.

П. Как глубока эта загадка!

К. Да, ты говоришь правильно; и мы можем сказать, подобно блаженному Павлу: *еда* о птицах *радит Бог? Или нас ради всяко глаголет?* (1 Кор. 9, 9–10.) Ибо слова заповеди Моисеевой показывают нам образы вещей, а не показывают ясно самих вещей. Ты можешь видеть еще, как закон мало-

помалу приводит нас к расположению самой высшей взаимной любви. Он старается убедить, чтобы мы любили и оскорбивших нас и являлись преодолевающими огорчение на врагов, не будучи побеждаемы злом, но скорее побеждая зло добром. Ибо опять в книге Исход он сказал: *аще же срящеши говядо* (вола) *врага твоего, или осля его заблуждающее, обратив да отдаси ему. Аще же узриши осля врага твоего падшее под бременем его, да не мимоидеши е, но да воздвигнеши е с ним* (Исх. 23, 4–5); а во Второзаконии: *видев тельца брата твоего, или овцу его заблуждающия на пути, да не презриши я: но возвращением возвратиши я к брату твоему. Аще же несть близ тебе брат твой, ниже увеси его, собери я внутрь дому твоего, и да будут у тебе, дондеже взыщет их брат твой, и отдаси их ему. Також сотвориши осляти его, и тако да сотвориши ризе его, и тако да сотвориши всему погубленному брата твоего: елика аще погибнут от него, и обрящеши я, да не возможеши пренебрещи я.* Не оставляй без внимания *осля брата твоего или тельца его падшия на пути, да не презриши я: возставляя да возставиши я с собою* (Втор. 22, 1–4). Итак, понимаешь, как превосходно закон ведет нас уже к высокой и совершенной добродетели, когда он повелевает как бы упражняться в непамятозлобии посредством заботы о скотах оскорбившего; его он часто величает и именем брата, препятствуя этим, как я думаю, запальчивости в гневе и излишеству в обидчивости и приводя закон природы, как бы судию, решающего в пользу любви. Если найдешь, говорит, заблудившийся скот или потерянную одежду, то сбереги их для брата твоего; и если бы случилось, что вьючное животное пало на землю и было подавляемо бременем, помоги и подними его. А это не что иное значит, как оказывать пользу владельцу, упражняться в милосердии, воспитываться в любви к ближним, стараться далеко отгонять обидчивость и избегать раздоров, чтобы не являться нарушающими любовь и закон братолюбия. Но кажется, что это изречение намекает и на что-то другое. Ибо если столь великая была забота у Законодателя о том, чтобы мы подавали помощь даже в том случае, когда пострадало какое-нибудь бессловесное животное, то не гораздо ли угоднее Ему будет попечительность о людях и взаимная любовь, долженствующая быть между существами одного рода? Поэтому, если бы случилось, что даже

враг заблудился, то пусть он узнает от нас прямой путь и будет направлен нами туда, куда ему нужно. Так и Христос, несмотря на то что израильтяне бросали в Него камнями, говорил им: *дондеже свет имате,* ходите в свете, *да тьма вас не имет* (Ин. 12, 35). И если кто-нибудь из обидевших нас будет тесним трудностями и испытаниями и, как бы поверженный на землю, будет подавляем непреодолимой нуждой, то пусть, говорит (закон), он получит от нас помощь и пусть находящийся с ним в неприязни станет выше оскорбления. Не есть ли это то же самое, что высказано в словах: *добро творите ненавидящим вас, и молитеся за творящих вам напасть?* (Мф. 5, 44.)

П. Ты сказал весьма хорошо.

К. Итак, святым прилично сострадать страждущим и не делать поводом к оскорблению то, о чем лучше было бы сожалеть, не нападать и не устремлять свой гнев на тех, которые и без того обижены. И хотя бы кто легко мог тайно исполнить злоумышление, закон весьма хорошо говорит, что должно удерживаться и от такого рода злых поступков; он сказал опять: *зла да не речеши глухому, и пред слепым да не положиши претыкания* (Лев. 19, 14). Не лучше ли и не приличнее ли всего людям весьма честным иметь на языке как бы узду и избегать злословия относительно чего бы то ни было, а особенно относительно каждого человека: *не оклеветайте друг друга, братие,* — говорит ученик Спасителя (Иак. 4, 11). А вот и закон говорит: *зла да не речеши глухому,* имея целью, как я думаю, гадательно показать, что люди истинно честного нрава необходимо должны уклоняться от нанесения обиды, хотя бы и легко мог потерпеть ее кто-либо. Так, глухой и слепой не свободны от бессилия, потому что они страдают телесными недостатками и лишёны чувств, именно зрения и слуха; и глухой не услышал бы того, кто захотел бы его бранить, также и слепой не увидел бы полагающего пред ним преткновение. Поэтому нисколько не трудно скрыться тому, кто пожелал бы злоумышлять против них. Но делающие это оказываются обижающими тех, о которых скорее следовало бы жалеть, как уже по природе своей подверженных несчастию, когда претыканием ставят в неприятное положение слепого, о том не знающего, и порицая глухого, как будто говоря ему добрые слова, вызывают у него иногда даже улыбку, а

нередко вредят и в самом важном. Итак, если бы кто это сделал, то хотя коварство его по отношению к тому и другому и осталось бы скрытым, но он не избежит обвинения в жестокости и крайней бесчеловечности.

П. Правда.

К. А что и древнее Откровение хочет сделать нас дружелюбными и сострадательными, это ты легко можешь узнать, слыша, как оно в одном месте говорит так: *отверзая да отверзеши* сердце твое брату твоему, нуждающемуся в тебе (Втор. 15, 7–8), а в другом так: *и пришельца не озлобите, ниже оскорбите его: пришельцы бо бесте в земли Египетстей. Всякия вдовы и сироты не озлобите: аще же злобою озлобите я, и возстенавше возопиют ко Мне, слухом услышу глас их, разгневаюся яростию, и побию вы мечем, и будут жены ваша вдовы, и чада ваша сироты. Аще же даси сребро взаем брату* твоему *нищему иже у тебе, не буди его понуждаяй, ниже наложиши ему лихвы. И аще заложит в залог ризу друг твой, до захождения солнца отдаси ему. Есть бо сия покровение ему, сия едина риза стыдения его, в чем спати будет? Аще убо возопиет ко Мне, услышу его: милостив бо есмь* (Исх. 22, 21–27). Слышишь ли, как Он, предложив кроткое поучение о взаимной любви, пригрозил сверх того и гневом? Он даже почти оправдывает Себя благосклонно пред теми, которые подпадут Его гневу, если не будут стараться оказывать благорасположение к братиям. *Милостив бо есмь,* — говорит, то есть: будучи благ по естеству и милосерд, как Бог, Я непременно приму вопль потерпевшего и тотчас подвигнусь к состраданию слезами удрученных бедностью. Поэтому надобно предотвращать жалобу бедняка. Что следует быть общительными и признавать нищелюбие достойным преимущественной заботы, к этому Он опять увещевает во Второзаконии, говоря: *да не лишиши мзды убогаго и требующаго от братии твоея, или от пришлец, иже во градех твоих. В той же день да отдаси мзду ему, да не зайдет солнце ему, яко убог есть, и в том имать надежду, и да не возопиет на тя к Господеви, и будет тебе грех* (Втор. 24, 14–15). Разумеешь ли, что Он убеждает страшиться вопля бедняка, поощряя ко взаимной любви? А новое, данное Христом Писание, вводя добродетель совершенную, говорит: *продадите имения ваша, и дадите милостыню,* и тогда все у вас будет

благоуспешно (Лк. 12, 33 и 31). Это и делали некоторые из уверовавших: они приносили цену земель и домов, *и полагаху при ногах Апостол: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше* (Деян. 4, 34–35). Но так как закон есть преподаватель простых учений и ведет только к начаткам глаголов Божиих, то он предписывает, как бы некоторое предварительное упражнение на пути к этому, — независтливость в малом; посему говорит: *аще же пожнеши ниву твою на селе твоем, и забудеши сноп на ниве твоей, да не возвратишися взяти его: пришельцу, и убогу, и сиру, и вдове да будет, да благословит тя Господь Бог твой во всех делех руку твоею. Аще же масличие собираеши, да не возвратишися останков собрати яже за тобою: пришельцу, и сиру и вдове да будут: и воспомянеши, яко раб был еси в земли Египетстей: сего ради Аз тебе заповедаю творити слово сие. Аще же обираеши виноград твой, да не собираеши останков яже за тобою: пришельцу и сиру и вдове да будут: и помянеши, яко раб был еси в земли Египетстей: сего ради Аз тебе заповедаю творити сие слово* (Втор. 24, 19–22). Ибо хорошо в радости помнить о прежних горестях и страданиях: это побуждает к нищелюбию и не допускает при избытке благополучия забывать о бедствиях, сопряженных со скудостию.

П. Правда.

К. Смотри еще, как искусно и тонко закон отучает от дурного и убеждает не допускать бессердечия, а приводит к лучшему и направляет к расположению взаимной любви. Он, с одной стороны, поощряет давать взаймы братиям, если они в чем нуждаются, а с другой — запрещает брать лихву и повелевает уклоняться от чрезмерных стяжаний. Заповедавши сверх того не быть придирчивыми и настойчивыми по отношению к должникам, он повелевает творить отпущение долгов. А пишет он так: *да не даси брату твоему в лихву сребра, и в лихву пищей, и в лихву всякия вещи, емуже аще взаим даси. Чуждему да даси в лихву, брату же твоему да не даси в лихву, да благословит тя Господь Бог твой во всех делех твоих на земли, в нюже входиши тамо, наследити ю* (Втор. 23, 19–20). Что касается до воли Законодателя, в предмете у Него было, чтобы имеющие избыток без скупости оказывали благоволение и благодеяния и чужим, и бра-

тиям. *Всякому просящему у тебе дай,* — говорит Христос, — *и от взимающаго твоя не истязуй* (Лк. 6, 30). Поелику же ум древних не очень был силен в справедливости, так чтобы мог безукоризненно совершать доброе, то закон, руководствуя к этому, идет вперед мало-помалу и полагает меру справедливого образа действий по отношению к братиям и близким, а совершенство милосердия, щедрость к чужим, общительность со всеми соблюдает для совершеннейшего детоводительства; ибо *до времени исправления* (Евр. 9, 10) продолжались тени, а временем этим было время Христова пришествия.

П. Ты сказал прекрасно.

К. Заповедав, таким образом, давать взаймы, ограничив излишнее стяжание и обещав благословение решившимся исполнять это, закон повелевает отпускать долги по прошествии семи лет и этим чествовать время всеобщего отпущения, то есть пришествия Христа, в которое все мы оправданы верою, получив прощение прежних прегрешений; так как Он пригвоздил к Своему кресту бывшее против нас рукописание и устранил обвинение нас пред Судиею (Кол. 2, 14). Он (закон) так говорит во Второзаконии: *в седмое лето да сотвориши отпущение. И сице заповедь отпущения: да оставиши весь долг твой, имже должен ближний тебе, и от брата своего не истяжеши, яко наречеся отпущение Господу Богу твоему. От чуждаго да истяжеши, елика суть твоя у него: брату же твоему отпущение да сотвориши долга твоего, яко не будет у тебе недостаточен, зане благословением благословит тя Господь Бог твой в земли, юже тебе Господь Бог дает во жребий прияти ю.* И спустя несколько говорит еще: *аще же от братии твоея будет тебе недостаточен во едином от градов твоих в земли, юже Господь Бог твой дает тебе, да не отвратиши сердца твоего, ниже сожмеши руки твоея пред братом твоим требующим: отверзая да отверзеши руку твою ему, взаим да даси ему, елико просит и елико ему не достанет. Внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония, глаголя: близ есть седмое лето, лето отпущения, и возлукавнует око твое брату твоему требующему, и не даси ему, и возопиет на тя ко Господу, и будет тебе грех велик. Даянием да даси ему и взаим да даси ему, елико воспросит* у тебя, *и не опечалися в сердцы своем,*

дающу ти ему, яко сего ради слова благословит тя Господь Бог твой во всех делех твоих, и во всем, на неже возложиши руку твою (Втор. 15, 1–5 и 7–10). *Не опечалися,* — говорит, — *в сердцы, дающу ти ему: доброхотна бо дателя любит Бог,* по слову блаженного Павла (2 Кор. 9, 7).

П. Но каким образом это седьмое лето означает пришествие нашего Спасителя, в которое возвещено время или совершился образ отпущения для всех людей?

К. Разве ты не помнишь того, что мы сказали уже выше, именно, что Божественному Писанию обычно все продолжение настоящего века уподоблять седмице, по причине кругового возвращения дней к началу? Конец седмицы есть суббота, и следующий за нею тотчас восьмой день приносит нам с Воскресением Христовым как бы новое начало века.

П. Помню.

К. Итак, Христос пришел, по Писаниям, при кончине настоящего века и как бы в субботу, когда и разрешил всех, связанных узами своих грехов и должных Ему отчетом в преступлении. Поэтому и в Евангелиях Он уподобляет нас должникам, говоря: *два должника беста* человеку *некоему: един бе должен* ему *пятиюсот динарий, другий же пятьюдесят. Не имущема же има воздати, обема отда* (Лк. 7, 41–42). И к тому еще, начертывая нам образ молитвы, говорит: *сице убо молитеся вы: Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое: да приидет Царствие Твое: да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь: и остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим* (Мф. 6, 9–12). Итак, косвенно и гадательно открывал нам закон Божественную тайну, повелевая делать отпущение чрез семь лет; и на стези благости вводит Он, научая любовь к братиям считать лучшею богатства и убеждая *благоподатливым быти* и *общительным* (1 Тим. 6, 18), человеколюбие к брату и ближнему поставляя как бы некоторым упражнением в более высоком чувстве сострадательности ко всем.

П. Так. Я соглашаюсь с тобой, потому что ты говоришь превосходно.

К. Но если ты узнаешь еще большее, Палладий, то удивишься.

П. Что такое?

К. Закон желает, чтобы мы достигали такой благости и любви друг к другу, чтобы ничего не считать равносильным любви к братиям; – так уступали им и столь мужественно переносили их нерасположение, чтобы преодолевать и гнев, хотя бы они в отношении к нам и не были такими, какими им должно быть и казаться, и решились огорчать нас отсутствием нежной любви. И этого образ ты имеешь в книге Чисел. *И посла,* – сказано, – *Моисей послы от Кадиса к царю едомскому, глаголя: тако глаголет брат твой Израиль: ты веси весь труд обретший нас. И снидоша отцы наши в Египет, и жихом во Египте дни многи, и озлобиша нас египтяне, и отцев наших. И возопихом ко Господу, и услыша Господь глас наш, и послав Ангела, изведе ны из Египта; и ныне есмы в Кадисе граде, на конце предел твоих. Да прейдем сквозе землю твою; не пройдем сквозе села, ни сквозе винограды, ни пием воды в потоцех твоих; путем царским пойдем, не совратимся ни на десно, ни на лево, дондеже прейдем пределы твоя. И рече к ним Едом: не пройдеши сквозе мене; аще же ни, ратию изыду противу тебе. И рекоша к нему сынове Израилевы: под горою пройдем; аще же от воды твоея ис пием аз и скоты моя, дам цену тебе; но вещь сия ничтоже есть: под горою да пройдем. Он же рече: не пройдеши сквозе мене. И изыде противу Едом с народом тяжким и рукою крепкою. И не восхоте Едом дати Израилю пройти сквозе пределы своя; и уклонися Израиль от него* (Чис. 20, 14–21) Слышишь, как происходившие от племени Израиля, весьма кстати исчисливши перенесенные в Египте бедствия и подробно упомянувши о видах оного гордого владычества, скромно просили ничего невыгодного не заключавшей в себе милости, едва не стараясь о том, чтобы сделать своим союзником родственный народ (ибо он происходил от Исава, брата Иакова). Но те, которые должны были бы быть милосердыми и дозволить им делать то, что они признавали для себя полезным и выгодным, на самих делах изобличены были как жестокие, бесчувственные и не знающие сострадания: ибо преградили им путь, хотя народ (Израильский) ясно говорил, что он не только не причинит вреда ни виноградникам, ни плодоносию полей их, но и воду будет черпать не бесплатно, а тот (т. е. Едом), если бы израильтяне не пожелали отступиться от своего требования, не только угрожал нападением, но

уже и вооружился и стал в строй со всем войском. Но что на это Израиль? Он был выше малодушия. Ибо *уклонися,* – сказано, – *от него,* избегая ссоры с братьями и чрезвычайною терпеливостью воздавши честь закону близкого родства. Или ты думаешь, что это не так?

П. Совершенно так.

К. Итак, мы должны думать, что подавлять негодование, и обуздывать гнев, и соразмерять наказание с прегрешениями каждого, и кроме того давать суждения о каждом правильные и вполне безукоризненные есть плод и дело любви к братьям.

П. И весьма справедливо.

К. Итак, тебе представляется случай, если ты хочешь, снова послушать говорящего в одном месте: *и да не враждуеши на сыны людей своих* (Лев. 19, 18); в другом же месте опять: *аще же будет пря между человеки, и приидут на суд, и да судят, и оправдят праваго, и осудят нечестиваго. И аще достоин ран нечестивый, да поставиши его пред судьями, и да биют его пред ними по нечестию его. И числом четыредесять ран да наложат ему, и да не приложат к сему: аще же приложат паче ран сих бити его множае, срам будет брату твоему пред тобою* (Втор 25, 1–3).

П. Но какое является нам основание к тому, чтобы осужденным давать ударов числом только сорок? И каким образом, объясни мне, большее сего число посрамляет некоторых?

К. Многими способами прекрасно сеннописуется пред нами чрез древнюю заповедь таинство Христа и как бы изображается[1] для нас спасительная страсть, в которой и чрез которую мы освобождены от всего, имевшего силу причинять зло и ввергавшего нас в неисцельные бедствия. И, как я говорил недавно, бывающее чрез семь лет прощение должников таинственно указывает на время прощения всех, ибо мы оправданы во Христе и научены говорить в молитвах к сущему на небесах Отцу и Богу: *остави нам долги наша;* – так и здесь достижение сорока ударов в наказании бичами для биющих или биемых указывает на вожделеннейшее для нас время домостроительства Единородного с плотию, в каковое время *язвою Его мы исцелехом* (Ис. 53, 5; сн. 1 Пет 2, 24) *и Той мучен бысть за грехи наша* (Ис. 53, 5), когда дерзко поносили Его израильтяне и Пилат

---

[1] Πλαστουργεῖτι – собственно указывает на лепную работу

наносил удары по хребту Его, мы же изъяты от кары и наказания: ибо древле были *многи раны грешному,* по написанному (Пс. 31, 10); но за нас бичуем был Христос: потому что как за всех умер Он, так за всех и бичуем был, будучи один равноценен всем. Рассеки же сорокадневное число на пятью восемь, число и пять и восемь найдешь полезным для означения этого времени, ибо пришел Единородный в пятую часть времени, по евангельской притче (Мф. 20, 1–16): некто нанимал делателей в виноградник, вышедши около часа первого, третьего и шестого, девятого и одиннадцатого; воскрес же Он в осмой день, разрушивши державу смерти и погубивши вместе с нею мать приведенного отвне тления, то есть грех, с уничтожением которого необходимо упраздняются и бичевания, равно как и кары за него и наказания. Поэтому закон не дозволяет, чтобы удары переходили за число сорок, тем самым и установляя как бы меру наказания до пришествия Христа, и указывая на время отпущения: ибо образы содержат в себе красоту истины. Должно знать также, что Израиль, оскорбивши Бога, сорок лет блуждал по пустыне: потому что Бог клятвою клялся не вводить их в землю обетования. И это было пределом гнева для них; когда же прошло это время, то и гнев престал, и потомки их перешли Иордан, и вошли в землю, причем негодование не перешло за сороковой год. Так и этого события ясным образом служит нанесение некоторым до сорока ударов, потому что следовавшее за тем время было временем отпущения, принося нам таинственный переход чрез Иордан и каменные ножи, то есть обрезание в духе и воеводство Иисусово: ибо руководителем нашим, после Моисея и закона, стал Христос.

П. Согласен.

К. Итак, дабы правильно и неподкупно были решаемы судебные дела и уничтожаемы виды корыстолюбия, *судии и книгочии,* — сказано, — *поставиши себе во всех градех твоих, яже Господь Бог твой дает тебе по племенам, и да судят людем суд праведный. Да не уклонят суда, ниже познают лице, ниже да возмут даров: дары бо ослепляют очи мудрых, и отмещут словеса праведных* (Втор. 16, 18–19): ибо закон считал нужным, и вполне справедливо, чтобы поставленные судить являлись выше страсти корыстолюбия и из-за любви к кому бы то ни было не допускали нарушения обязанности поступать правильно и безукоризненно; но чтобы, отвергая уклонение в иную сторону, как дело нечестивое, и взве-

шивая каждое дело сообразно с законом, подражали Судии всяческих, то есть Христу, о Котором и сам закон ясно предвозвестил, признавая Его как Бога и Судией. Сказал же еще таким образом: *аще же внидеши в землю, юже Господь Бог твой дает тебе в жребий, и приимеши ю, и вселишися на ней, и речеши: поставлю князя над собою, якоже и прочии языцы, иже окрест мене: поставляя да поставиши над собою князя, его же изберет Господь Бог твой: от братии твоея да поставиши над собою князя, не возможеши поставити над собою князя человека чуждаго, яко не брат твой есть* (Втор. 17, 14–15): ибо нам должно как можно дальше убегать служения твари помимо Творца Бога, склоняться к словам истины и взывать как бы к святой земле, то есть к обетованию Божию чрез веру во Христе; и таким образом поставить над самими собою князя и судию рожденного от Бога Сына, хотя Он представляется и с плотию, говорит же о нас: *Аз же поставлен есмь царь от Него над Сионом горою святою Его, возвещаяй повеление Господне* (Пс. 2, 6–7). Иного же кого-либо, кроме Него, мы, конечно, не примем и игу чужеземных не подставим выи: *един бо есть наш учитель*[1], *Христос* (Мф. 23, 8). Несчастные же иудеи вне пребывают по причине неверия и вовсе не приняли князем и судиею Христа, хотя и сошедшего с небес хотением и благоволением Бога и Отца, но сверх того даже и избрали начальником над собою человека чуждого, сына погибели, то есть антихриста, иноплеменного и инородного и не от крови Израиля происшедшего, хотя закон ясно высказал: *не возможеши поставити над собою князя человека чуждаго, яко не брат твой есть* (Втор. 17, 15). Слышали же они и Самого Христа, говорящего: *Аз приидох во имя Отца Моего, и не приемлете Мене: аще ин приидет во имя свое, того приемлете* (Ин. 5, 43): ибо пришел Христос в славу Бога Отца. Придет же в свое время сын беззакония не в славу Бога Отца, ибо это, я думаю, и значит: *во имя Отца,* — но возложивши на свою главу, несчастный, имя Божества: ибо он сядет в доме Божием, *показуя себе, яко бог есть* (2 Сол. 2, 4). Но иудеи никогда не стали бы поклоняться

[1] Καθηγητής собственно значит: проводник, затем руководитель, наставник, учитель Этим изречением Господа Спасителя св. Отец подтверждает выше высказанную им мысль, что «руководителем (καθηγητής) нашим, после Моисея и закона, стал Христос» (с.106).

ему и не приняли бы его, как Христа, если бы соблюдали закон; ибо он ясно предвозвестил, что Христос произойдет из рода Израиля[1]. Они же, и это отвергши, как обветшавшее, примут человека чуждого и иноплеменного.

П. Итак, они *снедят своих путей плоды* (Притч. 1, 31) и понесут достойное своей постыдной безрассудности наказание.

К. Ты сказал правильно; ибо судящий праведно Бог воздаст каждому вполне по делу его. И об этом у нас достаточно сказано. К поставленным же для суда над другими и помещенным на приличествующее судиям седалище закон еще взывает: *да не приимеши слуха суетна,* то есть слова ложного и исполненного клеветы; *да не приложишися ко множеству, уклонитися со множайшими, яко превратити суд* (Исх. 23, 1–2). И через несколько слов затем опять: *да не превратиши суда нищему в суде его. От всякаго слова неправеднаго да отступиши* (23, 6–7): ибо имеющим власть судить наиболее всего прилично быть безупречными в словах, и тому, кто должен выносить приговор о каждом из предметов обвинения, согласно определению Законодателя, необходимо говорить правду. С пользою же присоединено и то: *нищаго да не помилуеши на суде* (Исх. 23, 3): ибо, когда судимый не богат, тогда для судящих удобно и легко склониться на две стороны; потому что, с одной стороны, легко обидеть человека, стесненного бедностью, а с другой — иногда бывает недостаточно бедности для того, чтобы склонить к нарушению требований справедливости, возбуждая к милосердию более мягких из судей. Итак, закон запрещает и делать притеснение, и оказывать сострадание находящимся в бедности и несчастии, сохраняя неповрежденной красоту праведного суда и повсюду поставляя судию блюстителем справедливости: ибо *праведне праведное гони,* говорит он (Втор. 16, 20), потому что оскорблять закон, хотя бы казалось, что в этом есть нечто и доброе, по справедливости представляется не безгрешным; ибо *есть праведный погибаяй в своей правде,* по написанному (Еккл. 7, 16). Итак, подлинно благость нуждается в искусстве, и неблаговременное милосердие не избежит обвине-

---

[1] Разумеются места из Пятокнижия Моисеева: Быт. 49, 10; Чис 24, 17; Втор. 18, 15–18 и далее.

ния в оскорблении закона. Поэтому замеченных в более легких проступках он исправляет позором бичевания. Смотри же, сколь раболепно это дело и недостойно человека свободного; но и не удивляйся: ибо в них был дух рабства (Рим. 8, 15). По причине этого наказание ударами уже не соединяется с данными чрез Христа заповедями, как древле — с законом, но предлагается более приличествующее свободным: блестящие и достойные принятия дары, начатки и обетования духовных благ, и облаженствование, подобающее за добрые дела, и уже не угроза, а более увещания к добродетели. Ибо с древнейшими, как с рабами, говорил Моисей, как слуга и сораб; Христос же — с сынами, как Сын, и как с братьями по усыновлению, будучи истинно и несомненно от Бога Отца происшедшим Сыном.

П. Это правильно.

К. Убийцу закон наказывает смертью, и необузданную дерзость сдерживает воздаянием равного, и невыносимую ярость карает нестерпимым наказанием и чрезвычайными бедствиями, тщательно испытавши наперед намерение действующего; и если преступление совершено добровольно, то отъемлет милость. Он не дозволяет также, чтобы посрамляема была любовь друг к другу, обессиливаемая неблаговременностью и применением ее к тому, в чем она менее всего нужна, низводимая как бы до изнеженности: ибо он сказал так: *аще же кто приложит убити ближняго своего лестию, и прибегнет (ко олтарю), от олтаря Моего да возмеши того умертвити* (Исх. 21, 14). Если же вред потерпевшего насилие от биющего доходит только до изнеможения, то умеряет наказание и повелевает, чтобы тот вред был оплачиваем деньгами, ибо сказал еще так: *аще же сварятся два мужа, и ударит един другаго каменем, или пястию, и не умрет, но сляжет на одре: аще востав человек походит вне о жезле, неповинен будет ударивый его: точию за неделание его да даст цену, и на цельбу* (Исх. 21, 18–19). Это повелевает закон; Спаситель же, предлагая закон совершеннейшей добродетели, говорит, биющему тебя *в десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5, 39, срав. Лк. 6, 29). О рабах же закон постановляет следующее: *аще же кто ударит раба своего, или рабу свою жезлом, и умрет от руки его, судом да отмстится; аще же преживет день един или два, да не мстится: сребро бо его есть* (Исх. 21, 20–21). Итак, чрезмерный гнев

он наказывает смертию: ибо Бог не допустил лишать и самой жизни находящихся в нашей власти и под игом нашим потому только, что мы, вследствие преобладания, стали их господами. Но он убеждает с гневом соединять и милость, определяя высшую кару убийце: *аще же преживет,* – говорит, – *день един или два, да не мстится: сребро бо его есть:* ибо он почти так говорит: случившееся с потерпевшим, после того как он некоторым образом оправился от повреждения, уже не есть дело гнева бившего его; потому что никто не захотел бы потерять собственного раба, которого купил за серебро и приобрел, отдавши за него деньги. Но если бы кто был убийцею невольным, то закон определяет наказывать его вечною ссылкой, умеренным человеколюбием растворяя наказание и невольное преступление весьма благоразумно не ставя на одном ряду с преступлениями вольными. Городов же повелел отделить три, которые и назвал *убежищами* (Втор. 4, 41 и далее); туда-то он ссылает убегающих от невольных преступлений. И время отпущения он определяет опять даже и для этих, находящихся в столь несчастном положении, именно – смерть высшего и главного священника. Пишет же таким образом в книге Чисел: *аще же внезапу не вражды ради ринет его, или вержет на него всяк сосуд не по навету, или всяким каменем, имже вержет неведый, и падет на него, и умрет, он же враг его не бе, ниже ищай зла ему творити, и да судит сонм между убившим и между ужиком крове, по судьбам сим: и избавит сонм убившаго от ужика крове, и да возвратит его сонм во град убежища его, в оньже убежа, и поживет тамо, дондеже умрет жрец великий, его же помазаша елеем святым* (Чис. 35, 22–25). И затем через несколько слов: *и по умертвии жерца великаго, да возвратится убивый в землю одержания своего* (35, 28).

П. Итак, концом ссылки для них служит смерть только что названного нами священника.

К. Это - внешний покров для образов; а внутри теней содержится таинство Христа.

П. Каким образом?

К. Может быть, не безосновательно, Палладий, о связанных узами греха думать, что они суть как бы какие убийцы собственной души и что они ниспали до такого несчастного положения не добровольно, но как бы вынуждены были к преступлению и к оскорблению Бога, *зане прилежит помыш-*

ление человеку на злая от юности его (Быт. 8, 21) и в силу господствующего во удех плоти закона (Рим. 7, 23–25) неукротимого любострастия. Поэтому несчастная душа человека наказываема была изгнанием из мира и из тела и, засевши как бы в каком городе убежища, во внутреннейших областях смерти, пребывала там долгие времена и едва лишь тогда была отпущена, когда умер Христос, Великий Священник, Который, потерпевши смерть за всех, сошел во ад, отверз двери сущим в преисподней и освободил их от уз, говоря *сущим во узах: изыдите, и сущим во тме: открыйтеся* (Ис. 49, 9).

П. Как ясна эта речь!

К. Побуждая же древних стяжать себе славу не в одном каком-либо роде добродетели, но украшаться всеми видами ее и поступать возможно лучше, *да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован* (2 Тим. 3, 17), закон и брачные союзы соглашает с требованиями честности и ясно постановляет, как они должны быть совершаемы, чтобы быть непорочными пред Богом и людьми. Поэтому блуд и нечистоту он извергает совершенно, а мужеложство и прелюбодеяние устраняет возможно дальше, говоря в книге Левит: *и к жене ближняго твоего да не даси ложа семене твоего, осквèрнитися с нею. И с мужеским полом да не ляжеши женским ложем, мерзость бо есть* (Лев. 18, 20 и 22). Что таковые постыдные дела, говорит он, сами в себе носят свое осуждение и что в них много заключено зловонного, это без труда можно видеть, и не нужно много слов для обличения дошедших до такой мерзости людей в том, что они от себя самих имеют столь постыдную и нелепую славу и от самого естества — обвинение. Поэтому, опустивши таковое, он исследует совершаемое законно и не вопреки разуму, говоря во Второзаконии: *аще же кто поймет жену, и поживет с нею, и будет аще не обрящет благодати пред ним, яко обрете в ней срамное дело, да напишет ей книгу отпущения, и вдаст в руце ея, и да отпустит ю из дому своего, и* если *отшедши будет (жена) мужу иному, и возненавидит ю муж вторый, и напишет ей книгу отпущения, и даст ей в руце ея, и отпустит ю из дому своего, или умрет муж ея вторый, иже бе ю поял себе в жену, не возможет муж первый отпустивый ю, возратив пояти ю себе в жену, по осквернении ея, яко гнусно есть пред Господем Богом твоим: и да не оскверна-*

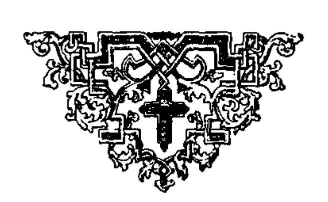
вите земли, юже Господь Бог ваш дает вам в наследие (Втор. 24, 1–4): потому что отделившуюся от мужа по благословной вине и потерпевшую бесчестие от другого делать законной сожительницей небезопасно, и даже более того, совсем безумно; ибо *держай*, – сказано, – *прелюбодейцу безумен и нечестив* (Притч. 18, 23). И как запрещает услаждаться явно постыдным и бесспорно осуждаемым, так, с другой стороны, не дозволяет и оклеветывать честное как бесчестное: потому что одинаково грешно и удостаивать нежной любви то, чего лучше было бы избегать, и лишать своего расположения то, чего удаляться постыдно. ибо *горе*, – сказано, – *глаголющим горькое сладкое, и сладкое горькое: лукавое доброе, и доброе лукавое, полагающим тму свет, и свет тму* (Ис. 5, 20). Итак, он не позволяет снова принимать к себе отпущенную, но, с другой стороны, не допускает наносить вред словом и еще не изобличенному. Сказал же еще так *аще же кто поймет жену, и будет с нею, и возненавидит ю, и наложит на ню обвинителная словеса, и нанесет на ню имя злое, и возглаголет: жену сию поях, и пришед к ней, не обретох ю девицею: и взем отец девицы и матерь, да изнесут девическая отроковицы пред старейшины ко вратом. И речет отец отроковицы ко старейшинам: дщерь мою сию дах мужу сему в жену, и ныне возненавидев ю сей, возлагает ей обвинителная словеса, глаголя: не обретох дщере твоея девою: и се девическая дщере моея: и да разгнут ризы пред старейшины града онаго. И да возмут старейшины града онаго мужа того, и накажут его: и да обвинят его стом сиклей, и дадят отцу отроковицы, яко изнесе имя зло на девицу израильтеску, и да будет ему жена: не возможет отпустити ю во вся лета* (Втор. 22, 13–19). Итак, понимаешь ли, что не совсем безнаказанным он повелел отпускать из судилища несправедливо презревшего еще не изобличенную: потому что, я думаю, должно более всего уважать доброе[1] и не гнаться, в пресыщении, за тем, что нравится, решаясь оклеветывать честное как бесчестное; а напротив, всеми силами стараться прилежать ко всему прекрасному и любить сожительство с превосходнейшим по доброй славе. Ибо не допускающий пренебрежения в действия свои

[1] Τὸ ἀγαθόν, а по другим изданиям τὸ ἀληθές – истинное, истину

прекрасно достигает цели своих действий. А что нам следует быть таковыми, закон и это показал, возглашая: *аще созиждеши дом нов, и сотвориши ограждение дому твоему, и да не сотвориши убийства в дому твоем, аще падет падый от него* (Втор. 22, 8): потому что как некрасив дом, лишенный карниза и занесенных на него кровельных перил[1], таким же образом, думаю, вполне неверно и всякое наше доброе дело, если оно не доводится до приличествующего ему конца; и не это одно, но и опасность грозит небрегущим. Это и значит, я думаю, падение кого-либо с дома: ибо горе, сказано, совершающим *дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10) Итак, сколь бесчисленными путями закон приводит нас к полезному! И еще не предлагает пищи, приличной мужам и более твердой, но молоком питает древних, как бы младенцев, мало-помалу приводя их к таинству Христа: ибо, что закон духовен и со стороны тени и образов как бы не съедобен и не полезен для духовной пищи, но будет таковым, если будет применяем к созерцанию евангельскому и к таинству Христа, это ты ясно уразумеешь из написанного о том премудрым Моисеем. Он сказал в книге Левит: *егда же внидете в землю, юже Господь Бог ваш дает вам, и насадите всяко древо снедное и очистите нечистоту его, плод его три лета нечист да будет вам, да не снестся: в лето же четвертое будет всяк плод его свят, похвален Господу: в лето же пятое да снесте плод его, прибыток вам плоды его: Аз Господь Бог ваш* (Лев. 19, 23–25): ибо писания Моисея кажутся нам подобными плодоноснейшим садам, заключая в себе разнообразные произрастения заповедей и будучи украшены, как бы деревьями, законами на каждый случай. Но на каждом дереве *очистите,* — сказано, — *нечистоту его,* то есть отсеки бесполезность истории и сними как бы древесину буквы и дойди до самой сердцевины растения, то есть тщательно исследуй внутренний плод заповеданного, и это употреби в пищу. Но *плод его,* — сказано, — *три лета нечист да будет: да не снестся.* Год поставлен здесь вместо

[1] Дома на Востоке обыкновенно устроялись одноэтажные, с плоской крышей, которая по карнизу окружаема была перилами с целью предупреждения случаев падения с нее, так как устроенная в этом виде кровля служила для отдохновения, для собеседований, для возвещения чего-нибудь в селении и т п

продолжительного периода, потому что три первых времени было, в которые закон был еще нечист, отягченный толщею истории и, как бы бесполезною корою, покрытый сению. Времен же было, говорю, три: время Моисея, Иисуса (Навина) и Судей; время после них было четвертое, в которое возник светлый лик святых пророков. Тогда *плод* закона стал *свят* и *похвален:* ибо со святых пророков началась отмена содержащегося в законе и даже наименование заключающегося как бы в сени, явное же проповедование истины и восхваление таинства пришествия Христова. Вслед за ними явился Предтеча, взывавший и говоривший: *покайтеся, приближибося Царствие Небесное* (Мф. 3, 2). Итак, в четвертое время было положено начало очищению заключающегося в законе и был уже как бы плод свят. Однако годным ко вкушению он сделался только в пятое время — время пришествия Христова, засвидетельствованного законом и пророками. Поэтому сказано: будет плод его *прибыток вам;* ибо кроме евангельских проповедей и научение в законе, приводимое к духовному созерцанию, весьма полезно для людей любознательных; так и Спаситель сказал: *всяк книжник, научився Царствию Небесному, подобен есть человеку* богатому, *иже износит от сокровища своего новая и ветхая* (Мф. 13, 52), новым называя Евангелие, а ветхим то, что содержится в законе и не скудно доставляет нам знание во Христе. Ему слава во веки веков. Аминь.



КНИГА ДЕВЯТАЯ

О святой скинии, что она была образом Церкви Христовой

Итак, весьма явны похвалы любви к братиям, и чрез ту и другую совершается закон. И всякий, достигший такой славы, будет светел и достоин удивления и станет в ряду наиболее присных Богу, когда Христос воззовет и скажет: *добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 21): ибо он подлинно взойдет, и весьма легко, в небесный Иерусалим и будет жить в небесных обителях, наслаждаясь превосходящими ум и слово благами. Таковое же нечто и пророк Исаия говорит: *очи твои узрят, Иерусалиме,* богатые города; *кущи,* которые *не поколеблются, ниже подвигнутся колие храмины его в вечное время, и ужя его не преторгнутся* (Ис. 33, 20): *преходит бо образ мира сего,* по Писаниям (1 Кор. 7, 31). Тверда же весьма и совершенно непоколебима надежда на будущее. Но *сим всем разоряемым,* как то подтвердил и ученик Спасителя, *кацем подобает* оказаться нам (2 Пет. 3, 11), святым и непорочным пред лицем Его, воздающим Ему честь духовными жертвами, как Спасителю и Искупителю, и проводящим жизнь святую и отменную и согласную с евангельскими законами? Без сомнения, эту жизнь, столь честную и достойную удивления, начертывал древним закон, повелевая закалать в жертву мелкий скот, делать кровавые приношения, посвящать Богу десятины и начатки и к тому еще благодарственные жертвы. Но только постановил он, чтобы все это совершаемо было не вне святой скинии. Избранный же род левитов посвятил Богу, представляя нам в этом образ нас же самих: ибо и мы в Божественных Писаниях названы: *род избран, царское священие, язык свят, люди обновления* (1 Пет. 2, 9). Входим же и в скинию истиннейшую, *юже водрузи*

Господь, а не человек (Евр. 8, 2), то есть в Церковь, не тельцами и козлами умилостивляя Зиждителя всяческих, но украшаясь правою и непорочною верой и мысленно воскуряя в воню благоухания духовные приношения плодов: *таковыми бо жертвами благоугождается Бог* (Евр 13, 16), и: *иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися,* по слову Спасителя (Ин. 4, 24).

Палладий. Ты сказал правильно. Что нам должно стяжать себе славу жертвами превосходнейшими законных, это и я утверждаю, ибо соглашаюсь с тобой. Только скажи мне, не в прообраз ли Церкви из язычников была водружена в пустыне древняя скиния, являвшая как бы неясную дотоле красоту скинии истиннейшей?

Кирилл. Совершенно так. Сказал я недавно также, что и в правильном избрании происходивших от крови Левия для священнослужения был опять образ званных в вере к святой и непорочной жизни, то есть жизни во Христе.

П. Итак, не хочешь ли, мы скажем что-либо немногое о святой скинии и о законном священстве, так, чтобы слово наше исследовало свято постановленное о том и другом предмете?

К. Не легко это дело: потому что, я думаю, нам нужен будет продолжительный труд и подвиг для того, чтобы можно было и понять это, и изложить. Но если угодно, приступим, с Божией помощью; ибо ты слышал Его ясно говорящего: *кто даде уста человеку? И кто сотвори нема и глуха, и видяща, и слепа? Не Аз ли Господь Бог? И ныне иди, и Аз отверзу уста твоя* (Исх. 4, 11–12).

П. Так приступай, имея и в этом случае споспешником Подателя мудрости.

К. Подлинно приступаю, и буду говорить, тщательно сводя свидетельства Священных Писаний: ибо сошел в виде огня на гору Синай всех Зиждитель Бог и дал законы, по которым стало возможным каждое из действий направлять к тому, чтобы оно было правильно и чисто. Затем, отводя их (евреев) от прежнего заблуждения и поставляя возможно далее от ложного египетского служения, Он говорил Моисею, тогда посредствовавшему: *сия речеши,* — говорил Он, — *дому Иаковлю, и возвестиши сыном Израилевым: вы видесте, яко с небесе глаголах к вам. Не сотворите себе сами богов среб*

ряных, и богов златых не сотворите самым себе (Исх. 20, 22–23): ибо лженменным богам Он не позволял служить; повелевает же быть приверженными к Единому, свыше и с неба грядущему и над всем владычествующему по существу, не в вещественном благолепии имеющему славу, но в том, что небо показал Ему принадлежащим. Было же некоторым образом необходимо, чтобы получившие повеление удаляться от древнего нечестия и скверного служения, прямо перешли к иному обычаю и как бы какое иго подъяли на себя – служение Тому, Который есть по естеству Бог: ибо ум необузданный неудержим и весьма способен к уклонению во все самое неуместное; когда же угрожают страх и беспокойства, то безо всякого затруднения переходит на прямой путь и склоняется к полезному. Поелику же чрез Сына мы приходим к Отцу, ибо *никтоже приидет ко Отцу,* – говорит Он, – *токмо Мною* (Ин. 14, 6), то было необходимо, чтобы и самый доступ чрез Сына и прообразы плодоприношения в Нем Он определил законом, говоря: *олтарь из земли* сделаешь мне, *и пожрете на нем всесожжения* и жертвы ваши, *овцы и телцы ваша на всяком месте, идеже нареку имя Мое тамо, и прииду к тебе, и благословлю тя. Аще же олтарь от камений сотвориши Ми, да не устроиши их тесаных: сечиво бо твое аще возложиши на них, то осквернятся* (Исх. 20, 24–25) Земляным алтарем называет Он Еммануила; ибо *Слово плоть бысть* (Ин. 1, 14). Земля же от земли есть естество плоти (ср. Быт. 2, 7; 3, 19). Так во Христе совершается всякое приношение плодов и всякое приведение к Богу: ибо Сам Он говорит: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). ибо как *Тем имамы приведение* (Еф. 2, 18), так и всякая *жертва* принявших веру чрез Него же *приятна* (Флп. 4, 18). Обещает же поставившим алтарь из земли Свое пришествие и благословение, говоря: *прииду к тебе, и благословлю тя:* потому что нам, принявшим чрез премудрого Моисея образы истины, по времени воссияла и Сама Истина, то есть Христос, чрез Которого и в Котором мы обогатились благословением свыше и от Отца, запечатленные к сыноположению во Святом Духе; но и это опять во Христе совершается (Еф. 1, 5). *Аще же олтарь от камений сотвориши Ми,* – говорит, – *да не устроиши их тесаных.* Не позволяет обсекать железом камни,

посвященные Богу, потому что Христос был камень избранный, краеугольный, честный (1 Пет. 2, 4 и 6), не уязвленный грехами, не могший потерпеть ударов от диавола, не разделенный между Богом и миром; и хотя стал плотию, но был всецело свят, неразделяем, после неизреченного единения или общения с плотию, на Бога особо и на человека особо, но пребывал один и тот же Бог и человек, ибо Он отнюдь не *разделился,* как пишет и премудрый Павел (1 Кор. 1, 13).

П. Итак, устроенный из земли алтарь, равно как и необтесанные камни означают, в указанном тобою смысле, Христа?

К. Так именно: ибо *закон духовен,* по Писаниям (Рим. 7, 14). Когда же Бог гадательно предызобразил таинство Христа и доступ чрез Него (к Отцу), тогда, и только тогда, Он вознамерился предуказать образ и Церкви. Он позвал Моисея и с ним Иисуса на гору Синай. И разумей отсюда, что и самим святым пророкам Отец чрез Сына доступен; потому что восходят вместе Моисей и Иисус: ибо написано: *и рече Господь к Моисею, глаголя: рцы сыном Израилевым, и да возмут Ми начатки от всех, яже угодна будут сердцу их, да возмете начатки Моя. Сей же есть начаток, его же возмете от них: злато, и сребро, медь и синету, багряницу, и червленицу сугубу, и виссон сканый, и власы козия, и кожы овни очервленены, и кожы сини, и древа негниющая. И камени Сардийския, и камени в ваяние, на эпомиду*[1]*, и на подир*[2]*. И да сотвориши Ми освящение, и явлюся в вас. И сотвориши Ми по всему, елика Аз покажу тебе на горе, образ скинии и образ всех сосудов ея: сице да сотвориши* (Исх. 25, 1–5 и 7–9). Видишь ли, как Он побуждает народ охотно, по мере сил и расположения, приносить полезное и весьма необходимое для устройства Церкви? Ибо не золота лишь требовал Он или того, что, может быть, для многих трудно добываемо, но и козьих волос и кож овнов, показывая, что и малое и дешевое, если решившийся сделать приношение не имеет ничего более дорогого, не отвергается Богом, но или ценится наравне с самым драгоценным, или даже удостаивается большей похвалы; как известно, и Христос не пропустил без внимания вдовицу в Иерусалиме, внесшую в сокровищехранительницу нечто малое и легко добываемое,

---

[1] Евр ефуд – нарамник, или верхняя риза

[2] Долгая риза

но, может быть, великое для находящихся в крайней бедности, которым, конечно, в тягость пожертвование и весьма дешевой вещи. По принятии же начатков, *освящение да сотвориши Ми,* – говорит, – *и явлюся в вас:* потому что Христос является в Церкви и светит пребывающим в ней, по написанному в Псалмах: *Бог Господь, и явися нам* (Пс. 117, 27). Обрати же внимание на то, как Он, и сошедши на гору в виде огня и явившись всему народу, – ибо так написано – говорит, однако же, как еще не явившийся: *явлюся в вас,* когда воздвигнуто будет святилище: потому что, кажется, едва не взывает ясно, что оные видения были сению истинного боговидения. Истинное же показание есть Христос, в Котором мы узрели и Самого Отца. Так и иудеев, думавших, что они поистине узрели на горе Синай Бога всяческих, безумно убежденных в этом, Он изобличал, говоря: *ни гласа Его слышасте, ни видения Его видесте, и словесе Его не имате пребывающа в вас: зане, Егоже Той посла, сему вы веры не емлете* (Ин. 5, 37–38). Итак, *явлюся,* – говорит, – *в вас,* когда будет воздвигнуто святилище. А оно было образом Церкви, происшедшей по подобию вышней, ибо Он говорит: *и сотвориши Ми по всему, елика Аз покажу тебе на горе: сице да сотвориши* (Исх. 25, 9): потому что блаженному Моисею показан был образ, как я сказал, святых церквей и Сам Оный, многоразлично, как бы в сени изображаемый, ради нас соделавшийся человеком. И о каждом из образов могла бы быть речь велика и продолжительна и исполнена тонкости. Поелику же иное свойственно и прилично устроению того, что было, а другое клонится к применению умосозерцания, то будем говорить о полезном для сего, опустивши другое

П. Не понимаю, что говоришь.

К. Так обрати внимание на то, что я буду говорить: ибо ты поймешь и, думаю, очень легко. Он повелел, чтобы кивот был сделан из негниющих дерев, и внутри и снаружи покрыт чистым золотом и заключал в себе так называемые *свидения* (Исх. 25, 16), то есть закон (написанный) на досках (скрижалях). И на этом не оканчивается касающееся его устройства; потому что Он повелевает, чтобы и носила были опять из негниющих дерев, одинаково позлащенные, золотые и кольца и обводы кругом. И длину, и ширину, и высоту определил Он сему художественному произведению. Но если кто же-

лал бы весьма тщательно исследовать таинственный смысл таковых вещей, тот, может быть, и найдет, что означает кивот и заключающиеся в нем *свидения* и какая была нужда в негниющих деревах. Если же он будет допытываться, что́ означает золото на кивоте, а также вещи, сделанные для его пользы и украшения, – разумею витые обводы, кольца и носила, – то найдет это дело трудным. Не умея применить к этим вещам таинственного смысла, он, может быть, станет говорить лишнее и множеством необдуманных слов обременит слух любознательнейших. Сказанное нами истинно в отношении не к одному только кивоту, но, прибавил бы я, и к другим вещам, которые Он повелел сделать.

П. Мне кажется, ты рассуждаешь и говоришь несомнительно. Поэтому, опустивши относящееся, как ты говоришь, к соразмерности, употреблению или же украшению сделанного, поспеши перейти к необходимому для созерцания, то есть разъясни без замедления, каким образом Сам Христос означается для нас чрез показанное или устроенное.

К. Итак, я, насколько возможно, попытаюсь понять и изъяснить; если же я уклонюсь от истины и менее, чем должно, достигну высоты мыслимого, то будь снисходителен: ибо рассматривание в *зерцале* и *гадании* (1 Кор. 13, 12) сбивает иногда с пути даже тщательный и мудрый ум.

П. Ты хорошо говоришь.

К. Кивот для нас, Палладий, есть образ и подобие Христа, потому что, рассматривая образ вочеловечения Единородного, увидим от Отца рожденное Слово пребывающим как бы в кивоте, в храме, воспринятом от Девы: ибо *в Том живет всяко исполнение Божества телесне,* по Писаниям (Кол. 2, 9). Слово же Божие представляли собою заключавшиеся в кивоте *свидения.* Дерева кивота были негниющие, золотом же чистым и испытанным украшен был он внутри и извне: потому что нетленно Тело Христа, силою и светлостию обитающего в нем Слова и животворящим естеством и действом Святого Духа, как бы каким золотом, удерживаемое в нетлении Поэтому и о Христе говорится, что Он животворит (Ин. 5, 21), ибо рожденное от Бога Отца Слово, будучи по естеству жизнь (Ин. 1, 4; 5, 26), силою Своего духа Само оживотворяло Свой храм, поставляя его выше тления: ибо Плоть Его *не виде истления,* по слову святого Павла (Деян. 13, 37; сп. 2,

31). Взывал же и Сам Он к иудеям о Своем Теле: *разорите церковь сию, и треми денми воздвигну ю* (Ин. 2, 19). Также и Петр говорит, что Он *умерщвлен* был *плотию, ожил же Духом* (1 Пет. 3, 18). Итак, золото есть символ пресветлого Божества, как бы намастившего святое тело и неизреченно вложившего в него Свою собственную светлость и нетление, так что величественное и превосходящее ум естество познается как бы единое и само по себе: ибо если *праведницы* по времени *просветятся яко солнце в Царствии Отца их* (Мф. 13, 43), то какова же будет слава Самого Христа? Сияние это не будет ли выше всякого разума и слова? Золотые же были поддерживавшие кивот носила, золотые и кольца и все в нем: ибо все окружающие Его (то есть Христа) причастны этой славе и как бы прикреплены к Нему в любви и освящении и служат Ему на пользу. Таковыми были и блаженные ученики, принявшие от Него боголепную силу и чрез участие в ней обогатившиеся светлостию вышнего превосходства, поэтому и совершавшие Божественные знамения.

П. Ты сказал правильно.

К. И кроме кивота *да сотвориши,* — говорит, — *очистилище покров от злата чиста, двою лактий и пол в долготу, лактя же и пол в широту. И сотвориши два херувима злата изваянна и возложиши я от обоих стран очистилища. Да сотворятся херувимы един от страны сея, и херувим един от страны другия очистилища: и сотвориши два херувима на обоих странах. Да будут херувимы распростирающе крила верху, соосеняюще крилами своими над очистилищем, и лица их ко друг другу, на очистилище будут лица херувимска. И да возложиши очистилище на кивот верху, и в кивот да вложиши свидения, яже дам тебе. И познан буду тебе оттуду, и возглаголю тебе с верху очистилища, между двумя херувимы, иже суть над кивотом свидения, по всем елика аще заповем тебе к сыном Израилевым* (Исх. 25, 17–22).

П. Затем, что означает, по твоему мнению, очистилище?

К. Что касается буквы и сени, оно было сделано из чистого золота и возложено на лежавший под ним кивот: ибо поэтому и называется покровом. Обращавшиеся же к нему и взиравшие на него украшенные славою священства, казалось, обращались к Богу и взирали на Него. Если же разуметь духовно, то мы скажем, что очистилище (ἱλαστήριον)

есть Соделавшийся ради нас человеком, *Егоже предположи Бог очищение* (ἱλαστήριον) *верою в Крови Его, в явление правды своея* (Рим. 3, 25): ибо так говорит Павел. Пишет же к нам в Послании и Иоанн, мудрейший ученик: *чадца, сия пишу вам да не согрешаете и аще кто согрешит, ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа праведника. И той очищение* (ἱλασμός) *есть о гресех наших, не о наших же точию, но и о всего мира* (1 Ин. 2, 1–2): ибо чрез Него очищение и всякая молитва и испрашивание благ: потому что *доселе,* – говорит Он, – *не просисте ничесоже во имя Мое* (Ин. 16, 24); *просите и дастся вам* (Мф. 7, 7). Итак, Сам Он есть очистилище: ибо чрез Него милостив к нам Отец и в Нем прекращается всякий предел молитвы, и чрез Него мы приходим (к Отцу), не иначе будучи приняты. Поэтому и говорит: *Аз есмь путь* (Ин. 14, 6) и: *Аз есмь дверь* (Ин. 10, 9) и: *никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною* (Ин. 14, 6). Впрочем, хотя единородное Слово Божие и соделалось подобным нам, низведши Само Себя до человечества и истощания, однако же Ему по естеству свойственно и быть мыслимым в боголепной славе, и пребывать в высшем твари превосходстве, как то было, несомненно, и до воплощения. Поэтому Херувимы обстоят очистилище, покрывая его крылами и обращенные к нему и всегда утверждая на нем лице свое: стояние их справа и слева есть ясное доказательство копьеношения[1] а всегдашнее взирание Херувимов на очистилище, кажется, указывает как бы на напряженность и ненасытимость высочайших сил в богосозерцании. И пророк Исаия описывает Сына особенным образом, говоря: *видех Господа Саваофа седяща на престоле высоце и превознесенне. И Серафими стояху окрест Его; шесть крил,* говорит, было у каждого: из них *двема* они *покрываху ноги, двема же* – *лица,* а другими *летаху* (Ис. 6, 1–2). И если бы кто думал, что Серафимы покрывали лицо и ноги Бога, то ничего нет безрассудного так думать: ибо, переводя на греческую речь значение слова *Серафим,* мы найдем его указывающим на полноту знания или изобилие мудрости[2]. По

---

[1] Δορυφορίας. Копьеносцы в древности представляли собою охранную стражу, почетный конвой, свиту царя или военачальника

[2] Слово *Серафим* еврейское (от שָׂרַף - жечь, сожигать) и значит собственно: горящие, пламенеющие, жгучие

этому премудрые и высочайшие силы своим положением очень ясно показывают, что видеть лиц Божие кому бы то ни было невозможно: потому что совершенно невидимо превосходящее всякий ум естество и обитает *во свете неприступнем*, по слову блаженного Павла (1 Тим. 6, 16); и никто *не узрит лице* Божие, *и жив будет* (Исх. 33, 20), как это Им Самим было справедливо сказано священнейшему Моисею. Также никто не может узнать следы и пути Его, ибо написано: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия, яко не испытани судове Его и не изследовани путие Его* (Рим. 11, 33). Поет же и блаженный Давид и воспевает мудрую песнь: *в мори путие Твои, и стези Твои в водах многих, и следы Твоя не познаются* (Пс. 76, 20): ибо как не может кто-либо видеть в водах следа человека ли то, или корабля, или плавающих в них, так не может кто-либо усмотреть и путей Божественных и неизреченных, образом которых служат ноги. Если же бы кто предположил, что святые Серафимы покрывают крылами свои лица и ноги, то мы будем разуметь здесь то, что невозможно видеть начало или конец учения или ведения о Боге, ибо и оно непостижимо и выше ума человеческого. Начало же всякого тела — глава, а конец — ноги. Итак, очистилище есть Христос, Который, и во плоти явившись, тем не менее, естеством и истинно есть Бог и Господь, имея раболепно стоящими вокруг Его даже самые высочайшие силы. Засвидетельствовало же нам негде и Священное Слово, что после того, как отступил сатана, прекративши искушения Христа, когда Он ради нас постился, *Ангели приступиша и служаху Ему* (Мф. 4, 11): ибо они *суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение* (Евр. 1, 14). *С верху* же *очистилища познан буду тебе*, — говорит, — *и возглаголю тебе*, — обозначая чрез это, как я думаю, нечто двоякое: или то, что Христос, будучи человеком, будет говорить, однако же, то, что выше естества человека и не пребудет единственно на степени истощания, поелику Он есть Бог и от Бога по естеству, ибо: *Аз*, — сказал Он, — *и Отец едино есма* (Ин. 10, 30) и: *видевый Мене, виде Отца* (Ин. 14, 9); или, может быть, то, что Он познается с верху очистилища и Херувимов, то есть в превосходстве и славе высшей человека и всего произведенного, в котором высочайшее и превосходнейшее

суть Серафимы: ибо преславное и прекраснейшее естество есть Бог, а произведенное подобно Ему по причастию; находящимся же вокруг и вблизи Его Он к тому прибавляет участие в Его собственном и естественном сиянии, как свете, отражающемся от какого-либо близлежащего предмета и своим блеском осиявающем встречающееся.

П. Речь наша правильна и обработана для истины.

К. После устройства очистилища и иным способом сеннописует Он нам таинство Христа, говоря: *и сотвориши трапезу* из чистого золота (Исх. 25, 23). Повелевши прикрепить к ней кольца и вложить в них золотые носила и весьма ясно указавши размеры и способы устройства ее, с помощию которых она могла бы получить в высшей степени отличный вид, Он говорит: *и возлагати будеши на трапезу хлебы предложения предо Мною присно* (Исх. 25, 30). Повелел также, чтобы золотыми были и сосуды ее: блюда и кадильницы, кружки и чаши (25, 29). Не очевидно ли указываем здесь был нам *хлеб с небесе,* имевший быть предложенным по времени на святых трапезах церквей и *даяй живот миру?* (Ин. 6, 33.)

П. И очень.

К. А блюда и кадильницы, кружки и чаши и все то, посредством чего исполняемо было таинственное и священнейшее назначение святой трапезы, не суть ли образы Божественных сокровищ, друг мой?

П. Совершенно так.

К. Но это в книге Исход. О трапезе же, а также и о хлебах предложения Законодатель провозвестил в книге Левит. Здесь Он как бы расширяет эту заповедь и ясно учит, каким образом должно быть совершаемо предложение, говоря так: *и возмете муки пшеничны, и сотворите от нея дванадесять хлебов: дву десятин да будет хлеб един. И возложите их на два положения, по шести хлебов едино положение на трапезе чисте пред Господем. И возложите на едино положение ливан чист и соль и да будут хлебы в память предлежащия пред Господем. В день субботы да предлагаются пред Господем всегда от сынов Израилевых, завет вечный. И да будут Аарону и сыном его, и да снедят я на месте святе: суть бо святая святых: сие им от жертв Господу в закон вечный* (Лев. 24, 5–9). В книге же Чисел Он указал нам опять как бы на единый хлеб с неба и от нас, ибо Слово, будучи естеством

Бог, стало подобно нам *и вселися в ны* (Ин. 1, 14), – указал, говоря священнотаиннику Моисею: *глаголи сыном Израилевым и речеши к ним: егда внидете в землю, в нюже Аз ввожду вас тамо: и будет егда ясте от хлебов земли (тоя), отложите участие во отделение Господу: начаток теста вашего, хлеб отлучите участие оное: якоже участие от гумна, тако отделите начаток теста вашего, и дадите Господу участие в роды ваша* (Чис. 15, 18–21). Из этих слов каждый без труда может усматривать таинство истины. Но в свое время об этом сказано будет нами тонко и обстоятельно и речь об этом перенесена будет нами на другой труд писания[1]. Впрочем, я думаю, Палладий, всякий может изумляться в настоящем случае вот чему.

П. Что такое разумеешь ты?

К. Многоразлично делая для нас видимым Еммануила, Он изображает черты Его еще и другими словами, ибо говорит Моисею: *и да сотвориши светилник от злата чиста, изваян да сотвориши светилник: стебль его, и ветви, и чаши, и крузи и крины от него да будут. Шесть же ветвий (исходящих от стран, три ветви светилника от страны его единыя, и три ветви светилника)*[2] *от страны вторыя* (Исх. 25, 31–32). И затем, присоединивши к сему относящееся до украшения и употребления этого художественного произведения, разумею крины (иначе: лилии), крузи (то есть круглое, яблоки) и чашечки, еще добавляет: *весь изваян от единаго злата чиста. И да сотвориши светил его седмь, и поставиши светила его, и светити будут от единаго лица его. И щипцы его, и подставы его от злата чиста да сотвориши. Талантом злата чиста да сотвориши вся сосуды сия. Виждь, да сотвориши по образу, показанному тебе на горе* (25, 36–40). Итак, золотой светильник представляет образ Христа; ибо Сын естеством и истиною есть Бог; между тем золоту должна быть уподобляема, как мы и выше объясняли, Божественная светлость и превосходство. *Изваян* же (светильник), потому что прекрасен и превыше всяко-

---

[1] Здесь разумеются, по всей вероятности, того же св. Отца Γλαφυρά, или искусные объяснения избранных мест из Пятокнижия.

[2] Хотя поставленных в скобках слов Св. Писания и не находится в изданиях переводимого творения св. Отца, но они требуются самым смыслом речи.

го слова, что касается до благообразия мысленного, Еммануил: ибо написано, что Он *красен добротою паче сынов человеческих* (Пс. 44, 3). Итак, что светильник был изваян, это очень хорошо указывало на отличный, то есть боголепный, вид Еммануила. Справа же и слева ветви, вырастая как бы из дерева, восходят вместе со средним стеблем, сказано, и поднимаются до равной с ним высоты: ибо Единородный, будучи един по естеству и прост по существу, как Бог, по различию действий кажется множественным: но ничего в Нем нет пришлого или чуждого, хотя в боголепных достоинствах Своих Он и мыслится как бы не простым; потому что мыслится как свет, и жизнь, и сила, и нетление. Восхотев, я думаю, научить, что ничего в Нем нет отвне усвоенного, Он присоединил следующее: *крузи и ветви от него да будут: весь изваян от злата чиста,* то есть весь и во всем Бог не одинаково с произведенным освящен и не как, например, Ангелы, мыслимые в своем естестве, осияваемые же Его благодатью и славою и, как бы золотом чистым, помазанные даянием Духа, но естеством есть это самое, то есть Бог, чистейшее и высочайшее естество. *Седмь* же *светил:* ибо многообразно освещение от Христа: и *овому дается слово премудрости, иному же слово разума и разсуждения духовом* и прочее (1 Кор. 12, 8 и 10). Опять же число семь есть признак совершенства: всесовершен же и по естеству Своему Еммануил, как Бог, и в разделении исходящих от Него дарований совершенно предлагается достойным принять их: ибо не в *меру дает Духа,* по слову Иоанна (Ин. 3, 34), но от исполнения Его мы вси прияхом (Ин. 1, 16). Затем говорит *и поставиши светила, и светити будут от единаго лица* (Исх. 25, 37). Но какое должно быть это поставление, ясно раскрыл Он в книге Чисел, так говоря: *и рече Господь к Моисею, глаголя: глаголи Аарону и речеши к нему: егда поставиши светила, от страны спреди светилника да светят седмь светила. И сотвори тако Аарон: от единыя страны спреди светилника возжже светила его якоже повеле Господь Моисею* (Чис. 8, 1–3). Итак, разумей, что помещенные впереди светильника семь лампад (светил) бросали свет на взирающих, ибо не позади находящимся и как бы отвратившимся от Бога сияет Божественный и мысленный свет, но приведенным к созерцанию Его чрез освящение и обратив-

шим уже к Нему лица чрез дерзновение в вере и чрез превосходную честность в правильной жизни; потому что мерзко и ненавистно все, что порочно и непокорно, почтенно же и призреваемо Богом благопокорливое и удобообуздываемое. Посему иудеям, неудержимо решившимся оскорблять Его, Он и устами Исаии говорит: *егда прострете руки ко Мне, отвращу очи Мои от вас* (Ис. 1, 15); *очи же Господни на праведныя,* как воспевается в Псалмах (Пс. 33, 16).

П. Правда.

К. Об этом святом светильнике ясно упомянул и божественный Захария, ибо он сказал. *и обратися Ангел, глаголяй во мне, и возведе мя, якоже востанет человек от сна своего, и рече ко мне: что ты видиши? И рех: видех, и се свещник злат весь, и светилце верху его и седмь светилник верху его, и две маслины верху его, едина одесную светилца его, и едина ошуюю. И вопросих, и рех ко Ангелу глаголющему во Мне, глаголя: что суть сия, Господи? И рече ко мне, глаголя: не разумееши ли, что суть сия? И рех: ни, Господи* (Зах. 4, 1–5). Итак, блаженный пророк вопрошал, говоря, *что суть сия, Господи?* Божественный же Ангел, вставивши краткое повествование (4, 6–10), истолковывает видение и устройство светильника относит ко Христу, говоря о находящихся на нем семи лампадах: *сия очеса Господня суть, призирающая на всю землю* (4, 10): ибо, если употребить чувственный образ выражения, бесчисленными очами взирает на нас Бог и созерцает человеческие дела, *сведый сущая во тме,* по написанному, и свет с Ним есть (Дан. 2, 22): потому что если и нам, сущим в мире, Бог посылает свет, то тем более и прежде всех других Он изобилует им в Своем естестве; или, если некоторые подозревают, будто это не так, то к решившимся так мыслить, может быть, пора воззвать: *разумейте безумнии в людех, и буии некогда умудритеся: насаждей ухо не слышит ли? Или создавый око не сматряет ли?* (Пс. 93, 8–9.) *Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра, проходящее даже до разделения души же и духа, членов и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным: и несть тварь не явлена пред Ним, вся же нага и объявлена пред очима Его* (Евр. 4, 12–13). Итак, подлинно освещает и назирает все Христос, поэтому и сказал чрез одного из пророков: *Бог приближаяйся Аз есмь, глаголет Гос-*

подь, а не Бог издалеча. Разве *утаится* что от Меня (Иер. 23, 23–24)? Ибо ничто не может утаится от ума всеведущего. Не кажется ли тебе, что я рассмотрел это весьма хорошо?

П. Совершенно так.

К. Видя же нечто необыкновенное в светильнике (ибо в нем были масличные ветви), пророк снова спрашивал, говоря: *что суть две маслины сия, яже одесную свещника и ошуюю? И вопросих,* – говорит, – *вторицею, и рех к нему: что суть две ветви масличны, яже в руку двух усекалниц (щипцев) златых возливающих и возношающих чашицы златыя? И рече ко мне,* – говорит: *не веси ли, что суть сия? и рех: ни, Господи. И рече* мне: *сии два сынове тучности, яже предстоят Господеви всея земли* (Зах. 4, 11–14).

П. Какая была нужда блаженному пророку спрашивать снова? Ибо *вопросих,* говорит, *вторицею.*

К. Не считаешь ли ты, Палладий, мудрым и для решившихся вполне правильно мыслить приличным делать точные и обдуманные вопросы о чем бы то ни было из необходимого?

П. Считаю.

К. Итак, взирая на масличные ветви, красующиеся нежным и едва распустившимся ростком, пророк назвал их маслинами, а не ветвями от маслин. После сего молчал божественный Ангел, ожидая более благоразумного и истинного вопроса; когда же пробужденный пророк наименовал уже две масличные ветви и настойчиво просил научить его, чего символом служило это, он тотчас научен был словами Ангела: *сии два сынове тучности, яже предстоят Господеви всея земли.* Двумя же сынами тучности назвал народ, происшедший от Израиля и от язычников, о которых говорит и то, что они *предстоят Господеви всея земли,* ясно и очевидно поставляя образом Христа устройство светильника, в котором масличные ветви, помещенные направо и налево и как бы кругом, утучняются елеем, а елей этот есть образ Святого Духа, напояющего ум верующих, по написанному: *умастил еси елеом главу мою* (Пс 22, 5).

П. Но почему он назвал их не маслинами, а масличными ветвями?

К. Потому, друг мой, что верующие, подобно тонким отросткам и едва распустившимся веткам с маслин, сняты и как бы пересаживаются посредством веры в благочестие, одни будучи

взяты из синагоги иудейской, другие же из толпы язычников ибо не все, которые от Израиля, уверовали и не все множество язычников вошло в Церковь. Итак, масличные ветви суть те, которые, как бы от дерев, отделены от множества иудейского, а также и эллинского и приведены к свету Божественному и уже некоторым образом избыточествуют обильнейшим излиянием Святого Духа: ибо это, я думаю, означает то, что как бы в ноздрях (щипцах) лампад лежат масличные ветви, о которых негде упомянул и блаженный Псалмопевец, воспевая песнь всех Спасителю Христу и говоря об обрученной Ему невесте, то есть Церкви, и о чадах ее в вере: *жена Твоя яко лоза плодовита в странах дому Твоего: сынове Твои яко новосаждения масличная окрест трапезы Твоея* (Пс. 127, 3–4): потому что мы оживотворяемся причастием Духа и святою трапезою Христа, принявши веру в Него.

П. Да, ты говоришь правильно: ибо *Аз есмь,* — говорит Он, — *хлеб животный иже сшедый с небесе и даяй живот миру* (Ин. 6, 51 и 33).

К. Но о светильнике и о том, что на нем, на этот раз сказанного будет для нас достаточно. Слово же наше пусть перейдет теперь к медному алтарю, весьма употребительному в служении по закону; ибо сказано *да сотвориши олтарь от древ негниющих, пяти лакот в долготу, и пяти лакот в широту: четвероуголен да будет олтарь, и трех лактий высота его. И да сотвориши роги на четырех углех: из него да будут роги, и покрыеши я медию. И да сотвориши венец олтарю: и покров его, и фиалы его и вилицы его, и кадилник его, и вся сосуды его да сотвориши медяны* (Исх. 27, 1–3). Итак, пяти локтей был алтарь в ширину и длину: ибо весьма нужно было ему иметь размеры, и очень обширные: потому что на нем предполагалось и разрубать на части и возносить отрубленные части волов и всесожжения и возношения овец и козлов, посвященных Богу. Поэтому и решетка, и жаровня (кадильник), и вилки, и чаши (фиалы) и все сосуды его — медные, чтобы, принося свою пользу законным жертвам, они не могли истлевать от приражения всепоядающего огня. Венец же и роги на углах мы отнесем к красоте вида: ибо ничего нет непривлекательного у премудрого Бога. Впрочем, направляя прилежное внимание на заповеданное о каждом предмете, скажем еще и о том, что алтарь Он повелел сде-

лать подобающий и приличный законным жертвам, но ничего в нем золотого, как, например, видно было это в кивоте, светильнике и трапезе и принадлежностях ее.

П. Так почему же это?

К. Разве мы не говорили, Палладий, что золото весьма хорошо обозначает превосходство над всем и несравнимую светлость, разумею мысленную, Божественного и бессмертного естества?

П. Да.

К. Итак, смотри, в том, что алтарь служения по закону был совершенно лишен золота, Бог гадательно, но весьма ясно указывает нам, что закон менее всего мог сообщить нам Святого Духа и что сила прообразовательного служения не почтена была таковою благодатью, ибо на Израиле был дух рабства; нам же сообщен был этот дар чрез Христа после Воскресения Его из мертвых: ибо Он дунул, говоря: *приимите Дух Свят* (Ин. 20, 22) Посему и Павел провозглашал к уверовавшим: *не приясте бо духа работы паки в боязнь, но приясте Духа сыноположения, о немже вопием: Авва Отче* (Рим. 8, 15). А что сила служения по закону не обладала причастием Святого Духа, дается же Он оправданным верою, это утверждает премудрый Иоанн, говоря: *не у бо бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен* (Ин. 7, 39); — ибо еще не ожил Христос: потому что только тогда естество человека позлащено Духом и общением с Ним. Поэтому-то, как я думаю, Он и повелел, чтобы алтарь был без золота. Но опустить объяснение меди, из которой он сделан был, как кажется, не безвредно для любознательных: ибо исследование, может быть, произведет что-либо полезное, согласно с чьим-то мудрым изречением: «во всем приносящем беспокойство есть польза».

П. Так что же ты имеешь еще сказать и об этом?

К. Слушай: Священное Писание говорит, что решением свыше божественный Аарон избран был в священника и вождя. Но Корей и Дафан и дикая толпа единомышленников их, весьма нагло сопротивляясь решению свыше и восставая против Божественных законов, принесли кадильницы, незванные и самовольно идя на это и восхищая честь, им не предназначенную, противопоставляя, и очень горячо, свое безумие и дерзость священнику верховному и избранному из

всех других (Чис. 16). Сеннописуемо же было чрез это будущее безумие иудеев против Христа: ибо Он есть наш Архиерей, введенный в сие звание решением Отца. Но те понесли наказание за столь постыдные предприятия; понесут же после них и иудеи, соделавшиеся повинными в тех же преступлениях. Бог же тогда сказал святому Моисею, а также и Елеазару, сыну Аарона, священнику: *соберите кадилники медяныя от среды изгоревших, и огнь чуждий сей разсыплите тамо яко освятишася кадилницы грешных сих в душах их.* И сделали их *дщицы кованы, обложение у олтаря, яко принесошася пред Господа, и освятишася, и быша в знамение сыном Израилевым* (Чис. 16, 37–38). Это сказал тогда Бог. В книге же Исход написано о Веселеиле, который был от отца Урии, из колена же Данова[1] и руководитель всего благоустройства: *сей сотвори олтарь медян из кадилниц медяных, яже быша мужем вскрамолившимся с Кореовым сонмищем* (Исх. 38).

П. Так что же это такое?

К. Это принесет великую пользу, если обратим внимание на то, что кивот, бывший прообразом Христа, а также и другое, разумею светильник и очистилище и золотую трапезу, — все это сделано было из того, что приносил народ и каждый посвящал Богу из находившегося в руках: ибо весьма приятны в славу Бога и Отца плодоносящие Христу и приносящие дары духовные, которых те были образами и сению. Алтарь же служения по закону таинственно и смотрительно означает как бы напоминание и заключавшееся в самом устройстве его предвозвещение раздражения и прекословия, и, так сказать, заговора, бывшего против великого священника[2]. Ясен ли для тебя образ? Ибо Аарон есть образ Христа. Оспари-

---

[1] В различных местах Св Писания (Исх 31, 2; 35, 30; гл. 37 и др.), из которых одно (Исх. 31, 2) приводится и в конце девятой книги переводимого творения св Отца, ясно говорится о происхождении Веселеила из колена Иудина, а не Данова В настоящем случае, поэтому, нужно предположить или ошибочное употребление имени Дана вместо Иуды, или пропуск нескольких слов, из которых часть указывала бы на происхождение Веселеила из колена Иудина, а другая на имя сотрудника Веселеила – Елиава, из колена Данова (Исх 31, 6).

[2] Разумеется возмущение Корея, Дафана и Авирона с их единомышленниками, о чем была речь выше

вали же славу Христа и иудеи, и причиною спора их служит законный алтарь: ибо престало служение как бы в сени, и во Христе мы воскуряем Отцу уже мысленное благоухание. И это Он опять прообразовал нам как бы в сени, говоря: *и да сотвориши Мне олтарь кадилный от древ негниющих: и сотвориши и лактя в долготу, и лактя в широту: четвероуголен да будет, и двою лактей в высоту: от него да будут роги его. И позлатиши его златом чистым, огнище его и стены его около, и роги его* (Исх. 30, 1–3). Приложивши же к нему шесты, кольца и носила и прочее таковое, говорит: *и да положиши его прямо завесы, сущия у кивота свидения, в нихже познан буду тебе оттуду* Бог. *И да кадит над ним Аарон фимиамом сложеным благовонным рано рано: егда устрояет светила да кадит над ним. И егда вжигает Аарон светила с вечера, да кадит над ним фимиам всегдашний присно пред Господем в роды их. И да не принесеши над него фимиама инаго, приношения жертвы и возлияния да не пролиеши на него. И да очистит над ним Аарон у рогов его единою в лето от крове очищения грехов умилостивления. Единою в лето да очистит его в роды их: святое святых есть Господу* (30, 6–10).

П. Так и это мы примем в образ Христа?

К. Совершенно так, Палладий; что это истинно, преславное и глубокое Его таинство весьма легко может показать это решившимся точно и остроумно исследовать такого рода предметы; именно – кадильный алтарь сделан был из дерев негниющих и весь покрыт был золотом: ибо нетленно Тело Христово и в себе самом избыточествует Божественным естеством, потому что *Слово плоть бысть, и вселися в ны* (Ин. 1, 14) Начаток же наш и корень рода нашего, воссозидаемого к нетлению чрез единение с Богом, есть Христос, хотя в Нем это мыслится и преимущественно. Рога же у алтаря, распростертые как руки, предызображают вид честного креста. Если же кто скажет и о том, что рогов было четыре, то и это нисколько не препятствует любознательному понимать дело правильно: ибо алтарь – четвероугольный и повсюду равносторонний, и вид рогов отовсюду равный. Какой смысл этого? – Тот, что во всяком месте познается Христос, и притом распятый: и это есть светлая похвала для верующих в Него Так и божественный Павел говорит: *мне же да не будет*

хвалитися, токмо о кресте Христа, имже мне мир распяся, и аз миру (Гал. 6, 14). Присоединяется же к художественному произведению относящееся до украшения, витой венец: ибо и Еммануил есть истинно *красен добротою паче сынов человеческих* (Пс. 44, 3). Прибавлено же и служащее на пользу ему: носила и остальное: ибо надлежало Божественному алтарю быть прилично носимым во времена отправления в путь. Делали же это и Божественные ученики, благообразно и по чину обнося Христа чрез проповедь, как *слуги* Божии *и строители таин* Христовых (1 Кор. 4, 1). *Да положиши* же алтарь,— сказано,— *прямо завесы, сущия у кивота свидения, в нихже познан буду тебе оттуду* (Исх. 30, 6).

П. Но что за необходимость была, думаю я, в том, что и самое место его было определено?

К. Как глубок и весьма неясен смысл этого! Однако же я скажу, насколько возможно, надеясь на Бога, умудряющего даже и слепых. Кивот был сделан, сказано, из дерев негниющих и чистого золота (Исх. 25, 10–11), и в нем был закон, то есть Божественное слово, или *свидения* (25, 16): ибо это было образом от Бога родившегося Слова, вселившегося в нас и бывшего *в подобии плоти,* по Писаниям (Ин. 1, 14 и Рим. 8, 3). Затем Он повелел завесить кивот некоторою завесою, распростертою на четырех столбах (Исх. 26, 31–34). Имя же завесе очистилище. И это означает Христа: ибо Он есть *очищение о гресех наших* (1 Ин. 2, 2) и *очищение верою:* так назвал его Павел (Рим. 3, 25). Изображены же были и как бы вокруг очистилища Херувимы, и близостью, и служебным предстоянием весьма хорошо означая рабское подчинение высочайших сил Богу (*ибо Бог бе Слово* – Ин. 1, 1). Затем Бог сказал Моисею: *и познан буду тебе оттуду, и возглаголю тебе с верху очистилища между двема Херувимы, иже суть над кивотом свидения* (Исх. 25, 22). Кивот же был, как я сказал, Христос, как бы в нетленном теле Бог Слово; но только кивот поставлен был на землю: был же Единородный в смирении и уничижении подобно нам, ибо принял на Себя работенный образ и истощил Себя (Флп. 2, 7). Он же опять есть и очистилище, на высоте лежащее и копьеносимое (охраняемое) вышними силами: ибо не из одних только видов истощания известен нам Сын, но и из того, что есть Бог и Господь всяческих: потому что, хотя Он и *смирил Себе* чрез человеческое, смот-

рительно снисшедши до нашего состояния, однако же *Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене* (Флп. 2, 8–9). И этого образом было поставление очистилища на верху с изображенными направо и налево Херувимами: ибо где является приличествующее единому Богу служение, там, конечно, присутствует и слава Божества и превосходство превышающих слово достоинств. *С верху* же Херувимов *познан буду тебе,* – говорит Владыка всех (Исх. 25, 22), повелевая искать неизреченное естество не там, где тварь, но гораздо выше того, что призвано к бытию: ибо наиприличнейшее естеству Бога отношение и место – быть далее и выше всего произведенного. Итак, место превыше Херувимов в святой скинии едва не показывает нам и чувственно естество Божественное. Поэтому-то и золотой алтарь, бывший образом Христа, повелел поставить против Того, Который превыше Херувимов давал откровение и мыслился, указывая этим наше приведение во Христе к лицезрению Бога и очам Отца: ибо бывшего в отдалении (отвращении) и оскорбившего Бога чрез преступление и многие грехи человека Христос в Себе Самом и первом опять поставил пред лицем Отца: потому что Он *предтеча о нас вниде* на *небо ныне да явится лицу Божию о нас,* как пишет нам мудрый Павел (Евр. 6, 20; 9, 24); ибо, пребывая всегда со Своим Отцом, *ныне,* сказано, является, как бы в Себе Самом и первом поставляя пред очами Отца человеческое и устраняя древнее оное отвращение: *Той бо есть мир наш,* по Писаниям (Еф. 2, 14).

П. Итак, утверждено, что и золотой алтарь есть образ Христа.

К. Сверх того по справедливости Он же разумеется и под *фимиамом сложеным* и *благовонным* (Исх. 30, 7): *ибо* Сам Он есть Архиерей; потому что сказано: *да кадит над ним Аарон фимиамом сложеным благовонным* (там же). И фимиам *сложеный:* ибо Слово, будучи Богом, соделалось плотию, и Еммануил у нас как бы слагается из Божественного естества и человечества в превышающее ум единство, неизреченно составляемое. *Благовонный*[1] же, потому что не имеет грубости служения по закону, ибо сказано: *жертвы и*

---

[1] Λεπτόν, собственно – *тонкий*, каковым значением и объясняется последующее выражение: «потому что не имеет *грубости* (τὸ παχύ)» и проч.

приношения не восхотел еси: всесожжения и о гресе не благоволил еси, тело же свершил ми еси. Тогда рех: се иду, еже сотворити волю Твою, Боже (Пс. 39, 7–9; сн. Евр. 10, 5–7). А какая это воля Отца, касательно этого Сам Он тайноводствовал нас в Евангелиях, говоря: *яко снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя. Се же есть воля Пославшаго Мя, да все, еже даде Ми, не погублю от него, но воскрешу е в последний день* (Ин. 6, 38–39): ибо Он принес Самого Себя за нас *в воню благоухания* (Еф. 5, 2) и за это провозглашен был Архиереем. Итак, Сам Он Архиерей, Сам и фимиам *сложеный* и *благовонный*; это засвидетельствует и Павел, говоря: *Богу же благодарение, всегда победители нас Творящему о Христе, и воню разума Его являющу нами во всяком месте: яко Христово благоухание есмы Богови в спасаемых и в погибающих: овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот* (2 Кор. 2, 14–16). Взывает же и к нам: *бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная, и ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас, и предаде Себе за ны приношение и жертву Богу в воню благоухания* (Еф. 5, 1–2). Устанавливает ясно и время курения, законополагая, чтобы все было совершаемо в порядке и благоукрашении и так, чтобы поддерживалась у нас сила внутреннего созерцания, ибо говорит: *рано* и *с вечера,* когда зажигаются и приготовляются лампады (Исх. 30, 7), так как слова *с вечера* и *рано* указывают на непрерывность и постоянство, курение же при возжжении лампад, может быть, весьма хорошо означает то, что только осияваемые светом Божественным мы обильно наполняемся благоуханием Христовым и таким образом приступаем к восприятию (ощущению) благ скинии внутренней или разделения Божественных дарований, которое подает достойным Христос, так что, если кто еще не во свете чрез веру, тот, конечно, и непричастен и мысленного благоухания, еще не уведавши таинства Христова: *ибо аще не уверите, ниже имате разумети,* сказано (Ис. 7, 9): потому что вера есть как бы вход, ведущий к разумению и открывающий ум к восприятию света Божественного. *Всегдашним* же называет фимиам потому, что нет времени, в которое не благоухает Христос в святой скинии, то есть в Церкви. Запрещает же совершенно делать на нем, то есть на алтаре Христовом, воз-

лияние и приносить приношение (Исх. 30, 9), ибо во Христе упразднилось то, что было в законе, и тени приходят к концу: это, я думаю, есть возлияние и приношение. И пророк свидетельствует, говоря: *извержеся жертва и возлияние из дому Господня* (Иоил 1, 9): ибо когда объявлено уже поклонение и служение в духе и истине, тогда некоторым образом излишни тени, тщетны и совершенно бесполезны образы: потому что во Христе нова тварь (2 Кор. 5, 17; ср. Гал. 6, 15); и после явления истины оправдываемые в законе отпали от благодати. *Да не принесеши же,* — говорит, — на алтарь *фимиама инаго* (Исх 30, 9): ибо совершенно никого иного мы не примем во Христе (как Христа) и никому другому не скажем: *учителю*[1] *един бо есть учитель и наставник* наш (Мф. 23, 7–8 и 10), — и Ему одному мы будем привержены, говоря: *миро излияное имя Твое: сего ради отроковицы возлюбиша Тя, привлекоша* меня *в след Тебе: в воню мира Твоего течем* (Песн. 1, 2–3). Или не это значит изречение: *да не принесеши над него фимиама инаго?* — ибо одного лишь Христа благовоние достаточно в Церкви для истинно разумных, иной вони не ищущих, как несчастные иудеи, которые, в безумии своем, надругались над *фимиамом сложеным* и *благовонным,* то есть Христом, и пребыли непричастны сего священного и истинно Божественного благоухания; иного же вместо Него примут, сына беззакония, *противника и превозносящагося паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, якоже ему сести в церкви Божией,* по написанному, *показующу себе, яко Бог есть* (2 Сол. 2, 4), который и Божественную скинию оскверняет, будучи дымом чуждым и, так сказать, диавольским зловонием: ибо *пришествие его,* — сказано, — будет *по действу сатанину* (2, 9).

П. Понимаю, что говоришь; ибо речь твоя ясна.

К. Совершать очищение над алтарем кадильным Бог повелевает Аарону однажды в год, с тем чтобы он помазывал кровию очищения грехов края рогов; ибо *святое святых есть,* говорит Он (Исх. 30, 10). И это ясным представляет тебе божественный Павел, говоря: *Христос же пришед Архиерей грядущих благ, большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, сиречь, не сея твари, ни кровию козлею ниже телчею, но Своею Кровию вниде единою во святая вечное искупление обретый* (Евр. 9, 11–12): ибо, как он же опять

говорит, умерши однажды, Христос *ктому уже не умирает: смерть Им ктому не обладает. Еже бо умре, греху умре единою, а еже живет, Богови живет* (Рим. 6, 9–10). Итак, божественный Аарон входил во святая святых однажды в год чрез кровь очищения грехов. И в этом опять усматривай Христа, Своею Кровию как бы окропляющего Свой крест ради жизни и спасения всех: ибо образом креста служат рога, наподобие рук простирающиеся прямо с обеих сторон. Итак, разумей Христа, единожды умершего, но святого святых по естеству, как Бога; ибо истинен Иоанн, говорящий, что *от исполнения Его мы вси прияхом* (Ин. 1, 16): потому что Христу причастна вся видимая и невидимая тварь – Ангелы и Архангелы и еще высшие сих существа, сами Херувимы, не иначе святые, как только чрез одного Христа, в Святом Духе. Так, подлинно Он есть алтарь, Он же фимиам и Архиерей; равным образом Он же есть и кровь очищения грехов.

П. Да, ты говоришь правильно. Только что такое кровь очищения грехов, я не могу ясно понять.

К. Прообразуя очищение кровию и священную жертву, разумею Христа, чрез Которого мы и спасены, избегая приразившегося к нам вследствие греха осквернения, закон так говорит в книге Левит: *аще же весь,* – говорит, – *сонм* израильский *согрешит, и утаится глагол от лица сонма, сотворят едину от всех заповедей Господних, еяже не леть есть творити, и согрешат, и увестся им грех, имже согрешиша в нем: и да приведет сонм телца от волов непорочна о гресе, и приведет и пред двери скинии свидения. И да возложат старцы сонма руки своя на главу телца пред Господем, и да заколют телца пред Господем. И да внесет жрец помазанный от крове телчи в скинию свидения, и да омочит жрец перст свой в крови телчи, и да покропит седмижды пред Господем, пред завесою святыни: и от крове да возложит жрец на роги олтаря фимиамов сложения, иже есть пред Господем, иже есть в скинии свидения* (Лев. 4, 13–18). Обширнее об этом сказано будет нами по времени. Созерцай же как бы в тельце опять Еммануила, закалаемого за нас, избавляющего нас от греха, изъемлющего от суда и отворяющего от наказания, входящего *большею и совершеннейшею скиниею,* не с помощью тельцов и козлов, *но Своею Кровию* (Евр. 9, 11 и 12) и единожды вкусившего смерть: ибо, высоко на древе прободенный

копием в ребра, Он источил кровь и воду. Образом же креста могут служить, как мы и выше говорили, оконечности рогов.

П. Ты хорошо сказал.

К. Но не кровию одною гадательно установил закон очищаться, а и святою водою; ибо это есть совершеннейший путь к очищению, в рассуждении таинства во Христе.

П. Как же и это показал он, или каким образом?

К. Написано: *и рече Господь Моисею, глаголя: сотвори умывалницу медяну и стояло ея медяно, еже умыватися: и да поставиши ю между скиниею свидения и между олтарем, и да влиеши в ню воду. И да умывают Аарон и сынове его из нея руки и ноги водою. Егда входят в скинию свидения, да омыются водою, и не умрут: или егда приходят ко олтарю служити и приносити всесожжения Господу, умыют руце и нозе водою, егда входят в скинию свидения, да не умрут. И да будет им законно вечно ему и родом его по нем* (Исх. 30, 17–21). Что в этом как бы преднаписуема была благодать святого крещения, это ясно: ибо мы, крещаясь, не приобретаем отложение нечистоты плоти, но избавляемся от мерзостей ума и сердца и омываемся от скверн греховных благодатию и человеколюбием Зовущего ко спасению: потому что мы оправданы *не от дел закона*, по Писаниям, *но от веры Иисус Христовы* (Гал. 2, 16). Смотри же, как Аарон, хотя и святой по закону, также и поставленные с ним на служение умывают руки и ноги водою и тогда уже принимаются за священные труды, а также и в святое святых входят свободные от страха, чем закон ясно и очевидно, думаю я, показывает, да и само дело едва не вопиет, что нечист у Бога и кажущийся священным по закону, если он не омылся водою, и что сила служения законного недостаточна к очищению Итак, даже освященные по закону наперед умывались, очищается же, конечно, не чистое, но оскверненное и нечистое Таковое же нечто сказал и Сам Христос: *измовенный не требует, токмо нозе умыти, есть бо чист* (Ин. 13, 10). Пишет же и премудрый Павел, что *невозможно крови юнчей и козлей отпущати грехи* (Евр. 10, 4). Итак, закон не совершен для освящения, если бы к возжаждавшим сродства с Богом не пришло на помощь спасительное крещение. Поэтому и божественный Иоанн, хотя был увенчан высшими похвалами и достиг высочайшей степени добродетели, од-

нако же просил от Спасителя крещения, говоря: *аз требую Тобою креститися* (Мф. 3, 14).

П. Правда.

К. Умываемые же руки и ноги означают чистоту и искренность дела и как бы приступа к каждому из действий. Когда мы достигнем совершенства в этом чрез упражнение, нам дозволяется взойти во внутреннейшую скинию, приносить Богу жертвы духовные и в виде фимиама посвящать Ему как благовоние евангельской жизни. С пользою же заповедует хотящим входить во святая святых и имеющим попечение о священных делах умываться, *да не умрут:* ибо поистине опасное и подлежащее наказанию дело — приближаться к Богу неочищенным. Поэтому и мудрый Павел настоятельно требует от нас испытывать самих себя, если бы мы захотели причаститься таинственного благословения, и тогда уже приступать к нему (1 Кор. 11, 28). А что небрежение в этом полно и опасности, это открывает он, говоря: *его ради в вас мнози немощни и недужливи, и спят доволни: аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (11, 30–32).

П. Итак, удостоверено, что священная умывальница предуказывала нам благодать святого крещения.

К. Так точно: ты совсем не должен сомневаться. И обративши внимание на способ устройства умывальницы, ты будешь, думаю я, еще более изумлен: ибо так написано о Веселеиле, искусно устроившем то, что было в скинии: *сей сотвори умывалницу медяну, и стояло из зерцал постниц, яже постишася у дверей скинии свидения, в оньже день постави ю. И сотвори умывалницу, да омывают из нея Моисей и Аарон и сынове его руце свои и нозе, входящим им в скинию свидения или егда приходят ко олтарю служити, омывахуся из нея, якоже заповеда Господь Моисею* (Исх. 38).

П. Но какая нужда была в зеркалах? И кто такие были постницы?

К. Многое из бывшего не имеет в Божественном Писании ясного истолкования, указывается же как бы мимоходом, как, несомненно, и в настоящем случае: где или кто постился в то время, когда воздвигаема была скиния, Моисей не высказал; но что это было, в том никто не может сомневаться, ибо сказа-

но, хотя и не ясно. Но, опустивши это, приступим к оному, если угодно.

П. К чему это?

К. Чего были образом постившиеся жены? И что значит, что медная умывальница сделана была из зеркал?

П. Конечно, твое уже дело сказать и об этом.

К. Слушай же. Израильтяне, претерпевая иго рабства египтянам и долгое время проводя жизнь по их законам, служили идолам. Между тем в особенности у египетских жен был обычай входить в храмы одетыми в льняную одежду и священнолепно украшенными зеркалом в левой и трещеткой[1] в правой руке. И таковой чести, а лучше сказать правду — бесчестия едва удостаивались наиболее избранные из других и священнотаинницы. Итак, жены из племени Израильского, нашедши в своей домашней утвари остатки служения египетского, именно зеркала, принесли их в приношение, каковые зеркала и переделаны были на умывальницу. Когда же воздвигаема была святая скиния, они постились, приседя дверям ее и во всем чисто проводя жизнь, каковое обстоятельство означало, я думаю, то, что, когда явилась скиния истиннейшая, то есть Церковь, *юже водрузи Господь, а не человек,* как пишет божественный Павел (Евр. 8, 2), то пришло уже время посвященные некогда во славу скопища демонов сосуды переделать на священные и удобные к принятию святого крещения, чтобы они могли отличаться и славою, высшею закона: ибо это, я думаю, значит из зеркал эллинских или сокровищ диавольских делать медную умывальницу, в которой была и вода, очищающая и самого Моисея и полезная к омовению, очевидно мысленному, законного священства: потому что разве и сам ты, Палладий, не считаешь сосудами диавольскими введенных в заблуждение и служивших демонам?

П. Как же не считать?

К. Постились же жены при дверях святой скинии. И это было прекрасным и мудрым указанием на то, что оправданные во Христе не чрез кровь входят в Церковь, но, напротив, отличаясь духовными жертвами и, как бы некоторое коньеношение, принося Богу воздержание, как бы умерщвление

---

[35] Разумеется трещетка, употреблявшаяся при богослужении в честь египетского божества Изиды, как о том свидетельствуют Плутарх, Филосторгий и др

плоти: ибо *представите,* — сказано, — *телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше* (Рим. 12, 1). И еще: *прославите убо Бога в телесех ваших* (1 Кор. 6, 20). Итак, постившиеся при воздвижении святой скинии служат образом душ, не Моисеевыми уже заповедями детоводимых, а, напротив, явивших житие духовное и евангельское и не без подвига попирающих земные удовольствия и, дабы не потерпеть обдержания от гнусных и нечистых прегрешений плотолюбия, весьма хорошо преобразующихся к красоте нетленной. Или не таков образ жизни у нас, званных во Христе к освящению и худощавости духовной?

П. Совершенно таков.

К. Но на настоящий раз этого достаточно сказать о священных сосудах. Теперь же, если угодно, рассмотрим самую скинию, как она поставлена и устроена. И хотя предмет сей глубок и выше меры нашего разумения, однако же никакого, я думаю, вреда не будет вовсе, если мы будем отовсюду собирать служащее на пользу, приступая, насколько возможно, и к очень возвышенному.

П. Ты хорошо сказал.

К. Итак, если кто решился бы говорить тонко, то речь о каждом предмете была бы продолжительна и очень подробна. Но должно знать, что одни из сосудов заслуживают умосозерцания и слов таинственных, другие же устроены для украшения и пользы скинии. Обрезая же, сколько возможно, долготу слова, я скажу вкратце и сокращу повествование. Итак, Он сказал: *скинию же да сотвориши от десяти опон от виссона сканаго, и синеты, и багряницы, и червленицы сканыя. Херувимы делом тканым да сотвориши я. Долгота опоны единыя двадесять и осмь лактей, и широта четырех лактей опона едина да будет: мера таяжде да будет всем опонам. Пять же опон да будут взаим придержащеся, едина от другия и пять опон да будут содержащеся друга о друзей* (Исх. 26, 1–3). Итак, десять покрывал и притом крепко сплоченных между собою: ибо много обителей у Отца (Ин. 14, 2) и у всех живущих в них одна и святая цель, одно же и знание о Боге: *в мир бо призва нас Бог,* по написанному (1 Кор. 7, 15). Можешь же, если угодно, десять покрывал принимать и считать за полноту находящихся в мире церквей, не рассеянных разномыслием или несогласием во мнении, но соеди-

ненных в духе и как бы сплоченных воедино по единству во Христе чрез веру: ибо везде и во всех их *един Господь, едина вера, едино крещение* (Еф. 4, 5). Ширина же каждого из покрывал четыре локтя, и двадцать восемь локтей длина. Намек искусно составленный и тонкий; впрочем, я думаю, он прикровенно и неясно указывает на то, что и наставление чрез закон принимается некоторым образом в церквах, будучи весьма тесно по причине неясности буквы; но по мере движения времени вперед в долготу, оно будет иметь концом таинство о Христе, то есть восьмой день или бывшее в восьмой день воскресение: *кончина бо закона* и пророков *Христос* (Рим. 10, 4; ср. Мф. 5, 17), к которому и божественный Давид воззвал: *широка заповедь Твоя зело* (Пс. 118, 96). Пишет же и божественный Павел к предпочетшим служение в законе вере во Христа· *уста наша отверзошася к вам, Коринфяне, сердце наше распространися: не тесно вмещаетеся в нас, утесняетеся же во утробах ваших. Тожде же возмездие, якоже чадом глаголю, распространитеся и вы. Не бывайте удобь преложни ко иному ярму, якоже неверннии* (2 Кор. 6, 11–14). Видишь ли, что желание быть приверженным по уверовании к непокорным и еще говорящим то, что в законе, иудеям производит утеснение?

П. Понимаю.

К. Полотно же покрывал было из виссона крученого (сканого) и из голубой, пурпуровой и червленой шерсти: ибо преиспещренно украшение Церкви. Это и божественный Давид поет, так говоря негде о ней: *предста царица одесную Тебе, в ризу позлащенну одеяна преиспещренна* (Пс. 44, 10). Украшение же и многообразная красота в ней есть Христос, единый по естеству, но во многих и различных образах мыслимый, как, например, чтобы не ходить далеко, в крученном виссоне: ибо, будучи тонким и бестелесным по естеству, рожденное от Бога Отца Слово некоторым образом скручено чрез сплетение как бы с плотию Итак, Он есть и крученый виссон; но также есть как бы и *синета* (гиацинтовый, голубой цвет), потому что не от земли, а свыше и с неба: ибо гиацинту уподобляется на высоте и вверху находящееся эфирное тело, достигающее и до самой тверди Итак, Он есть как бы гиацинт по причине того, что с неба, – пурпур же, поелику не есть раб, как будто сотворенный, но от Бога Царь и Господь всяческих. Червлени-

ца же крученая потому, что умопредставляемый в сплетении, как я сказал, с плотию и пребывая истинно Словом Божиим, Он дал Кровь Свою за нас, так как червленица есть знамение крови А что на кожах было изображение Херувимов, то это обстоятельство очень хорошо указывает, быть может, на союз нижних с вышними и на единение Церкви земной с силами небесными. Должно же знать, что и мудрейший Соломон вырезал на стенах храма Херувимов Таким же точно образом сделано было и изображение храма, указываемого словами Иезекииля (Иез 40, 47) Покровами для (полотняных) покрывал служат кожи, стянутые петлями и крючками (Исх. 26, 7 и далее; сн. 36, 14 и далее), и кроме того покрышки из кож синих (гиацинтовых) и бараньих кож красных, указывающих на Покровителя Церкви Христа, чрез гиацинт опять потому, что Он с неба и свыше, через красный же цвет, поелику Он явился во плоти ибо таков некоторым образом цвет плоти.

П. Думаю, что это рассмотрено не безосновательно.

К. Столпы для покрывал были шириною в полтора локтя, а длиною в десять, обложенные по верхушкам и корпусу золотом и утвержденные на двойных серебряных подножиях (Исх. 26, 15 и далее, сн 36, 20 и далее) Опять в каждом столпе разумеется Христос, опора Церкви, *утверждение истины,* по слову Павла (1 Тим 3, 15) Он же все поставляет и содержит. Чрез полтора локтя Он косвенно обозначается как совершенный по естеству Божества и затем как умаленный мерою человечества. Не безрассудно было бы сказать, что Христос всесовершен как бы во всецелом локте, поелику есть Бог по естеству, в половине же локтя как бы понижен вследствие человеческого естества: ибо ничто не совершенно в произведенном Будучи богат, в нас обнищал и Себя Самого низвел до истощания Единородный (2 Кор 8, 9; сн. Флп. 2, 7).

П. Правда

К. Итак, не может равняться с преимуществами Божества человеческое; и многого ему не достает для сего. Поэтому Он (Христос) и сказал, как соделавшийся и мыслимый подобным нам: *Отец Мой болий Мене есть* (Ин. 14, 28), хотя по естеству Божества и равномерный Ему и не низший превосходства Родителя. Длина столпа десять локтей: ибо всесовершен как бы по высоте Божества Христос, а доходящее до десяти число принимается в Божественном

Писании как знамение совершенства. У столпа верхушка золотая, а также и корпус золотой. так и воспринятый от Девы храм избыточествует обитанием естества высочайшего; а золото есть символ Божества, имея преимущество во всем, по сравнению с веществами подобного рода. Подножие из серебра и двойное: так же и Христос светел и славен на земле, по написанному. *Бог Господь явися нам* (Пс. 117, 27), — и как бы двойного разумения требует, ибо мыслится в Нем Бог и человек: потому что это, я думаю, значит двойное и серебряное подножие.

П. Ты уподобляешь правильно.

К. Но обрати внимание вот на что, друг мой.

П. Что такое?

К. Повелевши всю скинию обтянуть десятью покрывалами, прибавляет между прочим: *и да сотвориши опоны власяныя в покров над скиниею, единонадесять опон сотвориши их. Долгота опоны единыя да будет тридесяти лактей, и четырех лактей широта опоны единыя: таяжде* долгота *да будет единонадесяти опонам. И совокупиши пять опон вкупе, и шесть опон вкупе: и усугубиши опону шестую ко входу скинии. И да сотвориши петлей пятьдесят на краи опоны единыя, яже среде по сложению, и пятьдесят петлей да сотвориши на краи опоны совокупляющияся вторыя* (Исх. 26, 7–10). Что это значит, Палладий? Если покрывал (полотняных) Он навешивает десять, то почему же не равночисленны им покровы *власяные* (кожаные), но один кладется лишний, то есть одиннадцатый? Ибо *совокупиши,* — говорит, — *пять опон вкупе, и шесть опон вкупе* (26, 9).

П. Не могу сказать.

К. Но самое положение их уяснит искомое.

П. Каким образом?

К. Он говорит, что следует быть пяти покрывалам, сплоченным взаимно, также и другим пяти такого же вида и одинаковым образом противопоставленным. Поэтому, между тем как они воздвигнуты с обеих сторон и одно против другого, как бы с севера и юга или с востока и запада, одиннадцатая какая-то сторона средняя оставалась уже в небрежении, разделяя собою на части те десять, рассеченные надвое, по каковой стороне и простерт был одиннадцатый кожаный покров, крючками и петлями сдерживающий обе стороны. По подо-

бию же других были и столпы этой стороны, только меньшие числом: ибо десять покрывал, как я уже наперед сказал, в длину простирались на двадцать восемь локтей, одиннадцатый же и самый средний между другими покров, будучи шириною в пять локтей (а те покрывала имели по четыре локтя), длиною простирался только до двадцатилокотной меры. Посему и говорит: *и усугубиши опону шестую ко входу скинии,* дабы, излишне простертое, не повредило красоте скинии. Итак, в этой-то расположенной между другими и как бы одиннадцатой стороне и поставлены были священные и Божественные сосуды, в себе самих различно прообразуя Еммануила. Но, может быть, число это означает и то, что в последние времена века и как бы в час единонадесятый явился Христос и содержащая в себе Христа скиния, то есть Церковь.

П. Нет ничего безрассудного, как кажется, и этот смысл считать удобоприменимым.

К. После же речи о скинии и образов ее говорит: *и да сотвориши двор скинии: на стране, яже к югу, завесы двора из виссона сканаго: долгота сто лакот стране единой. И столпы их двадесять, и стояла их двадесять медяна, и крючки их, и верхи сребряны. Такожде на стране, яже к северу, завесы сто лакот в долготу, и столпы их двадесять, и стояла их двадесять медяна, и крючки и верхи столпов, и стояла их посребрена сребром. Широта же двора к морю, опоны пятьдесят лакот, столпы их десять, и стояла их десять* (Исх. 27, 9–12). Итак, обрати внимание на то, что первые покрывала были узки и доходили (только) до третьего десятка локтей, ибо ширина их четыре, а длина двадцать восемь; следующие же за ними так широки и длинны: ибо имели сто на сто и пятьдесят на пятьдесят, простираясь на востоке и западе и юге.

П. Но за тем что же за смысл этой прикровенной речи?

К. Не это ли есть древле ясно обетованное устами Исаии явившейся в последние времена Церкви: *разшири место кущи* (τῆς σκηνῆς) *твоея и* кожаные покрышки[1] *покровов твоих: водрузи, не пощади, еще на десно и на лево простри*

[1] Δέῤῥεις Хотя этого выражения нет ни в общепринятом греческом, ни в славянском тексте, однако же оно читается в некоторых греческих кодексах, именно обозначаемых у издателей буквами EFX, как и в переводимом творении св Отца

(Ис. 54, 2 и 3): ибо стесняемая вначале Церковь Христова затем уже расширяется к востоку и западу, северу и югу и доходит до всякого места.

П. Правда.

К. Заметь же то, что все другие столпы десяти покрывал и покрова среднего повелел покрыть золотом и утвердить на двойных, отделанных серебром подножиях. И какой смысл этого, о том сказано, как я думаю; столпы же длинных и широких покровов украшает иным способом. Их повелевает с головы до ног (с верхушки до подножий) как можно лучше украсить серебром, но утвердить на подножиях медных и посеребренных. И это есть образ Христа, ибо Он воссиял наподобие света, блистая лучами мысленными, как Бог, на что указывает серебро. А что светло и благозвучно на земле слово Его, то есть проповедь евангельская, на это косвенно указывает нам посеребренная медь· ибо, тогда как медь благозвучна, вещество серебра очень светло и ясно, это же свойственно и евангельским проповедям, и всякий может видеть, что слово Спасителя имеет ясность и чистоту высшего благочестия и как бы оглашает всю вселенную. Если же кто захотел бы видеть как бы прообразованными в таковых столпах святых Апостолов и Евангелистов, тот будет рассуждать справедливо: ибо и они суть истинно как бы посеребрены, вследствие причастия Христу светящему. Посему сказано: *и* будет *светлость Господа Бога нашего на нас* (Пс. 89, 17). Называются же они и *светом мира* (Мф. 5, 14), как бы (светильники) водруженные в посеребренной меди: ибо утверждением для них служит то, что они пользуются словом светлым и благозвучнейшим, поелику *Господь,* — сказано, — *даст глагол благовествующим силою многою* (Пс. 67, 12). *Красны* же и *ноги благовествующих благая,* — написано (Ис. 52, 7).

П. Глубоко слово, но к истине близко.

К. Итак, с окончанием заповедей и о покрывалах, обращается к составу елея и мира, а равно и курений, так говоря *и ты заповеждь сыном Израилевым, и да возмут тебе елей от масличия без дрождей чисть изжат* сожигать *в светение, да горит светилник всегда в скинии свидения, вне завесы, яже над заветом* и *возжигати будет его Аарон и сыно*

ве его от вечера даже до утра, пред Господем: законно вечно в роды ваша от сынов Израилевых (Исх. 27, 20–21).

П. И что же это значит?

К. Я думаю, что эта прикровенная речь есть мудрая и имеет настоятельнейшую нужду в изъяснении: ибо семь лампад, непрестанно горящих и светящих в святой скинии, весьма легко можно уподобить освещению Христову, имеющему достаточную силу к осиянию и возжжению и наполнению ума верующих. потому что число семь везде указывает на значение совершенства, как, например, в изречении: *неплоды же роди седмь* (1 Цар. 2, 5), то есть весьма много и сколько нужно было к довольству. Возжигают же лампады Аарон и остальные следовавшие за ним священники: ибо исходящее от Христа освещение как бы неугасимым сохраняется в церквах посредством честной жизни предназначенных к священству, которые правым тайноводством осиявают ум верующих: потому что это, я думаю, значит возжигание лампад от вечера до утра. Темнотою же я считаю исходящее от диавола заблуждение и, как бы какою мысленною ночью настигающею умы людей, — бессветные и неясные басни нечестивых еретиков. Итак, постоянно и непрестанно видим был бы свет Спасителя в церквах, если бы учители их правильно истолковывали Божественные и евангельские проповеди. Елей же чистый: ибо от дрождей и всякой нечистоты совершенно свободно правое и истинное и не имеющее примеси дурного слово о Божественных догматах, которое всегда поддерживает освещение Спасителя, не само от себя прибавляя что-либо к светлости Христа (потому что вполне безумно было бы думать, что Он нуждается в человеке), но потому, что Христос, пребывая светом истинным и сиянием Отца (ср. Евр. 1, 3), в правом учении учителей является умам верующих тем, что Он истинно есть.

П. Но почему говорит: *елей от масличия?* Вероятно, самая точность указания заключает в себе какое-либо из необходимых умосозерцаний.

К. Ты рассуждаешь превосходно, и я скажу тебе то, что мне пришло на ум. Не из одних маслин у нас, Палладий, есть обычай искусным в том людям добывать елей, но и из многих других не подлинных и более грубых (землистых) семян. И подлинный, истинно из маслин добытый будет наилучшим

(самым испытанным), поддельный же, как бы насилием и искусством добытый и как бы не истинный есть тот, говорю, который извлечен из более грубых семян. Итак, елей из маслин весьма легко можно уподобить слову чистому и истинному и вышнею мудростию подаваемому достойным. Изобретенное же человеческими помышлениями и демонским наваждением подобно тому елею, который приобретается вследствие искусства некоторых и барышничества и имеет незаконное употребление. Бесполезно и отверженно таковое слово и вполне не совершенно к просвещению ведением о Христе. Посему оно и не приемлется в церквах, не имея ни благоухания Святого Духа (ибо никто не говорит: Господь Иисус, *точию Духом Святым,* – 1 Кор 12, 3), ни подлинности и чистоты истины и пригодности к полезному употреблению. Замечай же, что закон сынам Израилевым повелевает приносить елей из маслин: ибо, как я сказал ранее, плодом от нас и дароприношением духовным Богу будет слово истинное, не допускающее просвещению от Христа немоществовать в тайноводствуемых. Вне завесы – и положение лампад и возжжение: ибо, пребывая по естеству светом, Христос не нуждается в свете, но нам, сущим вне Божества, как произведенным, посылает Свой свет. Внутри же, за завесою (Евр. 6, 19) был кивот, служивший предызображением и образом Христа

П. Ты хорошо сказал

К. Затем сказано: *и рече Господь к Моисею, глаголя: и ты возми ароматы, цвет смирны избранныя пять сот сиклев и киннамома* (корицы) *благовонна пол сего, двести пять десят, и трости благовонныя. И касии пять сот сиклев святаго*[1]*, и елеа от маслин (меру) ин*[2]*. И сотвориши сей елей помазание святое: миро помазательное художеством мироварца: елей помазание святое будет. И да помажеши от него*

[1] То есть по ценности сикля священного

[2] В изданиях переводимого творения св Кирилла не находим обозначения этой меры (с евр гин, греч εἶν), но вместо сего находим глагольную форму ἔσται (будет), совершенно излишнюю в тексте Библии и не существующую ни в одном из греческих кодексов ее в рассматриваемом месте Очевидно, первоначальные издатели, а может быть и переписчики текста переводимого творения св Отца, по недоразумению, сочли греческое название (εἶν) еврейской меры за недоконченную глагольную форму (εἶναι) Но в то же время, считая грамматически неправильным поставить именно эту форму (неопред наклон), они изменили ее в форму будущего времени того же глагола Употребление

скинию свидения, и кивот скинии свидения и вся сосуды ея, и светилник, и вся сосуды его и олтарь кадилный, и олтарь всесожжения, и вся его сосуды, и трапезу и вся ея сосуды, и умывалницу и стояло ея. И освятиши я, и будут святая святых: всяк прикасаяйся им, освятится. И Аарона, и сыны его помажеши: и освятиши я священнодействовати Мне. И сыном Израилевым да речеши глаголя: елей масть помазания, свят да будет сей вам в роды ваша. Плоть человеча да не помажется им, и по сложению сему да не сотворите сами себе иного сице: свят есть, и освящение будет вам. Иже аще сотворит сице, и иже аще даст от него иноплеменнику, потребится от людей своих (Исх. 30, 22–33). Итак, о качестве, а также и о составе и затем о неравенстве в весе названных видов ароматов я не имею ничего сказать: ибо любезна истина привыкшим хорошо мыслить. Елей же, смешанный с ароматами, может означать, как я думаю, освящение во Христе чрез Святого Духа, подаваемое обретшим милость, по написанному: *умастил еси елеом главу мою* (Пс. 22, 5). Помазуется же скиния и все, что в ней, ибо и место становится причастным освящению чрез обитающего в нем. Освящаются также и сосуды приличным для них способом, потому что они полезны для служения Богу; и *прикасаяйся им освятится.* Итак, неприкосновенно для нечистых святое и священное: ибо *кое общение свету ко тме,* по написанному (2 Кор. 6, 14)? Запрещает же совершенно делать себе самим подобный состав елея: ибо одному только Богу свойственно освящать, и это дело надлежит Ему как истинно изрядное; естеству же произведенному и сотворенному как возможно когда-либо освящать других? Ибо оно едва приобретает освящение от принятия свыше. Прилично же было бы воззвать к нему голосом святых: *что имаши, егоже неси приял* (1 Кор. 4, 7)? И Иоанн говорит о Единородном, что *от исполнения Его мы вси прияхом* (Ин. 1, 16) — и: *не в меру дает Духа* (3, 34); но Сам, будучи источником освящения, Он сообщает Духа достойным и освящает разумную тварь. *Плоть же человеча,* — говорит, — *да не помажется им,* хотя и заповедал помазывать им Аарона и сосвященнодействующих ему. Итак, род священный

названия меры в настоящем случае требуется контекстом речи, из которого мы видим указание особой меры каждого из ароматных веществ, входивших в состав елея помазания (мира)

выше человеческого рода, как причастный Христу, Который выше твари. Посему-то, возводя нас к высшему естества достоинству и как бы отделяя от земного, Он присоединяет к вышним; ибо говорит: *Отца не зовите себе на земли: един бо есть Отец ваш, Иже на небесех: вси же вы братия есте* (Мф 23, 9 и 8) Наказываются потреблением дающие от него (елея) иноплеменнику, ибо сказано: *не дадите святая псом, ни пометайте бисер ваших пред свиниями* (7, 6): потому что передавать беззаботно неверным еще сокровенное и приличествующее одним святым есть дело полное опасности, ибо не освящается еще не посвященное и чрезмерно недугующее нечистотою, но уже очищенное святым крещением.

П. Правда.

К. Таким же образом и на одинаковом основании повелел делать состав и фимиама, говоря· и ты *возми себе ароматы, стакти и ониха и халвана благовонна, и ливана чистаго: все то в равну меру. И да сотворят в нем фимиам мироварный, дело мироварца смешеное, чисто, дело свято. И раздробиши от сих потонку, и положиши прямо свидению в скинии свидения, отонудуже познан буду тебе тамо. Святое святых будет вам фимиам. По сложению сему да не сотворити себе сами. Освящение будет вам от Господа. Иже аще сотворит сице, еже обоняти от него, погибнет от людей своих* (Исх 30, 34–38). И об этом речь опять показывает нам, что изрядное и свойственное высшему всех естеству не принадлежит существенно ничему из сотворенного и, что касается до достоинства и превосходства почестей, совершенно ничего нет общего у твари с Творцом и Владыкою. Вспомним же сказанное нами о том, что и золотой алтарь и самый *сложеный* и *благовонный* фимиам есть Христос и что тем и другим знаменуется для нас Сам Еммануил. Итак, относя фимиам (ибо он чрезвычайно благовонен) ко Христу, не будем делать себе фимиама подобного ему. другого, кроме Его, совершенно никого не примем, как несчастные иудеи – сыны беззакония ибо они изобличены будут как составившие для себя фимиам наподобие того благовонного и истинно избранного фимиама, который от Бога и Отца, явившего нам воню разума Своего в Сыне, чрез Которого и мы благоухаем, не составивши сами себе фимиама благовонного, но будучи причастни-

ками того фимиама, помазанные благодатию Духа и стараясь стяжать себе славу жизнию во Христе.

П. Итак, во всем, как кажется, бывшем в святой скинии, предызображается для нас таинство Спасителя.

К. И кроме того ты еще более удивился бы, если б узнал, что и сами искусностроители святой скинии как бы в самих себе изображают Христа.

П. Каким образом, скажи: ибо я не могу понять

К. Написано еще: *и рече Господь к Моисею, глаголя: се нарекох именем Веселеила сына Урии, сына Орова, от племени Иудина. И наполних его духом Божиим премудрости, и смышления, и ведения и во всяком деле разумети (и архитектонствовати, делати)*[1] *злато и сребро и медь, и синету, и багряницу, и червленицу прядену, и виссон сканый, и каменное дело и различная древоделства делати во всех делех. И Аз дах его и Елиава сына Ахисамахова от племене Данова: и всякому смысленному сердцем дах смысл: и сотворят вся, елика заповедах* (Исх. 31, 1–6) Итак, заметь, что делами художественными руководствует Веселеил, Елиав же производит работы.

П. Что же это значит?

К. Так узнай. Иуда и Дан, оба от Иакова, но один от свободной Лии, другой же от служанки Валлы[2]. Итак, Веселеил есть ясный образ явившегося нам от племени Иудина по плоти Христа и от естества истинно свободного, то есть Божественного и высочайшего. Но и Елиав весьма хорошо представляет собою происшедших как бы от рабыни — Иерусалима — соработников Христу Апостолов и Евангелистов: ибо они были соработниками Богу, как бы трудящемуся и прилагающему искусство в устроении церквей. Приносили же от своего усердия и благорасположения на дела скинии и все смысленные сердцем, служа образами имевших быть по времени учителей, которые имеют усердие и заботливость о том, чтобы делать дела Божии и все, что клонится к пользе Церкви Христовой.

---

[1] Как очевидно из смысла речи приводимого места Св Писания, поставленные в скобках слова лишь по недоразумению или по ошибке переписчиков не вошли в издание переводимого творения св Отца

[2] См Быт 29, 35 и 30, 5–6

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Еще о том же и о бывшем во святой скинии

Ясно ли для тебя, Палладий, и достаточно ли полно слово, сказанное нами о святой скинии и о бывшем в ней?

Палладий. Ясно — весьма, но вовсе не полно.

Кирилл. Так не хочешь ли, мы весьма охотно снова перейдем к тому, что кажется недостаточным в рассуждениях о ней? Ибо ты, по всей вероятности, считаешь нужным, чтобы присоединено было слово, объясняющее то, каким образом она была воздвигнута, и когда, и как расположено было заключавшееся в ней, и что такое оправдания и законы, обновление и освящение и суды.

П. Да, скажи еще о каждом из этих предметов: ибо ты рассуждаешь правильно.

К. Итак, я буду говорить, ты же, в свою очередь, будь снисходителен, приняв во внимание полнейшую трудность подлежащего рассмотрению, и если, может быть, я что-либо скажу далекое от основательности и отступающее от надлежащего смысла, ты изменяй и поправляй: ибо я сделаю тебя сподвижником и помощником моей речи.

П. Приступай, с Божией помощью.

К. Итак, когда совершены были как следует дела святой скинии, а равно и каждая из принадлежностей ее мудро и искусно была сделана, по образцу красоты, показанному на горе, Господь сказал Моисею, говоря: *в день первый месяца перваго, в новомесячие поставиши скинию свидения* (Исх. 40, 2). И чрез несколько слов еще: *и бысть,* — сказано, — *в первый месяц во второе лето исходящим им от Египта в новомесячии ста скиния: и постави Моисей скинию* (40, 17–18) И так воздвигнута была, по изволению Божию, древняя скиния, весьма хорошо предоткрывавшая в себе образы Церкви, мыслимой во Христе. Исследуем же, если угодно, причины того, почему она воздвигнута была именно Моисеем, а об

Иисусе Навине на этот раз умалчивается, хотя он всегда предстоял всеизряднейшему Моисею, восходил с ним на гору Синай и по гласу Моисея воевал и выводил полки в сражение с Амаликом: ибо некогда он (Моисей) сказал ему: *избери себе мужи сильны, и изшед ополчися на Амалика заутра* (Исх. 17, 9). И он ополчился и победил (40, 10 и 13). Не достойно ли исследования то, какое основание этого?

П. Совершенно так.

К. Итак, если кто решится сколько возможно тщательно исследовать смысл таинства в каждом из сделанного, тот изумленный скажет: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия* (Рим. 11, 33)! Ибо смотри, как и глубок и необходим смысл в каждом: с восходящим на гору божественным Моисеем восходит вместе Иисус; ибо не иначе доступен Отец, как только через Сына. И истинно то, что говорит Он: *никто же приидет к Отцу, токмо Мною* (Ин. 14, 6). Посему и самим святым возможен доступ только во Христе, и не может кто бы то ни было воспрянуть, как бы на гору, к высокому некоему и превознесенному созерцанию, но даже, я думаю, и быть близ Бога, то есть по способу союза жития в Духе и освящении, если не будет с ним Еммануил, Который и недостижимое для человеков делает доступным и легко достигаемым. Об этом-то, я думаю, сказано устами Исаии: *всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холм смирится: и будут вся стропотная в право, и острая в пути гладки* (Ис. 40, 4): ибо во Христе для нас и крутое делается ровным, и шероховатое — удобопроходным, и неудобопроходное — гладким и низменным; ибо, как еще говорит негде тот же пророк, *путь благочестивых прав бысть и приуготован путь благочестивых* (Ис. 26, 7). Итак, необходимо совосходит Иисус с божественным Моисеем: ибо Отец доступен, как я сказал, чрез Сына, и Он есть Посредник, чрез Себя Самого соединяющий нас (с Отцом) и возводящий на преестественную высоту. Ополчился же (Иисус Навин) с избранными мужами и победил Амалика: ибо Христос, избравши святых, начатком которых были Божественные ученики, победил началовождя века сего. Но Моисей был повелевавшим: ибо под законом был Сын (ср.: Гал. 4, 4), хотя и Законоположником пребывая как Бог. И время ополчения было не на тот самый день, в который было дано

повеление Моисея, но *заутра*, то есть перенесено было на другое время: ибо закон предвозвестил будущее и содержит ясное повествование о делах Спасителя, если разумеется духовно. По сей-то причине, как я думаю, и святую скинию воздвиг Моисей: ибо не бесполезно для устроения Церкви наставление чрез закон, потому что он детоводит ко Христу, который есть Глава Церкви и всякое устроение, *столп и утверждение истины,* как написано (1 Тим. 3, 15). Так и к иудеям возгласил Христос: *аще бысте веровали Моисеови, веровали бысте и Мне, о Мне бо той писа* (Ин. 5, 46). Посему созидает и Моисей, то есть наставление чрез закон, Церковь Христову, предоткрывая как бы еще в тенях таинство ее. Лицо Моисея иногда представляет собою данный чрез него закон, как сказано правильно и в евангельских притчах: *имут Моисеа и пророки* (Лк. 16, 29).

П. Ты сказал правильно

К. Что же обозначается тем, что святую скинию надлежало водрузить в один день и притом в новомесячие первого месяца и во второй год (Исх 40, 2 и 17–18), об этом мы скажем теперь, исследуя истинное и кажущееся наилучшим для читателей: ибо день один указывает на то вожделенное для нас и спасительное время, в которое Единородный, соделавшись человеком, смертию Своей Плоти стяжал Богу и Отцу сущих на земле. Время же это было одно из всех: *умерый бо единою, ктому уже не умирает: смерть Им ктому не обладает,* по Писаниям (Рим. 6, 7, 10 и 9): ибо мы уже не будем ожидать, что Сын умрет за нас и за духов, которые в аде, и что будет второй *начаток умершим* (1 Кор. 15, 20): потому что если не будет смерти, то как же будет и воскресение? Итак, можно, не говоря лжи, сказать, что время этого одно, как я сказал недавно, и день один, о котором и пророк упомянул, говоря как бы от лица Бога: *во время приятно послушах тебе и в день спасения помогох ти* (Ис. 49, 8) Пишет же и божественный Павел. *се ныне время благоприятно, се ныне день спасения* (2 Кор. 6, 2), в который Христос воскрес из мертвых, разрушив страшную державу смерти, когда и святых Апостолов, как бы каких строителей и духовных художников Церкви из язычников, поставил, говоря *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, учаще их блюсти вся елика заповедах вам:*

и се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века (Мф. 28, 19–20): ибо разве ты не то считаешь устроением Церкви?

П. Что ты имеешь в виду?

К. Преданную святыми тайноводителями веру и проповеданное ими житие, разумею во Христе и единение с Богом, совершаемое чрез святое крещение и причастие Святого Духа; ибо так взывает к нам Павел, говоря: *и вы яко камение живо зиждитеся в храм духовен, в Церковь святую, в жилище Божие Духом* (Еф. 2, 22 и 21; 1 Пет. 2, 5), – потому что древле Христос предызображаем был как бы в различных сосудах в святой скинии, как золотой кадильник, как кивот, как светильник, а равно и как трапеза и бывшее на ней. В настоящее же время, я думаю, каждый из уверовавших называется домом и храмом Божиим, имея обитающего в себе Христа: ибо Он *вселяется верою в сердца* наши, как написано (Еф. 3, 17), один и тот же пребывая по естеству, хотя и мыслится с плотию, ибо *един Бог Отец, из Негоже вся, и един Господь Иисус Христос, Имже вся* (1 Кор. 8, 6), в различных же свойствах Божества имея в Себе как бы многообразие и различно мыслимый: потому что Он существует в нас как Слово Божие, и Премудрость, и Свет, и Жизнь, и Хлеб животный, и Сходящий с небеси (Ин. 1, 14; 1 Кор. 1, 24 и 30; Ин. 8, 12; 12, 46; 14, 6; 6, 51).

П. Я понял, что ты говоришь.

К. Итак, время вочеловечения и вожделеннейший день воскресения из мертвых предызображен был для нас древле словами Бога: *в день первый поставиши скинию* (Исх. 40, 2). Слова же: *в новомесячие месяца перваго* (там же) – можно рассматривать, Палладий, как с пользою и необходимостью присоединенные: ибо как начало месяца есть первый из дней в нем, то есть новомесячие, так и как бы некоторое начало нового века и наступление новости времен есть время пришествия; потому что *во Христе нова тварь: древняя мимоидоша* (2 Кор. 5, 17; сн. Гал. 6, 15). Воссиявает же как бы нам век после настоящего будущий, ныне как бы еще в надежде видимый, тогда же и истинно имеющий наступить, когда Христос снова воссияет нам со святыми Ангелами во славе Отца, имея взять с Собою и ввести в давно ожидаемую славу и царство решившихся ходить в новости жизни и в терпении обогатившихся отличнейшею красотою евангельского жития.

А что *нова тварь* и как бы новое поколение времен и вещей *во Христе,* это очень ясно указывает гадательное значение *месяца перваго,* в который на земле являются мягкие и свежие травы, совершается распускание растений и виднеется многообразная красота луговых цветов, при радостном весеннем благоухании[1]; ибо как бы в таковое же время Христос воззвал Церковь из язычников, так говоря: *востани, прииди ближняя моя, добрая моя, голубице моя: яко се зима прейде, дождь отыде, отыде* в *себе: цвети явишася на земли, время обрезания приспе* (Песн. 2, 10–12): ибо снова зацвело естество человека, как бы какое растение, быв иссушено смертию по причине преступления Адамова и владычествовавшего над всеми нами греха. Слышу же Христа, говорящего и чрез одного из святых пророков: *Аз есмь Сам глаголяй, ту есмь,* как весеннее время[2] *на горах* (Ис. 52, 6–7): ибо что производит весна в горах и лесах, увенчивая растения новою отраслью, то же и в нас совершило пришествие Спасителя нашего, бывшее по порядку времен как бы во второе лето, а не в первое время, в которое был закон и лик пророков и в которое властвовала смерть: *ибо царствовала* (смерть) *от Адама даже до Моисеа* (Рим. 5, 14). Итак, как бы во второе лето, то есть как бы во время, следовавшее за первым, в которое был закон, воссияла Церковь из язычников, имея обитающим в себе Христа — *кончину пророков и закона* (ср. Рим. 10, 4 и Мф. 5, 17). Не кажется ли тебе, что слово наше направляется к решению прямому и истинному?

П. Совершенно так.

К. Думаю же я, что истиннейшая скиния предвозвещена нам устами Исаии, говорящего как бы к каждому из званных в вере к праведности: *очи твои узрят* Иерусалим, города богатые, *кущи,* которые *не поколеблются, ниже подвигнутся колие храмины его, и ужя его не преторгнутся в вечное время* (Ис. 33, 20); ибо Церковь есть град Божий, о котором и боже-

[1] Нужно принять во внимание при этом, что первый месяц года у евреев соответствовал нашему марту, когда в Палестине весна являлась уже во всей своей красе.

[2] Ὥρα — время, весеннее время. В некоторых кодексах греческого перевода Библии читается вместо этого слова ὡραῖοι (красивые), и сообразно с этим последним чтением сделан славянский перевод: *ту есмь. Коль красны на горах (ноги благовествующих мир).*

ственный Давид воспомянул, говоря: *преславная глаголашася о тебе граде Божий* (Пс. 86, 3): она богато украшена вышними и небесными дарованиями и имеет непоколебимое в твердости стояние, водружение и пребывание, ибо *врата адова не одолеют ей,* по слову Спасителя (Мф. 16, 18).

П. Ты рассуждаешь весьма правильно и правдоподобно.

К. А что, когда воздвигнута была скиния, надлежало быть расположенным в порядке тому, что было в ней, а не разбросанно и небрежно, этому научает всех Владыка Бог, говоря: *и да положиши кивот свидения, и покрыеши кивот завесою. И внесеши трапезу, и предложиши предложение ея. И внесеши светилник, и поставиши светила его. И положиши олтарь златый, в каждение пред кивотом. И возложиши покров завесы над дверию скинии свидения, и олтарь приношений поставиши у дверей скинии свидения. И поставиши* скинию и все, что в ней, поставишь *окрест* (Исх. 40, 3–6 и 8). Но в этом можно видеть, что внесены в святую скинию священные сосуды; приличествующее же каждому и отдельное место еще нельзя ясно видеть. Так не желаешь ли, мы соберем тонкие и точные сведения о такого рода относящихся к скинии повелениях?

П. Весьма охотно.

К. Итак, Бог сказал священному Моисею: *и да сотвориши завесу от синеты, и багряницы, и червленицы сканыя, и виссона пряденаго: делом тканым да сотвориши ю херуви мы. И возложиши ю на четыри столпы негниющия позлащены златом: и верхи их златы, и стояла их четыри сребряна. И повесиши завесу на столпех: и внесеши тамо внутрь завесы кивот свидения: и разделяти будет завеса вам посреде святилища, и посреде святая святых. Закрыеши завесою кивот свидения во святая святых. И поставиши трапезу вне завесы, и светилник прямо трапезы на стране скинии, яже к югу: и трапезу поставиши на стране скинии, яже к северу. И да сотвориши закров в дверех скинии от синеты, и багряницы, и червленицы сканыя, и виссона сканаго, делом пестрящаго. И да сотвориши завесу пять столпов, и позлатиши их златом: и верхи их златы: и да слиеши им пять стоял медяных* (Исх. 26, 31–37). Но об этом сказано сие; об умывальнице же следующим образом: *сотвори умывалницу медяну, и стояло ей медяно, еже умыватися: и да постави-*

ши ю между скиниею свидения и между олтарем (30, 18). Ясно ли для тебя сказанное о каждом предмете?

П. Не так ясно: я нахожусь в затруднении, уверяю тебя, и что значит это, сказать не могу.

К. Итак, на каждое из предложенных предписаний, взявши полезное для их рассмотрения, я сделаю, как могу, ясное и удобопонятное толкование. Воздвигнута, Палладий, в пустыне святая скиния как бы в двояком положении и виде: одна часть ее была внутреннейшая, имя же ей – Святая Святых; преддверием же как бы некоторым к ней и первою около нее частью была та, которая называлась Святое. И во внутреннейшую скинию был поставлен кивот, имея на четырех золотых столпах завесу, искусно сделанную из голубой, пурпуровой и червленой ткани и крученого виссона. Но уже сказавши и, как я думаю, достаточно о виссоне, о пурпуровой, червленой и голубой шерсти, удалим тождесловие, а скажем на настоящий раз лишь следующее: завеса на четырех золотых столпах, основания (стояла) которых были серебряные, проявляла тогда таинство Христа: ибо разве не назвал для нас завесою Тело Христа и мудрый Павел, так говоря: *егоже* (то есть вход во святая) *обновил есть нам путем новым и живым, завесою, сиречь Плотию Своею?* (Евр. 10, 20 и 19.)

П. Ты сказал правильно.

К. Так усматривай же как бы в сени и гадании, что Слово, будучи Бог и от Бога Отца по естеству, было, как бы в золотом и негниющем кивоте, в воспринятом от Девы храме: ибо нетленно и честно Тело Христа; едва же и не таился Он как бы за завесою, принявши плоть. Говорим, что таится рожденное от Бога Слово не так, чтобы Оно ограничивалось малым телом: Сын существует везде и во всем, но таится смотрительно и выжидает времени явления. Время же явления всем есть воскресение из мертвых: ибо прежде честного креста Он заповедовал святым ученикам, *да не яве Его творят:* так написано (Мф. 12, 16). После же того, как, претерпевши смерть, Он воскрес, говорит: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа* (28, 19). Итак, завеса повешена была на столпах, скрывая внутри кивот, и была образом Христа, подъемлемого на высоту проповеданиями святых Евангелистов и в славе Божества видимого для находящихся в святой скинии, то есть в Церкви. Столпов четыре,

золотых и посеребренных: равночисленны им и Евангелисты, светлые и честные. Итак, положен был кивот, а сверху донизу доходившая завеса из виссона, пурпуровой и других шерстей делала его невидимым. С верху же завесы и расположенных направо и налево Херувимов давал откровения Бог, показывая, что Он выше всей твари и что даже все высочайшие из разумных существ, то есть Серафимы, ниже Божественной и неизреченной славы и копьеносят[1] даже Сыну, хотя Он и соделался плотию и был как бы в уменьшении равенства пред Отцом, так как стал человеком. Поэтому и сказал Сам: *Отец Мой болий Мене есть* (Ин. 14, 28). Будучи же равен Родившему по естеству, говорит, что соделался меньшим Его только по человечеству. Посему и в святой скинии вокруг завесы Херувимы, и те копьеносят Сыну как Богу. Также над самою завесою, которая была образом Христа, мыслится Бог: ибо сказано: *и познан буду тебе оттуду, и возглаголю тебе* (Исх. 25, 22): потому что Отец выше всей твари и Самого Еммануила, не постольку, поскольку Он мыслится и есть Бог, — ибо Он по всему равен Богу, — но по отношению к образу раба и мере человечества.

П. Как тонко слово и глубоко.

К. Однако же не удаляется от цели.

П. Соглашаюсь.

К. По установлении же таковом кивота *и положиши,* — говорит, — *олтарь златый, в каждение пред кивотом* (Исх. 40, 5). А что *олтарь златый* есть Христос, об этом, мне кажется, достаточно сказано нами. Полагается же он пред кивотом, над которым была завеса, а вокруг — Серафимы и выше всего — Бог, как бы принимающий несравненное благоухание Еммануила: ибо греха *не сотвори, ниже обретеся лесть во устех Его,* как написано (Ис. 53, 9); посему и Сам сказал: *Отец любит Сына* (Ин. 3, 35). Приятны же Богу и мы, благоухая миром Христовым, в чем уверит и Павел, пишущий: *Богу же благодарение всегда победители нас творящему о Христе, и воню разума Его являющу нами, яко Христово благоухание есмы Богови* (2 Кор. 2, 14–15).

П. Ты сказал правильно.

---

[1] В объяснение сего см. примечание к книге девятой тома второго под номером 28 [сн. 1 на с. 414 настоящего издания]

К. Проникая взором в написанное, мы поймем точно, что кивот поставлен был на стороне святой скинии, которая к западу; пред ним же золотой алтарь в месте восточном: ибо восток и запад, север и юг исполнены Христа. Так и место для светильника — южная сторона скинии, для трапезы же — северная. И что обоими этими предметами означается Христос, мы уже прежде показали в длинной речи: ибо что Христос есть свет, на это указывает светильник; а что Он есть жизнь и хлеб животный, на то указывает трапеза и то, что было на ней. Только о том еще размысли и взирай вот на какое таинство: самая южная — страна иудеев, а самая северная — страна язычников. Итак, из положения обоих, то есть светильника и трапезы, желающие очень легко могут понять, что Христос воссиял как свет иудеям и у них проповедовал. *Аз есмь свет* (Ин. 8, 12). ибо Он *послан ко овцам погибшим дому Израилева* (Мф. 15, 24). *И их обетования,* по Писаниям (Рим. 9, 4). Поелику же они не приняли света истины, то Он соделался жизнию и хлебом с небеси для язычников. И язычники не без света: это ты можешь узнать из того, что свет светильника достигал и северных частей скинии. Так как святая скиния была тесна, то ничего нет безрассудного думать, что светильник едва не рядом поставлен был с трапезою, хотя и к югу имел место. Являет же нам и иначе сей образ, что, когда сияет свет Божественный, то достойным можно бывает причаститься Христа, как хлеба животного и истинного. Пишет также еще и божественный Павел, что язычники соделались *сотелесниками и сопричастниками* Христа (Еф. 3, 6). Сотелесниками же и сопричастниками язычники сделались исполняемые светом, то есть мысленным, когда *день озаряет и денница возсиявает* в уме, как сказал некто из учеников Спасителя (2 Пет. 1, 19). Когда так расположено и устроено было находившееся в Святом Святых, Он повелел сделать занавес или завесу из голубой, пурпуровой и червленой ткани и крученого виссона (Исх. 26, 36). И сказал, чтобы ее непременно простерли над входами в скинию, повесив ее на пяти позолоченных столпах, подножия которых медные. И простертое над дверями именует занавесом потому, думаю я, что он с помощью малых колец отдергивался, открывая вход; но, будучи потом задернут и простираясь во всю свою ширину над дверьми, скрывал Святое. Пять же столпов позолочен-

ных и с медными подножиями предызображают явившихся как бы в пятое время, в которое было пришествие Христа, учителей и вождей церковных; которые, право уча слову истины, суть честны как золото и благозвучны как медь, потому что *во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их* (Пс. 18, 5; сн. Рим. 10, 18), и которые искусным и богодухновенным тайноводством открывают как бы вход желающим войти во Святая Святых. Итак, Святая Святых, то есть внутреннейшая скиния, закрыта была завесою. Прямо же ко второй прилегала и пристроена была первая скиния, имевшая алтарь для приношений, на котором совершались всякое кровавое приношение, хлебные приношения и ливан, и всякая жертва, и возлияние; и кроме алтаря еще медная умывальница. Место же алтарю было пред дверьми скинии, очевидно внешней, а умывальнице — по самой средине скинии.

П. Какой смысл имеет это новое твое замечание?

К. Все в Священном Писании, Палладий, точно, и совершенно ничего в нем нет напрасного ибо смотри, как это загадочное предписание показывает нам, что закон детоводит ко Христу. Алтарь служения по закону ставится у самого входа в Святая Святых: ибо закон приводит нас только к началам таинств Христа и как бы к первым входам в точное познание Его, но никоим образом не вводит во Святая Святых, то есть во внутреннейшую скинию, в которой Христос существует многовидно — как Слово Божие, как свет, как хлеб животный, как воня благоухания Богу и Отцу Не думаешь ли ты, что эти предуготовительные действия служения по закону были стихиями и началами глаголов Божиих?

П. Правда.

К. А что *закон ничто же совершил, невозможно бо крови юнчей и козлей отпущати грехи* (Евр. 7, 19; 10, 4), это узнаешь ты тотчас и без большого труда, как только вдумаешься в употребление умывальницы. Поставлена была она в средине первой скинии светлая и со всех сторон видимая, служа к предварительному омовению водой ее входящих во Святая Святых: ибо так положено было иереям законом о сем. Итак, даже и кажущееся совершение в законе несовершенно, предуказывая собою очищение чрез святое крещение, которое измывает род священный, разумею оправданных в вере, которым и

божественный ученик провозгласил, говоря: *вы же род избран, царское священие, язык свят, людие обновления, яко да добродетели возвестите из тмы* нас *призвавшаго в чудный Свой свет* (1 Пет. 2, 9). Должно знать также, что если над дверью внешней скинии распростерта была завеса, дабы не было обнажено и видимо для находящихся совне Святое, то есть первая скиния, в которой находился законный алтарь (кадильный), то образ сей, думаю я, опять означает то, что даже и сам закон не был ясен для читающих его: ибо буква закона имеет на себе покров и покрыта и облечена некоторою неясностью, как бы какой сенью.

П. Это так.

К. Итак, в первой скинии поставлена была умывальница и алтарь, во второй же и внутреннейшей — кивот и светильник, а также и золотая кадильница, на которой воскурялся тонкий фимиам, потом трапеза и хлебы. Упоминает же божественный Павел и о *стамне златой имущей манну* (Евр. 9, 4). Называет он нам также и жезл Ааронов, о котором говорит, что он положен был во Святом Святых, говорит, как сведущий в Священных Писаниях, и зная весьма хорошо изреченное Богом в известные времена и повеленное Им блаженному Моисею. Знал он и находившуюся в первой скинии трапезу и светильник. А пишет он таким образом о двух заветах: *внегда же глаголет нов, обветши перваго: а обветшаваюющее и состаревающееся близ есть истления. Имеяше убо первая скиния оправдания службы, святое же людское. Скиния бо сооружена бысть первая, в ней же светилник и трапеза и предложение хлебов, яже глаголется Святая. По второй же завесе скиния глаголемая, Святая Святых, злату имущи кадилницу и ковчег завета окован всюду златом, в немже стамна злата имущая манну, и жезл Ааронов прозябший, и скрижали завета. Превыше же его Херувими славы осеняющии олтарь: о нихже не леть ныне глаголати подробну* (Евр. 8, 13 — 9, 5).

П. Но если бы кто захотел полюбопытствовать и сказал бы, что должно высказать причины всего этого устройства, то какая об этом у нас была бы речь?

К. Речь та, Палладий, что одно повелено было Богом прежде устроения святой скинии, а другое после сего: ибо в книге Исход и еще прежде, нежели показаны были образы святой

скинии и даны повеления касательно ее, Он, зная будущее, изрек слово о золотой стамне (Исх. 16, 33). После же водружения целой скинии в книге Чисел найдем жезл Ааронов внесенным во Святая Святых (Чис. 17, 10). А в книге Левит Бог присоединяет еще законоположение о светильнике, а также и о трапезе, находившейся в первой скинии (Лев. 24, 2 и далее). Будучи же сведущим в законе, премудрый Павел совершенно ничего не опускает из бывшего, но упоминает первое, среднее и последнее.

П. Ты сказал превосходно. Так растолкуй о каждом предмете в частности ясно и раздельно: потому что, конечно, сказанное об этом имеет глубокий смысл.

К. Да, ты говоришь правильно: ибо таково поистине дело. И я начну свое толкование со стамны. Наподобие дождя ниспосылал Бог сынам Израилевым манну в пустыне: она была для них пищей и хлебом свыше и с неба. Но не до чувственного лишь простиралось совершавшееся: ибо как бы посредством образа и сени оно возводило ум к мысли, что по времени придет к нам свыше и от Отца Слово, как бы хлеб с неба, как и божественный Давид показывает нам, говоря: *хлеб небесный даде им: хлеб ангельский яде человек* (Пс. 77, 24–25). И не говорим того, что чувственная манна есть хлеб с неба и ангельский: ибо дух питается духовно, тело же — сообразно собственному естеству, то есть телесно. Пища же ангелов и хлеб, приличествующий небесам и вышним духам, есть рождаемое от Бога Отца Слово. Итак, манна означала Христа. Но никакой пользы не приносил бы образ, если бы в нем не показываема была истина, то было сенью ее, не ради себя самого собственно бывши, но чтобы в нем живописуемо было нечто лучшее. Посему Христос мудрую делал укоризну народу Иудейскому за то, что он не Ему более удивлялся, как истине, но Моисею, служителю образов. Он так сказал: *аминь, аминь глаголю вам: не Моисей даде вам* манну: *хлеб бо Божий есть сходяй с небесе, и даяй живот миру. Аз есмь хлеб животный* (Ин. 6, 32–33, 35). Итак, поставивши манну образом сшедшего свыше и с неба Слова, Бог изрек и о стамне. Написано же так: *рече же Моисей: сей глагол, егоже завеща Господь: наполните гомор от манны в скров в роды ваша: да видят хлеб, егоже ядосте вы в пустыни, егда изведе вас Господь от земли Египетския. И рече Моисей ко Аарону: воз-*

ми стамну златую едину, и вложи в ню гомор полный от манны, и положиши тую пред Богом, в соблюдение в роды ваша, якоже заповеда Господь Моисею. И положи Аарон пред свидением в соблюдение (Исх. 16, 32–34). Как говорили мы, что кивот, заключавший в себе слово Божественное, означал Еммануила, ибо Слово Божие было, как бы в святом храме, в храме воспринятом от Девы: так точно и златая стамна, заключавшая в себе чувственную манну, являет нам свыше сшедшее и животворящее Слово, то есть от Отца, как бы в священном и нескверном теле. Полна же была стамна манны: потому что *в Том* обитало *всяко исполнение Божества телесне,* по слову блаженного Павла (Кол. 2, 9). И *не в меру дает Духа* (Ин. 3, 34): ибо Христос всесовершен. Положена же была стамна в соблюдение в роды сынов Израилевых: ибо Христос нетленен и всегда пребывает и весьма знаем всегда и во всякое время. И находится пред Господом, то есть пред очами Отца: ибо когда Единородный соделался подобным нам, *тогда и вниде во Святая* Святых, *большею и совершеннейшею скиниею,* то есть *на небо, ныне да явится лицу Божию о нас,* как написано (Евр. 9, 11–12 и 24). И не Себя Самого Он поставляет пред лицем Отца, но нас как бы в Себе Самом, хотя мы и удалены были от лица и как бы от очей Его по причине преступления в Адаме и господствовавшего над всеми греха. Посему во Христе мы возымели *приведение* и *дерзновение* ко входу *во Святая,* как сказал нам мудрый Павел (Еф. 2, 18 и Евр. 10, 19): ибо как совосстали мы и совоссели *на небесных во Христе* (Еф. 2, 6), так опять в Нем и явились пред лицем Отца. О священной стамне сказано да будет сие; а теперь скажем, если угодно, о том, что и самый жезл Ааронов означает Христа.

П. И очень.

К. Итак, Корей, а также Авирон и к тому еще Дафан происходили от колена и крови Левия; и тогда как им поручена была установленная определением свыше *служба в* святой *скинии,* как сказано (Чис. 16, 9), они возжаждали славы Моисея и Аарона, сами себе восхищая честь, но не званные к тому от Бога (ср. Евр. 5, 4); и надмеваемые неукротимою дерзостью, весьма гордясь, они делают неудобоносимый и даже совершенно несносный наговор против обоих; как оставляющие стадо волы, они удаляются и, оттрясая служение

Богу, убеждают и других нечестивцев отступить вместе с ними. Но за свою дерзость они понесли наказание: ибо земля, разверзши уста свои, низвела в ад надменных людей вместе со сродниками, шатрами и имуществами их (Чис. 16, 31–33). Желая же сделать для всех ясным, что определением свыше, а не по желаниям Моисея назначен был Аарону преимуществующий в священстве чин, Законоположник сказал к превосходнейшему Моисею: *глаголи сыном Израилевым, и возми от них по жезлу, по домом отечества, от всех князей их, по домом отечества их, дванадесять жезлов, имя же коегождо напиши на жезле его. И имя Аароне напиши на жезле Левиине: есть бо жезл един: по племени дому отечеств своих да дадят. И да положиши их в скинии свидения, прямо свидению, в нихже явлюся тебе ту. И будет человек, его же аще изберу, жезл его прозябнет: и отыму от Мене роптание сынов Израилевых, елика сии ропщут на вы. И глагола Моисей сыном Израилевым: и даша ему вси князи их по жезлу, князя единаго жезл, по княжению, по домом отечеств их, дванадесять жезлов: и жезл Ааронь посреде жезлов их. И положи Моисей жезлы пред Господем в скинии свидения. И бысть на утрие, и вниде Моисей и Аарон в скинию свидения: и се прозябе жезл Ааронь в дому Левиине, и израсти ветвь, и процветоша цвети и израсти орехи. И изнесе Моисей вся жезлы от лица Господня ко всем сыном Израилевым: и видеша, и взя кийждо жезл свой. И рече Господь к Моисею: отложи жезл Ааронь пред свидениями в сохранение, в знамение сынам ослушливых: и да престанет роптание их от Мене, и не измрут* (Чис. 17, 2–10). Итак, то, что жезл процвел, есть ясный признак того, что божественный Аарон светло и особенно избран был из рода Левиина на священнодействие. Но если перейти от этого жезла, как грубого еще образа, к духовному созерцанию, то снова воссияет таинство Христа.

П. Каким образом?

К. Еммануил избран от Бога и Отца Законоположником и вместе Архиереем для нас, имея принести Себя Самого в жертву за нас (ср. Евр. 4, 14; 9, 14 и др.): ибо так и блаженный Павел сказал: *закон,* данный чрез Моисея, *человеки поставляет первосвященники имущия немощь: слово же клятвенное еже по законе, Сына во веки совершенна* (Евр. 7, 28).

Итак, сошло с неба Слово и соделалось подобным нам, став *святым служитель и скинии истинней, юже водрузи Господь, а не человек* (8, 2). Но не угодно было происходившим из рода Израилева мыслить правое: как бы выводя на битву с Ним собственное хотение, они многообразно метали в Него стрелы зависти, не щадя ни языка, ни дерзости, ни чрезвычайных усилий, себя самих погубляя, несчастные, и наконец распяли. Но процвел жезл из корня Иессеева: поднялся и ожил Христос, *разрешив болезни смертныя,* как написано (Деян. 2, 24): ибо как возможно было *держиму быти* смертию (там же) и не более ли свойственно побороть тление Тому, Который, как Бог, по естеству есть жизнь? И как произрастание жезла и неожиданное прозябение бесцветного уже древа для древних служило достаточным знамением того, что Аарон был избран в первосвященника определением свыше, так и попрание смерти и боголепное воскресение служит, по нашему мнению, светлым и ясным и весьма достаточным доказательством того, что Еммануил есть по естеству Бог. Так и Сам Христос, хотя без труда и легко мог совершить все, что бы ни было выше вероятности и разума, говорит, однако же, требовавшим от Него знамения: *род сей лукав есть: знамения ищет, и знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка: якоже бо бе Иона во чреве китове три дни и три нощи: тако будет и Сын Человеческий в сердцы земли три дни и три нощи* (Лк. 11, 29; Мф. 12, 40). Итак, поистине славным и для всех видным и для истинно благоразумных достаточным к вере знамением того, что Сын есть по естеству Бог и рожден от Бога Отца, служит упразднение смерти и тления и процветение к жизни: ибо Он *начаток умершим бысть и перворожден из мертвых* (1 Кор. 15, 20; Кол. 1, 18). И знамение сие дано сынам непослушных, дабы они знали, что определением Бога и Отца Христос стал для нас *Архиерей преподобен, незлобив, безсквернен, отлучен от грешник, и выше небес бывый,* как написано (Евр. 7, 26).

П. Но у нас не только расцвел жезл Ааронов (ибо это недавно показало нам священное слово), а и *израсти орехи.* Что означает сие загадочное изречение, я не могу понять.

К. Прежде всего, Палладий, ничего невероятного нет в том предположении, что жезл был из орехового дерева. И у древних было в обычае употреблять таковые жезлы. Если же нам

должно применить и приличествующий созерцаниям смысл, то я сказал бы опять то, что как бы уже разглашено и кажется для некоторых достойным вероятия, именно, что жезл из орехового дерева имеет не недостаточно силы производить бессонницу, если он положен в головах у кого-либо, производя это действие естественными силами по изволению Божию. Уверит же нас в этом и Сам Всезнающий и Зиждитель всяческих, говоря Иеремии: *что ты видиши Иеремие?* Он же в ответ: *жезл ореховый.* И Бог говорит на это: правильно *видел еси, понеже бдех Аз над словесы Моими, еже сотворити я* (Иер. 1, 11–12). Итак, жезл ореховый по справедливости может быть признаваем за символ бодрствования. Воскресение же Христа из мертвых было как бы пробуждением от сна. Посему и чрез лиру Псалмопевца говорит: *аз уснух, и спах, востах, яко Господь заступит мя* (Пс. 3, 6).

П. Истинно слово.

К. О светильнике же и трапезе, бывшей в первой скинии, написано еще так: *и рече Господь к Моисею, глаголя: заповеждь сыном Израилевым, да возмут елей от масличия чист исцежен в светение, да горит светило всегда, вне завесы в скинии свидения: и возжигати будут Аарон и сынове его от вечера до заутра пред Господем непрестанно: законно вечно в роды ваша. На светилнице чистем возжигати будете светила пред Господем даже до утра. И возмете муки пшеничны, и сотворите от нея дванадесять хлебов: дву десятин да будет хлеб един. И возложите их на два положения, по шести хлебов едино положение на трапезе чисте пред Господем. И возложите на положение ливан чист и соль, и да будут хлебы в память предлежащия пред Господем: в день субботы* будете предлагать *пред Господем всегда от сынов Израилевых, завет вечный. И да будут Аарону и сыном его, и да снедят я на месте святе: суть бо святая святых: сие* ему *от жертв Господу в закон вечный* (Лев. 24, 1–9). Итак, требуется елей чистый и притом масличный, то есть из маслин, а не из инородных и земляных семян, из которых выжимается масло как бы не настоящее и поддельное: ибо всегда чист и истинно неподделен в церквах свет, то есть через Христа даруемый Духом, хотя он преподается устами святых, которым сказал Христос: *вы есте свет мира* (Мф. 5, 14). И ничего нет удивительного: ибо кого Он наименовал братиями и сделал причастниками

Себя Самого, тем, естественно, уделяет и славу собственных достоинств. Итак, возжигается светильник, и притом в первой скинии, и это может иметь двоякий смысл. Во внутреннейшей скинии являются семь светильников, возжигаемых утром и испускающих обильный свет на входящих в нее. Светильник есть опять как бы в образе Христос, осиявающий многим и обильным светом желающих входить во Святая Святых: ибо *приступите,* — сказано, — *к Нему и просветитеся* (Пс. 33, 6). Также и возжигание светильников утром может обозначать время вочеловечения: ибо тогда воссиял Он, как какой-либо день, и возоблистал свет мысленный, прогоняя тьму древнего неведения нашего и рассеевая облегавший, наподобие ночи, сердца всех мрак. Так называл нам и пророк время пришествия Спасителя, говоря: *заутра услыши глас мой: заутра предстану Ти, и узриши мя* (Пс. 5, 4): ибо когда стали приятны молитвы всех и мы, древле блуждавшие, как бы предстали Богу чрез сродство, очевидно, духовное, и чрез послушание веры, как не тогда, как воссиял нам свет с небеси, то есть Христос? Итак, во внутреннейшей скинии был обильный и чистый свет семи светильников, в первой же скинии был светильник светящий и показывающий, как я думаю, то, что и сами детоводимые в законе были не без света Божественного: ибо и данный чрез Моисея закон призывал от многобожия к познанию Того, Который естеством и истинно есть Бог, отвлекал древних от служения твари помимо Творца и убеждал поклоняться Зиждителю всяческих; а это совершалось в душах детоводимых не без света мысленного. Итак, скажу я опять, обильно и велико освещение, от Христа ниспосылаемое входящим во Святая Святых, находящимся же в законе меньше. И истинно слово: ибо никоим образом сень законная не может равняться в светлости духовной евангельским изречениям: потому что они осиявают всю вселенную, а та была известна одним лишь происшедшим от Израиля.

П. Ты сказал правильно.

К. Кажется же, Палладий, и другое нечто обозначает трапеза и светильник, находившийся в первой скинии.

П. Что это такое?

К. Светильник, может быть, предызображает нам божественного Иоанна Крестителя, двенадцать же хлебов — лик святых Апостолов.

П. Каким образом?

К. Или ты не знаешь, что божественный Креститель был как бы некоторым светильником, предшествовавшим Христу для находившихся в законе и живших в Иудее, и о Нем предвозвестил Бог и Отец: *уготовах светилник Помазанному Моему* (Пс. 131, 17). Засвидетельствовал же сие и Сам Спаситель, говоря о нем учителям иудеев: *он бе светилник горя и светя, вы же восхотесте возрадоватися в час светения его* (Ин. 5, 35). Смотри, как сведущий в законе блаженный Павел едва не возводит к напоминанию о светильнике, находившемся в первой скинии: потому что Законоположник повелел соблюдать его неугасимым, так говоря: *и возжигати будут* его *Аарон и сынове его от вечера до заутра пред Господем непрестанно* (Лев. 24, 3). Но иудеи, на весьма короткое время возрадовавшись о нем, поелику прибегали к крещению чрез него и много дивились о нем, предали его смерти, как бы загасивши всегда светящий светильник: ибо хотя дерзость эта приписывается Ироду, но он был тоже из рода Израилева[1]. Посему Христос, обвиняя народ Иудейский в дерзости против всякого святого, говорит: *невозможно есть пророку погибнути кроме Иерусалима* (Лк. 13, 33).

П. Таким образом и божественный Креститель был для находившихся в законе и живших в Иудее светом и светильником по подобию и по причастию Христа.

К. Так говорю. Равным образом под хлебами, мы думаем, разумеются святые Апостолы: ибо хотя один есть естеством и истинно Хлеб с небеси и животворящий; но по подражанию и по причастию Того, Который есть Хлеб по естеству, и божественные тайноводцы суть хлебы, питающие в благочестие, вносящие в нас слова жизни и удаляющие из души верующих глад невежества. Равночисленны же ученикам хлебы: ибо их двенадцать и они возложены *на два положения,* шесть с одной стороны, как сказано, и шесть с другой, едва не кругом облегая трапезу и имея на среднем месте положенным один Хлеб и небесный, то есть Христа. И *дву десятин* каждый, то есть из двух мер совершенных: ибо с обеих сторон

---

[1] Ирод был идумеянин по происхождению; а идумеи (эдомляне) были потомки Исава (Эдома), брата Иакова (Израиля), одного из патриархов народа Израильского.

были совершенны Божественные ученики, ко всему что бы то ни было благому имея совершенство и делом отличные и словом. Кроме того на хлебы посыпается ливан и соль, причем ливан указывает на благоухание в освящении и благовонии Христа, а соль – на благоразумие: ибо не неразумно или безумно слово святых, но *во благодати* и *солию растворено,* как написано (Кол. 4, 6), и *благодать дающее слышащим* (Еф. 4, 29). Сказано же им и Христом: *вы есте соль земли* (Мф. 5, 13). Предлагаются хлебы в день субботы: ибо день избрания святых Апостолов есть время мысленной субботы, то есть пришествие Христово, которого не познали происшедшие от Израиля, почему и говорит о них Павел: *убо оставлено есть субботство людем Божиим* (Евр. 4, 9): ибо они не вошли в покой Его, не принявши веры в Него. Итак, время пришествия Спасителя нашего есть мысленное и истинное субботство. Предложение хлебов было в очах Божиих, и в очах Израиля: ибо сказано, что будете предлагать *в день субботы пред Господем всегда от сынов Израилевых* (Лев. 24, 8), – в очах Божиих потому, что Бог созерцает и непрестанно удостаивает Своего взора святых; ибо сказано: *очи Господни на праведныя* (Пс. 33, 16); в очах же Израиля потому, что он должен внимать оным и как бы вперять в них око разума, образом которого может служить (око) телесное. Но *да будут,* – сказано, – *Аарону и сыном его, и да снедят я* (Лев. 24, 9): ибо писания святых Апостолов предлагаются в пищу нам, оправданным в вере, святому и священному роду, людям обновления, избранным и помазанным благодатью Святого Духа (ср. 1 Пет. 2, 9 и 1 Ин. 2, 20 и 27).

П. Ты хорошо сказал, и я соглашаюсь с тобой. Но почему не во Святом Святых, а в первой скинии поставляются образы святого Крестителя и святых Апостолов?

К. Прежде всего потому, что велико расстояние, так что, где находится Христос, там не может находиться относящееся до святых, но как бы вне и в низшем месте: ибо изъято и выше меры Божественное, и большая разность отделяет от него человеческое, делая несравнимым особенность естеств и различие славы. Затем потому, что они были из иудеев и от служения по закону. Посему место как бы им приличествующее есть первая скиния, в которой стоял и прообразователь-

ный алтарь приношений. Или не думаешь, что звание святых учеников было из рода Израиля и от скинии как бы первой?

П. И очень.

К. Итак, поелику очень достаточно сказано нами о сем, то приведем, если угодно, слово божественного Павла, превосходно уясняющее свидетельство о первой и второй скинии. Пишет же так: *сим же тако устроенным, в первую скинию выну вхождаху священницы, службы совершающе: во вторую же единою в лето един архиерей, не без крове, юже приносит за себе и о людских невежествиих. Сие являющу Духу Святому, яко не у явися святых путь, еще первей скинии имущей стояние. Яже притча во время настоящее утвердися, в неже дарове и жертвы приносятся, не могущия по совести совершити служащаго; точию в брашнах, и питиях, и различных омовениих, и оправданиих плоти, даже до времене исправления належащая. Христос же пришед архиерей грядущих благ, большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, сиречь, не сея твари, ни кровию козлею ниже телчею, но Своею Кровию, вниде единою во Святая* Святых, *вечное искупление обретый* (Евр. 9, 6–12). Итак, ты понимаешь, что в первой скинии службы совершали священники, не имея права входить во Святая Святых: ибо таково как бы служение по закону, пребывающее в тенях. Но тщетно сие к очищению и омытию греха: ибо ты слышал недавно Павла, вопиющего, что все это недостаточно имеет силы *по совести совершити служащаго* (Евр. 9, 9); соблюдалось же более *до времене исправления*, то есть вочеловечения Единородного, когда неблаголепие образов перешло в истину. *Единою* же *в лето* и *един архиерей* входил во Святая Святых. И *не без крове, юже* приносил *за себе и о людских невежествиих* (9, 7). И сие уяснит нам премудрый Павел, говоря о Христе: *выше глаголя: яко жертвы и приношения и всесожжений и о гресех не восхотел еси, ниже благоволил еси, яже по закону приносятся, тогда рече: се иду сотворити волю Твою: отъемлет первое, да второе поставит. О нейже воли освящени есмы принесением тела Иисус Христова. И всяк убо первосвященник стоит на всяк день служа, и тыяжде множицею принося жертвы, яже никогдаже могут отъяти грехов: Он же едину о гресех принес жертву, всегда седит одесную Бога, прочее ожидая, дондеже положатся врази Его подножие ног*

Его: единем бо приношением совершил есть во веки освящаемых (10, 8–14): ибо умерши *единою,* Он *ктому уже не умирает,* как написано (Рим. 6, 10 и 9). *Вознесши же многих грехи,* Он вошел во Святая Святых, *то есть, в небо, ныне да явится лицу Божию о нас* (Евр. 9, 28 и 24).

П. Речь ясна, посему не трудись говорить о сем; а объясни мне, прошу тебя, какая это еще была кровь, которую было в обычае у вождя священников приносить за себя и за грехи неведения народа.

К. Павел, будучи сведущим в законе и весьма много прилежа к заповеди Моисеевой, говорит это Еврейскому народу, как мудрому в сем деле и читавшему закон о столь честных и неизреченных вещах, говорит не в широте повествования, а, напротив, мимоходом и напоминанием лишь уже известного им. Приведу же, если угодно, и закон о сем для захотевшего быть любознательным и весьма возжаждавшего точности и отделки в разъяснении созерцаемых предметов. Итак, в книге Левит написано: *и рече Господь к Моисею, глаголя: рцы к сыном Израилевым: душа, аще согрешит пред Господем не хотящи от всех повелений Господних, ихже не леть есть творити, и сотворит едино что от них: аще убо архиерей помазанный согрешит, во еже людем согрешити, да приведет о гресе своем, имже согрешил, телца от говяд непорочна Господеви о гресе: и да приведет телца к дверем скинии свидения пред Господа, и да заколет телца пред Господем. И взем жрец помазанный совершен руками от крове телца, да внесет ю в скинию свидения: и да омочит жрец перст в крови, и да покропит от крове седмижды перстом пред Господем, у завесы* святой. *И да возложит жрец от крове телчи на роги олтаря фимиама сложения иже пред Господем, иже есть в скинии свидения, и всю кровь телчу да излиет у стояла олтаря всесожжений, иже есть у дверей скинии свидения. И весь тук телца, иже о гресе, да отымет от него, тук покрывающий утробу, и весь тук иже на утробе, и обе почки, и тук иже на них, иже есть на стегнах, и препонку яже на печени с почками отымет е, яко же отъемлется оное от телца жертвы спасения: и да вознесет жрец на олтарь приношения. И кожу телчу, и всю его плоть со главою, и с крайними частьми, и со утробою и с мотылы. И да изнесут всего телца вне полка на место чисто, идеже*

изсыпают пепел, и да сожгут его на дровах огнем: на месте изсыпания пепела да сожжен будет (Лев. 4, 1–12). Этому быть повелел закон в том случае, если преимуществующий в священстве обвиняется в каком-либо из грехов неведения. Должна же, говорит он, и за грехи неведения народа быть совершаема жертва, причем приводим был телец и таким же образом закалаем был при дверях скинии свидения пред Господом, старейшины сонма возлагали на него руки, и кровь его вносилась во Святая Святых, одним словом, над ним совершалось все по подобию жертвы за Аарона. Но что очищение и священников и народа есть Христос (ибо в Нем мы оправданы, очищаемые от скверны греха), это для всякого может быть ясно уже и из сего. Мы же скажем о каждой части написанного в отдельности: потому что таким образом слово наше раздельно будет подвигаться вперед, раскрывая, сколько возможно, сокровенное.

П. Хорошо говоришь.

К. Итак, телец берется непорочный и не имеющий увечья во образ Христа истинно непорочного и не попустившего Себе потерпеть язву от греха: *грядет бо,* – говорит Он, – *князь мира сего, и во Мне не* найдет *ничесоже* (Ин. 14, 30). Ибо Он *греха не сотвори*, по Писаниям (1 Пет. 2, 22). Приводится же к самым дверям святой скинии пред Господа, как бы не отказываясь пострадать за святую скинию, то есть за Церковь, и приносимый за нее в воню благоухания Богу и Отцу. Посему и сказал: *за них Аз священу Себе* (Ин. 17, 19), говоря *священу* вместо: привожу и посвящаю себя в приношение непорочное Богу и Отцу; ибо посвящаемое Богу называется освящаемым, как написано негде: *сеть мужеви скоро нечто от своих освящати, по обете бо раскаяние бывает* (Притч. 20, 25). А что приношение приятно и благоугодно, на это указывают слова: *пред Господа,* потому что мы разумеем написанное о двоице братьев, – говорю о Каине и Авеле: ибо *призре,* – сказано, – *Бог на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не внят* (Быт. 4, 4–5). Что Он взирает на приятное Ему и с ненавистью отвращается от того, что не таково, это ясно. По возложении же на тельца рук согрешившего совершается заколение, и притом пред Господом: ибо *Сей грехи наша* подъемлет, *и о нас болезнует* (Ис. 53, 4), закалаемый, так как рука служит образом дела и

деяний. А пред Господом закалается потому, что Отец почти снисходит к тому, чтобы за нас умер Сын, ибо не отвращается, смотря на закалаемого, не похваляя, конечно, страдания, но не не ведая, что страдание за нас Еммануила спасительно миру. Итак, Он Сам подъемлет *грехи наша и о нас болезнует,* претерпевая ради нас заколение на честном кресте. Потом *жрец,* взяв перстом от крови, *покропит седмижды* на святую завесу, которая была над кивотом. Имя же ей: очистилище. Помазует также и рога алтаря кадильного, ибо *очищением* для нас и *очистилищем соделался* Христос (1 Ин. 2, 2 и Рим. 3, 25). Затем в крови завета вечного Он нам дарует совершеннейшее очищение: ибо это, я думаю, значит семижды кропить кровью очистилище, так как число семь есть символ совершенства. Даже и смерть Его благоухает спасением мира, жизнью и приведением в вере: *ибо един за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему,* по Писаниям (2 Кор. 5, 14 и 15). Итак, помазание кровью золотой кадильницы означает благоухание смерти (Христовой). — Изливается же и остальная кровь у подножия алтаря приношений в первой скинии; и кровь служит образом души. Положил же душу Свою Еммануил не за одну только церковь из язычников, но и за подзаконных, то есть Израиля; ибо мы искуплены Кровию Христа все совокупно, эллины и иудеи, и засвидетельствует о сем Павел, говоря: *или иудеев Бог токмо, а не и языков? ей и языков. Понеже един Бог, иже оправдит обрезание от веры, и не обрезание верою* (Рим. 3, 29–30). По изъятии же самых внутренностей тельца и вознощении их на алтарь остальное тело сожигается вне стана: ибо Сам Он (Христос) есть жертва священная, благоухающий добродетелями, образом которых могут служить внутренности, поелику и добродетели как бы сокрыты в нас и заключены внутри души; Сам же Он есть и страждущий *вне врат,* и смертью Своей Плоти очищающий оскверненных: ибо *пепел юнчий кропящий оскверненныя освящает,* — сказано, — *к плотстей чистоте* (Евр. 9, 13). Итак, пребывая одним и тем же, Еммануил и благоухает во святых скиниях, то есть в церквах, и пострадал *вне врат,* куда и нам должно входить *поношение Его носящим,* сказал божественный Павел (Евр. 13, 12 и 13). Приводится же телец и за грехи неведения народа одинаково и без изменения, и спо-

соб жертвоприношения во всем был тот же самый: ибо равным образом и Еммануил принес Себя за малых и великих, за народ и священников. Или не истинно то, что я говорю?

П. Почему же нет?

К. Так не желаешь ли, чтобы мы, как бы поворотив слово назад, обратились к повествованиям о скинии?

П. И очень.

К. Итак, когда окончены были все дела и священные сосуды были очень хорошо расположены на приличнейшем каждому из них месте, тогда Бог повелел освятить их и скинию, так говоря божественному Моисею: *и возмеши елей помазания и помажеши скинию и вся яже в ней, и освятиши ю, и вся сосуды ея, и будут свята: и да помажеши олтарь приношений, и вся сосуды его, и освятиши олтарь, и будет олтарь святый святых* (Исх. 40, 9–10). Итак, ты видишь помазуемыми святым елеем и кивот, и трапезу, и светильник при ней, и золотую кадильницу; и что всем этим прообразуется Еммануил, это уже разъяснило нам пространное слово.

П. Правда.

К. Итак, пойми воспеваемое как бы к Нему (Богу) голосом Давида: *возлюбил еси правду и возненавидел еси* неправду: *сего ради помаза Тя Боже Бог Твой елеем радости паче причастник Твоих* (Пс. 44, 8); пишет же и Павел: *и святяй и освящаемии, от единаго вси* (Евр. 2, 11). Но надлежит знать, что, по неукоризненному учению, Он Сам, будучи как Бог, вместе с Богом и Отцом, подателем и сораздаятелем освящения для всех других, однако же вместе с нами освящается по Своему человечеству. И это есть так называемое *истощание* (Флп. 2, 7); ибо, будучи святым по естеству, как Бог, Он признается имеющим нужду в освящающем Боге. И это говорит блаженный Петр: *Иисуса, иже от Назарета, яко помаза Его Бог Духом Святым* (Деян. 10, 38). Итак, к человечеству относится помазание и освящение плоти, святой не по естеству, но как бы по причастию от Бога: ибо извне приходит освящение тварям и по усвоению от Бога изобилуют они благодатью. Помазуется же вместе с другими предметами и алтарь служения по закону: ибо свят и закон, призывающий к помазанию Того, Кто есть Бог по естеству, и влагающий в души слушателей ведение правды и приводящий детоводимых к начаткам благости: *начало,* —

сказано,— *пути блага, еже творити праведная* (Притч. 16, 6). Пишет также негде и божественный Павел: *темже убо закон свят, и заповедь свята и праведна и блага* (Рим. 7, 12). Закон же есть святой святых, не потому что он — сень, но потому что, если обратиться к духовному созерцанию, образы его возвещают нам Самого Христа, истинно Святого Святых, ибо как Бог Он освящает, помазуя Своим Духом соделавшихся причастными Ему чрез веру. После речи о воздвижении и помазании святым елеем святой скинии мы скажем, если угодно, и о следовавшем за тем.

П. Конечно так.

К. Написано таким образом: *и сконча Моисей вся дела. И покры облак скинию свидения, и славы Господни исполнися скиния. И не можаше Моисей внити в скинию свидения, яко осеняше над нею облак, и славы Господни исполнися скиния. Егда же восхождаше (облак) от скинии, воздвизахуся сынове Израилевы со имением своим: аще же не взыде облак, не воздвизахуся даже до дне, в оньже взыдет облак. Облак бо Господень бяше над скиниею в день, и огнь бяше над нею в нощь пред всем Израилем во всех путешествиях их* (Исх. 40, 33–38). Когда явилась в мире святая и истиннейшая скиния, то есть из язычников составившаяся Церковь, тогда воссиял свет Христов и как бы какое облако духовное, обильно напояющее нас росою свыше, наполняет Божественный храм. Однако *не можаше,* — сказано, — *Моисей внити:* ибо не вошел Израиль, не в силах будучи снести лучей Божественного света, и не уразумел таинства Христова, не достиг также и просвещения духовного и не узрел очами разума славы Господа, вместе с Которым, подъемлющимся как бы в образе облака от мира и шествующим к высоте, и мы поднимаемся по следам владычним: потому что Он *обновил путь новый и живой* (Евр. 10, 19–20), разумею — на высоту и на небо; с Ним же как бы успокаивающимся и останавливающимся успокоимся и остановимся вместе и мы. С поднятием облака поднимался народ и с остановкою останавливался: ибо *облак бяше,* — сказано,— *над скиниею в день, и огнь в нощь;* потому что Христос напояет дарованиями духовными пребывающих как бы во дне и свете за то, что они приняли тонкое и тщательное познание о Нем и имеют просветленный ум; освещает же в неведении

пребывающих. И совершенно нет тьмы мирской лести в церквах, так как Христос окружает их блеском и все осиявает мысленным светом: ибо *несмы нощи ниже тмы,* но *сынове света и дне,* по написанному (1 Сол. 5, 5).

П. Ты сказал правильно.

К. Приложивши же к сему, и не в протяженности слов, законы о скинии и дароприношениях народа, изъясним также и поднятия его с места и остановки: ибо так речь наша пойдет правильным путем.

П. Соглашаюсь.

К. Итак, Законодатель и Судия постановил, чтобы в одной только святой скинии совершали жертвы желавшие делать это, отвращая их, как думаю, от прежнего лжеучения, разумею бывшего в Египте, где было великое посмешище идолов, нелепейшее множество лжеименных богов, которое и самим решившимся поклоняться им не могло быть известно, допускалось и приносить жертву, как кто бы ни захотел, сообразно сказанному безрассудно кем-то из эллинских мудрецов, и один приносил жертву одному богу, другой другому. Итак, отклоняя от столь нелепого и нечестивого образа действия и бессмысленнейшего обычая, Он сказал еще в книге Левит: *глаголи Аарону и сыном его, и ко всем сыном Израилевым, и речеши к ним: сие слово еже заповеда Господь, глаголя: человек от сынов Израилевых, или от пришелец иже прилежат в вас, иже аще заколет телца, или овцу, или козу в полце, и иже аще заколет вне полка, и пред двери скинии свидения не принесет, яко же сотворити е во всесожжение, или спасение Господу приятно, в воню благовония: и иже аще заколет вне, и пред двери скинии свидения не принесет его, яко не принести дар Господу пред скинию Господню: и вменится человеку тому: кровь пролиял, да потребится душа она от людий своих* (Лев. 17, 2–4). Итак, кровь проливает и повинен будет обличению в скверноубийстве приносящий жертву вне скинии; ибо себя самого как бы умертвил и погубил собственную душу отвращающий ее от Того, Который есть по естеству Бог, отдающий же ее камням и деревам и приносящий в жертву измышлениям демонов. А что не всякую вообще жертву Бог повелел приводить к дверям скинии, но только ту, которую кто-либо захотел бы посвятить в жертву Богу, это Он ясно показал,

тотчас же присовокупляя: *и да не пожрут ктому жертв своих суетным, имже сами блудодействуют вслед их* (17, 7). Итак, совершенно воспрещает приносить жертвы безразлично кому бы кто ни захотел, но очень ясно говорит, что совершать службы должно единому по естеству Богу.

П. Как прекрасна речь наша.

К. Но немало, я думаю, нам принесет пользы и другой образ понимания того, сколь полезно и даже необходимо, чтобы заклание совершалось и священные жертвы приносились в одной только святой скинии.

П. Каким образом?

К. Не говорили ли мы, что образом и предначертанием Еммануила служил закалавшийся при святой скинии за священника и за грехи неведения народа телец?

П. Говорили.

К. По сей-то причине, говорим мы, Христово таинство должно быть совершаемо, как в святых скиниях, в церквах Божиих. Это прообразовал Он нам еще и в некотором другом месте: ибо, узаконивши вначале, каким образом сынам Израильским, поднимавшимся из земли Египетской, надлежало закалать агнца во образ Христа, говорит: *в дому едином да снестся, и не изнесите от мяс его вон* (Исх. 12, 46). Итак, нарушают волю Божию иномыслящие еретики, помимо истинно святой скинии водружающие себе иную и вне закалающие агнца, весьма далеко относящие его от единого дома и разделяющие неделимого: ибо один и совершен во всем Христос Но оный мудрец и священнотаинник Моисей заповедует нам во Второзаконии: *Внемли себе, да не принесеши всесожжения твоего на всяком месте, еже аще узриши,* но *токмо на месте, еже изберет Господь Бог твой, в едином от* городов *твоих, тамо да принесеши всесожжения твоя и тамо сотвориши вся, елика аз заповедаю тебе днесь. Но токмо всем желанием* твоим *да пожреши и снеси мяса* по желанию души твоей, *по благословению Господа Бога твоего, еже даде тебе во всяком граде. Нечистый при тебе и чистый вкупе да яст* его, *яко серну или еленя. Токмо крове да не снесте: на землю пролиете ю аки воду* (Втор. 12, 13–16). Итак, виною и осуждением нечестивейшей души служит дерзновение приносить жертву на всяком месте, а не в доме Божием совершать таинство Христово.

П. Хорошо говоришь; только объясни мне вот что: закон запретил вкушение крови, и весьма справедливо; но какой смысл заключается в букве этого предписания?

К. Если так угодно тебе, то скажем и о том, что постановлено о сем в книге Левит; ибо там содержится следующее: *и человек от сынов Израилевых, или от пришелец прилежащих в вас, иже аще яст всякую кровь, утвержу лице Мое на душу ядущую кровь, и погублю ю от людей своих. Зане душа всякия плоти кровь его есть, и Аз дах ю вам у олтаря умоляти о душах ваших, кровь бо его вместо души умолит. Сего ради рекох сыном Израилевым: всяка душа от вас да не снест крове и пришелец прилежащий в вас да не снест крове. И человек от сынов Израилевых, или от пришелец прилежащих в вас, иже аще уловит ловитву зверя, или птицу еже ястся, и пролиет кровь и покрыет ю землею: душа бо всякия плоти кровь его есть. И рекох сыном Израилевым: крове всякия плоти да не снесте, яко душа всякия плоти кровь его есть, всяк ядый ю потребится* (Лев 17, 10–14). Смотри, как ясно и очевидно кровь принимается во образ души.

П. Понимаю.

К. Таким образом, закон отчуждает и отделяет кровь от тел закалаемых, научая тому истинному догмату, принятому нами верою и чтимому в церквах, что разумную душу человека должно считать и представлять бессмертною, которую не приводит к истлению вместе с земными телами смерть, а напротив, Зиждитель отрешает, и отпускает, и освобождает от страданий, соделав ее причастною жизни: ибо вначале человек сотворен *в душу живу,* так как Бог ввел в него *дыхание жизни,* как написано (Быт. 2, 7). Мы обвиним, как я думаю, в бессилии оживотворяющую все жизнь, если станем утверждать, что произведенное ею для жизни погибает вместе с привременными телами. И наоборот, мы увенчаем себя прекрасным венцом мудрости, веруя, что душа бессмертна, поелику Зиждителю всех, Которым *мы живем и движемся и есмы* (Деян. 17, 28), угодно, чтобы она была таковою. Таков, по моему мнению, смысл законоположения об этом. Перейдем же и к другим постановлениям о скинии. Так сказал Бог в книге Исход: *да не заколеши с квасом крове жертв Моих* (Исх. 34, 25). Бесквасна, говорит, да будет проливаемая кровь, то есть да не прилагается к приносимому в жертву Богу закваска

или заквашенная пшеничная мука: ибо должно нам, очищенным и как бы пребывающим бесквасными, то есть не имеющим в душе своей, так сказать, примеси порочности и лукавства, посвящать Богу свои души, образом коих служит кровь. И божественный Павел называл *новым смешением* и *безквасными* (1 Кор. 5, 7) соблюдающих душу свою чистою и неоскверненною и не смесившеюся с порочностью, очевидно, чрез веру во Христа и чрез всесовершенную любовь. Но *ниже да долежит,* – сказано, – *тук праздника Моего до утрия* (Исх. 23, 18), то есть вчерашнего тука не возноси в воню благоухания. В книге же Левит Законодатель делает более ясное изложение этого закона и представляет дело это очевидным, говоря о приносящем жертву: *и аще обет будет, или вольный пожрет дар свой: в оньже аще день жертву принесет да снестся, и на утрие. И оставшееся от мяс жертвы до дне третьяго, на огни да сожжется. Аще же ядый снест от мяс в день третий, не приимется* ему *приносящему ю,* не *вменится ему: осквернение есть: душа же, яже аще снест от него, осквернится и грех приимет* (Лев. 7, 16–18). Итак, тридневную жертву отметает, а что и вчерашнюю отвергает, это он разъяснил, говоря: *аще же пожреши жертву обет радования Господеви, приятно вам пожрите е: в той же день да снестся, да не оставится от мяс на утрие: Аз есмь Господь; грех приимет* (Лев. 22, 29–30).

П. Какой же смысл и этих предписаний?

К. В прежде сказанном закон часто предуказывал нам, что Божественному Писанию обычно все время разделять иногда на два периода: на время, в которое был закон, и время, в которое воссиял Христос; а иногда еще на три, полагая между тем и другим и поставляя в средине то время, в которое воссиял лик святых пророков, хотя, впрочем, и во время Моисея и во времена святых пророков образ служения был один и тот же, именно в тенях законных. Когда же настало утро, или появилось наконец еще третье время, и мысленный свет, то есть Христос, облистал всю подсолнечную, а древний мрак наконец разрешился, то уже неприятным стал образ тогдашнего служения, но или вчерашним, или тридневным туком, или жертвою уже не приятною, но мерзкою и отверженною пред Богом и в осквернение вменяемою решившимся не вовремя приносить ее. Разве ты не считаешь истинным того, что когда

Христос евангельским учением осиявает души святых и весьма мудро тайноводит их в духовное служение, то уже некоторым образом излишне и бесполезно соблюдение закона?

П. Считаю, ибо я помню божественного Павла, назвавшего тщетою и уметами похвалы по отношению к закону, *за превосходящее разумение Христа* (Флп. 3, 7 и 8). Слышу также и то, что он написал к некоторым: *глаголю же вам, яко аще обрезается, Христос вас ничто же пользует* (Гал. 5, 2).

К. Правильно сказал ты. Итак, когда уже явился Христос и прошло время, в которое был закон и пророки, держаться сеновного служения и покушаться приносить Богу овцу, или тук, или ливан есть грех и осквернение, так как Сын ясно говорит Богу и Отцу: *жертвы и приношения не восхотел еси, тело же свершил Ми еси: всесожжений и о гресе не взыскал еси. Тогда рех: се прииду: в главизне книжне писано есть о Мне, еже сотворити волю Твою Боже* (Пс. 39, 7–9; сн. Евр. 10, 5–7): ибо, принесши Себя за нас, как бы жертву непорочную, Сын остановил совершаемое по закону, как не могущее *отъяти грехов* (Евр. 10, 11); *кончина бо закона* и пророков есть *Христос* (Рим. 10, 4; ср. Мф. 5, 17).

П. Хорошо сказал ты.

К. Так чрез законное служение уже недоступен Отец после совершения во Христе, доступен же чрез одного Сына. Посему Он и сказал: *никто же приидет ко Отцу, токмо Мною* (Ин. 14, 6). А что негодно для жертвоприношения и несовершенно все, что не во Христе, приятно же и весьма священно то, что чрез Него и в Нем, это может сделаться ясным и чрез то, что говорит закон в книге Исход: *да не сваришь агнца в млеце матере его* (Исх. 34, 26), а также в книге Левит: *и рече Господь к Моисею, глаголя: телец или овча, или козля, егда родится, да будет седмь дней под материею своею, в день же осмый и далее принесется в дар принос Господу: и телца и овчате вкупе с материю да не заколете в един день* (Лев. 22, 26–28). Итак, агнца только что родившегося и еще сосцами питающегося не дозволяет закалать, показывая тем, что несовершенное и как бы слабое по разуму и немощное еще не священно, а потому и неприятно Богу. Таковы были некоторые немудрые и малосмысленные, которым божественный Павел пишет: *ибо должни суще быти учители лет ради, паки требуете* учащего вас, *кая писмена начала*

словес Божиих: и бысте требующе млека, а не крепкия пищи: совершенных же есть твердая пища (Евр. 5, 12–14). Итак, еще несовершенно питающееся молоком и сосцами, говорю по отношению к разуму и духовной крепости. Пусть же слово наше о сем опять перейдет от вещей чувственных и наглядных, как от образа, к предметам сверхчувственным и мысленным: и ты очень хорошо поймешь, что во Христе все стало совершенным и приятным, ибо приносимые и посвящаемые Богу животные семь дней должны быть под матерью, в день же восьмой и далее – быть даром и приношением Богу.

П. Не очень ясна речь сия.

К. Или ты не признаешь восьмой день днем Воскресения Спасителя и началом как бы нового века, так как век подзаконный прешел как бы в семь первых дней?

П. Признаю.

К. Итак, несвященно и уже не должно быть приносимо то, что живет как бы во времени подзаконном, то есть в плотском служении; и наоборот, уже даром, и благоприятным Богу, служит все то, что существует во Христе в восьмой день и далее; ибо нескончаемо звание во Христе, имеющее началом воскресение. И ведая это, Сам Сын сказал в одном случае: *аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин. 12, 32), а в другом: *аминь глаголю вам: аще зерно пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит* (Ин. 12, 24).

П. Ты сказал правильно; но что означает то, что мать не должна погибать вместе с детьми в один день?

К. Законоположив надлежащим образом то, что относилось ко Христу, и премудро предвозвестивши подаваемое чрез Него совершенство, Он, как Бог, конечно, не не знал непослушность иудеев и необузданность Иерусалима и что по сей причине погублены будут израильтяне, как убийцы Господа и свирепо вознеистовствовавшие на Сына Божия. Впрочем, не вообще весь до основания погибнет Иерусалим, но пребудет как бы лишенным чад, ожидая конечного и последнего времени, в которое и сам спасется, идя вослед язычников (ср. Рим. 11, 25–26); ибо он положен в хребет, то есть позади, по слову Псалмопевца: *яко положиши я хребет* (Пс. 20, 13); потому что весь Израиль спасется, после того как стадо язычников разместится в Божественных стойлах. По-

сему закон не допускает тлению доходить до крайнего всегубительства, предвозвещая срастворенный с милостью гнев на непослушных, но вместе с тем, как я думаю, поставляя этот предмет примером той непреложной истины, что не обратится совершенно в ничто существующее, овладеваемое всецелым тлением, но пребудет сохраняемое как бы в преемственности — одно в другом, по сродству или одинаковости вида, так как Бог удаляет от своих созданий совершенное погубление, *созда бо во еже быти всем, и спасителны бытия мира,* по написанному (Прем. 1, 14). Прилично же было предвещание, а равно и раскрытие таковых речей о Христе, чрез Которого и в Котором истлевшее сохраняется и овладеваемое смертью снова расцветает для жизни: ибо окончился корень человеческого рода, подобно какой-либо матери, как бы в Адаме, но произросшие от Него, то есть мы, расцветаем во Христе и существуем и спасаемся, имея Его Самого жизнью и как бы вторым корнем рода нашего.

П. Как хороша и весьма обработана речь эта.

К. Но заслуживает, Палладий, быть присоединенным к сказанному и следующее: *да не насадиши себе дубравы, всякаго древа, близ олтаря Господа Бога твоего да не сотвориши себе. Да не поставиши себе капища, еже возненавиде Господь Бог твой* (Втор. 16, 21–22). Смотри, как поклонника истины совершенно удаляет от идололепной лести, менее всего допуская пользоваться законами эллинов, а повелевая, напротив, отвергать их обычаи, хотя бы они, может быть, и не принесли никакого вреда, если бы даже и соблюдаемы были.

П. Что такое говоришь ты?

К. Эллины, приметив где-либо хорошо растущие деревья и какой-либо густо разросшийся лес, ставили здесь алтари и приносили жертвы демонам: ибо весьма необходимо было, чтобы с алтарями демонов было сопряжено как бы заблуждение ума и мирские прелести, потому что ложь внутри себя недугует бессилием, украшается же часто поддельной красотою, подобно тому как, известно, и бесчестные женщины. Но Божественному алтарю, блистающему красотою истины, какая надобность во внешних придатках или в суетных украшениях? Ибо не чрез мирские прелести становится доступным Божество и не распущенному как бы и привязанному к плотским удовольствиям уму, но трезвенному и

обращающему пристальный взор к высоте и на небеса. И если бы случайно, как бы сам собою, Божественный алтарь оказался где-либо под деревами, то это нисколько не повредило бы непоколебимому и истинному поклоннику Спасителя; но поелику вообще это есть эллинское учреждение, то должно избегать подражания и сходства в обычаях, как, например, несомненно для верного и достигшего умом до истинного ведения *идол в мире ничто,* а равно и идоложертвенного нет (1 Кор. 8, 4); однако, по повелению того же (священного писателя), не позволяется вкушать от него ради совести более немощных: *вскую бо* я буду осуждаем *от иныя совести? Аще аз благодатию причащаюся, почто хулу приемлю, о немже аз благодарю?* (10, 29–30.) Посему похвально пред Богом это дело, говорю о том, чтобы отказываться от дел, одинаковых с эллинскими, как, например, в установлении алтарей, в обычаях и обрядах служения

П. Соглашаюсь.

К. А что должно делать приношения во славу Божию и не с пустыми руками приходить во святую скинию, это опять разъясняет нам Священное Писание, так говорящее в книге Чисел: *и бысть в день в оньже сконча Моисей, яко же постави́ти скинию, и помаза ю, и освяти ю, и вся сосуды ея, и олтарь, и вся сосуды его, и помаза я, и освяти я. И приведоша князи израильтестии, дванадесять князи домов отечеств своих: сии князи племен, сии предстоящии над согляданием: и приведоша дары своя пред Господа, шесть колесниц покрытых и дванадесять волов: колесницу (едину) от двоих князей и телца от коегождо, и приведоша пред скинию. И рече Господь к Моисею, глаголя: возми от них: и да будут на дела служебная скинии свидения: и даси я левитом, коемуждо по его служению. И взем Моисей колесницы и волов, даде я левитом* (Чис. 7, 1–6). И не до сего только простирались приношения князей колен, но присоединены были к сим и другие; ибо написано: *и принесоша князи на обновление олтаря в день, в оньже помаза его, и принесоша князи дары своя пред олтарь. И рече Господь к Моисею: князь един на день, князь на день да принесут дары своя на обновление олтаря. И бяше приносяй дар свой в первый день Наассон сын Аминадавль, князь племене Иудина: и принесе дар свой, блюдо сребряно едино, вес его сто и тридесять (сикль): чашу еди*

ну сребряну, седмдесят сикль по сиклю святому: обоя полны муки пшеничны, спряжены с елеем на жертву: фимиамник един десяти златник, полн фимиама: телца единаго от волов, овна единаго, агнца единаго единолетна во всесожжение: и козла от коз единаго греха ради: и на жертву спасения юницы две, овнов пять: козлов пять, агниц единолетних пять: сей дар Наассона сына Аминадавля (7, 10–17). Принесли свои дары и другие князи по порядку до двенадцатого таким же образом и с одинаковым великолепием, причем каждому был отделен установленный для него день; ибо так повелел Бог.

П. Какой же смысл заключается в столь многообразном приношении?

К. Конечно, Палладий, это есть приношение; но с ним соединяется, думаю, и таинственный смысл, по которому это иносказание относится к Еммануилу и к нам самим. Объясню его, как могу. Когда явилась в мире сем святая и истинная скиния, то есть Церковь, Христос, многообразно сияя в ней, едва не нами самими и за нас приносится как священная жертва Богу и Отцу, как выкуп и замена жизни всех, будучи Один равноценен всем. Ибо когда Единородный соделался человеком, как один из нас, Он принес Себя Самого Богу и Отцу как бы некоторую первину и начаток человеческого естества, благоухающего в освящении, естественно и существенно пребывающем в Нем, поскольку Он мыслится и есть Бог, но привходящем в Него по человечеству Его. Но, будучи один и тот же, Он многоразлично изображаем был в оном приношении князей: как и ныне Христос приносится в жертву являющимися по порядку времен вождями, многообразно мыслимый и различными именами чтимый. Приношение было ежедневное: это обстоятельство указывает как бы на непрерывность и непрекращаемость жертвы Христовой на всякий день и на плодоприношение оправданных верою; ибо не прекратятся поклонники и не будет оскудения в дароприношениях; но будет приноситься Христос нами и за нас, таинственно священнодействуемый в святых скиниях. Сам Он есть и наше первое и изрядное приношение; ибо Он принес Себя в жертву Отцу не за Себя Самого, по безукоризненному учению, но за нас, находившихся под игом и виною греха. По уподоблению же Ему и мы являемся свя-

щенными жертвами, умирая для мира, поскольку грех умерщвлен в нас, и живя для Бога жизнью в освящении и праведности. Вот на что, кажется, указывает нам приношение князей, которое, не желаешь ли, мы и по частям исследуем надлежащими рассуждениями, как это будет для нас лучше, и поясним по возможности?

П. И очень.

К. Принесен был от каждого (князя) телец и отделены были на священные дела святой скинии колесницы, числом шесть. Затем от каждого – блюдо одно серебряное и одна чаша, *обоя,* – сказано, – *полны муки пшеничны, спряжены с елеем;* фимиамник один, наполненный фимиамом; овен один, агнец один единолетний во всесожжение; козел от коз за грех: и это были всесожжения. Но приносили *и на жертву спасения,* – сказано, – *юницы две, овнов пять, козлов пять, агниц единолетных пять.*

П. Так скажи же прежде всего о том, в чем здесь разница, – какое можно указать различие между жертвой спасения и всесожжения?

К. Слушай. Всесожжения животных совершенно все сожигаемы были священным и неугасимым огнем, причем ничто вообще не исключалось, но как бы всякая частица и член восходил к Богу в воню благоухания. Напротив, животные, закалавшиеся в жертву спасения, посвящались только отчасти, как то: их правое плечо, голова и ноги, почки и печень и некоторые другие внутренние и сокровенные части. Так, Христу приличествует быть принесенным в жертву всесожжения, ибо Он весь истинно свят, весь исполнен благоухания и священен; нам же свойственно быть жертвою не во всем святою и не всецело священною, как имеющим в себе нечто и из нечистоты по причине существующего в нас греха: ибо, по написанному, никто не чист *от скверны* (Иов 14, 4) и *грехопадения кто разумеет?* (Пс. 18, 13.) Посему очень правильно постановил закон, чтобы жертва за спасение была не всесожигаемою, но, напротив, посвящаемою лишь отчасти. Итак, ясна ли, Палладий, для тебя и достаточна ли для понимания моя речь?

П. И очень.

К. Ну, так затем перейдем к тому, чтобы сказать что-либо о каждом из принесенного и уразуметь необходимое на пользу.

П. Переходи.

К. Итак, вот принесенное от каждого из начальников колен: серебряное блюдо одно и одна чаша, то и другая наполненные пшеничною мукой, смешанной с елеем. Блюдо служит для съестного и употребительно при ядении вареного, как и Сам Спаситель Иоанну, доверенному ученику, любопытствовавшему, кто есть имевший предать Его, говорит: *омочивый со Мною в солило* (блюдо) *руку* (Мф. 26, 23; ср. Ин. 13, 23–26). Об употреблении же чаши что я стану и говорить, когда само дело ясно свидетельствует о том? Затем пшеничная мука знаменует хлеб, потому что из нее и хлеб; а хлеб жизни есть Христос. Таким образом как блюдом и чашею, так и бывшим в обоих этих сосудах хлебом (ибо они были полны пшеничной муки), так затем и пищей и питием знаменуется жизнь и животворящий – Христос; ибо Он говорит: *аминь глаголю вам: аще не снесте Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 53). Мука, сказано, была увлажнена елеем, так как почти это образно воспевается в Псалмах: *возлюбил еси правду, и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза Тя Боже Бог Твой елеем радости паче причастник Твоих* (Пс. 44, 8). Фимиамник, далее, имея образ и вид кадильницы, сделанной наподобие чашицы, и сам был полон фимиама, ибо Христос есть благоухание и кадильница, не отвне имея благоухание, как имеем его, конечно, и мы, по причастию добродетели и освящению чрез благочестие приобретающие таковое состояние, но внутри Себя, как Бог, и в собственном естестве изобилуя тем, за что Ему удивляются, и всю вселенную наполняет премирным и вышетварным благоуханием; потому что Он ясно распознается как по естеству и истинно Бог и как получивший воню познания Отца: таким образом, фимиамник наполнен фимиамом. Засим приводится телец и овен, а также и агнец и козел от коз и то, что сверх того приносилось. И чрез все это изображается Сам Он (Христос); в тельце, по причине его великой крепости и потому, что преимуществующий между ручными и чистыми животными есть телец, превосходящий и величиною тела; так и все, относящееся ко Христу, имеет мысленное превосходство и Сам Он превосходит и превышает все ни с чем не сравнимым отличием; в овне – по причине его совершенства; в агнце – по причине его незлобия: *Аз же*, – говорит Он, – *яко агня незлобивое ведомое на заколение не разумех* (Иер. 11, 19); а в

козле — по причине заклания его за согрешивших, так как козел, по закону, есть жертва за грех (ср. Лев. 16, 10 и далее), а Еммануил ради нас подвергся смерти, и мы искуплены от прежних грехов по причине заколения, которое Он потерпел за нас. Или и это не считаешь ты истинным?

П. Как же нет?

К. Обрати внимание и на то, что принесены были тельцы и отданы на дела скинии, чтобы во время похода они, нося тяжести на колесницах, освобождали от труда и беспокойства священнодействующих: потому что и Церковь покоится на Христе; Он Сам носит нас, не допуская того, чтобы священный и честный род и сведущие в святых делах люди подпали превышающим силу трудам. Таким-то образом относится ко Христу все упомянутое. Что же касается до жертвы спасения, то ее приносили вожди как бы опять вместо самих себя, посвящая ее некоторым образом святой скинии и вознося в воню благоухания Богу. Юниц (телиц) было две, овнов пять, козлов пять, агниц пять. И телец — это Христос, а юницы (телицы) — мы. И основание для того и другого не отдаленное, а, напротив, истинное и очевидное: ибо мужеский пол всегда является как бы предводительствующим и в чести и славе превосходнейшей у Бога; и свидетелем служит сама природа, удостоверяющая в этом. Женский же пол ниже и подчинен ему и как бы идет позади силы и славы мужчин. Итак, в тельце, животном мужеского пола, разумеется вождь наш Христос; мы же находимся как бы в подчинении, обладаем сравнительно с Ним гораздо меньшей силой и славой и отделены от Него на не сравнимое ни с чем расстояние; ибо хотя Он и соделался подобным нам (как и телица видом подобна тельцу), но Его свойства много превосходнее: ибо *кто уподобится* Богу *в сынех Божиих?* (Пс. 88, 7.) Христос есть вместе и подобен нам и выше нас превосходством Божества, хотя и стал плотию (Ин. 1, 14). Две телицы, думаю я, суть образ двух народов, сошедшихся в один, состоящий из двух, так как связует их чрез веру в единство духовное Явившийся ради нас и среди нас. Далее, овны и равночисленные им агнцы, а также не меньшие числом козлы указывают на множество верующих, разумею собранное как бы в пятое время, в которое было пришествие Говорящего: *аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин. 12, 32). Кроме того посредством

овнов означается совершенство разумения и полнота духовного возраста уверовавших, очевидно достигаемого во Христе; а посредством агнцев — простота и незлобие; ибо сказано: *братие, не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте* (1 Кор. 14, 20). Затем посредством козлов, приносимых в жертву за грех, означается всегдашняя нужда наша в очищении и оставлении прегрешений. Посему и научены мы говорить в молитвах: *остави нам* грехопадения (Мф. 6, 12); ибо нет времени, когда бы истинно благоразумным и ведающим человеческого естества немощь не было необходимости вопиять: *грехопадения кто разумеет?* и: *от тайных моих очисти мя* (Пс. 18, 13). Это есть жертва духовная и благоухающая пред Богом за спасение душ наших.

П. Истинно.

К. Итак, Христос, сказал я, означается в тельце и овнах, агнце и козлах и других животных, — и мое слово об этом я не счел бы отступающим от надлежащего. Если же кто решился бы и на нас самих перенести силу этих мыслей, то ничего нет препятствующего присоединить к предлежащему таковое некоторое созерцание.

П. Какое же?

К. Приносимы были по закону священные жертвы от всего Израиля, и проливаема была на Божественный алтарь кровь закалаемых животных, каковое действие едва не изображало как бы в сени и косвенно указывало нам на то, что нам надлежит посвящать святому Богу свои души.

П. Ты хорошо сказал.

К. И так вместо нас и за нас приносятся жертвы и мы в них прообразовательно священнодействуемся.

П. Правда.

К. Ну так исследуем же потщательнее принесенное как бы от лица всех рукою вождей, и мы увидим красоту духовного созерцания. Принесенное в серебряных сосудах, то есть в блюде и чаше, было пшеничная мука, увлажненная елеем. Но серебро есть символ светлости, а мука — жизни, как производящая хлеб, который поддерживает жизнь; елей же — радости. Пусть же приносится от нас самих высшему над всем Богу как бы в светлости жизни радость, надеждою во Христе; ибо сказано: *упованием радующеся* (Рим. 12, 12). Да и каким образом не были бы исполнены высшей радости

блюстители заповедей Спасителя нашего, великим подвигом достигшие славы в жизни и поведении? Им как бы то ни было и во всяком случае уготовано у Бога участие в славе Его. *Умросте бо*,— сказано,— *и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитеся в славе* (Кол. 3, 3–4). Итак, пшеничная мука увлажнена елеем: ибо и жизни святых присуща радость как бы в надежде славы, вместе со светлостью, очевидно, в святости и правде. Золотой же фимиамник, полный фимиама, изображает красоту святых и как бы в избранных сосудах благоухание в освящении и затем как бы некоторый дар Богу, истинно благовоннейший. Или мы, Палладий, не признаем святых светлыми и избранными сосудами?

П. Без всякого сомнения признаем.

К. Телец был приносим от каждого, и всех их было двенадцать. Они возят святую скинию, будучи по двое запряжены в одну колесницу и под одно ярмо, и они отделены на служение левитам. Это может служить образом двух народов, еще не разделенных неподобием учения и жизни, но как бы сопряженных и терпеливо и мужественно шествующих вместе под одним игом Спасителя; ибо сказано: *мужайся и да крепится сердце твое и потерпи Господа* (Пс. 26, 14). А телец есть животное терпеливое и весьма крепкое: таковы во всяком случае избравшие богопочтение, как бы иго на себе носящие Христа, прообразуемого в святой скинии. Телом же Его называл Церковь и божественный Павел (ср. Кол. 1, 24 со ст. 18); сказано также было и Анании о нем, то есть Павле: *иди, яко сосуд избран Ми есть сей, пронести имя Мое пред языки* (Деян. 9, 15). Кроме того приносимые овен, а равно и агнец указывают на приближение к Богу и как бы посвящение, очевидно духовное, как старейшего приведенного к Нему, так и нового народа: ибо как терпеливость и мужество означается посредством тельцов, так равно, думаю я, и в овцах ясно указывается как бы плодоносие в кротости оправданных верою во Христа; потому что это животное кроткое и плодовитое. А таковы все прилежные делатели евангельского жития, к которым взывал и Сам Христос: *всякому просящему у тебе дай: и от взимающаго твоя не истязуй, и биющему тя в ланиту, обрати ему и другую* (Лк. 6, 30 и 29); сн. Мф. 5, 39). Пишет также и Павел: *рабу Господню не подобает сва*

ритися, но тиху быти ко всем, с кротостию наказующу противныя (2 Тим. 2, 24). А что за вышесказанным должно было следовать и приношение козла, это указывало, я думаю, не на что иное, как на то, о чем я недавно сказал, то есть что все, хотя бы некоторые обладали и добрыми свойствами, имеют нужду в очищении чрез покаяние и в забвении грехопадений. И, ведая это, божественный Давид сказал: *аще беззакония назриши Господи, Господи кто постоит?* (Пс. 129, 3.) Таким образом, козел был жертвою за отпущение по древнему закону; покаяние же и прошение о забвении (грехов) есть ныне жертва, приносимая нами, приходящими к Богу в духе и истине; ибо сказано: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26). Воспевает также негде и Давид: *рех, исповем на мя беззаконие мое Господеви: и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Ясна ли для тебя наконец речь о дароприношении князей?

П. Совершенно.

К. Должно также, я думаю, сказать и о том, что когда уже была принесена от каждого и за всех жертва, тогда было положено начало Божественных откровений во святой скинии священнотаиннику Моисею. Написано же еще так в книге Чисел: *сие обновление олтаря, по исполнении рук его и по помазании его. Егда вхождаше Моисей в скинию свидения, глаголати ему, и услыша глас Господа Бога глаголюща к нему свыше очистилища, еже есть над ковчегом свидения между двема херувимы: и глаголаше к нему* (Чис. 7, 88–89): ибо лишь после того, как совершена была как бы святая скиния и явлена была миру истинная святыня, то есть Церковь, был к нам глас Бога и Отца; а Он *глагола нам в Сыне* (Евр. 1, 2), Которого мы называем *очистилищем* за грехи наши, по Писаниям (Рим. 3, 24; сн. 1 Ин. 2, 2). Сверху Херувимов был глас; потому что Бог превыше и вне твари, имея существенное и присущее Ему превосходство пред всем произведенным. Передавая же нам эти свыше и от Отца исходящие гласы, Сын, истинное очистилище, говорил: *глаголы, яже Аз глаголю,* не суть Мои, *но пославшаго Мя* (Ин. 14, 10; сн. 12, 49; 6, 38–40 и 63). Итак, сверху очистилища был глас. Немало удивился бы ты также, если бы обратил внимание и на порядок, в каком приходили начальники колен: по назначению каждому отдельно дня, в который

должно было исполнять постановленное и принести дар, они приходили в порядке, согласно воле Законодателя: но только не по порядку рождения или по возрасту, а также и не смешанно и без всякого порядка, но напротив располагались как бы в таинственном распорядке.

П. Что такое говоришь ты, я не могу понять; изложи это мне яснее.

К. Хочешь ли, мы в порядке и последовательно скажем о происшедших от Иакова? Тогда стало бы весьма ясным и самое отступление от порядка в прихождении князей.

П. И очень.

К. Итак, перворoдный – Рувим, а за ним Симеон, Левий и Иуда от одной матери Лии; Вала же потом служанка рождает Дана и Неффалима; а равно Зелфа, рабыня Лии, – Гада и Асира, Лия же к прежним четырем – Исахара и Завулона. Родились и от Рахили Иосиф и Вениамин. Таким образом четыре первые от Лии, от свободной: Рувим и Симеон, Левий и Иуда; затем от двух служанок Валы и Зелфы – четыре· Дан и Неффалим, Гад и Асир; другие же еще кроме сих четыре: два от Лии – Исахар и Завулон, и два от Рахили – Иосиф и Вениамин. Необходимо припомнить также и то, что наследие Иосифа разделилось на два поколения: Ефрема и Манассии, от него происшедших (Быт. 29 и далее).

П. Порядок имен я очень хорошо разумею; а что есть искомое в этих именах, это разъяснить уже твое дело.

К. Приходившие с дарами, Палладий, делали это не по возрасту, но первым был Иуда, хотя и четвертый по времени, затем девятый после него Исахар и с ним вместе десятый Завулон. Второй же как бы после сих разряд: первородный Рувим и следовавший за ним и второй Симеон, а к ним присоединился и Дан, от рабыни. Затем выступил третий ряд происшедших от трех свободных: Ефрем, Манассия и Вениамин. И напоследок разряд четвертый происшедших от служанок. Их также было трое: Дан, Асир и Неффалим, хотя и преимуществовавшие по времени рождения пред поставленными в порядке прежде их, разумею Ефрема, Манассию и Вениамина. Разве ты не считаешь необходимым исследование о сем?

П. Наиболее всего считаю; так какой смысл сего, попытайся изложить мне.

К. Это дело, как я думаю, служит опять прикровенным указанием на то, что установленное чрез Христа занимает у Бога первое место сравнительно с данным в законе, и что становятся *первии последни, и последнии перви* (Мф. 20, 16): ибо как бы старейшие по времени и посему перворoдные, то есть Израиль, идут позади язычников. И имеющие дух рабский и сыны рабствующего Иерусалима уступят преимущество в славе сынам свободной, которая есть мать всех нас, оправданных во Христе и призванных в свободное состояние чрез свободу духа (сн. Рим. 8, 15 и Гал. 4, 25–26); ибо усматривай, если угодно, точность умозрений: первым приносит дар колено Иудино, из которого произошел по плоти Христос; а после него тотчас же Исахар и Завулон, оба свободные и от свободных; затем Рувим перворoдный, Симеон и Гад, который от рабыни: знаменуется же чрез них Израиль. Теперь скажем о каждом, собирая изречения из пророчества Иакова о них. Так сказал божественный Иаков: *Рувим первенец мой, ты крепость моя и начало чад моих: жесток терпети и жесток упорник* (Быт. 49, 3). И еще: *Симеон и Левий братия совершиста обиду от воли своея: в совет их да не приидет душа моя, и к собранию их да не прилепятся внутренняя моя: яко во гневе своем избиста человеки и в похоти своей презезаста жилы юнца. Проклята ярость их, яко упорна, и гнев их, яко ожесточися* (49, 5–7); о Гаде же сказал следующее: *искушение искусит: он же искусит того при ногах* (49, 19). Итак, посредством Рувима по справедливости обозначается Израиль, перворoдный по времени, но жестокий, упорный и оскорбитель; и посредством Симеона, к которому присоединен и Левий, обозначается он же, как готовый к скверноубийству и убивший святых; ибо *кого,* — сказано, — *от пророк не убиша отцы ваши* (Деян. 7, 52), и как бы перерезавший сверх того жилы юнца, который есть Христос: потому что не одно только племя Иудейское уличается в дерзости против святых и Христа, но с ним сошелся и Левий, то есть священный род, приседящие алтарю книжники и фарисеи. Посему в пророчествах праотца Иакова с Симеоном сопряжен и Левий. Также и в Гаде, который от рабыни и есть *искушение,* разумеется тот же народ, как низкий умом и искушающий Иисуса и расставляющий сети для злодеяния Ему; ибо приступили некоторые к Нему, говоря: *достой-*

но ли есть дати дань *Кесареви, или ни?* (Мф. 22, 17.) Итак, возведу снова речь свою к началу: первородный во времени Израиль, жестокий, упорный и оскорбитель, склонный к скверноубийству и имеющий проклятый гнев, избивший человеков и перерезавший жилы юнца, низкий и жестокий в коварстве, расставляющий сети и искуситель, поставлен позади тех, которые во Христе и свободны, хотя и он будет свободен после нас, как только придет к лицу Божию (ср. Рим 11, 25–26)

П. Ты хорошо сказал.

К. Ты познаешь то, что я говорю, когда обратишь свой ум и на последующее за сим. Трое, вместе соединенные, приносили дар потом, происшедшие от свободной Рахили Ефрем, Манассия и Вениамин. Потом и за ними также трое, вместе соединенные, происшедшие от служанок, разумею Дана, Асира и Неффалима. Заметь, что предшествуют и весьма почтены рожденные от свободной, а за ними следуют и рожденные от служанок. Не очевидно ли это есть то самое, что и божественный Павел пишет нам? Ибо он говорит, что когда *исполнение языков внидет,* тогда *весь Израиль спасется* (Рим 11, 25–26).

П. Ты сказал правильно: замечание твое очень тонко

К. И что это не ложно, ты тотчас узнаешь, и очень легко, ибо слово Божие утверждает нас в этом и другими мыслями Бог повелел, чтобы воздвизания полков и остановки или пребывания сынов Израилевых на стоянках совершались в надлежащем порядке, весьма мудро постановил идти вокруг скинии, сообразно тому, думаю я, что и блаженным Давидом превосходно воспевается: *и обыду жертвенник Твой Господи: еже услышати ми глас хвалы Твоея* (Пс 25, 6–7), или: *обыдох и пожрох в селении Его жертву воскликновения* (26, 6) Указывается же нечто и другое, что как бы в прообразе повелено было делать: должно нам не удаляться от Бога, но являться как бы стоящими вблизи и вокруг Него, так чтобы грех не находился в средине и мирское удовольствие не разделяло нас от Него, но чтобы присутствие правого разума и готовность ко всему достохвальному собирали нас в единство духовное: ибо решившимся столь похвально действовать наиболее всего приличествует делать приношения, так как написано: *вси иже окрест Его принесут дары* (Пс. 75, 12) Итак, Он повелел им подниматься в путь вместе с скинией и шествовать вокруг нее, и притом в порядке, приличествующем не возрас-

там и не смешанно идущем от первых к последним, но чтобы они соединены и распределены были по частям так же, как и в приношении даров Написано же так в книге Чисел: *И рече Господь к Моисею и Аарону, глаголя: человек держайся по чину своему и по знамениям, по домом отечеств своих, да ополчаются сынове Израилевы пред Господем, окрест скинии свидения да ополчаются сынове Израилевы* (Чис. 2, 1–2). Затем указывается определенное каждому место, — где и как и кто должен ополчаться, ибо присоединяет следующее: *и ополчающиися первии на восток, чин полка Иудина с силою их. И ополчающиися близ, от племене Исахарова, и ополчающиися близ, от племене Завулоня* (2, 3, 5 и 7). Потом упоминает о втором разряде и говорит. *чин полка Рувимля к югу с силою* их, *и князь сынов Рувимлих Елисур, сын Седиуров: сила его согляданая четыредесять и шесть тысящ и пять сот. И ополчающиися близ его, от племене Симеоня, и ополчающиися близ его, от племене Гадова* (2, 10–12 и 14). И третий разряд тотчас же присоединяет, говоря: *чин полка Ефремля к морю с силою их. И ополчающийся близ, от племене Вениамина* (2, 18 и 22). Вскоре же упоминает и четвертый разряд, говоря. *чин полка Данова к северу с силою их. И ополчающиися близ* его, *племя Асирово. И ополчающиися близ его, племя Неффалимле. Всех,* — говорит, — *сочтенных полка Данова сто пятьдесят и седмь тысящ и шесть сот: последнии да воздвизаются по чину своему* (2, 25 и 27, 29 и 31). Видишь ли, что в первом ряду поставлен Иуда и бывшие с ним и имеет избранное место к востоку и югу? Ибо во свете пребывают те, которые во Христе, и духом горять Второй Рувим и бывшие с ним. И третьи — также от свободной рожденные. Затем после них другие трое — происшедшие от служанок, — те, о которых сказано. *последнии да воздвизаются.* Не очевидно ли и не выше ли всякого сомнения, что первородному предпочтено и прежде его призвано второе, то есть те, которые во Христе, и происшедшим от рабского состояния — свободное по вере? Эти предводительствуют ради происшедшего от Иуды Христа, а те едва позади идут и как бы на втором месте поставлены.

П. Ты сказал весьма правильно, и я восхваляю тебя за столь тонкое остроумие.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

О священстве и о том, что священство подзаконное было образом священства во Христе

О скинии и заповеданном относительно ее у нас была речь весьма достаточная и в отношении к духовной тонкости искусно обработанная Но прилично было бы, как мне кажется, да и ты сам, я знаю, согласишься со мною, коснуться и отличий священства, и именно каким образом чрез священство прообразовательное и подзаконное обозначается истинное, то есть то, которое во Христе и чрез Него освящает род священный, разумею опять просветленных верою и приобретших сродство с Богом чрез причастие Святого Духа.

Палладий. Прилично было бы и весьма справедливо.

Кирилл. Итак, когда завершена была в приличествующей красоте святая скиния и доведена до образа, показанного на горе божественному Моисею, Бог сделал назначение священников и сказал: *и ты приведи к себе Аарона брата твоего, и сыны его от сынов Израилевых, да священнодействуют Мне, Аарон, и Надав, и Авиуд, и Елеазар, и Ифамар, сыно ве Аарони* (Исх. 28, 1). Таким образом, поименно названы избранные для священнодействия, ибо *никто же сам себе приемлет честь, но званный от Бога,* по написанному (Евр 5, 4). Так, самовольно никто да не идет на священнодействие Богу, но пусть ожидает призвания, иначе покушающийся восхищать то, на что не имеет решения свыше, подпадет суду Дафана и Авирона. И не удивляйся, если самоволие признается нами неуместным и нелепым, когда и о Самом Христе Павел пишет, что *Он не Себе прослави быти перво священника, но глаголавый к Нему: Ты еси священник во век, по чину Мелхиседекову* (Евр. 5, 5–6). Итак, образом именуемого по отношению ко Христу звания может служить мудро сказанное Моисею: *и ты приведи к себе Аарона брата твоего и сыны его;* ибо *приведи* что иное обозначает,

как не сие: сродни и призови? Зван же как бы в первосвященника Христос волею Отца. А вместе с Ним некоторым образом званы и поставлены споспешниками в священнодействии и божественные ученики Его. Поэтому-то они и говорили весьма ясно: *Богу бо есмы споспешницы* (1 Кор. 3, 9; ср.: Рим. 16, 3). И они обошли всю подсолнечную, священнодействуя Евангелие Христово между язычниками: ибо они званы к Апостольству чрез Христа и о сем истинно слово; но дело это было вполне угодно и Отцу, потому что одно у них решение на все совершаемое, так как и совет, и мудрость, и хотение Отца есть Сын. Таким образом, Аарон был образом Христа и как бы предуказанием в тенях еще неясных священства, мыслимого в духе и истине. Заметь также, что Моисею повелевается привести Аарона к себе, ибо немощен как бы и несовершен закон, если он отрешается от Христа: *невозможно бо крови юнчей и козлей отпущати грехи* (Евр. 10, 4). Христос же *едину* о грешниках *принес жертву, совершил есть во веки освящаемых* (10, 12 и 14). Итак, пусть знают любители сени и письмени и крепко держащиеся заповедей Моисеевых, что если они не приведут к себе *святителя и посланника исповедания нашего Иисуса Христа* (Евр. 3, 1), то тщательность служения прообразовательного окончится для них ничем; ибо какая похвала жизни подзаконной может быть пред любодобродетельным Богом? Посему и премудрый Павел говорит, что мирское он *вменяет в уметы за превосходящее разумение Христа,* а предпочел ему духовное (Флп. 3, 8). И вот что разумеется в том, чтобы привести к себе Аарона.

П. Понимаю, что говоришь; ибо речь ясна.

К. Итак, *приведи к себе Аарона брата твоего;* так сказал Он, ведая, что и иным, как мне думается, образом это дело не может не послужить на пользу в смысле духовном; вникни в то, о чем я говорю. Посылаем был Моисей, чтобы освободить Израиля от угнетения в Египте. Затем, слишком преувеличивая силу человека и обращая внимание на то, что данное ему поручение выше меры присущей ему силы и красноречия, он неотступно умолял Бога, говоря: вот *недоброречив есмь прежде вчерашняго и третьяго дне, ниже отнеле же начал еси глаголати рабу Твоему: худогласен и козноязычен есмь аз* (Исх. 4, 10). Когда же Бог сказал на это: *кто даде уста*

человеку? Кто сотвори нема и глуха, видяща и слепа? Не Аз ли Господь Бог? И ныне иди, и Аз отверзу уста твоя (4, 11–12), – то Моисей, подавляемый величием обязанностей, снова начал страшиться и говорил: *молюся, Господи: избери могуща иного, его же послеши* (4, 13). Тогда Господь тотчас же избирает Аарона во образ умеющего все легко делать Христа. И иначе не был бы искуплен Израиль, если бы споспешником худогласию и немощи Моисея как бы в образе Аарона не был дан Христос. Так должен ты разуметь это место Писания: ибо усовершая немощное закона во Христе, Бог привел к священству Аарона и с пользою присоединил его к блаженному Моисею; потому что закон не был бы достаточен ни для искупления, ни для того, чтобы искупленных сделать совершенными к освящению. А искупление и освящение есть Христос, при содействии святых мужей, как, несомненно, и Аарону тогда в Египте содействовал Моисей, а после тому же Аарону – сыны его. Архиерею же всех и вождю Христу мысленно содействовали Божественные ученики, сопутствуя могущему все совершать и не как изнемогающему, но как призванные к служению и избранные по преимуществу и от Него приобретая благоукрепление во всем. Это засвидетельствует и божественный Павел, говорящий: *вся могу о укрепляющем мя Христе* (Флп. 4, 13).

П. Итак, избраны и поименно званы к священнодействию Аарон и прочие.

К. Кроме того Бог законополагал и то, чтобы изготовить им светлые и священнолепные одежды, говоря: *и да сотвориши ризу святу Аарону брату твоему в честь и славу. И ты возглаголи ко всем премудрым умом, ихже наполних духа смышления: и да сотворят ризу святу Аарону, в ней же имать священнодействовати Мне во святилищи* (Исх. 28, 2–3). Так премудрый Павел оправданным верою советует облекаться в истинно святую и небесную одежду, когда пишет: *облецытеся Господем нашим Иисус Христом* (Рим. 13, 14). Это же предвозвещал и пророк Исаия, говоря как бы от лица Церкви: *да возрадуется душа моя о Господе: облече бо мя в ризу спасения и одежду веселия* (Ис. 61, 10). Итак, одеянием в честь и славу для истинно священного и святого рода является Христос – светлое и премирное украшение душам святых: *елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся,* сказано (Гал. 3, 27), и истинно слово. Закон, далее, как

бы в тенях украшает Аарона, вознося ко Христу славу его разноцветного одеяния, ибо едва не сотканным вместе с искусственным устроением их оказывается таинственный и точный смысл, загадочно показывающий славу Спасителя. Смотри, как искусностроители одеяний исполнены были, сказано, разума от Бога, приводящего к устроению красивого и разноцветного и в одеждах начертывающего славу Христа. Наперсник и парамник, подир и хитон стяжной, кидар и пояс — все это искусно устроенное, и кроме того другое, о чем сказано будет нами насколько возможно и в подробности. О том же, что должно было взять на эти дела. Он сказал: *и сии да возмут злато и синету, и багряницу, и виссон* (Исх. 28, 5). И опять, направивши всю остроту ума на предложенное, прежде всего обрати внимание вот на что.

П. Что такое ты разумеешь?

К. Не из золота ли и виссона, равно как и из пурпуровой и червленой крученой материи сделано было все в скинии и не было ли это образом Христа?

П. Так.

К. Заметь же, что из той же материи устроена была одежда и первенствующего в священстве, заключая в себе опять как бы в образе и предначертаниях славу Христа: ибо и те же слова и не иной разум означают красоту Христа. В золоте Он познается как Бог; в пурпуре — как имеющий царское достоинство; в тонком виссоне — как Слово, тонкое и бестелесное; в червленице — как явившееся во плоти; в материи голубого цвета, воздуховидной — ибо таков цвет этой материи, — как явившееся свыше и с неба, потому что разве родившееся от Бога Отца Слово не есть вместе и Бог и Царь?

П. Как же нет?

К. И разве, будучи Словом Отца тонким и бестелесным, Оно не явилось во плоти и не есть свыше?

П. Правда.

К. Итак, и для утонченного созерцания материи одеяний суть те же самые и одинаковы с теми, из коих устроены были покровы и для святой скинии. Но довольно об этом; время уже говорить о разноцветно вытканном в честь и славу Аарону. *И да сотворят,* — сказано, — *ризу верхнюю от виссона сканаго, дело тканно пестрящаго. Две ризы верхния да будут ему придержащеся едина друзей, на обе стране связа-*

ныя. И ткание риз верхних, еже есть на них, по сотворению их да будет от злата (чиста), и синеты, и багряницы, и червленицы пряденыя, и виссона сканаго (Исх. 28, 6–8). Назначив для тканей прежде упомянутую материю, тотчас присовокупляет: *и возмеши два каменя, камене смарагда, и изваяеши на них имена сынов Израилевых: шесть имен на камени едином, и шесть имен прочиих на камени другом, по родом их, дело каменныя хитрости: ваянием печати изваяеши оба каменя имены сынов Израилевых. И положиши оба каменя на раменах верхния ризы: камени в память суть сынов Израилевых* (28, 9–12).

П. Глубокий, как кажется, смысл в этих предписаниях, но ты прежде попытайся сказать то, что это за вещь по названию нарамник (верхняя риза) или какой образ устройства имела она?

К. Бог постановил, чтобы было нечто сотканное наподобие хитона и доходило до персей; будучи надето поверх самых нижних одежд, прилегающих к телу и простирающихся до ног, сияя блеском от золота и пурпура, оно представляло очам зрителей величественное и священнолепное диво. Он назвал это нарамником потому, думаю, что это была короткая одежда и едва распростиралась на оба рамена. На этом нарамнике Он ясно повелел укрепить два камня — то были смарагды, — весьма хорошо стянутые тонкими нитями, причем на них должны были быть весьма искусно вырезаны поименно колена Израилевы так, чтобы на каждом камне было написано по шести колен. А какой смысл сего, это Он Сам разъяснил нам, говоря: *и воздвигнет Аарон имена сынов Израилевых пред Господем на оба рамена своя, в память о них* (28, 12).

П. Но что мы должны разуметь под камнями и под тем, что было вырезано на них?

К. Слушай. Камень смарагд бледного цвета, но в глубине его погружено нечто лучевидное и как бы с мраком смешан свет, причем и тот и другой стремятся удержать за собою победу. Так, Палладий, и телесное око наше, смотря вверх и на высоту и простираясь до глубины к эфиру и небу, не встречается ли с некоторым таковым же зрелищем? Ибо и высочайший эфир бледного цвета и в глубине своей как бы мрачен и смешан с умеренным светом.

П. Так.

К. Итак, камень этот Священное Писание делает образом неба. Но не удивляйся, если оно еще и сапфиру уподобляет его: ибо сапфир также бледного цвета и по виду не далек от смарагда. Написано же так в книге Исход: *и взыде Моисей и Аарон, и Надав, и Авиуд, и седмьдесят от старец Израилевых. И видеша место, идеже стояше Бог Израилев: и под ногама Его яко дело камене сапфира, и яко видение тверди небесныя чистотою* (Исх. 24, 9–10). Поелику бывшие в Египте израильтяне послужили твари и богом называли небо, то с пользою явился им Бог всяческих, и притом шествуя по самой тверди, дабы они ведали, что все имеет Он под ногами Своими и что он есть Владыка самых небес как Зиждитель. Разумеешь ли теперь, что Священное Писание делает бледнеющийся умеренным светом камень как бы каким образом и отображением неба, так как оно по природе своей светло-сине.

П. Превосходно сказал ты.

К. Итак, знамением неба служит смарагд, имея написанным на себе Израиля по коленам, и получив место на нарамнике, чрез что можно разуметь, что написанные на небесах во всяком случае и вполне успокоятся во Христе, едва не на раменах имеющем и вместо детей считающем добрых. Нечто таковое сказал и божественный Моисей, украшая Израиля покровением Божиим: *яко орел покры гнездо свое, и на птенцы своя возжеле: простер криле своя, прият их, и подъят их на раму своею* (Втор. 32, 11). Но и Давид негде воспевает всякому святому и живущему в помощи Вышнего: *плещма своима осенит тя,* – говорит он (Пс. 90, 4). Плещами, как я думаю, он означает подшейные части и рамена, а отнюдь не всю спину. Таким образом на раменах подняты будут, по слову пророка, и взяты на мышцу, подобно древнему Ефрему (Ос. 11, 3), написанные на небесах в записи, которую славною, досточудною и превышающею красотою своею все Божественные дарования и Сам Спаситель явил святым ученикам Своим, так говоря: *о сем не радуйтеся, яко* бесы *вам повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10, 20). И пусть эта запись на камнях будет, сказано, *в память сыном Израилевым пред Господем,* как будто бы взирающим на них в лице Аарона: и нас приемлет

Бог и Отец в воспоминание в лице Христа, и в Нем мы соделались знаемыми Богу, достойными призора Его и как бы вписанными в книге Божией.

П. Правильно ты сказал.

К. К этому повелевает присоединить и другое украшение, говоря: *и да сотвориши щитцы от злата чиста, и да сотвориши две тресновицы от злата чиста, смешены цветами, дело плетения и возложиши тресновицы сплетенья на щитцы и нарамники их сопреди. И да сотвориши слово судное, дело пестрящаго по составу ризы верхния, да сотвориши сие от злата и синеты, и багряницы, и червленицы пряденья, и виссона сканаго. Сотвориши е четвероуголно: да будет сугубо, пяди долгота, и пяди широта. И нашиеши на нем швение каменное в четыри ряда* (Исх. 28, 13–17). Затем, расположивши в порядке имена самих камней, прибавляет еще: *и камение да будут от имен двунадесяти сынов Израилевых, по именам их, изваяни печатми, коегождо по именам их да будут в дванадесять племен* (28, 21). И немного спустя потом: *и да возмет,* — сказано,— *Аарон имена сынов Израилевых на слове суднем на персех, входящ во святое на память пред* Господом *Богом* (28, 29).

П. Как темен этот предмет — слово (судное); мне совершенно неудобопонятным кажется и образ его устройства.

К. Посему должно приступить к объяснению этого и как можно ближе к истине, хотя вполне достигнуть ее, быть может, нам и не дозволит трудность предмета: видеть очень неясное, хотя бы и как в зеркале, я полагаю, лучше обратного, разумею то, чтобы совсем не понимать его. Итак, я скажу, насколько могу и имею смысла. Два щитка Он повелел сделать из чистого золота, более широких, чем окружность монеты, но одинакового с нею вида, так как монета имеет круглую форму. Затем *две тресновицы смешены цветами* из чистого золота: тресновицы же, полагаем, были цепочки, имевшие вид испещренный красками, ибо цветами он назвал краски. Это были: виссон, пурпур, золотые нити, голубой цвет и червленое кручение. И кроме того сотканное, говорит, должно быть четырехугольно, наподобие куба, в одну пядь и с равными отовсюду сторонами. На него должно было нашить, благоразумно сказано, двенадцать камней, расположенных по три в ряд, так чтобы во всех четырех рядах на них (камнях) были вырезаны поимен-

но все колена (Израильские). Итак, свешиваясь с нарамника на золотых и разноцветных цепочках, щитки были слегка приподняты, так что казалось, что они находятся несколько выше — на самых раменах; но они касались персей и свешивались до самых сосцов; а со щитков слово судное, иными цепочками очень хорошо прикрепленное, висело на персях, причем цепочки свешивались вниз. И дивна была для зрителей эта вещь, сиявшая камнями и золотом и превосходно отделанная прекрасными цветами других материалов. И это, сказано, *да будет в память сыном Израилевым пред Господем,* когда Аарон входит во Святое. Не ясен ли для тебя наконец, насколько то возможно, образ этих искусных изделий?

П. Даже очень. Но почему этому изделию дано название: слово судное?

К. Не сказали ли мы раньше, основываясь на словопроизводстве, что нарамник назван так потому, что он возлагался на оба рамена?

П. Да. Так что же из этого?

К. То, что и слово судное названо так по словопроизводству и по соответствию с тем, что заключено в сердце и утробе; потому что сердце и утроба служат как бы жилищем нашей разумной способности, а в разумной способности нашей как бы утвержден и естественно водружен правый о каждом из действий и безукоризненный суд, то есть правосудие и то, что каждому приличествует. Разве разумная способность наша не взвешивает природу действий и не отделяет неприятное и бесполезное от превосходнейшего?

П. Конечно так.

К. И богодухновенное Писание имеет обыкновение именовать справедливость и правосудие судом. Так божественный Давид воспевает: *блажени хранящии суд, и творящии правду во всякое время* (Пс. 105, 3). И еще сказал он: *и честь царева суд любит* (Пс. 98, 4): ибо прекрасна честь и слава царя, если он любит правду. Итак, возлагавшееся на сердце и перси слово судное названо так потому, что оно лежало на месте разумной способности, в которой заключается справедливость с правдою. В нем же самом находились оправленные в золото двенадцать камней, имевших написание колен: они могут служить образом святых мужей, которые славны и честны и как бы какие камни избранные едва

не заключаются в уме и сердце Христа. И они истинно достойны памяти по причине славы в добродетели и достоинства в освящении. Со слова судного свешивались и цепочки золотые, каковое обстоятельство, думаю, указывает на то, что от сонма святых как бы представляется свешивающейся длинная и неисчислимая вереница доблестных подвигов. Так и блаженный Давид говорит, что украшение Церкви заключается также в *ряснах* (цепочках) (Пс. 44, 14).

П. Толкование вероятно.

К. От слова судного тянулась вверх, как мы говорили, продетая сквозь золотые кольца разноцветная и красивая цепь и, проходя чрез оба щитка, достигала до самой вершины нарамника, на котором были камни с надписями. А что означает и это, разве не достойно рассмотрения? Мне кажется, эта загадка означает опять нечто таковое: честные, подобно камням, и пребывающие в разуме и памятовании Христа, востекая к написанию на небе, приобретают сие *оружии правды десными и шуими,* как пишет ясно божественный Павел (2 Кор. 6, 7). Равно также и в другом месте говорит: *облецытеся во вся оружия Божия* (Еф. 6, 11). Золотые оружия царя; золотые также и щитки, и прикровенно они указывают на всеоружие Божие. Итак, мы не иначе будем в памяти и записи Божией, как взявшись за оружия правды и с ними деятельно шествуя. А что слово судное прикасалось к нарамнику, это, я думаю, может указывать на то, что земное соприкасается с небесным, при посредничестве Христа; *той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино,* по Писаниям (Еф 2, 14), и союзом любви связавший человеческое с сонмом святых Ангелов. Должно знать также, что и блаженный Иезекииль говорит, что князь Тирский надевал на себя всякого рода драгоценные камни, и потом перечисляет те самые, которые, по словам божественного Моисея, были положены в слове судном. Это были: рубин (*сардий*), топаз, изумруд (*смарагд*), карбункул (*анфракс*), сапфир, яспис, яхонт (*лигирий*), агат, аметист, хрисолит, алмаз (*вириллий*), оникс (сн. Исх. 28, 17–20 и Иез. 28, 13). Их по три в целых четырех рядах, каковое расположение сеннописует нам твердость в вере тех, кои пребывают в сердце и памяти Христа. символом веры служит расположение их по три и как бы в Троице, а твердости – в четырехугольной и равносторонней фигуре. Так сде-

лано было слово судное, на котором находились и те двенадцать камней.

П. Соглашаюсь.

К. Кроме того к двенадцати камням повелевает присоединить и еще нечто другое, говоря: *и да возложиши на слово судное явление и истину: и да будет на персех Аарону, егда внидет в святое пред Господа: и да носит Аарон суды сынов Израилевых на персех перед Господем всегда* (Исх. 28, 30). Итак, он именует это явлением и истиною, но не обозначил ясно — были ли это камни или же повелел Он сделать на малой дощечке такое написание. Воспомяну также пророка, говорящего: *зане дни многи сядут сынове Израилевы, не сущу царю, ни князю, ни сущей жертве, ни сущу жертвеннику, ни жречеству, ниже явлениям* (Ос. 3, 4). Но были ли и это камни или же имена были написаны на золотой дощечке, о сем не очень будет расследовать наше слово; мы будем знать только то, что все это возложено было во образ Христа, соприсутствующего святым; ибо Он говорит: *с вами есмь во вся дни и до скончания века* (Мф. 28, 20). Истина же и явление есть Христос, потому что в Нем мы познали Отца и Он явил нам волю Его *благую, совершенную* и благоугодную, по Писаниям (Рим. 12, 2); ибо сказал негде: *не ктому вас глаголю рабы: вы друзи Мои есте, яко вся, яже слышах от Отца Моего,* Я возвестил *вам* (Ин. 15, 14–15). И в другом смысле Еммануил есть истина, потому что только Он один есть Сын по естеству, Бог от Бога, един Свят, един Господь; тварь же по причастию и подражанию есть то, чем мыслится Он. Итак, соприсутствует святым Христос, подразумеваемый в явлении и истине, и Он же вносит нужды наши пред лицо Отца, *всегда жив сый, во еже ходатайствовати* о нас (Евр. 7, 25). Это, я думаю, означают слова: *и да носит Аарон суды сынов Израилевых на персех* своих *пред Господем всегда* (Исх. 28, 30).

П. Правда.

К. И еще повелевает приготовить некоторое священнолепное и досточудное одеяние, говоря: *и да сотвориши ризу внутреннюю подир всю синю. И да будет устие*[1] *посреде его, ожерелие имущо кругом устия делом тканым*[2]*, сгиб сошвен от него, да не раздерется. И да сотвориши на омете*

---

[1] Отверстие для головы

[2] Обшивка тканая

ризнем снизу, аки шипка цветущаго, пуговицы[1] *из синеты, и багряницы, и червленицы пряденыя, и виссона сканаго, на омете ризы кругом: в той же образ пуговицы златы и звонцы между сими окрест. При пуговице злат звонец, и цвет на омете ризнем, кругом. И да будет Аарону, егда служит, слышан глас его, входящу во святое пред Господа, и исходящу, да не умрет* (Исх. 28, 31–35). Итак, внутреннею ризою и подиром ясно называет длинный хитон, очень удобный для одеяния и от самой шеи доходивший до оконечностей ног; синего цвета, потому что служит образом нетления небесного, то есть Христа. О таковом и божественный Давид предвозвестил, говоря как бы от лица Бога о священнодействующих в церквах: *священники его облеку во спасение* (Пс. 131, 16); *облецытеся Господем нашим Иисус Христом*, – пишет нам в Послании и премудрый Павел (Рим. 13, 14). И это, я думаю, есть наше жилище небесное, которым мы желаем облечься: одежда веселия, риза спасения, по слову пророка (Ис. 61, 10). Синий цвет есть образ неба, как о том ясно было сказано. Истинно слово это и по отношению к нам, ибо мы облечены нетлением свыше. Если же разуметь и Самого Христа, как имеющего в образе Аарона ризу внутреннюю подир, тем не менее слово это истинно; ибо Единородный, будучи Богом по естеству, соделывает свое тело нетленным и, облекши его вышнею жизнью, поставил выше всякого преобладания смерти. А что во Христе нетление и жизнь пребывает по естеству и вместе по причастию, это ты уразумеешь из следующего. Он сказал, будучи и по естеству Бог: *Аз есмь воскрешение и живот* (Ин. 11, 25); оживотворяемый же по человеческому естеству, Он говорит: *яко же бо Отец имать живот в Себе, тако даде и Сынови живот имети в Себе* (5, 26). Итак, если будем разуметь и Самого Христа, о Котором сказано, что Он облечен нетлением свыше, то и в этом случае наша речь не уклонилась бы от надлежащего смысла. К нижним, далее, частям прилегали яблоки и звонки попеременно: яблоки – сотканные, а звонки – золотые, чтобы они были на самом деле звонками, а также чтобы, когда Аарон входил в Святая Святых, делали весьма заметным вхождение. И это служит образом спасительного и

---

[1] Гранатные яблоки с листьями.

премудрого домостроительства, то есть Божественной и евангельской проповеди, оглашающей, можно сказать, всякий город с тех пор, как ради нас *вниде во Святая* Святых, *вечное искупление обретый,* великий наш Архиерей, непорочная Жертва (Евр. 9, 12); *единем бо приношением совершил есть во веки освящаемых* (10, 14). При этом ясным указанием спасительной проповеди служат из золота сделанные звонки, а городов – яблоки.

П. Каким образом?

К. Как город совне окружен одной стеной, а внутри себя содержит бесчисленные жилища; таким же точно образом, думаю, и вещество гранатного яблока совне окружено одной оболочкой, а внутри зерна отделяются друг от друга как бы стенками, тонкими тканями и едва не собраны по жилищам. Разве это не так?

П. Соглашаюсь.

К. Звонок был при каждом яблоке: в каждом городе есть учитель, который громким и благозвучным возглашением Божественных догматов делает для всех явным вхождение Спасителя нашего во Святая Святых. Даже и страх смерти угрожал назначенным священнодействовать во святой скинии, хотя бы то Аарону, если бы шум звонцов не довольно громко раздавался вокруг: молчание есть опасное дело для учителей; и это ясно сказал Павел: *горе мне есть, аще не благовествую* (1 Кор. 9, 16).

П. Кажется, так; ибо ты указываешь очень правильно.

К. Кроме того, *да сотвориши,* – сказано, – *дщицу злату чисту: и изобразиши на ней образ печати, святыня* Господу. *И да возложиши ю на синету скануюи да будет на увясле*[1], *спреди увясла да будет. И да будет на челе Аарона, и отымет Аарон согрешения святых, елика освятят сынове Израилевы от всякаго даяния святых своих, и да будет на челе Аарона всегда приято ими пред Господем* (Исх. 28, 36–38). Итак, из материи синего цвета – головная повязка *(увясло),* а дщица – золотая; вырезанная же на ней надпись – это таинство Христа и ясное предвозвещение послания Его в этот мир. Ибо *святыня*, сказано, Господу; но разве не ясно сказал Еммануил о Самом Себе, что Он освящен от Бога и Отца?

[1] На кидаре, головном украшении первосвященника.

П. Да, потому что я помню Его слова к иудеям: *аще оных рече богов, к нимже слово Божие бысть, и не может разоритися Писание: Его же Отец святи и посла в мир, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рех: Сын Божий есмь* (Ин. 10, 35–36).

К. Когда Сын говорит о Себе Самом, что Он освящен от Бога и Отца, то указывает этим на то, что Он как бы предызбран и послан. *Святыня Господня,* сказано, то есть назначение и послание в этот мир; но только для царства и славы. Ибо так Бог совершает Аарона, возлагая на его чело золотую дщицу. Христос же есть Господь всяческих и Царь по естеству и вместе по причастию; ибо, будучи по естеству Богом, Он *Себе умалил,* снисшедши до *зрака раба* (Флп. 2, 7). И приемлет царство, как то прилично человеческому образу, хотя и от начала был соседящим Богу и Отцу на небе, соправителем над всем и совладыкою. Разумей же, каким образом головная повязка его (Аарона) была из материи синего цвета, имея блестящий знак царства, то есть золотую дщицу. Синий цвет знаменует небо; и припомни слова Христа: *Царство Мое несть от мира сего* (Ин. 18, 36); ибо Христос не есть земной царь, а небесный, имеющий всю тварь под ногами Своими. Присоединивши же слова: *и отымет Аарон согрешения святых, елика освятят от всякаго даяния святых своих,* Писание ясно указывает на то, что всякое *приведение* (Еф. 2, 18) и совершение – во Христе и что всякое оправдание – в Нем и чрез Него и отложение прежних прегрешений; ибо Сам Он подъемлет грехи наши и чрез Него мы соделываемся приятными, принося Богу и Отцу дароприношения духовные.

П. Хорошо сказал ты.

К. Очень ясно указывая на то, что Царство Спасителя нашего неотъемлемо и постоянно и простирается в бесконечные веки, Писание говорит о дщице на головной повязке: *и да будет на челе Аарона всегда.* Где же после того должна найти себе убежище дерзкая и безумная речь нечестивых еретиков, пустословящих, что прекратится некогда держава Христова и что предаст Царство Богу и Отцу (1 Кор. 15, 24) Еммануил, удалившись от престола Божества? И такими-то ужасными и вместе пустыми учениями похваляются люди, которым справедливо можно сказать: *прельщаетеся не веду ще Писания* (Мф. 22, 29). И вот, когда Бог и Отец ясно и

очевидно украшает Аарона славою и честию непрестанною и знаками царского достоинства, они развенчивают и едва не похищают насильно приличествующее челу его священное головное украшение.

П. Правда.

К. И клобук, — сказано, — *и пояс виссонный да сотвориши* (Исх. 28, 39). Воинский вид Аарону придавали пояс и шлем; ибо такой вид имел кидар. И за нас Христос *ратовал рукою тайною,* по Писанию (Исх. 17, 16), и *лук свой напряже, и уготова и: стрелы своя сгараемым содела* (Пс. 7, 13 и 14) и низринул начала, восторжествовал над силами, потряс господства и освободил плененных на земле. А что не видимая и не чувственная была у Него брань и не с кровию и плотию, на это, кажется, прикровенно указывает то, что воинские доспехи — кидар (клобук) и пояс, — были сделаны из одного очень тонкого виссона. Так чрез священнолепное украшение Бог являет Аарона славным и досточудным. Присоединяет к сему и еще повеление, говоря: *и сыном Аароновым да сотвориши ризы, и поясы, и клобуки да сотвориши им в честь и славу. И облечеши в ня Аарона брата твоего, и сыны его с ним: и да помажеши их, и исполниши руце их, и освятиши их, да Ми священнодействуют. И да сотвориши им надраги*[1] *льняны, покрывати стыдения плоти их, от бедр даже до стегн будут. И да имать Аарон* (сие) *и сынове его, егда входят в скинию свидения, или егда приходят служити к жертвеннику святыни: и да не наведут на ся греха, да не умрут: законное, вечное (да будет) ему, и семени его по нем* (Исх. 28, 40–43). Видишь, что и потомкам Аарона приличествует являться как бы в воинском виде; ибо весь священный род есть воинствующий, и не с кровию и плотию должен воевать и состязаться, но полагать преграды нечистому греху, вполне открыто и словесно ратуя за истинные учения и *пленяя всяк разум в послушание Христово,* как написано (2 Кор. 10, 5). Была, далее, у них нижняя одежда (*надраги*) льняная, весьма хорошо прикрывавшая безобразие и срамоту околобедренных частей: ибо все у святых честно и ничего нет в них срамного; льняное же, возложенное на околобедренные части тела, означает как бы то, что святым всего

---

[1] Нижняя одежда.

более приличествует охлаждение удовольствий плоти, потому что льняное прохладительно; а горячность в гнуснейших вожделениях чужда всякому святому. И по другой причине у получивших жребий священства облачения и нижние одежды делаются из льна: им необходимо удаляться от мертвых дел, образом же мертвости служит взятое как бы от мертвечины, то есть от овцы. Итак, на отложение мертвых дел, опять как бы в прообразе, указывает облачение в льняные, а не в шерстяные одежды: и это — святой закон всегдашний. А что во всяком случае и непременно последует смерть за небрежение о надлежащем и о наиболее приличествующем им (священникам) благоукрашении, на это Он ясно указал в словах, что священнодействовать они должны, нося эти одежды: *и да не наведут,* — сказано, — *на ся греха, да не умрут.*

П. Предусмотрителен закон, весьма хорошо показывающий каждому полезное и для каждого приводящий в ясность то, посредством чего он может сделаться наилучшим.

К. Так. Таковым облачением украшая священный и избранный род, Бог и иным образом освящает его, как бы в сени, однако же в Христе; ибо написано: *и сия суть, яже сотвориши им: освятиши я, яко священнодействовати им Мне. Да возмеши телца единаго от говяд, и овна два непорочна, и хлебы пресны смешены с елеем и опресноки помазаны елеем: из муки пшеничны сотвориши я. И да возложиши я в кош един, и принесеши я в коши, и телца и два овна. И Аарона и сыны его приведеши пред двери скинии свидения, и измыеши я водою. И взем ризы святыя, облечеши Аарона, брата твоего, и в хитон подир, и в ризу верхнюю, и в слово*[1]*: и совокупиши ему слово к нарамнику. И возложиши на главу его клобук, и возложиши дщицу освящение на увясло. И да возмеши от елея помазания, и да возлиеши и на главу его, и помажеши его. И сыны его приведеши, и облечеши я в ризы: и опояшеши я поясы, и возложиши на них клобуки, и будет ими священство Мне во веки: и совершиши Аарону руце его, и руце сынов его* (Исх. 29, 1–9). Итак, повелел принести в жертву тельца и двух овнов, опресноки и хлебы в корзине (*коши*); но предочищает их и иначе, делая это, как думаю, образом истинного освящения: ибо, омыв Аарона во-

[1] То есть слово *судное*, о котором см. выше [с. 494 и далее]

дою, облекает его в святую одежду. И мы, только омывшись святым крещением и отершись от всякого вида нечистоты, обогащаемся благодатию свыше и с неба, приемля одежду веселия, по сказанному: *облецытеся Господем нашим Иисус Христом* (Рим. 13, 14). Предыдущее рассуждение показало нам, что Христос многообразно был предызображен в украшении Аароновом. Теперь же елеем святым намащивает главу Аарона, как и Давид воспевает в одном месте· *умастил еси елеом главу мою* (Пс. 22, 5); где елей означает радость в надежде, возвещаемую гласом святых, или радостотворное посещение свыше: ибо мы, уверовавшие, помилованы и благословены Господом, утучняя ум подаянием Духа; образом же ума служит голова. Равным сему образом освящаемы были и священники, водою омываемые и елеем помазуемые, будучи облечены в священное одеяние, имея совершенными и руки, чтобы явиться способными к чистому и непорочному совершению жертв. Так и мы предосвящены и украшены благодатью свыше и помазаны к совершенству духовному, так что уже с дерзновением и, так сказать, чистыми и всесвятыми руками приносим Богу дароприношения, очевидно духовные. И это, думаю, означает воспеваемое блаженным Давидом о всяком восходящем на гору Господню: *неповинен рукама и чист сердцем* (Пс 23, 4).

П. Кажется, так.

К. А каким образом надлежало совершать жертвы за священников, это Он определил законом, говоря: *И да приведеши телца пред двери скинии свидения, и возложат Аарон и сынове его руце свои на главу телца пред Господем у дверей скинии свидения. И да заколеши телца пред Господем у дверей скинии свидения: и да возмеши от крове телчи, и помажеши на двух рогах олтаревых перстом твоим: останок же весь крове пролиеши у стояла олтарнаго. И да возмеши весь тук иже на утробе, и препонку* на *печени, и обе почки, и тук иже на них, и возложиши на олтарь. Мяса же телча, и кожу, и мотыла да сожжеши огнем вне полка: за грех бо есть. И овна да поймеши единаго, и да возложат Аарон и сынове его руки своя на главу овню. И заколеши его, и взем кровь пролиеши у олтаря окрест. И овна да разсечеши на уды, и измыеши внутренняя, и ноги в воде, и возложиши на разсеченныя части со главою. И вознесеши всего овна на олтарь, всесожжение Господу в воню*

благоухания: жертва Господу есть. И да поймеши овна втораго, и возложит Аарон и сынове его руки своя на главу овню. И заколеши его, и возмеши от крове его, и возложиши на край ушесе Ароня деснаго, и на край руки десныя, и на край ноги десныя, и на край ушес сынов его десных, и на край рук их десных, и на край ног их десных. И да возмеши от крове, яже на олтари, и от елея помазания, и да воскропиши на Аарона и на ризу его, и на ризы сынов его с ним: и освятится сам и риза его, и сыны его, и ризы сынов его: кровь же овню да пролиеши у олтаря окрест. И да возмеши от овна тук его, и тук покрывающий утробу, и препонку печени, и обе почки, и тук, иже на них, и рамо десное: есть бо совершение сие. И хлеб един с елеем, и опреснок един от коша опресноков, предложенных пред Господем: и возложиши вся на руки Аарони, и на руки сынов его, и отделиши я отделение пред Господем: и да возмеши я от рук их, и вознесеши на олтарь всесожжения в воню благоухания пред Господем: приношение есть Господу. И да возмеши грудь от овна совершения, яже есть Аарону, и отделиши ю отделение пред Господем, и будет тебе в часть. И освятиши грудь отделение, и рамо отлучения, еже отделися, и еже отъяся от овна совершения от Аарона и сынов его, и будет Аарону и сыном его законно вечно от сынов Израилевых от жертв спасительных сынов Израилевых, отделение Господу (Исх. 29, 10–28). И чрез несколько слов затем: *и овна совершения да возмеши, и испечеши мяса на месте святе. И да ядят Аарон и сынове его мяса овня, и хлебы, яже в коши, у дверей скинии свидения да ядят сия, имиже освятишася в них, совершити руки своя освятити я: и иноплеменник да не снест от них, суть бо свята. Аще же останется от мяс жертвы совершения и от хлебов до утрия, да сожжеши останки огнем: да не снедятся, освящение бо есть* (29, 31–34).

П. Как глубоко содержание этих повелений закона!

К. Да, очень глубоко: ты сказал правильно. Впрочем, не совсем темно, если Дух Святой осияет нас Божественным светом. Изъясним же опять, насколько возможно, каждое в отдельности. Бесчисленными способами освящает нас Господь наш Иисус Христос и делает священными и благоприятными (Богу): *ибо Тем* и в Нем *имамы приведение* (Еф. 2, 18) и бываем вожделенными Богу и Отцу. Весьма полезна и необходима для спасения нам, подвергшимся тлению и греху,

смерть Его, равно как и жизнь, и кроме того совершение чрез Тел и Кровь Его: ибо во Христе, а не в законе — совершенство (ср. Евр. 10, 1 и 14).

П. Ты хорошо сказал.

К. Итак, усматривай как бы в прообразах то, посредством чего мы благоуспешно спасены и освящены и соделались священными и святыми во Христе. Телец от волов приводим был для жертвы и закалается пред самыми дверями святой скинии, с возложением на него рук; кровь же его изливалась у жертвенника с помазанием рогов его, а внутренности его воскуряются вместо благовоннейших курений. Остальное же тело сожигается вынесенное вне стана. И телец есть Христос, как находящийся и вне ярма, и под ярмом; ибо, будучи по естеству Бог, Он был под законом по человечеству; потому что малый телец, непривычный к ярму, по природе своей разве не способен быть под ярмом?

П. Это так.

К. Таким образом Христос смотрительно был назван тельцом, дабы в одном и том же разумелось нами как необычайность рабства для Божества Слова, так и явление по человечеству в естестве, которое было под игом. Закалается же Он как бы за святую скинию и за возложивших на Него руки (это были левиты и священники): ибо Он умер за Церковь и за посвященных Ему чрез веру. А что священна и как бы в образе жертвы благоприятна Богу и Отцу смерть Еммануила, это ты можешь уразуметь из пролития крови у святого алтаря и помазания его, из воскурения внутренностей, которые могут служить и образом внутри и в уме находящихся добродетелей, которым присуще духовное благовоние, и не в одном каком-либо виде, поелику внутренностей много: тук, почка и сальник (*препонка*) печени. Остающиеся затем части тела сжигаются вне стана, ибо *вне врат пострадал* Христос: так пишет Павел (Евр. 13, 12; ср. 11). Истребление же тела огнем тонко указывает на то, что Его страдание и смерть отнюдь не к бесславию послужат Ему, но окончатся светлой и всем явной славой; ибо под видом огня разумеется Божество: так сходило Оно и на гору Синай (Исх. 19, 18). Намереваясь разрушить державу смерти, Христос смотрительно подвергся смерти, дабы прославиться пред нами, как Богу. Таким образом смерть переходит в боголепную славу, имея концом

своим светлое воскресение; и уничижение в страдании, побеждаемое высшим прославлением, обращается в ничто. Это-то, я думаю, и есть в прикровенном смысле истребление мертвого тельца огнем. Присоединивши же, что *грех есть,* Бог указал на то, что страдание Христово послужило к очищению греха: дело ясное.

П. Так точно.

К. Затем берется первый овен и закалается так же, как и телец: изливается опять и кровь у алтаря и возносится он, разрезаемый на части, по омовении внутренностей водою, вместе с головою и ногами, потому что *жертва есть.* И чрез это опять изображается нам Христос, Который в овне совершенном есть совершенный, имея святую жизнь: на это, думаю, указывает излияние крови у алтаря, ибо кровь есть образ жизни; и в воню благоухания возносится Он Богу и Отцу как за всех вместе, так и за каждого. Образом служит и то, что овен возносится на алтарь, и весь, и почленно. Также и мы — члены Христа в отдельности и все представляемые одним телом. Затем, что Он свят и священ весь и не имеет скверны нечистоты, на это весьма ясно указывает омовение внутренностей. Возносятся вместе и голова, и ноги, являя благоухание в освящении жизни Спасителя от начала и до конца; ибо у всякого животного голова есть начало, а прекращение как бы и конец всего тела — ноги. Но, может быть, лучше мыслить голову образом ума, а ноги — хождения, осуществляющегося в деятельности. Во Христе благоухают и достигают высшей степени чистоты все как мысли, так и деяния; *ибо Он греха не сотвори* (1 Пет. 2, 22). Поэтому-то и называет освящение овна всесожжением и жертвою, так как Он не отчасти только свят или священ. И не Ему, а скорее нам приличествует как немоществовать иногда, так и подвергаться грехопадениям; ибо никто *не чист* от грехов (Иов 14, 4) и *много согрешаем вси,* по написанному (Иак. 3, 2).

П. Но как можно думать, что и самая жизнь Христа была за нас?

К. Это ты узнаешь, и очень легко, поняв, что в Адаме мы соделались общниками преступления его и едва не подверглись наказанию за его прегрешения, так как на всех перешло проклятие, и гнев некоторым образом пожрал род его. Итак, снисшел до вочеловечения *и вселися в ны* (Ин. 1, 14) Едино-

родный и подчинил Себя Богу и Отцу, так как *послушлив был даже до смерти* (Флп. 2, 8), уничтожая вину неподчинения Адама, и принес Богу и Отцу благоухание послушания за всех вместе и за каждого: и Им мы спасены. Свидетель сего Павел, так написавший: *темже убо якоже единаго прегрешением во вся человеки (вниде) осуждение: такожде и единаго оправданием во вся человеки (вниде) оправдание жизни. Яко же бо ослушанием единаго человека грешни быша мнози: сице и послушанием единаго человека праведни будут мнози* (Рим. 5, 18–19). Итак, понимаешь ли, что мы спасены, когда Христос умер за нас как бы в образе тельца, и что благоухает Богу и Отцу чрез подчинение Его и жизнь в освящении? Ибо кровь тельца изливалась у святого алтаря.

П. Понимаю, что говоришь.

К. Многообразно представляя Его нам, как бы в тенях, Бог говорит: *и возмеши овна втораго;* — и над ним совершается заклание подобно первому. Помазуется также Аарон, и сонм священников, ему подчиненных, освящается, с возложением крови на края правой руки и правого уха, а равно и ноги правой. Освящается также и одежда священников, окропленная кровью, а затем, по излиянии остатка ее к основанию алтаря, согласно изволению Божию, взимаются внутренности, а также пресный хлеб и один опреснок[1] — тот и другой намащенные елеем, — и приносят все это, положив на свои руки, Аарон и те, которые с ним, а принимает жертву Моисей. Кроме того, плечо и грудина, сказано, должны быть отделены для священника и лежать в числе отделяемых частей. Имя этой жертве — *овен совершения.* По сожжении внутренностей, остальное тело снедается с хлебами, а оставшееся затем до утра сжигается огнем: так говорит Священное Писание.

П. Как глубоко это слово!

К. Ты сказал правильно: очень глубоко, и заключает в себе таинство Христа; ибо Он соделался для нас *овном совершения,* являя нас совершенным и во всем, что есть наилучшего, и отличнейшими в добродетелях чрез освящение в Духе, и прежде всего иного влагая в нас слух, полный благословения, то есть послушный и благопокорливый и способный к принятию учений о Нем, но не терпящий пустых речей и гнусной необуздан-

[1] Лепешка из незаквашенного теста.

ности языка, которую обнаруживают некоторые воюющие на истину и восстающие на правое учение. Таков плод святого слуха. И божественный Иоанн говорит нам так: *братия, искушайте духи аще от Бога суть: всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа, от Бога несть, и всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа, от Бога есть* (1 Ин. 4, 1–3). Испытание же речей естественно производится не иначе, как посредством уха. Итак, святое ухо должно быть у заботящихся о точности и правости учения. Но это есть дар Христа, и дарование неба, и совершение святой крови: ибо приобретение нами всего превосходнейшего совершается в Нем и чрез Него. Посему и рука освящалась, как способная к деятельному труду, также и нога — ясный образ правости в хождении, так как нам должно прославляться святыми делами и правильно шествовать стезею, ведущею ко всему, что угодно Богу, согласно воспеваемому в Псалмах: *и возвратих нозе мои во свидения Твоя* (Пс. 118, 59), или в книге Притчей: *права течения твори твоими ногами, и пути твоя исправляй* (Притч. 4, 26; ср. Евр. 12, 13). Итак, пусть священный и избранный род приобретет святой слух и руки, а равно и ноги сейчас сказанным способом. Помазуются же все члены правой стороны и как бы в последней своей части, то есть на краях: *край,* — сказано, — *уха,* равно также и *ноги,* и *руки:* потому что всякое доброе деяние, думаю, благородно и право, не имеет ничего как бы левого в порочности и до краев доходит, то есть до целого или до конца: ибо посвященным Богу надлежит быть правыми в освящении и до конца в терпении: *начный,* — сказано, — *дело благо в вас да совершит* (Флп. 1, 6), и весьма неразумно возвращаться назад, как бы не решаясь довести до конца добро. Поелику же Моисей был образом Бога, то приносят жертву Аарон и те, которые с ним, а принимает он, чем Бог как бы указывает на то, что жертвы во Христе таким образом освященных Он примет едва не из рук в руки и не отвергнет дара, потому что он имеет в себе благоухание Христово. И это-то, думаю, означает возношение внутренностей, воскуряемых Ему. Священнику отделяется грудина и плечо от овна совершения. Плечо есть символ крепости, а грудина — сердца и разума[1]. Так и святому и священному роду дарован от Бога и Отца

[1] Νεφρῶν (почек) поставлено, вероятно, вместо: φρενῶν.

Христос, сила и премудрость. Разве не в Нем мы и мудры и весьма сильны?

П. Как же иначе? Ибо написано, что *Христос, Божия сила и Божия премудрость,* соделался для нас этим от Бога (1 Кор. 1, 24).

К. Далее, священною пищею для избранных к священнослужению были мяса; а даются они вместе с пресными хлебами, причем никто из иноплеменников не должен участвовать, или, если бы кто сделал это, должен умереть: ибо прилично священным душам причащаться святой пищи, то есть Тела Христова; и недоступно благословение для иноплеменных. Под иноплеменными же можно разуметь как еще не верующий и не крещенный род, так сверх того и совратившийся в иномысленный ум и несходный во мнениях со святыми и как бы отделенный (от них) нечестивостью учений. Далее, огнем истребляется всякий остаток жертвы, так как закон не дозволяет съедать это даже и на следующий день: ибо для нас, думаю, будет и некоторый другой способ освящения в будущем веке, совершаемый духовно, а уже не телесно, — так, как ведает все пересозидающий Бог, прелагающий во что хочет. В этом случае приведенные слова будут иметь не непонятный смысл: когда престанет в нас тление, после воскресения из мертвых, тогда не будет необходимо то, что прежде давало возможность избегать его[1]. Итак, должен быть предполагаем другой род освящения, приличествующий состоянию того времени, когда Христос будет с нами. Впрочем, сказав, что пришло нам на ум, уступим место тем, которые лучше нас разумеют это. И может быть на таковое нечто указывает божественный Павел, говоря: *егда же приидет совершенное, тогда еже от части, упразднится* (1 Кор. 13, 10), то есть будет иметь конец и престанет.

П. Кажется, так.

К. Итак, это, сказал Бог, должно быть совершаемо при посвящении священников. Когда же священники израилевы собраны были и созваны в собрание, то Он повелел сделать в слух всех объявление, говоря: *поими Аарона и сынов его, и елей помазания, и телца иже за грех, и два овна, и*

---

[1] То есть пища и питие, которыми поддерживается жизнь и предотвращается (хотя на время) смерть и тление.

кошницу опресноков. И весь сонм собери пред двери скинии свидения... И рече Моисей к сонму[1]*: сие есть слово, еже завеща Господь сотворити.* И облекает Моисей Аарона и священников украшением, кропит елеем помазания *на олтарь седмижды* и на *вся сосуды его,* и на *умывалницу,* — сказано, — *и скинию,* и все, что в ней, и *освяти* их (Лев. 8, 1–11): ибо свята скиния, но алтарь в совершеннейшей мере преизобилует освящением чрез Духа, хотя и не как причастный чину разумных существ, ибо не так свят, как, например, естество ангела или душа человека, но, так сказать, вследствие прикосновения к возлагаемой на него жертве; потому что свято и место, на коем бывает Христос. Итак, помазав алтарь семижды, то есть обильно, Моисей освящает Аарона: возлил на него елей помазания и кроме того принес жертвы за него и за сынов его — недавно изъясненным нами способом. Когда же это приведено было к концу, присоединяет к сему еще повеление, говоря: и из *дверей скинии свидения да не изыдете седмь дней, дондеже день скончается, день совершения вашего: в седмь бо дней совершит руки ваша. Якоже сотвори в день сей, в оньже заповеда Господь сотворити, яко молитися о вас. И у дверей скинии свидения седите седмь дней, день и нощь сохраните повеления Господня, да не умрете: тако бо заповеда мне Господь Бог* (Лев. 8, 33–35). Какой обряд совершался над каждой из жертв, это весьма достаточно показала нам предыдущая речь. Посему, опустив тонкость рассуждения об этом, перейдем к следующему. Закон не дозволяет получившим священный и избранный жребий и уже посвященным на дело священства пребывать где-либо вне святой скинии, но повелевает до седьмого дня сидеть внутри ее и едва не пригвождает к дверям, так, чтобы они не преступали даже порога ее, поставляя это сидение в святых местах, как я думаю, знамением твердости и пребывания в освящении; ибо необходимо быть твердыми и неуклонными в добродетели нам, которые назначены к тому, чтобы быть подле Бога, не ходя вне надлежащего образа жизни и не выходя из священнолепного образа мыслей, но всегда пребывая как бы вблизи

---

[1] После этих слов во многих изданиях переводимого творения св. Кирилла читаются еще следующие слова: «и сделал (то есть Моисей), как повелел ему Господь, и собрал сонм к дверям скинии свидения. И сказал Моисей».

и живя при Боге, согласно сказанному устами пророка: *ища ищи, и у Мене обитай* (Ис. 21, 12). До семи дней повелел Моисей делать это, семь означает, что должно стараться во всякое время быть подле Бога; он говорит как бы: всецело и всегда. Находящимся же внутри скинии повелевает наблюдать стражи Господни и этим указывает на плод пребывания вблизи Бога – благопокорливость и желание делать все то, что бы Он ни восхотел постановить. Так именно должно пребывать подле Владыки всех, потому что нерадение о добрых делах всегда оканчивается крайним злом. Поэтому-то, как я думаю, Моисей и присоединил: *да не умрете.*

П. Правильно сказал ты.

К. Итак, уже посвященный на священнослужение Аарон начинает исполнять узаконенное. А каким образом, об этом скажем теперь. В книге Левит опять написано: *и бысть в день осмый, призва Моисей Аарона и сыны его, и старцы Израилевы. И рече Моисей ко Аарону: возми себе телца от говяд греха ради, и овна на всесожжение, непорочны: и принеси я пред Господа. И старцем Израилевым речеши, глаголя: возмите козла от коз единаго о гресе и телца и агнца единолетна, в приношение непорочны: и телца, и овна на жертву спасения пред Господа, и муку пшеничну спряжену с елеем: зане днесь Господь явится в вас. И взяша, якоже заповеда Моисей пред скиниею свидения: и прииде весь сонм, и сташа пред Господем. И рече Моисей: сие слово, еже рече Господь, сотворите, и явится в вас слава Господня. И рече Моисей Аарону: приступи к олтарю, и сотвори еже греха ради твоего, и всесожжение твое, и помолися о себе, и о доме твоем: и сотвори дары людския, и помолися о них, яко же заповеда Господь* (Лев. 9, 1–7). Устремив изощренное внимание на Священные Писания, ты, Палладий, очень ясно усмотришь и здесь просиявающее таинство Христово.

П. Каким образом?

К. В восьмой день Моисей престает как бы священствовать; начинает Аарон; впрочем, не умолк и Моисей, хотя к делам священства и приступил уже Аарон. Время священства Христова по справедливости мыслится как послезаконное, то есть восьмой день, в который было воскресение и как бы некоторое начало нового века: ибо во Христе *нова тварь,* согласно написанному (2 Кор. 5, 17). Но когда уже явился

Христос в восьмой день, установленное Моисеем престает: уже не в образах и тенях мы служим Богу. Впрочем, наставление в законе не умолкло, так как закон духовен для духовных и всегда проповедует таинство Христово. Моисей обетовал, что в восьмой день явится слава Господня; ибо закон предвозвестил время пришествия Спасителя нашего. К сему присоединяет еще повеление, чтобы Аарон совершил жертвы прежде за себя самого, а после того — за весь народ, поставляя это, как я думаю, образом того, что касается до нас, и являя весьма хорошо и ясно, что избранным для священства и приемлющим освящение в вере по справедливости приличествует быть святыми и священными. Объясним также, насколько возможно, и то, каков был образ приношения. Телец закалаем был за грехи и для очищения священнодействующих. По излиянии же крови на святой алтарь и по воскурении внутренностей остальное тело сожигалось огнем. Потом всесожигаем был еще овен по обыкновенному закону всесожжения. Козел был жертвой для очищения греха народа; телец и агнец во всесожжение, а овен и вол — в жертву спасения, причем возлагалась на алтарь и пшеничная мука, если и не вся вдруг, но погорстно и по частям. Затем говорит: *и воздвиг Аарон руце к людем, благослови я: и сниде сотворив приношение греха ради, и всесожжение, и яже о спасении. И вниде Моисей и Аарон в скинию свидения, и изшедше благословиста вся люди: и явися слава Господня всем людем. И изыде огнь от Господа, и пояде яже на олтари, и всесожжения, и туки. И видеша вси людие, и ужасошася, и падоша на лице* (Лев. 9, 22–24).

П. Так что же скажешь ты и об этом?

К. Поистине в восьмой день явилась слава Господня, то есть сделался явным Сын, слава Бога и Отца: так Бог называл Его, говоря священнейшему Моисею: живу Аз, говорит Господь: *истинно наполнится славы Господней вся земля* (Чис 14, 21). А священными являет Он нас, Сам за нас как бы в образе тельца закалаемый и освобождая от греха, отпуская всякую вину и очищая скверну, происшедшую от осуждения, подобным образом Сам приносимый, как овен, в воню благоухания мысленного, Сам же бывая и жертвою спасения и освящая нас собственной кровью, Сам есть и семидал (пшеничная мука), намащенный елеем, в радости святой жизни являющий Себя Самого за нас Богу и Отцу.

П. Понимаю, что ты говоришь.

К. Думаю также, что оная жертва за Аарона и за народ превосходно означает посвящение святых Богу. Когда уже показан был и сделал себя явным Еммануил, чрез Которого мы призваны к освящению, тогда наконец мы становимся приятными и священными и посвящаемся в воню благоухания Отцу; заметь, что хотя *посвящение священников, как недавно было* сказано, совершилось согласно с законом, однако же чрез Него (Еммануила) они опять многообразно были освящаемы: ибо Он сожигаем был как телец вне стана за грех; воскуряем был как овен, всесожигаемый надлежащим образом, весь почленно, так как за каждого и за всех; освящал их, помазуя кровью, как овен спасения. Когда же наконец наступил восьмой день, то есть день, в который соделалась более явною слава Христова, с упразднением смерти и попранием тления, тогда уже и священники, и народ совершают приношения Богу, не чуждыми какими-либо дарами чествуя Его и не внешними радуя Владыку всяческих, как и Израиль по плоти, но себя самих являя благоухающею жертвою: ибо в этих жертвах мы, как бы в образе, священнодействуем над собственными душами и приносим их Богу, умирая для мира и для мудрования плотского, и претерпевая умерщвление страстей, и едва не сораспинаясь Христу, дабы, переходя к святой и непорочной жизни, жительствовать сообразно воле Его. Нечто таковое пишет и божественный Павел: *всегда мертвость Иисуса в теле носяще, да и живот Иисусов в теле нашем явится* (2 Кор. 4, 10). И еще: *аще терпим, с Ним и воцаримся* (2 Тим. 2, 12); *аще сообразни* бываем *смерти* и страданиям Его, согласно написанному, то общниками *и воскресения,* и *славы Его будем* (Рим. 6, 5; ср. Флп. 3, 10 и 21). Итак, *вне врат* за нас *пострадал Христос,* по слову блаженного Павла (Евр. 13, 12); *да исходим* и мы сами, *поношение Его носяще,* вне врат (13, 13); подобно как телец, закалаемые и, как овен, всесожигаемые, мы благоухаем Богу жительством во Христе. И это жертвы за Аарона и за сослуживших ему и происшедших от него; а жертва за народ есть козел, приносимый за грех. Какое этому основание, когда для очищения священников приносим был телец? Все касающееся священников имеет превосходство: и приношения жертв, и то, что относилось к очищению и освящению. Так, например, телец больше козла по величине тела, представляя

тем ясное указание духовного превосходства в предметах. Телец же и агнец во всесожжение таинственно указывают на младенчество во Христе освящаемых верою. Вол и овен, затем, весьма ясно обозначают терпеливость и мужество, а также и плодоношение в кротости: образом первого служит вол, а второго – овен. Увлажненная же елеем пшеничная мука весьма ясно указывает на светлую надежду жизни во Христе: ибо не печальным и плачущим, но благодушным и радостным приличествует нам прилепляться к жительству Христову. Это, я думаю, значит изречение: *приидите, возрадуемся Господеви* (Пс. 94, 1): потому что так же чисто и ясно воссияет слава Христова, весьма радостно принимая плодоприношения святых, как и тогда ясно Бог снизошел в виде огня и потребил жертвы. Как бы пищею и удовольствием для себя считает Он прославление освященных верою. Но приведенные слова указуют собою и на нечто таинственное: тогда Бог ниспослал силу огня на рассеченные части, как бы коснувшись предлежащего, ибо всегда Божество изображается в виде естества огненного; ныне же, когда Ему предлагается жертва мысленная, Он, уже не в виде огня, но в Святом Духе мысленно прикасаясь к предлагаемому, являет ее животворною для желающих причаститься ее. И это мы приняли верою за истинное.

П. Правильно сказал ты.

К. Воздев руки, Аарон благословил народ. Обрати опять внимание на это первое как бы возложение рук Аарона на народ: всех благословляет истинный Аарон – священников и народ, *малыя с великими,* по слову Писания (Пс. 113, 21), едва не возлагая и рук; а возложение руки может служить ясным знамением ниспослания на нас Всесвятого Духа. И прежде священнодействия Аарона не было возложения руки; *не у бо бе Дух,* – по слову Иоанна, – *яко Иисус не у бе прославлен* (Ин. 7, 39).

П. Сказанное убедительно.

К. И образ молитвы священников благоустрояет Он, весьма ясно поставляя как бы некоторыми предуказаниями Христовых страданий заключающиеся в ней слова, ибо сказал: *рцы Аарону и сыном его, глаголя: сице благословите сыны Израилевы. И Аз Господь благословлю я: да благословит тя Господь, и сохранит тя: да просветит Господь лице Свое на тя, и даст ти мир, и помилует тя* (Чис. 6, 22–27). Итак,

повелевает увенчанным саном священства благословлять народ, но с пользою отклоняет от суетности помыслов, показуя не руку человеческую благословляющею, но Себя Самого, как Господа: *ибо всяко даяние благо, и всяк дар* благий, и всякое благословение *свыше есть сходяй от Отца светов,* согласно написанному (Иак. 1, 17). Христос есть путь благословения, и Сам Он есть раздаятель нам небесных благ; в Нем и чрез Него все от Отца. Так и божественный Павел говорит: *благодать вам и мир от Бога Отца Нашего, и Господа нашего Иисуса Христа* (Рим. 1, 7). Итак, мы благословляемся именем Божиим. Каков же должен быть и самый образ молитвы, на это ясно указывая, Бог сказал, что молящийся священник должен произносить: *да благословит тя Господь и сохранит тя, да просветит Господь лице Свое на тя и помилует тя, да воздвигнет Господь лице Свое на тя и даст ти мир.* Таким образом благословение сохраняет, разрешая клятву и преобразуя согрешавшего, чтобы он заслужил похвалу во Христе. И Сего свидетелем служит Павел, написавший так: *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивый нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе: якоже избра нас в Нем прежде сложения мира, быти нам святым и непорочным пред Ним в любви: прежде нарек нас во усыновление Христом в Него* (Еф. 1, 3–5). Видишь, что отверженный за грех сделался человеком, достойным принятия усыновления, благословляемым во Христе чрез причастие Духа, которого Он и излил на нас обильно, не отчасти даруя Его святым, но как бы от собственной полноты изливая Его в них. Далее, просвещение лица Божия тотчас доставляет как помилование, если истинно то, что в познании Бога привзойдет причастие жизни вечной; ибо так сказал Спаситель Отцу Небесному и Богу: *се есть живот вечный, да знают Тебе единаго истиннаго Бога, и Его же послал еси Иисус Христа* (Ин. 17, 3). А что лицо Бога и Отца есть Сын, Который и явился нам, в этом, как я думаю, никто нимало не может сомневаться; ибо Он есть *образ* и подобие и изображение Его (Евр. 1, 3; Кол. 1, 15; 2 Кор. 4, 4); чрез Него и с Ним мы познаем Отца, а с таковым познанием необходимо соединяется и помилование: потому что мы оправданы верою, и *не от дел праведных, их же сотворихом мы, но по многой Его милости* (Тит. 3, 5); и освобождены от тления и преобразова-

ны в обновление жизни во Христе, по милосердию Божию. И в другом отношении, именно если мы силу слова обратим на иудеев, – они поистине помилованы, когда воссиял им Единородный. На них лежало как бы некоторое неудобоносимое и долженствующее быть свергнутым бремя, закон осуждающий и без милосердия наказывающий согрешающих. Помилованы же они, приобретши в позднее время, едва лишь чрез Христа оправдывающую благодать, пришествие которого сильно желая видеть, они взывали к Богу всяческих: *Боже сил, обрати ны и просвети лице Твое, и спасемся* (Пс. 79, 8). Итак, все мы помилованы в явлении Христа. Также и воздвижение лица Божия дарует мир, которого податель и присудитель есть Христос, предложивший и дарующий его верующим в Него как бы Свое собственное благо: ибо *мир Мой,* – говорит Он, – *даю вам, мир Мой оставляю вам* (Ин. 14, 27). Когда как бы на высоте поставил Сына Отец, *даровав* Ему *имя еже паче всякаго имене* (Флп. 2, 9) и говоря: *седи одесную Мене* (Пс. 109, 1), тогда только, расторгнув разделявшую нас вражду, мы соединились в мире, посредством решимости – Его (Сына) иметь в своих мыслях и ходить в Духе, в Котором и чрез Которого мы явимся общниками *Божественного естества* (2 Пет. 1, 4), так как Христос связует нас в единство: ибо Он сказал Отцу: *хощу, да якоже Аз и Ты едино есмы,* так и *тии в нас едино будут* (Ин. 17, 21); потому что все мы – едино *тело* во Христе (1 Кор. 10, 17), и: *прилепляяйся Господеви един дух есть,* по Писанию (1 Кор. 6, 17). А что, после того как Бог и Отец как бы воздвиг лице Свое, то есть прославил Сына, мы стяжали мир с Ним, это Сам Он объявляет, говоря: *аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин. 12, 32).

П. Правильно рассуждаешь: *Той бо есть мир наш, и Тем имамы приведение в Духе к Отцу* (Еф. 2, 14 и 18).

К. Итак, о священниках и их поставлении закон у нас таков; но кроме того ясно сказано и о том, что должен быть освящаем род левитский и что только предочищенный надлежащим образом должен приступать к назначенному ему священнослужению. Сказано же об этом так в книге Чисел: *поими левиты от среды сынов Израилевых, и да очистиши я. И сице да сотвориши очищение их: покропиши на них воду очищения, и да взыдет бритва на все тело их, и исперут ризы своя, и чисти будут. И да возмут телца единаго от*

волов, и сего жертву муки пшеничны спряжены с елеем, и одного телца единолетна от волов да возмеши греха ради. И да приведеши левиты внутрь *скинии свидения, и собереши весь сонм сынов Израилевых, и приведеши левиты. И да отлучит Аарон левиты отдание пред Господа от сынов Израилевых, и да служат службы Господеви. Левиты же да возложат руки на главы телцов: и да сотвориши единаго о гресе, и единаго во всесожжение умилостивити о них. И поставиши левиты пред Господем, и пред Аароном, и пред сынми его, и отдаси я отдание Господу. И да отлучиши левиты от среды сынов Израилевых: и будут Мне. И по сих да внидут левиты делати дела скинии свидения* (Чис. 8, 6–15).

П. Разъясни же как следует, какой здесь должен быть нами мыслим способ очищения, установленного для левитов?

К. Таинственный, Палладий, и опять во Христе: ибо Он есть наше очищение и омовение всякой нечистоты и податель освящения. *Покропиши,* – сказано, – *на них воду очищения.* Это же и мудрый Павел указывал, написав так: *аще бо кровь козлия и телчая, и пепел юнчий кропящий оскверненыя освящает к плотстей чистоте: кольми паче Кровь Христова* (Евр. 9, 13–14). И истинно слово: если в образах есть польза и сень спасительна, то не тем ли более сама истина, то есть Кровь Христова? Итак, вода очищения, смешанная с пеплом телицы, была ясным образом так называемой *мертвости* Христовой (2 Кор. 4, 10), как во святом крещении и сами мы исповедуем исполнение этого чрез веру, согласно с тем, как сказал опять тот же божественный Павел: *спогребохомся Ему крещением в смерть: да яко же воста Христос славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем* (Рим. 6, 4); и еще сказал он: *всегда мертвость Иисуса в теле носяще, да и живот Иисусов в мертвенней плоти нашей явится* (2 Кор. 4, 10 и 11).

П. Но что значит так называемая здесь *мертвость* Христа?

К. Это значит умереть для мира и грехов и проводить жизнь священную, святую и наиболее всего любезную Богу, чем опять весьма похвалялся Павел, говоря: *Аз бо законом закону умрох, да Богови жив буду: Христови сраспяхся. Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос: а еже ныне живу во плоти, верою живу Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мне* (Гал. 2, 19–20). Это,

думаю, и значит: умереть в мире и понести мертвость Христа, а в то же время и проводить жизнь в Нем. Итак, пепел телицы в смешении с водою может указывать собою на мертвость Христа, совершаемую во святом крещении, причастниками которой, сказано, должны быть и сами числящиеся в левитском чине и как бы в сени освобожденные от всякого вида плотской нечистоты. На это, думаю, указывает, и очень ясно, снятие бритвою волос на теле: *живо бо слово Божие, и действенно, и острейше* (Евр. 4, 12), как бы какую нечистоту волос и ногтей срезающее с ума нечистоту врожденных нам плотских движений, каковую Священное Писание в одном месте называет также и законом греха, живущим в членах плоти и противовоюющим закону ума и влекущим к недозволенному (Рим. 7, 23). Но силою и действием Святого Духа, как бы бритвою срезаемый, он (закон греха) немоществует, а если бы как-нибудь стал снова усиливаться в нас, то еще с большею силою отсекается: *духом ходите*, — сказано, — *и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16). Как бритва, однако же, не вполне с самого корня вырывает у нас волос, а срезает недавно лишь вырастающий: так и в нас слово Божие не до самого как бы корня исторгает врожденное нам влечение похоти (ибо совершенная святость соблюдена для будущего века), но скорее умерщвляет возрастающее и усиливающееся в нас и укрощает неистовствующий в членах плоти закон. Итак, снятие волос загадочно указывает на очищение ума, которое совершает в нас Божественное и острейшее слово Божие. Омовение же одежд указывает нам светлое и безукоризненное жительство, вне проявляющееся: *промышляюще добрая* не только *пред Господем,* по написанному, но и *пред человеки* (Рим. 12, 17 и Притч. 3, 4). И Сам Господь говорит: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). Итак, истинно святые и священные должны быть чистыми изнутри и совне, нося мертвость Иисуса в своем теле и некоторым образом спогребаясь Ему чрез святое крещение.

П. Ты хорошо сказал.

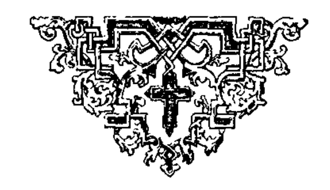
К. Сказано также, что за них (левитов) должна быть принесена жертва, состоящая в двух тельцах, совершенном и однолетнем, то есть нежном и юном; совершенный прино-

сится во всесожжение и вместе с ним воскуряется пшеничная мука, увлажненная елеем; а другой, приносимый в жертву за грех, сожигается вне стана: ибо так совершаемы были жертвы за грех. В обоих тельцах опять указывается Христос: в тельце, приносимом во всесожжение как всецело святой и приносимый за нас в воню благоухания Богу и Отцу, доставляющий святым радость и веселие жизни в надежде (так как вместе с тельцом приносима была пшеничная мука, увлажненная елеем); а эта радость и веселие во всяком случае сопровождает предпочетших жизнь во Христе. На Него же указывает и телец за грех, истребляемый огнем; ибо *язвою Его мы исцелехом,* по Писаниям (Ис. 53, 5). Заметь же, что телец совершенный всесожигается, а однолетний за грех закалается, дабы в двух ты разумел Одного, как бы в совершенстве добродетелей благоуханнейшего мысленно и как бы в простоте и незлобии закалаемого· *Аз,* — говорит, — *яко агня незлобивое ведомое на заколение, не разумех* (Иер. 11, 19). А что вместе и за всех и ото всех как дар Богу приводится священнодействующий род, на это указывает возложение рук сынов Израилевых; ибо сказано: *да возложат сынове израильтестии руки своя на главы левитов* (Чис. 8, 10). Как левиты возлагали руки на главы жертвенных животных, закалавшихся за них в образ Христа (делали же это не для благословения их, — далеко нет, — но дабы возложением рук как бы указать на носящего грехи наши Бога и за нас священнодействующего, чтобы *пригвоздить к* Своему *кресту еже на нас рукописание* (Кол. 2, 14): так будешь ты разуметь и возложение рук народа на левитов; потому что он возлагал руки, как бы представляя их вместо себя Богу для священнодействия, как избранных. Но тогда совершалось возложение рук; ныне же, с переменою дел к несравненно лучшему, народ своим решением одобряет призываемых чрез Христа к священнодействию, очень ясно присоединяя свой голос: «достойны!»[1]. И это совершается в церквах, как, несомненно, и древние совершали возложение рук на левитов при священной и Божественной скинии. Итак, очевид-

---

[1] Здесь разумеется возглас: *аксиос* (достоин), доселе слышимый в храмах во время посвящения во священника или диакона и произносимый (после произнесения его же в алтаре священнодействующими) поющими на клиросе, которые таким образом заменяют собою народ в одобрении избранного и одобряемого архиереем и священнослужителями.

но, что если рукоположение будет совершаться и не в церкви, и не при народе, то это будет противно изволению *Божию* и несогласно со священными законами. – Посвященные левиты касаются всего, относящегося до священнодействия. Поэтому кто не свят во Христе и не предочищен надлежащим образом, тот да отступит далеко: ибо безнаказанно не может касаться Божественных алтарей.



КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

О священстве

О священном облачении, равно как и о жертвах, которые Бог узаконил совершать при посвящениях священников, сказано ясно. Но так как о них и многое другое было изречено в отношении к священнослужению и к очищениям и к тщательной заботливости о том, чтобы жить вполне законно и отменно со стороны превосходства духовного, то, я думаю, прежде всего другого должно сказать вот о чем.

Палладий. О чем это?

Кирилл. Колено Левиино было посвященным Богу и избранным от всех колен, и закон давал этому колену право священнодействовать, так как Бог уделил ему эту отменную почесть; впрочем, не оставлял совсем без испытания сонм священнодействующих и не допустил к сему делу без исключения всякого за то только, что он происходил от племени Левия; но повелевал производить тщательное и весьма точное исследование, дабы кто-нибудь, кому случится недуговать каким-либо телесным пороком, не был неугоден Богу и не приступал к Нему предосудительно и, как бы входя неомовенными ногами в скинию свидения, не оскорбил Бога, хотя бы то невольно. Написано же опять так в книге Левит: *и рече Господь к Моисею, глаголя: рцы к Аарону: человек от рода твоего в родех ваших, аще коему будет на нем порок, да не приступит приносити дары Бога своего. Всяк человек, ему же аще будет на нем порок, да не приступит: человек слеп или хром, или корносый, или ухорезан, или человек ему же есть сокрушение руки, или сокрушение ноги, или горбат, или гноеточив очима, или бельмоочен, или человек на немже суть красты дивия, или лишаи, или единоятрный. Всяк ему же аще будет на нем порок от семени Аарона жерца, да не приступит принести жертв Господу, зане порок на нем: даров Бога своего да не приступит приносити. Дары Бога своего*

Святая Святых, и от святых да снест. Обаче к завесе да не приступит, и к олтарю да не приближится, яко порок имать: и да не осквернит святилища Бога своего, яко Аз Господь освящаяй их (Лев. 21, 17–23).

П. Неужели, скажи мне, может служить кому-либо в вину телесный недостаток? Ужели Зиждитель подвергает обвинению природу, даже невольно испорченную?

К. Хорошо, Палладий; ты мыслишь правильно. – Вина и обвинение может быть только на тех, кои добровольно обращают свои помышления к порочному и предпочитают склонность ко всему, что есть нелепого. Ставить же в вину недостатки тела, естественно и невольно случающиеся, я думаю, и жестоко, и безжалостно, и не свободно от грубости. Отсюда можно понять, что Зиждитель всяческих не за невольные вины подверг обвинению человеческое естество и не как нечистого удалил недугующего телесно от предназначенного ему служения; но как бы опять от образа телесных предметов возводит наши мысли к более тонкому разумению и указует на многообразие душевных страстей, а также дает понять, что оно богоненавистно. Разве и божественный Павел не сказал, что избранным на священство должно быть славными во всем досточудном? *Да совершен*, – говорит он, – *будет Божий человек, на всякое дело благое уготован* (2 Тим. 3, 17). Равно также и епископу, очень ясно утверждал он, должно быть безукоризненным (ср. 1 Тим. 3, 2–8); и о сем он много заботится.

П. Согласен, но знай, что я желал бы понять смысл каждого из недавно исчисленных недостатков.

К. Ну так, разделив их по частям на виды, скажем то, что придет нам на мысль. *Человек*, – сказано, – *от рода твоего в родех ваших аще коему будет на нем порок, да не приступит приносити дары Бога своего* (Лев. 21, 17). Непоколебимое слово и суровое изречение; ибо закон этот положен не против одних только тех, которые тогда происходили от Аарона, но простирается на весь род, на все священническое племя и распространяется на всякое время: это означает, думаю, изречение: *от рода твоего в родех ваших*. Всегда неприятно Богу то, что не беспорочно; никто не может указать времени, в которое было бы любезно Ему предосудительное, как, например, в недугах, особенно же духовных. Напротив, Им це-

нится непорочное, ни с какой стороны не недугующее растлением, но совершенное в добродетели и сильное в освящении, всегда заботливое о том, чтобы в терпении стяжать себе славу, ревностно со всегдашним благоразумием. Поэтому-то и дает закон о сем, простирающийся на весь род, уготовляя себе безукоризненный род священный и избранный, тогда в колене Левиином и в племени Аароновом, а ныне в освященных во Христе, великом и истинном Архиерее, с которым мы сроднились чрез Духа, являясь общниками и причастниками Его собственного естества (2 Пет. 1, 4). Поэтому же и в братский союз призвав оправданных верою, похваляется ими как общниками, говоря: *се Аз и дети, яже Ми даде Бог* (Ис. 8, 18). Не признавал ли и божественный Павел, что эти слова касаются лица Христа (Евр. 2, 13)?

П. Конечно так.

К. Итак, преграждает доступ к должности священнической тому, в ком есть какой-либо из поименованных пороков, как немощному и презренному. *Да не приступит,* — сказано, — *приносити дары Бога человек слеп или хром.* — Недостатки эти, если даже разуметь их телесно, сами по себе имеют много безобразия: ибо у кого потеряны глаза или кто не тверд ногою и не может ходить прямо, тому не лучше ли оставаться в покое, как нераспознающему, куда должно идти священнику, нежели идти сопровождаемому смехом и пользующемуся чужими ногами и глазами? Но это было бы еще не очень важно. Скажем теперь о необходимом для нас к познанию и созерцанию духовному, минуя грубость смысла буквального. Слепым, кажется, называет Он человека весьма простого и несмысленного; ибо что глаз в земном теле, то в душе, можно сказать, есть ум, просвещаемый светом Божественным и созерцающий самую чистую красоту, легкими как бы и быстрыми движениями мыслей весьма скоро восходя к точности мнения и умея не погрешать в правости учения. Это, думаю, означает приточно сказанное: *очи твои право да зрят, и вежди твои да помавают праведная* (Притч. 4, 25); сказано также и матери иудеев, не право зрящей: *се не суть очи твои, ниже сердце твое благо, но к сребролюбию твоему и крове неповинныя пролиянию, и к обидам и к убийству, еже творити я* (Иер. 22, 17). Итак, негоден к священнодействию духовно слепой, то есть совершенно неразумный и повреж-

денный умом и помыслом. Негоден к сему также и хромой, то есть муж, не умеющий ходить право и не крепкий для совершенного хождения: ибо слепота, как я сказал недавно, есть образ крайнего неразумия, а хромота как бы расслабленного и вялого движения и расположения, являемого при совершении всякого дела. Не к людям ли так поврежденным надлежит возгласить: *укрепитеся руце ослабленыя, и колена разслабленая* (Ис. 35, 3)? Обвинял и Сам Христос народ Иудейский, как не хотевший утверждать на Нем правые стези, но, напротив, обратившийся к хромоте и уклонявшийся от правых помышлений; ибо сказано: *сынове чуждии солгаша Ми: сынове чуждии обетшаша и охромоша от стезь своих* (Пс. 17, 46). Итак, равны между собою и очень близки как бы подобием пороков духовная хромота и слепота: первая — достоинство разума, другая — крепость в добрых делах переменяет в неспособность. Кроме сих отверженным повелел считать закон и корносого, а вместе с ним и человека с отрезанными ушами. К ним можно применить такое толкование: чувством обоняния распознается зловонное и благовонное из того, что таково по своей природе, то есть имеет запах; это чувство очень способно различать то, что может нас увеселять, и то, что не таково, но инаково и как бы находится в худшей доле. И человеческий ум, если он совершен в своих силах, то мощно идет к различению качества вещей и сделает точное исследование о каждой, и как наилучший меновщик, все испытывающий и хорошее удерживающий, *а от всякия вещи злыя отгребающийся,* согласно написанному (1 Сол. 5, 22), весьма прославится; ибо он признает негодным постыдное, так сказать, и поддельное в поступках, но охотно допускает полезное и лучшее. Итак, тупоносие означает, что не очень здраво и совершенно то чувство, которым мы, распознавая все наилучшие предметы и о наилучших давая лучшее, а о постыднейших худшее суждение, бываем и называемся мудрыми и проницательными и тому подобными именами: потому что подобно запаху несется в ум качество действий, им разумеваемых. Урезание же уха указывает, как мне кажется, непослушность; ибо порок урезанного уха, думаю, есть благопослушливость только отчасти, а не всецелая готовность к послушанию, или неспособность непорочно внимать священному, особенно же Пи-

санию, что и делают некоторые, безрассудно обращающие благопослушливость души своей к тому, к чему не следует. Таковы, по слову премудрого Павла, *суть чешеми слухом, и от истины* его отвращающие, но прилежащие *духовом лестчим и уклонившиеся к скверным тщегласиям* (2 Тим. 4, 3–4; 1 Тим. 4, 1; 6, 20; 2 Тим. 2, 16). Итак, человек с урезанным ухом означает изувечение внутреннего и мысленного слуха и извращение от правости в худшее. Но если у кого замечено будет присущим *и сокрушение ноги или сокрушение руки,* да отступит, сказано, и да поставлен будет в одном с другими ряду. При этом человек со сломанной ногой или рукой, но не совсем расслабленный дает нам понять в себе не могущего вполне непорочно приступать к делам и не совершенно безупречное имеющего хождение или действование, разумею, в жительстве и жизни вполне законной. И таковы опять суть или *творящие дело Господне с небрежением,* которым устами пророка возвещено *горе* (Иер. 48, 10), или же *праведное* не *праведне гонящие,* согласно написанному (Втор. 16, 20; ср. Прем. 6, 10). Заметь же, что наравне с духовной и совершенной хромотой ставится и заодно считается также и умеренное изувечение голени; ибо на одинаковом счету с полным бессилием делать что-либо доброе должно полагать и неправое совершение. И по справедливости представляется в хромоте полное бессилие, а в сокрушении неправость при совершении добрых дел.

П. Кажется, так.

К. Также и горбатого, и с пятнами на лице, и с гноем на глазах причисляет как бы к самым негодным. И горбатым мы считаем как бы преклоненного и долу взирающего умом, и склонившегося к страстям плоти, и утверждающего взор, очевидно мысленный, на земном, и, наконец, доходящего до того, чтобы ненавидеть исправление, то есть направление ума к помышлению о горнем. На сем счету могут быть поставлены преступления иудеев, о которых написано: *да помрачатся очи их, еже видети, хребет их выну сляцы* (Пс. 68, 24). Имеющим же пятна на лице мы считаем такого, который имеет пятна[1] на самом челе. Недуг этот имеет свойство делать тем-

[1] Собственно так называемую ἐφηλίδα, – болезнь, происходящую от влияния солнца (ἥλιος) на кожу человека и состоящую в появлении темных пятен на лице с чешуйчатой кожей. Эта болезнь представляет

ным вид верхней кожи. У тех, кому случится страдать этим недугом, отнимается даже возможность хотя бы скрыть его, так как он зарождается на бровях и распространяется по всему лицу. Таков пятнолицый телесно; мысленно же он указывает на человека нагло и открыто бесстыдного и как бы не имеющего чистого лица, но делающего для всех явным безобразие в жизни, до того, чтобы не знать даже и правильно сказанного одним из мудрых· мудрые *сокроют* стыдения *своя* (Притч. 12, 16)

П. Каким образом?

К. Разве, Палладий, в нас не кроются бесчисленные страсти?

П. Да. Так что же из этого?

К. То, что каждый из нас, говорю тебе, почтеннейший, недугует чем-либо, но часто, побеждаемый стыдом пред братиями, употребляет много старания и ума на то, чтобы и казаться здоровым, и скрыть свой недуг.

П. Хорошо говоришь

К. А если бы кто дошел до такой степени бесстыдства, чтобы считать за ничто — даже и явно грешить и совершенно презирать украшение чести, не показался ли бы уже таковой кому бы то ни было далеко ушедшим от священного и святого рода?

П. И очень.

К. Итак, пятнолицым закон называет таковового за то, что он не умеет и не старается скрывать случающийся с ним недуг и порок. Имеющим же гной на глазах называет хотя и отнюдь не лишенного зрения, но не могущего употреблять его здраво, каковы суть некоторые, у которых есть благоразумие, но не видно решимости мыслить право: ибо одни и видя, как сказано, доброе, однако же обращают стремление своих желаний к ненадлежащему (Рим. 7, 19 и 21); а другие, хотя и могли бы быть причастны правому учению, однако же сами повреждают свой ум, направляя его к непристойнейшей погоне за мнениями и не принимая никакого здравого понятия о Боге,

---

обыкновенное явление на Востоке См *Свиды*, Лексикон, под словом ἐφηλίς В слав Библии поэтому слово ἔφηλος неточно передано словом *гноеточив*, причем без надобности к нему отнесено выражение τοὺς ὀφθαλμούς, которое относится только к ближайшему πτίλος (имеющий воспаление)

каковы некоторые, особенно исчадия еретиков и кроме них иудеи, хотя и верующие, что есть Бог Отец, но явившегося из Него по естеству Сына безумнейшим образом отвергающие. Посему истинно воспеваемое о них гласом пророка: *имеющие очи, не видят* (Иер. 5, 21); ибо никакой пользы нет в зрении, если не будет старания о том, чтобы зреть правильно, подобно тому как и хромоту и сокрушение ног мы справедливо признавали нужным считать в одинаковом положении; потому что совершенно ничем не будет отличаться от полной невозможности ходить хождение неправильное, очевидно, стезею дел и путем действий.

П. Хорошо говоришь.

К. Не должен также приступать к священнодействию человек, на котором оказалась бы дикая короста, или лишаи, или человек одноятреный, или же всякий, в котором есть порок. Дикой коросте должно уподобить гнуснейшие из страстей, стремительными потоками изливающиеся в душу и переходящие всякую меру, берущие начало от удовольствия, но доходящие до горького конца. Или ты не думаешь, что в каждом из прегрешений замечается и некоторая умеренность и неумеренность зла?

П. Каким образом?

К. Побеждаемый телесным удовольствием разве не страждет им и умеренно и сверх меры? Одни побеждаются только и недугуют умеренно, а другие доходят до вершины зла, недугуют неудержимо неистовствующим вожделением, так что выступают даже из пределов страстей, сообразных с природою.

П. Понимаю, что говоришь.

К. Итак, в каждом из зол неуместное выступление из пределов разума и обычной для многих меры может быть названо дикою коростою; лишаем же, кроме того, всякая, какая бы то ни была, страсть, всегда распространяющаяся вширь и имеющая непрестанное возрастание к худшему. Но Божественный закон хочет, чтобы мы умеряли и уменьшали появляющиеся у нас страсти. Так понимать должен ты, когда слышишь слова: *аще дух владеющаго взыдет на тя, места твоего не остави: яко исцеление утолит грехи велики* (Еккл. 10, 4); ибо не наказанные из страстей всегда стремятся к постыднейшему, объемлют сердце и ум и доводят до совершенной гибели. Таким образом, нам должно обуздывать по-

рочность, так чтобы наша трезвенность укрощала ее восхождением к лучшему, и уничтожала мало-помалу. Одноятреным же кроме того называет, как я думаю, полумужчину, у которого отсечено приличествующее совершенному мужу; ибо сказано: *ни блудницы, ни малакии Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9–10). Женоподобными называет таковых, потому что они, получив природу мужчины, искажают приличествующее мужчине, изнеженные умом и телом, и добровольно переламывая себя до бессилия и женоподобия. Но, вероятно, одноятреный означает и другое нечто. Мужчиною обыкновенно называют человека крепкого, плотно сложенного и имеющего достаточно силы к совершению всего, на что бы он ни решился. А под полумужчиною по справедливости можно разуметь не всецело крепкого и не вполне ревностного в достижении того, что приличествует: ибо тому, кто посвящен Богу, не приличествует приносить Ему мужество урезанное и крепость поврежденную и как бы немоществовать отчасти; но *мужаться* и *крепиться,* согласно написанному (Пс. 26, 14), имея безупречное и безукоризненное рвение. Итак, бесспорно не может быть священником повинный пороку; однако же не устраняется от причащения святой пищи; ибо сказано: *от святых да снест. Обаче к завесе да не приступит, и к олтарю да не приближится* (Лев. 21, 22–23). Одержимые сокрытыми внутри души немощами еще могут причащаться благословения Христова, хотя и не таким же образом, как святые, то есть в подаяние освящения, в утверждение ума и в неподвижное постоянство во всем наилучшем; но так, как приличествует недугующим, то есть в отложение зла, в прекращение греха, в умерщвление похотей и в восприятие здравия духовного. Поелику Христос есть *нова тварь,* по Писаниям (2 Кор. 5, 17; ср. Гал. 6, 15): то посему и мы приемлем Его в себя, чрез святую Его Плоть и Кровь, дабы чрез Него и в Нем преображаясь в *обновление жизни, отложить ветхого человека, тлеющаго в похотех прелестных,* согласно написанному (Рим. 6, 4; Еф. 4, 22).

П. Правильно сказал ты.

К. Итак, Бог запрещает занятие священными делами немоществующим, так сказать, укоренившеюся и неотвратимою духовною болезнью; ибо не может быть свят постоянно недугующий прирожденными страстями. Но если и кому-либо

из тех, которые не имеют в себе самих порока и безукоризненны в священнослужении, случится заболеть одним из общих и неискоренимых недугов, то повелевает не оставлять его безнаказанным, говоря: *рцы Аарону и сыном его, да внимают от святынь сынов Израилевых, и да не осквернят имене святаго Моего, елика они освящают Ми: Аз Господь. Рцы им: в роды ваша, всяк человек, иже аще приступит от всякаго семене вашего ко святым, елика аще освятят сынове Израилевы Господу, и нечистота его на нем будет, потребится душа оная от Мене: Аз Господь Бог ваш. И человек от семене Аарона жерца, и сей прокажен, или семя изливает, от святых да не снест, дондеже очистится: и прикасайся ко всякой нечистоте души, или человек ему же аще изыдет от его ложа семя: или иже аще прикоснется ко всякому чаду нечисту, иже осквернит его, или человеку, иже осквернит его, по всякой нечистоте его: душа яже аще прикоснется их, нечиста будет до вечера: да не снест от святых, аще не омыет тела своего водою, и зайдет солнце и чист будет; и тогда да снест от святых, яко хлеб его есть. Мертвечины и звероядины да не снест, еже осквернитися ему в них: Аз Господь. И да сохранят повеления Моя, да не приимут сих ради греха, и измрут за их, аще осквернят них: Аз Господь Бог освящаяй их* (Лев. 22, 1–9). Приносящие жертвы, сказано, или освящаемое от сынов Израилевых, что они предлагают в жертву Богу, да не скверпят имя Его, принося непредочищенные и имея еще не омытою нечистоту, которой им случится подпасть; иначе пусть знают, сказано, что тотчас подвергнутся крайнему наказанию: *Аз есмь Господь*, то есть не бог лжеименный, против которого если бы кто и согрешил, ничего не будет преступного; ибо по отношению к камню или дереву что может быть сделано нами такого, в чем нам следовало бы давать отчет? Итак, сильными устрашениями направляя нас к осторожности, с пользою исчисляет виды нечистоты, которые могут случиться с нами, дабы священнослужители ведали путь наиболее приличествующей им честности, а также и то, чем они могли бы быть приятными Богу и чистыми, проводя жизнь, самую угодную Законодателю.

П. Правильно сказал ты.

К. Таким образом, прокаженного и страдающего семятечением удаляет от священнослужения и повелевает ему быть

непричастным святыни дотоле, пока он не устранит от себя приключившийся с ним недуг и не будет от него возможно далее. К сим присоединяет, как страждущего однородною нечистотою, и прикасающегося ко всякой нечистоте души, или того, у которого истечет семя на ложе, а также и прикасающегося к гаду, и равно человека, подлежащего какому бы то ни было обвинению в осквернении; чрез что, как я думаю, закон не телесные состояния осуждает, если обратить внимание на истинную и чистую цель его, но как бы еще в образах в чувственном и телесном являет пороки душевные. Так, образом мертвости служит проказа, потому что она истребляет и пожирает плоть, приводит в противоестественное состояние и изменяет вид тела. А семятечение есть устранение плодородия, так как при этом естественное истекает вотще, каковым усматривается и ум человеческий, подвергшийся растлению и едва не обессиливаемый до бесплодия, поелику не может разуметь ничего из необходимого для спасения. Таковы, например, были Именей и Александр, думавшие и говорившие, что воскресение уже было (2 Тим. 2, 18; сн.: 1 Тим. 1, 20; 2 Тим. 4, 14). К сим могут быть присоединены и необузданно уклоняющиеся ко всему гнусному и плод своего разума повергающие прямо в пустые и неумеренные удовольствия. Итак, прокаженный и страдающий семятечением, то есть одержимый делами мертвости — а дела мертвости суть плотские страсти, — и имеющий не нерастленным плодоношение, очевидно умственное и сокровенное, да отступит, сказано, *от святых дондеже очистится:* потому что, как сказал божественный Павел: *иже аще яст (Тело Господне и пиет чашу) Его недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая Тела* Его. *Да искушает же,* — говорит, — *человек себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пиет* (1 Кор. 11, 27–29).

П. Ты превосходно сказал.

К. Но обрати внимание, Палладий, на точность закона: устраняет не прокаженного только и страдающего семятечением, но как бы вместе с ними, осуждает и того, кто даже случайно прикоснулся бы к этим больным, разумею прокаженного и страдающего семятечением. *И прикасайся,* — сказано, — *всякой нечистоте души, или ему же аще изыдет от его ложа семя, нечист будет* (Лев. 22, 4 и 6).

П. Какой же может быть от этого вред для прикасающихся?

К. Конечно никакого, если иметь в виду ближайший смысл закона: ибо не осквернит души человека прикосновение к телу. Но закон духовен и прикровенно опять научает нас, что нечисты и виновны в осквернении одержимые душевными страстями. А вместе с ними оскверняются и прикасающиеся к ним или прилепляющиеся, очевидно по тождественности намерений и действий, так как *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 33) и нет никакой *части верну с неверным* (2 Кор. 6, 15); враждебен тьме свет и несходен с нею (ср. ст. 14) и истинно, что *с преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши, и со строптивым развратишися* (Пс. 17, 26–27). А что заболевание гнуснейшими пороками весьма тягостно не для одних только заболевших, но что и те, которые бывают с ними согласны и единомысленны, не менее, чем оные, осквернятся, на это закон указал, тотчас присоединивши: *иже аще прикоснется всякому гаду нечисту, осквернит его, или человеку иже осквернит его по всякой нечистоте его: душа яже аще прикоснется их, нечиста будет до вечера* (Лев. 22, 5–6). Гадами же лютыми и ядовитыми, думаем, называются и бывают те, к которым было бы прилично отнести изречение: *яд аспидов под устнами их* (Пс. 139, 3), *ихже уста клятвы и горести полны суть* (Рим. 3, 14; сн. Пс. 9, 28). Таковы, и прежде всех других, суть извращающие правое и влагающие в уши простых людей гибельное учение, увлекающие к недобрым помыслам и к превратному мнению о Боге, или, может быть, и те, которые говорят: *да ямы и пием, утре бо умрем* (Ис. 22, 13; 1 Кор. 15, 32), и увлекающие умы людей неученых к мирским прелестям. Нечисты также и могут осквернять прикасающихся или близко подходящих к ним — говорю по отношению к закону расположения — те, о которых сказал в одном месте и премудрый Павел: *аще некий брат именуем будет блудник, или пияница, или хищник, или лихоимец, или идолослужитель, с таковым ниже ясти* (1 Кор. 5, 11): ибо разве ты не считаешь наиприличнейшим священному и избранному роду, — не быть в таковых пороках и не примешиваться к людям, ими недугующим?

П. Конечно считаю.

К. Итак, *нечист будет,* — сказано, — *иже аще прикоснется их, до вечера: да не снест от святых, аще не омыет тела*

своего водою: и зайдет солнце, и чист будет: и тогда да снест от святых, яко хлеб его есть. Запрещает, кроме того, также и вкушение мертвечины и звероядины, как могущее осквернить. Но обрати внимание, Палладий, на то, что отложение всякой скверны и освобождение от вины в нас может быть не иначе, как чрез одного Христа и во время пришествия Его.

П. Каким образом?

К. Что все еще оставалось не очищенным и в осквернении и что не причастно было жизни то, что̀ было прежде пришествия Единородного, это Он показал, сказав: *нечист будет до вечера, и да не снест от святых.* Разве не в последние времена века пришел Еммануил?

П. Да, это ясно.

К. Оживотворены же мы, снедая хлеб истинно святой и небесный, то есть Христа, когда время пришло к концу и солнце как бы зашло и вечером заключило меру времени.

П. Конечно.

К. Поэтому-то оскверненный нечист до вечера, непричастен также и святой и животворящей пищи, ожидая времени очищения; но омывшись водою, после захождения солнца становится чист и имеет свой хлеб небесный: ибо освященным как бы водою, разумею в святом крещении, даровано благословение чрез Христа; и Он есть *хлеб животный,* Он же опять есть и сшедший с небес *и даяй живот миру* (Ин. 6, 33). А что захождение солнца означает время пришествия Спасителя нашего, это ты ясно увидишь из того, что Бог говорит об Агнце священнотаиннику Моисею: *рцы* сынам Израилевым, и да возьмут себе *овча по домом, и будет,* — говорит, — *соблюдено* от десятого дня месяца даже *до четвертагонадесять: и заколют то все множество сынов Израилевых к вечеру* (Исх. 12, 3 и 6). Десятым называется тот час, в который явился нам Еммануил, уже к самому вечеру, то есть к концу настоящего века. Мертвечина, затем, и звероядина не менее чем и проказа в духовном смысле приносит осквернение прикасающимся: причем мертвечина очевидно означает человека совершенно мертвого и угасшего как бы в делах плоти; звероядина же — душу, подпавшую власти диавола. А что, далее, спасительное дело — избегать человека, привыкшего мыслить о мертвом и угасшего умом и как бы питающего собою сатану (ибо он пожирает те души, которые захватит),

это каким образом может быть не ясно для истинно здравомыслящих и весьма усиленно старающихся как можно далее отходить от всего, имеющего свойство осквернять?

П. Это так.

К. Но поелику разъяснения доходят у нас уже до такой точности, и цель закона та, чтобы отнюдь не оскверненные, а непорочные были причастниками святых и животворящих яств, то он тотчас же весьма ясно различает роды и определяет, кто достоин благословения и способен приступить к сему: разъяснил также и то, кому надлежит быть устраненным от святых яств, говоря: *и всяк иноплеменник да не снест святынь: приселник иереев, или наемник, да не снест святынь. Аще же жрец пристяжет душу пристяженую сребром, сей да снест хлеб его: и домочадцы его, и сии да снедят хлебы его* (Лев. 22, 10–11). Исключает как оскверненного и еще не омовенного иноплеменника и чужеземца, то есть того, кто еще не уверовал и не познал истинного Бога; ибо каким образом те, которые не связаны духовным и мысленным родством со Христом, великим и истинным Священником, могут быть причастниками хлебов Его? Мы не будем давать *святая псом,* и никто не станет *метать* мысленный *бисер пред свиниями,* по слову Самого Спасителя (Мф. 7, 6). Итак, вовсе непричастен иноплеменник. К нему присоединяет также приселышка и наемника. Приселышки опять, как мне самому кажется, суть живущие для мира и в нем жительствующие и как бы сделавшие своим отечеством землю вследствие того, что помышляют об одном только плотском, а в любви Христовой являются как бы приселышками одною лишь холодною верою. И как можно судить по их словам, они полезны и честны, а на делах и в нравах очень далеко отстоят от истинного благоговения. Наемники же суть те, которые и самое верование принимают не из уважения к истине, но ища благоволения некоторых, как бы награды за то, что кажутся христианами, и с ласкательством прибегают к попечениям со стороны людей, могущих быть им полезными, и таким образом благочестие обращают в *прибыток* (ср. 1 Тим. 6, 5) и прикрытие любостяжательности, благонамеренностью речей прикрывая себя, как бы личиною. Итак, что касается до силы закона, то приселышки и наемники должны сопричисляться к иноплеменникам и вместе с ними быть

как можно далее от святых. Едва не родственными недугуя пороками, они справедливо должны подвергаться и однородному наказанию. Домашних же закон повелел допускать до участия в святыне, ибо *да снедят,* — сказано, — *домочадцы* иереев и тот, кого они купят, причем закон называет приобретенным, купленным на серебро и домочадцем родственного по вере и домашнего по духу, и купленнаго ценою, по слову блаженного Павла (1 Кор. 7, 23; 6, 20); ибо *Христос ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва,* согласно написанному (Гал. 3, 13).

П. Правда.

К. Присоединяет также постановление, что *и дщерь человека жерца, аще посягнет за мужа иноплеменника, сия от начатков святых да не снест* (Лев. 22, 12). Домашнего явно почтил, допустив его причащаться святынь, как родственника. Но что имеющим родство со священником должно всевозможно остерегаться того, чтобы прилепляться к не сродным по вере и образу жизни и как бы не приобретшим сродства по добродетели, это может быть ясным для желающих тщательно исследовать веру Священных Писаний: ибо как в прежде уже прочитанном закон считал нечистым прокаженного и с ним еще страдающего семятечением, а также причастником их осквернения и нечистоты полагал и близко к ним находившегося и как бы связанного с ними вследствие прикосновения: так и здесь говорит, что дочь священника, хотя и имеет святое родство, не получит отсюда никакой пользы, вступив в союз с другим, то есть с иноплеменником, отнюдь не родственным ей и не от крови Израиля происшедшим. Итак, вот исторический смысл сих слов. Если же закон перенесен будет нами к созерцанию духовному, то мы должны будем сказать, что дщерью священника он называет душу, от воды и Духа возрожденную силою Христа и чрез веру призванную к освящению. Но и таковая душа, говорит, может быть непричастна святым, если она посягнет за иноплеменника, то есть если вступит в союз с некоторыми не истинно святыми и не имеющими духовного расположения к Богу так тела имеют телесный образ соприкосновения, а духи — духовный.

П. Кого же мы должны считать впадающими в это состояние?

К. Тех, кого предостерегало честное слово премудрости, так гласящее: *сыне, да не прельстят тебе мужи нечестивии, ниже да восхощеши, аще помолят тя, глаголюще: иди с нами, приобщися крове* (Притч. 1, 10–11). К ним же мы присоединим и тех, которые, невежественно уклонившись от правой веры, идут вслед плоти, не приемля словес Святого Духа, но *внемлюще духовом лестчим, в лицемерии лжесловесник, сожженных* умом (1 Тим. 4, 1–2). Таковые, отметая родство со Христом, поистине посягнули за людей иноплеменных и приняли в себя семена диавольские и, будучи в заблуждении, плодоносят дела заблуждения и погибели. Итак, отвержена, хотя и священная некогда, и благочестивая душа, подпадшая столь постыдному осквернению: ибо вполне не священно все то, что соделывается нечистым и оскверненным вследствие союза с людьми дурными и нечестивыми. Рядом с этим Бог тотчас изрек и другой закон, который изложен так: *и дщерь жерца аще будет вдова (или) отпущена, плода же не будет ей, возвратится в дом отца своего, по юности своей, от хлебов отца своего да снест* (Лев. 22, 13). Исторический смысл, думаю, ясен; посему должно перейти к внутренним и сокровенным мыслям. Если, говорит, душа, как осужденная, будет отвержена и окажется лишенной мужа, то есть мысленного Жениха, не имея никакого плода добродетели, то пусть бежит на первоначальный путь и скорее возвратится в дом отца своего, очевидно чрез раскаяние ища родства с Богом, и тогда да вкушает от хлебов Его. Впрочем, ничто не препятствует применить силу сказанного к тому, о чем мы недавно говорили. Если случится, сказано, что священная и святая душа, предавшаяся нечестивым мужам, впадет в заблуждение и восприимет скверну чуждых учений и посему станет как бы вдовою и оставленною Богом, отрезвившись же как бы, познает, во что она пала: то пусть возвратится к Отцу, ибо Он приемлет заблудших, если они оказываются чистыми от приразившихся к ним нечестивых семян и если не принесут с собою никакого остатка мерзости введших их в заблуждение, и сопричисляет их к стаду святых своих поклонников так, что Себя Самого предлагает как хлеб с небес, пищу им животворящую. Впрочем, думаю, что посредством этих законов Законодатель указывает нам и на нечто другое. Он предвозвещает как бы отпадение си-

нагоги иудейской и ее осуждение за это, а также и имеющую снизойти на нее по времени благость, призывающую ее милостью Божией к обращению и возводящую в первоначальное состояние: ибо *дщерь,* — сказано, — *человека жерца аще посягнет за мужа иноплеменника, от начатков святых да не снест.* Что касается до научения и наставления, то как бы каким отцом синагоги иудейской был божественный Моисей. Таким образом она была дщерью жреца, потому что и Моисей был священнодействователем, так как происходил от крови и колена Левия. Но *дщерь* его посягнула за человека *иноплеменника:* ибо за совершенно малозначащее считая определенное Богом и некоторым образом пренебрегая семенами, свыше ниспосылаемыми, она заботилась об учениях и заповедях человеческих и плодоносила мнениям людей чуждых. За сие-то Бог и обвинял ее, говоря ей устами Иеремии: *воздвигни очи твои на правоту и виждь, где не смесилася еси: на* самых *путех сидела еси аки врана особящаяся, и осквернила еси землю в любодеянии* твоем *и в лукавствех твоих, и имела еси пастырей многих в претыкание себе* (Иер. 3, 2–3). Но это древние преступления иудейской синагоги; им родственны и новые, соделанные против Самого Христа: ибо отнюдь не приняв свыше и от Бога Отца пришедшего Жениха, она внимала словам книжников и фарисеев. Таким образом, она посягнула за человека иноплеменника и посему осталась непричастною святым, так как не вкушала хлеба небесного, то есть Христа. Видишь преступления и тотчас наложенное от Христа на нечествовавших ими людей наказание. Посмотри теперь и на то, каким образом они помилованы и возведены в первоначальное состояние. *Дщерь,* — сказано, — *жерца, аще будет вдова отпущена, плода же не будет в ней, возвратится в дом отца своего, по юности своей, и от хлебов отца своего да снест* (Лев. 22, 13). Вдовою и отпущенною за нечестие против Христа явилась синагога иудейская и пребыла в грехах и в неимении ничего из духовных благ, и в этом (положении) провела долгие времена. Но она возвратится в отеческий дом свой, ибо и она будет призвана чрез веру к Богу; признает для себя вместе с нами Отцом Зиждителя всяческих и сделается причастной благословения Христова. Эту тайну сделает тебе ясною и слово пророка; ибо он так сказал: *зане*

дни многи сядут сынове Израилевы, не сущу царю, ни князю, ни сущей жертве, ни сущу жертвеннику, ни жречеству, ниже явлениям. И по сем обратятся сынове Израилевы и взыщут Господа Бога своего, и царя своего, и почудятся о Господе и о благостях Его в последняя дни (Ос. 3, 4–5).

П. Истинно слово.

К. Итак, священное, то есть святое, может быть вкушаемо и благоприлично для восприятия только людьми неповрежденными в себе самих; но не может еще быть предложено не пребывающим здравыми или оскверненным чрез общество с чуждыми; ибо написано: *со строптивым развратишися* (Пс. 17, 27). А что и для людей истинно священных не безвредно как бы обращать на общее употребление святыню и думать, что она ничем не отличается от прочих яств, это он разъяснил, тотчас же говоря: *и человек иже аще яст святая по неведению, и да приложит пятую свою часть ко истому, и да даст жерцу святое. И да не осквернят святынь сынов Израилевых, ихже они отделяют Господу: и да не наведут на себе беззаконие преступления, внегда ясти им святыню их: яко Аз Господь освящаяй их* (Лев. 22, 14–16).

П. Не очень понимаю, что значит сказанное тобою.

К. Уразумеешь это, и очень ясно, ибо здесь нет ничего трудного. Возносимое в воню благоухания, тельцы ли то или же овцы, возносимы были на алтарь только отчасти, причем отделяемы были внутренности, ноги и голова, тук, а иногда и почки; остатками же питались священники, ибо *ядущии жертвы общницы олтареви суть,* как и божественный Павел сказал (1 Кор. 10, 18). Итак, необходимо было, чтобы посвящаемо было Богу нечто из приносимого, согласно приличествующему каждой жертве обряду, а остальным телом жертвы вознаграждались бы совершители ее. Если же бы кто унес совершенно весь дар и употребил на собственные нужды, ничего не воскурив, то виновен был бы пред законом, как употребивший в пищу святое. Так поступали сыновья священника Илия, похищая и оскверняя посвящаемое Богу прежде принесения его в жертву и весьма нечестиво говоря приходящим для жертвоприношения: *даждь мяса испещи жерцу* (1 Цар. 2, 15). Но оные беззакония, как вольные и заключавшие в себе явное оскорбление, получили соответственное наказание. Если же случится кому-либо, ска-

зано, или по забвению, или по неточному знанию постановленного законами сделать что-либо таковое, тот пусть подвергнется взысканию и немедленно отдаст равное возмездие; *и да приложит* к сему еще *пятую часть*, то есть пятую долю ценности; и таким образом разрешит вину и устранит вред, происшедший *по неведению* (Лев. 22, 14–16). Итак, когда и по неведению совершенное не свободно от вины, то что же думать о совершаемом с умыслом и по дерзости? Посему имеющим попечение о священном должно остерегаться искать случая присвоять что-либо прежде жертвоприношения, иначе пусть они знают, что, ужасно согрешая, повинны будут наказанию и подвергнутся Божественному гневу. Разве ты не считаешь этого истинным, друг мой?

П. Вполне.

К. А что священствующим должно быть святыми и омовенными и мужественно отрясать мертвый, так сказать, и охлажденный помысел, не дышащий добродетелью, это Бог разъяснял, говоря: *рцы жерцем сыном Аароним, и речеши им: над душами да не осквернятся в языке своем, но разве в дому ближняго своего, над отцем и матерню, и сынами, и дщерми, над братом, и над сестрою девою, яже есть ближняя ему, не дана мужу, над сими да осквернятся. Да не осквернится внезапу в людех своих, во осквернение свое. И да не обриете главы по мертвым, и обличия брады да не обриют и на плотех своих да не сотворят язв. Святи да будут Богу своему, и не оскверният имене Бога своего: жертвы бо Господни дары Бога своего сами приносят, и будут святи* (Лев. 21, 1–6). Если кто тщательно исследует предмет в его истине, то для человека совершенно никаким осквернением не может быть смерть другого. Но смертность телесная есть образ смертности внутренней и душевной, которою необходимо оскверняется приблизившийся к ней или хотением, или деланием того же самого: поэтому святым прилично удаляться и находиться возможно далее от мертвых дел, и прекрасно – не сходиться с недугующими таковыми делами; ибо написано: *касаяйся смоле очернится* (Сир 13, 1). Причастен может быть, и очень легко, порочности другого не остерегающийся прилепляться ему. Но закон дозволяет освященным неповинно оскверняться по отношению к отцу и матери, детям и братьям, а также и близким родствен-

никам, чрез приближение даже к бездушным телам их, из уважения к естеству, и не обращает внимания на эти, бывшие образом, прегрешения, лишь бы знаемые Богу не казались жестокими, надменными и несострадательными. Закон ясно говорит: *чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет* (Исх. 20, 12). И в другом отношении и смысле, говорим, запрещено освященным скорбеть: как можно отягчаться скорбию о смерти тем, которые являются священнодействователями жизни и приносят жертвы Богу в разрешение от смерти (ибо смерть Христова, прообразуемая овцами и тельцами, есть разрешение от смерти)? Так и божественный Павел ясно пишет крещенным во Христа в надежде жизни и воскресения: *сие же говорю, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскресе, тако и Бог умершия в Иисусе приведет с Ним* и воздвигнет с нами (1 Сол. 4, 13–14 и 17). Итак, закон дозволил освященным подходить к умершим, очень близким для них по родству; но умеряет это и не дозволяет нарушать наиболее приличествующее им посредством пользования этим правом в излишестве и сверх нужды, дабы тем не оскорбляем был почетный дар священства. Так, например, запрещает остригать, по подобию других, головы и, для обезображения лица, брить бороду; повелевает также, чтобы и другие нечестивые дела эллинского безумия, разумею нарезы на теле, даже на мысль не приходили: ибо сочувствовать близким родным в скорби нисколько не безрассудно, но совершенно безобразить себя было бы вполне нелепо и безумно; потому что сказано: *вся благообразно и по чину да бывают* (1 Кор. 14, 40). Предпочитать же обязанности в отношении к Богу обязанностям даже и в отношении к самим родителям, согласно с древним законом, повелел нам и Сам Спаситель, так говоря: *иже любит отца, или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37).

П. Ты хорошо сказал.

К. Итак, отнюдь не повелевает священникам оскверняться прикосновением к мертвым. А что не сходно и не согласно с нечистым святое, это и другими способами являет Он нам, установляя для нас законы о браках и тотчас после вышесказанного говоря о всяком священнике: *жены блудницы, и оскверненны да не поймут, и жены изгнаныя от мужа ея да не*

поймут: ибо он свят[1] *Господу Богу своему. И да освятиши его: дары Господа Бога вашего сей приносит, свят будет: яко свят Аз Господь освящая их* (Лев. 21, 7–8). Жена поистине блудница и оскверненная недугует пороком открыто постыдным и несомнительно заслуживает осуждения; но никаким образом не безвинна и изгнанная (мужем): ибо не напрасно потерпела изгнание от очага сожителя своего. Поэтому возведенным на столь почтенную степень служения должно удерживаться не только от пороков, имеющих в самих себе явное и открытое осуждение, но и от всякого дела, с которым соединяется мысль о пороке и недоброе предположение и бесчестие по причине очень многих подозрений. Кажется, эти слова таинственно указывают и на несчастие синагоги иудейской, которую за то, что она *соблудила с пастырьми многими*, по написанному (Иер. 3, 1), не принял в духовное общение Христос, всечистый Священник, вознесший Себя Самого за нас Отцу, как бы какой избранный дар, — святой вместе с нами по человеческому естеству, хотя и Сам всю тварь освящающий, как от Бога происшедший и Бог. Затем более ясным делает значение таинства, говоря, что *и дщерь человека жерца, аще осквернится, еже соблудити, имя отца своего сия оскверняет: огнем да сожжется* (Лев. 21, 9). Предана пламени, как нечестивая и оскверненная, и синагога иудейская, следовавшая мнениям книжников и фарисеев и весь свой ум предавшая заповедям человеческим. Посему весьма справедливо слышала она пророка, говорящего: *како бысть блудница град верный Сион полн суда?* (Ис. 1, 21.) Итак, соблудивши и совершенно призревши вышнего и духовного Жениха, она соделалась пищей огня. Посему-то, источая над нею горькие слезы, и пророк Иеремия говорит: *маслину благосенну, красну зраком нарече Господь имя твое, ко гласу обрезания ея: разгоресяогнь в ней, велика скорбь на тебе, непотребны быша ветви ея. И Господь сил, иже насади тебе, глаголал есть на тя зло* (Иер. 11, 16–17). Таким образом род мысленного блужения есть уклонение от правомыслия и старание прилежать учителям постыдным и нечестивым.

---

[1] В славянской Библии: *святи суть*, согласно с общепринятым греческим текстом Библии. У св. Кирилла: ἅγιός ἐστι, согласно с Александрийским кодексом.

П. Так полагаю.

К. Впрочем, образы сказанного не ясны и не довольно хорошо видны на других священниках, но они как бы воссиявают в Аароне, носящем образ Христа; ибо сказано еще: *и жрец великий от братий своих, емуже возлиян на главу елей помазания, и совершенный, еже облачитися в ризы, главы да не открыет*, или да не снимает митры[1], *и риз своих да не раздерет: и ко всякой души умершей да не приидет: над отцем своим и над материею своею да не осквернится. И от святых да не изыдет, и да не осквернит святыни Бога своего, яко святый елей помазания Бога на нем: Аз Господь. Сей в жену деву от рода своего поймет: вдовицы же и изгнаныя, и оскверненыя, и блудницы, сих да не поймет: но девицу от народа своего да поймет в жену. И да не осквернит семене своего в людех своих: Аз Господь Бог освящаяй* их (Лев. 21, 10–15). Видишь ясно, как бы еще в образах, Еммануила и Христа, наименованного как бы в Аароне: ибо Он помазан Духом, по Писаниям (Ис. 11, 2; 42, 1 и др.), Сам будучи всесовершенный Священник. Посему и неотъемлемую имеет славу священства: *да не открыет,* — сказано, — *главы,* то есть да не снимает священнолепного облачения; ибо Спасителю всех и Искупителю сказано: *Ты иерей во век по чину Мелхиседекову* (Пс. 109, 4). *И они множайшии священницы быша, зане смертию возбранени суть пребывати: Сей же, занеже пребывает во век, непреступное имать священство: темже и спасти до конца может приходящих чрез Него к Богу:* так написал и божественный Павел (Евр. 7, 23–25). Итак, запрещение снимать кидар с головы указывает на неотъемлемость священства. Если же сказать и так: да не снимает митры (*увясла*)[2] с головы, — то ты весьма легко уразумеешь здесь постоянство и непоколебимость царства его: ибо митра, имеющая на са-

---

[1] Здесь св. Кирилл имеет в виду два различных чтения: οὐκ ἀποκιδαρώσει (да не снимает кидара, в слав. Библии: *да не открыет*) и οὐκ ἀπομιτρώσει (да не снимает митры).

[2] Здесь уже известное нам головное украшение священника, называемое по-гречески митрой, и по-славянски увяслом (головная повязка, чалма – Исх. 28, 37; Лев. 8, 9), как бы сравнивается с венцом (в Ис. 61, 10 так и передано по-славянски греческое слово: μίτρα), царской принадлежностью.

мой вершине чела золотую дощечку, есть образ начальства и царства. Но *и риз да не раздерет,* сказано. У некоторых есть обычай делать это над мертвыми; но это дело совершенно чуждо Христа: ибо жизнь не может потерпеть никакого мучения от смерти. Для нее совершенно ничего не значит мертвое; но она сама есть и разрешение смерти и разрушение тления. Так и Спаситель некогда запрещал желавшим оплакивать дочь начальника синагоги, говоря: *отыдите* и не плачьте: *не умре бо девица, но спит* (Мф. 9, 24). Поистине неразумно было проливать слезы над девицею, как над умершею, когда присутствовала жизнь всех, то есть Христос. А если Он и Сам прослезился над Лазарем (Ин. 11, 35), то это, как мы полагаем, было следствием любви, и сострадание к нам происходило от Божественной благости: ибо удручаемое смертью естество побуждалось к состраданию и разрешением страдания для Него были слезы.

П. Кажется, так.

К. А что во Христе отнюдь нет ничего скверного, на это косвенно указуется словами, что архиерей должен удаляться от мертвечины, не подходя ни к чему мертвому, не заботясь при сем о почтении к отцу, или к матери, или к братьям Смотри, как благоразумен закон и сколь немалое значение придает он приличествующему предметам умопостигаемым благоукрашению: по отношению к другим священникам он обнаруживал внимание к естеству, и дозволял освященным безвинно совершать общепринятые действия по отношению к очень близким и кровным умершим; и не очень заботился о грехе в сени: ибо изображаемы были наши вины, и образ относился к людям, с которыми если бы и случилось осквернение, то ничего не было бы в том неестественного: *много бо согрешаем вси* (Иак. 3, 2), и самое естество наше немоществует склонностью ко греху. Но в великом Архиерее, то есть Христе, честь соблюдена чистою в самом даже прообразе и безукоризненность в самых тенях, дабы не была повреждена красота истины, как бы в них нарушаемая; потому что бесскверней Христос и не знает греха и превыше всякого осквернения, напротив, причастен светлости и чистоте мысленной, и находится во всецелом освящении, и непреходящим имеет проявление этого, вследствие утверждения сего на естественных законах и всегдашнего пребывания в одном и том же

положении и одним и тем же образом. И это, думаю, означает изречение: *от святых да не изыдет, и да не осквернит* святыни *Бога своего* (Лев. 21, 12). Затем весьма ясно говорит, что женою для брачного общения должна быть дева, и исключает из брачного общения отверженную. Это было образом синагоги иудейской, ибо она извержена от общения с Ним и о ней говорит Он устами пророка, *яко та не жена Моя, и Аз не муж ея* (Ос. 2, 2). А Павел *обручил* Христу церковь из язычников, как *деву чистую, не имущу скверны или порока,* но *святую и непорочную* (сн. 2 Кор. 11, 2 с Еф. 5, 27). И таким образом это указание на церковь из язычников и матерь иудеев (синагогу) верно, и образ прекрасен. Если же кто пожелал бы силу этих мыслей надлежащим образом обратить на каждого из людей, то говорим, что с душами скверными и нечестивыми не соприкасается Христос; но со всесвятыми и чистыми, как бы с девами, духовно соединяется, и делает их плодоносными, и называет их своим родом: *иже бо аще сотворит волю Отца Моего,* — говорит Он, — *иже есть на небесех, той и брат Мой, и сестра Моя, и мати Моя есть* (Мф. 12, 49).

П. Ты сказал правильно.

К. Итак, каковыми должны быть избранные на священнодействие, и что они должны стараться делать правильно, и от чего прилично им быть свободными, о том изречено ясно; но кроме того благоразумно было ясно сказать и о том, каким образом они должны священнодействовать, и исчислить в законах виды жертв и все священнодействуемое, чтобы чрез это непорочным было у них дело и чтобы таким образом они совершили наиприятнейшее служение Богу. Посему и прежде всего другого *да не взыдеши,* — сказано, — *по степенем ко олтарю Моему, яко да не открыеши срамоты твоея на нем* (Исх. 20, 26). Но каким образом может случиться это, тотчас же скажет кто-либо, когда Он дал священникам *надраги льняны,* чтобы *покрывати,* как сказано, *стыдения плоти* его? (Исх. 28, 42.) И так если бы нужно было и высоко восходить, ничего не было бы в том оскорбительного, когда их срамота была прикрыта. Какая же поэтому, говорим, была цель закона? Поклонникам идолов казалось достохвальным и необходимым высоко в дубравах водружать жертвенники; и при этом немного было им заботы о том, чтобы быть в честном одеянии. Итак, закон благоразумно направляет Божиих священнодей-

ствователей к лучшему от того, что обыкновенно с ними случается, и как бы от образа телесного возводит к созерцанию духовному; ибо *да не взыдеши,* – сказано, – *по степенем ко олтарю Моему, яко да не открыеши срамоты твоея на нем.* То есть Божий священнодействователь, посвященный на служение Мне, должен стремиться к смирению и не восходить на высоту; должен остерегаться надменности, чтобы не оказаться бесстыдным и безобразным: ибо надменная мысль безобразна и совершенно бесстыдна и есть весьма тяжкий недуг ума. *Елико велик еси,* – сказано, – *толико смиряйся, и пред Господем обрящеши благодать* (Сир. 3, 18). Пишет также и ученик Спасителя: *да хвалится брат смиренный в высоте своей: богатый же во смирении своем* (Иак. 1, 9–10); ибо прейдет как трава и никаким образом не будет отличаться от цветов полевых (ср. Пс. 102, 15).

П. Соглашаюсь.

К. Итак, сказано, что от надменности и гордости должен быть свободен священнодействующий. Узнаешь ты совершенно ясно и о том, каким образом он мог бы сделать священнодействие самым законным и безукоризненным; ибо в книге Левит написано: *и рече Господь к Моисею, глаголя: заповеждь Аарону и сыном его, глаголя: сей закон всесожжения: сие всесожжение на горении его на олтаре всю нощь до утра: и огнь олтаря да горит на нем, не угасает. И да облечется жрец в срачицу льняну, и надраги льняны да возвлечет на тело свое, и да изнесет принос, его же аще изжжет огнь, всесожжение от олтаря, и да поставит близ олтаря: и да совлечет ризы своя, и да облечется в ризы ины и да изнесет принос вне полка на место чисто: И огнь на олтаре да горит на нем, и не угасает, и да возжжет на нем жрец дрова по вся утра, и да восkладет нань всесожжение, и да возложит нань тук спасения: и огнь всегда да горит на олтаре, и не угасает* (Лев. 6, 8–13). Итак, непрерывен и непрекращаем совершенно огонь алтаря, и не чуждый или внешний, но получаемый с самого же алтаря, то есть свыше и с неба. И что это значит? – То, что святой алтарь наш исполнен славы Божией. В виде же огня является Божественное и неизреченное естество. Но кажется, эти слова весьма ясно указуют и на нечто таинственное

П. Что это такое, о чем ты говоришь?

К. Разве мы не говорили, что Божественный алтарь, как бы в образе, есть Еммануил, чрез Которого мы приходим к Богу и Отцу, служа разумно и едва не воскуряя благоухание в добродетелях и освящение евангельского жительства? Ибо сказано: *представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше* (Рим. 12, 1).

П. Говорили: помню.

К. Так смотри, не дозволяет прекращать сошедший с неба на алтарь огонь или возжигать угасший, но повелевает, чтобы он был на нем постоянно и пребывал непрерывно. Засвидетельствовал же и Иоанн Креститель о Христе: *яко видех Духа сходяща с небесе* в виде *голубя, и пребысть на Нем. И Аз*, — говорит, — *не ведех Его, но пославый Мя крестити, Той мне рече: над Него же узриши Духа сходяща* с неба *и пребывающа на Нем, Той есть крестяй Духом Святым* (Ин. 1, 32 и 33). Итак, предызображаем был как бы еще в тенях, в виде огня, Дух Святой, сходящий на Христа и всегда пребывающий на Нем: ибо неусыпаем и совершенно непрекращаем огонь алтаря. А что Дух уподобляется естеству огня, в этом уверяет тебя и блаженный Креститель, говорящий народу Иудейскому: *аз крещаю водою: посреде же вас стоит, Его же вы не весте, грядый по мне, Ему же несмь достоин, да отрешу ремень сапогу Его* (Ин. 1, 26–27). И сказал: *Той вы крестит Духом Святым и огнем* (Мф. 3, 11; ср. Ин. 1, 33); потому что мы крещены не чувственным огнем, но Святым Духом, наподобие огня истребляющим в душах скверну. Посему и написано о Христе: *се Той входит яко огнь горнила, и яко мыло перущих. И сядет разваряя и очищая яко сребро, и яко злато* (Мал. 3, 2–3). Итак, неугасим огонь алтаря: потому что пребывает во Христе Дух Святой, хотя и по естеству присутствует в Нем; поскольку Он мыслится и есть Бог. Но закон сказал также и то, что огонь алтаря есть Его собственный: ибо если Единородный и соделался человеком и, как то приличествует человечеству, называется соделавшимся причастным Духа; однако же Дух есть поистине Его Дух и в Нем и собственный Ему. А если бы кто захотел смысл сего отнести и к каждому из освященных верою во Христе, так чтобы каждый из них представляем был как бы Божественным алтарем, то и такое толкование

будет полезно; потому что мужам священным и посвятившим жизнь свою Христу прилично являться горячими и кипящими Духом, — и это постоянно, — не увлекаемыми мирскими удовольствиями к охлаждению, но, напротив, воспламеняющими в освящении ум к любви Божественной и желанию добродетели. Это есть способ служения словесного. Таков смысл алтаря. Присоединяет же некоторое повеление полезное и со стороны буквального смысла; именно говорит, что пепел должен быть выносим не кем-либо другим из иноплеменников или из другого колена, но чрез освященных. И замечай, как закон не дозволяет ничего из относящегося до Божественного служения считать маловажным или недостойным священнической деятельности, чтобы уступить это другому лицу не священному: потому что святое недоступно для нечистых. Да и самый Божественный алтарь неприкосновенен. И чтобы избранные для священнодействия ведали превосходство Божественного алтаря в освящении, усвояет честь и самим священнолепным облачениям: предусмотрительно не дозволяет являться вне скинии облеченными в священные одежды, дабы освященное, вращаясь среди нечистого и приемля осквернение отвне, не оскорбило чести святой скинии. Поэтому, хотя позволяет нести пепел одетым священнолепно, но когда выносят его вне скинии и удаляются от святых мест, повелевает переодеваться. Изрек же сродное таковому и устами Иезекииля; а пишет сей так: *и рече ко мне: преграда яже к северу и преграда яже на юг,* находящиеся на известных расстояниях, суть преграды святилища, в которых едят *жерцы, сынове Садуковы, приступающии к Господеви* в Святая Святых, и там положат Святая Святых, и *жертвы, и яже за грехи, и за неведение:* потому что место свято. *Да не внидет* туда кто-либо кроме священников. И пусть не *исходят* сии из двора святилища *во внешний двор,* дабы всегда были святы приносящие жертву, и да не прикасаются *риз* их, *в нихже служат,* потому что они святы, и да *облекутся в ризы ины,* когда соприкасаются с народом (Иез. 40, 45 и далее; 44, 19 и 29). Итак, святы и самые облачения священников и неприкосновенны для народа. Ночью и днем горит всесожигаемое: ибо непрекращаемо благоухание Христово. И самая жизнь святых, если ее разуметь под образом всесожжения, имеет непрекращаемое благовоние: по-

тому что они благоухают Христовым благовонием, священнодействуя Богу похвалы от дел евангельского жития.

П. Истинно слово.

К. Итак, каков способ совершения всесожжения, это ясно из сказанного. А каков должен быть, и притом самый правильный, способ совершения жертвы (хлебного приношения), об этом повелевает, говоря: *сей закон жертвы, юже принесут сынове Аарони пред Господем, прямо олтаря. И да возмет от него (жрец) горстию муки пшеничны жертвенныя се елеем ея, и со всем ливаном ея, сущими на жертве: и да вознесет на олтарь принос в воню благовония, в память ея Господу. Оставшееся же от нея снест Аарон и сынове его: пресна да снедятся в месте святе, в притворе скинии свидения да снедят я. Да не испечется квасна: часть сию дах им от приносов Господних: всяк, иже аще прикоснется им, освятится* (Лев. 6, 14–18). Итак, всесожигаемое означает как бы всесовершенное и всецелое посвящение избранных святых; жертва же — оную как бы отчасти святую и подчиненную Богу жизнь, точным указанием которой служит пшеничная мука, горстию священника возносимая с елеем и ливаном: ибо жизнь, посвященная Богу, хотя бы то и отчасти, должна быть всецело благовонною и утучняемой самыми блестящими надеждами. Разве ты не признаешь благовоннейшим всякое доброе дело наше?

П. Конечно признаю.

К. Что же? Разве эти дела не совершаются нами с добрыми надеждами?

П. Несомненно: ибо во всяком случае за ними будет следовать обетованное от Бога.

К. Итак, ливан и напитанная елеем пшеничная мука указует нам на благовонную и блистательнейшую жизнь.

П. Ты хорошо сказал; но какая может быть у нас жизнь как бы отчасти святая?

К. Ни доходящая до вершины святолепного жительства, ни идущая стезею очень возвышенною, какова была жизнь Иоанна или святых Апостолов; ни лишенная чести вследствие того, что побеждается жизнью низшею. Разве жизнь находящихся в мире и производящих детей, если бы они решились проводить жизнь похвально, не *разделися* между Богом и миром, по слову блаженного Павла (1 Кор. 7, 33)?

П. Разделилась· как же иначе?

К. Итак, образом жизни не вполне посвященной Богу, но как бы средней и обращенной в обе стороны было частичное посвящение пшеничной муки, имеющей благовоние и веселие, о которой закон говорит, что она будет в память о принесшем ее чрез служение священническое. И мы воистину приобретем памятование о себе у Бога тем, что благоухаем, делая приношения, так как Христос посредствует и приносит Богу как всецело святого, наподобие всесожжений, так и не совсем такового вследствие разделения между миром (и Богом), как бы какую жертву отчасти посвященную Богу. Затем жертва -- пресная· ибо прилично было бы, чтоб всякое наше дело совершалось чисто, во славу Божию. Так и Спаситель повелел остерегаться совершать молитвы стоя среди площади, и иметь угрюмый вид во время поцения, и безобразно трубить при подаянии милостыни братиям (Мф. 6, 1 и далее; 5 и далее; 16 и далее), ибо это есть закваска, оскверняющая священное (жертвоприношение) Совершаемому же во славу Божию приличествует быть свободным от обвинения в человекоугодии, потому что таким образом оно будет поистине бесквасною и священною жертвой. Долею же и пищею для священников служит остаток жертвы. Всякий мужеский пол жертвы снедается в святом месте Тем, что жертвы потребляются священниками в святом месте, соблюдается почтение к таинственнейшим словам нашим, а тем, что снедается всякий мужеский пол, превосходно указуется на то, сколь безобразное и поистине нечестивое дело — изнеженность в избранных от Бога: ибо она делает человека оскверненным, лишает его благословения духовного и являет непричастным уделяемых от Бога святым благ. Изнеженным оказался и Иуда, уклонившийся к скверностяжанию, а это произошло от помысла отнюдь не мужественного и не благородного, посему-то он остался и не вкусившим Божиих благ и совершенно непричастным дарованных святым преимуществ.

П. Это так.

К. Таков закон жертвы, приносимой кем-либо из сонма израильтян; иным способом установил приносить жертву от рода священного, говоря· *сей дар Аарону и сыном его, егоже принесут Господу в день, в оньже аще помажеши его: деся тую часть меры ефи муки пшеничны в жертву всегда, пол*

ея заутра, и пол ея в вечер. На сковраде в елеи да сотворит ся, спряжену да принесет ю, витую жертву от укрухов, жертву в воню благовония Господу. Жрец помазанный, иже вместо его от сынов его, да сотворит ю: законно вечно, все да совершится. И всяка жертва жреческа всесожженна да будет, и да не снестся (Лев. 6, 20–23). Усматривай, Палладий, точность закона и великую тонкость в священнолепной непоколебимости его: между тем как не повелел быть всесожигаемыми жертвам, приносимым от сонма, как не вполне святую жизнь имеющего, но разделенную как бы между Богом и миром, по справедливости выделивши и на высшем месте поставивши избранных для священнодействия, повелел жертве за них быть всесожигаемою, приносимую в жертву пшеничную муку воскурять Богу утром и вечером, то есть во весь день и во всякое время· ибо свят некоторым образом всегда и непрекращающееся имеет благовоние, очевидно духовное, избранный, не разделенный между Богом и миром, как некоторые, но благоприлежно и неотвлекаемо и всецело приверженный своему Владыке, и как бы восклицая: *Христови сраспяхся: живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 19–20). Десятая часть меры ефы пшеничной муки есть знамение жизни, благоухающей Богу во всякое время. Но *на сковраде,* сказано, а также и *в елеи спряжену* и *от укрухов да принесет ю;* сковородою, как я думаю, загадочно указуется нам на болезнование, смешением с елеем – на изобилие в радости, а тем, что *от укрухов,* – как бы на нежность и удобосокрушаемость сердца святых: потому что во всяком случае жизнь вполне и всецело святую сопровождают перенесение трудов, изобилие в надежде на Бога и полная удобосокрушаемость. Менее всего приличествует ей несокрушимость, ибо написано· *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Но *ожесте аки камень* и *аки наковальня не подвижна* сердце диавола: так говорит Священное Писание (Иов 41, 15). И этот закон простирается навсегда, исполняемый преемством священнодействующих: ибо должно следовать похвальным деяниям предков и являться подражателями славы отцов, идя по следам служения оных и принося Богу приятнейшее благоухание, не раздельно, а всецело. Это, думаю, значит изречение: *всяка жертва жреческа всесожженна да будет.*

П. Итак, мы должны приносить себя самих и посвящать Богу в воню благоухания, следуя жизни святых и подражая их священнодействиям, очевидно духовным

К. Совершенно так, Палладий. Но что очиститься от скверны и избежать греха не иначе возможно было бы для кого бы то ни было, как только чрез Христа, в Котором и чрез Которого всякое очищение, так как Он претерпел за нас спасительное заклание, об этом всякий узнает, и притом немедленно, из соседственного с тем и сопряженного с ним законоположения. Оно таково: *и рече Господь к Моисею, глаголя: рцы Аарону и сыном его, глаголя: сей закон согрешения: на месте, на немже закалают всесожжения, да закалают яже греха ради пред Господем: святая святых суть. Жрец приносяй ю, да снест ю: в месте святе да снестся, в притворе скинии свидения. Всяк прикасаяйся мяс ея, освятится: и ему же аще воскропится от крове ея на ризу, яже аще воскропится на ню, да исперется на месте святе. И сосуд глинян, в немже варится, да разбиется: аще же в медяне сосуде сварится, да изтрет его, и измыет водою. Всяк мужеск пол в жерцех да снест ю: святая святых суть Господу* (Лев. 6, 24–29). Итак, жертва за грех есть не иное что как Еммануил, Который есть истинный *Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1, 29). Закалается же на месте всесожжения: ибо не отчасти и не как мы свят Христос (потому что Он *греха не сотвори,* 1 Пет. 2, 22), но весь благоуханен и священ и есть податель освящения для всех других ибо хотя Он и *со беззаконными вменися* (Ис. 53, 12) и смотрительно сопричислен был к осужденным, однако же Отец знал, что свята и священна смерть Сына. Посему и говорит *на месте, на немже закалают всесожжения, да закалают яже греха ради: святая святых суть* (Лев 6, 25). Сын есть как Бог богов, так и Святой святых, Сам освящающий всю тварь Своим Духом, поколику родился от Отца и есть истинно Бог. *Да снест* жертву, сказано далее, *жрец приносяй ю* (6, 26): ибо каждый, думаю, из возведенных на священное служение соберет плоды трудов своих и пожнет воздаяние за свое служение. И остаток жертвы снедается в святых местах, в притворе святой скинии (ср. 6, 16): потому что в церквах совершаются таинства и в них избранный род удостоивается святой трапезы. И место, на котором священствует законный

священник, должно быть свято. Затем жертва освящает прикасающегося к ней и окропление крови (ср. 6, 27): ибо мы приступаем к святым тайнам не ради чего-либо другого, как для того, чтобы причаститься святого Христа посредством неизреченной и духовной жертвы. Очищаются, кроме того, и служащие для жертв сосуды, чтобы не послужило чему-нибудь другому и не употребляемо было на нужды человеческие то, что послужило святыне. И этот закон наблюдается и сохраняется в церквах. А что мужающимся прилично быть благословляемыми, и это опять уяснит закон, сказав: *всяк мужеск пол в жерцех да снест ю* (6, 29).

П. Речь ясна.

К. Законополагает, кроме того, и о том, каким способом может быть правильно совершаема жертва, разумею за грех, и какие части ее могут быть снедаемы служащими, а какие, напротив, избираются в воню благоухания; ибо написано так: *и вся,* — сказано, — *яже о гресе аще принесутся от крове их в скинию свидения, ко очищению* в месте святом, *да не снедятся, огнем да сожгутся. И сей закон овна иже о преступлении: святая святых суть. На месте на немже закалают всесожжение, да заколют овна иже о преступлении пред Господем. И кровь да пролиют на стояло олтаря окрест: и весь тук его да принесет от него, и чресла, и весь тук покрывающий утробу, и весь тук иже на утробе. И обе почки, и тук иже на них, иже на стегнах, и препонку яже на печени с почками, да отымет я. И вознесет я жрец на олтарь принос Господу: о преступлении есть. Всяк мужеск пол от жрец да снест я, на месте святе да снедят я: святая святых суть. Якоже греха ради, тако и преступления ради, закон един их: жрец иже помолится о нем, ему да будет* (Лев. 6, 30 — 7, 1–7). Запрещает употреблять в пищу внутренности (*утробу*) жертв. Одному Богу, сказано, они должны быть посвящаемы и Ему приносимы; ибо это, думаю, означает изречение: *огнем да сожгутся,* то есть должны быть отделены для посвящения одному Божественному и все превосходящему естеству, образом Которого служит огонь. Когда же приносится в жертву овен преступления, то кровь проливается у подножия (*стояла*) алтаря: ибо свята и священна, равно как и благоуханна смерть Христова. Возносятся внутренности, тук (жир), почки и лопасти (*препонка*) печени. Это, я думаю, как и раньше

говорил, служит образом добродетели не единой, но как бы в виде многих: ибо весьма много видов добродетели. Итак, мы оправданы во Христе, претерпевшем за нас смерть и принесшем Себя Самого *в воню благоухания Богу* и Отцу (Еф. 5, 2). А что мы не безвозмездно будем служить Богу, это уясняет, тотчас же и кряду говоря: *и жрец приносяй всесожжение человечо, кожа всесожжения, еже приносит он, ему да будет. И всяка жертва яже сотворится в пещи, и всяка яже сотворится на огнищи, или на сковраде, жерцу иже приносит ю, тому да будет. И всяка жертва спряжена с елеем, и яже не спряжена, всем сыном Аароним комуждо равно да будет* (Лев. 7, 8–10). Сохраняется в церквах и сей закон, и предписывает равенство между священнодействующими, разделяя каждому без различия дары бескровной жертвы. И зная это, Павел пишет: *тако и Господь повеле служащим олтарю* от алтаря жить (1 Кор. 9, 13–14). И приносящие *жертвы общницы олтареви суть*, как он же опять говорит в другом месте (10, 18).

П. Это так.

К. Благоустрояет также и жертву хваления и дает заповедь о том, как она должна быть совершаема, говоря: *сей закон жертвы спасения, юже принесут Господу. Аще убо похваления ради принесет ю, и принесет на жертву хваления хлебы от муки пшеничны пряжены в елеи, и опресноки помазаны елеем и муку пшеничну смешену с елеем: с хлебы квасными да принесет дар свой на жертву хваления спасительнаго: и да принесет един от всех даров своих участие Господу: жерцу возливающему кровь жертвы спасения, тому да будет. И мяса жертвы хваления спасительнаго тому да будут, и в оньже день принесутся, да снедятся: да не остаят от него на утрие* (Лев. 7, 11–15). Повелел совершать жертву хваления на хлебах квасных, хотя ясно и очевидно высказал в другом месте: *всяк квас и всяк мед да не принесете Господу* Богу вашему *дар: от начатков да принесете я Господу: на олтарь же да не вознесутся в воню благовония Господу* (2, 11–12). Не считаешь ли ты, Палладий, полезным полюбопытствовать об этом?

П. И очень.

К. Итак, скажем, сколько возможно тщательно исследуя и идя стезею сокровенною, какой вид домостроительства будет

заключаться в этом. И божественный Давид, бряцая на духовной лире, вполне согласно с законом говорит: *чашу спасения приму, и имя Господне призову* (Пс. 115, 4), чашею спасения очевидно называя жертву хваления. Приносим и мы хваление, собираясь во множестве в церквах, в единстве духа и как бы в одном теле и в одной душе, верою; ибо написано: *народу же веровавшему бе сердце и душа едина* (Деян. 4, 32). Совершаем также славословия часто и уединяясь каждый в доме, днем и ночью; и это дело обычно для людей честных. Разве не правду я говорю?

П. Как же нет?

К. Но в церквах ли всенародно приносится нами жертва, в других ли местах совершается, поодиночке ли или между двумя, тремя и большим числом лиц, безразлично предстояние привыкших песнословить и для сего сошедшихся: ибо вместе с очищенными уже чрез святое крещение возносит жертву сию и еще оглашаемый; но вместе с совершенными вознесши хвалу, от более таинственного еще удаляется и от жертвы Христовой устраняется. Поэтому прекрасно закон предвозвещал домостроительство и повелел совершать жертву хваления на квасных хлебах и на бесквасных печеньях (опресноках). Каждое из поименованного, как я думаю, означает вид жизни: хлеб квашеный будет служить образом жития и жизни, еще не очищенной святым крещением и не совсем освобожденной от мирской нечистоты; бесквасное же печенье — уже очищенной во Христе чрез веру, — жизни, говорю, совершенных, к которым и божественный Павел возглашал, говоря: *темже да празднуем не в квасе ветсе, ни в квасе злобы и лукавства, но в безквасиих чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8). И еще: *очистите убо ветхий квас, да будете ново смешение, якоже есте безквасни* (5, 7).

П. Ты превосходно сказал.

К. А пшеничная мука затем, еще не приведенная к единению, как, например, с хлебом или печеньем, но как бы остающаяся еще в крупинках, указует на похвалу приносящих ее как бы на каждый раз особо и поодиночке: ибо мы приятны Богу, совершая славословия и в частности каждый, и все во множестве, как один. Возливается же на жертву хваления елей, означая радость совершаемого и то, что для обыкших приносить ее во всяком случае и всячески последует помило-

вание от Бога. *Пожри,* — сказано, — *Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя: и призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. 49, 14–15). Пишет также негде и ученик Христов: унывает ли *кто в вас? Да молитву деет: благодушествует ли? Да поет* (Иак. 5, 13). Итак, ясно повелел, чтобы жертва хваления совершаема была на хлебах квашеных и бесквасных печеньях, и еще в крупинках пшеничной муки; когда же все это поодиночке было принесено от каждого и мука пшеничная, сколько ее могло быть в одной горсти, и когда заклана была овца, и внутренности воскурены по закону, а остальное отдано в пищу поставленным на священнодействие, чем закон являл не бесприбыточным священство, тогда присоединяет к сему еще повеление, говоря: *в оньже день принесется, да снестся: да не оставят от него на утрие* (Лев. 7, 15). Чрез сие можно легко понять следующее: когда пройдет это время и век настоящий минет как день, тогда у нас измышлен будет другой способ славословия помимо тех, которые мы знаем. Как освобожденные от владычества фараонова в подзаконное время, радуясь, говорили: *поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море* (Исх. 15, 1 и 21), а некоторые из святых, созерцая наперед в духе несравненно более светлые и превосходные дела пришествия Спасителя нашего, восклицали: *воспойте Господеви песнь нову* (Пс. 97, 1); и песнь эта была: *взыде Бог в воскликновении* (46, 6), пленив ад и сказав *сущим во узах: изыдите, и сущим во тьме: открыйтеся* (Ис. 49, 9): таким же, думаю, образом, когда упразднится смерть и грех совсем разрешится, будет приличествующий времени и способ хваления: ибо мы за большее будем воспевать и, обогатившись превосходящими ум и слово благами, светлейшими похвалами увенчаем вместе с Богом и Отцом Подателя нам всех благ Христа. *Аще пророчествия,* — сказано, — *упразднятся, аще разум испразднится:* и ныне *от части разумеваем: егда же приидет совершенное, тогда, еже от части, упразднится* (1 Кор. 13, 8–10). Также и Сам Христос негде сказал: *сия в притчах глаголах вам: но приидет час, егда ктому в притчах не глаголю вам, но яве о Отце возвещу вам* (Ин. 16, 25). Итак, поелику в нас будет по времени знание совершеннейшее, то мы возвышеннее, нежели ныне, и воспевать будем.

П. Рассуждение вероятно.

К. Установив таким образом для каждой жертвы приличествующие ей границы и весьма ясно высказав, как ее совершать, тотчас делает священнодействователя общником алтаря; ибо написано так: *и рече Господь ко Аарону, глаголя: ты и сынове твои, и дом* отечества *твоего, возмите* начатки *святых, ты же и сынове твои возмите грехи жречества вашего* (Чис. 18, 1). Присоединив же к сему, что им должно с возбужденным и трезвенным умом приниматься за священные занятия, говорит: *и се Аз дах вам снабдение начатков от всех освященных Мне от сынов Израилевых: тебе дах я в честь, и сыном твоим по тебе законно вечно. И сие да будет вам от освященных святых приношений, от всех даров их, и от всех жертв их, и от всех грех их, елика отдают Мне от всех святынь, тебе да будут, и сыном твоим. Во Святом святых ядите я: всяк мужеский пол* ядите *я, ты и сынове твои: свята будут тебе. И сие да будет вам от начатков даяний их, от всех возложений сынов Израилевых: тебе дах я и сыном твоим, и дщерем твоим с тобою законно вечно: всяк чистый в дому твоем да яст я. Всяк начаток елеа, и всяк начаток вина, и пшеницы, начаток их елика аще отдадят Господу, тебе дах я. Первородная вся елика в земли их, елика аще принесут Господу, тебе да будут: всяк чистый в дому твоем да яст я. Всяко освященное в сынех Израилевых, тебе да будет. И всякое разверзающее ложесна от всякия плоти, елика приносят Господу, от человека до скота, тебе да будут: но токмо искуплением искупятся первенцы человечестии, и первенцы скотов нечистых да искупятся: и искуп его от единаго месяца, сценение пять сикль, по сиклю святому: двадесять медниц*[1] *есть. Обаче первородная телцев, и первородная овец, и первородная коз, да не искупятся: святая суть: и кровь их пролиеши у олтаря, и тук принесеши принос в воню благовония Господу: и мяса тебе да будут якоже и груди возложения, и по раму десному тебе да будут. Всяко участие святых, елика аще отлучат сынове израильтестии Господу, тебе дах, и сыном*

---

[1] По-гречески *оволов*. Овол представлял собою медную монету (χαλκοῦς) ценностью в шестую часть драхмы аттической (эгинская драхма равнялась 10 оволам), — серебряной монеты в 20–25 копеек, следовательно равнялась нашим 3–4 копейкам. А отсюда сикль священный еврейский равняется 20 оволам или нашим 70–80 копейкам.

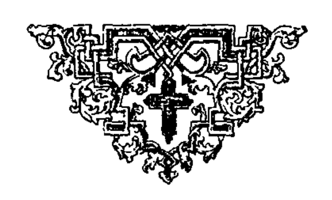
твоим, и дщерем твоим с тобою, законно вечно: завет соли вечныя есть пред Господем, тебе и семени твоему по тебе (Чис. 18, 8–19). Итак, отсюда понимаешь, думаю, и очень ясно, что всякий вид жертвы и приношения наглядно отделил священному и избранному роду: и от всякого преступления, и от всех грехов, то есть жертвы за всякое преступление и грех: ибо имя жертвам за грех есть грех. Посему-то и мудрый Павел у нас прилагает ко Христу это изречение закона, говоря: *молим по Христе, примиритеся с Богом. Неведевшаго бо греха по нас грех сотвори* (2 Кор. 5, 20–21): потому что Сын заклан был за грехи наши, по Писаниям, *яко агня незлобивое* (Иер. 11, 19; сн. Ис. 53, 7; Деян. 8, 32; Апок. 5, 6–12 и др.). А что имя *грех* со стороны закона прилагается к жертвам за грехи наши, это Бог уясняет, говоря чрез пророка о священнодействующих: *грехи людей Моих снедят* (Ос. 4, 8), то есть жертвы за грехи народа Моего будут пищей для священников. Итак, Он отделяет им остаток всякой жертвы и повелевает употреблять в пищу, но только, говорит, *во святом месте* и всякому мужескому полу (Чис. 18, 10). Какой смысл сего, о том уже сказано нами в предшествующем; а начаток елея, пшеницы и вина, и выкуп перворoccodных, и возложения назначены в пищу уже не для одного мужеского пола и не в святом притворе, но в доме священника и предлагаются для вкушения даже дщерям и всякому знакомому и домашнему. И такое различение необходимо заметить: ибо остатки жертв приличны к употреблению только одним освященным и не должны быть как бы общей пищей; и приличествующее им место есть место святое. Что же касается до прочего, что принесено как дар, это, говорит, как бы занимает второе место и может принадлежать всему дому священнодействующих, лишь бы только вкушающий был чист, то есть не осквернен: по закону, лишь бы не был не обрезанный, не иноплеменник, не прокаженный, не страдающий семятечением (Лев. 13; 15 и др.); а по цели новозаветного Писания и верованию церковному, лишь бы не был несвященный и неверный, но был бы благочестивый и боголюбивый: ибо возведенным на Божественное священнодействие наиболее всего приличествует прилепляться к тем, которые добры нравами и имеют душу, полную любви Божественной. Присоединив же к сему, что *завет соли вечныя есть пред Господем, тебе и семени твоему по тебе*

(Чис. 18, 19), повелел всячески наблюдать то, о чем и в другом месте сказал: не будет недостатка в *соли завета Господня от жертв ваших, во всяком даре вашем да принесете Господу Богу вашему соль* (Лев. 2, 13). А что солью посыпалась жертва, этот образ означал то, чтобы мы благоразумно посвящали себя Богу и как бы делали наиприятнейшим Ему доступ к Нему: ибо не *снестся хлеб без соли*, по написанному (Иов 6, 6). *Вы есте соль земли*, – провозгласил святым Апостолам и Христос (Мф. 5, 13).

П. Ты хорошо сказал.

К. Таковы законы, по которым освященным прилично священствовать. А что избранным, получившим наилучшее суждение о себе, необходимо удаляться и от скверного сообщества, и от мирского попечения, при котором и ум хорошо утвержденный может быть опьянен и едва не уклоняется к неразумным удовольствиям, это уясняет, говоря в книге Левит: *вина и сикера не пийте, ты и сынове твои с тобою, егда входите в скинию свидения, или приступающим вам ко олтарю, и да не умрете. (И будет сие) законно вечно в роды ваша: отлучити между вещми святыми и между сквернавыми, и между нечистыми и между чистыми, и устроити сыном Израилевым вся законная, яже глагола Господь к ним рукою Моисеовою* (Лев. 10, 9–11). Итак, смотри, как необходимо им бодрствовать; и причиной смерти может служить тот случай, когда приступают к священному служению с умом помраченным и сердцем озабоченным и одержимым мирским опьянением (так как некоторые пьяны и без вина): ибо иногда ум доходит до безобразия, не держась правого пути, и тогда священное приходит в упадок, и дела совершаются уже не в порядке, но как бы сбиваются с правого пути. Находящиеся в таком состоянии необходимо оскорбляют Бога и потерпят горькое наказание за легкомыслие. Итак, необходимо бодрствовать, оттрясая опьянение, происходящее от мирского попечения. Делать это внушает и Сам Спаситель, говоря: *внемлите да не когда отягчают сердца ваша* заботой *и печальми житейскими* (Лк. 21, 34). А каков у нас может быть способ трезвенности или как нам пребыть нескверными и чистыми, и свободными от наказания, это означил тотчас: *отлучити*, – говорит, – *между святым и скверным, и чистым и нечистым, и устроити сыном Израилевым вся законная, яже глагола Господь рукою*

Моисеовою (Лев. 10, 10–11). Очевидно должно сказать то, что священникам надлежит, оттрясая опьянение, удаляться от мужей не святых, скверных и нечистых. И это, думаю, может сделать всякий, и очень легко, пребывая нескверным и чистым: ибо *всяко животно*, – сказано, – *любит подобное себе*, и к подобному себе прилепится муж (Сир. 13, 19). К тому же священникам надлежит быть мудрыми и учительными: потому что поставленный над словесным стадом должен быть трезвен и учителен. И весьма хорошо сказано: *устроити*, то есть разъяснить, так чтобы слушающие могли познать, что *закон* есть *пестун* (Гал. 3, 24) и изрекает таинство Христово: ибо он нисколько не недоступен и не требует объяснения, если не будет понимаем духовно, так как буквальный смысл совершенно прост и свободен от тени неясности.



ТВОРЕНИЯ

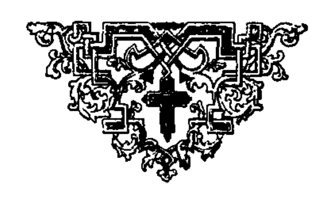
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО

КИРИЛЛА

АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

О ПОКЛОНЕНИИ И СЛУЖЕНИИ В ДУХЕ И ИСТИНЕ

ЧАСТЬ III



КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

Еще о священстве

О священниках и Аароне пока пусть будет сказано нам это. Но к сказанному должно, думаю, присовокупить то, чего в нем, кажется, недостает: постановленное о левитах; тогда рассуждение будет достаточно.

Палладий. Так продолжай и изъясняй; ибо ты рассуждаешь правильно.

Кирилл. Установляя наилучший порядок для священнодействий, Бог подчиняет первосвященнику учреждение левитское, так говоря в книге Чисел. *и левитом да глаголеши, и речеши к ним: аще возмете десятину от сынов Израилевых, юже дах вам от них во жребий, и отделите вы от нея участие Господу, десятину от десятины ея, и вменятся вам участия ваша яко пшеница от гумна и участие от точила. Тако отделите их и вы от всех участий Господних, от всех десятин ваших, елика аще возмете от сынов Израилевых, и дадите от них участие Господу, Аарону жерцу: от всех даяний ваших отделите участие Господу, или от всех начатков освященное от него. И речеши к ним: егда отделите начаток от него, и вменится левитом аки жито от гумна, и яко участие от точила. И ядите то во всяком месте вы, и сынове ваши, и домове ваши, яко мзда сия вам есть за службы ваша, яже в скинии свидения. И не приимете за сие греха, яко аще отлучите начаток от него: и святынь сынов Израилевых не осквернните, да не умрете* (18, 26–32). Видишь ли таинство Христово, предвоссиявающее как бы еще в тенях и образах? ибо *приемляй десятины десятины дал есть*, по слову блаженного Павла (Евр. 7, 9). Но тогда образом служил Мелхиседек, во времена же Моисеевы Аарон, знаменующий собою священника священников — Христа, Начальника и Предстоятеля святой скинии, то есть Церкви, — Святого Святых, Бога богов, Которому мы обязаны всяким плодо-

приношением; ибо написано, что *вси, иже окрест Его, принесут дары* (Пс. 75, 12). Но Моисеево было еще в образах; ныне же духовными плодоприношениями веселят своего Искупителя истинные хранители евангельских повелений.

П. Ты хорошо сказал.

К. А что левитский род есть избранный и изъятый из других, это Он делает явным некоторым образом так: повелел исчислить народ и сделать точный счет всего множества народа не потому, чтобы этого не знал Зиждитель (ибо у Него исчислены и *капли дождевыя*, согласно написанному, Сир. 1, 2), и не потому, чтобы могло утаиться что-либо от ума чистого, но дабы читающие Священные Писания весьма ясно видели, что приверженные к Богу и нареченные народом Его находятся в записях у Бога и в книге жизни, причтены к знаемым Его и уже хранятся в памяти Владыки всех. Итак, когда переписываем был народ, тогда как бы особо поставил Бог избранный и священный род и не допустил быть ему в одном ряду с другими, но как бы преимущественную отделил ему часть, говоря премудрому Моисею; *виждь, племене Левиина да не сочислиши, числа их да не приимеши среди сынов Израилевых* (Чис. 1, 49). Ибо удел святых есть избранный и почесть их преимущественная. Может быть в других книгах и записаны они; потому что не одну книгу созерцал Божественный Даниил, но, как сам он говорит, *судище седе, и книги отверзошася* (Дан. 7, 10). Итак, написание соответствует мере каждого; и как бы изъят от прочего народа отделенный и посвящаемый для Божественных священнодействий род. Но и образ священнодействий левитов изъяснял, прямо говоря: *поими племя Левиино, и поставиши я пред Аароном жерцем и да служат ему: и да стрегут стражбы его, и стражбы сынов Израилевых пред скиниею свидения, делати дела скинии: и да хранят вся сосуды скинии свидения, и стражбы сынов Израилевых по всем делом скинии. И да даси левиты Аарону брату твоему, и сыном его жерцем: в дар даны сии мне суть от сынов Израилевых. И Аарона и сына его поставиши над скиниею свидения, и да хранят жречество свое и вся яже у олтаря и внутрь завесы: иноплеменник же прикасаяйся умрет* (Чис. 3, 6–10).

Итак, левиты назначены сотрудниками некоторым образом и как бы споспешниками священнодействующим; ибо *да стре*

гут стражбы его, очевидно, Аарона, *и вся сосуды скинии свидения, и стражбы сынов Израилевых.* До сего доходит вид содействия их. Над скиниею же поставляет Аарона и сынов его с ним: *и да хранят,*— сказано,— *жречество свое, и вся яже у олтаря* и внутреннейшее завесы, то есть сокровенное и таинственнейше, и все, что обычно было делать приседящим Божественному олтарю. И ясно, что этот образ, относящийся ко Христу, Которого Отец поставил над домом своим, *Его же дом мы есмы* (Евр. 3, 6). Священствующие же вместе с Аароном ясно знаменуют собою священный и досточудный лик святых Апостолов, как бы поспешествующих и служащих Христу; ибо они были *Богу споспешницы* (1 Кор. 3, 9), хранители и *строители таин Божиих* (4, 1), а также *служителие имиже* мы уверовали (3, 5). А если бы кто захотел тщательно исследовать чин церковный, тот по справедливости удивился бы предызображению в законе. Ибо епископам, получившим жребий начальства, и тем, которые имеют чин низший, разумею пресвитеров, вверен олтарь и находящееся за завесою; им-то и прилично было бы сказать: *и да хранят жречество свое*, а диаконам: *и да стрегут стражбы скинии, и вся сосуды ея, и стражбы* народа. Разве не они приказывают, провозглашая в церквах, иногда, что народу надлежит песнословить и стоять благочинно, а нередко, что успокаиваться,— а также побуждают к молитве? И, когда совершается бескровная жертва, не они ли несут священнейшие из сосудов и делают точное наблюдение за всем необходимым?

П. Подлинно.

К. Итак, священствуют высшие; левиты же споспешествуют; этим буква закона предвозвещает о чине церковного священства. Народу же возбраняется всякое священное дело, и высшее наказание угрожает восхищающим эту честь: ибо *умрет*, сказано, всякий, кто самовольно приступил бы к ней, не имея Божественного избрания к тому.

П. Правда.

К. Итак, не помещен в списках прочих род Левитский, но записан особо, и в книге Божией. Ибо сказано: *и рече Господь к Моисею в пустыни Синайстей, глаголя: соглядай сынов Левииных, по домом отечеств их, по сонмом их, по рождению их: всяк мужеск пол от месяца единаго и вышше да соглядаете их. И сочте их Моисей и Аарон повелением*

Господним, яко же повеле им Господь. И бяху сии сынове Левиины от имен их: Гедсон[1], *Кааф и Мерари. Сия имена сынов Гедсоновых по сонмом их: Ловени и Семей. И сынове Каафовы по сонмом их: Амрам и Иссаар, Хеврон и Озиил. И сынове Merapины по сонмом их: Мооли и Муси. Сии суть сонмы Левитстии по домом отечеств их* (Чис. 3, 14–20). Обрати внимание, Палладий, и прежде всего другого вот на что (ибо замечание тонкое): переписываем был народ от двадцатилетнего возраста и выше, так как не удостоивает, думаю, законная точность того, чтобы вписывать в книгу Божию, бессильное и еще немощное; ибо, конечно, в исчисления святых следует вносить возмужалое и уже в духовно цветущем возрасте находящееся. Таким образом закон делает приличным отображением духовного возраста телесный и цветущее возрастом поставляет избранным родом, минуя незрелое и немощное и еще детское и не помещая его в священной книге. В отношении же к левитам перепись начиналась от месячного возраста: ибо Владыка всех приемлет, и весьма радостно, младенчество во Христе избранных, равно как, без сомнения, и разумное; потому что отменно и тем и другим отличаться, то есть разумностью и простотою во Христе. Посему и божественный Павел говорит: *братие, не дети бывайте умы: но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте* (1 Кор. 14, 20). И Сам Христос говорит в одном месте: *будите мудры, яко змия, и цели, яко голубие* (Мф. 10, 16). Итак, приятна (Богу) простота святых. Затем, исчисление делается по именам и по родам *(сонмам)* и семействам *(домов отечеств)*; ибо тех, кого Бог хочет почтить, Он удостоивает собственного своего надзора и по одному, и во множестве, и по роду. И тщательность в этом деле указывает Сам Спаситель, говоря святым Апостолам: *не две ли птицы ценятся единым ассарием? И ни едина от них падет на земли без Отца вашего Небеснаго: вам же и власи главнии вси изочтени суть* (Мф. 10, 29–30).

П. Ты хорошо сказал.

---

[1] Св Кирилл, согласно греческим библейским кодексам· Александрийскому и Ватиканскому, читает Гедсон, гедсониты и т. д. вместо Гирсон, гирсониты и проч., как читается в греческом общепринятом тексте и в славянском переводе Библии.

К. Кроме этой повелел сделать и другую перепись Левитского рода и каждому назначить приличествующее ему служение, говоря: *возми сочисление сынов Каафовых от среды сынов Левииных по сонмом их, по домом отечеств их: от двадесяти и пяти лет и выше, даже до пятидесяти лет, всяк входяй служити, творити вся дела в скинии свидения. И сия дела сынов Каафовых в скинии свидения: Святое Святых. И да внидут Аарон и сынове его, егда воздвигнется полк, и да снимут завесу осеняющую, а да обвиют в ню кивот свидения и да покрыют его покровом кожаным синим, и да возложат нань одежду всю синетную сверху, и да вложат носила. И на трапезе предложения да положат на ней одежду всю багряную, и блюда, и кадильницы, и чаши, и возливалницы имиже возливают, и хлебы на ней всегда да будут: и да возложат на ню одежду червлену, и да покрыют ю покровом кожаным синим, и да вложат носила ея. И да возмут одежду синю, и покрыют светильник светящий, и свещи его, и щипцы его, и очищала его, и вся сосуды елеа, имиже служат в них. И да вложат его и вся сосуды его в покров кожан синий, и да возложат его на носила. И на олтарь златый да положат одежду синю, и да покрыют его покровом кожаным синим, и да вложат носила его: и да возмут вся сосуды служебныя, еликими служат в них во святых, и вложат во одежду синю, и да покрыют их покровом кожаным синим, и да возложат на носила: и покров да возмут на олтарь, и покрыют его одеждою всею багряною. И да возложат на него вся сосуды его, еликими служат на нем в них, и кадильники, и вилицы, и чаши, и покров, и вся сосуды олтаря, и да возложат на него покров кожан синь, и да вложат носила его: и да возмут одежду багряну, и да покрыют умывалницу и стояла ея, и да вложат ю в покров кожаный синий, и да возложат на носила. И совершат Аарон и сынове его, покрывающе святая, и вся сосуды святыя, внегда воздвизатися полку: и по сих да внидут сынове Каафовы воздвизати, и да не прикоснутся святых, да не умрут* (Чис. 4, 2–15). Тогда как перепись, начинающаяся с одномесячных, научает, что и самое незлобие святых угодно и благоприятно Богу: то, что для священных дел назначен один законом определенный возраст — от двадцати пяти и до пятидесяти лет, означает, думаю, что превосходное и безукоризненное

служение Богу совершает все, что уже разумно и еще крепко: ибо уже в числе таковых тот, кто двадцати пяти лет, но еще — и тот, кто достиг пятидесяти Потому что склонился уже к прекращению крепости муж, перешедший за пятьдесят лет, и уже не находится во вполне цветущем возрасте, но как бы подвигается к болезням старости. А между тем никто неразумный, а также и никто бессильный не может беспорочно служить Богу, если правда то, что дела крепости и совершенной разумности суть те, которые направляются к добродетели, и которым определена похвала от законодателя.

П. Так думаю.

К. Служению происходивших из рода Каафова подлежало Святое Святых, но только после того как наперед приблизятся к нему священники и закроют его. Ибо повсюду более чтится преимуществующее по чину и все, что есть у Бога, держится в порядке, беспорядочного же совсем ничего нет: и левитский род был в услужении и подчиненном положении при священнодействиях лиц выше поставленных. Кроме того святой ковчег, золотая кадильница, светильник и служебные сосуды покрываются кожами и одеждами синими, причем синий цвет означает свыше и с неба нам являющееся: ибо такого цвета простирающийся в высоту и глубокую даль эфир. А что священные сосуды суть образы Христа, свыше и с неба пришедшего, это уже прежде показано нами в длинных рассуждениях. Но трапеза (предложения), кроме синих покровов, имеет одежду всю пурпуровую (багряную), а олтарь приношений одежду червленую, равно также и умывальник одежду всю пурпуровую при синих покровах. Трапеза, имеющая предложение хлебов, знаменует бескровную жертву, которую благословляемся, вкушая хлеб, с неба сошедший, то есть Христа, Который соделался подобный нам, но и при этом был и есть Бог, свыше и от Отца грядущий и превыше всего сущий, как Царь и Господь всяческих. Прикровенным указанием на царское достоинство Христа могло быть, как мне кажется, то, что на трапезе распростерта была одежда багряная, то есть пурпуровый покров. А олтарь приношений покрыт был одеждою червленою; одежду же, окрашенную в червленый цвет, мы примем за образ крови: ибо принесен в жертву ради нас и за нас Христос, и, как бы агнец, восшел на Божественный алтарь в воню благоухания Богу и Отцу. Кроме синих покровов на

умывальнице была еще покровом одежда вся пурпуровая. Умывальница представляет собою образ святого крещения, святыми водами омывающего нас во отпущение греха и приводящего в Царствие Небесное; свыше и с неба святое крещение: прикровенным указанием на сие служит синий цвет. Не кажется ли тебе, что я говорю здесь наилучшее из того, что можно сказать при такой неудобопонятности духовного смысла?

П. И очень.

К. Таково служение, указанное сынам Каафовым. Таким же образом были переписаны гедсониты и мерариты от двадцати пяти лет и до пятидесяти, поименно, по родам и семейст-вам. Служению рода Гедсонова вверены были кожи скинии, покровы, завесы дверей, покровы двора и все излишнее, ибо так написано (Чис. 3, 25–26). Роду же Мерари (и это был левитский род) поручены были столпы скинии, подножия (*стояла*), брусья (*главицы*), колья (*колки*) и шесты (*вереи*) и завеса скинии внешней и другое нечто сверх сего (ст. 36–37). И сыны Гедсоновы и Мерарины с помощью колесниц всюду перевозили порученное им; каафиты же шли, имея Святое Святых на плечах; ибо так написано в книге Чисел: *и приведоша князи израильстии дванадесять князи домов отечеств своих: сии князи коегождо племени, сии предстоящии над соглядаением: и приведоша дары своя пред Господа, шесть колесниц покрытых и дванадесять волов: колесницу едину от двоих князей и тельца от коегождо и приведоша пред скинию. И рече Господь к Моисею, глаголя: возми от них, и да будут на дела служебныя скинии свидения, и даси я левитом, коемуждо по его служению. И взем Моисей колесницы и волы, даде я левитом. И две колесницы и четыре волы даде сыном Гедсоновым по службам их: и четыре колесницы и осмь волов даде сыном Мерариным по службам их, чрез Ифамара сына Аарона жерца. И сыном Каафовым не даде, яко службы святаго имеют: на раменах да воздвизают я* (7, 2–9). Слышишь ли, как у тех обычай был на колесницах возить и носить священные принадлежности, а у одних только каафитов на плечах?

П. Почему это?

К. Потому что всегда облеченное преимуществом и более священное несет больший труд; повсюду и во всем соединяет-

ся с этим необходимость трудиться и кроме того терпеть страдания, притом неравные с другими, для тех, которые более святы и как бы стоят ближе к Богу. Разве не верно то, что я говорю?

П. Совершенно верно.

К. В таком порядке совершал служение левитский род. Но я думаю, что это составляет образ таинства.

П. Как же так?

К. Кажется, эти два рода: Гедсонов и Мерарин таинственно указуют на народ подзаконный, разумею Израиля: каафиты же – на освященных во Христе верою. Ибо на попечении тех были покровы двора, кожи скинии, покрывала и столпы, брусья и подножия, колья и завесы и все излишнее, как говорит Священное Писание (Чис. 3, 26), чем означает необходимое для служения; а эти (Каафиты) дерзали носить Святое Святых и то, чем знаменуется Христос, не одним способом, а, напротив, многоразлично и многообразно: как ковчег, как трапеза, как золотой светильник и золотая кадильница; потому что будучи прост по естеству, как Бог по различию действия, Он многообразно познается; ибо несомненно, что *живо и действенно Слово* Отца (Евр. 4, 12), и сверх того Оно есть жизнь (Ин. 11, 25; 14, 6 и др.), и *свет* (Лк. 2, 32; Ин. 1, 7; 12, 35 и др.) и воня мысленного благоухания (Еф. 5, 2). Итак, те, которые привержены к заповедям, данным чрез Моисея, служение свое имеют над излишним в скинии: ибо бесполезен закон, если не разумеется духовно. А те, которые дерзают носит Святое Святых, совершенно святы во Христе, не носят ничего излишнего, но Самого Еммануила, на них, так сказать, восседающего.

П. Ты хорошо сказал.

К. Но обрати внимание, если угодно, и вот на что.

П. Что это такое?

К. Те, которым поручено было все излишнее в святой скинии, возят это на колесницах; каафиты же шествовали, не на колесницы возложив Святое Святых, и не на что-либо другое, но на свои плечи.

П. Так что же это значит?

К. То, друг мой, сказал бы я, что закон тяжел и есть бремя неудобоносимое; ясным же указанием на сие может быть то, что излишнее не носимо было на плечах, ради немощи нахо-

дившихся под игом закона. Посему Божественные ученики и говорили тем, которые после принятия веры обращались к служению по закону: *и ныне что искушаете Бога, хотяще возложити на выи учеников, егоже ни вы ни отцы ваши не могли понести?* (Деян. 15, 10.) Каафиты же, возложив на плеча свои то, чем знаменуется Христос, несли бремя легкое и удобоносимое. Не это ли есть, очевидно, то, о чем Сам Христос сказал: *иго Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30)?

П. Кажется.

К. Прибавил бы я к сказанному еще и следующее, так как это не бесполезно было бы для полной уверенности: в первой переписи левитов (Чис. 3, 15 и далее) сыны Гедсоновы поставлены в начале, потом в средине Кааф и последним Мерари (это были роды Левитские); во второй же, что от двадцати пяти лет (Чис. 4), впереди других поставлен Кааф и наименован первым, а потом после него Гедсон и Мерари, служению которых подлежало излишнее в скинии. И кроме того каждый из сих двух родов (Гедсонов и Мерарин) имеет по два отдельных семейства, а предшествующий (Каафов) простирается даже до четырех. Разумеешь ли прикровенный смысл сего?

П. Нимало.

К. Израиль призван был первым, когда же привзошло в средину общество язычников, поставлен позади его: и *последнии* стали *перви*, по слову Спасителя, а *первии последни* (Мф. 20, 16).

П. Правда.

К. А что мал числом народ Иудейский, между тем как много превосходит его несметная толпа язычников, это ясно.

П. Как же иначе?

К. Посему Бог священнотаиннику Моисею говорит: *и ныне остави Мя, и возъярився гневом истреблю сонмище сие: и сотворю тя в язык велик и мног паче нежели сей* (Исх. 32, 10, и Чис. 14, 12).— Таковым служением почтен весь род Левитский: и правило священнодействия для него — быть подчиненным высшему и действовать под руководством Аарона. А помышлять о том, что выше сего и искать более того, что ему назначено и определено от Бога, причиняет наказание и погибель; и это самым опытом показано; так как в той же книге Чисел написано: *и глагола Корей, сын Иссаара, сына Каафова сына Левиина, и Дафан и Авирон, сынове Елиавли, и*

Авиан, сын Фалефа, сына Рувимля: и восташа на Моисея, и мужи сынов Израилевым двести и пятьдесят начальницы сонма, сигклитики Совета, и мужи именити совосташа на Моисея и Аарона, и реша к ним: довлеет вам, яко весь сонм, вси святи, и в них Господь: и чесо ради востаете на сонм Господень? И слышав Моисей, паде ниц, и глаголя к Корею и ко всему сонму его, глаголя: согляда и позна Господь сущих Его, и святых, и приведе к себе: и ихже избра Себе, приведе к Себе. Сие сотворите: возмите себе сами кадильники, Корей и весь сонм его, и вложите в ня фимиам пред Господем утре: и будет муж, егоже аще изберет Господь; сей свят: да довлеет вам, сынове Левиины. И рече Моисей Корею: послушайте мене сынове Левиины: И рече Моисей Корею: послушайте мене сынове Левиини: еда мало есть сие вам, яко отлучи вас Бог Израилев от сонма Израилева и приведе вас к Себе служити службы в скинии Господни и стояти пред скиниею Господнею, еже служити Ему? И приведе тя и всю братию твою, сыны Левиины с тобою, и просите священствовати? (16, 1–10.) Сыны Каафовы имея служение носить на плечах Святое Святых, неразумно устремлялись на высший чин и оспаривали у священников их достоинство, восхищая *сами себе честь*, согласно и написанному (Евр. 5, 4), пренебрегши заповедь Божию, нечестиво преступая законы священнодействия, совершенно ни во что вменяя честь предстоятелей. Ибо они говорили Моисею и Аарону: *довлеет вам, яко весь сонм, вси святи, и в них Господь.* Слышишь, как низко смотрят они на предоставленную им степень и едва не говорят, что честь архиерея есть общее достояние, и не их только роду, но и другим всем принадлежит, и что вообще в них (Моисее и Аароне) ничего нет особенного или более славного, хотя бы они и считались стоящими выше прочих, получив свое преимущество по определению от Бога: а это очевидно значит – порицать вышние определения и ни во что вменять волю Законодателя. Но божественный Моисей, действуя с обычною ему кротостью, увещавал их как бы заболевших и, еще не помышляя о том, сколь великий гнев постигнет их, укоряет их, говоря: *да довлеет вам, сынове Левиины.* Ибо *еда мало вам*, – говорит, – что Бог всяческих соделал вас избранными из всех для служения столь почетного и досточудного? Они же пребывали

еще жестокосерды, несокрушимы и необузданы в своем высокомерии, доколе безумие их не довело их до того бедствия, что *отверзши земля уста своя*, захватила их с потомством и шатрами и повергла их в необычайную погибель, ибо *снидота живи во ад*, как написано (Чис. 16, 30 и 33; сн. Ис. 54, 16) Итак, нечестиво и повинно смерти по суду Божию – восставать против главы и не покоряться поставленным начальствовать и получившим преимущественную честь от Бога. Плод же высшей разумности – дорожить тем, что имеешь, и быть за это благодарным, а не бросаться опрометчиво на то, что выше определенной нам меры, и не стремиться к тому, что еще не даровано нам, почитая общим и доступным для многих то, что управляется только мановением свыше.

П. Ты хорошо сказал.

К. Итак, порядок священства не должен быть нарушаем чрез слияние должностей: так приличествует быть и не должно быть иначе.

П. Хорошо говоришь.

К. Но как бы в общий для обоих удел назначаетдароприношения людей подвластных, и что принесет кто-либо в дар и жертву Богу, это, говорит, должно принадлежать священникам и левитам вместе. Ибо так сказал Бог всяческих Аарону: *в земли их да не наследиши наследия, и части да не будет тебе в них, яко Аз часть твоя, и наследие твое посреди сынов Израилевых. И сыном Левииным се дах всю десятину во Израили в жребий за службы их, елико служат тии служение в скинии свидения. И да не приступают по сем сынове Израилтестии к скинии свидения, прияти грех смертоносный. И да служат левити сами службу скинии свидения и тии возмут грехи их: законно вечно в роды их, и посреди сынов Израилевых да не наследят наследия: яко десятины сынов Израилевых, елики аще отлучат Господу, участие дах левитом в жребий: сего ради рекох им: среди сынов Израилевых да не наследят жребия* (Чис. 18, 20–24). Во Второзаконии же, как бы возвращаясь к той же речи, так говорит: *да не будет жерцем левитом, всему племени Левиину части ниже жребия со Израилем; приношения Господу жребий их, да ядят я; жребий же да не будет ему в братии его; Сам Господь жребий его, яко же рече ему. И сей суд жерцем, яже от людей, от приносящих жертвы: аще телца аще овцу и даси жерцу рамо, и*

челюсти и утробу, и начатки пшеницы твоея и вина твоего, и елеа твоего, и начаток стрижения овец твоих да даси ему: яко того избра Господь Бог твой, от всех племен твоих предстояти пред Господом Богом твоим, служити во имя Господне, той и сынове его во вся дни (18, 1–5). Смотри, как не сопричитается к народу священный род и отделяется от прочих, притом не одними только занятиями по служению, но уже и различием надежды. Ибо проводящим жизнь низкую, приверженным к земному и жаждущим привременного и, подобно тени, преходящего, справедливо можно было бы сказать: сия часть твоя; *сей жребий твой, часть непокорства вашего на Мя, глаголет Господь* (Иер. 13, 25). Предпочетшим же святую и непорочную жизнь и уже избранным ради добродетели весьма прилично сказать: *в земли их да не наследиши, и части да не будет тебе в них: яко Аз часть твоя, и наследие твое*, говорит Господь (Чис. 18, 20; Втор. 10, 9; 18, 1). Так и Спаситель одному пришедшему некогда и спрашивавшему, как ему получить *живот вечный*, говорит: *заповеди веси: не убиеши, не прелюбы сотвориши, не украдеши* и подобное сему; а когда тот явно высказал, что всего этого он был хранителем, и к тому еще добавил, спрашивая: *что есмь еще не докончал*, Спаситель сказал: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси, и гряди вслед Мене* (Мк. 10, 17–21; Мф. 19, 16–21). Итак, хотящим, не отвлекаясь, служить Богу, считающим долгом следовать Ему, необходимо удаляться от земного, Его только признавать уделом своим, и надеждою на Него утучняться, согласно воспеваемому в Псалмах: *насладися Господеви, и уповай на Него, и Той сотворит* (Пс. 36, 4–5). Таким образом отделяет десятины левитам в воздаяние за труд служения их, потому что не без воздаяния для святых труд их, но избранны почести и славны награды. Ибо *не пецытеся*, говорит Спаситель, *душею вашею, что ясте, и телом, во что облечетеся: ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 25 и 33). Грехами же (Чис. 18, 23) именует закалаемое в жертву за грехи. И это также образ Христа, за нас принесенного в жертву и потерпевшего заклание, дабы упразднить грех мира. Далее, одним только священнодействователям можно было вкушать от жертвы за грех; ибо не оскверненным душам приличествует причащаться святого Тела

Христова, но избранным и чистым, к которым можно бы было возгласить: *вы же род избран, царское священие, язык свят, люди обновления* (1 Пет. 2, 9). Затем, для поставленных на служение изъемлются плечо, челюсти и желудок; ибо должна быть присуща избранному роду сила деятельная, и совершительная: и ее-то означает плечо; также, конечно, и слово,— очевидно, учительное, образом которого служат челюсти; а к тому еще и желудок, которым очень хорошо обозначается плодородие. Разве не должен быть деятельным, способнейшим тот, кто истинно священнодействует и близок Богу?

П. Совершенно так.

К. Итак, левитский род Бог сделал лишенным удела, и удел ему дал избранный — Себя Самого. Однако благоразумно не допустил, чтобы он казался поставленным совсем вне других, совершенно ничего не получив; но установил в этом деле как бы некоторую соразмерность, дав малое нечто для необходимого употребления. Ибо написано так: *и рече Господь к Моисею на западе Моавли у Иордана при Иерихоне, глаголя: заповеждь сыном Израилевым, да дадят левитом от жребий одержания своего грады вселитися, и преградия градская окрест их да дадят левитом, и будут грады вселятися, и участия их да будут скотом их, и всем четвероножным их. И прилежащая градом яже дадите левитом, от стены града и вне, две тысячи лакот окрест: и да измериши страну вне града, яже на восток, две тысящи лакот, и страну, яже к Ливе* (югу), *две тысящи лакот, и страну, яже к морю, две тысящи лакот, и страну, яже к северу, две тысящи лакот: и град посреде сего будет вам, и пределы градов. И грады дадите левитом, шесть градов (да будут) убежных, ихже дадите убегати в ня убившему* (Чис. 35, 1–6). Ибо позволяется святым и в этом мире владеть тем, что достаточно было бы для поддержания жизни и могло удовлетворять их в необходимых потребностях тела, потому что *имеюще*,— сказано,— *пищу и одеяние, сими довольни будем* (1 Тим. 6, 8). А излишнее не безвредно. Таким образом отделены были святым служителям города и жилища, и окрестные поля, притом измеренные: так решил Бог для того, чтобы, с одной стороны, не ослабить их до изнеженности, дав больше, чем было нужно, с другой — не причинить излишним стеснением безмерного угнетения, но чтобы с поль-

зою и устранить весьма большую скудость и уничтожить отягощение; ибо соразмерял довольство с нуждою. Повелевает также передать левитам города убежищ, поручая попечению священнодействующих род людей наиболее несчастных и в наибольшей помощи нуждающихся. Здесь, думаю, дан церквам образ заботиться об узниках, ибо *поминайте*, — сказано, — *юзники, аки с ними связани; озлобляемыя, аки и сами суще в теле* (Евр. 13, 3).

П. Правда.

К. А что предмет надежды святых священнодействователей тверд, и что постоянен удел их, это Он загадочно показал таким образом. В конце книги Левит написано: *и рече Господь к Моисею, глаголя: глаголи сыном Израилевым, и речеши к ним: егда внидите в землю, юже Аз даю вам, и почиет земля, юже Аз даю вам, субботы Господу. Шесть лет да сееши ниву твою, шесть лет да режети виноград твой, и собериши плод его: в седьмое лето суббота, покой да будет земли, суббота Господня* (25, 1–4). Определивши же субботствование и повелев, чтобы земля в седьмой год оставляема была незасеянною и непаханную, присовокупил еще: *и исчислиши себе седмь лет покоя, седмь лет седмижды: и будут тебе седмь седмин лет, четыредесять девять лет. И возвестите трубным гласом во всей земли вашей месяца седмаго, в десятый день месяца, в день отпущения возвестите трубою по всей земли вашей. И освятите лето, пятьдесятое лето, и разгласите оставления на земли всем живущим на ней, лето оставления знамение сие будет вам: и да отъидут кийждо в притяжание свое, и кийждо во отечество свое отъидите. Оставления знамение сие лето будет вам* (25, 8–11 и 13). Какое основание того, что и сама земля освобождалась, а также что означает год отпущения, это мы исследуем в свое время. А что левитам дан избранный удел, об этом сейчас будет сказано; между тем написано еще так: *аще же кто продаст дом обитаемый во граде огражденном, и будет искупление его, дондеже исполнится лето дней будет искупление его. Аще же не искупит, дондеже скончается его лето все, да укрепится дом сущий во граде имущем ограждение в твердость купившему его в роды его, и не возвратится во оставление. Домы же, иже на селех, имже несть окрест их*

ограждения, к селу земли да приложатся: искупуемы всегда да будут, и во оставление да возвратятся. И гради левитстии, домы градов одержания их искупуемы да будут всегда левитом. И иже аще искупит от левит и изыдет продание их домов града одержания их во оставление, яко домы градов левитских одержание посреде сынов Израилевых. И села отделенная градом их да не продадутся, яко одержание вечное сие их есть (ст. 29–34).

П. Но что говорит здесь закон? я не довольно понимаю.

К. Так слушай. Если кто в городе купил здание у владельцев, то да позволено будет, сказано, продавшим выкупить проданное, и это до истечения одного года; а если это не будет сделано, то по прошествии года купивший да будет, сказано, владельцем, и уже не будет подлежать обязательству. Если же это будет поле и поместье, то да позволено будет, сказано, всегда возвращать, как скоро продавший обратно уплатит купившему отданные деньги; а если он не может уплатить и получить свое владение обратно, то повелел, чтобы оно возвращаемо было в пятидесятый год без всякой уплаты от старинного владельца; ибо купившему владение закон зачислял выгоды долговременного пользования в уплату должного ему. Но это узаконил Бог для простого народа. Левитское же владение опять поставил как бы отдельно и в особой чести, говоря, что оно всегда может быть выкупаемо, и препятствуя продавать его: ибо *сия*,— говорит,— *есть часть и жребий им.*

П. Так неужели же, почтеннейший, сим только и ограничивается для нас цель закона, и исследование не может произвести совсем ничего потребного?

К. В таком случае каким образом еще закон духовен (Рим. 7, 14)? Или каким образом не заслуживает внимание то, что говорит Священное Писание, именно ради чего находящееся в городе не должно быть выкупаемо по прошествии одного года, находящееся же вне города и в полях всегда может быть выкупаемо? Но легко увидеть, что не очень много значения дается у премудрого Бога буквальному смыслу, когда за ним следует смысл духовный и ясно видимы точные черты истины.

П. Разъясни же, что такое, о чем говорит закон.

К. Не ясно, Палладий, дело этой продажи и очень недоступно пониманию, хотя бы кто и в самом простом смысле

захотел понять ее. Скажу, впрочем, как могу и как придет мне на ум. Но прошу и я тебя, и ты скажи мне: людям, занимающимся опустошением городов и стран, кого, полагаешь, было бы удобнее брать в плен с меньшим трудом, – тех ли, которые находятся внутри стен и хорошо укрепленных городов, или тех, которые находятся в полях?

П. Кому же это не ясно? Легче всего брать в плен находящихся в незащищенных стенами полях.

К. Правильно сказал ты. А которые, думаешь, лучше и наиболее пристойно проводят жизнь, городские ли и имеющие сведения в законе, или же грубее воспитанные в селениях? Не слабее ли жители селений в охранении своей безопасности, между тем как живущие в укрепленных городах и совет подадут лучший, и законосообразно обсудят нужное для их собственной пользы, когда будет время совета и суждений?

П. Правда: хотя может случиться, что и они будут побеждены.

К. Да и всякий извинит живущих в селениях, если бы они были взяты в плен и погрешили против наилучшего решения; ибо они совершенно не ограждены стенами и менее живущих в городах рассудительны. А этих всякий обвинил бы, и думаю, весьма справедливо, если бы они, после того как защитились от неприятелей и спасли свою собственность, при нападениях противников сами себя предали им добровольно и, своим собственным малодушием побежденные, подпали власти противников.

П. Ты хорошо сказал.

К. Смотри же теперь на иудеев, живущих в святом городе, о котором Бог всяческих говорит: *и Аз буду ему, глаголет Господь, стена огненна окрест и в славу буду посреде его* (Зах. 2, 5); и сверх того умудренных законом; посему и говорил (пророк): *блаженни есмы, сыны Израилевы, яко угодная Господу нам разумна суть* (Вар. 4, 4). Не полагаешь ли, что таковые совершенно недоступны для демонских нападений, если б только решились жить право и повиноваться Божественным законам?

П. Совершенно так.

К. Толпы же язычников, имея ум более грубый и удобоувлекаемый, совершенно естественно, без труда могут быть пле-

нены хищником сатаною, будучи лишены помощи свыше и не имея детоводителем закона.

П. Кажется, так.

К. Таким образом иудеи, живущие в городе, укрепленном стенами и огражденном помощию свыше, имея ум образованный и зная благоугодное Богу, потом, не рассудив о приличествующем для них, по легкомыслию отвергши назначенный им удел и отпавши от высшей надежды, если не отрезвятся от опьянения своего, по написанному, и не возвратят свою собственность при наступлении года искупления, то есть пришествия Спасителя нашего, останутся и впредь, и навсегда будут находиться под властию купившего, то есть сатаны. Ибо *се*, говорит Господь, беззакониями вашими *продастеся* и за грехи ваши *отпустих матерь вашу* (Ис. 50, 1). Но совершенно беспомощное множество язычников, недугующее грубым и невежественным умом, а посему преданное на рабство другим, всегда может быть искуплено по милосердию Божию: ибо восприимет свой удел, быв призвано к свободе в *лето оставления*, когда Христос всю подсолнечную освободил от владычества демонов, изъял от сетей греха, оправдал верою и освятил Духом, упразднив крестом Своим *еже на нас рукописание* (Кол. 2, 14). Левитское же не отчуждаемо: непоколебимо соблюдается удел святых, и они имеют твердую надежду. Так и любозначительнейшей Марии Христос некогда сказал, что она *благую часть избра яже не отъимется от нея* (Лк. 10, 42). Но и малому, и великому священнику, и народу, и всем вообще принадлежит искупление и непоколебимость надежды во Христе.

П. Итак, продаст свой удел Израиль, не познав лета искупления, а язычники будут обладать надеждою, и чрез Христа будет возвращение благ естества.

К. Так полагаю; и слово наше запечатлеет в истинности Бог всяческих, и иным образом означая это устами Иезекииля, в распределении имущества: *сия глаголет Господь: аще даст старейшина даяние единому от сынов своих от наследия своего, сие сыном его да будет; аще же даст даяния единому от рабов своих, да будет ему до лета отпущения, и да воздаст старейшине: обаче наследие сынов его им да будет, и да не веземлет старейшина от наследия людей своих еже насилити им, от одержания своего*, от наследия сво-

его *даст наследие сыном своим: яко да не расточатся людие Мои кийждо от одержания своего* (Иез. 46, 16–18). Ясно ли для тебя это изречение, и кажется ли простым смысл сказанного?

П. Нимало; но я весьма охотно узнал бы это от тебя.

К. Старейшиною, Палладий, называет Первосвященника, получившего жребий быть вождем подчиненного ему народа. Итак, поелику святым священнодействователям выделены были потребные и избранные уделы, и поелику Бог постановил, чтобы они навсегда за ними сохраняемы были и не были отчуждаемы, то необходимо было Ему сделать это ясным. Ибо если бы случилось, говорит, одному из старейшин, то есть священнодействователей, разделить нечто из удела своего собственным детям, то да утвердится, говорит, данное, и неотъемлем да будет дар у получившего; потому что не из иноплеменников к кому-либо переходит этот удел, но от священников к священникам. А если бы кому из рабов подарил, то будет, говорит, владеть получивший не постоянно, но всецело возратится старейшине в *лето отпущения* удел его. Но к сему присоединяет повеление, чтобы священнодействующий удалял от себя желание удела других; ибо это, думаю, значит сказанное: *да не веземлет старейшина от наследия людей своих.* Достаточно ли кажется тебе эта речь для разъяснения дела?

П. И очень.

К. Итак, пусть перейдет она к исследованию духовного смысла: ибо данное в законе суть образы, и в тенях начертано изображение истины.

П. Правда.

К. Итак, непоколебимы и постоянны уделы, переходящие от отцов к детям; и наоборот отчуждаются и назад возвращаются переходящие от господ к рабам: ибо это сказано в Священном Писании.

П. Понимаю.

К. У нас же оправданных верою, один старейшина – Христос, имеющий уделом Своим удел Бога и Отца. Посему и говорил, когда обращал к Нему речь как бы в виде молитвы: *Моя вся Твоя суть и Твоя Моя: и прославися в них* (Ин. 17, 10). Воспевает же негде и божественный Песнопевец, что Он, *возшед на высоту, пленил плен, даде даяния человеком* (Пс.

67, 19; сн. Еф. 4, 8); ибо *овых положи в Церкви, первее Апостолов, второе пророков, третие учителей* (1 Кор. 12, 28), *и овому дается слово премудрости, иному слово разума* и сродное сему (ст. 8). И просто сказать, своими благами утучняет души любящих Его. Так твердо и постоянно для священнодействующих и свободных обладание дарованным; а у имеющих дух рабский, то есть у израильтян, неприемлющих свободной веры, но еще находящихся под игом скверного и мерзкого греха, отчуждается и отъемлется даже и благодать, данная чрез Моисея, то ест знание закона, детоводящее к истине. И нет им совершенно никакого удела со святыми, и никакой части со Христом: *имущему бо*,— сказано,— *дано будет и преизбудет; от неимущаго же и еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25, 29; сн. 13, 12 и Лк. 8, 18). А что лишен удела Израиль, не приявший веры и не украсившийся достоинством свободы, на это указал Спаситель, выставляя на вид, как я думаю, силу сего закона; ибо так сказал решившимся не повиноваться: *аминь аминь глаголю вам, яко всяк творяй грех, раб есть греха. Раб же не пребывает в дому во век: сын пребывает во век. Аще убо Сын вы свободит, воистину свободни будете* (Ин. 8, 34–36). Итак, смотри, право участия в наследии приличествует только свободным, а не находящимся под игом рабства: ибо сыны суть пребывающие в доме, а не рабы, сказано.

П. Превосходно.

К. Прибавляя же: *да не веземлет старейшина от наследия людей* своих, с тем чтобы дать наследие *сыном своим*, закон указывает на нечто таковое, что никогда Христос (потому что Он есть Старейшина наш) не выделит кому-либо из освященных удела, ему не приличествующего. Ибо разве не иная какая-то как бы часть и иной удел приличествует не всецеле посвятившим Богу свою жизнь, а иной и превосходный — избранным и достигшим вершины светлости во Христе?

П. Как же иначе?

К. Итак, непристойно святым стремиться получить от Христа то, что приличествует мирским и проводящим жизнь не во всем святую; напротив, им следует искать не чего-либо плотского, но всего Божественного и духовного. Так и Сам Спаситель повелел святым Апостолам творить слова молитвы, составляя прошение, весьма приличное святым: ибо *си-*

це, — говорит, — *молитеся вы: Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое; да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днес и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго* (Мф. 6, 9–13). Итак, непристойно просящим того, чего не дает Старейшина, сказано будет нами: *просите и не приемлете, зане зле просите* (Иак. 4, 3). А что истинен говорящий Богу: Ты воздашь каждому *по делом* его (Иер. 25, 14), на это опять указывает нам закон, говоря, что того ради *да не веземлет старейшина от наследия людей* своих, дабы дать *наследие сыном своим, яко да не расточатся,* — говорит, — *людие Мои кийждо от* наследия *своего* (Иез. 46, 18); ибо каждому как бы уготован от Бога свой удел и соответственная деяниям часть. Или, может быть, говорит, что очень непристойно освященным выступать из своего положения и желать того, что имеют помышляющие о мирском, а это есть привременное и плотское и, подобно теням, преходящее.

П. Это так.

К. Итак, особые уделы, а также и города, у других взятые, даны от Бога святым священнодействователям, как награды; но как бы общим для всех определяет один, прославленный Иерусалим. Ибо так сказал во Второзаконии: *аще приидет левит от единаго градов ваших, от всех сынов Израилевых, идеже той обитает, якоже желает душа его, на место, еже изберет Господь Бог твой, да служит имени Господа Бога своего, якоже вся братия его левити предстоящии тамо пред Господем: часть определенную да ест, кроме продажи* своей *яже по отечеству* (18, 6–8). Так как один есть Бог священников повсюду, то надлежит быть соединенными тем, которые возведены в это звание и избраны определением свыше. Это же и ныне сохраняется в церквах, и закон о сем чтится у нас: ибо хотя для каждого из избранных на священство есть свой город и свой удел, однако он соприемлется к священнодействию, если бы по какому-нибудь случаю пришел из одного в другой город ли, или страну, и вкушает вместе со священниками и чтится по законам любви. Но, кажется, закон этот, как я думаю, означает еще и нечто таинственное: ибо бесчисленны по всей вселенной стра-

ны и города, в которых святые и боголюбивые души людей служат Богу, живя законно и евангельски жительствуя, и как бы принося Ему жертвы в воню благоухания, очевидно духовного: веру, надежду, любовь, терпение, кротость, милосердие к бедным: *таковыми бо жертвами благоугождается Бог*, по Писаниям (Евр. 13. 16). Но все они стекаются как бы к одной и общей матери, *к небесному Иерусалиму, церкви первородных* (Евр. 12, 22–23), вышнему прекрасному граду, *скинии истинней, юже водрузи Господь, а не человек* (8, 2). Там более чистое будет совершать служение, так как совсем отъят будет от нас грех, и не будет там льва и змия, василиска и аспида: ибо *тамо будет*, — сказано, — *путь чист и путь свят наречется. И не* окажется *тамо льва, ни от зверей злых не взыдет нань* (Ис. 35, 8 и 9). Там будем вкушать отделенную нам часть; ибо написано: *плоды трудов твоих снеси* (Пс. 127, 2). Разве не соответственное трудам каждого будет воздаяние благ, хотя и в большей мере, по щедротам Владыки? Ибо *меру добру*, — сказано, — *наткану, преливающуюся, потрясену дадят на лоно ваше* (Лк. 6, 38).

П. Ты сказал правильно. Только объясни мне вот что: разве не было позволено левитам священнодействовать каждому в своем городе и селении?

К. Не было: ибо одна была скиния и один олтарь, на котором приносились все жертвы, один же и храм в Иерусалиме, построенный Соломоном, осуществлявший образ древней оной скинии. И закон совершенно запрещает кому бы то ни было приносить жертвы вне святой скинии; и для решавшихся делать это наказанием было истребление и им угрожал смертный приговор, ибо ясно сказал так: если кто *заколет овцу или тельца в полце, и к дверем скинии не принесет, потребится душа та от людей своих* (Лев. 17, 3 и 9). А что желавшим приносить жертву в то время вполне необходимо было приходить в храм и в самый святой город и там законно совершать жертвы, которые приносили происходившие от племени Левия, об этом ты ясно можешь слышать от Бога, прямо говорящего во Второзаконии: *не возможеши ясти в градех твоих десятины пшеницы твоея, и вина твоего, и елеа твоего, первенцов волов твоих и овец твоих, и всех обетов, елики ты обещал, и исповеданий ваших, и начатков рук ваших: токмо пред Господем Богом твоим да снеси я на*

месте, еже изберет Господь Бог твой Себе, ты и сыны твои, и дщерь твоя, и раб твой, и раба твоя, и левит, и пришлец иже во градех твоих: и возвеселишися пред Господем Богом твоим во всех, на няже возложиши руку твою. Внемли себе, да не оставиши левитина во все время, дондеже он живет на земле (12, 17–19). Ибо недоступно Божество и не приемлется жертва без посредства левитов. Они посредничают, подражая *ходатаю Бога и человеков* (1 Тим. 2, 5), то есть Христу. А что одна есть Церковь, одно таинство Христово, и что незаконна, более того — отверженна и не может быть угодна Богу жертва, не в церкви совершаемая, это ясно показал закон, говоря, что не должны быть совершаемы жертвоприношения вне святой скинии. Как строго было соблюдение этого, научись и из сего Не было бы ничего невероятного, а напротив было истинно, что неисчислимые города, по всей Иудее рассеянные, отделялись от Иерусалима длинными промежуточными расстояниями. И потому как было трудно и не легко выполнимо для желавших приносить в жертву начатки хлеба, равно елея и вина, перенести это столь длинным путем! Для некоторых препятствие тому, может быть, составляло и утруждение рук. Но непристойно было, более того — даже и весьма нелепо, из-за того, что дело было трудно и неудобовыполнимо для находившихся далеко, нарушать красоту истины принесением сынами Израиля жертв не в святой скинии. Посему, дабы закон о сем, по надлежащем устранении всех встречающихся на пути препятствий, наконец, мог быть исполнен согласно с волею Законодателя, Моисей дал наставление и изъясняет Божественную волю во Второзаконии, говоря: *десятины да даси от всего плода семене своего, плод нив твоих от года до года. И да снеси я пред Господом Богом твоим на месте, идеже изберет Господь Бог твой призывати имя Его тамо, да принесеши десятину пшеницы твоея, и вина твоего, и елеа твоего: и первенцы волов твоих, и овец твоих, да научишися боятися Господа Бога твоего вся дни. Аще же далече будет путь от тебе, и не возможеши донести их, яко далече место от тебе, еже изберет Господь Бог твой, призывати имя Его тамо, яко благословит тя Господь Бог твой: и продаси сие на цене, и возмеши сребро в руку твою, и пойдеши на место, еже изберет Господь Бог твой*, чтобы призывалось там имя Его, и *даси сребро за все, на неже пожелает душа твоя, на волы и овцы, или на*

вино, или на сикеру, или на все, его же желает душа твоя, и да снеси тамо пред Господем Богом твоим, и возвеселишися ты и дом твой, и левит иже во градех твоих: яко несть ему части ни жребия с тобою (14, 22–27). Видишь ли, с каким искусством закон уравнивает неровное, делает легко проходимым неудобопроходимое и облегчает трудное? И это, думаю, означает сказанное устами пророка: *путь благочестивых прав бысть, и приуготован путь благочестивых* (Ис. 26, 7). Обрати внимание и на то, что повсюду и необходимо привлекается левит, чем закон ясно показывает нам, что не принял бы Бог всяческих жертвы из несвященных рук и несогласно с законом принесенной.

П. Итак, во всем почтен левитский род.

К. Совершенно так, Палладий; ибо священник есть образ и отпечаток Христа, так как Еммануил назван ходатаем *Бога и человеков*, также посланником и Святителем *исповедания нашего*, по Писаниям (1 Тим. 2, 5 и Евр. 3, 1), Который *ни кровию козлею ниже телчею, но Своею Кровию вниде единою во святая* святых *вечное искупление обретый, и единем приношением совершил есть во веки освящаемых*, по Писаниям (Евр. 9, 12; 10, 14). Обрати же внимание, если угодно, на то, как и иным образом увенчивается священнодействующий славою Христа. Между тем как Он ясно взывает к нам и говорит: *Отец не судит никому же, но суд весь даде Сынови: да вси чтут Сына, якоже чтут Отца* (Ин. 5, 22–23); и также устами святого: *един есть Законоположник и Судия*, как значится в Священных Писаниях (Иак. 4, 12): и между тем как и божественный Давид воспевает: *яко Бог Судия есть* (Пс. 49, 6), – Законодатель, усвояя светлое достоинство такового суда происходящим, от священного рода, так говорит во Второзаконии: *аще же неудоборешимо слово у тебе в суде между кровию и кровию, и между судом и судом, и между язвою и язвою, и между прением и прением, словеса судная в градех ваших и востав взыдеши на место, еже изберет Господь Бог твой (призвати имя Его) тамо: и приидеши к жерцем левитом, и к судии, иже будет в тыя дни, и взыскавше возвестят тебе суд. И сотвориши по словеси, еже возвестят тебе от места, еже изберет Господь Бог твой, и да сохраниши творити вся, елика законоположатся тебе: по закону и по суду, егоже рекут тебе*

сотворити да не уклонишися от словесе, еже известят тебе, ни на десно ни на лево. И человек, иже сотворит в гордости, еще не послушати жерца предстоящаго служити во имя Господа Бога твоего, или судии, иже в тыя дни будет: да умрет человек той, и да измеши злое от Израиля. И вся людие услышавше убоятся, и не будут нечествовати ктому (17, 8–13). Видишь, что закон ясно требует от решившихся приносить жалобу на кого-либо по какой бы то ни было причине, чтобы судьею и решителем они делали священнодействователя. Но блюди тщательно, чтобы исполнить согласно со всем тем, что тебе будет предписано: *понеже устне иереовы сохранят суд, и закона взыщут от уст его*, по слову пророка (Мал. 2, 7). Ибо сам он отнюдь не законополагает, а напротив выводит на прямой путь волю Законодателя, неподкупно изъясняя ее и являясь наилучшим воздаятелем справедливости, тонко взвешивает суждение по каждому делу. Поэтому на тех, кто решился не повиноваться им, падает обвинение в грубости и высокомерии и определяется им в наказание высшее из всех зол, то есть смерть: *да умрет*, сказано, тот, кто не обратит внимание на *жерца предстоящаго служити во имя Господа Бога* (Втор. 17, 12). Итак, велико и поистине дивно предстояние Бога и служение Ему; а не почтивший служителя Божия подлежит суду и наказанию, и презирающій это Божественное достоинство за презрение свое понесет жестокое наказание Мы найдем, что и Сам Господь наш Иисус Христос заботился об уважении к этому закону; ибо Он так взывал к народу Иудейскому: *на Моисеове седалищи седоша книжницы и фарисее: вся убо елика аще рекут вам, творите: по делом же их не творите* (Мф. 23, 2–3). Посему пусть никто не судит священника, хотя бы он казался и распущенным и был нерадив в решимости жить согласно с законом, но пусть оказывает ему благопослушливость, когда он изъясняет закон; ибо он страдает недостатками, зависящими от его собственной воли, но изъясняет то, что есть Божие. Итак, не должно быть бесчестимо Божие из-за человеческого.

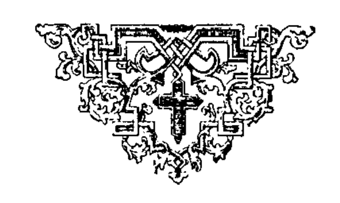
П. Конечно так.

К. А что славно и поистине достойно внимания дело священства, это ты можешь видеть и из того, что оно славнейшее имеет начало и такой же конец: ибо не может укрыться

ни то, что кто-либо возведен на степень священнодействия, ни то, что он призван от Бога к вышним и небесным *обителям* (Ин. 14, 2) и оставил другому священство. Поэтому и Христос о *священнодействующих* евангельскую проповедь среди язычников (Рим. 15, 16), а также и у израильтян сказал, что они повсюду и во всем будут известны и для всех видимую приобретут славу: ибо *никто же светильника вжег, в скрове полагает, ни под постелею*, говорит он, *ни под спудом, но на свещнице, да входящии* все *свет видят* (Лк. 11, 33). А что сказанное истинно, разумею то, что Божественный служитель будет в видимой для всех и дивной славе, в этом пусть убедит и божественный Исаия, восклицающий: *на гору высоку взыди, благовествуяй Сиону* (Ис. 40, 9).

П. Что это так, ясно для всякого. Но скажи, как и сего образ сеиописуем был для нас в Священных Писаниях.

К. Тебе, друг мой, возможно очень легко видеть это изображенным как бы еще в грубых чертах, ибо так сказал Бог в книге Чисел священнейшему Моисею: *возми Аарона, и Елеазара сына его, и возведи я на Ор гору пред всем сонмом: и совлецы Аарону ризы его и облецы Елеазара сына его: и Аарон приложився да умрет тамо. И сотвори Моисей, якоже повеле ему Господь: и возведе я на Ор гору пред всем сонмом. И совлече Аарона с риз его, и облече в ня Елеазара сына его. И умре Аарон тамо на версе горы* (20, 25–28). Итак, разумеешь ли, как возводится на гору имевший умереть и прекратить свое существование Аарон, а также и имевший быть преемником ему в священстве от него происходивший, то есть Елеазар? Гора же знаменует отовсюду видимое и высокое положение и обширность славы. Так и о всяком, возводимом на степень священнодействия, да будет сказано: *не может град укрытися верху горы стоя* (Мф. 5, 14).



КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О том, что хотящим иметь доступ в церковь должно быть чистыми и омовенными от греховной скверны и только такими приступать к Богу.

О скинии, а также и о священниках и левитском служении, кажется, сказано мною весьма достаточно, и подробно, думаю, рассмотрено это Но тем, которые хотят жить право и как бы венец возложить на главы свои — всецелое благолепие жительства во Христе, прилично было бы как бы с поспешностию увещавать друг друга, говоря: *приидите, и взыдем на гору Господню, и в доме Бога Иаковля, и возвестит нам путь свой и пойдем по нему* (Ис. 2, 3), так как некоторые, восприяв столь славный и полезный глас, даже едва не скачут, говоря: *возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем* (Пс. 121, 1). Итак, Палладий, у поспешающих идти в дом Божий какая могла бы быть цель? К чему стремится дух их, и что совершить домогаясь, идут они к святой и Божественной скинии?

Палладий. Но, друг мой, дело это весьма ясно; ибо написано: *поклонитеся Господеви во дворе святем Его* (Пс. 95, 9) и: *возмите жертвы, и входите во дворы Его* (ст. 8).

Кирилл. Итак, не с тем ли, чтобы приносить жертвы за себя самих, очевидно духовные, и чтобы приблизиться к Богу чрез поклонение мысленное, входят некоторые в дом Господа и во дворы Его?

П. Так полагаю.

К. Итак, будем ли мы думать, что хотящие входить должны проникать туда просто, не омовенные от греха, не избавленные от мерзости, не очищенные как бы от грязи плотоугодия, но имея ум искаженный страстями и сердце покрытое ржавчиною? Отнюдь нет; а напротив — украшенные светлостию во Христе и блистая весьма разнообразною красотою боголюбезнейшей добродетели.

П. Совершенно так: ибо и я полагаю, что тогда должно приходить к очам Господа, когда наперед очищена будет всякая скверна наших помышлений.

К. Правильно сказал ты; потому что она делает отвратительным и заслуживающим отвержения того, кто страждет ею, и исключает его из общества святых. Весьма ясно разумея это, пишет божественный Павел: *измите злаго от вас самех* (1 Кор. 5, 13). И не думаю, чтобы такое изгнание было плодом жестоких обычаев; напротив, оно есть мудрое изобретение осторожности: ибо *мал квас,* — сказано, — *все смешение квасит* (ст. 6) Это опять и священный закон загадочно изобразил нам; именно в книге Чисел написано: *и рече Господь к Моисею, глаголя: скажи сыном Израилевым, и да изгонят из полка всякаго прокаженнаго, и всякаго проливающаго семя, и всякаго нечистаго душею: от мужеска полу до женска, изгоните вне полка, и да не осквернят полков своих, в них же Аз пребываю. И сотвориша сынове Израилевы тако* (5, 1–4). Не правда ли, что очень тяжело и поистине неудобоносимо бремя закона? Ты понимаешь, что и на невольные болезни налагает он наказание, хотя должно было бы сожалеть о подвергшихся таковым несчастиям. Ибо за что, может иной спросить в недоумении и очень естественно, закон делал бездомным и изгнанником прокаженного, а также одержимого болезнью семятечения и нечистого душою (осквернившегося от мертвого)?

П. Не могу понять; но ты, может быть, сам объяснишь.

К. Думаю, что о грубых и телесных вещах не очень велика была забота у Бога, преднаписавшего нам Божественное и духовное служение. Наказуется то, что не по закону совершается, и подлежит суду и наказанию, полагаю, то, что отступает от надлежащего. Телесная же болезнь никаким образом не может оскорблять законы и потому по справедливости весьма далека будет от осуждения, и ни с какой стороны не может быть обвиняема кем-либо: ибо разве не ясно всякому, что никто не болеет добровольно, а напротив всякий, думаю, самым вожделенным почитает быть вполне здоровым?

П. Правда.

К. Посему, если буквальный смысл и имеет в себе нечто неблагообразное, то этим отнюдь не должно смущаться, если духовный смысл будет надлежащим образом возведен к тому,

что угодно Законодателю. Итак, проказа есть омертвение плоти и всего более пожирающая ее болезнь. Потому и божественный Моисей, когда поражена была у него проказою сестра Мариам, был устрашен и в великом унынии *возопи ко Господу, глаголя: Боже, молютися, исцели ю* (Чис. 12, 13), *да не будет* она, сказал (Аарон), - *яко изверг извержен из ложесн матерних, и (се уже) пояде пол плоти ея* (ст. 12) Что же мне сказать о страдающем семятечением? Какова эта болезнь, не безызвестно всякому. А что некоторые *нечисты душею*, так это значит то, что прикасаться к умершему и быть вблизи мертвого закон вменял древним в некоторый вид осквернения, показывая, что мертвенность ненавистна Богу, сильному все оживотворять. Также и в ином смысле принимает это закон, обозначая как бы в грубом образе мертвенность ума и души: мертвый же и охладевший ум есть тот, который любит грех и привык не иметь участия в подвигах, свойственных жизни. Но если случалось кому-либо умирать, то совершенно необходимо было, чтобы близкие по крови и роду сходились и совершали над ним обычные обряды: однако и они нечисты по закону, но не вовсе и не навсегда: для них был некоторый способ очищения. Достаточно ли для тебя это изъяснение буквального смысла?

П. И очень.

К. Так изменяя теперь его в духовное созерцание, мы скажем то, что прокаженный означает для нас как бы испещренного различными страстями, ведущими к мертвости[1]. А это суть дела плоти, которые и премудрый Павел перечислял нам, говоря: *блуд, нечистота, идолослужение, вражды, рвения, ярости, разжжения* (Гал. 5, 19 и 21). Другой же, то есть страдающий семятечением, означает того, который всегда и неудержимо пребывает в осквернении и естественную способность к плодоносию в добродетели и досточудных деяниях расточает бесплодно.

П. Что такое говоришь ты?

К. Очень обширна была бы речь обо всем: а я воспользуюсь пока одним ясным и нагляднейшим примером для доказа-

---

[1] *Εἰς νεότητα* (к юности) поставлено, вероятно, вместо *εἰς νεκρότητα* (к мертвости), потому что выше было сказано, что проказа есть омертвение плоти

тельства того, что я сказал. Имеющие ум благородный и, так сказать, выработанный посредством упражнения в рассуждениях об истине, не будут ли иметь дивным плодом благолепие в правости и истинности учений?

П. И очень.

К. А нехотящие думать о сем, ни делать сего, наоборот, даже отвращающие ум от необходимого пути и поставляющие его защитником нечестивых учений, или являющие служителем мирского лукавства, делают его родителем коварства и лести и, растачивая естественную способность к добру без всякой пользы, весьма ясно изображают нам собою страдающего семятечением и в своих нравах показывают душевную немощь, сродную с этой телесной болезнью.

П. Правильно сказал ты.

К. Наконец нечистый душою обозначает, конечно, сделавшегося участником мертвенности других и легкомысленно заражающегося чужими прегрешениями, которому и божественный Давид сказал: *аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси* (Пс. 49, 18). Ибо повреждает и умерщвляет душу и ум как делание беззаконного, так и согласие с делающими таковое; общником в грехе с теми, которые сами делают его, становится и соизволяющий им: и он отнюдь не безвинен. Посему и Павел говорит: *себе чиста соблюдай: ниже приобщайся чужим грехом* (1 Тим. 5, 22). Это, думаю, значит мысленно оскверняться от мертвого.

П. Кажется, так.

К. Итак, справедливо повелел удаляться от общества прокаженному, и страдающему семятечением, и нечистому душою, не дозволяя имеющим с трудом омываемую нечистоту примешиваться к ликам святых: ибо *кое общение,* — сказано, — *свету ко тме? Или кая часть верну с неверным?* (2 Кор. 6, 14–15.)

П. Итак, опасно неомовенными как бы ногами идти в дом Божий.

К. Конечно весьма опасно, если истинно то, что нельзя безнаказанно оскорблять Бога. Возбраняет также и другим вход во святой двор во Второзаконии, говоря: *да не входит каженик и скопец в сонм Господень. Ниже да внидет блудородный во храм Господень. Да не внидет амманитин и моавитин в храм Господень: и даже до десятого рода да не*

входит в храм Господень, и даже до века: понеже не сретоша они вас с хлебы и водою на пути, исходящим вам из земли Египетския, и яко наяша на тя Валаама, сына Веорова от Месопотамии, да тя прокленет. И не восхоте Господь Бог твой послушати Валаама, и обрати Господь Бог твой клятвы в благословение, зане возлюби тя Господь Бог твой. Да не совещаваеши мирная им, и полезная им во вся дни твоя во веки (23, 1–6).

П. Кто же разумеется под *кажеником* и *скопцом*, под амманитянином и моавитянином, хотел бы я узнать?

К. Слушай Не один есть вид скопчества, не один, Палладий, но двоякий, как говорят и как дознано. Одни с отрезанными и оторванными мужскими членами; а другие еще носят их раздавленными и совершенно бесполезными. Жестоко и нечестиво то, что некоторые отрезывают у себя детородный член тела и становятся неспособными к делам мужским, хотя по природе и возрасту и относятся к числу мужчин. А мужские члены служат законом мужества. Итак, под кажеником должно разуметь того, кто не лишен, так сказать, совсем души и ума, а скорее сохраняет в себе как бы сокрушенное мужество к деланию добра; под оскопленным же — того, кто всецело утратил их и лишен приличнейшего мужам. Одинаково же некоторым образом повинно осуждению — и совершенно не хотеть мужаться, и не желать мужаться здраво.

П. Что такое ты говоришь?

К. Некоторые ниспали в плотские похоти, как бы предоставив всю власть страстям, и повергши слабый и немужественный ум в распутные удовольствия. Другие же напротив дивятся воздержанию и иногда предпринимают славные попытки к нему, но устрашаются сопротивления и, не вынося приступа стремления к удовольствию, склоняются к бессилию. Итак, не назовешь ли по справедливости оскопленным совсем отказавшегося от мужественных попыток? А имеющего в душе хотение мужаться, но еще не имеющего силы совершить на деле добродетель не сочтешь ли кажеником, благоразумно преобразуя недуги телесные в нравственные качества и принимая чувственное образом мысленного и невидимого?

П. Совершенно так.

К. Вместе с сими не допускаемы были амманитянин и моавитянин, как нечестивые гнуснейшие, наподобие львов

нападавшие на святых, и на обыкших поступать достохвально бросающие стрелы ненависти и клеветы. Амманитяне могут быть образом немилосердых еретиков, а моавитяне — тех, которые находятся еще в идольском заблуждении и подвержены демонским лукавствам: ибо те и другие богоненавистны и недугуют как бы родственною дерзостью против святых.

П. Не очень понимаю, что говоришь.

К. Поймешь очень хорошо, и не в продолжительном времени. Амманитяне, от Исава ведшие свой род[1], были близки по происхождению и единокровны с сынами Иакова, с Израилем, говорю; но и самое естество, не знаю как, оставив без внимания, происшедшие от Исава оказались неверны обычаям родства, явились жестокими и неумолимыми к близким и единокровным, то есть к Израилю. Ибо когда он (Израиль), удаляясь из Египта, проходил подле страны амманитян, то как брата, умолял обитателя этой страны позволить ему переход через нее и оказать милосердие к ним, обиженным; но он не позволял. И что говорю: не позволял? Более того, вооружился, предпринял войну и тяжко обидел бы, если бы Израиль, по Божественному гласу, не уклонился от него. А написано о сем так: *и посла Моисей послы от Кадиса к царю едомскому, глаголя: тако глаголет брат твой, Израиль: ты веси весь труд обретший нас. И снидоша отцы наши во Египет, и жихом во Египте дни многи, и озлобиша нас египтяне, и отцев наших. И возопихом ко Господу, и услыша Господь глас наш, и послав Ангелов, изведе ны из Египта: и ныне есмы в Кадисе граде, на конце предел твоих. Да пройдем сквозь землю твою: не пройдем сквозе села, ни сквозе винограды, ни пием воды в потоцех твоих: путем царским пойдем, не совратимся ни на десно, ни на лево, дондеже пройдем пределы твоя. И рече к ним Едом; не пройдеши сквозь мене, аще же ни, ратию изыду противу тебе* (Чис. 20, 14–18). И чрез несколько слов: *и изыде противу него Едом с народом тяжким, и рукою крепкою: и не восхоте Едом дати Израилю пройти сквозь пределы своя. И уклонися Израиль от него* (ст. 20–21). Неужели не ясно и не наглядно это слово?

---

[1] Амманитяне происходили не от Исава, а от Лота — Быт. 19, 38.

П. Не очень.

К. Неужели не понимаешь того, что связанные с израильтянами отношением близкого родства, самыми делами своими изобличались как чуждые любви и жестокосердые, и ничем не отличающиеся от диких зверей? Ибо, когда должны были бы пожалеть тех, как братьев, находящихся в подвигах и трудах, они выходят воевать против них. Посему закон и говорит: *да не внидут в храм Господень: понеже не сретоша они вас с хлебом и водою, исходящим вам из земли Египетския* (Втор. 23, 3–4), то есть по причине чрезвычайной несострадательности и доходящей до нечестия дикости нравов. Можешь видеть, что таковы в отношении к нам, решившимся шествовать путем правым, толпы и вожди еретиков. Ибо что касается до познания одного и единого только Бога Отца и принятия веры в Сына и Духа, хотя и не совсем здравого (принятия), они имеют славу, правда не истинную, братства в отношении к нам, и в неподлинном, правда, смысле сохраняют родство с нами; но когда мы подвергаемся преследованиям, не защищают, а напротив своею злобою отягощают нас: ибо *от нас изыдоша, но не беша от нас*, согласно написанному: *аще бы от нас были, пребыли убо быша с нами* (1 Ин. 2, 19). И Сам Спаситель обращается, и весьма справедливо, к таковым, ложную имеющим честность, не приобыкшим еще совершать дела во славу Его, с словами: *иже несть со Мною, на Мя есть: и иже не собирает со Мною, расточает* (Мф. 12, 30; Лк. 11, 23). Кажется ли тебе, что подобны аммонитянам богоненавистные скопища еретиков, чрезмерно недугующие несострадательностью и нечестием?

П. Совершенно так.

К. Посмотри же, если угодно, и на моавитян, явно весьма враждебных к хотящим служить единому по естеству и истинному Богу. Ибо они были поклонники идолов; чрезмерно полагаясь на прорицания и волхвования, не мало устрашаемые даже и полетом птиц, и скрежеща зубами на благоуспешность Израиля, они подкупили Валаама и внушали ему произнесть проклятие (на Израиля); но несказанною силою Божией уста прорицателя обращались к нежеланным для них благословениям. Такова же и против нас война эллинов, завидующих славе Спасителя нашего и воздвигающих против нас всю силу диавола, которую потрясает Божественная и вышняя благо-

дать, изливающая бессилие в скопище демонов и превращающая то, к чему направлено было злоумышление, в то, что производит радость.

П. Совершенно так.

К. Итак, аммонитянам, а равно и моавитянам недоступна святыня, и весьма справедливо: ибо у кого родственны дерзкие попытки и однородна наглость, тем приличествует быть постигнутыми и равными наказаниями. Обрати внимание также и на осторожность закона: он совершенно отделяет от них святых и даже, можно сказать, не повелевает вступать в беседу с ними, говоря: *да не совещаеши мирная им и полезная им* не говори *во вся дни твоя до века* (Втор. 23, 6). Не есть ли это, очевидно, то, чему научила нас и двоица святых, Павел и Иоанн? Ибо один из них говорит: *аще кто приходит к вам, и сего учения не приносит, тому радоватися не глаголите* (2 Ин. 10); а это, думаю, и значит: *да не совещаеши мирная им и полезная им.* А другой говорит: *еретика человека по первем и вторем наказании отрицайся, ведый, яко развратися таковый* (Тит. 3, 10–11); это значит: *не* говори *полезная им.* Ибо должно, говорит закон, уступать дорогу людям крайне развращенным, как безумным, говоря (им): *ходите светом огня вашего, и пламенем егоже разжегосте* (Ис. 50, 11). Но аммонитянину возбранялось (входить во двор скинии) до третьего рода, а моавитянину даже и до десятого, в чем, как я думаю, самым временем Бог показывает нам великость негодования своего на тех и других: меньшее, как и естественно, наказание предлежит еретикам, и об них можно сказать, что несомненно сказано об иудеях: *свидетельствую бо им, яко ревность Божию имут не по разуму* (Рим. 10, 2); ибо, считая себя говорящими правильно и мудрыми, не замечают жалкие того, что воюют на догматы истины, и, будучи одержимы ложною ревностию, думают, что защищают славу Божию, ополчаясь на шествующих путем правым. Моавитяне же, то есть толпы язычников, нагло и открыто, и без всякого колебания, воюют на Божию славу; посему-то и более тяжким наказанием угрожал им закон. Впрочем и те, и другие извержены из священной ограды, как нечистые и богоненавистные.

П. Итак, не безвредное дело относительно осквернения, даже и в беседу вступать с кем-либо чуждым и иномыслящим.

К. Ты разумеешь весьма хорошо. Посему и закон омовенных и чистых и поэтому уже соделавшихся своими Богу, как бы стеною, отделяет от нечистоты тех, говоря: *и будет егда введет тя Господь Бог твой в землю, в нюже входиши, тамо наследити ю, и* изгони *языки великия и многия* и сильные *от лица твоего, хеттеа и гергесеа, и аммореа и хананеа, и ферезеа и иевусеа, седмь языков великих и многих, и крепчае вас: и предаст их Господь Бог ваш в руце твои, и избиеши я, пагубою погубиши я. Да не завещаеши к ним завета, ниже да помилуеши их, ниже сватовства сотвориши с ними; дщери своея не даси сыну его, и дщере его да не поймеши сыну твоему. Отвратит бо сына твоего от Мене, и послужит богом иным* (Втор. 7, 1–4). Так осторожен закон: *да не завещаеши*,– говорит,– *к ним завета*, ибо не согласно и несоприкосновенно с освященным еще оскверненное, с просвещенным находящееся во мгле и тьме, с принятым неприемлемое, со входящим в священную и Божественную скинию изгоняемое из нее.

П. Но какая же это предусмотрительность закона? И почему он отделяет, и притом вовсе, чистое от оскверненного, хотя бы последнее украшено было, может быть, добродетелию?

К. Потому что весьма велика опасность, друг мой, чтобы и кажущееся право стоящим не приняло уклонения к ненадлежащему и не отвлечено было от приличествующего, чем бы то ни было увлеченное, или возбуждающим вожделение удовольствием, или наталкивающею на согрешение самой природе присущею склонностию к тому. Всегда почти она склонна к порочному, о чем свидетельствует нам и Божественное слово: *зане прилежит помышление человеку прилежно,*– говорит оно,– *на злая от юности его* (Быт. 8, 21). Приведу, если желаешь, в наглядное доказательство сего, то, что, как повествуется, потерпела сама рожденная от Иакова.

П. Дину, конечно, разумеешь,– так полагаю.

К. Совершенно так, Палладий; ибо так написано в книге Бытия: *и прииде Иаков в Салим град Сикимск, иже есть в земли Ханаанстей, егда прииде от Месопотамии Сирския: и ста пред лицем града. И купи часть села, идеже постави кущу свою тамо, у Еммора отца Сихимля, стома агнцы. И постави тамо жертвенник, и призва Бога Израилева. Изыде*

же Дина дщи Лиина, юже роди Иакову, познати дщери обитателей. И виде ю Сихем сын Емморов, евеянин, *князь тоя земли: и поим ю, бысть с нею и смири ю. И внят душею Дине дщери Иаковли, и возлюби девицу, и глагола к ней по мысли девицы* (33, 18–20; 34, 1–3). Итак, смотри: пока она еще охотно вращалась и пребывала в шатре отца, в котором он и призывал Бога Израилева, и воздвиг святой жертвенник, была еще нескверною и украшалась девством; но как скоро вышла из отцовского шатра и, оставив священное место, примешалась к чужим женщинам, тотчас вынуждена была к необычному ей осквернению и уже не была более девою; и хотя сначала невольно подчинилась сладострастию других, однако после того и сама хотела быть с своим оскорбителем; ибо *глагола к ней*, — сказано, — *по мысли девицы.*

П. Это так

К. Итак, предложив это чувственное во образ умопостигаемого, скажем теперь, что душа, проводя превосходное житие как бы в какой скинии, будет всечистою и нескверною, и свободною от всякой мерзости; если же выйдет кудалибо и устремится к дщерям иноплеменников, то есть если испытает и усмотрит жизнь мирских, то развратит свой доброкачественный и благородный ум, ибо не безвредно сожительство с порочными для тех, которые вознамерились вести жизнь славную. Но и божественный Давид, как мы знаем, не желал ходить вне священной скинии, а напротив, более всего молился о том, чтобы пребывать и жить не вдали от нее, говоря: *едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и посещати храм святый Его. Яко скры мя в селении своем в день зол моих, покры мя в тайне селения Своего* (Пс. 26, 4–5). Селением Божественным и священным называет при этом, думаю, твердость и непоколебимость благочестивого жития, в каковом селении, укрывшись некоторым образом, он был бы неуловим для стремящихся погубить его страстей

П. Кажется, так.

К. Что же? не яснее ли и истиннее всякий может узнать, что иногда и в людях, по-видимому, утвердившихся, обращение с иноплеменниками может произвести крайнюю степень осквернения, когда приведет в доказательство конец жизни

Соломона и то, что случилось ему испытать на самом пороге старости?

П. Каким же образом?

К. Он так был знаменит и славен, что уже несравненную приял славу; однако перешел потом к гнусности, более того, даже малодушно снизошел до крайнего нечестия против Бога. Так было с ним; ибо написано в Третьей книге Царств: *и возвеличися Соломон паче всех царей земных богатством и смыслом. И вси цари земстии искаху видети лице Соломона, еже бы услышати смысла его, егоже даде ему Господь в сердцы его* (10, 23–24). Но столь славного и знаменитого, и до того, наконец, достигшего в мудрости, что был предметом безмерного удивления и у весьма отдаленных народов, ниспровергла страсть к порочным женщинам и, так сказать, исхитив из самой Божественной скинии, ввергла в ров идолослужения. Ибо так написано о нем: *и царь Соломон бе женолюбив, и поя жены чуждыя, и дщерь фараоню, моавитяныни, амманитяныни, сирианыни, и идумеаныны, хеттеаныни и аммореаныни, от язык, ихже отрече Господь сыном Израилевым: не входите к ним, и тии да не входят к вам, да не отвратят душ ваших вслед идол своих: к тем прилепися Соломон любити. И быша ему жен начальных седмьсот, и подложниц триста. И бысть во время старости Соломони, и совратиша жены чуждыя сердце его вслед богов иных, и не бе сердце его совершенно с Господем Богом его, яко же сердце Давида отца его. И хождаше Соломон вслед Астарта мерзости Сидонския, и вслед царя их, идола сынов Аммоних. И сотвори Соломон лукавое пред Господем и не хождаше вслед Господа, якоже Давид отец его* (11, 1–6). Не достоин ли оплакивания тот, о котором говорится, что впал в такое зло? Воздвигший знаменитый оный храм в Иерусалиме, просивший себе Божественным *престолом приседящую премудрость* (Прем. 9, 4), по несравненной своей мудрости бывший предметом удивления даже до самых пределов поднебесной, как денница сиявший в городах и странах, будучи побежден страстию к постыдным женщинам и ходя во след сквернейшего вожделения, оказывается впадшим в такое безумие, что совершенно ни во что считал и самое благочестие в отношении к Богу. Итак, опасно, без сомнения, быть в общении с иноплеменниками; но всего опаснее — быть побеждаемым плотским

удовольствием: нечист таковый и всечистому Богу ненавистен, и, лишенный добродетели, не может приступать к священной и Божественной скинии; но не может также и приносить жертву приятную; ибо написано во Второзаконии: *да не будет блудница от дщерей Израилевых, и да не будет блудник от сынов Израилевых.* (Не должно быть платящей подать из дочерей Израилевых, ни продаваемого из сынов Израилевых.) *Да не принесеши мзды блудничи, ниже цены песии в дом Господа Бога твоего на всяк обет, яко мерзость суть Господеви Богу твоему и обоя* (23, 17–18).

П. Как суров закон, и как он в высшей степени полезен!

К. Хорошо, Палладий: ты мыслишь правильно. Но изумишься, думаю, и еще более, приняв в соображение, что весьма сильно затрудняя легкий путь к удовольствиям, он изгоняет распутного и необузданного. Ибо смотри, как он явно порицает и хотящих добровольно и по собственному избранию упражняться в постыдном осквернении, и обыкших приводит к сему силою и других; смотри, как он, указывая, чего не должно делать, приводит их к большей осторожности и затрудняет для них отыскание отговорок, которые могли бы быть достаточными для защиты: обвинению будут подлежать уже не грехи неведения, а грехи нерадения и непокорного духа.

П. Каким же образом?

К. Разве не самовольно идут некоторые на блудодеяние, и разве не из желания вознаграждения женщины и отроки продают красоту свою невоздержанию некоторых?

П. Да.

К. Что еще? Разве не побеждаются некоторые постыдною корыстию и, предлагая желающим своих служанок или тех отроков, которых случилось им купить, не собирают деньги эти жалкие, о которых и пророк говорит: *и отроковицы продаяху на вине, и пияху?* (Иоил. 3, 8.) Ведь правда, что некоторые доходят до такой степени порочности и нечистоты, что нечестиво дерзают иногда собирать пошлиты и с таких постыдных вещей.

П. Понимаю.

К. Итак, блудодействуют добровольно те, которые, быв удалены от зла, потом устремляются к нему по собственному изволению. Плательщики же податей суть те, которые упла-

чивают другим подати по принуждению и собирают доход от распутства для купивших их.

П. Ты сказал правильно.

К. Итак, закон повсюду запрещает это, нечестивым признает изобличенного в таком преступлении, поставляет его вне священной скинии и прямо являет недоступным для него Божественный жертвенник, говоря, что неприятною будет жертва и неприемлемым – обет: ибо поистине нечисты обеты *от мзды блудничи.* Равным образом ненавистною и мерзостнейшею почитает *цену песию*: псом же думаю, называет удобопреклонного к нечистоте и отдающегося безразлично каждому приходящему; а *ценою песию* – то, что предлагается ему за это. Поэтому и возглашает закон *да не будет блудница от дщерей Израилевых, и да не будет блудник от сынов Израилевых.* И премудрый Павел согласно с тем взывает: *бегайте блудодеяния: всяк грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть: а блудяй во свое тело согрешает* (1 Кор. 6, 18). Так и мужественно стремящихся к красоте воздержания призывал он к исканию лучшего; ибо сказал еще: *молю вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше: и не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая, и угодная и совершенная* (Рим. 12, 1–2). Разве ты не думаешь, что отложение постыдного есть подлинно святая и истинно всечистая жертва?

П. Думаю; как же иначе?

К. И когда мы удаляемся от плотского удовольствия, Бог радуется; а когда склоняемся к слабости, весьма скорбит, и когда решаемся подпасть влечениям плоти, налагает наказание: ибо вынуждает иногда и к отступлению от Бога пылкое и необузданное сладострастие; а что это правда, может тотчас показать рассказанное о Соломоне. Но еще прежде него изобличаем был подвергшийся сему в пустыне Израиль; ибо написано: *и живяше Израиль в Саттиме, и осквернишася людие блужением со дщери Моавли. И призваша я в требы кумир своих: и ядоша людие требы их, и поклонишася кумиром их, и причастися Израиль Веельфегору, и разгневася яростию Господь на Израиля. И рече Господь к Моисею: поими вся князи людския, и обличи я Господу пря*

мо солнцу, и отвратится гнев ярости Господни от Израиля (Чис. 25, 1–4). Видишь ли, что как бы раздражается и едва не приводится нами в невольный гнев Божественное и благостнейшее естество? Ибо прилично скотам — неистово устремляться к прелестям женщин, и весьма нечестиво — дерзновенно променивать почитание Бога на необузданное удовольствие. Посему таковые и *обличаются Господу прямо солнцу*, то есть их вешают на прямых столбах, обращенных к востоку: это было у них одним из видов наказания, между тем как образ сей едва не вопиял ясно и не провозглашал, что от всевидящего и безошибочного ока Судии не может укрыться никто виновный в таких грехопадениях и уйти безнаказанным, но выставлен будет, по слову пророка, *в позор всякой плоти* (Ис. 66, 24), подлежа тяжким наказаниям за соделанные им согрешения.

П. Таким образом быть обличенным *прямо солнцу* значит быть наказанным явно и как бы пред очами Божиими?

К. Совершенно так: и эта речь наша не уклоняется от цели. А что блудодействующие или те, над которыми совершенно блудодеяние, дадут отчет пред Богом в столь гнусной и скверной жизни, что сокровенное Ему явно, и что ясно познано будет то, что есть в каждом, это и в другом еще законе изобразил нам. Ибо написано в книге Чисел: *и рече Господь к Моисею, глаголя: глаголи сыном Израилевым, и речеши к ним: мужа, аще преступит жена его, и презирающи презрит его, и будет кто с нею ложем семене, и утаится от очию мужа ея, и укрыется, она же будет, осквернена, и свидетеля не будет на ню, и сия несть ята, и приидет на него дух ревнования, и возревнует к жене своей, она же осквернена есть, или приидет ему дух ревнования, и возревнует к жене своей, она же не будет осквернена, и да приведет муж жену свою к жерцу, и да принесет дар за ню, десятую часть меры ефи муки ячныя: да не возлиет на ню елеа, ниже да возложит на ню ливана: жертва бо ревнования есть, жертва памяти воспоминающая грех. И приведет ю жрец, и поставит ю пред Господем: и да возмет жрец воду живу, чисту в сосуде глиняне, и от персти на земли сущия у скинии свидения, и взем жрец да всыплет в воду и да поставит жрец жену пред Господем, и да открыет главу жене, и да даст в руце ея жертву памяти, жертву ревнования: в руце же жерца да*

будет вода обличения клятвенная сия. И да заклепет ю жрец и речет жене: аще никто же бысть с тобою, и неси престу пила осквернитися под мужем твоим, невинна буди от воды обличения клятвенныя сея: аще же преступила еси, мужата сущи, или осквернена еси, и даде кто тебе ложе свое кроме мужа твоего: и заклепет жрец жену клятвами клятвы сея и речет жрец жене: да даст тя Господь в клятву и проклятие среди людей твоих, внегда дати Господу стегну твоему отпасти, и чреву твоему разсестися. И внидет вода клятвенная сия во чрево твое, еже расторгнути утробу твою, и отпасти стегну твоему. И отвещает жена: буди, буди. И да напишет жрец клятвы сия в книзе, и изгладит в воде обличения клятвеннаго: и напоит жену водою обличения клятвеннаго, и внидет в ню вода клятвенная обличения. И да возмет жрец от руки женски жертву ревнования, и да воз ложит жертву пред Господем, и да принесет ю ко олтарю: и да возмет жрец горстию от жертвы память ея, и да прине сет ю на олтарь, и по сем напоит водою жену. И будет аще есть осквернена, и аще утаением утаися от мужа своего, и внидет в ню вода клятвенная обличения, и надмет чрево ея, и отпадет стегно ея и будет жена в проклятие в людех своих. Аще же не будет осквернена жена, и чиста есть, и невинна будет, и плодствовати будет семя (5, 11–28). Таков закон. Но думаю, что пространно написанное здесь превосходно сводит к немногим мыслям божественный Павел, когда пишет нам: *всем бо явитися нам подобает пред суди щем Христовым, да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10).

П. Думаю, что правильно сказано это; но разъясни подробно относящееся к каждому из постановленного.

К. Повелел, чтобы жена, подозреваемая в прелюбодеянии, когда она терпит обвинение, не подкрепленное уликами, приводима была к священнику и поставляема пред очами Божиими: это, думаю, значит, что все предстанем пред Христом. Затем повелел, чтобы за нее приносим был дар, состоящий из ячменной муки, не посыпанной ливаном и не напоенной елеем, ибо это есть жертва ревнования, напоминающая грех. Очевидно таким образом, что в жизни каждого восходит к Богу как бы воня, на преданных нерадению возносящая обвинение во всех их нелепых действиях, а по отношению к тем, которые

весьма старались жить правильно, свидетельствующая о их правоте. Посему-то говорит, и весьма справедливо, что дары ненаходящихся в подозрении содержат в себе муку из пшеницы с прибавлением ливана, а также и с возлиянием елея; ибо во всяком случае достойная человека жизнь, образом которой может служить и пшеничная мука, будет считаться у любодобродетельного Бога за благоухание и радость. А признаком, и очень ясным, жизни незаконной и скотам приличной может служить мука ячменная; ибо скотам более прилична и весьма несвойственна человеку неудержимость в похоти и необузданное желание устремляться к гнустому сладострастию. Посему-то жена, обвиняемая в незаконной жизни, приносила Богу ячменную муку, без ливана и елея, то есть без благоухания и радости; ибо это жертва, напоминающая грех; а где напоминание греха, там каким образом или откуда была бы радость, потому что судимый находится не в надежде венцев, но в страхе осуждения и огня. И, кроме того, жена приводится к Судии непокровенною, то есть не в обычном и приличном ей украшении. Какое же основание сего? — То, что и вина ее есть вина непристойности и обвинение в оскверненни. А припомни, что не позволяется жене непокровенною молиться Богу и сведущий в законе Павел, самый закон природы взяв в доказательство того, что ей должно быть покровенною, *зане,* — говорит, — *растение власов вместо одеяния дано бысть ей* (1 Кор. 11, 15). Итак, не была уже в пристойном украшении жена, обвиненная в непристойности. Непокровенна же и иным образом; ибо пред очами Судии все обнажено, и никто вообще не может утаиться от Испытующего сердца и утробы и устами пророка так говорящего: *Бог приближаяйся Аз есмь, глаголет Господь, а не Бог издалеча. Аще утаится что от Мене?* (Иер. 23, 23–24.) Впрочем, что Христос есть Судия, на это опять указывает таинственно: ибо сказал, что живая и чистая вода должна быть влита в глиняный сосуд, а также всыпана и часть земли, находящейся при скинии; затем, по смытии слов заклятия водою, повелел жене, подозреваемой в блудодеянии, пить ее: и если она повинна преступлению, то *надмет* (вспухнет), — сказано, — *чрево, и отпадет стегно ея;* если же свободна от вины, и подозрение на нее ложно, то *плодствовати будет семя.*

II. Какой же смысл этих слов? Или каким образом и сейчас поименованное может знаменовать для нас Христа?

К. Под водою живою и чистою разумей животворящее Слово Божие, истинно чистое и греху совершенно непричастное, Которое явилось во плоти как бы в глиняном сосуде; ибо что плоть есть персть и от земли взята, как, или с какой стороны это может быть сомнительно? Под землею же, взятою от скинии, разумей Потерпевшего смерть ради нас; ибо естеству человеческому сказано: *земля еси, и в землю отъидеши* (Быт. 3, 19). А под словами заклятия весьма легко уразумеешь *бывшего по нас клятвою* по причине того, что Он повешен был на древе: *писано бо есть: проклят всяк, висяй на древе* (Гал. 3, 13; Втор. 21, 23). Итак, Еммануил, будучи Бог по естеству, когда проникнет в глубину человеческого помышления, тогда повинных грехопадениям обличит, наказуя, а неповинных в сем явит плодоносными; ибо это, думаю, значит: *и плодствовати будет семя*: так как это телесное состояние знаменует плодородие души.

П. Превосходно сказал ты.

К. Итак, блуд и плотские страсти оскверняют человека и удаляют его от общения с Богом: ибо *сущии во плоти, Богу угодити не могут* (Рим. 8, 8). Плотию же, как я думаю, именует плотский помысл: в таком смысле правильно будет понято написанное. Сверх того порочный образ жизни, а также настроенность, отличающаяся грубостию нравов, и наклонность ко всему непристойнейшему делают нас мерзкими и нечистыми. Нам следует не только мужаться против плотских страстей, но и отличаться кротостию нравов, являться весьма заботливыми о любви к братиям, представляться увенчанными украшением справедливости, и сверх сего иметь в себе ум тонкий и испытанный, но превратно относящийся к мнениям о Боге и в исследованиях догматов повсюду сохраняющий безукоризненность. Таковые поистине совершенны и не лишены ничего наилучшего. А что *совершен* быть должен *Божий человек*, это сказал нам и божественный Павел; совершенным же называет *на всякое дело благое уготованнаго* (2Тим. 3, 17) и расположенного хорошо совершать дела добродетели. Разве это не так?

П. Как же иначе?

К. Смотри же, как закон (Лев. гл. 11) бесчисленными способами приносит нам пользу, таинственно указывая для изображения человеческих нравов на множество бессловес-

ных животных, и на роды пернатые и водные. Не удивляйся, если иногда уподобляет даже и самим растениям, естественным качеством каждого превосходно обозначая свойства каждого из нас. Ибо сказал Бог устами Исаии, указуя на благоухание, очевидно, духовное, а также и на высоту в добродетели расцветших к жизни чрез веру во Христа: *и сотворю в пустыни воду живую и в безводней реки: и положу в безводную землю кедр, и смерчие* (бук), *и мирсину* (мирт), *и кипарис, и тополю* (Ис. 43, 19; 41, 18–19), и еще: и будет сказано, что *вместо драчия* (терновника) *взыдет кипарис, и вместо кропивы взыдет мирсина* (55, 13), драчием, думаю, и крапивой благопристойно называя души, еще не укрощенные и являющиеся пред очами Божиими в виде дикого терния. Но и камням иногда уподобляет честный сонм святых: *заня камение свято валяется на земли* (Зах. 9, 16). А Спаситель говорит, что Царствие Небесное *подобно квасу* (закваске) и *зерну горушну* (Лк. 13, 21 и 19). Итак, многими и нагляднейшими примерами обычно богодухновенному Писанию уяснять человеческое.

П. Согласен.

К. Так заметь, что с пользою указав бесчисленные виды скотов, а также и пернатых, и плавающих, одни признает оно скверными, как нечистые, а другие приемлет и избавляет от порицания, дабы хорошо ведали служащие Богу, что делая, не будут приняты, а от чего разумно воздерживаясь, далеко будут от порока и будут светлы и достоприятны, и почтены по определению свыше. Закон же у нас о сем таков: *И рече Господь к Моисею и Аарону, глаголя: рцыте сыном Израилевым, глаголюще: сии скоты, ихже имате ясти от всех скотов, иже на земли: всяк скот раздвояющ копыто, и пазнокти имеющ на двое, и отрыгаяй жвание в скотех, сия да ясте. Токмо от сих да не снесте, от отрыгающих жвание, и от раздвояющих копыта, и делящих пазнокти; велблюда, яко сей износит жвание, но пазноктей не делит на двое, нечист сей вам. И заяца,* потому что он не *отрыгает жвание и пазноктей не делит на двое, нечист сей вам. И хирогриля, яко износит жвание, а пазноктей не делит, нечист сей вам. И свинии, яко делит пазнокти на двое, и копыто раздвояет, но не отрыгает жвание, нечиста сия вам. От мяс их да не ясте, и мертвечин их да не прикасается, нечиста сия вам*

(Лев. 11, 1–8). Между тем Христос весьма ясно говорит: *не входящее во уста сквернит человека* (Мф. 15, 11), Сказано также божественному Петру, когда с неба спускаема была за четыре угла плащаница, в которой, как написано, были всякие четвероногие и пернатые: *востав Петре, заколи и яждь*; а когда ученик воскликнул, страшась еще запрещения закона и говоря: *никакоже Господи, яко николиже ядох всяко скверно или нечисто, ниже вниде во уста моя всяко мясо мерзко*, Бог опять возгласил: *яже Бог очистил есть, ты не скверни* (Деян. 10, 11–15, ср. Иез. 4, 14). Пишет и божественный Павел: *брашно нас не поставляет пред Богом* (1 Кор. 8, 8). Таким образом ясно, что закон отнюдь не считает нечистым что-либо из существующего, а признает, что *вся чиста чистым* (Тит. 1, 15); но весьма разумно, применяя естественные свойства каждого животного к качествам нравов человеческих, приносит немалую пользу. А что истинно и несомнительно то, что говорю, это можешь ты понять еще и из следующего. Должно гнушаться, постановил он, того, что всеми осуждено, как-то: верблюда и хирогриля[1] врана нощного и лилика[2], халавотиса[3] и мигали[4] (Лев. 11, 4–5, 17 и 30), и еще более мерзкого, нежели это. Разве не ясно в сем намерение Законодателя, друг мой?

П. Совершенно ясно.

К. Итак, надобно с уменьем переносить то, что по природе присуще некоторым из бессловесных животных, на качество нравов, так как каждое из них, можно сказать, как бы изображает в себе нрав какого-либо человека и обозначает, какими обладает он свойствами. Так разве не обыкли и мы людей чрезвычайно пылких и сильных, и смелостию превосходящих других называть вепрями, или львами, или именем какого-либо другого из таковых животных, а людей кротких и спокойных и имеющих уступчивый характер называть овцами и голубями, и иногда венчать именем Тишины[5], заимствуя приличествующее характеру каждого обозначение от более явного?

П. Правда.

---

[1] Тушканчик.

[2] Морская птица.

[3] Род ящерицы.

[4] Землеройка.

[5] Галена, морская нимфа.

К. Так обратимся к намерению закона и исследуем тщательно то, что он внушает.

П. Обратимся.

К. Похвальные дела справедливости и вообще всякой честности хотя исходят от воли каждого, но совершаются, думаю, двояким образом и имеют как бы двоякий вид.

П. Каким образом?

К. Мы или для себя самих делаем что-либо доброе, отсекая например непристойные и порочные удовольствия, умерщвляя *уды яже на земли* (Кол. 3, 5), приводя дух в состояние кротости, заботясь о нищете духовной, имея чистый и непомраченный, насколько возможно, ум, — или же по отношению к братиям совершаем добрые дела, захотевшим огорчить и неприязненно оскорбившим нас оказывая незлобие, страждущим подавая помощь, утешая огорченных, заблудившихся по неведению обращая на путь правый и руководя к лучшему, удовлетворяя нуждающихся и ревностно стремясь совершать то, что могло бы быть приятно Богу. Итак, разве не двоякий бывает как бы вид справедливости, один совершаемый в отношении к нам самим, а другой в отношении к другим?

П. Кажется.

К. Посему таковую двойственность закон всегда почти уподобляет раздвоенному копыту или двупалости ноги; ибо нога всегда может быть для нас знаком и образом действительного шествования путем деятельности, и мы говорим, что правою стопою шествуют, о тех, которые весьма ревностно стремятся беспорочно идти к совершению служащего на пользу. Воспевает же и Давид: *нога моя ста на правоте* (Пс. 25, 12), то есть в справедливости и правоте шествовал я и возненавидел развращенное; о грехолюбивых же говорится: *скоры ноги их пролияти кровь: сокрушение же и озлобление на путех их* (Рим. 3, 15–16; Ис. 59, 7). Итак, нога есть знак шествия в делах; двупалость же может служить ясным образом того, что мы можем право и безукоризненно шествовать тем и другим путем; путем добродетели в отношении к нам самим, и путем добродетели в отношении к другим.

П. Речь убедительна.

К. Итак, кто умеет право и разумно шествовать тем и другим путем, кто может приносить пользу и себе и другим, разумею — качеством нравов, и притом смышлен и весьма

благоразумен, делает сердце свое как бы каким вместилищем и жилищем помышлений о Боге, постоянно как бы приводит во всестороннее движение в себе мысли о Божественных догматах и чрез это частое и разумное исследование утончает некоторым образом столь тщательно усвоенные мысли: тот совершенно подобен будет животному, жующему жвачку, пищу находящуюся в утробе всегда отрыгающему и доводящему до зубов, чтобы она, еще раз измельчившись, хорошо переварилась и пошла на пользу.

П. Ты говоришь правильно.

К. Животное, которое имеет ногу, оканчивающуюся раздвоенным копытом, и отрыгает обратно сокрытую в утробе жвачку, закон называет чистым потому, что человек, способный быть полезным и добрым в отношении к себе самому и другим и соединяющий с этим любословие и опытность в познании, очевидно о Боге, будет совершен в добродетели и будет иметь в себе самом безукоризненность в отношении ко всему досточудному. Да если бы и другой кто-либо сделался причастным таковому – разумею – чрез научение, и, так сказать, поядал слова его, сделался подражателем (его), решился соревновать столь отличному и избранному мужу: то будет нескверен и чист; потому что будет жить вместе с чистым, и свой собственный образ жизни тотчас явит как бы отображением его мудрости и полезного знания. Вот что, думаю, значит, что нам должно вкушать от всякого животного, от природы разделяющего ногу на два копыта и отрыгающего жвачку. Ибо чисты таковые животные, говорит закон, по сейчас указанной причине.

П. Я понял, что ты говоришь.

К. Итак, человека превосходного и совершенного в добродетели он таинственно указал в животном, которому свойственна двупалость, и которое отрыгает жвачку. А что прекрасно и полезно удаляться от того, что не такого духа, от хромающего как бы в добре и ищущего позади совершенства в добродетели, этому опять научает, когда ни отрыгающих жвачку, но не обладающих двупалостию, ни обладающих от природы двупалостию, если они не имеют жвачки, не одобряет, а напротив обвиняет в нечистоте и полагает в числе способных осквернять. Итак, правильно рассуждая и прелагая таинственно сказанное в истину, утверждаем, что двупалость ноги

есть образ деятельной силы и качества нравов. Жвачку же определяем как знак слова по благочестию бываемого и познания догматов правого и испытанного. Разве это не так?

П. Совершенно так.

К. Посему справедливо несовершенным в добродетели и далеко не достойным удивления может быть признан хвалящийся добрыми делами, но не обладающий правостию учения, и не имеющий в уме глаголов истины. А что и обратное истинно, это также ясно: ибо правость учения и сладкое размышление о Божественных глаголах нисколько не помогли бы совершенству в рассуждении добродетели, если бы с ними не связана была слава добрых дел. Только правый в том и другом получит совершенную похвалу; а кому недостает того или другого, тот не полную будет иметь похвалу за доброе. На таковое нечто указывает и Спаситель, говоря, что *мний наречется в Царствии Небесном* научающий, но еще не сотворивший сам, и наоборот *велий* и славен сотворивший и научивший (Мф. 5, 19). Итак, нечист по закону не обладающий чем-либо одним только. А что должно удаляться от таковых и никаким образом не являться участниками их, это он разъяснял, говоря: *от мяс их да не ясте, и мертвечин их да не прикасается*: то есть и пока они живы, не имейте с ними общения, и когда, может быть, умрет кто-либо из таковых, нескверным блюдите ум свой, даже не прикасаясь, так сказать, к сделанному ими, очевидно многоречивым и скверным писаниям их, ибо это – останки жизни человека. Делать это обычно невежественным еретикам. Ибо хотя соделавшиеся вождями присущего им невежества несомненно заблуждались, однако останки как бы своего нечестия передали своим ученикам; а эти принимают, притом весьма охотно, и усвояют сие умом, и имеют осквернение, с трудом омываемое, как бы прикасаясь к мертвечине, исполненной крайнего зловония и нечистоты.

П. Правда.

К. В пример не раздвояющего копыта, но отрыгающего жвачку, берет верблюда, животное сильное и огромное; далее – зайца и тушканчика *(хирогриля),* животных, так сказать, самых маловидных из всех других, – крайностям, как я думаю, обняв в сокращении всех вообще и ничего не опустив из находящегося в средине; ибо это подобно тому, как если

бы было сказано: от весьма высокого и высочайшего и до малого и самонижайшего всякий таковый мерзок и нечист. *Несть бо на лица зрения у Бога*, согласно написанному (Рим. 2, 11); но если б кто был и велик, и высокомерен, богатством и мирскою славою вознесен на высоту, то и он бесславный непочетный жребий получит, как скоро подлежит обвинению в порочности; если б, с другой стороны, кто был мал, живя в нищете и бесславии, — также осужден за нечистоту, если не может похвалиться добродетельным нравом, и никто не должен считать унижение основанием к тому, чтобы быть помилованным от Праведного Судии, не имея благолепия в делах, очевидно, сообразных с благочестием и добродетелию. Итак, верблюд, заяц и тушканчик служат ясным образом великого и малого. Представляет также и свинью, как животное нечистое, потому что хотя она и раздвояет копыто, но еще неспособна по природе пережевывать пищу, то есть отрыгать жвачку, показывая этим, что недействительна и бесполезна похвала делами без слова сообразного с благочестием; ибо как *вера без дел мертва есть* (Иак. 2, 20), так и наоборот — мертво совершенно благоукрашение и честность в делах, если при этом нет богопознания и слово, сообразное с благочестием, не вселилось в душах наших, но будучи низкою, душа наша склонилась к земле и как бы боится поднять взор вверх. Не мало найдем мы пораженных таким недугом; они хотя ведут иногда жизнь и честную и чистую, однако не познав Того, Который есть истинный по естеству Бог, только к земному, так сказать, пригвождают взор ума своего. И таковый также нечист; ибо никто *не венчается, аще не законно мучен будет*[1], по написанному (2 Тим. 2, 5).

П. Поэтому нечистым признает он нас, наподобие свиньи, а также и прочих животных, когда мы повинны преступлениям, осуждаемым от закона.

К. Совершенно правильно сказал ты. И недовольно было закону того, что он приводит образ нечистых людей в одних только этих и подводных животных, но всякою как бы тварию решившись помогать и обильно предлагая ведение полезного и приличествующего, обозревает и роды водных животных и стаи пернатых, чтобы, тщательно исследуя свой-

[1] Будет подвизаться.

ственное каждому, мы могли уразумевать, что угодно Богу, и что наоборот противно и ненавистно Ему, и таким образом проводя жизнь наиболее согласную с законом, как можно более усиленно удаляясь от всего, способного осквернять. Посему так еще сказал закон: *и сия да ясте от всех, яже в водах: вся, имже суть перие и чешуя в водах, и в морях, и в езерах, сия да ясте. И всем, имже несть перия ни чешуи в водах, и в морях, и в езерах, от всех, яже износят воды, и всяка душа, живущая в воде, скверна есть, и скверна да будут вам. От мяс их да не ядите и мертвечины их гнушайтеся. И вся, имже несть перия и чешуи, иже в водах, скверна сия суть вам* (Лев. 11, 9–12).

П. Какое различие между сими,— разумею в отношении к духовному созерцанию, об этом скажи ты сам, ибо я не очень понимаю.

К. Хорошо, я скажу насколько можно, приводя в ясность, то, что закон предлагает в виде примера. Все те из водных животных, которые Зиждителем всего мудро созданы в виде рыб, взмахами перьев как бы веслами всегда рассекая воду, делают весьма сильное и весьма быстрое движение, куда бы ни захотели, и когда луч солнца испускает теплоту на поверхность вод, выплывают наверх и едва не осмеливаются выпрыгнуть из самых вод, не желая всегда пребывать внизу; легко уходят также и от сетей ловцов. Которые же из них не в чешуе и перьях, а в жестких покровах и облечены природным панцирем, те менее всего знают высоту, уходят всегда в глубь, в траву и охотно пребывают в самых тинистых местах. Они притом вялы и удоболовимы, и раз увидевшими их без труда могут быть пойманы. Вот слово о них, ясное и истинное. Перейдем же теперь, как бы от подобий и образов, к более ясному.

П. Превосходно бы ты сделал, если бы раскрыл это, с готовностию приступив и к сему.

К. Прекрасно изображая нам суматоху жизни сей и нерадостное разлитие и смешение в ней вещей, Псалмопевец поет: *сие море великое и пространное: тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими* (Пс. 103, 25); рыбам весьма легко можно уподобить тех, которые без всякой пользы носятся туда и сюда и только то приобретают, что делает их плотскими и подвергает суетным трудам.

П. Правильно говоришь.

К. Порицает таковых и ученик Христов, так говоря: *слышите ныне глаголющии: днесь или утре пойдем во он град, сотворим лето едино, и куплю деем, и приобретение;* и немного спустя: *вместо еже бы глаголати вам: аще Господь восхощет, и живи будем, и сотворим сие или оно: ныне же, хвалитеся в гордынях ваших* (Иак. 4, 13 и 15–16). Итак, наподобие рыб плаваем мы по этому широкому и пространному морю, то есть миру: ибо различна жизнь каждого. Некоторые не совсем уклонились ко греху, но сознают, что они бывают иногда немощны, одержимые узами господства плоти, и хотя от иных прегрешений не хотят отставать: *много бо согрешаем вси*, согласно написанному (Иак. 3, 2), однако удаляются как от нелепого, от наглого совершения чего-либо срамного, и никто не убедил бы их к совершению явного и неприкровенного прегрешения, но весьма стараются скрыться, ибо *крыют мудрые стыдения свои*, согласно написанному (ср. Притч. 12, 16). Это, думаю, значит иметь чешую вместо покрова. Весьма часто всплывают также и на высоту, ибо не всегда обращают взор к низкому, но помышляют и о высшем,— и быстро убегают от хотящих уловить их на погибель. Это, можно сказать, значить пользоваться как бы мысленными перьями и делать сильное движение духа.

П. Ты сказал справедливо: ибо образ приводит к мысли, что таким должно представлять его значение.

К. Некоторые же грешат безбоязненно, вполне предаваясь наглой как бы и неприкровенной порочности, и о них прекрасно может быть сказано, что их *слава в студе их* (Флп. 3, 19); ибо они всегда устремлены к нечистоте, и, валяясь в самой глубокой грязи, поистине суть гады или другое что близкое к сему. Таковые во всех отношениях вялы и удобоуловимы, рабствуя самым гнусным удовольствиям. Разве не таковая жизнь людей потерянных? Ибо распутные женщины или блудницы, а также самый постыдный и нечистый род женоподобных, равно и те, которые отличаются на сценах, у которых плотское сладострастие ненасытимо и которым любезно блуждание в нечистом идолослужении, проводят жизнь поистине проклятую и доходящую до постыднейшего осквернения. Итак, закон чистыми почитает тех, которые хотя недугуют человеческими слабостями, однако еще не со-

всем развратились, напротив выплывают как бы на поверхность, не успокоились на одном земном, но помышляют и о горнем, и как бы разделены между Богом и миром. Нечистыми же почитает тех, которые всячески стремятся непрестанно и делать и мыслить плотское и мирское, и при этом теряют всякий стыд, привыкая нагло и открыто безобразничать. С пользою устраняет от общения с этими, не признавая бесчестием общение с теми; ибо не с порочными безопасно сближение, но с более честными; потому что написано: *ходяй с премудрыми премудр будет: ходяй же с безумными познан будет* (Притч. 13, 21). Пишет также и Павел: *аще некий брат именуем будет лихоимец, или идолослужитель, или пияница, или хищник: с таковым ниже ясти* (1 Кор. 5, 11).

П. Ты хорошо сказал; ибо это немало служит на пользу.

К. Это таинственно говорит нам закон о плавающих и водных животных. Но как бы, расширяя для нас область представления примеров, присоединяет еще стаи пернатых, говоря: *и сих гнушайтеся от птиц, и да не ясте их, гнусни суть: орла и грифа, и морскаго орла, и неясыти*[1], *и иктина*[2], *и подобных сим: и струфа*[3], *и совы, и сухолапля*[4], *и подобных им: и всякаго врана, и подобных ему: и ястреба, и подобных ему: и врана нощнаго, и лилика, и ивина*[5], *и порфириона*[6], *и пелекана, и лебедя, и еродиа*[7], *и харадриона*[8], *и подобных ему: и вдода*[9], *и нощнаго нетопыря*[10]: *и вся гады птичия, иже ходят на четырех, мерзость есть вам. Но сия да ясте от гад птичных, иже ходят четвероножны, иже имут голени выше плесну своего, скакати ими по земли. И сия да ясте от сих: вруха*[11], *и подобная ему: и*

---

[1] Коршуна.
[2] Серого коршуна, сокола.
[3] Страуса
[4] Морской чайки.
[5] Ибиса, птицы египетской.
[6] Султанки лазоревой, персидского петушка.
[7] Серой цапли.
[8] Турухтана.
[9] Удода, пустошки
[10] Летучей мыши.
[11] Бескрылую стрекозу.

аттака[1], *и подобная ему: офиомаха*[2], *и еже подобно к нему: и акриду*[3], *и подобная ей. Всяк гад от птиц, имже суть четыри ноги, мерзость есть вам, и сих да не осквернитеся. Всяк прикасайся мертвечине их нечист будет до вечера* (Лев. 11, 13–24). Ясен ли для тебя смысл сказанного?

П. Нимало.

К. Или ты не понимаешь, что естественные свойства каждого из поименованных животных, наравне с другими (раньше упомянутых), служат образами нравов и различия характеров?

П. Как же так?

К. Хочешь ли, мы скажем особо о каждом, сделав тонкое различие между ними?

П. Конечно.

К. Итак, закон воспрещает употребление в пищу орла и грифа, и морского орла, и коршуна *(неясыти):* ибо они летают высоко, любят места весьма высокие и презирают внизу находящееся: *птенцы суповы*, — сказано, — *высоко парят* (Иов 5, 7); а таков некоторым образом гордый и очень высокомерный, имеющий в себе надменный ум, привыкший презирать скромный и умеренный помысл и отнюдь не любящий следовать смиренным (Рим. 12, 16). Вместе с ними порицает также сокола *(иктина)* и породу его, ворона и породу его, коими весьма хорошо обозначается хищнический и хитрый в злодеянии род людей. Образ первого есть сокол, а второго — самый черный и темный ворон: темны и не для всех явны люди, острые на лукавство и невидимую для многих имеющие в себе самих злокачественность нравов; а недугующим проклятою гордостию всегда свойственно желание преимуществовать над кем только возможно, осаждать их многообразными изобретениями злобы и таким образом похищать, притом ненасытно. Посему тотчас прибавляет: *струфа и сухолапля;* ибо это животные, думаю, самые ненасытные, и всегда собирают, что попадается. Затем говорит: *и ястреба, и подобных ему, и врана нощнаго, и лилика, и ивина, и порфириона, и пелекана, и*

---

[1] Род саранчи.

[2] Род огромной бескрылой саранчи.

[3] Саранчу, кузнечика.

лебедя. Эти могут изображать собою людей жестоко и зверски злоумышляющих на кого только могут, так что не отказываются подвергать даже жизнь некоторых опасности и страху: ястреб, например, стремительно нападает на всякую слабейшую птицу, устремляется и на малых птиц и, схватив, погубляет; рыболов же *(лилик),* ибис (*ивин*) и султанка лазоревая (*порфирион*), к тому прибавил бы я и пеликана, неистово бросаются на рыб и погибель (труп) их делают пищею себе: а таковы все насколько дело касается характера и грубости нравов, за ничто почитающие погубить кого-либо ради своего собственного удовольствия. Они отвергли закон взаимного доброжелательства, оскорбляют уставы любви и по всей справедливости должны услышать от нас: не своего *ищите, но еже ближних* (1 Кор. 10, 24); ибо *любы,* — сказано, — *искреннему зла не творит* (Рим. 13, 10). Отвращаться также должно, сказано, еще *совы и еродиа и харадриона и подобных ему: и вдода и нощнаго нетопыря.* Это, полагаю, любители ночи; они радуются тьме и в ней охотнее всего стараются летать, напротив ненавидят солнечный свет и не терпят что-либо делать при нем: таковы, очевидно, делатели зла; ибо истинно то, что сказал Христос: *всяк делаяй злая, ненавидит света, и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть: творяй же истину, грядет к свету, да явятся дела его, яко о Бозе суть соделана* (Ин. 3, 20–21). Нечисты также *и вся гады птичия, иже ходят*, сказано *на четырех*, как, например, мухи и с ними сродные. Бесчисленны эти животные малые и отвратительные, и высокого полета не имеющие. Какое же основание для того, что закон и до них доходит, это необходимо рассмотреть. Как прежде, когда он упоминал о скоте, наименовав верблюда, присовокупил и зайца, во всем равно являя нечистыми уличных в порочности, велик ли кто был или мал: *несть бо на лица зрения у Бога,* -согласно написанному (Рим. 2, 11): так и здесь, упомянув об орле и наименовав царственнейше из пернатых, нисходит опять и к самому малому из носящих крылья, наравне полагая малого и великого, если он является творящим непристойное и не перестал подлежать обвинению. Исключает однако из этого рода *акриду* и *вруха* и им подобное, как настолько сильное, чтобы быть в состоянии вскакивать и отнюдь не оставаться внизу, напротив часто подниматься на высоту и легко под-

прыгивать. Таков некоторым образом ведущий мирскую жизнь, но не совсем непричастный любви к Богу и другим добродетелям; ибо таковый не совершенно привязан к земному и не успокаивается на низком, а старается отчасти помышлять и о горнем, и стяжать иногда славу, устремляясь на высоту и перелетая через земное. Далее, прикасавшийся к нечистому и осквернившийся должен был омыть одежду свою; а к вечеру, говорит, будет чист, весьма ясно открывая таинство Христа, чрез Которого очищаемся, получая оставление грехов чрез святое крещение, очевидно, со времени Его пришествия, бывшего как бы к вечеру, то есть когда к концу уже близился настоящий век. Разве мы не признаем, что в последние времена вочеловечилось Слово Божие?

П. Конечно так.

К. И в ином смысле нечистым считает закон человека, прикасающегося к дикому зверю или к другому из нечистых животных. А сказал так: *и всяк иже ходит на лапах, во всех зверех, иже ходят на четырех, нечиста будут вам: всяк прикасайся мертвечине их, нечист будет до вечера. И вземляй мертвечину их, да исперет ризы своя, и нечист будет до вечера: нечиста сия будут вам. И сия вам нечиста от гад*, которые на земле: *лисица и мышь, и крокодил земный, мигали и хамелеон, и халавотис, и ящер, и кроторыя. Сии нечисти вам от всех гад*, которые на земле: *всяк прикасайся мертвечине их, нечист будет до вечера. И всяко, в неже аще впадет от них нечто от мертвечины их, нечист будет всяк сосуд древян, или риза, или кожа, или вретище: всякий сосуд, в немже творится дело, в воде погрузится, и не чист будет до вечера, и по сих чист будет* (Лев. 11, 27–32). Присовокупил к сему, что осквернен будет всякий сосуд, в который упадет что-либо из мертвечины их: *сосуд глиняный* и кожаный, также одежда, *снедь* и *питие, кроме источника воднаго, и потока*, – сказано, – и *собрания вод* и семян (ст. 33–37). Кажется, посредством диких зверей закон обозначает самых жестоких из разбойников, которыми за ничто почитается и самое крайнее из всех злодеяний, человекоубийство, и которые едва не всякого встречающегося умерщвляют, погубляя безжалостно и без всякой пощады; а посредством мыши, ласочки и им сродных и подобных, разумею крокодила земного, ящерицу и звездную ящерицу *(халавотиса)* – тот род воров, робкий и

трусливый, ночью бродящий, который любит скрыто вредить спящим, но ужасно боится быть пойманным и избегает бдительности тех, кому вред приносится. Ибо разве не самые вороватые животные — ласочка и мышь, которые в то же время очень склонны к боязливости и скрываются в норы, вырытые в земле, как скоро заслышится стук, и всего охотнее кормятся ночью, а не днем, также крокодил земной и сродные им?

П. Правда.

К. Итак, нечисто все, что есть хищническое, будет ли кто нрава звероподобного и имеет руки обагренные кровию, или малое украдет, как мышь и ласочка, и наподобие крота и звездочной ящерицы взбирается на стены и крыши. И если кто прикасается к оскверненным таким образом, тот будет причастным вине: ибо общение с таковыми во всяком случае делает нечистыми. В свою очередь и оскверненные сосуды служат образом людей: ибо человек есть нечто вроде сосуда. Исключает однако из числа оскверняемых предметов источник воды, поток и собрание воды, хотя бы и попало в них что-либо из оскверненного по закону, дабы не позволить, думаю, подзаконным почитать это дело совершенно обременительным и неудобопереносимым и соблюдение закона считать неудобоприменимым, так как чрез это они претерпевали бы ущерб в самом необходимом, до того, что и города иногда и домы принуждены были бы оставлять вследствие осквернения в них вод и отъятия необходимо и неотложно нужного. Таким образом закон отступился от точности соблюдения предписания, ради необходимого и полезного для подзаконных.

П. Речь убедительна.

К. Но наравне с другими нечиста, сказано, мертвечина и чистых животных; и она, добавлено, может осквернять прикасающегося. А написано так: *аще же умрет от скота, егоже вам ясти, прикасаяйся мертвечине его, нечист будет до вечера: и ядый от мертвечин его, да иcперет ризы своя, и нечист будет до вечера: и измыется водою, и чист будет. И вземляй мертвечину их, да измыет ризы своя и измыется водою, и нечист будет до вечера* (Лев. 11, 39–40). Это, как я думаю, очевидно значит: *аще некий брат именуем будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или пияница, или досадитель, или хищник: с таковым ниже ясти* (1 Кор. 5, 11). То

есть если кто из признаваемых совершенно честными, из очищенных уже и принятых в общение духовное чрез веру подвергается от греха происходящей мертвенности, то таковый *нечист да будет,* как сказано, и отвержен; ибо оскверненный мертвыми делами, он, во всяком случае, оскверняет прилепляющегося к нему. Но если б кто и подвергся осквернению, чист да будет с помощию воды к вечеру; а что сие значит, это ясно показала нам предшествующая речь. Заметь же, что и ядущего мертвечину их, и того, кто только прикоснулся бы к ним, закон считает нечистым, ни причастного их мертвости не избавляя от порока и вины, ни подходящего к ним и приближающегося не называя невиновным: ибо должно, думаю, бдительно удаляться не только от совершения того же самого, что делают порочные, но и от самого общения с ними; потому что *касаяйся смоле очернится*, сказано (Сир. 13, 1); и слово это истинно. А что для обозначения качества нравов из примеров избраны законом полезные, это может каждый узнать из добавленного потом; ибо он сказал еще: *и да не омерзите душ ваших во всех гадех плежущих* (ползающих) *по земли, и да не осквернитеся ими, и да не будете нечисти в них: яко Аз есмь Господь Бог ваш* (Лев. 11, 43–44). Какое осквернение душе человека могла бы причинить смерть животного и прикосновение к умершему? Какой вред могла бы причинить пища *во чрево вмещаемая и афедроном* извергаемая, по слову Спасителя (Мф. 15, 17)?

П. Никакого, как я думаю; ты мыслишь правильно.

К. Итак, должно, полагаю, подобно искуснейшим из плавателей, приводящих в движение все снасти, проходить мимо осквернения и стремиться как бы к тихому и скокойному берегу, — к любезнейшей Богу жизни: ибо только таким образом, а не иначе Он доступен нам. А что это истинно, — не трудно увидеть, ибо еще написано в книге Исход: *и Моисей бяше пасый овцы Иофора, тестя своего, священника мадиамска: и гнаше овцы в пустыню: и прииде в гору Хорив. Явися же ему Ангел Господень в пламени огненне из купины: и видит, яко купина горит огнем, купина же не сгараше. Рече же Моисей: мимошед увижду видение великое сие, яко не сгарает купина. Егда же виде Господь, яко приступает видети, воззва его Господь из купины, глаголя: Моисее, Моисее. Он же рече: что есть, Господи? Он же*

рече: не приближайся семо: иззуй сапоги от ног твоих: место бо, на немже ты стоиши, земля свята есть (3, 1–5). Итак, понимаешь ли, что никто не может быть вблизи всечистого Бога, не омыв наперед всякую нечистоту с души своей, не освободив от всякой мертвенности, в делах умопредставляемой, ногу, то есть мысленное шествование к деяниям; ибо обувь не есть ли останок мертвого животного?

П. Кто же в этом сомневается?

К. Итак, она есть образ мертвенности, от которой если кто освободится, расторгнув узы, которыми был удаляем от Бога, приблизится к Нему и станет Ему присным, а также будет способен и других спасать. Так Моисей избран был на дело посланничества и избавления сынов Израилевых. Священное Писание также взывает к нам: *сыне, аще премудр будеши, себе премудр будеши, и искренним твоим* (Притч. 9, 12).

П. Ты хорошо говоришь.

К. Что же, не присоединим ли мы к сему и вот что?

П. Что такое?

К. Когда Вседержитель Бог намеревался сойти в виде огня на гору Синай, Моисей получил повеление надлежащим образом приготовить Израиля к богосозерцанию. И самый способ приготовления установил Владыка всех; ибо *рече Господь Моисею: сошед засвидетельствуй людем, и очисти я днесь и утре: и да исперут ризы свои. И да будут готовы в день третий: в третий бо день снидет Господь на гору Синайскую, пред всеми людми* (Исх. 19, 10–11). Итак, необходимо предочищаться тем, которые желают быть близкими к Богу и у которых есть намерение как бы предстоять пред Ним и служить Ему силою и готовностию ко всему доброму; и кто будет наконец таковым, тот не неспособен будет узреть уже некоторым образом и Самого Бога, по слову Спасителя: *блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Достигшим же такой славы ты можешь видеть, если хочешь, еще и божественного Авраама. Но расскажем в подробности и повествуемое о нем. Написано так: *и рече Бог ко Аврааму: ты же завет Мой соблюдеши, ты и семя твое по тебе в роды их. И сей завет, егоже соблюдеши между Мною и вами, и между семенем твоим по тебе в роды их: обрежется от вас всяк мужеск пол, и обрежете плоть крайнюю вашу, и будет в знамение завета между Мною и вами. И младенец осми дней*

обрежется вам, всяк мужеский пол в родех ваших: и домочадец, и купленый от всякаго сына чуждаго, иже несть от семене твоего: обрезанием обрежется домочадец дому твоего, и купленый. И будет завет Мой на плоти вашей в завет вечен. Необрезанный же мужеский пол, иже не обрежет плоти крайния своея в день осмый, погубится душа та от рода своего: яко завет Мой разори (Быт. 17, 9–14). Затем сказано: *и поя Авраам Исмаила, сына своего, и вся домочадцы своя, и вся купленыя, и весь мужеск пол мужей, иже в дому, и обреза плоть крайнюю их во время дне того, яко же глагола ему Бог* (ст. 23). А какая была награда за это послушание, каким образом полезно было обрезание, узнаем из последующего: *явися же ему*,— сказано,— *Бог у дуба Мамврийска, сядящу ему пред дверми сени своея в полудни. Воззрев же очима своима, виде, и се трие мужи стояху над ним: и видев притече в сретение им от дверей сени своея, и поклонися до земли, и рече: Господи, аще убо обретохом благодать пред Тобою, не мини раба Твоего. Да принесется вода, и омыются ноги ваши, и прохладитеся под древом: и принесу хлеб, да ясте, и по сем пойдете в путь свой, егоже ради уклонистеся к рабу вашему. И рекоша: тако* сделаем, *якоже глаголал еси* (81, 1–5). Обрезание во плоти было образом, и очень ясным, обрезания мысленного и в духе, чрез которое Христос удаляет всякую скверну от душ наших: мы *обрезани*, по слову блаженного Павла, *обрезанием нерукотворенным, в совлечение плоти* (Кол. 2, 11): ибо как бы совлекшись *ветхаго человека, тлеющаго в похотех прелестных* (Еф. 4, 22), и, так сказать, отсекши плотские удовольствия остротою и действием духа, мы явим себя уже достойными того, чтобы быть способными к богосозерцанию и соделаться священною обителию Святыя и Единосущныя Троицы: *иже бо аще не постыдится Мене и Моих словес в роде сем*, Я и *Отец к нему приидем, и обитель у него сотворим, и пребудем в нем*,—сказал Спаситель (Мк. 8, 38 и Ин. 14, 23). И не до этого только будет простираться воздаяние за добрую жизнь, но, как уже принятые в родство с Богом, мы познаем то, что заключается в Нем Самом, очевидно чрез Откровение от Него, как несомненно и божественному Аврааму предоткрыто было об истреблении Содома, ибо с ним, как бы с другом, имел общение Бог. Так посмотри же, сколь

многочисленными благами вознаграждается для нас удаление от осквернения. Посему-то и Павел говорит: *молю вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше* (Рим. 12, 1). Также и пророк Иеремия ясно воззвал: *омый от лукавства сердце твое, Иерусалиме, да спасешися* (Иер. 4, 14).

П. Итак, не с душою нечистою должен приступать ко всесвятому Богу, но при святой и непорочной жизни: ибо таким образом мы прямо придем к надлежащему.

К. Совершенно так, Палладий, и немного, думаю, нужно будет труда, чтобы тебе можно было видеть истинность слова твоего о сем, если только решишься любознательно и благоразумно исследовать жития святых; ибо прообразовательно совершавшееся у древних *писана быша в научение наше,* как сказал божественный Павел (1 Кор. 10, 11). Итак, что чистыми и омовенными должно приступать к Богу, это может всякий узнать еще и из следующего. Дина, дочь Иакова, бывшая девицею и в возрасте брачном, вышла из шатра отца своего посмотреть на дщерей Сикимских. Но не покоился Сихем, сын Эмморов: он тотчас полюбил девицу и увлечен был неудержимою похотию к тому, что ему вздумалось; и приступая к этому грубо, он изнасиловал девицу еврейскую, быв иноплеменником и еще необрезанным. Несносным казалось это дело сынам Иакова, и против нечестиво оскорбивших еврейку и сестру их они вышли войною. Когда же божественный Иаков сильно обеспокоился этим и был в великом страхе, предполагая, что погибнет со всем родом своим, пришел к нему Бог и опять спас его. А каким образом, — это достойно того, чтобы узнать. Именно написано так: *рече же Иаков к Симеону и Левии: ненависта мя сотвористе, яко злу мне быти всем живущим на земли, в хананеах и ферезеах: аз же мал есмь числом: и собравшеся на мя, изсекут мя, и истреблен буду аз, и дом мой. Они рекоша: аки блудницу ли возимеют сестру нашу? Рече же Бог ко Иакову: востав взыди на место Вефиль: и живи тамо, и сотвори тамо жертвенник Богу явлшемуся тебе, егда бежал еси от лица Исава брата твоего. Рече же Иаков дому своему, и всем иже с ними: поверзите боги чуждыя, иже с вами, от среды вас, и очиститеся, и измените ризы своя: и воставше взыдем в*

Вефиль, и сотворим тамо жертвенник Богу, послушавшему мене в день скорбения, иже бе со мною, и спасе мя на пути в оньже ходих. И вдаша Иакову боги чуждыя, иже бяху в руках их, и усерязи яже во ушесех их: и скры я Иаков под теревинфом иже в Сикимех: и погуби я до днешняго дне (Быт. 34, 30 – 35, 1–4). Видишь, что Владыка всех приходит к устрашенному праведнику и повелевает воздвигнуть жертвенник в воню благоухания и в светлое приношение Богу за имевшее быть дарованным ему спасение и помощь. Он же, весьма хорошо зная, что необходимо сделать это, повелевает предочиститься, отбросив лжеименных богов и облекшись в другие одежды; а это, думаю, прямо означает искренность в вере и чистоту в жизни; ибо под отвержением богов чуждых справедливо можно разуметь желание предаваться одному только Богу, не разделяясь помыслом и не склоняясь к тому, чтобы недуговать остатками демонского обольщения, а под переменою одежд как бы переоблачение в житие чистое. Так казалось нужным писать и премудрому Павлу; не слышишь ли, как он ясно говорит: совлекитесь *ветхаго человека, тлеющаго в похотех прелестных,* и облекитесь в нового, *обновляемаго по образу создавшаго его* (Еф. 4, 22 и 24; Кол. 3, 10)? Отложением плоти он называет отложение плотских удовольствий. Пишет также и Соломон: *во всякое время да будут ризы твоя светлы* (Еккл. 9, 8). Думаю,– и рассудив очень правильно,– что не дошел бы мудрый Соломон до такого пустословия, чтобы убеждать нас по-детски услаждаться светлостию одежд; но светлой одежде уподобляет как бы омовенную и свободную от всякой нечистоты жизнь. Иначе как мог бы кто-либо облечься в Господа нашего Иисуса Христа? Не полагаешь ли, друг мой, что вполне достигает этого облеченный в красоту евангельского жития?

П. И очень.

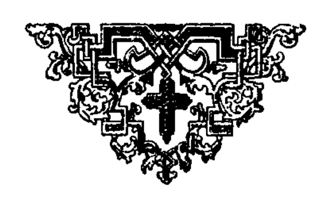
К. Но если кто обратится к самому славному Иосифу, то его найдет не опустившим ничего из относящегося к честной жизни, напротив помышлявшим, что во всяком деле ему будет содействовать и помогать Бог, если сам он будет мужественно отвращаться от осквернения. Ибо между тем как легко можно было ему благоденствовать и утопать в наслаждениях, допустив пылким движениям юности устремляться к приятному и любезному и невозбранно увлекаться таковыми стрем-

лениями, он однако не делал сего; далеко нет: он лучшим как бы считал жребий пребывания у Бога, и труды воздержания предпочитал всему лишь временно услаждающему. Он знал, что хотя раздражение плоти по началу и приятно, и что этого рода удовольствие как бы какою сладостию очаровывает ум, но что оно приводит к концу уже далеко не приятному; ибо наказания и осуждение, и подобные бедствия тотчас нависнут над головою согрешившего. Хочешь ли, мы скажем немногое нечто из написанного о нем.

П. Конечно хочу.

К. И бяше, — сказано, — *Иосиф добр образом, и красен взором зело. И бысть по словесех сих, и возложи жена господина его очи своя на Иосифа, и рече: пребуди со мною. Он же не хотяше, и рече жене господина своего: аще господин мой не весть мене ради ничтоже в дому своем, и вся, елика суть ему, вдаде в руце мои, и ничто есть выше мене в дому сем, ниже изъято бысть от мене что-либо, кроме тебе, понеже ты жена ему еси: и како сотворю глагол злый сей, и согрешу пред Богом? Егда же Иосифу глаголаше день от дне и не послушаше ея еже спати и быти с нею, бысть же сицевый некий день, и вниде Иосиф в дом делати дела своя: и никто не бяше от сущих в дому внутрь. И ухвати его за ризы, глаголющи: лязи со мною. И оставив ризы своя в руку ея, убеже, и изыде вон. И бысть егда вид, яко оставль ризы своя в руках ея, бежа, и изыде вон, и воззва сущих в дому: и рече им глаголющи: видите, введе нам отрока евреина наругатися нам: вниде ко мне, глаголя: пресни со мною: и возопих гласом великим. И егда услыша он, яко возвысих глас мой, и возопих, оставль ризы своя у мене, отбеже, и изыде вон* (Быт. 39, 6–15). Видишь ли, как женщина насильно влекла его, даже не хотевшего, к ложу? Но у него ум утвержден был в воздержании, совершенно ничем не побеждаемый. Он был еще юноша, едва достигший семнадцати лет, когда борода только еще начинает пробиваться, когда удовольствия являются в полной своей силе, когда движения плоти бывают наиболее пылки, и похоти, так сказать, упрямы и несклонны на внушение разума; ибо всегда почти юношеский возраст любит неудержимо отдаваться плотским стремлениям и не легко выносить узду воздержания. Но непоколебим был дивный Иосиф, не оставив юношенской распущенности без водительства и не убоявшись того, что был

чужестранец и слуга, так как тем и другим сделан был насильно, был продан братьям Измаильтянам. Когда же он оказался выше гнуснейшего удовольствия и влечений к распутству, тогда женщина прибегает к клевете и обращает вину на юношу: его, неуступавшего ее требованиям, обзывает оскорбителем (ее чести). И вот вследствие сего юноша стал узником; но спасен был Божественною благодатию и в награду за воздержание тотчас получил начальствование над всею страною Египетскою. Итак, хотя и с трудами сопряжено это дело, хотя и тяжелые подвиги предлежат стремящимся к похвалам воздержания, однако невелика в этом важность для решившего быть всецело боголюбивым: он непременно будет иметь и равносильную похвалу и соответствующее воздаяние. Поэтому и божественный Давид удивляется достохвальнейшему юноше за претерпение сего, говоря: *в раба продан бысть Иосиф, смириша во оковах нозе его, железо пройде душа его* (Пс. 104, 17–18). Железом, думаю, называет твердую и несокрушимую силу подвигов, посредством которых можно подавить грехи и избежать всякой нечистоты, и достигнуть святой и чистейшей жизни, разумею – жизни евангельской и во Христе, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.



КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

О том, что должно приступать к Богу чистыми и омовенными, и что очищение наше — во Христе

Из всего рассуждения, Палладий, составилось у нас ясное и наглядное доказательство того, что в дом Божий должно приходить всечестно, светлыми и омовенными, приобретающими близость к Богу чрез освящение: потому что тогда мы встретимся с Богом милостивым и, так сказать, целым оком взирающим на то, что касается до нас, и оказывающим милосердие, которого достойны святые. *На кого* же *воззрю,* — говорит, — *токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих?* (Ис. 66, 2.) Ибо истинно святые руки прострет и как бы в самое ухо Божества возопиет таковый, так что, достигнув исполнения того, о чем молился, от избытка радости скажет: *услыша от храма святаго своего глас мой, и вопль мой пред Ним внидет во уши Его* (Пс. 17, 7). Или не слышал ты божественного Давида, ясно нам воспевающего, что *очи Господни на праведныя, и уши Его в молитву их?* (Пс. 33, 16.)

Палладий. Слышал.

Кирилл. Что слово это истинно, в том не должно сомневаться. Но для очищения от скверн какой может быть у нас способ? Ибо *грехопадения* никто не *разумеет* (Пс. 18, 13); *много* же *согрешаем вси* (Иак. 3, 2); естество наше недугует удобопреклонностию ко греху и весьма легко увлекается к привычке поступать неправо, когда гнусное и мерзкое удовольствие некоторым образом углаживает для нас путь устремления к порочному.

П. Хорошо говоришь. Нисколько не медля, я соглашусь с тобою, так как ты говоришь правильно.

К. Уже и плоть от земли, взятая сама в себе, недугует законом греха, да и ум человеческий весьма легко увлекается к склонности *на злая от юности*, согласно написанному (Быт.

8, 21). Посему и Священное Писание справедливо сетует о нас: *вси,* — говорит, — *уклонишася, вкупе неключими быша: несть творяй благостыню, несть до единаго* (Пс. 13, 3). Поелику же не было отклонения от зла, то Бог и Отец послал нам с неба Спасителем и Искупителем Своего Сына, оправдывающего верою, избавляющего от наказания, немощное делающего весьма крепким, просвещающего омраченное, обращающего заблуждающееся и извлекающего от господства диавольского подчинившееся ему.

П. Итак, во Христе мы очистимся от скверны греховной; очищенные же таким образом и как можно далее ставши от всякого порока, приидем чрез Него к Богу и Отцу.

К. Очень хорошо разумеешь. Всякий может слышать и самих святых пророков, провозвещающих нам столь досточудную и превожделенную благодать. Например, Михей премудрый так говорит: *кто Бог якоже Ты? отъемляй беззакония, и оставляяй нечестия останком наследия своего: и не удержа гнева своего во свидение, яко волитель милости есть* (Мих. 7, 18). Также и другой: *помяни сия, Иакове, и Израилю, не забывай Мене. Се бо отъях яко облак беззкония твоя, и яко примрак грехи твоя* (Ис. 44, 21–22). И весьма многое можно было бы собрать из Божественного Писания, очень ясно показывающее нам истину сего, но я считаю излишним к тому, что вызывает ясное и очевидное убеждение, прибавлять еще другое.

П. Что сие дело очевидно, это для всякого ясно; но хотел бы я и из образов закона усмотреть очищение, совершающееся во Христе.

К. Так внимай, если тебе представляется приятным, чтобы мы обратились к сему. Оскверненным и подвергшимся обвинению в нарушении закона закон повелевал приносить жертву, различая двоякий род жертв: одни из них изображают Еммануила, за нас закалаемого, а другие — нас самих, умирающих для мира и в воню благоухания приносящих Богу свою жизнь и спасение. Ибо разве не будем проводить жизнь божественную и евангельскую, умерщвляя *уды, яже на земли* (Кол. 3, 5), и избавляя ум от мирского смятения и земных удовольствий?

П. Совершенно так.

К. Итак, жертва есть оное в смерти Христовой совершающееся очищение; а обет и дар с нашей стороны есть посвяще-

ние Богу благочестности и жизни проводимой в святости Но с пользою и необходимостью предуведомляет закон и ясно свидетельствует, что непорочные должны быть делаемы при сем приношения. Поелику из приносимых жертв одни означали Христа, как за нас закалаемого, а другие и нас прообразуют, как бы приносящих в жертву Богу свою жизнь: то посему и сказано, что они должны быть непорочны и никоим образом не страдать увечьем Ибо непорочен Христос: Он *греха не сотвори* (1 Пет. 2, 22). Но и нас не приимет Бог, еще в осквернении находящихся и недугующих мерзостию греха. Посему написано в книге Левит: *И рече Господь к Моисею, глаголя: глаголи Аарону и сыном его, и всему сонму сынов Израилевых, иречеши к ним: человек от сынов Израилевых, или от пришлец прилежащих к ним во Израили, иже аще принесет дары своя по всякому исповеданию своему, или по всякому изволению своему, елика аще принесут Господу на всесожжение, приятны вам непорочны мужеск пол от стад волов, или от овец, и от коз: всех елика аще имут порок на себе, да не принесут Господу, понеже неприятно будет вам. И человек иже аще принесет жертву спасения Господу, отлучив обет или по изволению, или в праздники ваша, от стад волов или от овец, непорочно да будет в приятие, всяк порок да не будет на нем. Слепо или сокрушено, или язык урезан имущо, или червиво, или крастово, или лишаво, да не принесут тех Господу, и в жертву да не дадите от них на алтарь Господеви. И тельца или овцу ухорезну, или безхвостну, в заколение сотвориши я себе, в обет же твой да не приимется. Емуже суть ятра сокрушена, и емуже раздавлена и изрезана и исторжена, да не принесете сих Господу, и в земли вашей да не сотворите. И от руки иноплеменника да не принесете даров Богу вашему от всех сих: яко вреждения суть на них, порок на них, не приимутся сия от вас* (Лев. 22, 17–25). Примечай же, как ясно и очевидно внушает закон и израильтянам по крови, и отвне привзошедшим и сопричисленным к народу,— разумею прозелитов, что должно весьма внимательно наблюдать, нет ли порока в жертвах; ибо должно быть приносимо нами, сказал он, мужеское и беспорочное, то есть крепкое и свободное от страстей: потому что изнеженность и женственность духа, также и недуг внутри ума, и мысленное увечье совершенно неприятны Богу и отвержены

пред Ним. Разве не называешь ты несвященным того, чему являлось бы сие присущим?

П. Как же иначе?

К. Итак, отверженно бессильное и как бы расслабленное; приятно же крепкое, как бы живописуемое в природе мужеского пола, если имеет присоединенною к сему непорочность. Таковое служит для нас ясным образом Христа: ибо Еммануил есть муж и вместе непорочен, так как Он есть истинно сила Божия и не ведал греха. Муж Он есть и в ином смысле: ибо мужеское всегда преимуществует и бывает превосходнее другого пола; к тому же и властительнее. А Сын несравненно превосходнее всех и над всем начальствует, хотя и соделался подобен нам и, будучи пастырем, для пользы нашей сопричислен к овцам. Несвященно же и исключается из числа жертв слепое, с переломленными членами, также с отрезанным языком, червивое, коростовое, имеющее лишаи, с отрезанным ухом или хвостом. Но также и то, у которого, сказано, повреждены мужеские члены, и совершенно уже оскопленное, необходимо считается больным; ибо это, думаю, значит: *емуже суть ятра сокрушена, и емуже раздавлена, и изрезана, и исторжена.*

П. Итак, не должно ли это быть принимаемо в отношении к нашим нравам и образу жизни?

К. Совершенно так; ибо не иначе, как таким образом, закон может быть для нас духовен; а служение как бы в тенях не имело бы никакого значения пред Богом; Он даже и не определил бы некогда законов для сего служения, если б не предызображал в нем отличнейшую красоту истины.

П. Хорошо говоришь. Так рассуждай о значении каждого порока и изъясняй, в чем оно состоит.

К. Приступаю к сему, и весьма охотно. Слепым, кажется, называет неблагоразумного и несмысленного, и не имеющего в себе самом света Божественного, то есть просвещения чрез Христа в Духе. совершенно же несвященен тот, кто еще неразумен и неверен; ибо *аще не уверуете,* — сказано, — *ниже имате разумети* (Ис 7, 9). Сокрушенным, далее, называет всецело недугующего, совершенно ничего не имеющего здравого, не могущего и ходить прямо, то есть бессильного сделать что-либо доброе и совершенно лишенного благоукрепления во Христе и в Духе Таковым пороком страдают те, о которых

написано одним из святых пророков: *тако глаголет Господь: се Аз дам на люди сия болезнь, и изнемогут* в ней *отцы и сынове вкупе, сосед и искренний его погибнут* (Иер. 6, 21). Между тем оправданных верою во Христе божественный Псалмопевец представил нам радостными, поющими и говорящими: *благослови душе моя Господа, исцеляющаго вся недуги твоя, избавляющаго от истления живот твой* (Пс. 102, 2–4). *Язык урезан имуща*, как я думаю, означает неумеющего говорить право и не могущего возглашать *глагол веры, его же проповедаем*, по Писанию (Рим. 10, 8), от *совести благи вопрошение у Бога* (1 Пет. 3, 21) Но что избавятся и от такого недуга в пришествие Христа, это изъясняет пророк, говоря: *языцы немотствующии скоро научатся глаголати мир* (Ис. 32, 4). Итак, язык урезан имеет тот, кто еще немотствует и не научен глаголать свыше и от Отца дарованный нам мир, то есть Христа или то, что касается Его. Червивыми же, коростовыми и имеющими лишаи мы называем тех, которые имеют в себе самих страждущий дух и великим тлением во грехах недугуют, не помышляют о том, чтобы вести себя к уменьшению зла, но напротив стремятся переходить к постыднейшему и расширяться в худшее. Ибо червивость, короста, а также и лишай, всегда являются идущими к увеличению, как бы стремятся к худшему и мало-помалу расходятся по всему телу. Таковы и в наших душах непресекаемые страсти, с неудержимою как бы стремительностью всегда переходящие к худшему. Ухорезное же и к тому еще бесхвостое может означать непокорного и непослушного и не во всем благообразного. Разве не бывает повреждения слуха у людей с отрезанным ухом?

П. И очень.

К. А тех из животных, которые не имеют хвоста, признал ли бы ты сам весьма красивыми на вид? Никак: ибо они носят на себе очень великое безобразие. Итак, безобразен и нелеп тот, на кого косвенно указывается как бы в животном, не имеющем хвоста. Отверженным также считает и то, что хотя и есть мужеское по своей природе, но действовать по-мужески не может, разумею животное с раздавленными или вырезанными ятрами. Таковыми могут быть и те, которые, хотя, по-видимому, имеют мужество, нужное для добродетели, но еще не деятельны в стяжании славы добродетели, как бы сухи и бесплодны, и лишены силы приносить мно-

ообразные плоды ее: ибо величайшее множество нечистых страстей неизбежно влечет нас к бессилию и недеятельности, а кроме сего еще и к неспособности приносить плод. Посему-то, как я думаю, и многими именами называет закон оскопленное: *ему же*, — говорит, — *суть ятра сокрушена, и ему же раздавлена, и изрезана, и исторжена*, потому что весьма разнообразны в нас страсти, многими как бы стезями ведущие к бессилию и недеятельности.

П. Слово твое убедительно.

К. А что гнусно, кроме того, и совершать жертвоприношение Богу рукою чуждою, это закон показал, говоря: *и от руки иноплеменника да не принесете даров* Господу *Богу вашему*, чрез что прообразовательно означается, что чрез одного только Христа доступен Отец, ибо Он есть истинно непорочный и великий Архиерей наш, Ходатай по домостроительству (Евр. 4, 14; 7, 26; 8, 6), как пишет божественный Павел: в Нем *имамы приведение в Дусе ко Отцу* (Еф. 2, 18; сн. Рим. 5, 2). Итак, свободными от порока приличествует быть тем, которые решились бы посвятить души свои Богу и Отцу при посредничестве Христа: ибо *святи будите*, — сказано, — *яко Аз свят есмь* (Лев. 19, 2).

П. Превосходно ты сказал.

К. Исчислив же виды жертв как бы в волах и овцах, и другими способами продолжать весьма тщательно внушать нам, что непорочно должны приступать к Богу имеющие обыкновение делать это. Ибо сказал опять в книге Левит: *всяку жертву, юже аще приносите Господу, не сотворите квасну: всяк бо квас и всяк мед да не принесете от него, еже приносити Господу дар. От начатков да принесете я Господу: на олтарь да не вознесутся в воню благовония Господу. И всяк дар жертвы вашея солию да осолится: да не оставите соли завета Господня от жертв ваших, во всяком даре вашем да принесете Господу Богу вашему соль* (Лев. 2, 11–13). Закваска есть образ хитрости, не одной только порицаемой, но и другой, — той, разумею, доброй и похвальной, которую и слово премудрости обещает дать незлобивым еще (Притч. 1, 4): имя хитрости есть некоторым образом среднее (общее). А мед косвенно указует нам иногда на телесное удовольствие, как в изречении: *не внимай злей жене: мед бо каплет от устен жены блудницы* (Притч. 5, 3); иногда же служит изображением и добрых сла-

достей, ибо написано: *яждь мед сыне, благ бо есть сот, да насладится гортань твой* (Притч. 24, 13). Итак, закон запрещает приносить в дар и жертву квасное и мед; ибо хотя и приемлет от приносящего сие в дар и начаток, однако отнюдь не возносит *в воню благоухания Богу* (Еф. 5, 2).

П. Объясни же опять, что значит этот намек.

К. Трудно это дело, Палладий; ибо как же не трудно узнать, что значит отнюдь не считать сего отверженным, однако и не возносить еще оное в приношение и жертву? Итак, я думаю, что иногда и хитрость души святой и доброй, если применяется к делу благовременно и имеет в основании своем благочестие к Богу, не отверженна пред Ним, впрочем, не поставится и в равном значении с благоухающею добродетелию и не вменится в жертву мысленную. Более чести имеет пред Богом простота: дивится Священное Писание божественному Иакову, так говоря: и *Иаков бысть человек не лукав, живый в дому* (Быт. 25, 27): потому что хитрость чужда всем незлобивым. Впрочем святым Апостолам Сам Спаситель говорил: *будите мудри яко змия, и цели яко голубие* (Мф. 10, 16). Правда бесхитростность честна пред Богом и в сравнении с противоположным конечно лучше; но хитрость и лукавство приличествует домостроительству апостольства, чем пользовался по временам и блаженный Павел, повсюду избегая потерпеть от врагов преждевременную смерть. Итак, хитрость приемлется в делах, совершаемых ради Бога, однако отнюдь не вменяется в благоухание добродетели, если оценивается по своей собственной природе. Равным образом и мед, принятый за образ плотского удовольствия, означает, думаю, сию мирскую и плотских удовольствий не чуждую жизнь; ибо честен брак, служащий к деторождению, и неповинен пользующийся им по закону, во Христе; однако не будет сие для кого бы то ни было иметь силу добродетели и не поставится наравне с славою воздержания. И блаженный Павел пишет находящимся в браке: *не* разлучайтесь *друг* от *друга, точию по согласию до времени, да пребываете в молитве и* прошении: *и паки вкупе собирайтеся,* — говорит, — *да не искушает вас сатана невоздержанием вашим*; но к сему прибавил: *сие же глаголю по совету, а не по повелению* (1 Кор. 7, 5–6). Итак, видишь ли, что он дает *совет* находящимся в браке. Как же может быть добродетелию то, что врачуется советом?

А о деве говорит, что *блаженнейша есть, аще тако пребудет* (1 Кор. 7, 40), то есть безбрачною. Итак, не отвергается мед, ибо приемлется брак; впрочем не *в воню благоухания,* как виды добродетели. Но еще и соль насыпается на жертвы; ибо должно, думаю, нам приносить жертвы мудро и разумно, и на всякое благое дело хорошо уготованным. Неприятность и бестолковость всего менее может приличествовать избравшим путь благочестия. Посему-то и Спаситель говорил святым ученикам: *вы есть соль земли* (Мф. 5, 13). Пишет также и Павел: *слово ваше да бывает во благодати, солию растворено, да даст благодать слышащим* (Кол. 4, 6 и Еф. 4, 29).

П. Следовательно, разумность и приятность означается солию.

К. Подлинно так. Но думаю, что, весьма ясно различив виды жертвоприношения, мы должны из самых же Священных Писаний усматривать и то, каким образом недугующие грехом могли бы избавиться от этого недуга и устранить вред, происходящий от прегрешений. В книге Левит написано: *и рече Господь к Моисею, глаголя: рцы к сыном Израилевым, глаголя: душа аще согрешит пред Господем не хотящи от всех повелений Господних, ихже не лет есть творити, и сотворит едино что от них: аще убо архиерей помазанный согрешит, во еже людем согрешити, и да приведет о гресе своем, имже согрешил, телца от говяд непорочна Господеви о гресе: и да приведет телца к дверем скинии свидения пред Господа, и да возложит руку свою на главу телца пред Господем, и да заколет телца пред Господем. И взем жрец помазанный совершен руками от крове телца, и да внесет ю в скинию свидения: и да омочит жрец перст в крови, и да покропит от крове седмижды пред Господем, у завесы святыни: и да возложит жрец от крове телчи на роги олтаря фимиама сложения, иже пред Господем, иже есть в скинии свидения, и всю кровь телчу да излиет у стояла олтаря всесожжений, иже есть у дверей скинии свидения. И весь тук телца иже о гресе, да отъимет от него, тук покрывающий утробу, и весь тук иже на утробе, и обе почки, и тук иже на них, иже есть на стегнах, и препонку, яже на печени, с почками отъимет е, якоже отъемлется оное от телца жертвы спасения: и да вознесет жрец на олтарь приношения. И кожу телчу, и всю его плоть со главою, и с крайними*

частями, и со утробою, и с мотылы: и да изнесут всего телца вне полка на место чисто, идеже изсыпают пепел, и да сожгут его на дровах огнем: на месте изсыпания пепела да сожжен будет (4, 1–12). Итак, вот что закон говорит о начальнике, который подает повод подчиненному ему народу вместе с ним погрешить против надлежащего. А к этому тотчас же присовокупил повеление: *аще же весь сонм сынов Израилевых согрешит, и утаится глагол от лица сонма, и сотворят едину от всех заповедей Господних, еяже не лет есть творити, и согрешат: и увестся им грех, имже согрешиша в нем, и да приведет сонм телца от волов непорочна о гресе* (4, 13–14). И потом подробно говорит о том, что он должен быть принесен в жертву подобным первому образом.

П. Какое же значение этих слов?

К. Ясное, Палладий, и без труда постижимое для вполне здравомыслящих: ибо во Христе очищение священников и народа, малого и великого, и всех вместе, а также если и по одиночке мы окажемся согрешающими, по неведению ли Божественного закона, или быть может против воли увлеченные к тому, что отнюдь не угодно Владыке всех Богу. Посему и божественный Давид взывал: *грех юности моея, и неведения моего не помяни* (Пс. 24, 7). А блаженный Иов едва не явно обвиняет благого по естеству, благостного и милосердого и не неведующего немощь естества нашего за медленность и уклончивость в отпущении грехов некоторым. Говорит же он так: *почто неси сотворил беззаконию моему забвения, и очищения греха моего?* (Иов 7, 21.) Итак, закон предвозвестил, что во Христе, и только в Нем одном, оправданы будут чрез веру держимые грехами; ибо Он, наподобие тельца, за нас закалается пред дверьми священной и Божественной скинии, дабы нам открыть вход внутрь. Он *грехи наша носит*, по слову пророка (Ис. 53, 4); потому что это, думаю, означает возложение рук на тельца. Он *Своею Кровию вниде во святая* святых, *вечное искупление обретый* и *единем приношением совершил есть во веки освящаемых*, по слову блаженного Павла (Евр. 9, 12; 10, 14). Он чрез окропление Собственною Кровию освящает Церковь и притом богатно. *Да омочит,* — сказано, — *жрец перст в крови, и да покропит от крове седмижды перстом пред Господем:* ибо мы приступили, говорится в Писании, к *Иерусалиму небесному, и церкви первородных на*

небесех написанных и крови кропления лучше глаголющей, нежели Авелева (Евр. 12, 22–24); потому что кровь Авеля вопияла к Богу, осуждая убийцу, честная же Кровь Христа Спасителя всех нас, говорит о нас лучше пред Богом, ибо пролита, как выкуп, за жизнь всех. Изливалась кровь тельца у подножия *(стояла)* алтаря; ибо смерть Христа есть святая и истинно священная. Возносятся внутренности, тук, почки и сальник *(препонка)* печени; ибо во Христе все благоуханно: и совне являющееся, и сокровенное; потому что свято было Слово и ничего не было в Нем нечистого. Кожа и прочее сожигается вне врат: таким образом даже и самое место страдания не оставляет закон неуказанным нам. Посему и божественный Павел сказал нам: *да исходим вне врат, поношение его носяще* (Евр. 13, 13, срав. ст. 12), то есть за нас и ради нас понесенный крест. И Сам Спаситель говорит: *иже не приимет креста своего, и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 38). Кажется же, что святой Павел, говоря: *вне стана*, разумеет: *вне мира*; ибо хотение следовать Христу удаляет нас от жизни мирской. А свидетельствует о сем опять Павел; ибо он так сказал о Христе: *Имже мне мир распяся, и Аз миру* (Гал. 6, 14). Ходя по земле, святые стараются жить уже не по-земному, а скорее иметь жительство на небе (Флп 3, 20). Затем очищением для оскверненных служит пепел с водою: ибо страдание Спасителя служит избавлением от греха, освящая нас водою, чрез которую мы приобретаем *не плотския отложение скверны*, согласно написанному (1 Пет. 3, 21), но омовение скверн душевных; ибо *измыйтеся*,– сказано,– *и чисти будите*: так задолго увещевало нас и Пророческое слово (Ис. 1, 16).

П. Итак, в тельце, как бы в образе и предначертаниях, сеннописуется претерпенная ради нас и за нас смерть Христова.

К. Весьма хорошо разумеешь. И кроме того удивишься, думаю, взирая вот на что.

П. Что такое?

К. Если согрешит, сказано, начальник вместе с подчиненными, или же (согрешит) сам по себе подчиненный народ· то жертвою должен быть телец; если же начальник впадет в прегрешения отдельно от народа, то да принесет, сказано, козла от коз; а если согрешивший будет кто-либо из народа, то уже не мужеского, а женского пола должно быть закалаемое

Но я прочту, если угодно, и самые законы о сем. Именно сказано так: *аще же князь согрешит, и сотворит едину от всех заповедей Господа Бога своего, не хотя, еже не леть есть творити, и согрешит, и увестся ему грех, имже согреши в нем, да принесет дар свой козла от коз мужеск пол непорочен греха ради. И возложит руку на главу козла: и да заколют его на месте, идеже закалают всесожжения пред Господем: о гресе бо есть. И да возложит жрец от крове, яже о гресе, перстом на роги олтаря всесожжений, и всю кровь его да излиет у стояла олтаря всесожжений: и весь тук его вознесет на олтарь, якоже тук жертвы спасения: и да помолится о нем жрец греха ради его, и оставится ему* (Лев. 4, 22–26). И к сему присоединяет: *аще же душа едина согрешит не хотящи от людей земли, внегда сотворити едину от всех заповедей Господних, еже не лет есть творити, и согрешит, и увестся ему грех, имже согреши в нем, и да принесет козу от коз женск пол непорочну, да принесет греха рада* своего (4, 27–28). И изложив способ, как должна быть принесена жертва, говорит: *аще же овцу принесет дар свой греха ради, женск пол непорочен, да принесет ю* (4, 32). Итак, разумеешь ли, Палладий, глубину таинства, как бы в зеркале и тенях изображаемую древним? Соразмеряется как бы с великостию прегрешений приношение жертв. Телец был приносим за начальника и народ, общим как бы и одним и тем же грехом недуговавших; а за одного, или за одну душу, — один козел; ибо Себя Самого принес Христос за всех вместе как бы в образе тельца, в жертву многоценную и великую: *идеже бо умножися грех*, — сказано, — *преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20). Но наподобие козла и овцы, за каждого и особо, по причине того, что уподобился подверженным греху и *со беззаконными вменися*, по Писаниям (Ис. 53, 12); а образом беззаконного служит молодой козел, как бесплодный и сухой. Так и Христос поставляет, как овец, по правую сторону — святых, а как козлов, и по левую сторону, — делателей беззакония (Мф. 25, 33). Итак, славу Его и величие можно всякому видеть в тельце; а уподобление нам и вменение со беззаконными ты можешь разуметь под козлом. Также, и как овца, Он был закалаем, по причине врожденной сему животному кротости и по преимущественной покорности жертвы; ибо, *яко овча ведеся*, — сказано, — *и яко агнец пред стригу-*

щим его безгласен, тако не отверзает уст своих (Ис. 53, 7). Но если бы начальник повинен был в прегрешениях, то козел мужеского пола был приносим в жертву; если же кто из народа и в отдельности, то закалаемое было женского пола, будет ли это овца или из коз, так что и в самом различии жертв закон указует премудрости домостроительства Спасителя нашего: ибо всегда начальствующим и в первой чести является мужеское, следующее же и второе место занимает женское. Итак, соответствует прегрешениям каждого и очищение чрез Христа в стоящих впереди и начальствующих, и в подвластных, и в каждом по одиночке, и в подчиненных: потому что неравно виновны впавшие в грех начальник и народ, но в большей мере, конечно, начальствующие; посему и более обильною благодатию очищаются.

П. Понимаю, что говоришь: мужеское превосходнее женского.

К. И ты можешь видеть во Христе это как бы различие в славе: ибо Он, без сомнения, есть начальник и вождь всех, как Бог и Господь, но соделался и как бы вторым в ряду по человечеству; поставлен также и под законом как бы подначальный.

П. Мысль правдоподобна.

К. Присовокупляет и другие виды осквернений, и для каждого опять предуказал очищение, как во Христе исполняемое; а сказал так: *аще же душа согрешит, и услышит глас клятвы, и сей свидетель или виде или сведа, аще не возвестит, приимет грех. Душа она, яже аще прикоснется ко всякой вещи нечистей, или мертвечине, или звероядине нечистей, или мертвечинам гнусностей нечистых, или мертвечинам скотов нечистых, или прикоснется нечистот человечи, от всякия нечистоты его, ей же прикоснувся осквернится, и забудет, по сем же увесть, повинен будет греху. Душа беззаконная, аще обещает устнама своима зле или добре сотворити, по всем елика изречет человек с клятвою, и утаится его пред очесы, и сей увесть, и согрешит едино что от сих: и исповесть грех, имже согреши противу себе, и да принесет Господу о гресе, имже согреши, женск пол, от овец агницу, или козу от коз греха ради: и да помолится о нем жрец греха ради его, имже согреши, и оставится ему грех* (Лев. 5, 1–6). Итак, заметь, что слышавшего голос клятвы и

совершенно ни во что вменившего это дело, равно и другим скվернам сделавшегося причастным, а также к сему изобличенного и в ложной клятве, поставляет в равном и совершенно одинаковом виде прегрешения: ибо истинно безмерным осквернением и самою крайнею степенью зла является презрение к Богу, и это прегрешение близко и родственно плотским видам нечистоты. Разве не в равном значении должны быть поставляемы проклятая ложная клятва и презрение к клятве.

П. Совершенно так; потому что в обоих случаях вины равносильны.

К. Таким образом последует разрешение и от сих грехов чрез исповедание и заклание агницы или козы. Ибо *глаголи ты беззакония твоя прежде,*— сказано,— *да оправдишися* (Ис. 43, 26). Также и божественный Давид восклицает: *рех исповем на мя беззакония мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Впрочем для совершенного очищения недостаточно одного исповедания: совершенно очищает смерть Христа, за нас пострадавшего и на Себе Самом грехи всех нас несущего, наподобие всякого рода кротких животных, как то: тельца, а также овцы и козы. Закон признает неизвинительным небрежение о жертве для находящихся в осквернении и нечистоте даже и в том случае, если б не имел кто тельца или овцы, и убеждает оказывать честь хотя бы тем, что кто имеет под рукою и что может, говоря: *аще же не может рука его довольства имети на овцу, да принесет греха ради своего, имже согреши, две горлицы, или два птенца голубина Господу, един греха ради, и един во всесожжение. И принесет я к жерцу; и приведет жрец еже за грех прежде, и да отторгнет жрец главу его созади, но да не отлучит; и да покропит от крове, яже за грех, на стену олтаря, останок же крове да исцедит на стояло олтаря: о гресе бо есть. И вторым да сотворит всесожжение, якоже подобает; и да помолится о нем жрец греха ради, имже согреши, и оставится ему* (Лев. 5, 7–10). Горлице и голубю весьма легко можно уподобить Господа нашего Иисуса Христа; потому что первая есть благогласнейшая и звонкогласнейшая между птицами, а второй преимущественно пред всеми достигает высшей степени кротости. То и другое было во Христе: ибо усладили всю вселенную евангельскою пропове-

дию оная вышняя и небесная горлица, как бы воспевая пленительную песнь и открывая волю Бога и Отца, как говорит божественный Иоанн: *егоже посла Бог, глаголы Божия глаголет* (Ин. 3, 34). Он призывал и нас к подражанию присущей Ему кротости и смирению, так говоря: *возмите иго Мое на себе, и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Итак, пусть возьмет, сказано, *жрец* горлицу и *отторгнет* ногтем: так закаляются малые птицы,— но только *да не отлучит* совсем, ясно что, голову. Так совершилась смерть Христа, не к разделению, но соединению. Посему и в древнейшее время, полагая закон о Пасхе, Бог повелел закалать в жертву агнца, но только *в дому*,— говорит,— *единож да снестся, и не изнесите мяс* его *вон* (Исх. 12, 46). Ибо отнюдь не разделился Христос, но есть един всецело и в каждом, и во всех; и *Той есть мир наш*, приводящий нас в единение и друг с другом в единодушии, и чрез Себя Самого с Богом в Духе (Еф. 2, 14 и 18). Итак, что смерть Христа соделалась причиною не разделения, но единения между нами, на это косвенно указывало то, что хотя птица закалалась, но не совершенно отделяема была ее голова от хребта; а что Он освящает Церковь Свою Кровию, это обозначалось тем, что кровию птицы окроплялась скиния и находившееся в ней. Затем, одна из горлиц приносилась за грех, и одна во всесожжение; но под обеими разумеется Христос, и умирающий за нас, и как бы всесожигаемый в воню благоухания Отцу, а также и предающий Себя Самого в выкуп за жизнь всех.

П. Ты хорошо сказал.

К. Закон доводит образ жертвоприношения и до самого доступного и повелевает, чтобы оно совершалось соответственно средствам каждого, повсюду пресекая леностность в благопотребнейшем и делая неизвинительною небрежность в склонных к ней. Пишет же так: *аще же не обрящет рука его супруга горлиц или двух птенцев голубиных, и принесет дар свой за грех десятую часть меры ефи муки пшеничны за грех: да не возлияет на ню елеа, ниже да возложит на ню ливана, понеже о гресе есть. И да принесет ю к жерцу; и взем жрец от нея полну горсть в память его, возложит на жертвенник всесожжения Господня; о гресе бо есть. И да помолится о нем жрец греха ради его, имже согреши от единаго сих, и оставится ему; останок же будет жерцу, якоже*

жертвы муки пшеничны (Лев. 5, 11–13). Но в сем уже нет того, что о Христе могло бы быть понимаемо; это вид жертвы указует нам лишь на жизнь приносящего, на доступ (к Отцу) во Христе и на посвящение Богу. Ибо приносится пшеничная мука, — то, из чего бывает хлеб; хлеб же есть образ жизни. Но ни ливаном, говорит, не должно посыпать ее, ни елеем напаять. Мудрую и необходимую причину сего весьма ясно провозглашает в том, что эта жертва *о гресе есть*, от которого во всяком случае и во всех отношениях весьма далека радость, как бы в елее подразумеваемая, а равно и благоухание, указуемое как бы в ливане. Бесспорно, что грех в нас есть нечто истинно печальное и неблаговонное, между тем как, наоборот, добродетель как бы всегда изобилует радостию сама в себе, чрез упование на Бога имея много благоухания, очевидно мысленного по качеству. Итак, пшеничная мука без ливана и елея есть образ жизни, не имеющей радости и лишенной благоухания; но во Христе и она обращается к радости; приемлет и благоухание в вере, и приносится Богу чрез Него, очищающего оскверненных и омывающего мысленно подпавших нечистоте. Пусть *возьмет*, — сказано, — *жрец* от пшеничной муки и вознесет *на жертвенник всесожжения* Господу; ибо во Христе наше *приведение* и чрез Него приступаем мы оскверненные к Богу (Еф. 2, 18), оправдываемся же верою и возносимся *в воню благоухания* Отцу (Еф. 5, 2), уже не себя самих имея благоуханием духовным, а Христа в нас.

П. Верно твое слово.

К. К тому же, если бы кто и оскорбил Бога и унес что-либо из освященного, или уклонился от исполнения обещанного и не принес его немедленно, если б небрежение в сем дошло до вины забвения, опять указывает способ очищения; ибо написано так: *и рече Господь к Моисею, глаголя: душа аще забудет забвением, и согрешит не хотящи от святынь Господних, и да принесет о преступлении своем Господу овна непорочна от овец, емуже цена сребра сиклев, по сиклю святых, о немже согреши: и еже согреши от святых, да отдаст е, и пятую часть приложит нань, и даст е жерцу: и жрец да помолится о нем овном преступления его, и оставится ему* (Лев. 5, 14–16). Поистине весьма тяжкий грех — унести что-либо из освященного и пожертвованного во славу Божию. Но равным образом подвергнется обвинению и не за малую вину сочтется также

невыполнение обещанного; ибо сказано: чадо, *аще обещаеши обет Богу, не умедли отдати его. Благо еже не обещаватися, нежели обещавшуся не отдати* (Еккл. 5, 3–4). Поет также и божественный Давид: *помолитеся и воздадите Господеви Богу* нашему (Пс. 75, 12). Наказаны были и сыновья Илия, похищавшие некоторые из святынь и присвоявшие себе принадлежавшее Богу (1 Цар. 2, 12 и далее). Какое же могло быть отпущение и этой вины? Или как мог кто-либо разрешить свою ногу от уз вины[1] и освободиться? — Прежде всего, если делает возврат похищенного с избытком: ибо *пятую часть*, — сказано, — *приложит нань*. Потом, — *да принесет* в жертву *овна* купленного: это — образ Христа, которого начальники иудейские некоторым образом купили за тридцать динариев (сребренников), уплаченных ими ученику предателю. Итак, во Христе отпущение и преступлений против Бога. А что Он же может избавить и от грехов против людей, это нетрудно увидеть, прочитав соседственный с приведенным и следующий за ним по порядку закон Он таков: *И рече Господь к Моисею, глаголя: душа яже аще согрешит, и презрев, презрит заповеди Господня, и солжет к другу о вдании, или о общине, или о хищении, или преобиде чим ближняго, или обрете погубленное, и солжет о нем, и кленется в неправду о едином от всех, яже аще сотворит человек, яко согрешити в них: и будут егда согрешит, и преступит, и отдаст похищенное, еже похити, или обиду, еюже преобиде, или вдание, еже вдано бысть ему, или погибшее еже обрете: от всякия вещи, еяже ради кляся в неправду, и да отдаст самое то истое, и пятую часть свою приложит кто му: егоже есть, тому да отдаст, в оньже день обличится: и о преступлении своем да принесет Господу овна от овец непо рочна, ценою в немже прегреши. И да помолится жрец о нем пред Господем, и оставится ему за едино от всех, яже сотвори, и преступи в нем* (Лев. 7, 1–7). Видишь ли, что очищение в обоих случаях происходит и выполняется одинаковым образом? Именно, закон весьма ясно повелел, чтобы прегрешения как против Бога, так и против братий и единоплеменников были очищаемы чрез возвращение с избытком и чрез принесение в жертву овна. Во Христе же не отчасти оправдание, а напротив совершенное омытие того, чему свойственно осквернять. Посе-

---

[1] Образ взят от уз, которыми связаны бывают ноги преступника

му Он и говорил: *аминь аминь глаголю вам: веруяй в Мя, имать живот вечный, и на суд не приидет, но прейдет от смерти в живот* (Ин. 6, 47 и 5, 24). А если избежал суда усвоивший себе в вере оправдание чрез Христа, то совершенно необходимо сказать, что избежал и преступлений, и никакой род обвинения против такового, думаю поэтому, не имеет силы; ибо *Бог оправдаяй: кто осуждаяй?* (Рим. 8, 33–34.) Итак, делами давая удовлетворение оскорбленным из братий, найдем вполне обеспеченное оправдание во Христе. Так и Закхей мытарь, призванный к апостольству, не только обещал следовать Призвавшему, но и воздать четверицею за все то, кого чем обидел (Лк. 19, 6 и 8). Ибо готовящимся иметь в себе обитающим Христа чрез Духа, должно, думаю, прежде омыться от скверн и очиститься от преступлений и таким образом светлою и нескверною являть Ему свою душу, как без сомнения и божественный Песнопевец, быв украшен таковою добродетелию, восклицал, говоря: *готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою* (Пс. 56, 8). Как к шерсти, если она чиста, хорошо пристают краски, а если в ней есть некоторый остаток нечистоты, то наведенная краска легко отваливается, не имея в ней твердого закрепления: так и причастие Христа святые и чистые души напаяет, а в душах, не так настроенных, вовсе не может утвердиться: *Святый бо Дух наказания отбежит льстива*, согласно написанному, *ниже обитает в телеси повиннем греху* (Прем. 1, 5 и 4). Итак, оказывая услуги обиженным и делами любви прогоняя огорчение братий, избавим себя самих от всякой вины и приобретем отпущение во Христе.

П. Ты сказал весьма правильно.

К. Хочешь ли теперь, чтобы, присоединяя к сим и другие способы разумения, изъяснили мы и происходящие от осквернений пороки, и поставленные на каждый случай законы об очищении?

П. Конечно, хочу: ибо таким образом рассуждение о сем может принести нам еще большую пользу.

К. Написано в книге Чисел: *И рече Господь к Моисею, глаголя*: скажи *сыном Израилевым, и да изгонят из полка всякаго прокаженнаго, и всякаго проливающаго семя, и всякаго нечистаго душею: от мужеска полу до женска, изгоните вне полка, и да не осквернят полков своих, в нихже Аз пребываю* (Чис. 5, 1–3). Каждому, думаю, явно, что закон пока-

зался бы несправедливым, если бы в сих словах вменял нам в вину совершающееся по необходимости и против воли: ибо за что наказывать страдание тела, и справедливо ли было бы, если бы нареканию от закона подвергался впадший в телесный недуг? Таким образом разумно и необходимо принимать телесные недуги за образы и отображения душевных болезней: ибо так только может быть духовен закон и может считаться праведным решением то, что изречено Богом на каждый случай в то время, как подвергающее наказаниям не тех, которые впали в невольные недуги, но тех, прегрешение которых служит основанием к справедливому наказанию.

П. Как хорошо говоришь ты!

К. Итак, Господь повелел высылать прокаженного из стана, но при сем заповедует делать тщательнейшее испытание о нем, исследовать точно болезнь его, так говоря: *и рече Господь к Моисею и Аарону, глаголя: человеку емуже аще будет на кожи плоти его струп знамения, или блеск, и будет на кожи плоти его язва прокажения, да приведется ко Аарону жерцу, или ко единому от сынов его жерцов. И узрит жрец язву на кожи плоти его, и влас в язве изменится в бело, и взор язвы умален от кожи плоти его, язва проказы есть: и узрит жрец, и осквернит его. Аще же и блеск бел будет на кожи плотнеи его, и не меньший будет взор его от кожи, и влас его не изменися во влас бел, и той есть темен, и отлучит жрец язву на седмь дней. И узрит жрец язву в день седмый, и се язва пребывает пред ним, и не изменися язва на кожи, и отлучит его жрец на другия седмь дней. И узрит его жрец в седмый день вторицею, и се язва потемне, и не изменися язва на кожи, и очистит его жрец: знамение бо есть: и измыв ризы своя, чист будет. Аще же изменяющееся изменится знамение на кожи, повнегда видети его жерцу еже очистити его, и явится второе жерцу: и узрит его жрец, и се изменися знамение в кожи, и да осквернит его жрец: проказа бо есть* (Лев. 13, 1–8). Тонкое нечто, Палладий, заключается в сих словах, и не легко постигнуть смысл их; и я считаю необходимым, сосредоточив в немногих словах смысл их, сказать, что хотел обозначить закон. Но теперь пока я предызъясню особенность этой болезни. Проказа самая тяжкая болезнь в человеческих телах, не легко исцелимая, всепожирающая, соединяется же с омертвением плоти: ибо тотчас образуется глубокая язва, причем

кожа разрушается и постоянно оседает в глубь, потому что истление проникает все глубже и глубже. Посему-то, как я думая, и волос, растущий в пораженных местах, иссушаемый, белеет, подобно как растение истлевает вместе с лежащею под ним землею. Такова болезнь проказа. Белая же сыпь есть телесный недуг весьма подобный проказе; только она не проводит болезнь в глубину и не простирает ощущения недуга внутрь, а держится как бы на окраине, едва лишь появляясь на поверхности тела, и волоса не изменяет в белый, также и не распространяется неудержимо, но весьма незначительными лечебными попечениями легко задерживается, и покрывшаяся сыпью плоть возвращается в здоровое состояние. Таким образом проказа есть несомненное омертвение; а представляющаяся как бы проказою белая сыпь еще не есть одно с нею на самом деле,— не есть проказа и омертвение. Итак, закон объявляет прокаженного нечистым, как уже подвергшегося омертвению; но освобождает от обвинения в том же заболевшего белою сыпью, как подвергшегося только подозрению в одержимости проказою, но еще не прокаженного действительно. Поэтому *аще*,— сказано,— *будет струп знамения и язва прокажения*, и впалый вид кожи, а также и изменение цвета волоса в белый, так как волос вероятно умирает вместе с лежащею под ним плотию: то это будет во всяком случае проказа: ибо омертвение простирается в глубину. Ели же обозначится некоторая *белая сыпь*, без углубления в коже и без изменения цвета волоса в белый,— пусть подвергнется опыту, сказано, со стороны священника и отделяем будет двукратно. Ничего нет несообразного, что и самое протяжение дней испытания недуга может иногда показать истину испытывающим: если волос претерпевает изменение цвета, а кожа углубляется, значит белая сыпь перешла в проказу; если ничего из этого не случилось — да будет, сказано, освобожден от обвинения: ибо болезнь эта не есть проказа, а только подобна проказе и очень близка к ней, то есть белая сыпь. Таким образом ближайший смысл и разъяснение дела изложены достаточно. Скажем же теперь о духовном смысле и коснемся подразумеваемого и сокровенного.

П. Как прекрасно будет это дело и полезно!

К. Итак, должно нам, оживотворяемым во Христе,— оживотворение же разумею духовное,— удаляться от мертвых

дел и как можно далее держаться от них; а они суть, думаю, те, от которых бывает омертвение души и обессиление ума, и которые необузданно стремятся к плотскому и мирскому. Ибо если истинно, что *сеяй плоть, от плоти пожнет истление* (Гал. 6, 8), и что живущие по плоти *Богу угодити не могут* (Рим. 8, 8): то как или откуда может быть сомнительно, что они и умрут? Итак, мертв и делами мертвости одержим оскверненный душою и умом, а также и исполненный мирского непотребства; и если б кто захотел назвать таковое состояние истинною духовною проказою, то не погрешил бы против правильности. Посему нечист таковый в очах Христа: ибо *да осквернит*,— сказано,— *его жрец.* Поставленный пред Божественным судилищем в числе весьма грехолюбивых, он услышит: *идите от Мене делателие беззакония: не вем вас* (сн.: Мф. 25, 41; Пс. 6, 9; Лк. 13, 27). А имеющим белую сыпь и *струп знамения* (опухоль) должно уподобить тех, которые остаются пока при одних только похотениях и еще не приступили к замышленному делу. Не признаешь ли ты истинным того, что прежде совершения дел в нас возникают и как бы воздвигаются похоти и помыслы, призывающие к чему-либо из отверженного законом?

П. Признаю; ибо помню блаженного Давида, говорящего: *прежде даже не смиритимися, аз прегреших* (Пс. 118, 67).

К. Весьма правильно ты сказал: потому что прежде совершения дел прегрешения существуют конечно в духе, предзачавшем похоть, причем, впрочем, грех заключается в одних еще только похотениях; дух стоит между двумя воюющими сторонами, взирая на ту и другую из них и имея еще свободным стремление обратиться туда, куда бы захотел; он еще не подвергся омертвению, но весьма близко находится от этого зла и уже одержится муками рождения недуга. Такое нечто ясно возгласил нам и ученик Спасителя. *Никтоже*, говорит он, *искушаем да глаголет, яко от Бога искушаем есмь: Бог бо несть искуситель злым, не искушает же Той никогоже. Кийждо же искушается от своея похоти влеком и прельщаем. Таже похоть заченши раждает грех: грех же содеян раждает смерть* (Иак. 1, 13–15).

П. Правда.

К. Итак, умирание как бы в проказе, то есть мысленной, и как бы в болезни, соединенной с омертвением, происходящим от греха, не в похотениях одних состоит, но в исходе дел

совершаемых, и доколе дух находится еще в муках рождения зла, оно еще не есть омертвение, еще не есть смерть: ибо не всякий *грех к смерти,* как сказал ученик Спасителя (1 Ин. 5, 16–17), но еще только наводит на подозрение в недуге, приносящем с собою смерть. Мы говорили, что кажется как бы проказою или близка к ней белая сыпь. *Узрит,* — сказано, — *жрец* одержимого этою болезнию, именно белою сыпью, и если она не представляется изменяющеюся в проказу, то *да* не *осквернит его,* а лучше *отлучит:* ибо не безукоризненно пред Богом приближение ко злу, даже и в похотениях. Если же болезнь, сказано, не претерпевает изменения, не склоняется к худшему, то да *чист будет,* сказано. Самое лучшее, посему, и истинно спасительное — избегать омертвения, разумею — состоящего в делах, и самими уже делами совершаемыми как бы убивающего дух. Кроме того мудрое также дело — тщательно стараться отклонять страсти, хотя бы они являлись состоящими и в простых еще лишь похотениях: это, думаю, значит удаляться и от самой проказы, и от белой сыпи. Ты знаешь, что тщательнейшего надзора удостаивает все до нас касающееся Еммануил, Который есть Бог по естеству и великий наш Архиерей, и допускает к себе лишь омовенных от непотребства, а если которых усмотрит оскверненными, тех высылает из стана святых.

П. Слово твое истинно.

К. Святи будите, — сказано, — *яко Аз свят есмь* (Лев. 19, 2). Заметь также, что по омовении одежд избавленный от вины *чист будет,* говорит закон, предвозвещая очищение водою и как бы в образах, доступных телесному чувству, начертывая нам таинство святого крещения.

П. Понимаю.

К. Усматривай еще, Палладий, сколь велика внимательность закона: он как бы переносит мысль нашу к противоположному и как бы всякими способами показывает служащее на пользу.

П. Каким образом, скажи.

К. Он сказал опять: *и язва прокажения аще будет на человеце, и приидет к жерцу: и узрит жрец, и се струп бел на кожи, и сей изменил влас бел, и от здравыя плоти живыя в струпе проказа ветха есть на кожи плоти его, и осквернит его жрец, и отлучит его, яко нечист есть. Аще же процветая процветет проказа на кожи плоти его и по-*

крыет прокажение всю кожу язвою, от главы до ногу его, по всему взору жерцову: и узрит жрец, и се покрыло прокажение всю кожу плоти его, да очистит жрец язву: яко вся изменися в бело, чист есть. И в оньже день аще явится на нем плоть жива, осквернится: и узрит жрец плоть здраву, и осквернит его плоть здрава: нечиста есть, прокажение есть. Аще же составится плоть здрава, и изменится в бело, и приидет к жерцу: и узрит жрец и се изменится язва в бело, и очистит жрец язву, чист есть (Лев. 13, 9–17).

П. Какой же в этом подразумеваем быть может здесь вид противоположения?

К. Разве не понимаешь, что мы утверждали, что проказа есть омертвение в живом теле отчасти и что одержимый этим недугом был отверженным, как нечистый!

П. Понимаю.

К. Так заметь, что у нас дело обращается как бы опять в противоположное, потому что если, сказано, будет совершенно весь прокажен и одержим омертвением, не имея ничего здоровым, то такой пусть будет свободен от обвинения в осквернении: *чист есть.* Если же в нем будет какой-либо остаток живой плоти, то пусть обвинит его, сказано, *жрец* в нечистоте: *осквернит его плоть* живая; он прокаженный; потому что это будет равносильно вине проказы.

П. Что это такое ты говоришь, не могу разуметь, ибо если прокажение — отчасти осквернит кого бы то ни было, каким образом может явить его чистым совершенная и распространенная по всему телу проказа?

К. Хотя дело это, Палладий, действительно тонкое, но мы не должны думать, что точность закона вносит как бы какое спорное и противоречивое для нас умозрение. С каждым обстоятельством связан какой-либо мудрый и необходимый смысл, имеющий безукоризненность. Будем же говорить о нем, если угодно.

П. Весьма угодно: ибо мне, жаждущему узнать это, будут весьма приятны твои слова.

К. Двояким, думаю, образом можем мы проводить вполне согласную с законами жизнь пред любодобродетельным Богом: или, живя для Него, избегаем омертвения от страстей и греха,— и это значит не страдать проказою, ибо и отчасти случающаяся с живым телом мертвенность производит проказу, или же иным способом, — .посредством похвального умерщв-

ления и воздержания от мирской жизни — как бы каким венцом украсимся присужденною наградою за все дела наилучшие; потому что божественный Павел так пишет некоторым: *такожде и вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови, о Христе Иисусе* (Рим. 6, 11). Итак, живя во Христе, поколику стремимся исполнять угодное Ему, возненавидим умерщвление, очевидно, происходящее от страстей и греха, умерши же греху, по Писанию, откажемся жить в нем, право мудрствуя (Рим. 6, 12).

П. Изложи мне это еще яснее, потому что я не очень понимаю.

К. Не утверждаем ли мы, Палладий, что Христос претерпел за нас смерть, *да и живущии не к тому себе живут, но умершему за них и воскресшему,* то есть Христу (2 Кор. 5, 15)?

П. Без сомнения утверждаем.

К. Итак, мы живем Христу, жительствуя по Евангелию и гнушаясь омертвением, происходящим от греха, или смертию от страстей. Так и божественный Петр пишет о Христе: *Иже грехи наша вознесе на Теле Своем на древо, да от грех избывше, правдою поживем* (1 Пет. 2, 24); ибо думаю, что те, которые имеют в виду жить светло, должны быть вдали от всего умерщвляющего и хорошо успевать в том, чтобы избавиться от скверн.

П. Правильно говоришь.

К. Итак, нимало не будет страдать как бы недугом проказы решившийся жить для Христа, последующий евангельским вещаниям и отвергающий мертвенность, от греха происходящую.

П. Согласен.

К. И это есть один способ, которым мы может благоугождать Богу; другой же может состоять в следующем: умерщвляя *уды* наши, *яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание* (Кол. 3, 5), мы должны являться как бы уже умершими греху, притом совсем, и уже более не жить в нем. В этом утверждает и божественный Павел, говоря: *что убо речем? пребудем ли во гресе, да благодать преумножится? да не будет. Иже бо умрохом греху, како паки оживем о нем* (Рим. 6, 1–2). Посему как при избрании жизни для Христа закон подвергает осуждению умирание отчасти, так и в умирании для греха житие в нем было бы

опять осквернением, не свободным от обвинения со стороны закона. Поэтому-то сказано, что если проказа будет на всем теле и как бы омертвение распространилось по всем членам (а это означает умершего греху), то осквернения уже нет в теле: ибо *чист есть,* сказано, весь совершенно умерший греху, не уступил ему ни одного места и как бы не дал водвориться себе. *Аще же,* — сказано, — *явится на нем плоть жива* опять, то *осквернит его плоть* живая: ибо вообще житие для греха, хотя бы отчасти, являет скверным недугующего сим; потому что *мал,* — сказано, — *квас все смешение квасит* (1 Кор. 5, 6). Истинно слово сие: *Аще же составится,* — сказано, — *плоть* живая, *и изменится* в проказу, то пусть разрешится от обвинения: *чист есть;* ибо избавился от того, чтобы и отчасти жить для греха, как скоро дух его перешел к омертвению похвальному и истинно предобрую испытывает перемену состояния. Итак, повторю в главных чертах то, что сказал: если мы живем для Бога, то да не будет в нас ничего мертвого; если же умерли для греха, то да не будет в нас живым ничто из него. Вот светлый путь нашего святолепного жительства, не имеющего ничего укоризненного.

П. Ты хорошо сказал.

К. Но и еще точнее различая эти недуги, закон говорит: и если будет подозрение и предположение, что проказа появилась или в заструпевшей ране, или в части тела некогда обожженной, то пусть опять прилагает жрец то же тщание и наблюдение. И если кажущееся расцветшим белое не изменилось в проказу, то да будет чист, сказано. Если же будет ясным изменение белого в проказу, то будет нечист и осквернен (Лев. 13, 18–28). Закон и чрез это указует нам, что душевные недуги, а они бесчисленны, — извлеченные честною жизнию и по времени доведенные как бы до заструпления, если бы по нашему небрежению были снова как бы разбережены, то Христос, великий наш Первосвященник, осмотрит их и произнесет весьма правый суд. Ибо если болезнь дошла до одних только помыслов, то и в таком случае больной отнюдь не безукоризнен: отлучен, сказано, будет (ср. ст. 26), однако не отвержен совершенно и не совсем умер. Если же болезнь перешла пределы помыслов и даже желания, если вновь заболевший ею уже как бы потерпел полную перемену к худшему, то положить на него наказание за осквернение.

Итак, должно особенно остерегаться, чтобы успокоившиеся страсти пробуждать снова, не возобновлять духовных ран и не возвращаться опять к прежним порокам. Иначе и мы услышим святого, воскликнувшего: *случися им истинная притча: пес возвращся на свою блевотину, и свиния омывшися в калтинный* (2 Пет. 2, 22).

П. Мне кажется, что ты говоришь это правильно и весьма кстати.

К. Итак, о проказе, о струпьях и ранах закон преподал нам это; но к сему присовокупляет и говорит: *мужу же или жене, аще будет на них язва прокажения на главе или браде, и узрит жрец* голову, и если, говорит, будет некоторая впалость на ней от того, что кожа разрушается и оседает, и если будет изменение волоса в белый, то таковый, без сомнения будет прокаженный и нечистый. Если же ничего такого не будет, то да *острижет,* сказано, голову или бороду подвергшийся белой сыпи. Остригши же таким образом волосы, пусть придет к жрецу и затем подвергнется испытанию; ибо если пятно или белая сыпь не распространяется в ширину, но остается как бы на месте или приходит к уменьшению, то пусть будет чист опять; потому что эта болезнь — не проказа, но только подозревается и кажется такою (Лев. 13, 29 и далее).

П. Так какой же будет смысл и сих слов?

К. Двоякое в нас, Палладий, бывает осквернение: плотское и духовное. И плоть оскверняет оные гнусные и нечистые страсти ее, а душу и ум более всего другого уклонение от правоты учения к худшему и повреждение здравой веры, а к тому еще коварства и обманы, ложные клятвы, наговоры, надмение, ссоры, рвения и все то, что близко и сродно с этими и одинаковую участь имеет в осуждении за непотребство. Итак, закон этими словами, кажется, напоминает нам о душевных страстях и хочет обозначить ими недуги, обыкновенно случающиеся с умом; ибо голова есть образ ума, а борода — зрелого рассудка, потому что и она есть признак совершенства. Итак, наблюдает все нас касающееся и тонко исследует оный Архиерей всех, то есть Христос; Он проникнет взором в самый ум и будет испытывать внутренние и сокровенные мысли. И если будет повреждение или перемена правой веры на неправую, или уклонение к порочности нравов и зложеланию, в особенности для Него ненавистно-

му, то Он отвергнет таковых снова, как оскверненных, и произнесет суд, объявляющий их совсем нечистыми. Это, говорю, значит страдать проказою на голове или бороде. Если же оказалось бы, что ум находится как бы только в начале болезни и не представляется совершенно склонившимся к недугованию тем, о чем я говорил, то отлучается, будучи подвергнут умеренным наказаниям, но не совершенно будет нечист и чужд Бога; напротив, омыв одежды, чист будет, то есть приимет в помощь себе оправдание во Христе. Острижение же волос, представляющее жрецу обнаженную рану, может указывать на то, что пред очами Божества все как бы выступает из средины и является обнаженным все то, на что Оно восхотело бы воззреть; *ибо несть тварь не явлена пред Ним, вся же нага и объявлена пред очима Его,* как написано (Евр. 4, 13).

П. Правда; ибо Он сказал устами одного святого: *Бог приближаяйся Аз есмь, а не Бог издалеча. Аще утаится что от Мене?* (Иер. 23, 23–24.)

К. Заметь, Палладий, что закон говорит о вещах гораздо более тонких и из необходимого для знания не опускает ничего, чем мог бы принести пользу слушателям, подчиняя оное своим правилам; потому что, как написано: *грехопадения кто разумеет?* (Пс. 18, 13.) *Много бо согрешаем вси* (Иак. 3, 2). Ибо естество наше недугует бессилием и удобопреклонностию к прегрешению: *никтоже бо чист будет от скверны,* – как говорит Священное Писание, – *аще и един день житие его на земли* (Иов 14, 4). Поэтому и божественный Давид воспевает о нас: *аще беззакония назриши Господи, Господи, кто постоит? яко у Тебе очищение есть* (Пс. 129, 3–4). Итак, смотри теперь, как закон милостиво освобождает нас от обвинения в таковых прегрешениях и по благости очищает тех, которые вледствие человеческой неустойчивости подвергаются едва не тяжким невольным грехопадениям; ибо он сказал так: *мужу же или жене, аще будут на кожи плоти его блещания блещащая белеющаяся: и увидит жрец, и се на кожи плоти его блещания блещащая белеющаяся, лишай есть, процвете на кожи плоти его, чист есть* (Лев. 13, 38–39). Хотя по точному исследованию страдание лишаем есть болезнь плоти и близко к проказе; однако еще не соединено с омертвением и не вовсе безнадежно. Таковы же некоторым образом и бывающие с нами грехопадения, которые хотя суть, без сомнения, пороки,

однако еще не служат к смерти и погибели души. И не очень строг в приговоре Судия, *яко Той позна создание наше* (Пс. 102, 14), и Ему не безызвестна немощь естества нашего. Итак, Он дарует отпущение по свойственному Ему человеколюбию. И это, думаю, значит, что страдающий лишаем *чист есть.* И добрым людям приходят иногда на ум малые грехи, каковы, для примера сказать: кратковременное раздражение, умеренные движение к гневу, малодушие в отношении к братиям, иногда стремление к суетной славе. И таковые поползновения обыкновенно случаются иногда даже с людьми, проводящими безупречную жизнь и истинно чистыми: ибо это свойственно человеку и, так сказать, обще всем, ведущим жизнь в плоти и крови. Так и это опять таинственно изображает закон, говоря: *аще же кому облезе глава* его *плешив есть, чист есть. Аще же спреди облезе глава* его, *взлыс есть, чист есть* (Лев. 13, 40–41). Невольное отпадение волос есть болезнь головы; а мы недавно говорили, что голова именуется во образ ума: ибо голова есть жилище ума, как некоторые думают.

П. Это я буду помнить.

К. Итак, пороки головы телесной по справедливости указуют на недуги ума, но опять незначительные и такие, которые прилично прощать. Так закон освобождает нас от обвинения во всяких естественных для человека страстях и в невольных осквернениях, которые могут с нами случиться, потому что естество наше по необходимости недугует немощию, и быть вполне чуждыми страстей не есть удел настоящего времени, а приличествует лишь веку будущему, в котором грех будет ниспровергнут до основания, и мы преселимся в жизнь совершенно беспорочную. Впрочем, *аще будет,* — сказано, — *струп знамения червленуяся на плеши, или на взлысине,* то *прокажен* есть и нечист будет (Лев. 13, 42–44). Ибо иногда и малые страсти переходят в сильные вины и весьма сквернят, не будучи пресекаемы нами, но получив как бы свободный и беспрепятственный доступ к худшему. Говорю для примера: если кто-либо иногда гневается немного, и страсть эта усилилась в нем, то пусть он отсечет ее кротостию, дабы малое грехопадение, возрастая, мало-помалу не оказалось смертною виною для одержимого страстию. Это, вероятно, и значит то, что на плеши расцвела проказа, то есть как бы в образе представляющееся устремление от ничтожного начала к худому концу. Потому

правильно, полагаю, сказано блаженным Давидом: *гневайтеся, и не согрешайте* (Пс. 4, 5).

П. Как глубоко это слово!

К. Конечно так: ибо ты сознаешь, как я думаю, что очень тонкую речь веду я и что без труда такие умозрения не могу ни помыслить, ни изложить. А что невозможно укрыться нечестиво недугующим явными прегрешениями, тогда как весьма малые остаются иногда неведомыми и сокровенными, это ты можешь узнать из следующего. Страждущие плешивостию *чисты*, говорит закон, напоминает об этом, по справедливости прощая нам малые из грехопадений, как мы говорили недавно. Но если у кого будет на плеши проказа, то есть когда недуг от маловажного переходит к худшему, тогда он объявляет его явно гнусным и не имеющим слова в оправдание виновности. Посему и говорит: *и прокажен на немже есть язва, ризы его да будут раздраны, и глава его не покровена, и около уст своих да обвиется, и нечист прозовется. Вся дни, в няже будет на нем язва, нечист сый, не чист будет: отлучен да седит, вне полка, да будет ему пребывание* (Лев. 13, 45–46). Раздрание одежд и непокровение головы может указывать и весьма ясно на неприкровенность бесстыдства; и обвитие около уст – на неимение так сказать, защиты и невозможность ничего сказать, когда Бог будет обвинять нечистоту. Необходимость же выходить из стана может служить образом того, что оный грешник уже не водворяется с ликами святых, но, быв изгнан из священного общества их, непричастен останется всякому благу.

П. Сколь это ужасно и достойно проклятия!

К. Совершенно так, Палладий. Посему и божественный Давид говорит: *грех юности моея, и неведения моего не помяни: по милости твоей помяни мя, ради благости твоея, Господи* (Пс. 24, 7). Но как бы до всего доходит закон, представляя доказательство присущей ему точности, до сосудов, до шерсти, до утка́ и основы и кожаного сосуда. *Аще прокажение,* говорит, будет, и болезнь появится на чем-либо из сего, то *увидит* опять *жрец* и отлучит *язву:* и если не будет никакого перехода пятна к лучшему, то *на огни да сожжется: понеже прокажение исто есть,* говорит (Лев. 13. 51 и 52). Еще повелевает, чтобы попорченное было омываемо; а если после сего окажется, что порча укоренилась, то предает

уже огню, как совершенно бесполезное, уподобляя, вероятно, шерсти, утку́, основе и кожам то, что нас касается. Ибо, что у Бога никакого значения не имеет шерсть, уто́к или иное-что подобное в том, как или почему может кто-либо сомневаться? Итак, мы должны признавать тягчайшим из преступлений то, когда, после очищения и омовения, которые соделал в нас Христос, не будем удаляться от скверн, но пребудем и останемся в них. Ибо если омывающий нас Христос не увидит в нас никакой пользы от омовения, то предаст огню в наказание, совершенно подобно тому, как и подзаконный священник, не увидев никакой пользы для утка или основы от омовения, сожигал их наконец.

П. Это так.

К. Итак, проказою закон прекрасно указует на омертвение, как бы в делах искусно заимствуя от того, что́ можно видеть ясно и чувственно, мысля о более сокровенном и плотскими примерами уясняя мысленное. Но предлагая нам богатое познание о душевных осквернениях и представляя явным как бы в телесных недугах то, что случается мысленно, сверх сказанного говорит еще в книге Левит: *мужу, мужу, емуже аще будет излияние от тела его, нечисто есть. И сей закон нечистоты его: изливаяй семя из тела своего, от излияния имже составлено есть тело его излиянием, сия нечистота его в нем: вся дня излияния тела его, имже составлено тело его излиянием его, нечистота его есть. Всяко ложе, на немже аще ляжет изливаяй семя, нечисто есть: и всяк сосуд, на немже аще сядет верху его изливаяй семя, нечист будет. И человек, иже аще прикоснется ложа его, да исперет ризы своя, и да омыет тело свое водою, и нечист будет до вечера: и седяй на сосуде, на немже аще сядет изливаяй семя, да исперет ризы своя, и да омыется водою, и нечист будет до вечера. И прикоснувыйся к плоти изливающаго семя, да исперет ризы своя, и да омыется водою и нечист будет до вечера.* Также если приблизится *изливаяй семя* к чистому, *да исперет ризы своя, и да омыется водою, и нечист будет до вечера* (Лев. 15, 2–8). И кроме сего говорит, что мерзок будет и отвратителен всякий *сосуд,* на котором *всядет изливаяй семя,* хотя бы он и омыл руки водою, — и это будет оскверненным (ст. 9 и далее). И если бы кто прикоснулся к телу его, во всяком случае и тот становится причастным вине нечистоты;

также, если бы приблизился к нему кто-либо из неоскверненных еще, то и в таком случае они будут подлежать вине нечистоты. Поэтому-то он, вместе с прокаженными, выходил и выселялся из стана, будучи недоступным для всех и не имея с ними общения, даже прикосновением руки оскверняя случайно встречающихся с ним.

П. Но какой же мог бы быть недуг в душе, подобный телесному излиянию семени? Ибо закон духовен: не так ли?

К. Совершенно так; ты сказал правильно. Но ты рассуди вот о чем: истечение семени из тела некоторым образом вредит естественной способности к плодородию, обращая в ничто запас семени и ослабляя напряжение в членах; оно как бы уже невольным делает растление, так что одержимые этим недугом находятся в продолжительном и постоянном осквернении. Так переходи же теперь от телесного недуга и наглядного образа к совершающемуся в уме: растлевается и самый ум, распутно трудясь над тем, над чем не следует, и ни на что необходимое не употребляя напряжение своей деятельности, так что не имеет никакого истинного плода, а напротив всегда стремится к несправедливому и недугует неудержимым ниспадением к постыдному.

П. Что такое ты говоришь?

К. Разве божественный Павел не сказал нам, Палладий, что человек *создан на дела благая?* (Еф. 2, 10.)

П. Конечно, сказал.

К. Итак, он получил естество прямо направленное и способное ко всему похвальному. Или ты не признаешь, что это животное восприимчиво к мудрости и всякому знанию? что оно весьма легко могло бы совершать дела благоразумия и мужества, а также и справедливости, если бы восхотело исполнять ему свойственное и следовать Божественным законам?

П. Признаю.

К. Если же кто, оставив это в стороне, оказался бы уже не мудрым, а безумным и бессердечным, не к тому направляющим стремление своих хотений, что способно руководить к истине, и напротив предпочитающим нестись вне подобающего и вместе с заботящимся о ниспровержении правого нисходит до погибели, совершенного и безукоризненного мнения о Боге и не безупречно проходящим путь деятельности: то раз-

ве не справедливо было бы такового назвать мысленно изливающим семя, как попусту иждивающего силы, посредством которых он мог бы плодоносить Богу?

П. Я полагаю, так.

К. Что же? Если бы кто, оставив исполнение дел справедливости и украшение себя благолепием мужества, оказывался несправедливым и преданным удовольствиям, то не счел бы ты его недугующим одинаково с изливающим семя, как иждивающего на постыдное естественную свою способность к доброму, и предпочетшего духовному благоплодию потерю его на дела отнюдь не полезные?

П. Счел бы.

К. Закон повелел как можно далее уходить от изливающего семя, как бы научая нас в особенности удаляться от склонных к порочности и мужественно отражать от себя тех, которых и Сам Бог возгнушался бы, как недугующих постоянным осквернением; ибо поистине не безвредное дело — прилепляться к людям злым. Истинно написанное: *касаяйся смоле очернится* (Сир. 13, 1). Изливающий семя оскверняет всякую вещь, которой он коснется, ложе свое, тело, чаши, воду и сосуды деревянные: чрез это таинственное указуется на то, что причастным ему в присущей ему нечистоте будет всякий, кто даже только вблизи его был бы по своему духовному расположению. Ибо написано: *себе чиста соблюдай*, и не *приобщайся чужим грехом* (1 Тим. 5, 22). Впрочем и явные пороки, и сокрытые в глубине наших помышлений недуги, и вообще всякую слабость нашу только Христос удаляет и даруемое Им очищение, так как закон не в силах сделать это; ибо, согласно написанному, *в закон никтоже оправдается* (Гал. 3, 11). И ты увидишь, что это отнюдь не ложь, если вникнешь в последующие слова закона; он говорит: *аще же очистится изливаяй семя от излияния своего и исчислит себе седмь дней на очищение свое, и иссперет ризы свою и омыет тело водою, и чист будет. И в день осмый да возмет себе два горличища или два птенца голубина и да принесет я пред Господа ко дверем скинии свидения, и даст я жерцу. И сотворит я жрец един греха ради, и другий во всесожжение: и да помолится о нем жрец пред Господем о излиянии его* (Лев. 15, 13–15). Итак, очищает изливающего семя и избавляет его от недуга, но только во Христе, чрез воду и кровь.

Да *исчислит себе*, — говорит, — *седмь дней на очищение свое, и исперет ризы своя, и омыет тело свое водою и чист будет.* Протяжение очищения на семь дней означает, конечно, что во всю жизнь и во всякое время жизни должно очищаться добрыми делами тем, которые решились перейти от мирской порочности к совершению дел благоприличных; потому что мера седмицы заключает в себе полноту времени и возвращение к тому, что было в начале, так как время приблизилось уже к концу. Весьма ясно также говорит, что должно присоединяться и необходимо быть прибавляемо к добрым делам нашим очищение чрез Христа, и очищение водою, так что в омовении тела и одежд разумеется уже святое крещение, с присоединением, очевидно, и очищения кровию. Ибо *в день осмый*, — говорит, — *да возмет себе два горличища, или два птенца голубина.* День восьмой опять может означать время нашего домостроительства с плотию, когда претерпел за нас заклание Еммануил, — эта поистине благогласная и благозвучнейшая горлица, которая собственною кровию совершила *во веки освящаемых* (Евр. 10, 14). А что смерть Христова имеет в себе всякое благоухание, так как она совершилась за жизнь мира и за отъятие греха, это означается тем, что горлиц было две, из которых одна закалалась за грех, а другая во всесожжение; но что и умилостивлением за грехи наши соделался Христос, как говорят Писания (1 Ин. 2, 2; ср.: Рим. 3, 25), и сие он показал, сказав: *и да помолится*[1] *о нем жрец пред Господем о излиянии его.*

П. Ты хорошо сказал.

К. Так должно очищать изливающего семя, по заповеди Божественного закона. Оскверняет же истечение и всякого, с кем оно случится, будет ли оно непроизвольное, или произвольное, имеющее своим источником врожденное движение. Произвольное, говорю, — бывающее при сообщениях с женою и по закону супружества; непроизвольное же, — бывающее при ночных грезах. Ибо он сказал еще так: *и человек, ему же аще изыдет от ложа его семя, и да омыет водою все тело свое, и не чист будет до вечера. И аще ляжет муж с*

---

[1] *И умилостивление* (ἱλασμός), и *помолится* (ἐξιλάσεται — собственно: принесет умилостивительную жертву) в греческом — одного корня.

женою своею на ложи семени, да измыют тела водою и нечисты будут до вечера (Лев. 15, 16 и 18): потому что на обоих лежит одинаковая вина, и различного нет ничего. Итак, в излиянии семени изображаем был пред нами как бы продолжительный и постоянный недуг; в предлежащем же теперь случае цель закона, кажется, та, чтобы показать, что оскверненным будет и тот, кто не совсем и не всецело недуговал бы растлением, а являлся бы недуговавшим только отчасти и изредка. Такое нечто указал ученик Спасителя: *иже бо,* — говорит, — *весь закон совершит, согрешит же во едином, бысть всем повинен: Рекий бо: не прелюбы сотвориши, рекл есть: и не убиеши. Аще же не прелюбы сотвориши, убиеши же, был еси преступник закона* (Иак. 2, 10–11). Ибо, как скоро согрешил кто-либо, нарушил ли он весь закон, или согрешил в чем-либо одном и отчасти, во всем должен быть повинен пред ним. Итак, нечист по закону и тот, кто хотя и не доходит до крайней степени осквернения, однако является впадшим в оное, даже только отчасти. Впрочем он не становится совершенно отверженным, но очищается водою во Христе; потому что весьма ясно указывает на время пришествия Христова то, что оскверненный, по словам закона, нечист до вечера. Ибо при скончании и едва не при самом заходе времен века сего явился Христос, чрез Которого и в Котором мы омываемся от всякой нечистоты греховной, и будучи одержимы прегрешениями, избавляемся от малых и великих грехов. А что прежде времени пришествия Спасителя невозможно было быть омываемыми от скверны, ибо *в законе никтоже оправдается*, по Писаниям, это ты можешь узнать из ясно сказанного, что *не чист будет до вечера.*

П. Понимаю, что говоришь, и слово твое истинно.

К. К сему присовокупляет закон постановления о жене, страдающей кровотечением, и недугующей неудержимым потоком, ее оскверняющим. И как от изливающего семя оскверняется всякий сосуд, всякое ложе, всякая одежда и всякий прикасающийся к нему или близко идущий: так и от нее. Избавляет и ее одинаковым с ним способом, омывая водою, с закаланием горлиц, а также и с умилостивлением чрез посредство священника. Но как бы возводя нас к умозрениям духовным и не дозволяя оставаться при немощах плоти (ибо они должны быть принимаемы за образ немощей, внутри ду-

ши заключающихся и мысленных), закон ясно присовокупляет: *и благоговейны сотворите сыны Израилевы от нечистот их: и да не умрут нечистоты ради своея, внегда осквернити им скинию Мою яже в них* (Лев. 15, 31). Ибо только уже очищенные и освященные чрез Христа, тогда и только тогда мы истинно светлыми приступим и не оскверним уже святой скинии; но приходя в церкви, чисто и чистые поклонимся всесвятому Богу.

П. Превосходно сказал ты.

К. Что естество человеческое уже и прежде немоществовало осквернением и не иначе может очищаться, как только чрез Христа, — поистине священную и святую жертву, это ты можешь узнать и очень ясно, тщательно исследовать и другое постановление того же закона. Ибо написано опять в книге Левит: *и рече Господь к Моисею, глаголя: глаголи сыном Израилевым, и речеши к ним: жена, яже аще зачнет и родит мужеск пол, нечиста будет седмь дней: по днем разлучения скверны ея, нечиста будет. И в день осмый да обрежет плоть конечную его: и сидети будет тридесят и три дни в крови нечистей своей: всякой вещи святей да не прикоснется, и в святилище да не внидет, дондеже скончаются дние очищения ея. Аще женск пол родит, и не чиста будет четыренадесять дней, по скверне ея: и шестьдесят и шесть дней сидети будет в крови нечистоты своея. И егда исполнятся дние очищения ея о сыне ея или дщери, да принесет агнца непорочна единолетна во всесожжение, и птенца голубина, или горлицу греха ради, пред двери скинии свидения к жерцу: и да принесет е пред Господа, и помолится о ней жрец, и очистит ю от тока крове ея* (Лев. 12, 1–7).

П. Кто же это — родившая жена? И какая опять цель закона относительно ее?

К. Как кажется, нам необходимо вести тонкую речь; ибо весьма труден для разумения смысл этой заповеди и не легко понятен. Однако, сколько возможно, будем исследовать его. Прежде всего другого я изумлен вот чем, Палладий.

П. Что это такое?

К. Между тем как этот закон касается всякой жены, рождающей мужеский пол или женский, и заключает в себе общее для всех нас осуждение, от такого бесславия изъята святая Дева, от Которой, мы утверждаем, родился по плоти Христос; ибо

усматривай, если угодно, точность закона. *Жена*, говорит он, и не все безразлично, но *яже аще зачнет*[1] *и родит мужеск пол, нечиста будет*. А Божественное тело получило состав от Духа Святого, неизреченно образовавшись во святой Деве и мало сообразуясь с законами естества; потому что нимало не нуждался в происхождении от семени Перворожденный из святых, начаток получивших возрождение от Бога чрез Святого Духа,— тех, о которых ясно сказано: *иже не от крове, ни от похоти плотския, но от Бога родишася* (Ин. 1, 13). Итак, избегла осуждения от закона святая Дева, отнюдь не получившая извне семени, но зачавшая божественного Младенца по действию Святого Духа. Рождающая же, и по сему нечистая жена, по справедливости и по требованию здравого разума, есть человеческая природа. Недаром в настоящее время мы и самой природе приписываем женское лицо[2]. Обвиняется же она со стороны закона и именуется повинною осквернению за то, что рождает для тления и не такова теперь, какою была тотчас по получении бытия своего от Бога (ибо создана была для нетления), но напротив дошла до необходимости истления, быв осуждена за преступление и, будучи природою, вследствие Божественного проклятия терпит наказание против природы: *яко Бог смерти не сотвори*, согласно написанному, *ни веселится о погибели живых*: и нет *аду царствия на земли. Созда бо во еже быти всем, и спасительна бытия мира: завистию же диаволею смерть вниде в мир* (Прем. 1, 13–14; 2, 24). Итак, оскверняет природу привзошедшее отвне тление и по зависти диавольской возобладавшая смерть, имеющая корнем своим грех. Оскверняет также и иначе, именно тем, что рождаемое сеется как бы в плотском сладострастии. И кажется, нечто таковое обозначает божественный Давид, воспевая и говоря: *се бо в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя* (Пс. 50, 7). Итак, природа нечиста, как подлежащая тлению вследствие преступления и проклятия, вопреки воле Божией; *созда бо во еже быти всем*, как истинно сказано.

П. Так прибавь же к сему и то, каким образом можно было бы избавиться от нечистоты.

---

[1] Σπερματισθῇ собственно — примет в себя семя

[2] И по-гречески φύσις (природа) — женского рода

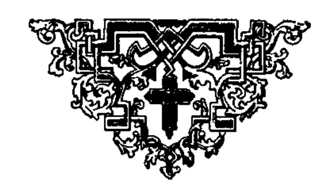
К. Сам осуждающий закон указывает нам, Палладий, этот путь, ибо он говорит: пусть отлучена будет, как нечистая, *седмь дней.* Пусть также отсчитает и другие *тридесять и три дни, и сидети будет в крови нечистей своей,* именно при рождении мужеского пола. *Аще же женск пол родит,* говорит он, то вдвое больше должно быть отлучение, двойное должно быть отчисление и дру́гих дней. Итак, если рожденное дитя будет мужеского пола, то родившая будет нечиста и пребывает в осквернении семь и тридцать три дня, то есть сорок; если же женского пола, — то четырнадцать и шестьдесят шесть, то есть восемьдесят.

П. Какой же, наконец, смысл и сего?

К. Закон опять от плотских примеров возводит нас к восприятию невидимого и как бы на какой дске духовного созерцания написует чувственное. Люди, сведущие в этом, утверждают, что если зачатое в утробе будет мужеского пола, то оно овидотворяется лишь по истечении сорока дней; если же женского пола, то медленнее достигает этого, как немощное и бессильное. И оно нуждается, утверждают они, для явного овидотворения своего в числе дней вдвое большем сорока, то есть в восьмидесяти. Итак, родившая дитя мужеского пола нечиста сорок дней, а мать дитяти женского пола пребывала в осквернении и нечистоте целых восемьдесят числом дней, то есть до определенного образования плода в утробе и достижения им человеческого вида. Для очищения же, по определению закона, закалались агнец и горлица пред дверьми святой скинии, при посредничестве жреца и совершении им жертвы. Кроме того мужеский пол должно было и обрезывать, по определению закона, именно в осмой день. Таков буквальный смысл. Мы же, восходя к духовному созерцанию, скажем теперь, каким образом родившая нас для тления и нечистоты природа отогнала скверну и избегла нечистоты и осуждения со стороны закона; ибо уже долгое время она проводила в отлучении, то есть от лица Божия. А время это было то, которое предшествовало явлению Христа и в которое царствовала смерть, от Адама до Моисея, и многообразный грех владычествовал над живущими на земле. Когда же в восьмой день, то есть после времени закона и после древнего оного субботствования, мы *обрезаны* были *обрезанием нерукотворным* (Кол. 2, 11) чрез Духа и приняли образ Хри-

ста (ср. Гал. 4, 19), соделавшись общниками Его *Божественного естества* (2 Пет. 1, 4): тогда уже мы отгнали вину, тогда исчезла также и нечистота и удалилась всякая наша скверна. Ибо мы рождаемся уже не для тления, по причине преступления в Адаме, но для жизни и нетления, по причине оправдания во Христе, так как Он потерпел за нас заклание, как агнец непорочный и истинный, как горлица Божественная и мысленная; потому что не иным способом мы спасены. Разве это не так?

П. Совершенно так; таинственный образ теперь очень ясен.



КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О том, что мы должны приносить Богу духовные жертвы и дароприношения

Итак, достаточно, как я думаю, сказано о том, что должно мужественно приступать к изглаждению греха и к очищению, совершаемому чрез Христа, Который силен изгладить всякую находящуюся в нас нечистоту, истребляет ее действием Духа и являет нас измовенными и святыми. Посему и Священное Писание предвозвещало нам об имеющем совершится с нами действии Духа, говоря, что *внезапу приидет в церковь Свою Господь, Егоже вы ищете, и Ангел завета, Егоже вы хощете: се грядет, глаголет Господь Вседержитель. И кто стерпит день пришествия Его?* или: *кто постоит в видении Его? зане той входит, яко огнь горнила, и яко мыло перущих. И сядет разваряя и очищая яко сребро, и яко злато.* (Мал. 3, 1–3). Согласно с сим вещает и божественный Исаия, говоря, что *отмыет Господь скверну сынов и дщерей Сионских, и кровь очистит от среды их духом суда и духом зноя* (Ис. 4, 4). Но в том ли одном, Палладий, исполнен будет нами образ праведности, во Христе разумеваемой, что мы очистимся (от грехов)? И то, что изглажены будут прежние скверны наши, достаточно ли, скажи мне, будет нам для святолепной славы и увенчает ли нас высшими почестями? Или же, быть может, тогда только получим лучшую участь и украсим главы наши высшими похвалами, когда будем приносить Богу как бы некоторое духовное дароприношение и поистине священную жертву, проводимую в святости и преподобии жизнь, и будем по надлежащему совершать духовное служение?

Палладий. Полагаю, так.

Кирилл. И точно, дело это согласно с священными законами и Богу приятно, и всех более одобрительно; ибо Он повелел прекращать всякое дело в субботу и совершенно не дозволял кому бы то ни было делать что-либо, так говоря в

книге Исход: *помни день субботний, еже святити его: шесть дней делай, и сотвориши (в них) вся дела твоя: в день же седмый, суббота*, покой *Господу Богу твоему: да не сотвориши всякаго дела в онь* (20, 8–10). Ясно, что этот образ указует на субботствование в духе, наступившее тогда, когда мы призваны Самым Христом к прекращению и упокоению от всякого плотского дела и порочных стремлений, когда мы оттрясли бремя греха, возлюбили удаление от порочности и неделание того, что не согласно с законом: *ибо оставлено есть* таковое *субботство* израильтянам; потому что они отнюдь *не внидоша* в покой Христов, по слову блаженного Павла (Евр. 4, 9 и 6). Нас же упокоил Христос и внушил нам, чтобы мы мысленно субботствовали, предаваясь добродетели и соблюдая прекрасное неделание прегрешений.

П. Превосходно сказал ты.

К. Но хотя в древнее время и узаконил Бог, чтобы все преставали от дел в субботу, однако же увенчанные славою Божественного служения и назначенные пребывать при святой скинии совершали службы и, нарушая субботу, были, по слову Спасителя (Мф. 12, 5), *неповинны*, не подвергаясь обвинению в нарушении закона. Посему и мы, хотя престанем во Христе от земных дел, исполняя мысленное субботствование, но не будем удерживаться от дел священных, то есть от приношения Богу духовных жертв и мысленных дароприношений. Следуя же как бы стопам Христа, согласно написанному (1 Пет. 2, 21), самих себя принесем в жертву, не закланием овец и кровию тельцов чествуя Бога всяческих, а напротив самих себя посвящая Ему *в воню благоухания*: ибо угодны будем Ему *паче тельца юна, роги износяща* и *пазнокти*, по слову Псалмопевца (Пс. 68, 32).

П. Правильно разумеешь, но продолжай еще, и из Священных Писаний предлагай изображения столь важного и досточудного служения.

К. В книге Левит так сказал Бог, очевидно, всем израильтянам: *человек от вас аще принесет дары Господу от скотов, и от говяд, и от овец, да принесете дары ваша. Аще всесожжение дар его от говяд, мужес пол непорочен принесет пред двери скинии свидения да принесет е приятно пред Господем: и да возложит руку на лаву приношения, приятно ему, умилостивити о нем: и да* заколет *тельца пред Госпо-*

дем: и да принесут сынове Аароновы жерцы кровь, да пролиют кровь на олтарь окрест иже у дверей скинии свидения. И одравше всесожжение, да раздробят е на уды, и да возложат сынове Аарони жерцы огнь на олтарь, и да вскладут дрова на огнь. И да вскладут сынове Аарони жерцы раздробленная, и главу, и тук на дрова сущая на огни, который *на олтари, утробу же и ноги да измыют водою: и да возложит жрец вся на олтарь: приношение есть жертва, воня благоухания Господу* (Лев. 1, 2–9). Не очевидно ли (здесь) изображение жизни святых людей и всецелого сродства их с Богом в Духе и освящении? Мы изображаемся как бы в кротких животных, то есть тельце и овне, умирая для мира чрез умерщвление плоти, дабы жить для Бога чрез евангельское житие, как бы возносясь ко Отцу чрез Сына в жертву истинно духовную и благоуханнейшую. Но мы опять скажем тебе о каждом предмете особо и сколько возможно подробнее. Каждый возносит Вседержителю Богу собственную жизнь, как бы некоторый дар, но возносит, как ему дано, и в той мере, какую имеет: *ов убо сице, ов же сице*, каждый имея *свое дарование от Бога*, по слову премудрого Павла (1 Кор. 7, 7): ибо в величине животных и различии их по виду косвенно указуется неравенство и несходство в силе духовной и разумной. Так велик ли кто и очень силен наподобие тельца, или мал и далек от совершенства наподобие овцы, в том и другом случае он приносит себя в дароприношение Богу и во всесожжение, то есть во всецелое посвящение, не разделенною имея жизнь между Богом и миром, но всецело приятною и посвященною Богу. Образ жертвы должен быть таков: *мужеск пол*, сказано, и *непорочна да будет жертва*; потому что святые всегда как бы сообразны Христу, Который есть *мужеск пол* и истинно *непорочен*, так как мужеский пол изображает собою предводительство, а непорочность — чрезвычайную и непревосходимую святость: ибо один есть наш вождь и всесвятый без сравнения Еммануил. И иначе можно и, думаю, нужно сказать, что посвящаемые Богу должны быть мужеского пола и непорочны, не имея в себе ничего женственного и не ослабевая до легкомыслия, но всеусильно должны стремиться к тому, чтобы мужаться и сохранять в себе мужественный и как бы возбужденный ум. Впрочем к этому добавил бы я, что им должно быть чистыми и непорочными, насколько это возможно для человеческой природы; потому

что, как в одном месте весьма мудро воспевает божественный Давид: *суди ми Господи по правде моей, и по незлобе моей на мя* (Пс. 7, 9), пред Богом человеческая праведность некоторым образом имеет соответственную ей меру, так как очевидно праведность святых Ангелов преимуществует и много превышает меру нашу. Итак, *мужеск пол* и *непорочна* да будет священная жертва. Приносится же она к самым дверям святой скинии: ибо не в ином каком-либо месте делаемся мы совершенными, а непременно только в церкви становясь благоприятными Богу и Отцу, когда приносит нас Христос, как священник: *зане Тем имамы приведение* (Еф. 2, 18), и Сам Он обновил нам доступ к бытию, *предтеча о нас* вошедши во Святая Святых (Евр. 6, 20) и показав нам истинную стезю. Далее Он повелел приносящим возлагать на тельца руки, косвенно знаменуя этим, что они образно приносят его вместо самих себя, весьма прилично делая заклание животного образом того, что жить свято возможно только умирая для мира. И вот смотри, как сень изображает нам истину. Закалаем был телец пред Господем, а кровь проливаема была при жертвеннике; ибо смерть для мира и умерщвление плотских движений приятнее всего Богу и достойно призрения свыше. И может быть нечто таковое воспевает нам божественный Давид, говоря так: *честна пред Господем смерть преподобных Его* (Пс. 115, 6): ибо смерть преподобных есть как бы священное возношение Богу. И не говорю: смерть всех ходящих по плоти. Это слова, напротив, указывают на ту смерть, которую обыкновенно претерпевают умирающие для мира, но живущие для Бога в преподобии и святости; ибо трудно было бы нам проводить святую жизнь, если бы мы наперед не умерли для мира. Петр пишет о Христе: *ИИже грехи наша вознесе на теле своем на древо, да от грех избывше, правдою поживем* (1 Пет. 2, 24). Итак, заклание тельца, кажется, означает избавление от грехов и претерпение смерти, честной пред Богом, которую Он удостоивает и своего призрения: ибо *да заколют*, — сказано, — *тельца пред Господем* (Лев. 1, 5). Пролитие же крови при жертвеннике, думаю, может обозначать посвящение жизни и возвышение души во славу Божию. С жертвы сдирается кожа, и она раздробляется на части: сдирание кожи означает как бы обнажение и обнаружение всего, что есть в нас, а раздробление на части весьма хорошо указывает на проникновение слова

Божия до членов и мозгов: *живо бо слово Божие,* — сказано, — *и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюдуостра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным. И несть тварь неявлена пред Ним, вся же нага и объявлена пред очима Его: к Немуже нам слово* (Евр. 4, 12–13). Когда же священник возжигает огонь, тогда возлагаются на олтарь раздробленные части, вместе с головою и ногами, а также и с внутренностями омытыми в воде: ибо все принадлежащее святым благоуханно, так как ничто отверженное Богом не мыслится как присущее им. Мясо же может быть образом как бы грубой и телесной их жизни, ибо она честна и свята. Голова есть знак ума, внутренности — помыслов и пожеланий; ноги же служат тонким намеком на деятельное и как бы в делах являемое хождение.

П. Как замысловато это объяснение!

К. Однако ж оно заключает в себе истину, хотя и проникающую к нам как бы сквозь туман и мрак; ибо глубок смысл закона. *Аще же от овец,* — говорит он, — *дар свой Господеви (принесет) от агнец и от козлищ во всесожжение, мужеск пол непорочен да принесет и. И да возложит руку на главу его: и да заколют е в стране олтаря к северу пред Господем* (Лев. 1, 10–11). Раздробляется также и это на части, с измовением внутренностей точно таким же образом, как и в отношении к тельцу. Узаконил еще и то, чтобы возносить его на жертвенник: и на это тоже самое может быть объяснение смысла. Впрочем, здесь есть нечто и неодинаковое: агнец закалаем был *в стране олтаря к северу.*

П. Какой же смыл этого обряда?

К. Разве ты не знаешь, что более к югу лежит земля Иудейская, а более северную страну к морю разделили между собою бесчисленные толпы язычников, расселившиеся по селам и городам?

П. Правда.

К. Посему то обстоятельство, что агнец закалается на северной части, служит указанием на то, что и самые толпы, живущие к северу, будут также посвящены Богу. Это именно и Спаситель провозглашал о толпе язычников, говоря: *и ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя Ми подобает привести: и будет едино стадо и един Пастырь* (Ин. 10, 16).

П. Я понял, что ты говоришь.

К. Но дабы поставить выше малодушия и всякой медлительности тех, которые пожелали бы исполнять установленное законом, Бог всяческих некоторым образом уравнивает путь плодоприношения и повелевает совершать жертвы из животных, которые меньше и овцы. Он говорит: *аще же от птиц приношение принесет дар Господу, и принесет от горлиц или от голубов дар свой: и да принесет и жрец ко олтарю, и да отторгнет главу его, и да возложит жрец на олтарь, и да исцедит кровь у стояла олтаря: и да отлучит гортань с перием, и извергнет ю от олтаря на восток на место пепела: и да изломит его от крил, и да не разделит: и да возложит е жрец на олтарь на дрова, яже на огни: приношение есть жертва, воня благоухания Господу* (Лев. 1, 14–17). Заметь опять, как превосходно и премудро соблюдено здесь то, что святые являются сообразными Христу; ибо Он есть истинно вышняя и сладкогласнейшая горлица, равно как и кротчайший голубь. Посему и в книге Песнь Песней написано о Нем: *глас горлицы слышан в пустыне* (2, 12). А чрезвычайной и высочайшей кротости как бы некоторым образцом и примером представлял Он Себя нам, когда говорил: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11; 29). Но вот и святым, поелику они носят на себе образ Христа, весьма тщательно соблюдены благолепие и досточудность в тех же добродетелях; потому что и они по справедливости могут быть разумеемы под горлицами, как передающие слушателям Божественное и священное слово и охотно совершающие пение и песни во славу Божию. Посему-то и говорят они: *язык мой поучится правде Твоей, весь день хвале твоей* (Пс. 70, 24; ср. ст. 14, 15). Также и жизнь свою они проводят во Христе и шествуют кротчайшею стезею евангельского жития, желающим ударить их в правую ланиту подставляя и левую и принуждающим их пройти одно поприще добровольно предлагая, если хотят, пройти с ними и два (Мф. 5, 39–41). Итак, они себя самих посвящают в воню благоухания и во всесожжение Богу, как бы в виде горлиц и голубей. Затем, отторгнувши голову, священник возлагает ее на жертвенник, излив кровь: ибо истинно свят и по преимуществу священен ум святых, и ему прилично быть посвященным всесвятому Богу. Он полон благих помыслов и благоухает миром истинного богопознания: *мысли праведных судьбы*, согласно

написанному (Притч. 12, 5). А что свята и жизнь живущих в страхе Божием, это может ясно быть из того, что кровь должна быть проливаема при святом жертвеннике: ибо кровь изображает собою жизнь. Отделяется гортань птиц, то есть зоб с перьями, и извергается, как совершенно ненужное. И это может быть ясным указанием на то, что жизнь святых является выше телесного удовольствия, так что кажется уже как бы не нуждающеюся и в чреве, вмещающем пищу. Такова в особенности жизнь людей трудолюбивейших (подвижников), которые, пренебрегая пищею и даже самым чревом, измождают плоть, умерщвляют похоти и становятся свободными и избавленными от всего мирского и излишнего. Это, думаю, означает отнятие перьев. Иметь перья необходимо птицам: но и нам необходимо то, чрез что это земное тело достигает удовлетворения собственных нужд, разумею одежды, средства пропитания, и кроме сего весьма необходимо то, с помощью чего является все это, то есть денежные доходы, противоборствующие напору нужды, мягкое ложе и тому подобное. Но хотя это полезно и необходимо для живущих на земле и в телах, однако святыми людьми считается за ничто; напротив, отверзая приобретение всего такового, как излишнее бремя, они едва не нагими и неодетыми проводят жизнь в мире сем, с неохотою удовлетворяя телесной необходимости тем, что случится и что легко можно добыть. По снятии перьев и отнятия зоба или гортани, *да изломит,* — сказано, — *от крил, и да не разделит,* и затем да вознесет *на олтарь.* Выламывание крыльев может быть образом и ясным примером того, что ум святых не мыслит о чрезмерно великом и не парит высоко, а более устремляется к помыслам смиренным и как бы ищет нижнего (Рим. 12, 16). Ум людей надменных всегда как бы высокопарящ и несется к высоте, не терпит того, чтобы держаться более низменного и презирает умеренный и смиренный помысл. Итак, выламывание крыльев прикровенно указывает на отложение надменности. А что и совсем и, так сказать, всецело посвятили свою жизнь Богу неразделенные между Ним и миром, на это указывает то, что крылья не разделялись: о разделении находящихся в браке сказал и мудрый Павел (1 Кор. 7, 33). Итак, священен ум людей святых, свята их и жизнь, и стоит выше телесных удовольствий, свободна от мирского попечения и преукрашена смиренномудрым помыслом, не разделе-

на Богом и мирскими предметами. Поэтому она и возносится в воню благоухания Богу.

П. Это так.

К. Но закон низводит роды жертвы и до меньшего еще и доступного всякому и получаемого без труда, расширяя, как я думаю, путь к похвальной деятельности и для малого, и для великого; ибо написано: *широка заповедь Твоя зело* (Пс. 118, 96). И не величиною дароприношения, без сомнения, измеряется пред очами добролюбивого Бога искренность (приношения), но в одном ряду с имеющими много становится и бедный, отдающий насущное и желающий почтить Бога тем, что имеет и что может. Посему так сказал Он еще: *аще же душа принесет дар жертву Господу, мука пшенична будет дар его, и да возлиет на ню елей, и возложит на ню ливан: жертва есть. И да принесет ю к сыном Аароним жерцем, и возмет от нея полну горсть муки пшеничны с елеем и весь ливан ея, и да возложит жрец память ея на олтарь: жертва, воня благоухания Господу* (Лев. 2, 1–2). Разумеешь ли, как он напоминает приносящему о смирении: Божественный закон называет нам его вообще душою, хотя бы в сей жизни он был и весьма незнатен, показывая этим справедливость ко всем и беспристрастие Высочайшего Естества, подобно тому как без сомнения и в других словах: *вся души Моя суть* (Иез. 18, 4): *несть бо на лица зрения у Бога* (Рим. 2, 11), как я сказал недавно. Итак, если бы кто из людей, не имеющих, сказано, знатности в мире, захотел приносить дар Богу, то родом жертвы его пусть *мука пшенична будет*, только напоенная елеем и смешанная с ладаном. А что пшеничная мука служит образом жизни, елей — веселия, основывающегося на уповании, ладан же — благоухания в делах и подвигах и в жизни, вполне согласной с законом, это нам разъяснила продолжительная беседа. Итак, желающим возвеселить в себе Бога всяческих должно, весьма мудро говорит закон, предавать и посвящать Ему свою жизнь, не скорбя о подвигах, предпринимаемых ради добродетели (ибо не *ропщите*, говорит божественный Павел: 1 Кор. 10, 10), но посвящая Ему жизнь, исполненную благоухания мысленного; потому что тогда только вознесет *жрец памать ея* к Богу. Иначе сказать, мы приблизимся во Христе к Богу и Отцу чрез духовную жертву, приобретая этим и то, что будет в памяти у Него: ибо чем обыкновенно

мы становимся доброхвальными, тем самым обнаружится, что мы сделались достойными памяти о нас Бога и знаемыми Ему во Христе.

П. Ты сказал превосходно.

К. Но к этому присовокупляет: *аще же принесет дар жертву печену в пещи*, дар Господу *от муки пшеничны, хлебы пресны спряжены с елеем, и опресноки помазаны елеем. Аще же жертва от сковрады дар его мука пшенична смешана с елеем пресна да будет: и да разломиши я на укрухи, и возлиеши на ня елей: жертва есть Господу. Аще же жертва от огнища дар твой, мука пшенична с елеем да сотворена будет. Аще же принесеши жертву от начатков жит Господу, новы спряжены зелены класы истлачены Господу, и принесеши жертву от начатков жит: и да возложиши на ню ливан: жертва есть. И да вознесет жрец память ея от спряженных с елеем, и весь ливан ея: принос есть Господу* (Лев. 2, 4–7 и 14–16).

П. Как глубок смысл закона! Так объясни же это, чтобы, вникая умом и в столь тонкие предметы, мы не уклонялись от цели.

К. Достойна внимания, думаю, оная предусмотрительность и высокая мудрость закона, ибо он нисходит до всякого состояния, приемлет даже и совсем малый дар и повсюду сообщает ему благоуханность и приятность. Ты знаешь, конечно, как говорит даже Сам Христос: *и иже аще напоит единаго от малых сих* братий *чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю вам, не погубит мзды своея* (Мф. 10, 42). Нечто подобное должно разуметь и здесь, и милость Законодателя прославлять приличествующими Ему хвалами. Дар приемлется, как я сказал, даже если бы кто пожелал исполнить предписанное в законе и самими дешевыми жертвами. Будет ли, сказано, дар его хлеб квасный или опреснок, будет ли он *от пещи* или *от сковрады*, или *от огнища* (очага), будет ли он и не из пшеницы, а новые зерна истолченные, то есть мука из шелушных плодов,— пусть только принесенное напоено будет елеем и имеет на себе ладан. Кажется, в этих словах Писание как бы указывает нам на прославление святых чрез сожжение, труды, а также и чрез сокрушение; ибо пещь и огнище, а также и сотрение жерновом, конечно, суть знамения сокрушения и труда людей испытуемых как бы по-

средством огня. Поэтому-то они и восклицали, проходя столь достославною стезею: *яко искусил ны еси, Боже, разжегл ны еси, якоже разжизается сребро* (Пс. 65, 10). Воспевает также и божественный Давид: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). А что потрудившиеся так становятся благоуханием Христовым, это без сомнения по справедливости должно быть; равным образом, что они будут помилованы и обильно утучнены благодатию Духа, это ясно для того, кто рассмотрит употребление ладана и елея: ибо содержащееся в законе разве не служит для нас как бы тонким намеком на прикровенное и сению?

П. Конечно так.

К. Итак, мы принесем самих себя Богу, умирая для греха и мысленно претерпевая эту священную смерть, живя же *правдою*, согласно написанному (1 Пет. 2, 24), и в качестве благодарственного дара посвятим Ему собственную жизнь, славную и безукоризненную, благоукрашенную славою любви Божественной. Это ясно мы можем знать и из других законов; ибо написано в книге Левит: *аще же жертва спасения дар его Господу, аще убо от говяд е принесет, аще мужеск пол или женск, непорочен да принесет е пред Господа: и возложит руце на главу дара, и да заколет и пред Господем у дверей скинии свидения: и да возлиют сынове Аарони жерцы кровь на олтарь всесожжений окрест: и да принесут от жертвы спасения принос Господу, тук покрывающий утробу, и весь тук иже на утробе, и обе почки, и тук иже на них, и иже на стегнах, препонку, яже на печени с почками отъимет. И да вознесут я сынове Аарони жерцы на олтарь во всесожжения на дрова сущая на огню на олтари: принос воня благоухания Господу* (3, 1–5). Итак, телец приносится непорочный: ибо надлежат быть чистыми и сколько возможно более удаленными от всякого порока тем, которые возносят себя в воню благоухания Богу. Закалался же он при самых дверях святой скинии, причем на него возлагаемы были руки приносящего. Какой смысл такового обряда, было уже ясно сказано. Возносим был в жертву *тук иже на утробе*, и обе почки, вместе со снятым с них жиром *и препонка печени.* Тук, который на утробе, может указывать, как я думаю, как бы на благосостояние ума и тучность сердца, превосходно воспитанного мысленным руководством Духа: ибо хорошее питание и в бессло-

весных животных, а также и в человеческих телах производит утучнение; преизобильное же причастие Божественных дарований наполняет ум святых всяким благом. Поэтому-то они и становятся священными и избранными в воню благоухания Богу. Почки же могут служить образом заключающейся в уме рассудительной деятельности, по которой он считает заслуживающим отвержения то, чему свойственно вредить, а достойным предпочтения и избрания полезное. Пишет же и божественный Павел: *вся искушающе добрая держите. От всякия вещи злыя отгребайтеся* (1 Сол. 5, 20–21). Итак, поелику разделяющий член в теле есть почка (так как она весьма хорошо отделяет излишнее, нужное же и полезное передает природе тела, искусно разделяя, куда и сколько нужно отделить), то почки по справедливости можно истолковать в смысле рассудительной способности ума. Поэтому священны и посвящены Богу почки святых людей, то есть рассудительная способность, которую имеют они в уме. Люди, преданные Богу, суть опытные и точные меновщики, всегда порицающие дурное и привыкшие удостаивать прекрасного отзыва то, что служит на пользу. Посему-то, думаю, и божественный Псалмопевец, стяжавший славу в этом, взывал к Богу: *яко Ты создал еси утробы моя, Господи* (Пс. 138, 13). Перепонка же печени не на иное что указывает нам, как на действие души, или на движение сердца, в котором оно идет к пожеланиям. Некоторые, тщательно исследовавшие предметы этого рода, не затрудняясь говорят, что в печени всякое животное имеет пожелания. Итак, должно посвящать Богу и перепонку печени, то есть самый, так сказать, источник всякого нашего пожелания, согласно тому, как воспевает Псалмопевец: *Господи, пред Тобою все желание мое* (Пс. 37, 10). Но только тот может похваляться собою и произносить столь славное и досточудное вещание, кто имеет стремления свои направленными только к тому, что угодно Богу, и является жаждущим делать то, чего Он хочет.

П. Соглашаюсь; ибо ты разумеешь правильно.

К. Относительно овцы, а также и козы, Он определяет тот же закон; и над ними одинаковым образом совершаем был обряд жертвоприношения, причем различие животных по величине превосходно указывает на меру благочестия и стяжания славы приносящих дар; ибо один обильно и превосход-

но (преуспевает в благочестии) – и его должно разуметь как бы под образом тельца; другой посредственно, как это можно видеть под образом овцы; а иной и еще менее того, потому что коза меньше и овцы. И это, думаю, означает то же, что и евангельская притча, по которой благоплодная земля произрастила плод во *сто* и в *шестьдесят* и в *тридесять* (Мф. 13, 8 и 23).

П. Соглашаюсь.

К. А что соответственно правым деянием каждого будет и воздаяние награды, и что решившимся мужаться в добре определены от Бога равносильные подвигам и награды, в этом убедит и Сам Спаситель, Который говорит, что неодинаково было распределение талантов, но поставляет из стяжавших славу одного над десятью городами, другого над пятью (Мф. 25, 15–29). Жизнь каждого как бы взвешивается[1] и возмездие непременно как бы уравновешено будет с нашею доброкачественностию. Равным образом и закон Моисеев покажет нам то, что я сказал; ибо так говорит он в книге Чисел: *и рече Господь к Моисею, глаголя: глаголи сыном Израилевым, и речеши к ним: егда внидете в землю вселения вашего, юже Аз даю вам, и сотворите принос Господу во всесожжение, или жертву, еже возвеличити мольбу, или благовольну, или в праздники ваша в воню благовония Господу, аще убо от волов, или от овец. И да принесет приносяй дар свой Господу жертву, муки пшеничны десятую часть ефи (меры), вмешаны в елей четвертыя части ина (меры): и вина на возлияние четвертую часть ина сотворите во всесожжение, или в жертву: агнцу единому да сотвориши толико, принос воню благовония Господу. И овну, егда во всесожжение или в жертву, да сотвориши жертву муки пшеничны две десятины вмешаны в елей, третию часть ина (меры): и вина на возлияния третию часть ина принесите в воню благовония Господу. Аще же творите от волов во всесожжение или в жертву, еже возвеличити мольбу или во спасительное Господу, и принесет с тельцем принос муки*

[1] Ταλαντεύεται. Это греческое слово соответствует вышеупотребленному названию «талант», слово талант первоначально означало известный вес, и отсюда уже произошло значение таланта как определенной ценности.

пшеничны три десятины вмешаны в елей, пол ина (меры): и вина на возлияние пол ина (меры), принос в воню благовония Господу. Тако да сотвориши телцу одному, или овну единому, или агнцу единому от овец или от коз: по числу (их), яже аще сотворите, тако сотворите единому по числу их. Всяк туземец да сотворит тако сицевая принесший *приношения во воню благовония Господу. Аще же пришлец в вас прибудет в земли вашей, или иже аще будет в вас в родех ваших и сотворит принос в воню благовония Господу, якоже творите вы, тако да сотворит. Сонме Господень, закон един да будет вам и пришелцем, прилежащим в вас, закон вечный в роды ваша: яко же вы, (тако) и пришлец да будет пред Господем. Закон един да будет, и оправдание едино да будет вам и пришелцу прележащему в вас* (15, 1–16).

П. Так где же мы можем усматривать в этом равномерность и соответствие награды, как ты говоришь, с делами каждого?

К. Разве ты не слышишь, друг мой, что закон ясно говорит: когда кто захочет совершить моления и всесожжения, то если закалает в жертву агнца, пусть соединит к жертвоприношению десятую часть ефы муки пшеничной, вина же и елея четвертую часть ина (это суть меры на еврейском языке): а если овна, говорит, то сопровождающее жертву прибавление должно быть в увеличенном объеме, то есть составляет третью часть, ибо четвертая часть меры менее третьей? При принесении же тельца, количество пшеничной муки и всего прочего превышает даже и третью часть, и достигает уже половины.

П. Это я знаю, но что это значит?

К. Ты, конечно, знаешь, что пшеничная мука есть изображение жизни, а елей – радости; потому что написано: *умастити лице елеем* (Пс. 103, 15). Вино же служит указанием на мысленное, свыше и чрез Духа неспосылаемое веселие; ибо *вино,* – сказано, – *веселит сердце человека* (там же).

П. Понимаю.

К. Итак, соответственно тому, чем кто станет плодоприносить, будет дарована от Бога и жизнь с радостию и веселием. Конечно, мы не говорим того, что в жизни или в оживотворении, даруемом от Бога, есть большее или меньшее. Это было

бы пустословием. Но говоря о жизни, мы разумеем славу в жизни, которою один превосходит другого, а другой наоборот имеет меньшее в сравнении с прочими. Впрочем и он не будет лишен почести и славы; и *звезда бо от звезды разнствует во славе* (1 Кор. 15, 41). Итак, изображением жизни святых в славе служит здесь различие жертвоприношений, которое количеством сопровождающих жертву приношений начертывает нам меру прославления. А что и языческие народы, вместе с происшедшими от племени Израилева, преклонят выю свою под иго Спасителя и будут идти путем тех же самых жертв и того же духовного прославления, это он показал, присовокупив, что пришелец не иными должен руководиться законами, как и израильтяне; ибо один есть путь для всех, приводящий к сродству с Богом и Отцем. И этот путь есть Христос; ибо, как сказал божественный Петр: *несть иного имене под небесем даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 12).

П. Как превосходно и искусно это изъяснение!

К. Что мы нимало не солжем, утверждая, что различны способы прославления и что возмездие будет распределено Богом соответственно мере (заслуг) каждого, это уяснит и премудрый Павел говоря: *сеяй скудостию, скудостию и пожнет: а сеяй о благословении, о благословении и пожнет* (2 Кор. 9, 6). И еще прежде него Давид возвестил: *и воздаст ми Господь по правде моей, и по чистоте руку мою воздаст ми* (Пс. 17, 21). Разве ты не признаешь, что, например, праведность Павла есть иная в сравнении с праведностью кого-либо другого, который еще не таков, как он, разумею — в отношении к духовной силе, так чтобы с уверенностью мог воскликнуть: *мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Христа, имже мне мир распяся и аз миру?* (Гал. 6, 14.)

П. Конечно так.

К. Что еще? Разве мы не согласимся, что чистота рук Иоанна в сравнении с кем-либо другим есть иная, так как он взошел на высоту[1] евангельского жития?

П. Согласимся: как же иначе?

К. Затем скажи мне: праведный всех Судия потребует ли от нас праведности равной и во всем подобной доброхваль-

---

[1] ἀρχὴν поставлено, вероятно, вместо ἀκμὴν.

ным деянием святых, или же, испытав меру присущей нам силы, не потребует от нас ничего более того, что каждый из нас имеет и может исполнить?

П. Я и сам так думаю; ибо так сказал Христос: *ему же предаша много, много взыщут от него* (Лк. 12, 48). Очевидно, что истинно и обратное: от получившего меньшее конечно мало и потребуется.

К. Так смотри: это и в законе написано, то есть что соответственно мере каждого взыскивает от него Бог. Будучи источником и началом превышающей ум милости и человеколюбия, Он не отвергает никого из прибегающих к Нему верою, но допускает каждого с тем, что он имеет, и приемлет духовные дароприношения, отнюдь не требуя того, что выше силы. А закон о сем у нас такой имеется в книге Левит: *и рече Господь к Моисею, глаголя; глаголи сыном Израилевым и речеши к ним: человек, иже аще обещает обет яко цену души своея Господу, да будет цена мужеска пола от двадесяти лет до шестидесяти лет, да будет цена его пятьдесят дидрахм сребра весом святым: женска же полу да будет цена тридесят дидрахм. Аще же от пяти лет до двадесяти лет, да будет цена мужеску полу двадесять дидрахм: женску же полу десят дидрахм. От месяца же единаго до пяти лет, да будет цена мужеска полу пять дидрахм сребра: женска полу три дидрахмы сребра. Аще же от шестидесяти лет и вышше, аще убо мужеск пол будет, да будет цена его пятьнадесят дидрахм сребра, аще же женск пол, десять дидрахм* серебра. *Аще же убог будет ценою своею, да станет пред жерцем, и да оценит его жрец: якоже может рука обещавшагося, тако оценит его жрец* (27, 1–8). Приходили некоторые вписывавшие себя самих в число посвящаемых Богу и охотнее предлагавшие в дар Ему определенное законом количество дидрахм. Если же кто был из числа людей не очень достаточных или незнатных, то уплата была уже не по закону; но по испытании его священствовавшим в то время, долг определяем был сообразно мере возможности его. Так вот более ясное истолкование и смысл Писания. Необходимым также считаю я напомнить занимающимся с особенною любознательностию Священным Писанием о том, как некогда Христос обращался с речью к фарисеям, причем ясно и наглядно упоминал об этой самой

заповеди. Они, стремясь к жизни суетной и неодобряемой законом и уча *учением заповедем человеческим,* согласно написанному (Мф. 15, 9), приступили к Нему, говоря: *почто ученицы твои преступают заповедь старец? не умывают бо рук своих, егда хлеб ядят* (ст. 2). Но Спаситель тотчас же сказал им: *почто и вы преступаете заповедь Божию? Бог бо заповеда глаголя: чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет. Вы же глаголете: иже аще речет отцу* своему *или матери* своей: *дар, имже бы от мене пользовался еси: да не почтит отца своего или матере. И разористе заповедь Божию за предание ваше* (ст. 3–6; сн. Исх. 20, 12). Фарисеи, будучи весьма сребролюбивы и корыстолюбивы, желали видеть как можно более людей, приходящих к ним для переписи по закону, и, чтобы наполнялись их кошельки, ненасытною рукою собирали деньги с каждого из приходящих. Но естественно было, что некоторые уклонялись от переписи, имея небезосновательным предлогом к замедлению бедность и то, что они должны содержать старых отцов или матерей из того, что сами не без малого труда добывают. Преступные же фарисеи, едва только узнавали о сем, как увещавали их, чтобы они как можно скорее приступали к посвящению дара Богу, уже не думая о справедливом и презирая предписанное законом, то есть что должно с полным усердием оказывать уважение родителям и пещись о них, но прогоняя их от себя[1], исполняли установленное законом (относительно дароприношений). И так как по законам было виною и преступлением присвоять себе что-либо из принесенно во славу Божию, а имя приношениям было: дар, то они и учили говорить родителям, требовавшим вспомоществования: *дар, имже бы от мене пользовался еси,* то есть то, что я мог бы дать тебе, посвящено Богу, и знай, что ты нарушаешь закон, похищая принесенного во славу Божию и нечестиво получая это. И эти виновники постыднейших измышлений для тех, которые предпочитали посвятить свое имущество Богу по закону, утверждали, что такое бесчеловечие к родителям неповинно. Это, я думаю, и значит: *иже аще речет отцу* своему *или матери* своей: *дар, имже бы от мене пользовался еси, да не почтит отца своего или матерь* свою; иначе сказать: не почитать отца и не оказывать уваже-

---

[25] Собственно «взывая к ним· будьте здоровы! прощайте!»

ния матери дозволительно говорящим: *дар, имже бы от мене пользовался еси*, то есть то, чем я оказал бы тебе пользу, если бы отдал тебе, есть дар Божий, и ты окажешься похитителем священных приношений.

П. Полагаю, что это сказано правильно и истинно.

К. Поелику буквальный смысл теперь для нас ясен, то перейдем к духовному и коснемся созерцания предметов сверхчувственных.

П. Перейдем.

К. Каждый из нас, Палладий, оправданных верою и освященных Духом, сделался священным даром Богу. Каждый из нас обязан Христу своею жизнию; ибо, как сказал божественный Павел, мы куплены *ценою* и не принадлежим себе (1 Кор. 7, 23; 6, 20 и др.). и: один *за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему* (2 Кор. 5, 15). Он приобрел нас Собою у Бога и Отца, как бы цену какую уплатив за нас, собственную кровь. Итак, мы приходим к Спасителю всех Христу чрез веру и освящение, в воздаяние за соделанное Им для нас, принося Ему в дар благочестивую жизнь. Но различен, а не один представляется,— и весьма справедливо,— образ этого приношения: ибо одни не очень мужественно стремятся к сему, а другие как бы с более горячею готовностью и с возбужденным духом, с бодрым умом и с живейшею стремительностию идут к совершению того, что должны исполнять и что они могут совершить угодного Ему. Это суть, по указанию буквального смысла, находящиеся в возрасте от двадцати и до шестидесяти лет; ибо и до шестидесятого года доходит крепость тела и сила его движений. В то же время и ум еще бодр и крепок и весьма способен к восприятию того, чему захотел бы научиться. Но познавший *создание наше*, как написано (Пс. 102, 14), знает конечно таковый же возраст и в душах наших: от телесных подобий речь переходит к мысленному. Итак, мужеский ли то будет пол, или женский, тот и другой, пока находятся в возрасте духовной зрелости, пусть приносят в дар определенное законом, то есть мужеский пол — пятьдесят дидрахм, как целый и самый совершенный плод духовного служения, высшая законченность и совершенство которого являются ясно засвидетельствованными чрез семью — семь. Женский же пол — тридцать дидрахм; ибо он менее достохвален, нежели мужеский пол;

однако и он *приносит плод как бы совершенный по своей природе*, и с трудом произведенный, означаемый тремя десятками. От пяти до двадцати лет, если это мужеский пол, платит двадцать дидрахм, а если женский пол, десять; ибо едва только с пяти лет, думаю я, ум начинает, так сказать, прозирать разумением, хотя еще детским и слабым, но идущим к большему совершенству; также и тело делается все более и более крепким. Разве ты не понимаешь, что я говорю?

П. И очень понимаю.

К. Итак, с духовным благоукреплением соразмеряется и плод от каждого. При этом женский пол всюду идет позади мужского и часто вполовину менее его оценивается. Что женщина есть немощный сосуд, об этом ясно засвидетельствовал и божественный Петр (1 Пет. 3, 7). Она имеет недостаток в природных дарованиях мужчины и молчит в *церквах* (1 Кор. 14, 34); ибо не доверено ей право слова, и она не так крепка для исполнения добродетели, как мужчина. От одного месяца, сказано также, и до пяти лет мужеский пол — пять дидрахм, а женский — три. Да и подлинно, какой может быть плод от младенцев? Итак, здесь Слово Божие некоторым образом намекает нам на новорожденное во Христе дитя, которому, как и священный Павел сказал, млеко прилично в пищу (Евр. 5, 12; 1 Кор. 3, 2). От тех, которые только что призваны чрез веру и находятся еще в детском возрасте, и плод мал. И зная это, божественные ученики обращенным из язычников заповедуют остерегаться *блуда и удавленины и крове* (Деян. 15, 20), хотя Христом даны были и гораздо большие Евангельские заповеди, причем добавляют, что делающие так хорошо поступят (ст. 29); ибо подлинно не должен быть обременяем очень тяжелыми правилами ум еще нежный и младенчествующий. Но закон присовокупил также, что с шестидесятилетнего возраста и старше должно требовать с мужеского пола пятнадцать дидрахм, а с женского десять; потому что склонившееся уже к бессилию и недеятельности не может иметь большего благоплодия, подобно тому, как, без сомнения, и устаревшие растения, вследствие того, что у них ветшает корень, являются медлительными к произведению зрелых плодов. Итак, истинно правосудный *и милосердый Бог приемлет плоды соответственно с расположением каждого и способностию ума, не отвергая бессиль-*

ное и устаревшее и не удаляя его, как недеятельное, и не отпуская крепкое без награды, но как бы расширяя путь всякому желающему стяжать славу тем способом, каким он может. А о слабейших по состоянию, а также малосмысленных Он Сам озаботится, определяя каждому плодоношение по его силе. Это, думаю, и значит: *да станет пред жерцем, и да оценит его жрец: якоже может рука обещавшагося.*

П. Как тонко это изъяснение!

К. Итак, Палладий, должно возносить Богу, как воню благоухания и как нечто должное, святолепное жительство и славу отличной жизни. Ты знаешь, конечно, что пишет один из святых мужей: *чти Господа от праведных твоих трудов, и начатки давай Ему от твоих плодов правды* (Притч. 3, 9). Древние думали чтить Бога принесением в жертву волов и ладана: потому что таков был путь жительства по закону. Мы же, во Христе чрез веру шествующие лучшею и превосходнейшею стезею, вознесем Богу поклонение в духе и истине, напрягая все усилия[1], чтобы иметь возможность мужественно совершать то, что должно, и чтить Бога духовными и священными приношениями: ибо должно, думаю, припомнить ясно говорящего чрез премудрого Моисея: *исходящая из уст твоих сохрани* (Втор. 23, 23), то есть что ты обещал, старайся как может скорее исполнить, потому что промедление в этом случае не есть дело безвредное; *аще обещаеши*, – сказано, – *обет Богу, не умедли отдати его. Благо тебе, еже не обещаватися, нежели обещавшуся не отдати* (Еккл. 5, 3–4).

П. Правда.

К. И конечно надлежащий предмет искусства исполнять обеты и исповедания может каждый узнать безошибочно не иначе, как только чрез закон; ибо написано, что *светилник ногама моима закон твой, и свет стезям моим* (Пс. 118, 105). В самом деле, разве не законом Божественным световодимся мы, и не тогда ли каждый идет прямым и безошибочным путем, когда имеет как бы светильником своим лучи, от него исходящие?

П. Как же иначе? Ибо и божественный Давид поет; *заповедь Господня светла, просвещающая очи* (Пс. 18, 9).

---

[1] Буквально: двигая все канаты.

К. Но каким образом стяжаем мы славу, проводя жизнь доброхвальную и всечистую и, как светлый дар Богу принося Ему образцы высшей честности, об этом ты узнаешь, и весьма ясно и из других изречений заповедующего нам Бога. Именно в книге Чисел говорится так: *и рече Господь к Моисею, глаголя: глаголи сыном Израилевым, и речеши к ним: муж или жена иже аще обещается зело обетом, еже очиститися чистотою Господу, да воздержится от вина и сикера, и оцта винна и оцта от сикера, да не пиет: и, елика делаются от грозд винных, да не пиет, и гроздия свежаго и сухаго да не снест: во вся дни обета* очищения *своего от всех, елика бывают от винничины вина, от кости и до скорлупы, да не пиете, ниже ясте от всего. Во вся дни очищения бритва да не взыдет на главу его, дондеже скончаются дние, елика обещал есть Господу: свят будет растяй власы главы своея. Во вся дни обета своего Господу, ко всякой душе скончавшейся да не внидет. Над отцем, и над матерею, и над братом и над сестрою, да не осквернится над ними умершим им, яко обет Бога его на главе его: вся дни обета его свят будет Господу. Аще же кто смертию внезапу умрет у него, абие осквернится глава обета его, и обриет главу свою, в оньже день очистится, в день седмый да обриется. И в день осмый да принесет два горличища или два птенца. И да сотворит жрец пред двери скинии свидения. И да сотворит жрец едину греха ради, и другую во всесожжение, и да помолится о нем жрец, о нихже согрети, о души, и освятит главу свою с той день, в оньже освятися Господу, во дни обета своего. И да приведет агнца единолетна во всесожжение преступления, и дние прежнии да не будут ему в число, понеже осквернися глава обета его* (6, 1–12).

П. Не легко прозреть в эти слова откровения, и совсем невозможно, если закон этот не будет подвергнут тонкому исследованию: потому что не брить волосы на голове, а отпускать их длинными и разбрасывать их, удаляться от вина, уксуса (оцта), от грозда сухого, а также и от виноградных зерен, — все это к какому виду служения Богу может относиться?

П. Поистине ни к какому, Палладий, если рассматривать это дело всецело само по себе, по его природе. Нельзя однако не удивляться цели закона, весьма искусно изменяющего эллинские обычаи на более приличные и кажущееся сует-

ным превосходно прелагающего в образ жизни евангельской. Итак, если бы у кого была цель очиститься пред Богом по великому обету, то есть жить по образу высшего жительства и идти прямою и непорочною стезею совершенной правды, тот должен далеко бежать от вина и сикера, то есть освобождать дух от всего, что имеет силу опьянять и помрачать его. Это суть, как я думаю, мирской помысл, земные похотения, плотские попечения, суетные развлечения. Некоторых из священников, подвергшихся сему, слово пророческое оплакивает в таких словах: *жрец и пророк изступиша ума вином от пиянства сикеры* (Ис. 28, 7). Также и о других пророк говорит: *от виноградников бо содомских виноград их, и розга их от Гоморры: грозд их, грозд желчи, грозд горести их; ярость змиев вино их* (Втор. 32, 32–33). Говорится и о некоторых других, что они *напаяют подруга своего развращением мутным* (Авв. 2, 15). Так (закон) удерживает ум освященных от всего, что может опьянять. Говорит он очень ясно и о том, что не должно прикасаться к уксусу, называя уксусом, как думаю, противоестественные и извращенные удовольствия. Запрещает употреблять еще виноградные грозды сухие и зерна, не дозволяя нашему уму уклоняться даже, так сказать, к старым остаткам присущих нам влечений к удовольствиям. По этим-то, как я думаю, а не по иным причинам отвергается законом вино и все, что из него делается. Что же наконец может означать то, что должно было отпускать длинные волосы для Бога, об этом мы скажем теперь, предварительно заметив вот что: неразумнейшие исчадия эллинские, следуя противоестественным своим обычаям и проводя жизнь бессловесных животных, отпускали волосы, основываясь на том, что выращивают их для своих божеств, но по временам обстригали их, одни — для горных нимф, другие — для речных, и это дело у них было одним из видов богослужения. Мудрый же Моисей, или лучше чрез Моисея премудрый и преискусных художник — Бог тоже самое установил в законе и для израильтян, которым трудно было очиститься от египетского заблуждения, — мало-помалу, посредством древних обычаев и образа жизни, как бы посредством образов и теней, переводя их к тому, чтобы воздавать почитание уже не демонам, но всех Богу. По сей-то причине Он установил и законы о жертвах и принимал, неохотно впрочем, кровавые жертвы. И Он

ясно говорил устами Исаии: *кто бо взыска сия из рук ваших?* (Ис. 1, 12.) Итак, у эллинов был неразумнейший обычай, а закон научает лучшему, и даже то, что кажется суетным, разумно преобразует в доброе. Желаешь ли, мы скажем и о каждом в отдельности, сколько возможно?

П. Весьма желаю.

К. Разве ты не знаешь, — припомню тебе прежде сказанное, — что Слово Божие полагало голову образом ума, как жилище ума? Ибо так именно приемлет богодухновенное Писание.

П. Согласен. Но что же из того?

К. То, что волосы суть как бы плоды головы и выходят из нее наподобие посаженных в землю ростков: равным образом и мысли, и все, что происходит из ума, суть плод ума; они возвращают нам закон и как бы служат приличными ему прекрасными и цветущими волосами. Посему нам должно иметь в себе ум не обнаженный и лишенный благих мыслей, но, так сказать, обильный растительностью и возращающий для Бога, как волосы, точное ведение всего наилучшего, с помощию которого он может исследовать и самую Божественную красоту, — в чем она состоит, ясно усмотрит как бы сокрытое в глубине и приобретет весьма правильные понятия, так что будет в состоянии получить вполне безукоризненное знание о Боге и идти непогрешительною стезею, — говорю о стезе ко всему похвальному. Разве ты не скажешь, что таковый проникает как бы уже к вершине всякой похвалы?

П. И очень.

К. Что же? Разве обритие и снятие с головы обрезываемых до корня волос не наводит на мысль о бесчестии тех, с кем бы это случилось?

П. Согласен.

К. Ты знаешь, что говорит Бог матери иудеев, то есть Иерусалиму: *оброснися и остризися по чадех своих младых: разшири вдовство твое яко орел, понеже пленени быша от тебе* (Мих. 1, 16); потому что острижение волос есть дело позорное и приносящее бесчестие и более всего приличествует сетующим.

П. Ты сказал правильно.

К. Так и ум как бы обнажен и весьма обесчещен, и исполнен позора, если не имеет в себе того, чем достигается уважение. Сюда относятся, и весьма справедливо, люди малосмысле-

ные и имеющие превратное понятие о Боге, так что поклоняются камням и неразумно дерзают приносить почитание твари, вместо Создателя и Творца, мыслят и говорят нечто совсем развращенное и, отвергая истинную и непорочную веру, устремляются напротив к тому, что можно пустословить только по неразумию, потому что не имеют ума, украшенного благими помыслами.

П. Превосходно ты сказал.

К. Итак, да будет ум наполнен правыми помыслами и изобретением мыслей, направленных ко всему похвальному, будучи как бы украшен волосами: ибо таковый ум в высшей степени мудр и способен к водворению в себе просвещения, получаемого во Христе верою. Человеку, проводящему столь прекрасную и отменную жизнь и отличающемуся таким умом, Божественное откровение предписывает удаляться от всего оскверняющего, устраняться от плотских дел и как можно дальше отбрасывать все, что ведет к омертвению и тлению. На это самое, конечно, указывает нам заповедь о том, что не должно подходить к умершим и оскверняться прикосновением к мертвецу; закон совершенно воспрещает это, поставляя угодное Богу выше уважения даже и к родителям: к отцу, говорит он, и к матери *да не внидет* (Чис. 6, 7): потому что при упражнении в добродетели пусть удалена будет плотская любовь, и да будет выше и дороже родства по крови Бог. Это говорит и Сам Христос: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин. И иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин. И иже не приимет креста своего, и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37–38). А что Божие выше уважения к родителям, об этом научил нас и Сам Спаситель. Некто из вновь поступивших в число учеников Его приступил к Нему, говоря: *Господи, повели мне прежде ити, и погребсти отца моего.* Он же говорит: *гряди по Мне, и остави мертвых погребсти своя мертвецы* (Мф. 8, 21–22). Мертвыми, думаю, называет Он тех, которые хотят помышлять о мирском и не воздерживаются от дел мертвости.

П. Это так.

К. Вот образ жительства всечистого и изрядного по закону, или лучше, в духе и истине; ибо закон есть сень. Но если случится, сказано, освященному оскверниться от мертвеца, то

пусть *обриет* и лишит волос *главу свою*, потому что волосы на голове у него уже тогда некоторым образом не священны. *И в день осмый да принесет два горличища или два птенца голубина* (Чис. 6, 9–10). *Да приведет* также, сказано, *и агнца единолетна, и дние прежнии да не будут ему в число, понеже осквернися глава обета его* (ст. 12). То есть если бы случилось, что освященный пренебрег тем, что ему приличествует, и осквернился мертвенными делами, уклонившись к плотскому, то последствием этого будет лишение его украшений всечистого жительства и как бы величайшее бесчестие на главе его: ибо на таковое нечто указывает острижение волос. Как напрасно потрудившийся в прошедшее время, он будет оплакивать потерю трудов своих. Это, я думаю, и означают слова: *дние прежнии да не будут ему в число.* Нечто подобное сказано и устами Иезекииля: *правда праведника не избавит его, в оньже день* согрешит: *и беззаконие беззаконника не убиет, в оньже день обратится от беззакония своего* (Иез. 33, 12). Итак, если бы случилось освященным среди своих подвигов оскверниться, то они потеряют то, что сделано ими прежде; впрочем эта потеря не непоправима. Они очищаются во Христе, Который, подобно горлице и голубю, приносит Самого Себя за нас Богу и Отцу, как агнец закалается и оправдывает нас смертию Плоти Своей. Поэтому-то и повелено потерпевшему острижение (волос) приносить жертвы во образ Христа, Который оправдывает нечестивого, укрепляет немощное, восставляет падшее, обращает заблуждающееся и омывает оскверненное.

П. Ты сказал превосходно.

К. Я думаю, что уделив немного внимания предмету нашего исследования, мы можем усмотреть и иную глубину тонких и сокровенных мыслей; ибо не без цели побуждает нас к сему закон, говоря о растящем свои волосы для Бога: *аще же внезапу умрет у него, абие осквернится глава обета его, и обриет главу свою, в оньже день очистится, в день седмый да обриется. И в день осмый да принесет два горличища или два птенца к жерцу. И освятит,* — сказано, — *главу свою в той день* (Чис. 6, 9–11). Повелевалось приносить также и единолетного агнца.

П. Но по справедливости останется в недоумении изучающий Христианскую науку относительно того, что за смысл

этого прикровенного места и к чему оно клонится. Изъясни это, так как я желаю научиться.

К. Я скажу тебе о сем, как могу. Ты же, в свою очередь, если я уклонюсь от (надлежащего) пути, будь снисходителен; ибо это место закона очень трудно и прикровенный смысл его неясен.

П. Согласен.

К. Так как голова тела, Палладий, служит для нас образом ума (ибо так принимается в Божественном и Священном Писании): то возникающие естественно из него и в нем мысли, которыми мы руководимся в познании о всем существующем, мы уподобляем волосам на голове; ибо они вырастают у нас из головы.

П. Это я запомню.

К. Следовательно и ум наш бывает, так сказать, не острижен и украшен волосами для Бога, когда полон благих мыслей. Наоборот, он обнажен и лишен волос и недугует бесчестнейшею плешью, если не имеет правых понятий о Боге и не обогатит себя превосходнейшим познанием о всем, что должно делать.

П. Правда. Это раскрываемо было нами и недавно.

К. Итак, прежде пришествия Спасителя призван был к богопознанию чрез Моисея Израиль. Поэтому он и освящаем был. Давал он Богу некоторым образом и обет чистоты: ибо, что он будет хранителем закона, это он открыто обещал на горе Хориве, говоря так: *вся словеса, яже глагола Господь Бог, сотворим и послушаем* (Исх. 24, 3)[1]. Таким образом он имел ум, полный наставления в законе и как бы волосами, возращаемыми для Бога, украшенный славою заповеди, данной чрез Моисея. Но они (израильтяне) осквернились над мертвецом; ибо убили Еммануила. И хотя смерть Христова была истинно свята, однако на убивших Его оставалось осквернение,— виновность в убийстве Господа. Посему закон и повелевает им, как бы волос какой, остричь это наставление в законе и едва не обриться, как прообразовательно совершалось это в седьмой день (Чис. 6, 9), то есть снять с головы то, что выросло до осмого дня, в который ожил (воскрес) Хри-

---

[1] Эти слова произнесены были не при Хориве, а при Синае. Ср. Исх. 19, 1 и далее.

стос, обновляя нас в нетление и преобразуя для новой и евангельской жизни. Итак, обривши то, что выросло до осмого дня, он (Израиль) опять украшается волосами и освящает голову после осмого дня. И его ум украшается уже не образами и тенями, как прежде, но самыми догматами веры и истины. Или ты не думаешь, что оправданным в вере должно как бы снять с себя славу служения по закону и напротив возрастить и восприять в ум и сердце ведение евангельского жительства, как гораздо лучшее и превосходнейшее прежнего знания?

П. Каким образом ты утверждаешь это?

К. Разве не ясно и не открыто восклицает наученный в законе Павел, говоря об оной древней и подзаконной славе: *яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету. Но убо вменяю вся тщету быти за превосходящее разумение Иисуса Христа Господа* нашего, *Егоже ради всех отщетихся: и вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу, и обрящуся в Нем, не имый моея правды, яже в законе яже верою Иисус Христовою* (Флп. 3, 7–9).

П. Это я знаю.

К. Порицает он также и других за то, что чтили обрезание по закону после явления таинства Христова: *упразнитеся,* — говорит, — *от Христа, иже законом оправдаетеся: от благодати отпадосте, Мы же от веры упования правде ждем* (Гал. 5, 4–5). Говорит он еще и то, что древняя оная заповедь стала бесполезною и несвободна от укоризны, и что вместо нее введена другая, то есть евангельская.

П. Правда.

К. Итак, указывает не недействительность наставления в законе загадочное повеление, чтобы давший обет Израиль стригся, как подвергшийся осквернению над мертвецом, то есть как повинный в преступлении убийства Господа, и чтобы посвящал Богу как бы другие волосы после осмого дня, то есть по воскресении, — разумею тщательное и утонченное образование и научение в Евангельских заповедях. Возращающему волосы, по наступлении осмого дня, закон повелел приносить горлиц и голубей (Чис. 6, 10), как бы и этим делая указание на очищающего оскверненных, то есть Христа; потому что обоими Он указуется: горлицею, как благогласнейший, и голубем, как кротчайший, между тем как закон и косноязычен, и не имеет кротости, ибо тотчас же налагает нака-

зание на согрешающих. Вместе с птицами приносится также и агнец (Чис. 6, 12), чтобы во всем разумеваем был Христос: в птицах, как сошедший свыше и с небеси, а в агнце, как снизу и от земли; ибо *Слово*, будучи Богом по естеству, *плоть бысть* (Ин. 1, 14). Но и при этом Оно было и есть Бог; Оно избавляет нас от сени законной и влагает в сердца всех ведение заповедей Его, и соделывает истинно святыми, очищая своею *кровию*, по Писаниям (Рим. 5, 9).

П. Это так.

К. Если же, сказано хорошо исполнен будет обряд обета растящим волосы после осмого дня, тогда он совершен да будет. А каким образом это должно быть, о том Бог законополагает, говоря: *и сей закон обещавшагося, в оньже день скончает дни обета своего, да принесет сам к дверем скинии свидения: и да приведет дар свой Господу, агнца единолетна непорочна единаго во всесожжение, и агницу единолетну едину непорочну греха ради, и овна единаго непорочна во спасение, и кош опресноков от муки пшеничны, хлебы смешаны с елеем, и опресноки помазаны елеем, и жертву их, и возлияние их. И да принесет жрец пред Господа, и да сотворит еже греха ради его, и всесожжение его, и овна сотворит жертву спасения Господу на кошнице опресноков, и да сотворит жрец жертву его, и возлияние его. И да обриет обещавый пред дверьми скинии свидения главу обета своего, и да возложит власы на огнь, иже есть под жертвою спасения. И да возмет жрец рамо варено от овна, и хлеб един опресночный от кошницы, и опреснок един, и да возложит на руки обещавшемуся, по обритии главы его, и да принесет я жрец возложение пред Господа: свято да будет жерцу на грудех возложения и на раме участия: и по сих обещавыйся да пиет вино. Сей закон обещавшагося, иже аще обещает дар* свой *Господу о обете, кроме сих яже аще обрящет рука его: по силе обета его, егоже аще обещает по закону очищения* (Чис. 6, 13–21). Отложив как бы какое бремя, грубую оболочку Моисеева письмени и освободив ум, как бы от некоторых длинных и весьма густых волос, — от служения в образе и сени, обязавшийся Богу обетом чистоты, имея как бы вновь выросшие волосы, — истинно чистым творящее ведение и наставление в данных Христом заповедях, будет свят и священен, а сверх того и достоприятен. Вознесет же он себя самого в

воню благоухания Богу и посвятит Ему как бы приятную жертву, славную и безукоризненную красоту своего жительства: ибо *да приведет,* — сказано, — *дар свой, агнца единолетна во всесожжение и* еще *агницу греха ради*, а также *и овна* для жертвы *спасение, и кош опресноков*, пропитанных *елеем, и опресноки помазаны елеем.* Под агнцем справедливо разуметь можно младенчество во Христе приносящего жертву, а под овном — совершенство ума, равно как и плодоношения; ибо сказано: *братие, не дети бывайте умы: но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте* (1 Кор. 14, 20). В средине же этих жертв полагается агница *греха ради,* — в чем опять нам легко усмотреть, что и жизнь людей очень чистых, проводящих ее в простоте и незлобии, во Христе разумеваемом, и совершенным по здравости ума, не всецело непорочна, а во всяком случае нуждается в очищении. Всецелой безукоризненности не может стяжать никто, и только Еммануилу предоставлено и присвоено, как Ему принадлежащее, право сказать: *грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30). Итак, в агнце, агнице и овне всякий может усмотреть то, что я сказал: в хлебах же не заквашенных указуется бесхитростная и чистая жизнь, ибо и премудрый Павел пишет к освященным: *очистите убо ветхий квас, да будете ново смешение, якоже есте безквасни* (1 Кор. 5, 7). А в опресноках[1] указуется приятность и как бы сладость жизни святых. Таким образом мы самих себя принесем в жертву, как бы в агнице, по причине младенчества во Христе; в агнице же, — вследствие немощи естества и удобопреклонности к прегрешению — потому что женский пол есть образ немощи. В овне, далее, мы принесем себя, как совершенные, достигшие в меру возраста Христова; в бесквасных хлебах, как чистые; в опресноках же, как приятные, но только будучи помилованы Христом; ибо мы оправданы *не от дел* праведности, *ихже сотворихом мы, но по Его* великой *милости* (Тит. 3, 5). По этой-то причине весьма благоразумно был возливаем на хлебы елей. Священник же, далее является посредником и приносит прежде всего жертву за грех, потом — всесожжение, и в-третьих — овна в жертву спасения; ибо так как Христос является за нас ходатаем и приводит нас к Богу и Отцу, то мы

---

[1] Собственно. сдобных лепешках — λάγανα

будем приняты, принося моления за свои согрешения и испрашивая оставление прежних преступлений. Затем мы мысленно приносимся во всесожжение, то есть мы будет вполне и всецело святы и священны и вознесем себя Богу в воню благоухания, не разделяясь между Ним и тем, что в мире; ибо всесожигаемое все истребляемо было огнем. Вознесем также и благодарение за свое спасение и за жизнь, не тленными и земными вещами чествуя Бога, но как достоприемлемый дар принося Ему чистую и бесквасную, приятную и святую жизнь; ибо такова некоторым образом жизнь святых. По принесении же священником жертвы по закону, *да обриет*, – сказано, – *обещавый пред дверми скинии свидения главу, и да возложит власы на огнь* (Чис. 6, 18).

П. А это что значит, по твоему мнению?

К. Исполнение обета и как бы предел обещанного; ибо уже не как оскверненный над мертвецом остригал обесчещенные и оскверненные волосы, так и здесь мы должны принимать вид острижения; но уже как совершенный во Христе и возрастивший другие волосы после осмого дня, он образно посвящает Богу обещанное. Знамением же того, что дароприношение принято Богом, служит истребление волос огнем: ибо вид огня всегда приписывает естеству Божественному Священное Писание. Так и божественный Моисей сказал: *Бог наш огнь потребляяй есть* (Втор. 4, 23; ср. Евр. 12, 29), уподобляя, как я думаю, огню всемогущество Божественного и чистого естества. Обрати внимание также и на то, что при дверях скинии происходило оное совершенное острижение, то есть конец всякой нашей праведности и чистоты; ибо каким образом одна наша собственная чистота и праведность могла бы ввести нас во Святое Святых, когда совершенной неповинности и непогрешительности она не имеет? *Кто бо чист будет от скверны? никто же* (Иов 14, 4). Вводит же (туда) Христос, непамятозлобно освобождающий и избавляющий нас от всякого греха: потому что он *предтеча о нас вниде* (Евр. 6, 20), не Себе, конечно, облегчая туда доступ, но тем, которые были *вне врат* (ср. Евр. 13, 12) и как бы у самого порога святой скинии.

П. Это правда.

К. О нем говорится, что Он *обновил есть нам путь новый и живый* (Евр. 10, 19–20). По острижении пришедшего к са-

мим дверям святой скинии, а равно и по истреблении волос огнем, *да возмет,* — сказано, — *жрец рамо варено от овна, и хлеб, и опреснок, и да возложит на руки обещавшемуся,* и опять взяв, *да принесет,* — сказано, — *возложение пред Господа, и свято да будет жерцу,* как и грудина *участия* (Чис. 6, 19–20).

П. Так что же этим хочет обозначить закон?

К. В богодухновенном Писании мышца[1] всегда представляется образом крепости или дел, в крепости совершаемых, а бесквасный хлеб – образом святой и чистой жизни; опреснок же намащенный елеем и заготовленный в виде лепешки представляет в себе образ приятности и удовольствия. Лицо посредствующего жреца всякий и весьма справедливо может приложить к Еммануилу. Итак, достигший высшей святости и принесший всечистому Богу в славный дар дела крепости, очевидно духовной, под образом плеча овна, и непорочную жизнь, представляемую под образом бесквасного хлеба, а также и удовольствие и приятность жизни в освящении, под образом опресноков, как бы на собственные руки возлагая все это, возносит Богу чрез Ходатая Христа, Который как бы с рук на руки приемлет дароприношения, награждая истинного поклонника Своего высшими почестями, в особенности же этим самым[2]. Посему и сказано, что исполняющий столь святой и всечистый обет, возложив на собственные руки, передает жрецу возложение и избранную и выделенную ему часть, как например грудину овна, согласно определению законодателя. И как мышца означает, говорим, дела, произведенные крепостию, или самую крепость, так грудина овна – чувство и ум: ибо чувство мы имеем в сердце и груди, и Божественное Писание часто безразлично выражается, иногда голову представляя образом ума, а иногда грудь делая указанием на чувство. Итак, священные и избранные, как бы с рук на руки передаваемые и ради Христа благоприятные Богу и Отцу дары суть духовная крепость очищаемых, а также и чувство их. Да если сказать правду, то не иначе святые могли бы и совершать угодное Богу,

[1] Βραχίων. В Священном Писании это слово, указывает на могущество, обыкновенно переводится: мышца (рука), например: Исх. 15, 16; Ис 53, 1. Но так как βραχίων может означать и плечо, то в вышеприведенном месте Чис. 6, 19 оно переведено: *рамо.*

[2] То есть тем, что принимает от него дар с рук на руки.

как только посредством крепости духовной, а также и посредством доброго чувства.

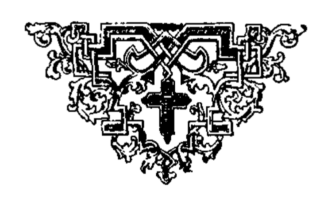
П. Ты хорошо сказал.

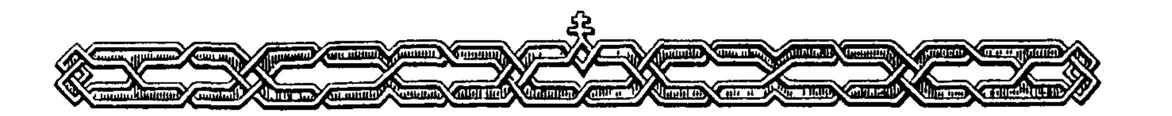
К. А вареным закон повелел брать плечо для того, чтобы от крепости святых удалить как бы все грубое и несоответствующее надлежащему: потому что посвященные Богу не должны быть резкими и иметь дух несдержанный, но должны стараться тихо, мягко и весьма ловко совершать то, что относится к добродетели. Только в том случае, а не иначе дела святых будут приятны и как бы вкусны Богу, если они не будут иметь в себе ничего грубого и несносного. Ты знаешь, конечно, что спасение живущих в чистоте Христос называет как бы собственною пищею, говоря святым ученикам: *Аз брашно имам ясти, егоже вы не весте* (Ин. 4, 32). Припомни также, что Бог, когда повелел закалать агнца во образ Христа, то присоединил к этому еще таковое постановление: *не снесте от них сурово, ниже варено в воде, но печеное огнем* (Исх. 12, 9), называя суровым (сырым), как я думаю, неприемлемое и, так сказать, не легко сваримое. Поэтому-то и сказано, что должно быть взимаемо *рамо варено* (Чис. 6, 19), чрез что означается, что не вареное неприятно, несъедобно, а потому и не приемлется.

П. Как тонко и правдиво это изъяснение!

К. Итак, должно исполнять обеты Богу, и кто что обещал, тот пусть исполнит, нимало не медля, потому что не исполнять этого скоро весьма страшно и опасно, как я думаю и как утверждает и само Священное Писание. Ибо если мы, правильно мысля, считаем весьма непристойным подвергнуться обвинению в лжеречивости, то как же не постыдно было бы исповедать что-либо и обещать пред Богом, и после того солгать в этом обещании? Посему всякого, давшего обет и замедлившего его исполнением, а также и совсем уклоняющихся от исполнения, закон обвиняет в грехе; но он освобождает от вины тех, которые совершенно ничего не имеют собственного, но как бы связаны необходимыми узами и живут под властию другого. Написано же так в книге Чисел: *и глагола Моисей князем племен сынов Израилевых, глаголя: сие слово, еже повеле Господь. Человек, иже аще обещает обет Господу, или закленется клятвою, или определит пределом о души своей, не осквернавит словесе своего: вся, елика изыдут из уст его, да*

сотворит. Аще же обещает жена обет Господу, или определит определение в дому отца своего в юности своей, и услышит отец ея обеты ея, и определения ея, яже определи на душу свою, и премолчит отец ея, и да состоятся все обеты ея, и вся определения, яже определи на душу свою, да пребудут ей. Аще возбранением возбранит отец ея, в оньже день услышит вся обеты ея, и определения, яже определи на душу свою, не состоятся: и Господь очистит ю, яко возбрани отец ея (Чис. 30, 2–6). Но если бы это была, сказано, и жена, сочетавшаяся с мужем по закону, то пусть имеет силу тот же закон (ст 7–9). Относительно вдовицы и пущеницы поставляет особые определения и весьма мудро говорит, что обещания их должны быть непременно исполнены, причем всюду подвергает вине свободных и находящихся вне уз (брачных), если не захотят исполнить обещанного, но по справедливости разрешает тех, которые не в таком состоянии находятся, бесправны и подчинены другим В таком случае на господствующих, то есть на отца и мужа, выразивших согласие и как бы одобрение на обеты тех, которые находятся под их управлением и властию, взводит обвинение в нечестии, если они не захотят исполнить обещанного А если те не соглашаются, то определяет разрешение от грехов, потому что посвящаемое Богу должно быть плодом свободного произволения, а не принуждения (ст. 10–17).





КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

О святых праздниках

Относительно чистоты дающих обет, а также и священников, удовольствуемся сказанным. Но, думаю, должно наконец присоединить рассуждение и о том, какая будет от Бога награда за труды и чем занимаясь подъявшие их приобретут высшие почести и сделаются причастниками вечного упования.

Палладий. Ты говоришь правильно.

Кирилл. Без сомнения, Палладий, тем, которые проводили славную и превосходную жизнь и достигли такой степени светлого жития, что заслуживают наилучшего мнения о них, прилично наслаждаться продолжительным благоденствием, в праздновании и духовном веселии, имея вождем торжества Еммануила и покоясь на твердом уповании.

П. Конечно, прилично, и слово твое истинно.

К. Так не хочешь ли, мы исследуем совершавшиеся во образ и по закону праздники и изъясним обряды жертв, которые были приносимы во время их, возводя, сколько возможно, к истине силу смысла, в них заключающегося?

П. Хотел бы; как не хотеть?

К. Итак, поелику ты находишь, что я мыслю верно и прекрасно, считая приличным рассудить и об этом предмете, то изволь, прежде всего другого мы исследуем то, когда и по каким случаям Священное Писание предписало нам совершать праздники, *ибо таким образом беседа наша пойдет прямым* путем к надлежащему и сверх того не худо избегнет того, чтобы казаться не искусно веденною.

П. Так приступай к тому, что тебе угодно; потому что ты принесешь этим великую пользу.

К. Однажды, когда израильтяне собраны были в пустыне при горе Хориве, Бог всяческих постановил закон, определяющий, что́ нам должно делать, даровав весьма многие и

полезные заповеди, наконец присовокупил: *трикраты в лете сотворите Ми праздник.* А какие это должны быть времена, Он изъяснил также, сказавши тотчас: *праздник опресноков сохраните творити: седмь дней ядите опресноки, якоже заповедах тебе, во время месяца новых плодов: в той бо изшел еси из Египта. Да не явишися предо Мною тощь: и праздник жатвы первородных жит сотвориши от дел твоих, яже посееши на ниве твоей, и праздник скончания при исходе лета в собрании дел твоих, яже от нив твоих. Трикраты в лете да явится всяк мужеск пол пред Господем Богом твоим* (Исх. 23, 14–17). Итак, что праздники во славу Божию должны совершать в особенности люди мужающиеся, а не падшие духом, имеющие ум слабый и склонный всегда к плотским и мирским удовольствиям, это Он показал, когда изрек: *трикраты в лете да явится всяк мужеск пол пред Господем Богом твоим:* ибо мужеский пол достоин воззрения свыше от Бог в том смысле, как уже было прежде сказано. Но с пользою Он узаконил и то, что надобно совершать святые праздники; потому что должно, поистине должно было людям, приступающим к началу правильного детоводства и уже как бы возлагающим на себя Божественное иго, весьма ясно показать конец согласного с законом жития, то есть что оно во всяком случае и непременно завершится удовольствиями и радостями, очевидно духовными. Посему-то Он, провозвестив закон, мудро отвергнув причиняющее вред, а наоборот, одобрив служащее к пользе и предложив путь угодного Ему жития, дал уразуметь и то, что труд их будет некогда иметь конец в удовольствиях. Итак, первый праздник был в новом (первом) месяце; второй и как бы соседственный с ним — праздник начатков жатвы; третий и последний при исходе лета, по собрании нами плодов, в седьмом месяце года. Разве не так сказано в Священном Писании?

П. Совершенно так.

К. Итак, необходимо показать ясно свойственное каждому времени и, сколько возможно, уразуметь, как и по каким причинам должно праздновать оное. Милосердый Бог повелел в то время сынам Израилевым выйти из земли Египетской и свергнуть с себя иго несносного рабства, и направить путь в землю обетования. Но Божественным определением воспротивился фараон; он дерзко возгласил против неизре-

ченной славы, говоря: *не вем Господа* (Исх. 5, 2) и многократно утверждал, что не отпустит сынов Израилевых (Исх. 5, 2; 7, 13–14 и 22; 8, 15 и 32 и др.). И вот он поражаем был многими и одна за другою следовавшими казнями. Но поелику он был все еще жесток и сохранял в своем сердце несокрушимое упорство против Бога, то Бог послал губителя на первенцев египетских, и Имеющий власть над всем судил им всем умереть в одну ночь. Но он заранее позаботился о том, чтобы племена Иудейские не потерпели зла, и чтобы они были как можно далее от руки и гнева истребителя. А этого не иначе можно было достигнуть кому-либо, как только чрез Христа, Который есть *живот* (Ин. 14, 6) и животворящий, как происшедший от *живота* по естеству, то есть от Отца (Ин. 5, 26). И вот закон предызображал это Христово таинство, так говоря: *рече же Господь к Моисею и Аарону в земли Египетстей глаголя: месяц сей вам начало месяцей, первый будет вам в месяцех лета. Рцы ко всему сонму сынов Израилевых, глаголя: в десятый месяца сего да возмет кийждо овча по домом отечеств, кийждо овча по дому. Аще же мало их есть в дому, яко не довольным быти на овча, да возмет с собою соседа ближняго своего по числу душ кийждо довольное себе сочтет на овча. Овча совершенно, мужеск пол, единолетно будет вам, от агнецев и от козлищ приимите. И да будет вам соблюдено даже до четвертагонадесять дне месяца сего: и заколют то все множество собора сынов Израилевых к вечеру. И приимут от крове, и помажут на обою подвою* (на обоих косяках) *и на прагах в домех, в нихже снедят тое. И снедят мяса в нощи той печена огнем, и опресноки с горьким зелием снедят. Не снесте от них сурово, ниже варено в воде, но печеное огнем: главу с ногами и со утробою. Не оставите от него до утрия, и кости не сокрушите от него; останки же от него до утра, огнем сожжете. Сице же снесте е; чресла ваша препоясана, и сапози ваши на ногах ваших, и жезлы в руках ваших: и снесте е со тщанием: Пасха есть Господня. И пройду землю Египетскую сея нощи, и убию всякаго первенца в земли Египетстей, от человека до скота, и во всех бозех египетских сотворю отмщение: Аз Господь. И будет кровь вам в знамение на домех* ваших, *в нихже вы будете тамо: и узрю кровь и покрыю вы, и не будет в вас язвы,*

еже погибнути, егда поражу землю Египетскую. И будет вам день сей в память, и празднуйте той праздник Господу во вся роды ваша: законно вечно празднуйте его. Седмь дней опресноки ядите, от перваго же дне измите квас из домов ваших: всяк, иже снесть кисло, погибнет душа та от Израиля, от дне перваго даже до дне седмаго. И первый день наречется свят, и седмый день нарочит свят да будет вам: всякаго дела работна да не сотворите в них, разве елика (снести) сотворятся всякой души, сия точию да сотворятся вам (Исх. 12, 1–16). Так хочешь ли, чтобы мы, пройдя все это слегка и кратко, сказали, что нужно? Ибо этим мы дадим мудрым *вину*[1] и приведем дело в известность для праведных, как написано (Притч. 9, 9); а они прибавят от себя и станут гораздо лучшими.

П. И весьма хочу.

К. Итак, в начале года и в первом месяце является таинство Христово; потому что для нас служит новым веком время пришествия Спасителя нашего, изменившее все к лучшему, а обветшающее и стареющееся, и близкое к исчезновению пременяющее в обновление твари; ибо что *во Христе,* то *нова тварь, и древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17). И мы не живем уже более в духе Моисеевом, но приведены к евангельской жизни, так как Христос обновляет нас Духом.

П. Ты сказал правильно.

К. Каждый берет овцу и приглашенные для вкушения от нее собираются по нескольку человек в один дом; ибо и мы, будучи как бы разделены поодиночке со стороны естественного существования, сошлись во Христе в духовное единство, так как душа в нас одна и сердце одно. В жертву же приносится или овца, или *от козлищ;* овца — по причине ее беспримерной кротости и незлобия и сверх сего — плодовитости: ибо *яко овча на заколение ведеся, и яко агнец пред стригущим его безгласен* (Ис. 53, 7*). Агнец — потому, что *за ны пожрен бысть* и предан был за грехи наши, по Писаниям (Кор. 5, 7; 1 Пет. 3, 18; 1 Ин. 2, 2). Козел же есть жертва за

---

[1] Исходную точку — ἀφορμὴν.

* [В оригинале издания 1908 г. ошибочно указано: Исх. 53, 7, то есть книга Исхода.]

грехи, по закону. Овча должно быть *совершенно* и *мужеск пол.* Совершенство означает или свободу от всякого порока, крепость и здоровье (ибо Христос беспорочен и чужд всякой страсти), или же действительное совершенство, потому что Еммануил всесовершен, имея в Себе Самом и по естеству то, чрез что Он есть Бог. Мужеский же пол означает, что Он есть вождь всех; потому что мужеский пол занимает всегда главенствующее положение, а женский повсюду стоит на втором месте. И берется овца от десятого дня месяца, а приносится в жертву к вечеру в четырнадцатый день: ибо таинство Христово не есть новопоявившееся и не тогда только в первый раз стало известно, когда иудеям казалось опьянением (Деян. 2, 13). Но знание о Христе было гораздо древнее страдания, так как о Нем предвозвещали святые люди, и вопиял закон, и так как Священное Писание предызображало нам Его таинство. Итак, мы хранили у себя тогда как бы в предведении еще не пожренного Агнца; но нам не было безызвестно, что Он заклан будет к вечеру: ибо смерть Христова совершилась в последние времена века, при самом уже как бы закате проходящего времени. Закалается же всем обществом; ибо Он умер за всех, чтобы они, приводя агнца на закалание ради своего спасения, знали, что *куплены ценою* и не суть *свои* (1 Кор. 6, 20), но что один *за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему* (2 Кор. 5, 15). Так как Он предан был за наши прегрешения, то и говорится, что Он умер ради нас. Посему и мы являемся закалающими Его; ибо те, ради которых Он неизбежно умер, очевидно суть почти совершители Его страдания, хотя бы исполнение принадлежало другим. А что кропление крови спасает помазанных, это Он тотчас показал, повелев помазать кровию входы домов, — разумею косяки и пороги дверей: ибо Христово таинство как бы заграждает и делает неприступным для смерти вход. Итак, несомненно, что и мы, помазанные честною кровию, будем победителями смерти, будем презирать тление, ни во что вменяя истребителя; потому что избавляет нас кровь жизни, то есть Кровь Христова. Говорится также, что мясо агнца должно съесть в одну ночь; ибо поистине одно есть время спасительного страдания, и однажды умерший *ктому уже не умирает*, как написано, *смерть Им ктому не обладает. Еже бо умре, греху умре единою: а еже живет, Богови живет* (Рим. 6, 9–10). Мясо съедалось печеное, с пресными хлебами и

горькими травами. При этом печение указывает как бы на совершение Еммануила чрез страдания: *подобаше бо*, сказано, воистину *подобаше начальника спасения нашего страданьми совершити* (Евр. 2, 10). А что оно снедалось с пресными хлебами и горькими травами, это таинственно знаменует, что и мы, которым для причастия предлагается Христос, должны удалиться от мысленной закваски, то есть от злобы и лукавства, а напротив, с величайшею охотою претерпевать страдания ради любви к Нему и переносить горькие труды, или во след Тому, Кто ради нас пошел на смерть; ибо к сему побуждая нас, Он говорит: *несть ученик над учителя своего, ниже раб над господина своего* (Мф. 10, 24). *Аще Мене изгнаша, и вас изженут* (Ин. 15, 20). *Аще господина дому Веельзевула нарекоша, кольми паче домашния его* (Мф. 10, 15). Кроме того закон воспрещает есть мясо сырым или сваренным в воде, хотя, я думаю, не стал бы есть его сырым, если бы закон и не запретил этого. Итак, он этим таинственно указывает то, что Христово таинство не имеет в себе ни неудобоприемлемости, зависящей от изобилия вымыслов, ни водянистости и разжиженности; тогда как знаменитые эллинские поэты и писатели, и мудрецы в деле словесности, описывая тайные празднества (оргии) в честь своих богов[1], бесстыдно лгут и предлагают умам людей сказания как бы сырые и неудобоприемлемые, содержащие в себе много водянистого. Так они рассказывают о прелюбодеяниях, о плотской любви к распутным женщинам, о деторастлениях, об отсечении детородных членов, о превращении девиц в деревья, и кроме того, другие басни постыдные и безобразные, измышленные ими[2]. А все то, что во Христе, есть истинно, удобоприемлемо и съедобно для ума, и ничего не заключает в себе рыхлого или водянистого. Оно приводит желающих понять к благопристойности, а не располагает к чувственным удовольствиям и плотоугодию, как то несомненно делает пустые и старушечьи басни эллинские. Понимаешь ли ясно то, что я говорю?

П. Совершенно ясно понимаю.

К. А что тому, кто соделался причастником Христа чрез причащение святой Его Плоти и Крови, должно иметь и ум

---

[1] Разумеются по преимуществу оргии в честь Диониса (Вакха или Бахуса), по толкованию орфиков, имевшие таинственное знаменование.

[2] См. творения Гомера, Гесиода, орфиков, особливо Овидиевы «Превращения» и др.

Его и стараться идти путем Его деяний, с ясным разумением того, что заключается в Нем, это Он показал немедленно, говоря, что должна быть снедаема голова с ногами и внутренностями: ибо не говорили ли мы, что голова есть образ ума, а ноги повсюду указывают как бы на шествие путем дел? Внутренности же приносимых в жертву животных не указывают ли на нечто внутреннее и сокровенное?

П. Казалось бы, так разуметь правильно. Впрочем объясни мне то, что значит ум Христов, что это за шествие, а также и сокровенное.

К. Ум Христос означает то, чтобы мыслить единственно только о том, что имеет в виду славу Бога и Отца, и желать исполнения того, что угодно Родителю: *яко снидох с небесе,* — говорит Христос, — *не да творю волю Мою, но волю Пославшего Мя* (Ин. 6, 38). И божественные ученики, восхотевшие мыслить и исполнять это, ясно говорили: *мы уже ум Христов имамы* (1 Кор. 2, 16). А также они учили говорить и в молитвах: *Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое: да приидет Царствие Твое: да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли* (Мф. 6, 9–10). Видишь ли, что те, которые соделались сообразными и единомысленными Христу, ясно утверждают, что имеют и ум Его? Это, думаю, значит, что снедаема была голова агнца. Шествие же Христово состоит в том, что Он мужественно и неустрашимо претерпел смерть, чтобы, как говорит Павел, *грешники спасти* (1Тим. 1, 15). Следует также и нам быть вполне готовыми к этому и за братий с готовностию жертвовать даже жизнию телесною. Так и один из святых учеников сказал: *Христу убо пострадавшу за ны плотию, и вы* за Него *в ту же мысль вооружитеся* (1 Пет. 4, 1). Павел же упрекает некоторых, говоря так: что плачете, *сокрушающе ми сердце? аз бо не точию связан быти хощу, но и умрети готов есмь за имя Господа* нашего *Иисуса* Христа (Деян. 21, 13). И Сам Христос, заповедуя следовать стопам Его, говорит: *иже не приимет креста своего* ежедневного, *и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 38). Свято и во всех других отношениях и простирается на всякую добродетель шествие Христово и путь Его. Под внутренностями же разумей сокровенное в Нем в тайне Слово. *Ибо* будучи Богом по естеству и явившись от Бога, Единороный *плоть бысть и вселися в ны* (Ин. 1, 14) и пре-

бывая *образом* и подобием Родителя, *Себе умалил* до истощания и до *зрака раба* (Флп. 2, 6–7). Итак, восприимем в свои души не одно только человеческое и совне видимое в естестве Еммануила, но и самыми внутренностями Его, то есть скровенными Его таинствами наполняя ум, мы будем иметь хорошее духовное питание. Съесть всего агнца, сказал Бог, должно в эту одну ночь, чтобы совсем ничего не было от него оставлено и сохранено до утра; и кости его сокрушать не дозволял. Первое предписание означает, что в веке грядущем некоторым иным образом освятит и благословит Христос посвящающих себя Ему чрез веру и освящение и не будет опять питать собственною Своею Плотию и животворить Своею Кровию, как ныне; но так как смерть уже упразднится и тление совсем уничтожится, то будет некоторый мысленный образ освящения. Итак, утро, думаю, может означать не другое что, как век грядущий. Второе же предписание,— разумею запрещение сокрушать кости,— приводит нас к мысли о Христе и убеждает следовать глаголам боговещателей: ибо божественный Евангелист, принимая то изречение в телесном смысле о Христе, говорит: *воини... не пребиша Ему голений, да сбудется Писание: кость не сокрушится от Него* (Ин. 19, 33 и 36; Исх. 12, 46). Ядят же агнца, препоясавши чресла, обувши ноги и имея в руках посохи, и, просто сказать, приняв вид отправляющихся в путешествие; и это весьма правильно; потому что будучи как бы вполне приготовленными к мысленному переселению, поспешая, так сказать, уйти от развлечений мира сего и охотно стремясь перейти ко всему наилучшему, мы свято и чисто причастимся Христа; при этом мы не привыкаем иметь пребывание среди вещей привременных, но мужественно переходим к твердому и постоянному и, удаляясь от плотских нечистот, приступаем к красоте духовной, памятуя слова Христа: *востаните, идем отсюду* (Ин. 14, 31). Посему-то ядущие агнца во образ Христа и облекаются видом приличным тому, кто отправляется в путь. Агнца есть должно было с поспешностью; потому что он есть Пасха Господня, то есть прехождение, или жертва за прехождение; подобно этому, когда настало время, в которое нам необходимо перейти от мирского непотребства к усердному деланию того, что угодно Богу, тогда не делать этого со всею поспешностию, а напротив как бы промедлять и уклоняться, все еще прилепляясь к преж-

нему злу, разве не было бы делом самым опасным? Так и божественный Павел говорит: *тецыте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24). Итак, нам должно идти к причащению Христа чрез веру, поправ всякую медлительность и не допуская никакой остановки, но с великою поспешностию: ибо таким образом мы перейдем от грехов к оправданию, от смерти к жизни, и сняв с себя позор рабства, обогатимся преславною благодатию сыноположения.

П. Ты сказал превосходно.

К. Когда все это будет с точностию наблюдено и, согласно определению Законодателя, приведено к концу, тогда, говорит Он, Я пройду и как бы обойду кругом всю землю Египетскую и погублю первенцев, и также произведу отмщение среди богов египетских, то есть на всякого у них высокого и превознесенного и ради славы своей едва не поставленного в числе поклоняемых наведу наказание за столь ожесточенное и неумеренное расположение его и за столь великую надменность. Сынам же Израилевым обещал оказать покровительство, если у них помазаны будут кровью пороги,— что наименовал и знамением близости их к Нему, *и узрю*,— говорит,— *кровь, и покрыю вы* (Исх. 12, 13). Когда Бог наводит свой гнев и негодование *на всякаго высокаго и величаваго*, по слову пророка (Ис. 2, 12), и осуждает на смерть распутного и преступного, и непрестанно пренебрегающего богопочтением, тогда избегают осуждения и непричастными наказанию являются одни только запечатленные славною печатию и окропленные Кровию Христа, ибо ты знаешь, что Он говорит: *аминь аминь глаголю вам: ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь, имать живот вечный, и на суд не приидет, но прейдет от смерти в живот: а иже не верует, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем* (Ин. 5, 24; 6, 54; 3, 36). Итак, освященные чрез причастие Христа, очевидно таинственное, и помазанные святою Кровию являются и причастниками вечной жизни, и Богу и Отцу друзьями и знаемыми, и победителями смерти. Весьма хорошо говорит Он, что должны стараться нескончаемо исполнять этот закон: так как мы никогда не перестанем праздновать во Христе, изгоняя закваску из собственных пределов, то есть из всякой страны; где бы мы ни имели пребывание. Ибо те, которые призваны верою к оправданию чрез Христа, духовно празднуя,

должны делать это не *в квасе злобы и лукавства*, а напротив, очищая *ветхий квас*, изменяться к лучшему и уже являться как бы *новым смешением* (1 Кор. 5, 7–8), со всем родом и домом, и теми, которые живут во всей той стране, чрез что означается некоторое великое и бесчисленное святое общество людей, принявших веру. Сказал также, что первый день седмицы должен быть назван святым, а также и седьмой — *нарочит свят.* Этим, я думаю, закон показывает, что начальное время жизни человека было свято, в праотце рода человеческого — Адаме, еще не нарушившем заповеди и не пренебрегшим Божественными повелениями. Но свято также, и гораздо более того, последнее время жизни — во Христе, Который есть второй Адам, преобразующий род наш из того состояния, которое наступило в средине, в обновление жизни Духом. Повелевает также, чтобы они непременно субботствовали в день седьмой, удаляясь от всякого дела: ибо приличествует, и весьма справедливо, вошедшим чрез веру в покой Христов удерживаться впредь от всякого плотского дела, от земных попечений и суетного круговорота, а напротив стараться исполнять одно лишь то, что ведет к жизни неповрежденной и что делает нас достопочтенными и святыми, потому что премудрый Павел так нам пишет: *вшедый в покой Его*, очевидно — Христа, *и той почи от дел своих, якоже от Своих Бог* (Евр. 4, 10).

П. Правда.

К. Так изрекло нам Божественное провещание. А божественный Моисей, изъясняя сынам Израилевым повеленное, сказал: *шедше поимите себе овча по сродством вашим, и пожрите Пасху. Возмите же кисть иссопа, и омочивше в кровь, яже близ дверей, помажите праги, и на обою подвою, от крове, яже близ дверей: вы же да не изыдите кийждо из дверей дому вашего до заутрия. И мимо пройдет Господь избити египтяны, и узрит кровь на празе, и на обою подвою: и минет Господь двери, и не попустит погубляющему внити в домы ваша убивати* (Исх. 12, 21–23). Что агнец берется по домам отечеств, или *по сродством*, это указывает, думаю, на тождество по духовному родству в вере и единомыслии: ибо мы будем праздновать не с теми, которые возымели пустые мысли, и будем иметь общение в святой и животворящей жертве не с теми, которые привыкли мыслить что-либо дру-

гое, кроме правого и истинного, но с единомысленными нам и братиями по единству духа и тождеству веры. С кровию агнца предусмотрительно соединяется иссоп. Какой может быть смысл и этого обстоятельства, о том я скажу кратко. Иссоп, Палладий, говорят, есть трава, которую врачи высоко ценят потому, что она, в силу присущей ей естественной теплоты, имеет достаточную способность сильно истреблять нечистоту, находящуюся во внутренностях, и очень разжижать сгущение мокрот. Итак, с иссопом, как я недавно сказал, соединяется кровь: этот образ косвенно показывает нам, что честная Кровь Христова избавляет нас не только от погибели, но и от всякой нечистоты, сокрытой внутри нас, и не допускает нас охлаждаться до равнодушия, но наоборот делает нас горящими духом. А что необходимо и полезно, чтобы однажды удостоившиеся причаститься Христа старались твердо и неуклонно держаться святой жизни, на это опять указывает закон, когда снедавшим агнца повелевает сидеть внутри дверей, чтобы, вышедши из домов, не погибнуть вместе с египтянами: ибо нельзя сомневаться, что всякий, кто бы ни принадлежал к числу священных, имея добродетель как бы некоторым домом, если каким-либо образом выйдет из состояния освящения, — погибнет вместе с другими и вместе с ними будет подлежать наказаниям, которые наведены будут на людей, страдающих распутною и неисцелимо дурною жизнию. Поэтому и божественный Псалмопевец говорит: *да не погубиши с нечестивыми душу мою, и с мужи кровей живот мой, ихже в руку беззакония* (Пс. 25, 9–10). Обрати внимание еще на то, что закон говорит: *да не изыдите из дверей дому вашего до заутрия*: ибо ночи Священное Писание уподобляет настоящий век; днем же, наоборот, будет ожидаемый век будущий. Так и блаженный Павел, взирая на век настоящий как достигающий уже конца, а на век будущий как приближающийся и едва не находящийся уже при дверях, провозглашал, говоря: *нощь убо прейде, а день приближися. Отложим убо дела темная, и облечемся во оружие света. Яко во дни, благообразно да ходим* (Рим. 13, 12–13). Итак, выражение: *да заутрия* может означать: до конца всей жизни, то есть доколе появится будущее время. Каким же образом это может случиться с нами? При конце жизни каждого едва не наступает и век будущий, если истинно то, что подвергшийся смерти ос-

вободился от греха (Рим. 6, 7), *затвори бо Бог* для него, согласно написанному (Рим. 11, 32), и он соблюдается для судилища Христова, так что каким он окажется застигнутый собственною кончиною, таким предстанет и на суд.

П. Понимаю, что говоришь, и твое объяснение очень хорошо.

К. Так сеннописуемо было древним таинство Христово в то время, когда приносим был в жертву агнец, по образу которого и Сам Еммануил истинно претерпел заклание ради жизни всех. Так и божественный Павел пишет, что *Пасха наша за ны пожрен бысть Христос* (1 Кор. 5, 7). Но Божественное откровение указывает нам, что должно и во второй месяц совершать эту жертву и исполнять обряд праздника, если какое-либо из необходимых препятствий случайно помешает и отвлечет от возможности исполнить Божественное постановление в первый месяц. Хочешь ли, мы предложим слова этого самого Божественного откровения и скажем, что следует, по поводу его.

П. Конечно, хочу.

К. В книге Чисел написано: *и рече Господь к Моисею* на горе *Синайстей во второе лето изшедшим им из земли Египетския, в первый месяц, глаголя: рцы, да сотворят сынове израильстии Пасху во время ея, в четвертыйнадесять день месяца перваго к вечеру, и сотворити ю во время ея: по закону ея и по уставу ея сотвориши ю. И рече Моисей сыном Израильтеским сотворити Пасху, начинающуся первому месяцу в четвертыйнадесять день в пустыни Синайстей. Якоже повеле Господь Моисею, тако сотвориша сынове Израилевы. И приидоша мужие, иже бяху нечисти о души человечи, и не можаху сотворити Пасхи в той день: и приидоша пред Моисеа и Аарона в той день. И рекоша мужие онии к нему: мы нечисти есмы о души человечи: еда убо лишимся принести дар Господу во время свое посред сынов Израилевых? И рече Моисей к ним: станите ту, да услышу, что повелит Господь о вас. И рече Господь к Моисею, глаголя: рцы сыном Израилевым, глаголя: человек, иже аще будет нечист о души человечи, или на пути далече, в вас, или в родех ваших, и да сотворит Пасху Господу в месяц вторый, в четвертыйнадесять день (месяца) в вечеру да сотворят ю, со опресноки и горьким зелием* ночью *да*

снедят ю. Да не оставят от нея наутрие, и кости да не сокрушат от нея. По всему закону Пасхи да сотворят ю. И человек, иже аще чист будет, и на пути далече несть, и оставит сотворити Пасху, потребится душа та от людей своих: яко дара Господеви не принесе во время свое, грех свой примет человек той. Аще же приидет к вам пришлец в землю вашу, и сотворит Пасху Господу, по закону Пасхи, и по чину ея, тако сотворит ю: закон един да будет вам, и пришелцу и туземцу (Чис. 9, 1–14).

П. Я желал бы, будь уверен, ясно знать, кто суть нечистые *о души человечи*, для которых это служит причиною невозможности совершать Пасху?

К. Весьма широк смысл этого повествования. Я напомню, что Бог ясно изрек некогда священнотаиннику Моисею: скажи *сыном Израилевым и да изгонят из полка всякаго прокаженнаго, и всякаго проливающаго семя, и всякаго нечистаго душею* (Чис. 5, 2). Но о сем мы уже раньше достаточно рассуждали. Впрочем, и на настоящий раз скажу, что считаю полезным. Нечистым *о души человечи* Священное Писание называет осквернившегося над мертвецем; потому что запрещено было даже прикасаться к бездушному телу и на оплакивающих кого-либо из ближних и кровных родных древний закон возлагал вину в нечистоте. Поэтому они и изгоняемы были из стана. Этим опять закон предызображал, что осквернен будет и исполнен духовной нечистоты тот, кто примет участие в мертвости другого, относящейся к нравам и образу жизни: ибо мертвы по образу жизни те, о которых сказано Христом: *остави мертвых погребсти своя мертвецы* (Мф. 8, 22). Итак, находится вне Божественного двора и изгнан из *церкви первородных* (Евр. 12, 23) и общества святых тот, кто вошел в общение с привыкшими мыслить и делать дела мертвые, или кто сделался близок к ним в том отношении, что захотел мыслить и делать одинаковое с ними. Таков прикровенный смысл этого закона. Если же мы будем искать разумения истинного и наиболее всего приличного нам, людям духовным, то нечистыми *о души человечи* и по этой причине во второй месяц совершающими праздник и закалающими жертву во образ Христа по закону Пасхи, мы должны считать не иного кого, как иудеев, оскверненных убиением Христа и подлежащих обвинению в нечистоте по причине дерзости против

Еммануила. Они неизбежно лишились участия в святом нашем празднике. Они опоздали и ошиблись относительно времени, в которое страдальчески окончил жизнь Свою Началовождь жизни всех. Но по милости хотящего *всем спастися* (1 Тим. 2, 4), и они соделаются причастны Христа в последующие за сим времена, как бы во втором месяце, и будут праздновать вместе со святыми, призванными в надлежащее время, то есть со святыми из язычников: ибо обрати внимание на то, что омывшиеся тотчас же в Египте от нечистоты идолослужения закалают агнца в первый месяц и первыми приходят к вере, будучи же помазаны Кровию Господа ни во что сочтут истребителя и будут победителями тления; а те приходят едва лишь во втором году и месяце и признаются в своем осквернении; утверждают ясно и то, что соделались нечисты *о души человечи*, и просят о получении благословения, но совершают праздник позже и после первых: ибо когда *исполнение языков внидет*, сказано, тогда *весь Израиль спасется* (Рим. 11, 25–26). Предвозвестил о них также и пророк: *и по сем обратятся сынове Израилевы, и взыщут Господа Бога своего, и Давида царя своего, и почудятся о Господе, и о благостях Его в последняя дни* (Ос. 3, 5): ибо в последние времена взыщется *останками* Израиля (Рим. 11, 5) происшедший от семени Давидова по плоти Христос.

П. Истинно слово твое, потому что Израиль оставлен в надежде.

К. А что не совершать праздников о Христе есть дело не только не безвинное, но и, напротив, самое опасное из всех, это закон тотчас разъяснил, говоря, что человек, не соделавшийся нечистым *о души человечи*, не находившийся в продолжительном путешествии и не имевший непреодолимого препятствия подвергнется крайним наказаниям, если не захочет исполнять предписанного законом. Под нечистым *о души человечи* мы можем разуметь, как я недавно сказал, убийцу Господа – народ Иудейский; под находящимся же как бы в продолжительном путешествии и вне Иерусалима, то есть святой Церкви нашего Спасителя – того, кто говорит *древу*: Бог *мой еси ты: и камени: ты мя родил еси* (Иер. 2, 27), и поклоняется твари вместо Творца (Рим. 1, 25), или другим каким-либо заблуждением недугует, если истинно то, чтобы считать близким к Богу человека доброго и имеющего нелож-

ное понятие о Нем, и наоборот — отступившим от Него и удаляющимся и далече от Него сущим — того, кто не таков. Итак, не будучи нечистыми *о души человечи*, как иудеи, и не находясь в продолжительном путешествии, как эллины или еретики, с поспешностию и без замедления будем приносить жертву и воздадим честь праздникам Господним. Праздновать будет с нами по одинаковому закону и будет сорадоваться радующимся также пришлец: ибо тех, которые во времена веры во Христа принимают эту достохвальную веру, мы делаем общниками бескровной жертвы и призываем к причастию святой трапезы. К этому, я думаю, необходимо присоединить и то, что в церквах утвердился обычай, исходящий, полагаю, от того же закона, именно, чтобы, если четырнадцатый день луны случится не в первый месяц, то употреблять второй, ближайший месяц и в нем искать определенного дня, чтобы время праздника не удалялось от надлежащего[1]. Так ведется дело, сообразно с тем, как возвещено было древним законом.

П. Правильно сказал ты. Однако объясни мне то, всякому ли, даже и находящемуся в продолжительном путешествии и весьма далеко от Иерусалима, дозволял закон неповинно совершать Пасху.

К. Вовсе нет; ибо он велел приносить жертву в одном только святом граде, в котором и Соломон построил древний храм[2]. Так именно взывал Моисей во Второзаконии к сынам Израилевым, говоря; *храни месяц новых (плодов), и да сотвориши Пасху Господеви Богу твоему, яко в месяц новых изшел еси из Египта нощию. И да пожреши Пасху Господеви Богу твоему, овцы и говяда на месте, еже изберет Господь Бог твой призывати имя Его тамо. Да не снеси в ню квасного: седмь дней да яси в ню опресноки, хлеб озлобления, яко со тщанием изыдосте из Египта, да поминаете день исхода вашего из земли Египетския, вся дни жития вашего. Да не явится тебе квасно во всех пределех твоих седмь дней и да не преноществует от мяс, яже* пожрете *в*

---

[1] Св. Кирилл говорит о времени празднования Пасхи. Пасху положено было праздновать в первый воскресный день после первого весеннего полнолуния; и если это полнолуние приходилось в апреле, то и Пасху праздновали в апреле.

[2] Древним он называется по сравнению с построенным по возвращении из плена Вавилонского храмом

вечер в первый день, доутрия. Не возможеши жрети Пасхи ни в едином от градов твоих, яже Господь Бог твой дает тебе: но токмо на месте, еже изберет Господь Бог твой, призывати имя Его ту, тамо пожреши Пасху в вечер при захождении солнца, во время, в неже изшел еси из Египта. *И свариши, и испечеши, и снеси на месте, идеже изберет Господь Бог твой* (16, 1–7). Великим множеством городов и селений наполнена была страна Иудейская, но совершать жертвы и исполнять закон, касающийся Пасхи, Бог повелел в одном только святом граде. Этим буква закона, я думаю, весьма хорошо сеннописует нам то, что таинство Христово пристойно и позволительно совершать не каким бы кто ни захотел образом и не во всяком месте: потому что одно только есть место, ему приличествующее и поистине самое свойственное, это — святый град, то есть Церковь, в которой и существует законный священник, и освященными руками совершается жертвоприношение и *фимиам приносится* Вседержителю Богу, *и жертва чиста*, по слову пророка (Мал. 1, 11). Таким образом, ни во что ставят закон о сем еретики, извращающие все правое; потому что приносят в жертву агнца не во святом граде и не рукою избранных чрез Духа на священнодействие, но, как пишет нам божественный Павел, сами восхищая себе эту *честь* (Евр. 5, 4) и во всяком месте принося жертву. Подобно необузданным и буйным волам, они без разбора стремятся только к тому, что им нравится. Но они, сильно увлекаясь своею необузданностью и склонностью к безумию, получат от Судии за такие помыслы жестокие наказания. Мы же пойдем испытанным и непревратным путем, исследуя то постановление приведенного нами закона, которое ты уже слышал ясно выраженным в словах: храните *мясяц новых, и да сотвориши Пасху Господеви Богу твоему, овци и говяда.* Но кто-либо скажет: постановивший закон о Пасхе для бывших в Египте повелел приносить в жертву одного только агнца, упоминания же об овцах и тельцах мы не найдем. Так неужели погрешил Моисей против того, что следовало? — Никак нет; потому что в книге Чисел Бог законоположил присоединять к агнцу также волов и овец, так говоря: *и в месяце первом, в четвертыйнадесять день месяца, Пасху Господу и в пятыйнадесять день месяца сего праздник: седмь дней опресноки да ясте. И день первый нарочит свят да*

будет вам: всякаго дела служебна да не сотворите. И принесете всесожжения принос Господу, телца от волов два, овна единого, агнцев единолетных седмь: непорочны будут вам. И жертва их мука пшенична вмешана в елей: три десятины телцу единому, и две десятины овну единому да сотворите: по десятине сотвориши агнцу единому, седми агнцем. И козла единого от коз греха ради, во еже умолити о вас. Кроме всесожжения всегдашняго утренняго, еже есть всесожжение всегдашнее. Сие и *посему сотворите на (всяк) день, в седмь дней, дар, принос в воню благовония Господу: на всесожжение всегдашнее сотвориши возлияние его. И день седмый нарочит свят да будет вам, всякаго дела служебнаго да не сотворите в онь* (28, 16–25). Что Пасху необходимо было по закону совершать в первом месяце и притом в четырнадцатый день, — об этом мы уже раньше говорили. Что может означать также вкушение опресноков и покой от дел в субботу, а кроме того еще наименование первого и седьмого дней нарочитыми святыми, это ясно было раскрыто предшествующим рассуждением. Посему, не останавливаясь более на сем, обратимся опять к обрядам жертв. Приносятся два тельца во всесожжение и жертву, один овен, а равно и агнцы, числом семь, все непорочные и однолетние, а жертва при них — мука пшеничная, напоенная елеем, впрочем не в одинаковой мере: три десятины[1] на каждого тельца, две — на овна, и по одной на каждого из агнцев. Потом вместе с этим приносится также козел от коз, в жертву за грех. И все это, сказано, *кроме всесожжения всегдашняго.* Итак, смотри, Палладий, как много плодов приносит смерть Еммануила, о чем ясно и истинно было сказано Им Самим: *аминь аминь глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит* (Ин. 12, 24): ибо закалается агнец во образ Христа в первом месяце по закону, а в день — четырнадцатый; к сему присоединяются тельцы, овен и агнцы для жертвы и всесожжений, что все, как я думаю, образно оказывает на множество призванных к освящению чрез веру и на меру их духовного благосостояния; потому что если бы не умер за нас Христос, то мы

[1] То есть три десятых части меры ефы.

не были бы приняты Богом и Отцем во воню благовония. Поелику же Он потреблен был путем страданий, то мы следуем стопам Его, принося себя самих в священнолепное возношение Богу и Отцу и в жертву поистине духовную. Тельца было два: потому что — два народа: разумею Израиля и обращенных из язычников. Но один овен; потому что мы объединяемся во Христе, сотворившем *обоя едино, и средостение ограды* разорившем, и *закон заповедей ученми* упразднившем, *да оба созиждет Собою во единаго новаго человека творя мир*, как написано (Еф. 2, 14–15). Агнцев же было семь; потому что все мы, соделавшись едино во Христе, составляем некоторое великое стадо, и подчиняясь руководству единого над всеми Архипастыря, из двух стад собранные в одно и отличаясь чистою и непорочною жизнию, проводим таковую жизнь в мире ради вмененного за нас *со беззаконными* и потерпевшего за грех всех заклание (Ис. 53, 12), Который и под образом козла знаменуется. А упомянув о тельце, овне и агнце, закон указал на троякий вид боголюбезного жительства святых, разумею высший, средний и еще меньший и низший: ибо в телесной величине животных изображалось количество духовного благосостояния; потому что разве не сказало и слово Божие, что плодоноснейшая земля дает троякого рода плоды евангельского жития? (Мф. 13, 23; Мк. 4, 20; Лк. 8, 8.)

П. Правда; ибо сказано, что одна сотворила *сто*, иная *шестьдесят*, а иная *тридесять.*

К. Итак, решено, что различие в добродетели и разнообразие в жизни прекрасно сеннописуется как бы в величине жертв и телесном объеме их. Так, высший и превосходнейший род жизни — в тельце, средний и стоящий ниже совершенного — в меньшем по объему — овне; самый же низший — в меньшем и сего — агнце, так как агнец менее овна, равно как, без сомнения, и овен — тельца. Поэтому соответственно величине каждого приносится также и мера пшеничной муки, служащей изображением жизни, ибо три десятины полагается на тельца, две — на овна и одна — на агнца. Притом, все это должно быть орошено елеем, сказано; так как, конечно, соответственно мере каждого последует и награда от Бога, и будет великое различие жизни в царстве славы и блаженства: одним по спра-

ведливости приличествует высшая жизнь, другим как бы ниже той, однако также не лишенная чести и славы, а некоторым и еще низшая и уступающая этой: *звезда бо от звезды разнствует во славе* (1 Кор. 15, 41). И у самих, думаю, святых Ангелов есть великое различие в мере славы. Впрочем, какова бы ни была эта мера, жизнь святых радостна и необходимо должна сопровождаться веселием и утучняться дарами Божиими: ибо заметь, что елей возливается не на три только десятины, но и на две и одну. Всегдашнею жертвою и всесожжением закон называет агнца, закалаемого при святой скинии утром и при наступлении вечера. Чрез это можно познать слова, что велико благовоние святой скинии и поистине непрерывно благоухание церквей и святых людей в них. Они благоухают Еммануилом и совершают таинство Христово, принося бескровное служение Богу: ибо это, думаю, означает — приносить во всесожжение агнцев утром и к вечеру, потому что агнец для всесожжения берется в начале и конце, и в средине дня. Итак, от начала до конца разливается благоухание в церквах, как бы в агнце, во Христе.

П. Ты хорошо сказал.

К. Кроме того, другой праздник присовокупляет закон к первому и едва не связывает между собою самые времена их, говоря в книге Чисел: *и день новых (плодов), егда принесете Господеви жертву нову седмиц, нарочит свят да будет вам: всякаго дела служебна да не сотворите. И да принесете всесожжения в воню благовония Господу, телца от волов два, овна единаго, агнцев единолетных седмь непорочных. Жертва их мука пшенична, вмешана в елеи: три десятины телцу единому, и две десятины овну единому, по десятине агнцу единому, седми агнцем. И козла единаго от коз греха ради, во еже умолити о вас. Кроме всесожжения всегдашняго, и жертву их сотворите Мне: непорочни да будут вам, и возлияния их* (28, 26–31). В первый месяц, по законам еврейским, закалался агнец, в ближайший же и следующий за ним было в обычае собирать плоды с полей, разумею ранние из шелушных плодов и снопы колосьев по сжатии хлеба. Итак, время новых (плодов) есть то, в которое должно быть собираемо с полей посеянное на них. Этот праздник, сказано, есть нарочитый и должен быть совершаем за-

конно, с устранением труда и утомления: ибо во время праздников обычно оставаться свободным от труда и всячески удаляться от занятий, более обременительных. И из сего опять всякий может познать, что совершающим святой праздник Богу менее всего приличествует делать бесславный и весьма тягостный грех; а напротив, отпуская на свободу и насыщая ум,— услаждаться занятиями добродетельными. Приносятся во всесожжение и жертву два телца, один овен и семь агнцев, мука, смоченная елеем, и козел от коз. Что имеет в виду это таинственное постановление закона, о том сказано недавно, мы не будем повторять того же самого. Впрочем, мы необходимо должны сказать о том, что время новых (плодов) прообразует таинство Воскресения Спасителя нашего: ибо естество человеческое процвело в первый раз только во Христе, избавившись от тления и уже отбросивши ветхость греха. Посему-то оно весьма похвалялось этим, говоря: *да возрадуется душа моя о Господе: облече бо мя в ризу спасения и одеждею веселия* (Ис. 61, 10). Ризою спасения и одеждою веселия здесь названо нетление, даруемое свыше и с неба и всецело — во Христе. Но еще яснее Бог постановил закон о сем торжестве и многими словами объяснял таинственный образ, говоря в книге Левит: *глаголи сыном Израилевым, и речеши к ним: егда внидете в землю, юже Аз даю вам, и пожнете жатву ея, и принесете снопы начаток жатвы вашея к жерцу: и вознесет сноп пред Господа приятен вам: на утрие перваго дне да вознесет его жрец. И сотворите в день в оньже аще принесете сноп, овча непорочна единолетно во всесожжение Господу: и жертву его две десятины муки пшеничны спряжены в елеи: жертва Господу, во воню благовония Господу, и возлияние его вина четвертую часть ина. И хлеба, и пряженых класов новых да не снесте, даже до того дне самаго, дондеже принесете вы дары Богу вашему: законно вечно в роды ваша во всем населении вашем. И сочтите себе от наутрия суббот, от дне в оньже аще принесе снопы возложения, седмь седмиц целых, даже до наутрия последния седмицы да сочтете пятьдесят дней* (23, 10–16). Воистину спасительным праздником служит смерть Еммануила за нас претерпенная: ибо Он уплатил за нас долги наши, и истинно то, что Он Сам подъемлет грехи

наша *и о нас болезнует*, и *язвою Его мы исцелехом* (Ис. 53, 4–5). Он пригвоздил к кресту Своему *еже на нас рукописание* (Кол. 2, 14) и в нем восторжествовал над имеющими издревле державу на земле,— говорю о началах, властях и духах лукавства, преимущественно же пред прочими — о сатане. Прямо затем следующий праздник, не меньший первого, есть Воскресение из мертвых, которое уничтожает тление, пресекает грех и, по упразднении смерти, переносит нас в новую жизнь, проводимую в освящении и нетлении: ибо мы совлеклись ветхого человека и переоблеклись в нового, то есть Христа, или, что тоже, в житие и жизнь во Христе. Итак, посмотри же, посмотри на начаток обновляемого человечества, то есть на Христа, как бы в образе снопа, как первое приношение с поля и как начаток от плодов, приносимого Богу и Отцу в священное возношение: потому что разве мы не процвели в этом мире, наподобие колосьев?

П. Правда. Поэтому о нас Сам Христос говорил святым Своим ученикам: *не вы ли глаголете, яко еще четыре месяцы суть, и жатва приидет? се, глаголю вам, возведите очи ваши, и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже. И жняй мзду приемлет* и собирающий (Ин. 4, 35–36). Здесь Он уподобляет нас колосьям и пшенице.

К. Итак, под начатком колосьев и под новым плодом в виде снопа разумеется Христос, первенец из мертвых, путь нашего Воскресения, все пременяющий к обновлению и избавляющий от ветхости: ибо *древняя мимоидоша*,— сказано,— *се быша вся нова*, и *аще кто во Христе, нова тварь*, по Писаниям (2 Кор. 5, 17). Возносился же сноп пред Господа, ибо восставший из мертвых Еммануил, новый плод человеческой природы и как бы плод в нетлении, восшел на небо, *ныне да явится лицу* Бога и Отца *о нас* (Евр. 9, 24); и совсем не для того, чтобы привести Себя Самого пред Его лице (потому что Он вечно с Ним существует и не может отлучаться от Отца, как Бог), но скорее для того, чтобы в Себе Самом пред лице Его привести нас, находившихся в удалении от лица Его и под гневом, по причине преступления Адамова и царствовавшего над нами греха. Итак, во Христе мы приобретаем и возможность являться пред лице Бога; так как Он удостоивает нас уже назирания Своего как освященных. Смотри же, как

закон предызображал нам и приличествующее Воскресению время, то есть третий день; ибо *наутрие перваго дне,* — говорит он, — *да вознесет жрец сноп пред Господа*; а третий день, начиная от первого, конечно и есть не завтра, а послезавтра[1]; Христос же воскрес в третий день.

П. Правда.

К. Вместе с снопом приносится также и *овча непорочно* и к нему — две десятины муки пшеничной, смешанной опять с елеем; ибо Тот же, Который живописуется в образе снопа и начатка плодов, приемлется и как начаток от стада, и притом живущего как бы в тучности благодати и в радости духовной. Поэтому-то вместе с овцею, говорит, должно приносить и муку пшеничную, елей и вино. Пшеничная мука может быть знамением жизни, как мы весьма часто говорили, елей — тучности, а вино — радости. Приносится же и как бы в хлебе опять и в сушеных зернах[1]; зернами называет шелушные плоды потому, думаю, что они, будучи растираемы мельничными жерновами, рассыпаются вокруг них[2]. И под этим должно нам разуметь также Христа, *ново смешение*, по образу Которого и мы преобразуемся и имеем повеление совершать праздники, очистив *ветхий квас, да* и мы будем *ново смешение*, по подобию обновившего нам всякий путь к обновлению жития, то есть Христа (1 Кор. 5, 7–8).

П. Хорошо говоришь.

К. К тому закон присоединяет еще повеление, что должно воздерживаться от новых плодов и не делать из них ничего съестного, дожидаясь принесения в жертву снопа. *Новых да не снесте*, — говорит закон, — *даже до дне самаго, дондеже принесте вы дары Богу вашему* (Лев. 23, 14): ибо время, приличествующее тому, чтобы причаститься новой и чистой жизни, может быть, и по всей справедливости, только одно, в которое воссиял Еммануил. До Него совершенно никто не был в состоянии преобразовать нас к новой жизни, но Он есть как бы начаток и первый из всех созданных в нетление, поскольку явился как человек и во плоти среди нас, по причине

---

[2] Так правильнее перевести вместо *пряженых класов.* — Лев. 23, 14.

[3] Здесь св. Кирилл производит греческое слово χίδρα зерна от περιχεῖσθαι – разливаться или рассыпаться около чего-нибудь.

подобия нам. Тотчас же вслед затем закон ввел для нас и ясное предызображение святой Пятидесятницы, говоря, что должно отсчитать семь седмиц после принесения снопа (ст. 15); ибо после дня Воскресения Спасителя, мы, верующие, отсчитав семь седмиц, совершаем этот праздник.

П. Как ясна речь твоя!

К. А что время Воскресения Спасителя нашего приводит освященных Духом и оправданных верою к тому, что они могут приносить плод новой и безукоризненной жизни, — это закон ясно показал, так говоря прямо после того: *и да принесете жертву нову Господу. От вселения вашего да принесете хлебы возложение, два хлеба: от двух десятиц муки пшеничны да будет* каждый хлеб, *квашены да испекутся от первых плодов Господу: и да принесете со хлебами седмь агнцев непорочных единолетных, и телца единаго от стад, и овна два непорочна, и будут во всесожжение Господу, и жертвы их, и возлияния их; жертва воня благо вония Господу: и* пусть *сотворят козла от коз единаго о гресе, и два агнца единолетна в жертву спасения с хлебами первых жит. И да возложит я жрец с хлебами первых жит, возложение пред Господем с обема агнцы: свята да будут Господу. Жерцу, иже приносит я, тому да будут. И прозовете сей день нарочит, свят будет вам: всякаго дела работня не сотворите в онь: законно вечно в роды ваша во всем населении вашем* (Лев. 23, 16–21). Начаток и как бы первый плод воссоздаваемый к обновлению твари есть Еммануил; и между нами также Он мыслится как первый хлеб и новое смешение; по подобию Его и мы, как бы вступив на тот же путь, названы в некотором смысле новым смешением. Ясным образом этого является приносимый хлеб из новых плодов; но закон определяет приносить не один хлеб, а два: потому что два народа, хотя они и являются приведенными к единству чрез Ходатая Христа. Но только *квашены да испекутся*, сказано. Что значит это таинственное изречение, о том мы теперь скажем, обозрев по возможности хорошо глубину закона. Следует ли в этих словах разуметь ту закваску, которая состоит в порочности и неправде? Не безумие ли это? ибо каким образом мы тогда могли бы считать свободными от злобы тех, которые приведены к обновлению евангельского

жития? Или каким образом это может относиться к обновлению? Также каким образом мог бы кто-либо называться новым смешением, если в нем еще пребывает остаток оной закваски, и если он еще не совсем непричастен нечестивой и гнусной порочности? Итак, сообразно приличествующему умозрениям смыслу, здесь должно разуметь иной вид закваски, которая не подлежит порицанию, а напротив в богодуховенном Писании считается достойною удивления. Так закваске Спаситель уподобляет славную и полезную силу Божественного евангельского наставления, говоря: *подобно есть Царствие Небесное квасу, его же вземши жена скры в сатех трех муки, дондеже вскисоша вся* (Мф. 13, 33): ибо, входя в ум и сердце, животворное действие евангельского наставления преобразует душу, тело и дух как бы в свое собственное качество. Итак, вот какою закваскою заквашенными нужно предполагать народы, принесенные как бы в виде хлебов. И каждый из них *от двух десятин*, каковый образ таинственно указывает нам на двойной вид наставления.

П. Что такое говоришь ты?

К. Разве ты, Палладий, не признаешь, что чрез двойное наставление — законное и евангельское — мы будем священными и благоприятными Богу и таким образом идем к новой и избранной жизни?

П. Признаю.

К. Это разъяснял нам и Сам Спаситель, говоря: *сего ради* Я говорил вам, *что всяк книжник, научився* в Царствии Небесном, *подобен есть человеку* богатому, *иже износит от сокровища своего новая, и ветхая* (Мф. 13, 52): ибо имеющие ум, сведущий в том, что провозвещено было чрез Моисея, и исполненный оных древних и как бы в образах изложенных заповедей, а затем сверх того обогатившие его знанием новым, евангельским, полагаю, двойным украшены, посему, наставлением.

П. Правильно ты сказал.

К. Но не в одних только хлебах нам изображено общество людей, приготовленных к обновлению жизни. Закон присовокупляет к сему постановление и о том, что должно приносить в жертву семь агнцев с одним тельцом и двумя овнами, затем следует, разумеется, возлияние на жертвы, то есть возливается

вино, в количестве четвертой части ина, что на греческом языке может быть обозначено шестью ксестами[1]. Итак, семь агнцев опять будут служить образом стада верующих, младенчествующего во Христе,— так как агнец есть символ младенчества,— впрочем, в отношении к крепости и мужеству духовному достигающего совершенства и меры *возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

П. Каким образом?

К. Упомянув агнцев, а затем в средине поставив тельца, закон присоединяет овнов. Агнцы служат образом стада, телец — крепости и мужества,— так как это животное сильное; наконец образом совершенного возраста служат овны. Итак, верующие, мужаясь против всего земного, восходят к совершенству, во Христе разумеваемому: ибо совершенны возрастом овны, весьма хорошо обозначая собою меру мысленного совершенства. Но овнов — два, потому что двойное в нас совершенство в Христе, в деле и познании умопредставляемое: ибо *иже сотворит и научит*,— сказано,— *сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19). Далее, на жертвы опять возливается вино; потому что, без сомнения, будут радоваться те, которые постарались достигнуть совершенства, во Христе умопредставляемого: ибо *вино*,— сказано,— *веселит сердце человека* (Пс. 103, 15). Закалаем был также козел в жертву за грех; а к нему присоединяются еще два агнца с хлебами в жертву спасения. Что же опять это значит? То, что умер за грехи наши Еммануил, как бы представляемый в образе козла, священною и благоприятною делая жизнь нашу, в обновлении проводимую, и нашу перемену в новое смешение, и простирающееся на душу и тело принесение и посвящение Богу, которое мы делаем, как бы умирая вместе с Бывшим ради нас между мертвыми, дабы и ожить с Ним. Нечто таковое пишет нам в Послании и предмудрый Павел, говоря: *или не разумеете, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть; да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во*

---

[1] Ксест был мерою для жидкостей, и собственно александрийский ксест содержал в себе два фунта масла. См.: Творения святого Епифания. Ч. VI. С. 261. Здесь же можно видеть и соотношение ксеста к ину.

обновлении жизни ходити начнем (Рим. 6, 3–4). Итак, Он был заклан за грехи наши, спогребены же и мы Ему, претерпевая смерть не телесную, но умерщвляя *уды, яже на земли* (Кол. 3, 5), и уже не для мира живя, а для Христа, а чрез Него – и для Отца. Усматривай также, что вместе с закалаемым козлом умирают и агнцы, и воскуряются хлебы: потому что приятно наше посвящение и в воню благоухания приемлется новая евангельская жизнь, которая как бы сообразуется с страданиями Христа и направлена к подражанию Ему: ибо если *с Ним страждем, с Ним и воцаримся: аще с Ним* умираем, *то с Ним и оживем*: если мы бываем общниками страданий, то будем причастниками и славы (Рим. 8, 17; 2 Тим. 2. 11–12; Рим. 6, 8). И таковая жертва пусть будет названа жертвою спасения, говорит закон, и весьма справедливо, ибо Христос спасает тех, за кого Он претерпел заклание, так как избавляет от греха и делает победителями смерти и тления спогребшихся Ему и умирающих с Ним тем способом, о котором уже было сказано.

П. Как глубоко слово Писания, и темно содержание закона!

К. Это потому, Палладий, что оно таинственно и есть как бы неясное начертание тени тонких и изощренных мыслей.

П. Ты хорошо сказал.

К. Три времени определил закон, в которые нам приличествует праздновать. *Три краты в лете сотворите Ми праздник*, говорит Бог. Так как о двух праздниках мы уже достаточно говорили, то хочешь ли, теперь скажем о том, какой третий праздник, и по какой причине он совершается? Ты уже слышал о причинах совершения каждого из тех: один из них совершался, и весьма пригодно, потому, что Христос даровал спасение, претерпев смерть ради спасения всех нас, а другой – потому, что, разрушив тление, Он воскрес и обновил нас для новой жизни. И время первого праздника было первым в месяцах года и приходилось в начале. К нему было близко и связано с ним время второго праздника, в которое наставала пора налагать серп на колосья, а также собирать и другие семена, которые бесчисленны в полях. Так теперь скажем, что следует, и о времени третьего праздника, весьма тщательно исследуя то, как и по каким причинам он должен быть совершаем, поищем сведение о нем в законе и заимствуем оное из

самых Священных Писаний; ибо таким образом слово наше направится к истине. Или тебе, быть может, кажется, что я говорю и рассуждаю неправильно?

П. Нет, совершенно правильно.

К. В книге Левит написано: *и рече Господь к Моисею, глаголя: рцы сыном Израилевым, глаголя: месяца седмаго, в первый день месяца, да будет вам покой*, вечная *память труб: наречен свят* Господу: *всякаго дела работня не сотворите, и принесете всесожжение Господу* (23, 24–25). Кажется, седьмой месяц указывает на последнее время, имеющее быть при скончании всего; ибо в седьмой месяц все нужно собирать с полей уже не на гумно, Палладий, но запирать в самые сокровищницы (житницы) каждого. Время плодоприношения уже проходит, наступает уже начало зимы, растения засыхают, и цветы увядают. Теперь, перенося касающееся времени на себя самих, скажем, что как сей век уже приходит к концу, и как бы уже наступает и приходит век будущий, в который любители греха необходимо будут наказаны, то каждый соберет от собственных трудов своих, если он благоразумен, и снесет в небесные сокровищницы, припомнив, что говорит Христос: *не скрывайте себе сокровищ на земли, идеже червь и тля тлит, и идеже татие подкапывают и крадут: скрывайте же сокровище на небеси* (Мф. 6, 19–20). Посему, когда Христос восстал из мертвых, слова святых тайноводителей приводят нам на память скончание века; ибо они отовсюду возвещают: *последняя година есть* (1 Ин. 2, 18; сн. Мф. 24, 3; 1 Кор. 7, 31 и др.); пусть каждый, говорят они, собирает свое имущество уже в сокровищницы небесные. Но в новомесячие, сказано, месяца, в который вы запираете плоды (в житницы), *да будет вам покой, память труб*: потому что каждый собирает в сокровищницы блага от собственных трудов и будет промышлять и заботиться о вечном блаженстве и покое, памятуя то, о чем говорит божественный Павел, а именно: *яко Сам Господь в повелении, во гласе Архангелове, и в трубе Божии снидет с небесе* (1 Сол. 4, 16); *вострубит бо*, — говорит он же, — *и мертвии востанут нетленни* (1Кор. 15, 52); *всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовым, да приимет кийждо, яже с телом, содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10). Посему будем помнить об этой священной и весьма страшной трубе, когда наступит и благознаменитый, нарочи-

тый святой праздник святых, когда они уже получат в удел уповаемое и приимут богатое возмездие за славные подвиги. Итак, необходимо, чтобы мы, востекая таковыми мыслями к высшей праведности, прекращали всякое дело, не могущее принести совершенно никакой пользы, — напротив, даже и оскверняющее. Об этом-то, я думаю, и сказал нам премудро Павел: *время прекращено есть прочее, да и имущии жены, якоже не имущии будут, и требующии мира сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 29 и 31).

П. Кажется, так.

К. Далее закон говорит, что *в десятый день седмаго месяца сего, день очищения, наречен свят да будет вам: и смирите души ваша, и принесите всесожжение Господу. Всякаго дела не сотворите в самый день сей: есть бо день очищения сей вам, умолити о вас пред Господем Богом вашим. Всяка душа, яже не покорится в день той, потребится от людей своих. И всяка душа, яже сотворит дело в самый день сей, погибнет душа та от людей своих: всякаго дела* служебного *не сотворите, законно вечно в роды ваша, во всех селениях ваших. Субботы суббот будут вам: и смирите души ваша от девятаго дне месяца от вечера даже до вечера субботствуйте субботы ваша* (Лев. 23, 27–32). Закон заповедал смирение и пост, принесение всесожжений, а равно и прекращение всякого дела, чрез пост изображая умерщвление плотских похотей, чрез всесожения же — принесение себя Богу в воню благоухания, не по частям, но всецело и всесовершенно; а чрез покой от дел и совершенное удаление от занятий закон превосходно назнаменует то, что нам не следует совершать уже ничего земного. Разве ты не думаешь, что те, которые достигли уже до скончания времен, которые памятуют об оной священной и последней трубе и имеют в мысли Судию, а посему и собирают в вышние сокровищницы богатство духовного плодоприношения своего, должны умерщвлять вожделения и являться высшими телесных страстей, даже более того, должны благоухать пред Богом добродетельным образом жизни и стараться далеко уходить и удаляться от суетных занятий? А это, полагаю, суть занятия мира сего и тягостное житейское попечение.

П. Думаю: как же иначе?

К. Что же? Разве победители страстей, умерщвляющие *уды, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую* (Кол. 3, 5), не принесут себя в воню благоухания Богу и не будут в числе всесожжений, делая это как бы некоторым выкупом и умилостивлением за собственные души?

П. И очень.

К. Итак, день поста Законодатель наименовал днем умилостивления, и весьма правильно и законно, так как он умерщвляет плоть и ее похоти, благоухает же видами добродетели. А тот, кто не прекращает всякого дела мирского, непременно и во всяком случае подвергнется крайним бедствиям, что закон ясно показал, говоря, что не постящийся, не приносящий всесожжения и оскорбляющий закон о неделании потребится от народа своего. Называя же время этого праздника субботою суббот, он дозволяет думать, что оно есть время неделания из неделаний, то есть всесовершенное и в полной мере применяемое отложение от дел, но ясно, что дел, клонящихся к порочности и греху: ибо, если прекращается век сей, и едва не стареет время, то какое уже значение может иметь для нас вообще стремление к суетности? Не более ли, напротив, мы будем благоразумны, если останемся в приятнейшем Богу неделании и совсем будем удаляться от наших хлопот?

П. Ты хорошо говоришь.

К. Затем еще постановляет: *и в пятыйнадесять день*, — говорит, — *месяца седмаго сего, егда скончаете жита земли, празднуйте Господу седмь дней: в день первый покой, и в день осмый покой: и да возмете себе в день первый плод древа красен, и ветвь финическую, и ветви древа частыя, и вербы, и агновы ветви от потока*[1] *и возвеселитеся пред Господем Богом вашим седмь дней в лето. Законно вечно в роды ваша, в месяц седмый празднуйте его* (Лев. 23, 39–41). Понимаешь ли теперь, что после уборки хлеба с полей в житницу, когда собраны плоды каждого, ближайшим праздником является славнейший праздник сооружения кущей, представляющий собою образ жизни в раю и возводящий человека к причастию первоначальных благ: ибо мы под сооружением кущей разумеем мысленное и истиннейшее сооружение тел человеческих и после происшедшего в проме-

---

[1] Ветви речной лозины, ивы.

жутке тления оживание их к нетлению. Покой полагался в день первый и восьмой, потому что прежде начального преступления, когда бедственнейший грех еще не вошел в нас и не наложил на нас поистине тягостного и неудобоносимого ига, мы проводили в раю, в лице Адама — начала и корня рода нашего, жизнь спокойную, свободную и чуждую всякого труда. Когда же пришел на землю Христос, то и промежуточное состояние трудов перешло опять в первоначальное состояние в восьмой день, то есть после субботствования по закону, или исполнения подзаконного времени, и мы, свергши с душ наших неудобоносимое и постыдное иго греха, успокоились от всякой тягости, так как нас призывает к сему чрез веру Христос и говорит: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Итак, днем покоя бывает первый день седмицы, указывающий на первоначальное время человека; но подобно тому днем покоя бывает и восьмой день, в который воскрес Христос, пригвоздивший к Своему кресту *еже на нас рукописание* (Кол. 2, 14), и один за всех умер, чтобы, избавив нас от смерти и грехов, освободить от наказания и трудов, и чтобы мы приобрели чрез Него первоначальный *покой* (Евр. 4, 11). *В день первый*, сказано, пусть возьмут себе *плод древа красень и ветвь финическую*, и иные из ветвей, из чего можно понять, как и само дело как бы громко вопиет, что во Христе Бог дает нам снова райские сладости, хотя мы и лишились их в промежуточное время вследствие начального преступления. В Адаме мы были изгнаны из Рая, но чрез Христа снова введены в него. Ты знаешь, что Он говорит повешенному с Ним разбойнику: *аминь глаголю тебе, днесь со Мною будеши в раи* (Лк. 23, 43): ибо Христос отвратил от нас оное вращающееся оружие (Быт. 3, 24), и наконец для верующих открылся вход в рай, так как Он все преобразовал в первоначальное состояние и восстановил в древнем положении. Ветви же с вечно цветущих растений означают собою непрерывность благодати и как бы неувядаемость надежды: *нераскаянна бо дарования и звание Божие*, согласно написанному (Рим. 11, 29). И поистине беспрерывно блаженство святых, как восклицает и премудрый Исаия, говоря: *радость вечная над главою их: хвала и веселие* вечное *приимет я, отбеже болезнь и печаль и воздыхание* (Ис. 35, 10). К законам об этом празднике

присоединено и повеление о том, чтобы веселиться от потока; ибо сказано, чтобы в последний день седмицы или в восьмой почерпнуть воды из потока и так веселиться уверовавшим. А мысленный и небесный поток есть Христос, свыше текущими источниками напаяющий души чтущих Его. Посему Он и говорит устами пророков: *се Аз уклоняю на ня, аки реку мира, и аки поток наводняемый, славу языков* (Ис. 66, 12). Восклицает также и божественный Давид к Богу всяческих и Отцу: *яко умножил еси милость Твою Боже: сынове же человечестии в кровъ крилу Твоею надеятися имут. Упиются от тука дому Твоего, и потоком сладости Твоея напоиши я* (Пс. 35, 8–9): ибо приличествует и весьма справедливо, гражданам райским богатно причащаться Христа и увеселяться обильными подаяниями Духа.

П. Конечно приличествует, и ты говоришь правильно.

К. Обрати также внимание на то, что этот праздник совершаем был только в одном Иерусалиме, и потому было совершенно необходимо, чтобы сюда собирались жители из всей Иудеи. И это могло быть знамением того, что все, проведшие славную и достохвальную жизнь, непременно соберутся в вышний град, небесный Иерусалим, и там будут присутствовать и праздновать вместе со Христом. А тем, которые остаются еще неверными и не приемлют благодати Воскресения, напротив, отвергли столь досточестное и глубокое таинство, предлежит осуждение на погибель, и во всяком случае угрожают всевозможные бедствия. Они пойдут на казнь. Свидетелем сего может быть верный пророк Захария, который говорит: *и будет, елицы аще не взыдут от всех племен земли в Иерусалим поклонитися Царю Господу Вседержителю, и сии онем приложатся. Аще же колено египетское не взыдет, ни приидет, и на сих будет язва, еюже поразит Господь вся языки, елицы аще не взыдут, еже праздновати праздник скинопигии* (Зах. 14, 17–18). Итак, вожделеннейшим праздником кущей мы должны будем считать Воскресение всех тел, имеющих начатком Христа, потому что Он назван *перворожденным из мертвых* (Кол. 1, 18) и поистине есть таков.

П. Ты рассуждаешь весьма правильно.

К. Но только вот что знай.

П. Что такое?

К. В приведенных нами недавно словах закона наименована была всегдашняя жертва, а также новомесячия, жертвы субботние, а равно и пост, и к тому еще многожеланный праздник кущей. При этом закон повсюду и на каждый из упомянутых случаев присовокупляет: *принесите всесожжения Господу.* Но какие могут быть у нас роды жертв, приличествующие новомесячию и субботам, также посту и празднику кущей, или в чем состоит всегдашняя жертва, об этом Законодатель умолчал в книге Левит, но пространно говорит о сем и с величайшею подробностию излагает сие в книге Чисел. Хочешь ли, мы скажем об этом, сколько возможно, разобрав каждое по частям?

П. Конечно, весьма хочу.

К. Написано так: *и рече Господь к Моисею, глаголя: заповеждь сыном Израилевым, и речеши к ним, глаголя: дары Моя, даяния Моя, приносы Моя, в воню благовония соблюдите приносити Мне на праздники Моя. И да речеши к ним: сия приношения, яже принесете Господу, агнцев единолетных непорочных два на день во всесожжение выну; агнца единаго* сотворишь *рано, и агнца втораго* сотворишь *в вечер. И да сотвориши десятую часть ефи (меры) муки пшеничны на жертву, вмешану в елеи четвертую часть (меры) ина. Всесожжение непрестанное, якоже бысть на горе Синайстей, в воню благовония Господу. И возлияние его четвертую часть (меры) ина агнцу единому: во святом да возлиеши возлияние сикеру Господу. И агнца втораго сотвориши к вечеру: по жертве его, и по возлиянию его да сотвориши, в воню благовония Господу* (Чис. 28, 1–8). Разумеешь ли, как Божественный закон в этих словах утверждает, что праздникам более всего приличествует возношение жертв: ибо я думаю, что мы всюду и во всяком случае во время их должны благоухать пред Богом образом жития нашего во Христе, являясь как бы вместо фимиама и принося самих себя Богу в благовонное всесожжение, согласно сказанному, полагаю, весьма правильно: *представите убо телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше* (Рим. 12, 1). А о том, что должно совершать всегдашнюю жертву, закон весьма хорошо говорит, когда дает повеление о заклании одного агнца утром, а другого к вечеру, причем с ними вместе воскуряема была пшеничная мука, а к ней присоединя-

лись елей и вино; потому что во всякое время и непрестанно, от начала и до конца, во святой скинии, то есть в Церкви, мы благоухаем во Христе всякою добродетелию. Что агнцы воскуряются утром и к вечеру, это может служить предызображением Того, Который ради нас и за нас восходит к Отцу во воню благоухания, а вместе с Собою возносит и жизнь уверовавших в Него, которая исполнена радостию в надежде на прочную славу и царство, и сверх сего будет исполнена веселием от вечных наслаждений. Знамением же такой жизни может служить пшеничная мука, напоенная елеем и орошенная вином. Это есть жертва спасения, подобная той, которая совершена была Моисеем на горе Синае. Именно, в книге Исход, после того как постановлены были законы Вседержителя Бога, касавшиеся всего, что должно было делать, написано: *обутрев же Моисей заутра, созда олтарь под горою, и дванадесять камений в дванадесять племен Израилевых; и посла юноши сынов Израилевых, и принесоша всесожжений, и жертву спасения Богу телцы* (Исх. 24, 4–5). Думаю, безразлично для смысла жертвы, называются ли приносимые в жертву агнцами или тельцами, потому что в тех и других сохраняется образ незлобия, что наиболее всего приложимо к лицу Христа, Который устами Иеремии говорил: *Аз же яко агня незлобивое ведомое на заколение, не разумех* (Иер. 11, 19). Если же кто захотел бы иначе разуметь совершаемое во святой скинии утреннее и вечернее жертвоприношение, то есть о времени человечества, благоухавшего прежде преступления Адамова и таковым же явившегося опять в последние времена во Христе и в жизни, сообразно Ему умопредставляемой, то он не уклонился бы от цели и рассуждал бы мудро; ибо таково дело по своему существу.

П. Я согласен.

К. Далее закон определяет и жертвы субботние, говоря тотчас же вслед затем: *и в день суббот приведете два агнца единолетна непорочна, и две десятины муки пшеничны, вмешаны в елеи на жертву и возлияние: всесожжения субботы в субботах, на всесожжение всегдашнее и возлияние его* (Чис. 28, 9–10). Не иной способ жертвоприношения и при этом по сравнению с тем, о котором недавно сказано: он совершенно тот же самый и не представляет никакого изменения. Но обрати внимание, Палладий, вот на что: всегдашняя жертва свя-

щеннодействуется непрестанно и по закону совершается всякий день; жертва же субботняя совершается не всякий день, но только в самые субботы. Итак, чтобы израильтяне, полагая, достаточною всегдашнюю жертву, совершаемую во всякий день, не оказались небрежными в отношении к принесению жертвы субботней, закон сделал необходимое прибавление: это есть *всесожжение субботы в субботах, на всесожжение всегдашнее и возлияние его.*

П. Так стало быть, кроме жертвы всегдашней, по закону священнодействуется еще и жертва субботняя?

К. Да, и в этом сомневаться нельзя; потому что и мы, субботствуя во Христе и вшедши в Его покой, как бы вдвойне имеем приносить Богу жертвы духовного благоухания, если не ложно то, что и у древнейших людей похваление подзаконною праведностию было благоуханно: ибо *закон духовен, и заповедь свята и праведна и блага*, по слову блаженного Павла (Рим. 7, 12 и 14). Но гораздо превосходнее житие во Христе, и субботствование в духе далеко лучше служит к благоуханию, нежели праведность подзаконная.

П. Ты хорошо сказал.

К. К этому еще закон присовокупляет: *и в новомесячиих да принесете во всесожжение Господу, телца два от говяд, и овна единаго, и агнцев единолетных седмь непорочных: три десятины муки пшеничны вмешаны в елеи телцу единому, и две десятины муки пшеничны вмешаны в елеи овну единому, по десятине муки пшеничны вмешаны в ѐлеи агнцу единому: жертву в воню благовония принос Господу. Возлияние их от вина пол (меры) ина да будет телцу единому: и третья часть (меры) ина да будет овну единому: и четвертая часть (меры) ина да будет агнцу единому: сие всесожжение от месяца да месяца в месяцы лета. И козла единаго от коз греха ради Господу, на всесожжение присное сотворите, и возлияние его* (Чис. 28, 11–15). Постоянная и непрестающая жертва, совершаемая каждый месяц, в новомесячия, совершается независимо от жертвы всегдашней, приносимой ежедневно. Но смысл новомесячий опять будет не простой. Здесь, очевидно, скрывается смысл таинственный. Под новомесячием мысленным и истиннейшим справедливо разумеется новый век во Христе, когда первый, подзаконный, миновал. А в ином смысле новомесячие может служить обра-

зом века будущего, следующего за настоящим, но еще не наступившего, а имеющего лишь началом своим Воскресение Христа, чрез которое мы перешли к обновлению, получив как бы в виде залога Духа благодати и несомненную надежду на нетленную жизнь, в блаженстве и освящении преобразуясь в первоначальное состояние и, как бы в обратном шествии своем, сообразуясь веку будущему. Какая же жертва приличествует новомесячиям, то есть новомесячию во Христе и мысленному, а равно и жизни, подобной жизни века будущего? — Эта жертва должна состоять в том, чтобы нам умирать для Бога и жить уже не в области греха, но совсем удаляясь от жития земного, чтобы жить со Христом. Так и божественный Павел пишет тем, которые освящены в Духе, оправданы во Христе и получили наставление в добродетелях будущего века, говоря: *аще умросте* во Христе, *почто аки живуще в мире стязаетеся?* (Кол. 2, 20) и еще: *умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда же Христос явится, живот* наш, *тогда и вы с Ним явитеся в славе* (Кол. 3, 3–4). Итак, смотри, что те, которые живут похвально, священноумирают для Бога в различной мере духовного благосостояния, и тотчас получают награду за свою одобрительную жизнь. Именно закалаются два тельца, и при них — один овен и семь агнцев, не имеющих порока. Посредством всех этих животных изображается нам общество святых, — посредством тельцов, как отличающееся высшею степенью добродетели, — под образом овна, как стоящие ниже и как бы на втором месте, а в образе агнцев, как занимающее еще меньшую и низшую степень. Тельцов два, потому что два народа; в средине один овен, по причине соединения обоих в едино во Христе. Далее, семь агнцев, потому что народ святых людей находится в совершеннейшей полноте. Будучи два и вместе одно по духовному единению, это общество по справедливости может считаться совершеннейшим; потому что весьма пространно стадо верующих и отличается простотою и младенчеством во Христе. Заметь также, что на одного тельца отделялось три десятины пшеничной муки и пол-ина, то есть шесть ксестов елея и вина, на овна же две десятины муки и третья часть ина возливаемых веществ. Наконец жертва при каждом из агнцев состояла из одной десятины муки, а воз-

лияние, то есть елей и вино, составляло четвертую часть ина: ибо равномерно трудам каждого и силе его добродетели будет определена Богом, Судиею праведным, и степень жизни в славе и блаженстве, а равно и в тучности, от Него даруемой, так же как и степень духовного веселия; потому что разве не часто мы говорили, что пшеничная мука служит образом жизни, елей — тучности, а вино — духовного веселия?

П. И очень.

К. К этим жертвам присоединяется еще козел, закалаемый за грехи, во образ Христа: ибо жертва наша становится приятною и угодною Богу по причине спасительного страдания Христова. А это, думаю, и означает то, что Сам Спаситель сказал святым Апостолам: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Итак, к нашим воскурениям необходимо присоединяется Христово, которое некоторым образом смешивается с нашими и вместе с собою возносит их к Отцу: ибо мы не иначе можем быть приняты, как только чрез одного Христа.

П. Ты сказал превосходно.

К. Это — жертвы, совершаемые в субботы и новомесячия; а *в месяц седмый,* — сказано, — *первый (день) месяца, нарочит свят да будет вам: всякаго дела служебна да не сотворите: день знамения будет вам. И сотворите всесожжения в воню благовония Господу, телца от волов единаго, овна единаго, агнцев единолетных седмь непорочных* (Чис. 29, 1–2). И три десятины пшеничной муки полагается на тельца, при соответственном количестве сопровождающего это и возливаемого, — разумею елея и вина, то есть половина еврейского ина, третья и четвертая часть его. Какое же значение сего праздника, это закон объясняет, говоря: *день знамения будет вам.* Именно, праздник этот указывает нам на последнюю трубу, которая будет трубить гласом Ангела, от которой воскреснут все мертвые и восстанут находящиеся во гробах, как мы говорили уже прежде. Повелел также, чтобы и в десятый день того же месяца, на который падал пост, изображающий собою умерщвление плотских похотей и удаление от земных страстей, совершать ту же самую жертву и по одинаковому с первым днем обряду. А какую имеет силу совершаемое в этот день со стороны приличествующего умозрениям смысла, об этом мы уже довольно сказали.

П. Помню.

К. Узаконяет также и то, какие могут быть совершаемы нами жертвы, приличные празднику кущей, и говорит: *и пятыйнадесять день седмаго месяца, нарочит свят да будет вам: всякаго дела служебна да не сотворите, и празднуйте той праздник Господеви седмь дней. И принесите всесожжения принос во воню благовония Господу: в первый день телцев от говяд тринадесять, овна два, агнцев единолетных четыренадесять: непорочны да будут. Жертвы их мука пшеничиа вмешана в елеи: три десятины телцу единому, тремнадесяти телцем, и две десятины овну единому, на два овна, по десятине агнцу единому, на четыренадесять агнцев. И козла единаго от коз греха ради: кроме всесожжения всегдашняго, жертвы их и возлияния их* (Чис. 29, 12–16). Затем, с уменьшением числа тельцов на каждый день по одному, жертвы совершаются по одинаковому обряду и в одинаковой мере: два овна, четырнадцать агнцев и один козел. И таким образом во второй день тельцов приносимо было двенадцать, в третий — одиннадцать, в четвертый — десять, в пятый —девять, в шестой — восемь и в седьмой — семь. Итак, замечаешь ли, что число тельцов каждый день уменьшается одним, число же овнов и агнцев и количество муки и возлияния остается одинаковым?

П. Что же это значит, друг мой? Почему тельцов в начале положено тринадцать, а потом на каждый день по одному уменьшается, овнов же постоянно два, агнцев — четырнадцать, с присоединением к жертвам еще и козла?

К. Не легко усмотреть, Палладий, смысл этих законоположений, и предмет этот, по своему свойству, не ясен. Однако я попытаюсь, сколько возможно, высказать то, что мне пришло на ум; а ты сам будешь направлять к лучшему то, в чем я буду уклоняться от цели.

П. Готов делать так.

К. Кажется, что Божественное постановление изображает нам, с одной стороны, детоводительство сынов Израилевых посредством закона, а с другой — призвание тех, которые чрез веру приведены к освящению. Таинственный образ жертвы, думаю, указывает на то, что можно различать два времени, в которые общество иудейское детоводимо было к богопознанию и житию, сообразному с законом. Какие же это могли быть времена, как не время, в которое был еще Моисей, Ии-

сус (Навин) и судии, и время, в которое были пророки до Иоанна Крестителя, имевшего, по слову Спасителя, преимущественное посланничество и служение пророческое? (Мф. 11, 9–11.) Но в эти два времени, как показывает Священное Писание, являлись люди, которые, хотя шествовали стезею жизни, похваляемою законом, однако не в равной мере, и не совсем одинаковою в отношении к духовной силе и благосостоянию. Одни обладали высшею силой, образом которой служит телец; другие — силою, представляемою как бы в средней мере. Знамением сего может служить овен. Третьи, сверх сих, — еще меньшею силою и в низшей мере, как несомненно это может представлять по самой телесной величине агнцев: ибо разве овен не меньше тельца, и агнец не уступает по величине овну?

П. Полагаю; как же иначе?

К. Итак, поименованные животные служат весьма ясным образом величины каждого, очевидно в добродетельной жизни. А поелику то, что преимуществует и является избранным, всегда числом бывает меньше того, что стоит на втором или на третьем месте, так как бывает редко, то по этой причине и полагается тринадцать тельцов, два[1] овна и четырнадцать агнцев. Поелику же два, сказали мы, было овна, то и число жертв было двойное: вместо семи агнцев полагается четырнадцать[2], а овнов — два. Разве не естественно было, чтобы много было досточтимых и святых людей, славных непорочностию со стороны подзаконной праведности, как несомненно написал нам божественный Евангелист о Захарии и Елисавете, что *беста праведна оба пред Богом, ходяще во всех заповедех и оправданиих Господних безпорочна* (Лк. 1, 6.)?

П. Согласен; ибо и Бог обвиняет матерь иудеев, говоря: *како бысть блудница град верный, Сион полн суда? в немже правда почиваше* (Ис. 1, 21).

К. Итак, существовала праведность по закону, в отношении к которой и было естественно, что существовали люди,

---

[1] На греческом δέκα — десять, но это очевидная ошибка.

[2] С греческого надлежало бы перевести: четырнадцать тельцов. Но это было бы неверно и несогласно с контекстом. Св. Кирилл говорит здесь о том, что в праздник кущей приносилось в жертву овнов и агнцев вдвое против обыкновенного праздничного приношения: вместо одного овна приносилось два, вместо семи агнцев — четырнадцать.

испытаннейшие в послушании Богу, хотя закон и не вполне совершал в освящении.

П. Ты хорошо сказал.

К. Таким образом, указывая на призвание Израиля, как бы на высшей, средней и низшей ступени, тельцы, овны, агнцы закалаемы были в жертву Богу; при этом число тельцов постепенно уменьшалось, так как и люди избранные, отличающиеся преимуществами и испытаннейшие постепенно уменьшались в числе, и время страдало их редкостию постоянно, даже до седьмого дня, то есть до времени пришествия Спасителя нашего, в которое наступило наконец субботствование в духе и прекращение дел, ведущих ко греху: ибо мы оправданы во Христе, когда настоящий век уже достиг конца. Знамением же этого может служить опять суббота, находящаяся в конце всей седмицы. Посему закон мудро останавливает на субботе принесение древних жертв, то есть подзаконное призвание и сообразное с ним священнодействие, и вместо него вводит как бы священнодействие во Христе, говоря: *и в день осмый исход будет вам: всякаго дела служебна да не сотворите в онь: и да принесете всесожжения в воню благовония Господу, телца единаго, овна единаго, агнцев единолетных седмь непорочных. Жертвы их и возлияния их, телцу и овну и агнцем по числу их, по уставу их. И козла от коз единаго греха ради: кроме всесожжения всегдашняго, жертвы их и возлияния их. Сия сотворите Господу в праздники ваша, кроме обетов ваших, и вольная ваша, и всесожжения ваша, и жертвы ваша, и возлияния ваша, и спасительная ваша* (Чис. 29, 35–39). Слышишь ли, как ясно говорит закон: *исход есть?* ибо как бы сделало исход свой служение в тенях и наставление в прообразе в день восьмой, в который воскрес Христос и наступило время обрезания в духе. Исключено древнее общество призванных, так как недуговало виною неверия; но зато как бы возник новый народ, и отличающийся духовною крепостию, как телец, и пользующийся славою совершенства в полноте возраста, подобно овну, и сияющий высшею красотою младенчества во Христе и незлобия, каков агнец, если и его считать в числе совершеннейшем: ибо на таковое совершенство указывают слова, что число *агнцев седмь.* Затем следует также и козел; ибо во Христе и он стяжавает славу чрез веру,

вместе с ним восходя к Богу в вонию благоухания, как мы об этом часто говорили.

П. Это так.

К. А что мы будем субботствовать во Христе, вошедши в покой чрез прекращение мирских занятий, не удерживаемые более земными заботами, а напротив наслаждаясь *Господеви,* как написано (Пс. 36, 4), и имея у Него избранный жребий, это Бог объявляет, говоря в книге Левит священнотаиннику Моисею: *глаголи сыном Израилевым, и речеши к ним: егда внидете в землю, юже Аз даю вам, и почиет земля, юже Аз даю вам, субботы Господу. Шесть лет да сееши ниву твою, и шесть лет да режеши виноград твой, и собереши плод его. В седмое же лето суббота, покой да будет земли, суббота Господня: нивы твоея сеяти, и винограда твоего резати не будеши. И сама собою произрастающая нивы твоея да не пожнеши, и винограда отлучения твоего не собереши: лето покоя будет земли. И будут субботы земли яди тебе, и рабу твоему, и рабыни твоей и наемнику твоему, и обиталнику прилежащему к тебе: и скотом твоим, и зверем сущим на земли твоей да будет всяк плод его в снедь. И исчислиши себе седмь лет покоя, седмь лет седмижды: и будут тебе седмь седмин лет, четыредесять девять лет. И возвестите трубным гласом во всей земли вашей месяца седмаго в десятый день месяца: в день очищения возвестите трубою во всей земли вашей. И освятите лето, пятьдесятое лето, и разгласите оставление на земли всем живущим на ней: лето оставления знамение сие будет вам: и да отъидет кийждо в притяжание свое, и кийждо во отечество свое отъидете* (25, 2–10). Понимаешь ли, что закон дозволяет пахать землю и сеять, и возделывать виноград только до седьмого года? В седьмой же год он повелевает оставить заботу о сем: ибо мы, субботствуя во Христе, успокаиваемся, оставляя заботу о земном и совсем удаляясь от суетных попечений. *Седмь седмин лет,* то есть во веки веков, всегда мы будем наслаждаться уготованными и предлежащими нам благами, очевидно данными нам от Бога и духовными, и совершать праздник. Временем отпущения будет для всех нас, живущих по всей вселенной, последнее время, когда и *отъидет кийждо в притяжание свое*, то есть в приличествующий ему и назначенный от Бога удел: ибо как

различны роды жизни святых, так же и различны и виды наград, так как Бог соответственно деяниям каждого соразмеряет и воздаяние. Упомянуто также и о трубе, провозвещающей это: потому что временем нашего субботствования, очевидно во Христе, а равно и отпущения, и дарования удела будет Воскресение из мертвых, имеющее в свою пору совершиться по звуку трубному и гласу Ангела,— когда и светлый сонм святых услышит Христа, говорящего: *приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34), которое и мы да получим благодатию и человеколюбием Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Богу и Отцу слава со Святым Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ